S 77/434

СОМНИТЕЛЬНЫЯ

ДУШЕВНЫЯ СОСТОЯНІЯ

ПЕРЕДЪ СУДОМЪ.

S 77
434

СОМНИТЕЛЬНЫЯ

ДУШЕВНЫЯ СОСТОЯНІЯ

ПЕРЕДЪ СУДОМЪ.

Судебно-медицинскія мнѣнія,

ОБРАБОТАННЫЯ

ДЛЯ ВРАЧЕЙ И СУДЕЙ

докторомъ **К. Лиманомъ,**

профессоромъ и штадтъ-физикомъ въ Берлинѣ.

Переводъ съ нѣмецкаго.

оф.32-3312

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія А. М. Котомина. Невск. просп., д. № 18.
1871.

Op.32-3312

2007043209

Содержаніе.

Введеніе. Стр.

Вступленіе. — Постановка вопросовъ судомъ и отвѣтъ врача. — Способность ко вмѣненію. — Уменьшенная и частная способность ко вмѣненію.—Основанія медицинскаго рѣшенія. 1

I Судебно-медицинскія мнѣнія, представленныя уголовному суду. 19

1. Сомнительная способность ко вмѣненію, обусловленная мозговыми разстройствами, причиненными эпилепсіей 20

Случай 1. Смертоубійство.—Послѣдующее отупѣніе.—Меланхолія.—Галлюцинаціи вслѣдствіе эпилепсіи. (Бреннеръ). 22

Случай 2. Убійство собственнаго ребенка и покушеніе на самоубійство.—Меланхолія безъ ложныхъ представленій.—Эпилепсія.—Слабоуміе.—Неспособность ко вмѣненію. (Массъ) 32

Случай 3. Нарушеніе спокойствія. — Эпилептическое головокруженіе.—Вѣроятная причинная связь. (Ретлейнъ) 44

Случай 4. Сопротивленіе властямъ. — Приступъ бѣшенства, вслѣдствіе эпилептическихъ припадковъ (Габріэль) 46

Случай 5. Воровство вслѣдствіе эпилептическихъ припадковъ. (Швейцеръ) 47

Случай 6. Публичный соблазнъ, оскорбленіе стыдливости.—Эпилептическое головокруженіе. (Вейнландъ) 49

Случай 7. Сопротивленіе полиціи.—Эпилептическое головокруженіе. (Вальтеръ) 57

Случай 8. Похищеніе.—Бродяжничество.—Эпилепсія. (Вейсъ) . . 63

Случай 9. Поджогъ и воровство.—Слабоуміе вслѣдствіе эпилепсіи.—Неспособность ко вмѣненію (Клостерманъ) 69

Случай 10. Воровство.—Слабоуміе вслѣдствіе эпилепсіи.—Неспособность ко вмѣненію. (Данцеръ) 86

Случай 11. Обманъ.—Слабоуміе вслѣдствіе эпилепсіи. (Пробстъ) . 91

Случай 12. Неоднократныя поддѣлки документовъ, обманъ и воровство.—Подозрѣніе въ притворствѣ.—Неспособность ко вмѣненію. (Рейтдорфъ). 96

Стр.

Случай 13. Многочисленныя поддѣлки и обманы.—Душевная болѣзнь обнаружившаяся внезапно въ тюрьмѣ.—Подозрѣніе въ притворствѣ.—Наблюденія въ домѣ умалишенныхъ въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ.—Сомнительный результатъ. — Предполагаемая эпилепсія.—Отсутствіе слабоумія.—Способность ко вмѣненію во время совершенія поступковъ. — Способность къ судимости. (Овилье) 102

Случай 14. Неоднократные подлоги. — Обнаруженіе душевной болѣзни во время ареста.—Выздоровленіе.—Способность къ судимости. (Шмидтъ) 117

Случай 15. Мнимыя эпилептическія судороги.—Способность выдержать заключеніе въ тюрьмѣ 120

Случай 16. Воровство.—Бездоказательное опредѣленіе неспособности ко вмѣненію вслѣдствіе пляски св. Витта. (Цитенъ) 121

2. Сомнительная способность ко вмѣненію, обусловливаемая умственнымъ разстройствомъ вслѣдствіе истерики 124

Случай 17. Сопротивленіе должностному лицу.—Оскорбленіе величества.—Истерика.—Легкая степень слабоумія.—Отсутствіе причинной связи съ преступнымъ дѣйствіемъ.—Уменьшенная способность ко вмѣненію (Зетцкронъ) 126

Случай 18. Клятвопреступленіе.—Умственное разстройство во время катаменіальнаго періода. — Недостаточная причинная связь съ вмѣняемымъ поступкомъ.—Способность ко вмѣненію (Гандтъ). 128

Случай 19. Многократныя мошенничества и обманы.—Бродяжничество.—Многократныя симуляціи физическихъ болѣзней, съ истерическимъ осложненіемъ. — Помѣшательство. — Неспособность къ судимости. (Шнейдеръ-Винклеръ). 135

3. Сомнительная способность ко вмѣненію, обусловленная душевнымъ разстройствомъ вслѣдствіе ипохондріи и меланхоліи . . . 159

Случай 20. Самоубійство.—Ипохондрія вслѣдствіе болѣзни сердца. (ф. Дельфтъ) 160

Случай 21. Возбужденіе публичнаго соблазна оскорбленіемъ стыдливости.—Осужденіе въ первой инстанціи.—Признаніе подсудимаго во второй инстанціи способнымъ ко вмѣненію. — Осужденіе.—Повтореніе проступка.—Меланхолія съ переходомъ въ слабоуміе.—Неспособность ко вмѣненію. (Ринкъ) 173

Случай 22. Убійство трехъ человѣкъ.—Помѣшательство съ идеями о преслѣдованіи (Mania occulta) (Дирзусъ). 187

Случай 23. Оскорбленіе должностныхъ лицъ. — Помѣшательство съ идеями о преслѣдованіи. (Кронъ) 191

Случай 24. Оскорбленіе должностныхъ лицъ.—Помѣшательство съ идеями о преслѣдованіи.—Неспособность ко вмѣненію. (Цутеръ). 194

Случай 25. Оскорбленіе должностныхъ лицъ.—Неспособность ко вмѣненію.—Новое изслѣдованіе по прошествіи трехъ лѣтъ.—Способность къ судимости. (Ратштокъ) 199

Стр.

4. Сомнительная способность ко вмѣненію, по причинѣ умственнаго разстройства вслѣдствіе органическихъ болѣзней мозга. . . 202

Случай 26. Воровство.—Общій параличъ.—Невмѣняемость. (Залишъ) 204

Случай 27. Поддѣлки документовъ и обманы. — Апоплектическіе удары съ легкими признаками manie des grandeurs.—Ремиссія.—Признаніе способности къ распоряженію. Новые случаи обмановъ.—Развившійся параличъ. — Неспособность ко вмѣненію. (Вутки) 205

Случай 28. Попытка къ подкупу должностнаго лица. — Апоплектическій параличъ.—Слабоуміе. — Неспособность ко вмѣненію.—(Дитманъ) 213

Случай 29. Сомнѣніе въ томъ, можно ли считать заслуживающими довѣрія показанія относительно обвиненія въ воровствѣ. — Ослабленіе умственныхъ способностей вслѣдствіе апоплексіи. (Лангеръ) 215

5. Сомнительная способность ко вмѣненію обусловленная душевнымъ разстройствомъ вслѣдствіе поврежденій головы 220

Случай 30. Утайка. — Болѣзнь мозга вслѣдствіе поврежденія головы.—Неспособность ко вмѣненію. (Гаушильдъ) 220

Случай 31. Попытка къ убійству.—Поврежденіе головы. — Способность ко вмѣненію. (Бонвенъ) 224

6. Сомнительная способность ко вмѣненію обусловленная мозговымъ разстройствомъ вслѣдствіе хроническаго отравленія алкоголемъ 270

Случай 32. Поддѣлка.—Хроническій алкоголизмъ. — Неспособность ко вмѣненію. (Гельманъ). 272

Случай 33. Оскорбленіе величества.—Хроническій алкоголизмъ. — Тупоуміе.—Неспособность ко вмѣненію (Тиле) 278

Случай 34. Преднамѣренное нанесеніе раны.—Хроническій алкоголизмъ.—Delirium potatorum. — Систематизированныя безумныя представленія. — Неспособность ко вмѣненію. (Зуцка) . . . 280

Случай 35. Покушеніе къ убійству жены. Хроническій алкоголизмъ. Безумныя представленія.—Неспособность ко вмѣненію (Ретлихъ) 293

7. Сомнительная способность ко вмѣненію, обусловленная состояніемъ психической слабости.

а) вслѣдствіе вліянія наслѣдственности 298

Случай 36. Оскорбленіе величества.—Помѣшательство. — Неспособность ко вмѣненію (Лабунскій) 303

Случай 37. Поддѣлки документовъ и утайки. — Помѣшательство. — Неспособность ко вмѣненію. (Крестовъ) 324

Случай 38. Кражи.—Folie circulaire. — Неспособность ко вмѣненію. (Митке) 343

Случай 39. Многократные случаи обмановъ.—Слабость умственныхъ способностей.—Уменьшенная способность ко вмѣненію (Куртъ) 348

Случай 40. Безстыдные поступки съ дѣтьми.—Тупоуміе.—Неспособность ко вмѣненію. (Шмиде) 360

Стр.

Случай 41. Воровство. — Тупоуміе. — Неспособность ко вмѣненію. (Ф. Боцъ) 364

b) Вслѣдствіе пріобрѣтеннаго тупоумія, отъ иной какой нибудь, или отъ неизвѣстной причины.

Случай 42. Воровство.—Слабость умственныхъ способностей послѣ предшествовавшей острой болѣзни. — Неспособность ко вмѣненію. (Бернарди) 368

Случай 43. Воровство.—Тупоуміе послѣ предшествовавшей острой болѣзни.—Неспособность ко вмѣненію (Клара Шмитдъ) . . . 372

Случай 44. Воровство — Тупоуміе отъ неизвѣстной причины. — Неспособность ко вмѣненію. (Литце). 374

Случай 45. Клятвопреступленіе. — Тупоуміе отъ неизвѣстной причины.—Неспособность къ судимости. (Венцель) 376

Случай 46. Блудодѣйство съ дѣтьми. — Тупоуміе. Неспособность ко вмѣненію (Эвертъ) 380

Случай 47. Похищеніе.—Тупоуміе послѣ предшествовавшей душевной болѣзни.—Неспособность къ судимости. (Мейеръ) . . . 382

8. Сомнительная способность ко вмѣненію, обусловленная глухонѣмотой 384

Случай 48. Убійство.— Глухонѣмота.—Уменьшенная способность ко вмѣненію. (Тепперъ) 385

II. Судебно-медицинскія мнѣнія, представленныя гражданскому суду 396

Случай 49. Сомнительная способность къ распоряженію.—Слабость умственныхъ способностей.—Продолженіе опеки (Арнольдъ) . 397

Случай 50. Сомнительная способность къ распоряженію. — Тупоуміе.—Продолженіе опеки (Видеманъ) 407

Случай 51. Сомнительная способность къ распоряженію,—Помѣшательство на преслѣдованіи.—Продолженіе опеки. (Мандтъ) . . 410

Случай 52. Сомнительная способность къ распоряженію. — Снятіе опеки (Лерхенштейнъ) 412

Случай 53. Сомнительная способность къ распоряженію. — Выздоровленіе.—Освобожденіе изъ подъ опеки. (Борнусъ) 414

Случай 54. Сомнительная способность къ распоряженію. — Выздоровленіе.—Снятіе опеки. (Фрейзакъ) 416

Случай 55. Сомнительная способность къ распоряженію. — Многократное изслѣдованіе.—Освобожденіе изъ подъ опеки. (Ланге). 417

Случай 56. Сомнительная способность къ отправленію должности адвоката и нотаріуса. (Цитвицъ) 422

Случай 57. Способенъ ли изслѣдуемый принять присягу (Цухе)? . 426

Случай 58. Способенъ ли изслѣдуемый воспитывать свою дочь? (Любске) 428

Предисловіе.

Обнародывая нижеизложенныя мнѣнія, я очень хорошо сознаю, что вступаю въ самую трудную область Судебной медицины.

Я не имѣю претензіи представить образцы мнѣній, такъ какъ мнѣнія эти, само собой разумѣется, относятся къ различному времени и теперь я за многое взялся бы иначе и обсудилъ бы иначе, чѣмъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Но, я полагаю, это не помѣшаетъ моимъ товарищамъ по профессіи, равно какъ и юристамъ, замѣтить все фактически важное и интересное, заключающееся въ этихъ мнѣніяхъ.

Прошу снисхожденія къ моему субъективному взгляду на факты и къ обсужденію ихъ и надѣюсь, что тѣ, кому по опыту извѣстно трудное и отвѣтственное положеніе судебнаго врача, не откажутъ мнѣ въ этомъ снисхожденіи.

Если будетъ признано, что я, слѣдуя новымъ точкамъ зрѣнія психіатріи, старался удовлетворить судебной цѣли безъ обременѣнія медицинской совѣсти, и что факты, представленные мною, настолько поучительны и интересны, что привлекли вниманіе читателей, то цѣль моего труда достигнута.

Лиманъ.

ВВЕДЕНІЕ.

Вступленіе.—Постановка вопросовъ судомъ и отвѣтъ врача.—Способность ко вмѣненію.—Уменьшенная и частная способность ко вмѣненію.—Основанія медицинскаго рѣшенія.

Новѣйшія изысканія въ области физіологіи и паталогіи нервной системы и все болѣе и болѣе укореняющееся убѣжденіе въ томъ, что душевныя болѣзни составляютъ только часть болѣзней мозга и нервовъ, придали въ новѣйшее время нервнымъ болѣзнямъ и мозговымъ аномаліямъ, прямо или косвенно вліяющимъ на психическія мозговыя функціи, гораздо бо̀льшее значеніе передъ судомъ противъ прежняго.

Нынѣ уже не признаютъ существованія отдѣльныхъ, самостоятельныхъ душевныхъ способностей и возможности ихъ независимаго другъ отъ друга заболѣванія, которымъ объяснялись мономаніи и непреодолимыя болѣзненныя влеченія. Вмѣсто этого, убѣдились въ солидарности душевныхъ способностей между собою и въ томъ, что ощущеніе и качество его существенно управляютъ представленіемъ и желаніемъ. Вслѣдствіе этого, сдѣлалось также понятнымъ, какъ болѣзненныя настроенія и душевныя разстройства могутъ вредить свободѣ желанія преимущественно количественнымъ усиленіемъ или задержкой представленій, или нарушеніемъ равновѣсія въ представленіяхъ, безъ видимаго умственнаго разстройства,—именно безъ обнаруженія безумныхъ идей или обмановъ чувствъ.

Общность причинъ и взаимный наслѣдственный переходъ установили убѣжденіе въ существованіи внутренней связи нѣкоторыхъ нервныхъ болѣзней (эпилепсіи, истерики, ипохондріи, алкоголизма и пр.) съ болѣзнями душевными.

Фактъ существованія этой связи, вмѣстѣ съ болѣе точнымъ изученіемъ общаго паралича, съ признаніемъ замѣна однѣхъ болѣзней другими и переходовъ однѣхъ въ другія, а всего болѣе знаніе зависимости умственныхъ разстройствъ отъ наслѣдственности и болѣзненнаго расположенія, расширивъ кругъ зрѣнія на душевныя болѣзни, требуютъ, чтобы поступки, вмѣняемые людямъ въ преступленіе, были разсматриваемы, кромѣ философско-психологической точки зрѣнія и съ другихъ, именно, чтобы было обращаемо вниманіе на возможность ихъ патологическаго происхожденія. Вмѣстѣ съ этимъ, возникаетъ требованіе, чтобы границы неотвѣтственности передъ судомъ были расширены болѣе, чѣмъ допускаютъ это даже лучшія законодательства, которыя критеріемъ для сужденія объ ней принимаютъ способность различать добро отъ зла, или способность обсуждать послѣдствія своихъ поступковъ.

Извѣстно, что по этой причинѣ мнѣнія врачей нерѣдко приходятъ въ разнорѣчіе съ воззрѣніями законодателей и ихъ сторонниковъ, чѣмъ и возбуждается нѣкоторое недовѣріе къ этимъ мнѣніямъ. Юристы говорятъ, что врачи на каждую преступную страсть накладываютъ печать сумасшествія и, слѣдовательно, каждаго преступника признаютъ умственно-разстроеннымъ. Такимъ же образомъ, будто бы врачи бываютъ виноваты въ томъ, что у человѣка несправедливо отнимается право распоряжаться своимъ имѣніемъ и дѣлами. Различіе той и другой точки зрѣнія сдѣлается яснѣе, когда мы приведемъ подлинныя выраженія обѣихъ сторонъ объ этомъ предметѣ.

Англійскій коронный прокуроръ, баронъ Мартинъ *), говоритъ:

Душевно больной, пока онъ еще въ состояніи понять, что поступокъ, совершаемый имъ, есть преступленіе, отвѣчаетъ за него и

*) Doubl. Journ. of med. 1866.

долженъ быть также наказанъ, какъ и обыкновенный преступникъ."

„Если даже обвиняемый страдаетъ безумными представленіями, онъ все-таки отвѣтственъ за свои поступки, когда кругъ его ложныхъ представленій ограниченъ, когда онъ въ остальномъ здоровъ и во время совершенія поступка сознавалъ его преступность."

„Отвѣтъ присяжныхъ долженъ сообразоваться съ качествомъ представленій обвиняемаго. Если онъ страдаетъ однимъ только ложнымъ представленіемъ и въ остальномъ здоровъ, тогда должно судить о его отвѣтственности съ его точки зрѣнія, т. е. какъ будто бы обстоятельства были дѣйствительно таковы, какими онъ себѣ ихъ представилъ. Если, напримѣръ, подсудимый, въ силу ложнаго представленія, былъ убѣжденъ, что кто-нибудь покушался на его жизнь и онъ убилъ его, изъ самозащиты, то за это его нельзя сдѣлать отвѣтственнымъ. Но когда, подъ вліяніемъ ложныхъ представленій, онъ полагалъ, что кто-нибудь повредилъ ему въ отношеніи его общественнаго положенія, добраго имени, имущества и т. п. и онъ, изъ мести за этотъ мнимый вредъ, убилъ его, то онъ долженъ быть наказанъ."

Подобнымъ же образомъ, въ нѣкоторомъ отношеніи, выразился прусскій оберъ-прокуроръ въ приказѣ прокурорамъ своего округа (*):

„Что касается до душевныхъ состояній безумія или слабоумія, то учебники судебной медицины представляютъ цѣлый рядъ болѣзненныхъ состояній отъ простаго извращенія умственныхъ способностей и глупости, отъ mania occulta и mania partialis до бѣшенства; далѣе, отъ ограниченности ума, тупости до полнаго тупоумія и слабоумія. Но всѣ эти состоянія имѣютъ юридическое значеніе только тогда, когда они доходятъ до степени безумія или слабоумія. Такимъ образомъ, на судѣ, рѣчь о спутанности или о заблужденіяхъ ума можетъ быть только тогда, когда состоянія эти пріобрѣтаютъ характеръ слабоумія или безумія и совершенно уничтожаютъ свободу воли (!).

Поэтому, предполагаемое нарушеніе душевной жизни или ду-

*) Archiv f. preuss. Strafrech. II, S. 125.

шевная болѣзнь, въ вопросахъ присяжнымъ можетъ быть обозначаема только какъ безуміе или слабоуміе.“

Выслушаемъ теперь другую сторону.

Морель *), одинъ изъ знаменитѣйшихъ французскихъ психіатровъ, говоритъ:

„Опытъ учитъ, что кромѣ душевныхъ болѣзней собственно, какъ ихъ описываютъ въ книгахъ, наблюдаютъ въ сумасшедшихъ домахъ и понимаютъ въ общежитіи, совершается множество поступковъ, которые своей странностью, опаснымъ характеромъ и неестественностью причиняютъ судейской совѣсти мучительныя затрудненія. Въ подобныхъ случаяхъ иногда и наука не рѣшается произнести своего сужденія о томъ, есть ли тутъ душевная болѣзнь или нѣтъ, но для спеціалиста болѣзнь эта выдаетъ себя тѣми явленіями, которыя сопровождаютъ начало и развитіе ея.

„Судебно-медицинскія мнѣнія приводится давать не только о слабоумныхъ, безумныхъ или неистовыхъ, но иногда и о такихъ больныхъ, умственныя способности которыхъ только ослаблены вслѣдствіе врожденной или пріобрѣтенной умственной тупости.

„Мы должны убѣдить судей, что и поступки людей, повидимому вполнѣ разсудительныхъ, нерѣдко служатъ уже признакомъ ихъ умственнаго разстройства. Есть умалишенные, которые обладаютъ остротой памяти; другіе даже могутъ вести разумный разговоръ, какъ здоровые, такъ что, какъ уже Павелъ Закхіасъ замѣтилъ, ихъ сумасшествіе обнаруживается болѣе въ поступкахъ, чѣмъ въ словахъ.“

Далѣе послушаемъ Крафтъ Эбинга **).

„Есть такіе люди, которые страдаютъ только психической угнетенностью, безъ безумныхъ представленій и, повидимому, вполнѣ обладаютъ умственными способностями, но здоровье которыхъ потрясено гораздо глубже, чѣмъ полагаютъ судьи и врачи; они гораздо опаснѣе, какъ для себя, такъ и для общества, чѣмъ явно помѣшанные, которыхъ отличитъ каждый профанъ.“

*) Traité de médicine legale des alienés. Paris. 1866.

**) Kraft-Ebing: Beiträge zur Erkennung der richtigen forens. Beurtheilun krankhafter Gemüthszustände. Erlangen, 1867.

Такимъ образомъ, съ одной стороны твердо придерживаются общаго критерія для всѣхъ душевныхъ нарушеній, на сколько таковыя признаются судомъ, съ другой же признаютъ критерій этотъ несущественнымъ и недостаточнымъ.

Уничтожить эту пропасть — дѣло будущихъ законодательствъ.

Такое положеніе дѣла можетъ послужить извиненіемъ автору, если послѣдующія мнѣнія покажутся одному слишкомъ обширными, другому же недостаточно обширными. Особенное вниманіе въ нихъ было обращаемо на выполненіе судебной цѣли безъ обремененія медицинской совѣсти.

Хотя я положительно того мнѣнія, что судебный врачъ долженъ пріобрѣтать свои психологическія познанія прямымъ изученіемъ въ домахъ умалишенныхъ, но все-таки его положеніе, какъ оффиціальнаго эксперта, совсѣмъ иное, чѣмъ положеніе приглашеннаго на судъ, при случаѣ, психіатра, для подачи мнѣнія о бывшемъ подъ его наблюденіемъ больномъ. Поле, на которомъ онъ подвизается, другое. Онъ не передъ желающей учиться аудиторіей, но въ залѣ суда, между состязающимися партіями. Его поле не палата въ домѣ сумасшедшихъ, гдѣ онъ можетъ предаться неторопливому наблюденію и гдѣ все приноровлено къ этой цѣли, но тюрьма, служащая для этого только случайно. Отъ этого для судебнаго врача проистекаютъ еще другія затрудненія, кромѣ главныхъ, лежащихъ въ сущности дѣла, о которыхъ я сейчасъ буду говорить.

Попытаемся же прослѣдить ихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ изложить общія правила, которыми я руководился при подачѣ слѣдующихъ мнѣній.

1. Постановка вопросовъ судомъ и отвѣтъ врача.

Замѣчателенъ тотъ фактъ, что судьи, съ бо́льшимъ числомъ которыхъ мнѣ случалось встрѣчаться во время моей должностной дѣятельности, ставятъ вопросъ — по крайней мѣрѣ въ Берлинѣ — такимъ образомъ: „Былъ ли подсудимый способенъ ко вмѣненію во время совершенія поступка, въ которомъ онъ обвиняется,“ и почти

никогда не формулируютъ вопроса въ точности по § 40 Устава: *) „Былъ ли подсудимый одержимъ безумiемъ или слабоумiемъ во время совершенiя преступнаго дѣйствiя?“

Не можетъ быть, чтобы это была простая случайность или произволъ; напротивъ, мнѣ кажется, что причины этого лежатъ глубже, именно въ измѣнившихся юридическихъ воззрѣнiяхъ на отвѣтственность душевно больныхъ передъ закономъ.

Въ одномъ предписанiи отъ 18 iюля 1855 года, Оберъ-Трибуналъ говоритъ: статья 40 Судебнаго Устава не имѣетъ цѣлью ограничить судебнаго опредѣленiя о неспособности подсудимаго ко вмѣненiю только приведенными тамъ душевными разстройствами (безумiемъ и слабоумiемъ), напротивъ, судъ можетъ поставить это опредѣленiе и тогда, когда при судопроизводствѣ откроются другiя состоянiя, исключающiя способность вмѣненiя (или когда существованiе ихъ будетъ опредѣлено по заявленiю обвиняемаго или защитника).“ Хотя въ этомъ указѣ прибавлено потомъ, что опредѣленiе „душевной болѣзни“ слишкомъ обще, но этимъ, конечно, не отмѣняется прежде сказанное, а только выражается требованiе, чтобы душевная болѣзнь, исключающая вмѣненiе, была точнѣе обозначаема.

Далѣе, къ тѣмъ вопросамъ о фактѣ, которые должны рѣшать присяжные, относится также и вопросъ о способности ко вмѣненiю. Судящiй по своему убѣжденiю присяжный не можетъ быть связанъ юридическимъ опредѣленiемъ безумiя и слабоумiя, но онъ самъ рѣшаетъ, эти ли состоянiя или другiя исключили способность ко вмѣненiю.

Вопросы о способности ко вмѣненiю, предлагаемые врачу, должны заключаться только въ томъ, нѣтъ ли *патологическихъ* моментовъ, которые имѣли или, по крайней мѣрѣ, могли имѣть вліянiе на вмѣняемость поступка, дѣйствуя въ данномъ случаѣ на человѣка угнетающимъ образомъ и уничтожая или уменьшая свободу его рѣшенiй и поступковъ. Врачъ не долженъ касаться прочихъ критерiевъ, которыми въ глазахъ судьи обусловливается неотвѣтствен

*) Всѣ ссылки на прусскiе законы.

ность передъ закономъ по причинамъ психологическимъ (насиліе, угрозы, страхъ, самозащита, страстныя душевныя волненія). Онъ долженъ касаться только болѣзни, т. е. психическаго недостатка и отношенія, въ которомъ находится эта болѣзнь къ преступному дѣйствію.

Если вопросъ поставленъ такимъ образомъ, а судья иначе ставить его и не можетъ, то я вовсе не вижу, почему врачъ не долженъ отвѣчать на этотъ вопросъ.

Я вступаю при этомъ въ противорѣчіе съ лучшими авторами (именно между прочимъ съ Гризингеромъ), которые совѣтуютъ врачу отказываться отъ отвѣта на этотъ вопросъ, какъ не касающійся его компетентности. Но если врачъ въ состояніи представить судьѣ вполнѣ обработанный матеріалъ для отвѣта на этотъ вопросъ, то дѣло сводится только къ неважному и тонкому спору о словахъ; если же онъ, какъ часто бываетъ, не можетъ съ клинической точностью представить этіологіи и патогеніи даннаго случая, то все-таки, съ медицинской точки зрѣнія и на основаніи медицинскихъ данныхъ, можетъ же онъ составить свой взглядъ на вмѣняемость поступка не съ строго-юридической, а съ популярной точки зрѣнія, и если его спросятъ, обязанъ также развить этотъ взглядъ передъ судьей, какъ и всякое другое судебно-медицинское мнѣніе.

Врачъ, по моему мнѣнію, тѣмъ менѣе долженъ опасаться придерживаться этой точки зрѣнія, что, съ одной стороны, онъ даетъ только техническое *мнѣніе*, а не *приговоръ*; съ другой же стороны не одному ему, но и каждому технику, смотря по свойству дѣла, приходится подавать свои мнѣнія, т. е. популярные выводы изъ техническихъ данныхъ. Какая же разница между врачемъ, котораго спрашиваютъ о томъ, годенъ ли человѣкъ къ работѣ, или можетъ ли онъ выдержать шестимѣсячное тюремное заключеніе, и сапожникомъ, отъ котораго требуется заключеніе о годности пары сапогъ? Какъ въ первомъ случаѣ судья ничего не можетъ извлечь для себя изъ отвѣта, что здоровье человѣка въ такомъ-то отношеніи и въ такой-то степени разстроено, такъ и во второмъ случаѣ, его не можетъ удовлетворить отвѣтъ, что сапоги въ такомъ-

то отношеніи сработаны неудовлетворительно. Въ равной мѣрѣ онъ вовсе не можетъ воспользоваться и тѣмъ отвѣтомъ, дальше котораго врачу идти не позволяютъ, именно что „человѣкъ не нормаленъ.“ Для того, чтобы мнѣніе врача имѣло для судьи значеніе, нужно, чтобы было выяснено отношеніе найденной душевной болѣзни къ вмѣняемому въ преступленіе поступку и чтобы къ этому присоединено было заключеніе, какъ прямой отвѣтъ на вопросъ судьи.

По моему мнѣнію, тутъ врачу затрудняться не въ чемъ. Главное же затрудненіе, съ которымъ онъ всего чаще встрѣчается in foro, состоитъ въ томъ, что прусское законодательство, по примѣру Code Napoleon, не признаетъ

2. Уменьшенной способности ко вмѣненію.

Оберъ-трибуналъ говоритъ: способность и неспособность ко вмѣненію взаимно одна другую исключаютъ. Признаніе совмѣстимости того и другаго состоянія и вытекающее оттуда различіе въ способности ко вмѣненію по степенямъ, немыслимо. Такимъ образомъ, не можетъ быть и рѣчи объ уменьшенной способности ко вмѣненію. Поэтому присяжнымъ, относительно таковой, не должно быть предлагаемо вопросовъ.

Почему же способность ко вмѣненію не можетъ быть различаема по степени? Развѣ слово „способный“ не имѣетъ сравнительной и превосходной степени? Это одно уже дѣлаетъ выраженіе „уменьшенная способность“ мыслимымъ.

Естественныя науки и медицина не на сторонѣ подобныхъ воззрѣній. Наблюденіе учитъ насъ различать степень свободы, потому что человѣческая свобода воли вовсе не абсолютна, но только относительна, и потому что „различные люди свободны въ очень различной мѣрѣ.“ Гризингеръ, изслѣдованія котораго въ области судебной психіатріи будутъ имѣть самое плодотворное вліяніе, какъ нельзя рѣзче очертилъ этими словами нравственную свободу человѣка.

Юридическое воззрѣніе, выразившееся въ указѣ трибунала, основывается, по моему мнѣнію, на смѣшеніи понятій *частной* и *умен*

цѣлой способности ко вмѣненію. Частная способность ко вмѣненію немыслима, потому что нельзя оторвать часть отъ цѣлаго, не нарушивъ его. Кругъ какъ тѣлесныхъ, такъ и душевныхъ способностей человѣка можетъ быть меньше средняго, отъ природы-ли, или по поводу болѣзни, но онъ всегда остается кругомъ; отъ круга нельзя отнять сегмента безъ того, чтобы не уничтожить самаго круга. Наказуемость человѣка можетъ быть уменьшена, но не можетъ быть частной наказуемости, потому что если я наказываю одну изъ его частей, то я наказываю его всего. Необходимость и логическую справедливость частной способности ко вмѣненію пытается доказать англійскій прокуроръ въ вышеприведенной цитатѣ. Но его притязаніе сильно грѣшитъ противъ логики.

Касперъ также придерживается частной способности ко вмѣненію, утверждая, что лица, признанныя, по причинѣ душевной болѣзни неспособными располагать имуществомъ, могутъ, однакожъ, почитаться способными ко вмѣненію въ уголовномъ порядкѣ. Я не желаю входить въ разборъ, справедливо-ли ставятъ способность ко вмѣненію выше способности къ распоряженію, потому что первая коренится въ душѣ, а послѣдняя въ разсудкѣ, и не труднѣе-ли caeteris paribus для слабоумнаго, подъ вліяніемъ обстоятельствъ, которыя обусловливаютъ преступленіе, возбуждая страсти, въ опьяненіи и т. п. сохранить присутствіе духа, чѣмъ справиться съ обыкновенными житейскими дѣлами. Я замѣчу только, что Касперъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ призналъ способными ко вмѣненію лицъ, признанныхъ за неспособныхъ распоряжаться своими дѣлами, долженъ представить доказательства, что лица эти признаны за неспособныхъ къ распоряженію правильно, въ чемъ очень позволительно сомнѣваться, принимая въ соображеніе недостатки судопроизводства о слабоумныхъ, о которыхъ я недавно говорилъ. Сверхъ того, онъ долженъ доказать, что здоровье этихъ лицъ не могло возстановиться въ промежуткахъ между обоими освидѣтельствованіями.

Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ мнѣ приходится высказываться объ уменьшенной вмѣняемости, я выбираю формулу, соотвѣтствующую положенію законодательства и которая, не вредя нисколько моему

убѣжденію, доставляетъ судьѣ полный просторъ для его приговора. Я говорю, что изслѣдуемый способенъ ко вмѣненію, но что есть болѣзненные моменты, которые должны уменьшить отвѣтственность за преступленіе.

Подобный способъ формулированія даетъ болѣе надежды на то, что мнѣніе будетъ принято, потому что онъ оставляетъ судью на почвѣ закона, давая ему поводъ примѣнить смягчающія обстоятельства. По крайней мѣрѣ, при этой формулировкѣ судья можетъ еще что-нибудь сдѣлать, съ уменьшенной-же отвѣтственностью, по нашимъ законамъ, онъ ничего сдѣлать не въ состояніи, но, какъ извѣстно изъ опыта, допытывается у врача непремѣнно опредѣленнаго заключенія въ ту или въ другую сторону.

Теперь остается:

3. Научное основаніе мнѣнія,

Указаніе психическаго разстройства и спеціальное отношеніе его къ вмѣняемому въ преступленіе поступку. Во многихъ случаяхъ поступокъ явно вытекаетъ изъ душевнаго нарушенія, но часто связь того и другаго не бываетъ такъ очевидна. Это зависитъ оттого, уничтожена-ли совершенно или только отчасти повреждена разсудительность, необходимая для свободы выбора — совершить-ли поступокъ, или удержаться отъ него.

Входить въ большія подробности относительно этого вопроса я не буду, ограничась указаніемъ на фактическое содержаніе нижеслѣдующихъ мнѣній. Здѣсь-же укажу только на нѣкоторыя точки зрѣнія, относительно этого вопроса, для большаго ихъ уясненія.

Я всякій разъ старался ставить на первый планъ не поступокъ, но индивидуумъ, обрисовывая его съ психопатической стороны, на сколько дозволяли антецеденты. Главное дѣло должно состоять не въ психологическомъ освѣщеніи поступка, а въ характеристикѣ индивидуума, при помощи психопатическихъ признаковъ (присутствія ихъ или отсутствія). Сужденіе о немъ должно представляться само собой читателю, какъ неизбѣжный выводъ. Къ сожалѣнію, подобный идеалъ

не всегда достижимъ, по легко понятнымъ причинамъ. Но его слѣдуетъ добиваться.

Односторонее обсужденіе поступка ведетъ къ двумъ заблужденіямъ.

Съ одной стороны, къ чисто психологическому выводу, который оставляетъ безъ вниманія болѣзненные моменты, лежащіе въ основаніи развитія индивидуума, имѣя исключительной и преимущественной цѣлью психологическое состояніе обвиняемаго прежде, во время и послѣ преступленія.

Съ другой-же стороны, къ неправильному и не основанному на наблюденіяхъ природы принятію ученія о спеціализированіи поступковъ, по разнымъ родамъ сумасшествія.

Французскіе психіатры, именно Морель, указали на то, что поступки помѣшанныхъ имѣютъ различный характеръ, смотря по натурѣ заболѣванія индивидуума, и именно, что каждому роду помѣшательства свойственъ свой неизмѣнный характеръ поступковъ. Видоизмѣняется этотъ характеръ, смотря по первоначальнымъ причинамъ умственнаго или душевнаго разстройства, потому именно, состояли-ли эти причины въ апоплектическомъ, конгестивномъ пораженіи мозга, или въ размягченіи его, или, съ другой стороны, въ нарушеніи брюшнаго кровообращенія вслѣдствіе угнетающихъ страстей или другихъ физическихъ или моральныхъ причинъ. Такимъ образомъ, можно отличить, по способу ихъ совершенія, поступки алкоголиковъ отъ поступковъ эпилептиковъ, которые, въ свою очередь, также отличны отъ поступковъ ипохондриковъ, истерическихъ больныхъ и т. п., такъ что если извѣстно преступное дѣяніе вмѣстѣ съ предшествовавшими ему, сопровождавшими его и слѣдовавшими за нимъ обстоятельствами, то можно опредѣлить патологическій источникъ поступка и родъ помѣшательства, которымъ страдаетъ обвиняемый. Однимъ словомъ, каждому видоизмѣненію помѣшательства свойственны свои особенные, характеризующіе его, поступки.

Конечно, можно замѣтить разницу между тѣмъ, какъ совершаетъ свои поступки душевно больной и здоровый, но это бываетъ не всегда.

Безъ сомнѣнія, поступки эпилептиктовъ, напримѣръ, отличаются

ихъ періодичностью и внезапностью отъ расчитанныхъ и обдуманныхъ поступковъ ипохондриковъ и отъ обусловленныхъ экзальтаціей поступковъ истерическихъ больныхъ, но эта разница высказывается не всегда уже потому, что въ очень многихъ случаяхъ, подающихъ поводъ къ судебно-медицинскимъ мнѣніямъ, на подлежащее изслѣдованію лицо дѣйствуютъ очень многія располагающія къ помѣшательству, какъ соматическія, такъ и психическія причины.

Оставляя онтологическое понятіе *болѣзни*, создаютъ не менѣе одностороннее и абстрактное онтологическое понятіе *поступка*.

Стараются доказать, что нужно оставить понятіе о болѣзни въ смыслѣ онтологическомъ, говорятъ, что наблюденіе природы не позволяетъ считать меланхолію и манію за родовыя понятія, такъ какъ они встрѣчаются у одного и того же индивидуума, смотря по фазѣ болѣзни. Далѣе указываютъ, что установленіемъ подраздѣленій помѣшательства, на основаніи выдающихся на первый планъ припадковъ и перевѣса чувственныхъ или интеллектуальныхъ разстройствъ, вовсе не облегчается приложеніе этихъ понятій къ различнымъ проявленіямъ того и другаго состоянія. Это повело, говорятъ, только къ принятію мономаній, также какъ manie sans delire, manie raisonante, manie instinctive, folie circulaire, folie des actes, folie lucide, pseudomonomanie, melancholie sans delire, folie affective, folie morale (morale insanity), delire sistematisé etc. Созданныя, такимъ образомъ, новыя абстрактныя единицы, не основанныя на опредѣленныхъ анатомическихъ или функціональныхъ разстройствахъ какого-нибудь органа, только затруднятъ судебнаго врача, когда онъ захочетъ найти мѣсто въ системѣ найденному имъ умственному разстройству. Точнѣе сказать, признаютъ только *одно* помѣшательство, которое видоизмѣняется сообразно обусловливающимъ его причинамъ (folie paralytique, folie epileptique, folie alcoholique etc.). Но, установляя новыя онтологическія понятія о вмѣняемыхъ въ преступленіе поступкахъ, по ихъ характеру, роду и выполненію, очевидно, заходятъ слишкомъ далеко, приготовляя этимъ неменьшія чѣмъ прежде затрудненія.

Онтологическія понятія in foro совершенно не должны имѣть мѣста.

Изъ разсматриванія поступка можно извлечь, какъ въ психологическомъ, такъ и въ психопатическомъ отношеніи, только догадки, вѣроятія; онъ долженъ быть разсматриваемъ только какъ группа симптомовъ, которыми можно воспользоваться, смотря по обстоятельствамъ и которые нужно основательно изучить. Но воспользоваться имъ для діагностики можно только изучивъ индивидуумъ и его болѣзненныя разстройства.

Если, съ одной стороны, прослѣжена патологическая связь между поступкомъ и душевной аномаліей, то, съ другой стороны, нужно доказать какимъ образомъ эта послѣдняя нарушила свободу воли.

Для того, чтобы свобода поступковъ съ нравственной стороны была уничтожена, нѣтъ никакой необходимости, чтобы галлюцинаціи и ложныя идеи были ясно выражены. Но при этомъ я не могу не замѣтить, что и тамъ, гдѣ безумныя представленія не выступаютъ наружу, умственное разстройство все-таки бываетъ замѣтно. Иначе и быть не можетъ. На пути рефлекса отъ ощущенія (также и аміенированнаго) къ хотѣнію всегда стоитъ представленіе. Поэтому всѣ названія психическихъ болѣзней, основанныя на томъ взглядѣ, что умственное нарушеніе не составляетъ самаго характеристическаго ихъ признака, содержатъ внутреннее противорѣчіе, потому что не бываетъ ни сумашедшаго съ яснымъ умомъ (fou lucide), ни логически мыслящаго маніака (maniaque raisonnant).

Дѣйствительно, какъ я узналъ по опыту, душевно больные, которые страдаютъ галюцинаціями и выраженными безумными идеями, (за исключеніемъ ремиссій и интермиссій), не составляютъ большинства субъектовъ наблюденія судебнаго врача и не они доставляютъ ему затрудненія. Наибольшія трудности представляютъ для него тѣ болѣе частые случаи, когда онъ имѣетъ дѣло съ индивидуумами, находящимися въ состояніи психической слабости или тупоумія, которые живутъ въ обществѣ людей, не обращая на себя ихъ вниманія. Эти личности, при случаѣ, могутъ прійти въ столкновеніе съ судомъ, и тогда возбуждается вопросъ о состояніи ихъ умственныхъ способностей. (Сюда принадлежатъ слабоумные безъ опредѣленной причины, далѣе эпилептики, пьяницы, истеричные ипохонд-

ики, съ наслѣдственнымъ расположеніемъ и проч.); или это суть эпилептики съ неясно выраженными припадками и пр. (нѣсколько такихъ случаевъ мы приведемъ ниже). Напротивъ, къ удивленію, первые періоды паралитическаго помѣшательства (Folie paralytique), которые, по французскимъ авторамъ, часто бываютъ предметомъ уголовнаго разбирательства, рѣдко мнѣ встрѣчались Это помѣшательство часто встрѣчалось мнѣ въ судѣ гражданскомъ, именно въ конечныхъ формахъ.

Встрѣчаются случаи, которыхъ наука объективно рѣшить не можетъ, которые и передъ судомъ останутся неразрѣшенными, если судья будетъ строго придерживаться 40 § Устава. Они представляются большею частію субъективному рѣшенію судебнаго врача, и поэтому часто ведутъ къ противурѣчащимъ мнѣніямъ, даже при самомъ лучшемъ изученіи предмета.

По мнѣнію Гризингера, затрудненія, возбуждаемыя подобными сомнительными случаями, уменьшатся, если законодательства выйдутъ изъ или—или, здоровъ или болѣнъ.

„Бываютъ состоянія, которыя не могутъ быть отдѣлены отъ душевныхъ болѣзней безъ грубаго разрыва связи между ними, напримѣръ часто долго продолжающіеся умѣренные начальные періоды душевныхъ болѣзней, многія состоянія глубокой ипохондріи, въ которыхъ у больнаго остается еще довольно разсудительности. Душевная болѣзнь и полная не свобода вовсе не одно и тоже; врачебное сужденіе о подобныхъ состояніяхъ не должно придерживаться абстрактныхъ, строго ограниченныхъ одно отъ другого понятій о душевной болѣзни или душевномъ здоровьѣ, свободѣ или несвободѣ, но должно прослѣдить все происходившее, самые психическіе процессы въ ихъ источникѣ, объяснить ихъ взаимную связь и оцѣнить ихъ результаты *).

Въ новѣйшее время тотъ же авторъ, выходя изъ той-же точки зрѣнія, поставилъ, какъ принципъ, которымъ врачъ долженъ руководиться при своемъ мнѣніи и своихъ отвѣтахъ, „органическую

*) Гризингеръ, Душевныя болѣзни. Стр. 47.

угнетенность“ (Belastung), которую слѣдуетъ различать по степени и по происхожденію.

Какъ бы плодотворно ни было это нововведеніе, потому что оно соединяетъ въ одномъ конкретномъ понятіи воззрѣнія нынѣшней психіатріи и ея отношенія къ суду и переноситъ опредѣленіе мѣры наказанія de lege ferenda на индивидуальную и конкретную мѣрку; но я все-таки полагаю, что это не выводитъ изъ aut — aut и вопросъ остается въ такомъ же положеніи: наказывать (resp. меньше наказывать), или не наказывать, и что судебный врачъ не освобождается отъ объясненія судьѣ — какимъ образомъ органическое угнетеніе подѣйствовало нарушающимъ образомъ на намѣреніе и волю виновника и можетъ ли быть обвиняемый сдѣланъ отвѣтственнымъ передъ закономъ, какъ я уже выше объяснилъ.

Этотъ патологическій принципъ имѣетъ гораздо большую важность, чѣмъ юридическіе, какъ критеріумъ неспособности ко вмѣненію и онъ не можетъ быть замѣненъ ни неспособностью обсуждать послѣдствія своихъ поступковъ, ни полнымъ исключеніемъ свободы воли, такъ какъ эти понятія и душевная болѣзнь вовсе не одно и тоже. Есть умалишенные, у которыхъ не нарушены вполнѣ ни способность обсуждать послѣдствія своихъ поступковъ, ни свобода воли, и которые, при всемъ томъ, не могутъ быть сдѣланы отвѣтственными передъ закономъ (или же не вполнѣ отвѣтственными) за проступки, что доказывается многими случаями, въ которыхъ разсудительность не была вполнѣ уничтожена болѣзненнымъ угнетеніемъ, но только существенно повреждена.

Еще одно обстоятельство говоритъ противъ признанія несвободы воли за единственный критерій невмѣняемости. Именно, въ такомъ случаѣ легко могутъ потребовать доказательства непреодолимаго влеченія, обусловленнаго болѣзнью, напримѣръ безумными представленіями, котораго часто не бываетъ, не обращая въ тоже время вниманія на другой родъ несвободы, который обусловливается тѣмъ, что индивидъ не въ состояніи, вслѣдствіе болѣзненныхъ моментовъ, сообразовать свои поступки съ нравственными правилами.

Но еслибы было принято и самое широкое понятіе о душевныхъ болѣзняхъ и еслибы въ этомъ смыслѣ объясняли первую часть § 64 Code pénal Napoleon, „чтобы совершить наказуемый поступокъ, должно быть въ здравомъ умѣ," то все-таки нельзя бы было выйти передъ судьей изъ дилеммы aut-aut, здоровъ или нездоровъ (т. е. болѣнъ), потому что нѣтъ середины, между наказывать и не наказывать, и слабое наказаніе все-таки останется наказаніемъ. Судья самъ не можетъ выйти изъ этой дилеммы и мы, оставляя его, дѣлаемъ его безпомощнымъ.

Кромѣ доказательства ненормальнаго душевнаго состоянія, врачу всякій разъ необходимо еще доказать, что разстройство это достигло такой степени, что уничтожило отвѣтственность передъ закономъ.

Какъ гражданскій судъ сообразуетъ свои запрещенія съ тѣмъ, не лишенъ ли индивидуумъ, въ силу психическаго разстройства, способности располагать собой, своей свободой, своимъ имѣніемъ, короче способности заботиться о своихъ дѣлахъ, такъ и уголовный судъ долженъ сообразоваться съ тѣмъ, можетъ ли подсудимый, и въ какой степени, отвѣчать передъ закономъ за свои поступки, въ силу ненормальнаго состоянія умственныхъ способностей. Закону не должно быть дѣла до тѣхъ или другихъ формъ психическаго разстройства; онъ долженъ только требовать доказательства того, что отвѣтственность уничтожена или уменьшена душевной болѣзнью (resp. умственной слабостью).

Иначе думаетъ Зольбрихъ отдѣлаться отъ трудностей въ отдѣльныхъ случаяхъ; именно онъ хочетъ, чтобы не спрашивали—„безуміе или преступленіе", но „нѣтъ ли безумія и преступленія". Эта постановка вопроса, по моему мнѣнію, ведетъ только къ запутыванію дѣла. Врачъ потому и приглашается судомъ, что преступные поступки совершаютъ сумасшедшіе. Не новость и то, что лица, испорченныя съ самаго начала жизни (обыкновенно расположенныя наслѣдственно) дурными примѣрами, неправильнымъ воспитаніемъ, можетъ быть безвинно дѣлаются порочными, развратными, преступными; душевное состояніе ихъ, при столкновеніи съ закономъ, конечно подаетъ поводъ къ сомнѣніямъ. Натурально, здѣсь есть и преступ-

леніе и безуміе, но для судебно-медицинскаго заключенія можетъ быть только или то, или другое. Судебное понятіе преступленія и безумія взаимно другъ друга исключаютъ, потому что тамъ, гдѣ есть одно, другаго быть не можетъ.

Но гдѣ же, впрочемъ, въ судебной медицинѣ, какъ и въ другихъ отрасляхъ врачебной науки, можно выйти изъ или-или.

Когда врачъ при постели больнаго, или при родахъ, не можетъ хорошо опредѣлить болѣзненнаго состоянія, или не можетъ уяснить себѣ показаній къ операціи, то онъ употребляетъ для этого всѣ способы, какими можетъ располагать. Также и передъ судомъ.

Все вышесказанное относится и къ той категоріи случаевъ, гдѣ экцентричность поступка, соціальное положеніе обвиняемаго, прежняя безупречная жизнь и т. п. возбуждаютъ подозрѣніе судьи о существованіи душевной болѣзни, или гдѣ вопросъ о способности ко вмѣненію возбуждается уже въ предварительной инстанціи, вслѣдствіе заявленія защиты.

Опытъ показалъ мнѣ, что притворство встрѣчается не такъ часто, какъ можно бы ожидать на основаніи учебниковъ судебной медицины, хотя, само собою разумѣется, при всякомъ случаѣ на этотъ предметъ слѣдуетъ обратить вниманіе.

Притворство я могъ допустить всего только одинъ разъ.

Впрочемъ, заключеніе объ относительной рѣдкости притворства душевныхъ болѣзней сдѣлалъ уже ранѣе Vingtrinier, который между 43,000 обвиняемыхъ въ руанской тюрьмѣ нашелъ 205 душевно больныхъ и между ними только одного притворщика. Чаще бываетъ, что слабоумные, эпилептики, истерическіе преувеличиваютъ свою болѣзнь, потому что они вообще склонны къ этому. Такимъ образомъ, происходитъ относительное притворство, которое существенно затрудняетъ сужденіе о состояніи подсудимаго во время совершенія поступка.

При этомъ случаѣ я не могу не замѣтить, что тюрьма непригодна для наблюденія сомнительныхъ случаевъ душевныхъ болѣзней, потому что здѣсь нѣтъ двухъ самыхъ важныхъ факторовъ—контроля опытнаго врача и возможности дѣлать наблюденія надъ поведеніемъ и поступками субъекта въ его свободномъ общеніи съ другими,

потому что показанія товарищей по заключенію, по многимъ причинамъ, въ высшей степени не достойны довѣрія. Предложеніе Schlager'a присоединить къ тюремной прислугѣ нѣсколько опытныхъ служителей сумашедшаго дома, заслуживаетъ вниманія.

Многочисленны тѣ случаи, гдѣ нужно было отказаться отъ признанія умственнаго разстройства, хотя не было и подозрѣнія въ притворствѣ.

Рѣшеніе подобныхъ случаевъ вообще затруднительно. Доказать, что человѣкъ здоровъ, гораздо труднѣе, чѣмъ доказать, что онъ болѣнъ, особенно когда самые его поступки заставляютъ подозрѣвать болѣзнь.

Въ этихъ случаяхъ, кромѣ доказательства отсутствія болѣзни, нужно обратить особенное вниманіе на психологическое объясненіе поступка и болѣе всего на точную оцѣнку causae facinoris.

Цѣль медицинскихъ мнѣній при гражданскомъ и уголовномъ судопроизводствѣ совершенно различна. Поэтому, я и отдѣлилъ нижеслѣдующія мнѣнія одни отъ другихъ.

I.

Судебно-медицинскія мнѣнія, представленныя уголовному суду.

Я попытаюсь принять этіологическую точку зрѣнія за основаніе при распредѣленіи предлежащихъ случаевъ по отдѣламъ, хотя, съ одной стороны, неполнота собранныхъ фактовъ, съ другой — частое совпаденіе многихъ причинъ, обусловившихъ мозговое разстройство, и не позволяютъ произвести подобнаго распредѣленія на строго научномъ основаніи. Но во всякомъ случаѣ оно лучше обыкновенно употребляемаго дѣленія по формамъ болѣзни.

Кромѣ вопроса о способности ко вмѣненію, нерѣдко врачу предлагаютъ вопросъ и о *„способности къ судимости“*, именно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ предварительное слѣдствіе было произведено прежде медицинскаго свидѣтельства, и потомъ, на основаніи этого свидѣтельства, дѣло на болѣе или менѣе долгое время отложено или гдѣ судебно-медицинское мнѣніе оставляетъ открытымъ вопросъ о способности ко вмѣненію во время совершенія поступка, высказываясь въ тоже время за существованіе душевной болѣзни во время слѣдствія. Понятно, что тутъ возбуждается вопросъ о способности къ судимости, иначе могутъ возникнуть жалобы, что судъ былъ совершенъ надъ помѣшаннымъ.

Я приведу ниже одинъ подобный случай, гдѣ вопросъ о способности къ судимости былъ возбужденъ оберъ-трибуналомъ черезъ три года, хотя первое мнѣніе и высказалось за неспособность ко вмѣненію во время совершенія поступка, но въ тоже время высказалось и за неспособность къ судимости. Оберъ-трибуналъ возбудилъ вопросъ о возстановленіи способности къ судимости.

„Способнымъ къ судимости“ (Verhandlungsfähig), въ психическомъ отношеніи, я признаю того, кто въ состояніи оцѣнить значеніе судебнаго производства на его будущее, понять смыслъ предлагаемыхъ ему вопросовъ и въ состояніи защищаться передъ судьей.

1. Сомнительная способность ко вмѣненію, обусловленная мозговыми разстройствами, причиненными эпилепсіей.

Судорожныя эпилептическія и эпилептоидальныя формы и происходящія вслѣдствіе ихъ разстройства умственныхъ способностей встрѣчаются такъ часто, что совершенно понятно нерѣдкое появленіе передъ судомъ сомнительныхъ душевныхъ состояній, обусловленныхъ эпилепсіей. Но не каждый эпилептикъ страдаетъ умственнымъ разстройствомъ. Этимъ обстоятельствомъ объясняются затрудненія, испытываемыя врачемъ при подачѣ мнѣнія въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Впрочемъ, болѣе основательное изученіе этой неврозы и тѣснаго отношенія ея къ психопатическимъ процессамъ, заставило смотрѣть на поступки эпилептиковъ гораздо снисходительнѣе прежняго.

Уже Эскироль *) говоритъ, что изъ 332 эпилептиковъ онъ нашелъ 209 душевно больныхъ, т. е. четыре пятыхъ, и только одна пятая сохранила употребленіе ума, и какого ума! прибавляетъ онъ. Если поэтому каждый эпилептикъ долженъ, уже по самому факту существованія своей болѣзни, возбуждать сомнѣніе in foro, то, съ другой стороны, не должно забывать, что было наблюдаемо также и полное сохраненіе умственныхъ способностей, такъ что эпилептики были въ состояніи вести съ поражающей настойчивостью большія и важныя дѣла **). Поэтому, in foro, всегда должно, не смотря на доказательство существованія болѣзни, приводить доказательство психическаго разстройства, на основаніи общихъ психопатическихъ признаковъ.

Діагностика эпилептическихъ состояній часто бываетъ очень трудна, именно когда существуютъ только припадки головокруже-

---

*) Esquirol, maladies, mentales, T. I.

**) Sandras, Traité des maladies nerveuses.

нія и еще недавно Гризингеръ *) обратилъ вниманіе на эти болѣзненныя формы широкими изысканіями и діагностической установкой, до сихъ поръ темныхъ и часто неузнаваемыхъ, болѣзненныхъ состояній, причисляемыхъ къ эпилепсіи и вмѣстѣ съ тѣмъ указалъ на важность промежуточныхъ психо-сенситивныхъ симптомовъ, выступающихъ на первый планъ, въ виду которыхъ короткіе припадки оставались незамѣченными и уходили отъ вниманія изслѣдующаго врача.

Психическое разстройство, находящееся въ связи съ эпилепсіей, слѣдуетъ, какъ извѣстно, за припадками, или замѣняетъ ихъ, или можетъ совпадать и съ промежуточнымъ временемъ. Оно имѣетъ или перемежающійся, или постоянный характеръ. При эпилепсіи чаще всего наблюдаются, по свидѣтельству авторовъ, бредъ, неистовство, stupor и идіотизмъ. Для судебнаго врача представляютъ трудности не тѣ случаи, гдѣ умственное разстройство ясно, но тѣ, въ которыхъ, кромѣ преходящаго возбужденнаго состоянія, появляющагося пароксизмами, съ чистыми промежутками, остается еще легкое меланхолическое разстройство или незначительная умственная слабость и во время самыхъ промежутковъ и гдѣ нельзя доискаться, предшествовалъ ли вмѣняемому въ преступленіе поступку припадокъ. По моему мнѣнію, при судебно-медицинскомъ обсужденіи нужно обращать строгое вниманіе на тѣ случаи, гдѣ въ промежуткахъ между припадками остается хотя легкое психическое разстройство или недостатокъ.

Есть еще одно обстоятельство, которое существенно затрудняетъ діагностику in foro. Потеря воспоминанія о поступкѣ, осложненномъ эпилепсіей, служитъ, какъ извѣстно, самымъ существеннымъ критеріемъ подобныхъ поступковъ. Этотъ недостатокъ воспоминанія состоитъ или въ совершенной утратѣ всякаго припоминанія, или поступокъ представляется въ памяти смутно, какъ сонъ. И это относится не только къ моментальнымъ, внезапнымъ поступкамъ эпилептиковъ, но и къ такимъ, которые могутъ казаться обдуманными и совершенными по плану. Въ этомъ всего лучше убѣдиться, наблю-

*) Archive, f. Psichiatrie, T. 2.

дая однородные со вмѣняемымъ поступки эпилептиковъ, которыхъ судъ не касается. Хотя этотъ важный фактъ не теряетъ in foro своего значенія, но его цѣнность утрачивается наклонностью эпилептиковъ къ притворству или къ преувеличенію дѣйствительно существующаго (какъ это случается и у слабоумныхъ).

Рѣшить, дѣйствовалъ-ли эпилептикъ безсознательно или притворялся, вообще очень трудно; тутъ все дѣло въ подробностяхъ случая. Кромѣ того, тутъ много можетъ помочь наблюденіе изслѣдуемаго въ отношеніи къ другимъ, однозначащимъ, но не касающимся суда поступкамъ, равно и свойство самыхъ поступковъ. Эпилептическая безсознательность не можетъ быть принята въ такомъ случаѣ, если для совершенія поступка требовалась сложная умственная дѣятельность, если поступокъ продолжался недѣли, мѣсяцы, былъ исполняемъ съ приготовленіями, обдуманно, какъ напримѣръ обманъ, мошенничество и т. п., и если изслѣдуемый не забылъ равнозначущихъ вещей изъ того періода времени, о которомъ идетъ рѣчь и не хочетъ знать только о поступкѣ, вмѣняемомъ ему въ преступленіе.

Пусть сравнятъ въ этомъ отношеніи случаи Бреннера (№ 1), Шмидта (№ 13) и Овилье (№ 12). При послѣднемъ я возвращусь къ этому вопросу. Дальнѣйшее явствуетъ изъ самихъ наблюденій, къ которымъ и перехожу.

СЛУЧАЙ ПЕРВЫЙ.

Смертоубійство. — Послѣдующее отупѣніе. — Меланхолія. — Галлюцинаціи, вслѣдствіе эпилепсіи.

Нѣкто Бренеръ *), каменьщикъ, убилъ, 5-го марта, молоткомъ, помощника кондитера Мейера, нанеся ему въ голову нѣсколько ударовъ.

Бренеръ занимался передѣлкой печки въ кондитерской, гдѣ въ это время находился Мейеръ и ученикъ Процъ. Послѣдній стоялъ на маленькой лѣстницѣ, ведущей въ комнаты хозяина, и былъ сви-

*) Псевдонимъ, какъ почти всѣ имена обвиняемыхъ въ слѣдующихъ случаяхъ.

дѣтелемъ происшедшаго. Онъ видѣлъ, какъ Бреперъ, съ упомянутымъ молоткомъ въ рукѣ, пошелъ отъ котла къ плитѣ, которая была по другую сторону печки, и ударилъ Мейера со словами: „Это твоя вина, собака“, такъ что послѣдній тотчасъ упалъ безъ памяти.

Бреперъ, какъ показало вскрытіе, нанесъ нѣсколько ударовъ въ голову Мейера *).

Процъ побѣжалъ за помощью и вскорѣ, возвратившись, увидалъ, что Бреперъ нагнулся надъ хрипящимъ Мейеромъ и раздѣвалъ его.

Что заставило Бренера напасть на Мейера, для Проца непонятно. Бреперъ, прійдя, любезно поздоровался съ нимъ, и вообще между ними цѣлое утро не было никакого спора; кромѣ привѣтствія, они не сказали другъ другу ни слова. Спустя нѣсколько минутъ послѣ убійства, хозяинъ кондитерской услыхалъ, что Бреперъ опять началъ работать и закричалъ ему, чтобы онъ пересталъ. На восклицаніе пришедшаго туда тотчасъ послѣ убійства каменьщика Рихтера: „что ты сдѣлалъ?“ Бреперъ отвѣчалъ: „ну да, я убилъ его, онъ не давалъ мнѣ покоя“, и по показанію кондитера Брстшнейдера, сказалъ еще, показывая на Мейера: „этотъ человѣкъ не хочетъ умирать.“

Когда Бренера арестовали, онъ, со словами: „сегодня еще многимъ очередь“, бросился на стоящаго вблизи торговца сигарами, Брозейна, который сказалъ ему, что онъ испытаетъ, что значитъ человѣческая жизнь; потомъ Бреперъ сказалъ связывающему его человѣку, показывая на свою шею, что лучше бы онъ обвязалъ ему веревку вотъ здѣсь. Бреперъ подавался впередъ такъ медленно, что нужно было его тащить, и въ полицейскомъ бюро не отвѣчалъ болѣе ни на какіе вопросы. Только когда ушла его жена, которую призывали туда, онъ много разъ повторялъ: „мать, поцѣлуй меня“.

Марта 6-го слѣдователь не имѣлъ возможности вести съ нимъ послѣдовательнаго разговора. Онъ отвѣчалъ только на немногіе во-

*) Было найдено множество ранъ кожи на лбу и на лицѣ, раздробленіе лобной кости и костей лица, излiяніе крови на поверхность мозга и разрушеніе мозговаго вещества.

просы, и то односложно. Въ протоколъ было занесено, что Бреперъ стоялъ спокойно на одномъ мѣстѣ, съ устремленными впередъ глазами, и чтобы отвести его назадъ, сторожъ долженъ былъ взять его за плечи, „причемъ онъ двигался какъ будто разслабленный всѣмъ тѣломъ“. Также при слѣдующемъ допросѣ слѣдователю, не смотря на всѣ старанія, не удалось добиться отъ Бренера ни одного слова, и казалось, будто онъ совершенно не понималъ обращенныхъ къ нему вопросовъ. Онъ казался совершенно разслабленнымъ. Даже когда его привели къ трупу, отъ него нельзя было ничего добиться, не смотря на самыя сильныя увѣщанія. Какъ полусонный, отрицательнымъ покачиваніемъ головы, онъ показывалъ, что не знаетъ трупа, произносилъ только отдѣльныя, безсмысленныя слова и все больше впадалъ въ отупѣніе, устремивъ впередъ неподвижный взоръ. Мнѣ казалось, что онъ одержимъ галлюцинаціями.

При первомъ изслѣдованіи въ тюрьмѣ, Бренера нашли лежащимъ безъ движенія и безъ чувствъ; онъ подергивалъ только верхними вѣками, не произнося ни слова; также и слѣдующій день онъ оставался оцѣпенѣлымъ и безгласнымъ, со стиснутыми зубами, такъ что не было возможности дать ему пищи. При описаніи примѣтъ, онъ былъ взволнованъ, у него часто вырывались слова: „Господи Іисусе, я долженъ уйти“, и хотѣлъ убѣжать, но безъ труда былъ остановленъ. Восьмаго числа разбросалъ онъ пищу по полу, также и на тюфякѣ, притащилъ этотъ послѣдній къ дверямъ, потомъ снялъ мѣрку, какъ будто хотѣлъ работать; начертилъ своимъ каломъ рисунки на полу и употребилъ, какъ матеріалы для постройки, крышку отъ ночнаго ведра и ночной горшокъ. Весь испачкался. Послѣ ванны сталъ спокойнѣе и далъ себя накормить. Надзирателю, который наливалъ ему пиво и спросилъ, какъ оно ему нравится, онъ отвѣчалъ: „что онъ (т. е. надзиратель) дурно закололъ собаку“. Въ остальномъ онъ велъ себя совершенно покойно. Подозрѣнія въ притворствѣ не могло болѣе оставаться, и 12-го марта Бреперъ былъ переведенъ въ отдѣленіе умалишенныхъ въ Charité,

Въ первое время по поступленіи въ Charité, онъ велъ себя совершенно также, какъ описано выше, какъ видно изъ медицин-

скихъ наблюденій, заимствованныхъ мной изъ журнала Charité. На большую часть вопросовъ онъ совсѣмъ не отвѣчалъ. Единственные отвѣты состояли въ качаніи головой, или въ тихомъ „да“, или „я не знаю“. Ночи проводилъ спокойно, но безъ сна. Испражнялся въ комнатѣ на полу и раздѣвался. На вопросъ, зачѣмъ онъ это сдѣлалъ, онъ отвѣчалъ, показывая на замаранную руку: „не могу же я такъ выйти на улицу“. Мало по малу добились отъ него нѣкоторыхъ, хотя и односложныхъ отвѣтовъ. Но и тутъ онъ очень скоро впадалъ въ совершенное безмолвіе и тупую задумчивость. При многократныхъ попыткахъ заговорить съ нимъ, однажды онъ выразилъ, что знаетъ, что онъ въ Charité и что раньше былъ въ тюрьмѣ, но въ другой разъ опять не зналъ ни о томъ, ни о другомъ, вообще же не былъ въ состояніи объяснить, какъ онъ изъ тюрьмы попалъ въ Charité. Очень смутно припоминаетъ онъ время, проведенное въ тюрьмѣ. Нѣсколько разъ можно было заговорить съ нимъ и о дѣлѣ. Я заимствую разговоръ буквально изъ журнала Charité

Вопросы.	*Отвѣты.*
Какъ попали Вы въ тюрьму?	Я не знаю всей этой исторіи. Въ тюрьмѣ я пробылъ почти 14 дней.
Почему же Вы туда попали?	Потому что я убилъ кого-то. (молчаніе).
По какому же поводу Вы это сдѣлали? Разскажите мнѣ какъ это было. Не выдти ли намъ въ другую комнату?	Мнѣ все равно.
Кого же Вы убили?	Я умертвилъ кого-то... не... я его убилъ до-смерти.
Кого же?	Я не знаю какъ его зовутъ.
Что же это былъ за человѣкъ, молодой или старый, чѣмъ онъ занимался?	Помощникъ кондитера.
Разсердилъ онъ Васъ?	Я уже былъ раздраженъ все время, я давно страдалъ судорогами, и все время былъ также разстроенъ какъ и теперь. Когда я оставался одинъ, предоставленный своимъ мыслямъ, тогда было ни то, ни се.

Какже это Вамъ пришло въ голову?

Тогда я бывалъ по временамъ золъ и раздражителенъ, мои руки такъ сами и двигались впередъ.

Какимъ же это образомъ? Видѣли ли Вы, какъ Ваши руки двигаются?

Когда я задумываюсь, я вижу это.

Кажется ли Вамъ тогда какъ будто Вы что то хватаете?

Да.

Были ли у васъ прежде судороги до такой степени сильны, чтобы вы падали?

Нѣтъ, не падалъ, были только подергиванія въ тѣлѣ.

Какъ же долго это продолжалось?

Полдня; два, три часа, при чемъ я забылъ.

Сознанія при этомъ Вы не теряли?

Нѣтъ, но когда что случалось, я всегда тотчасъ же забывалъ.

При другомъ случаѣ:

Какъ мнѣ объяснить себѣ это происшествіе?

Я уже Вамъ разсказывалъ разъ.

Да, но неясно. Какъ Вы сами себѣ его объясняете?

Я больше ничего не знаю какъ это было.

У Васъ была тоска?

Да.

Отчего же?

Не знаю.

Вы что нибудь увидали?

Да.

Что же?

Для меня вдругъ все потемнѣло.

Совершенно потемнѣло?

Совершенно.

Но тогда Вы не могли бы совсѣмъ видѣть этого человѣка. Не сдѣлалось же такъ темно чтобы Вы не могли видѣть? Разскажите ка мнѣ.

Я ничего незналъ, что дѣлаю.

Я вѣдь считаю Васъ за невиннаго, но мнѣ хотѣлось бы узнать немного подробнѣе.

(Никакого отвѣта).

Не задерживайте же меня. И такъ Вы утромъ пришли на работу. Вѣдь знаете же Вы это? Вы уже начали работать.

Да.

Какъ долго вы работали? Съ полчаса уже было?

Незнаю хорошенько.

И потомъ Вы положили рабочій инструментъ и сѣли, или какъ это было?

(Нѣтъ отвѣта).

Передъ тѣмъ долго Вы сидѣли? Вы больше не могли работать, или тотчасъ отъ работы бросились на человѣка?

(Нѣтъ отвѣта).

Больше не знаете объ этомъ ничего?

(Никакого отвѣта. Больше ни на что не отвѣчалъ).

Въ другой разъ опять онъ ничего не зналъ ни о тюрьмѣ, ни о Charité, или утверждалъ, что былъ въ тюрьмѣ 5—6 недѣль, что въ Charité работалъ, пошелъ туда одинъ и пришелъ босой и нагой; но обыкновенно скоро опять впадалъ въ тупое молчаніе и апатію. Онъ постоянно молчитъ и на вопросы большею частью не отвѣчаетъ; сидитъ чаще всего, опершись головой на руку, совершенно погруженный въ себя, съ печальнымъ выраженіемъ лица, ѣстъ мало, ночью лежитъ тихо, однако утверждаетъ, что не спитъ.

Всѣ допрошенные свидѣтели (нѣкоторые изъ нихъ знали его 4—5—7 лѣтъ) показали, что Бреперъ былъ тихій, порядочный, прилежный и непьющій человѣкъ, что онъ своимъ скромнымъ, покойнымъ нравомъ пріобрѣлъ всеобщее уваженіе въ домѣ, гдѣ онъ жилъ. Замѣтили, что уже недѣли четыре, какъ онъ странно перемѣнился, часто смотрѣлъ разстроеннымъ, одичалымъ, и когда его привѣтствовали, онъ вмѣсто того, чтобы любезно поблагодарить, какъ прежде, совершенно не обращалъ на это вниманія.

Кромѣ того, многое мы узнаемъ изъ показаній его жены, съ которыми вполнѣ согласуются и прочія свидѣтельскія показанія.

Три съ половиной года тому назадъ Бреперъ женился; жена ничего не знаетъ ни о прежнихъ его болѣзняхъ, ни о наслѣдственномъ расположеніи къ душевнымъ болѣзнямъ. Бреперъ прежде былъ веселый, живой и ласковый. До прошедшаго лѣта ему было хорошо. У него была работа и онъ могъ обойтись съ своей семьей. Дѣтей у него не было, но была падчерица, съ которой онъ обходился хорошо. Съ своей женой жилъ счастливо. Онъ не былъ пьяницей, пилъ въ день развѣ на одинъ грошъ водки. Въ прошедшее лѣто работа пошла хуже. Онъ принужденъ былъ задолжать (занялъ у брата до 20 талеровъ). Съ тѣхъ поръ онъ сталъ тише, началъ задумываться, часто не отвѣчалъ, когда съ нимъ говорила жена, жаловался на одеревенѣніе и ломоту въ рукахъ, чувствовалъ во всемъ тѣлѣ тяжесть, утомленіе, аппетитъ имѣлъ плохой, къ ѣдѣ надо было его принуждать; пилъ также мало, но разъ пришелъ домой выпивши, шатался, едва не падалъ, и когда жена заплакала, онъ очень горячился, думая, что она надъ нимъ насмѣхается.

(октябрь.) Безсмыслицы не говорилъ, только сдѣлался еще тише, говорилъ, что онъ не знаетъ, что съ нимъ будетъ. Передъ Рождествомъ думалъ онъ, какъ бы хорошо было, еслибы ему умереть, тогда избавился бы онъ отъ всякаго горя и печали. Онъ упрекалъ себя, что не заботился о своей больной женѣ такъ, какъ бы слѣдовало. Онъ дѣлался все молчаливѣе. Три мѣсяца тому назадъ видѣлось ему во снѣ, что будто бы онъ убилъ кого-то. Онъ разсказалъ объ этомъ своей женѣ и говорилъ, что страшно испугался, и когда проснулся, благодарилъ Бога, что это было не на самомъ дѣлѣ. Онъ искалъ работы гдѣ могъ, но не часто удавалось найти ее. Онъ долженъ былъ закладывать вещи и еще больше брать въ долгъ. Онъ расчитывалъ, что будущей зимой надо будетъ платить долги, и тогда, во всякомъ случаѣ, у него ничего не будетъ. Онъ находилъ свое положеніе безвыходнымъ. Послѣднее время онъ удивлялъ людей своимъ скрытнымъ характеромъ, никому не клапялся, почти не отвѣчалъ, сдѣлался очень раздражительнымъ и сердитымъ.

Онъ держалъ почлежниковъ, которые въ субботу 2-го числа ему не заплатили, какъ онъ этого ожидалъ. Тогда онъ сдѣлался какимъ-то страннымъ, говорилъ женѣ, чтобы она была около него, когда онъ будетъ говорить съ ними, ибо чувствуетъ себя такимъ вспыльчивымъ и слабымъ, что боится, чтобы не сдѣлать съ ними чего-нибудь, и ночью совсѣмъ не спалъ. 3-го марта, рано утромъ, когда одинъ изъ его постояльцевъ хотѣлъ уйдти, онъ вскочилъ и сильно вспылилъ на него. Днемъ онъ сказалъ, что сегодня все-таки случится большое несчастіе. Очень долго сидѣлъ въ постели опершись головой на руки. Въ среду хозяинъ прислалъ ему сказать, чтобы онъ пришелъ поработать. Онъ очень испугался, думая, что хозяинъ откажетъ ему отъ квартиры, потому что онъ цѣлый мѣсяцъ не платилъ ему. Поэтому онъ не хотѣлъ къ нему идти. Послѣ обѣда взялъ веревку и пошелъ съ ней на чердакъ, такъ что можно было подозрѣвать у него намѣреніе убить себя, но опять самъ пришелъ назадъ, прежде чѣмъ жена могла за нимъ послѣдовать. Въ ночь съ 3-го на 4-е опять не могъ спать. При уходѣ на работу, 4-го числа, онъ имѣлъ болѣзненный видъ,

говорилъ, что ему какъ-то странно, что онъ не можетъ работать, что мысли у него въ разбродѣ, что теперь, когда у него работа, онъ долженъ идти въ больницу, и при этомъ заплакалъ. Вечеромъ онъ сказалъ полировщику: „посмотри, вотъ идутъ ко мнѣ страшные львы и медвѣди; они сегодня уже цѣлый день ко мнѣ приходили.“ Увидѣвъ свою дочь спящею, онъ сказалъ: „хорошо тому, кто можетъ спать; хоть бы одну ночь мнѣ заснуть.“ Вечеромъ опять говорилъ женѣ, что идутъ львы и медвѣди и пристально смотрѣлъ на одно мѣсто. Онъ говорилъ, что на работѣ слышно было такое громкое мяуканье кошекъ, что онъ не могъ разслушать ни одного слова. (Но кошекъ тамъ совсѣмъ не было.)

Съ предыдущимъ описаніемъ совершенно согласуются и мои наблюденія надъ Бренеромъ. Бренеръ небольшаго роста, умѣренной полноты, болѣзненнаго вида не имѣетъ. Пульсъ не ускоренъ. Можетъ быть у него развивается туберкулозное пораженіе легкихъ, по крайней мѣрѣ, при изслѣдованіи груди, нѣкоторые объективные признаки говорятъ за это. Фигура у него сгорбленная, физіономія выражаетъ печаль, грусть, уныніе. Улыбка никогда не показывается на его губахъ, даже когда съ нимъ шутятъ или говорятъ о женѣ или ребенкѣ. Онъ упорно сохраняетъ грустное выраженіе и все принимаетъ съ апатичнымъ равнодушіемъ. Движенія его медленны. Самъ собой не садится и не встаетъ; сторожъ долженъ его посадить, поднять и отвести, иначе онъ будетъ оставаться все въ одномъ положеніи. Также, по словамъ сторожа, онъ не ѣстъ самъ, но въ послѣднее время принималъ пищу, если ее поставятъ передъ нимъ; все же-таки нужно было принудить его къ этому. Въ моемъ присутствіи съ нимъ сдѣлалась продолжительная конвульсивная дрожь всего тѣла.

Разговора съ нимъ нельзя вести. На самые простые вопросы онъ отвѣчаетъ только при неотступныхъ просьбахъ, послѣ долгаго раздумья, и то односложно. Многаго такого, что должно было запечатлѣться въ его памяти, не можетъ припомнить, такъ напр. имя жены, имя хозяина и пр. Въ другихъ случаяхъ я былъ счастливѣе: мнѣ удавалось завести съ нимъ разговоръ, но все-таки онъ давалъ односложные от-

вѣты. Объ взводимомъ на него преступленіи онъ знаетъ только то, что убилъ кого-то, но кого и за что—объяснить не въ состояніи. Что потомъ произошло—ничего не знаетъ. Долго ли былъ въ тюрьмѣ—сказать не можетъ.

Въ послѣднее мое посѣщеніе, я нашелъ его въ отдѣльной комнатѣ. За день до этого, онъ сказалъ сторожу, что будто бы король присудилъ ему убить еще одного, и именно его. И когда сторожъ возразилъ, что онъ ему ничего не сдѣлалъ и убивать его не за что, тогда Бренеръ сказалъ, что онъ возьметъ другаго, бросился на одного больнаго и ударилъ его такъ, что должны были его отдѣлить. Подобныя состоянія сильнаго раздраженія, въ которыхъ онъ бросался на другихъ больныхъ и на сторожа, говорилъ объ убійствѣ, случались часто. Какъ предвѣстники такого состоянія, обыкновенно показывались ярко-красныя пятна на щекахъ. Это раздраженіе продолжалось два, три дня, съ перемежками, во время которыхъ возвращалось описанное выше меланхолическое настроеніе и онъ часто жаловался на болѣзненныя ощущенія.

Уже одно то, что человѣкъ, о которомъ со всѣхъ сторонъ сдѣланы лучшіе отзывы, прилежный, миролюбивый, работящій, трезвый, вдругъ убиваетъ работающаго съ нимъ вмѣстѣ человѣка, уже одно это вызываетъ предположеніе, что виновникъ во время совершенія преступленія не могъ быть sanae mentis, что и подтвердилось вполнѣ вышеприведенными фактами.

Изъ всего вышеизложеннаго явствуетъ, что у Бренера развивалась постепенно меланхолія, повидимому, на эпилептическомъ основаніи *), что онъ передъ преступленіемъ уже былъ душевно болѣнъ, страдалъ галлюцинаціями зрѣнія и слуха, и что его состояніе въ послѣднее время постоянно ухудшалось.

Если разсмотрѣть поступокъ ближе, то будетъ ясно, что онъ совершенъ въ безуміи. Убійство произошло при свидѣтелѣ. Прямо отъ работы Бренеръ бросается на Мейера, убиваетъ его, потомъ наклоняется надъ умирающимъ и вслѣдъ за этимъ продолжаетъ ра-

*) Я узналъ изъ исторіи болѣзни Бренера въ Charité, что съ нимъ были въ 1865—1867 годахъ три вполнѣ характеристичные судорожные припадка съ безпамятствомъ, изъ которыхъ послѣдній былъ очень силенъ.

ботать, какъ будто ничего не бывало. Для того, чтобы онъ оставилъ работу, нужно было приказаніе.

Потомъ, преступленію не достаетъ никакого правдоподобнаго мотива, такъ какъ, кромѣ привѣтствія, Бреперъ ничего не говорилъ съ Мейеромъ и раньше его вовсе не зналъ. Слова: „ты виноватъ, ты собака“, ясно показываютъ, что Бренеръ страдалъ безумными представленіями, и что совершенный имъ поступокъ находится въ связи съ душевной болѣзнью и составляетъ ея послѣдствіе. Болѣзнью этой Бренеръ еще и теперь страдаетъ, какъ достаточно доказываютъ вышеприведенные факты.

Поэтому я, по долгу моей службы и присяги, даю мнѣнію:

Что Бренеръ прежде, во время и послѣ совершеннаго имъ убійства, былъ одержимъ безуміемъ и что и теперь онъ находится въ такомъ же состояніи.

Вышеприведенный случай не представляетъ никакихъ затрудненій для судебно-медицинскаго приговора. Но интересно прослѣдить развитіе умственнаго разстройства, которое обнаружилось здѣсь полнѣе, чѣмъ это бываетъ обыкновенно. Нѣтъ сомнѣнія, что Бренеръ прежде страдалъ судорогами, о характерѣ которыхъ до моего изслѣдованія нельзя было сдѣлать никакого заключенія, но которыя, по послѣдующимъ наблюденіямъ, несомнѣнно должны быть отнесены къ эпилиптическимъ. Обнаруженію умственнаго разстройства предшествовала сильная раздражительность и склонность къ гнѣву. Потомъ, подъ вліяніемъ тоски, развилась меланхолія, далѣе явились галлюцинаціи, въ связи съ которыми явно находился и самый поступокъ. Припадки, въ которыхъ больной бросается на окружающихъ, являются *періодически*, въ промежуткахъ у него обнаруживается меланхолія, со множествомъ болѣзненныхъ ощущеній. Самый поступокъ представляетъ нѣкоторыя особенности.

Именно, онъ обращаетъ на себя вниманіе, кромѣ признаковъ, вообще характеризующихъ поступки помѣшанныхъ, внезапнымъ проявленіемъ, полной безсознательностью во время его совершенія и очень неяснымъ воспоминаніемъ о немъ впослѣдствіи.

Очень интересенъ противоположный этому слѣдующій случай, ко-

торый съ полнымъ правомъ можно назвать меланхоліей безъ ложныхъ представленій (melancholia sine delirio). Обсужденіе этого случая представляетъ большія трудности, и заключеніе можетъ показаться сомнительнымъ для тѣхъ именно, которые требуютъ точной ссылки на законный критерій § 40 пруск. улож. для неспособности ко вмѣненію. Здѣсь женщина, одержимая эпилепсіей, также совершила убійство, имѣя намѣреніе вмѣстѣ съ тѣмъ убить и себя. У нея сохранилось воспоминаніе о всѣхъ подробностяхъ факта, безъ всякихъ ложныхъ представленій, кромѣ того, была намѣренность и были сдѣланы сообразныя съ цѣлью приготовленія къ поступку. Слѣдовательно, тѣхъ именно критеріевъ и не было, которыми обыкновенно обрисовываются насильственные поступки эпилептиковъ. По моему мнѣнію, описанный въ слѣдующемъ случаѣ поступокъ не слѣдуетъ разсматривать какъ превращеніе нервнаго припадка въ психическій, но какъ поступокъ совершенный въ меланхоліи, развившейся вслѣдствіе эпилепсіи. Правъ ли я, пусть рѣшитъ читатель.

СЛУЧАЙ ВТОРОЙ.

Убійство собственнаго ребенка и покушеніе на самоубійство. — Меланхолія безъ ложныхъ представленій. — Эпилепсія. — Слабоуміе. — Неспособность ко вмѣненію.

Вильгемина Массъ обвиняется въ томъ, что она, 15-го августа, удушила угаромъ своего восьми-мѣсячнаго сына и въ тоже время покушалась и себя лишить жизни.

Когда мужъ ея пришелъ въ 7 часовъ вечера съ работы, дверь оказалась запертой извнутри. Выломавъ ее, онъ нашелъ жену лежащею на постели, безъ чувствъ, и подлѣ нея, съ лѣвой стороны мертваго ребенка. Лѣвая грудь ея была обнажена, такъ что можно было подумать, что она передъ тѣмъ кормила ребенка. Печка была горячая (августъ), клапанъ запертъ, въ комнатѣ замѣтенъ чадъ.

Массъ была взята въ Бетанію и уже на другой день могла быть допрошена. При изслѣдованіи тѣла ребенка оказалось, что онъ умеръ отъ вдыханія окиси углерода.

При допросѣ Массъ показала слѣдующее:

Я вышла замужъ 4 октября 1863 г. и въ супружествѣ имѣла троихъ дѣтей: Вильгельма род. 5 ноября 1864 г., Марту род. 5 ноября 1865 г., Оттона род. 12 декабря 1867 г. Я жила съ моимъ мужемъ до Пасхи этого года очень счастливо. Но въ это время онъ познакомился съ одной женщиной, Грундель. Грундель жила тогда въ одномъ домѣ съ нами, она съумѣла пріобрѣсти мое довѣріе, однакожъ обманула меня и скоро вошла въ интимныя отношенія съ моимъ мужемъ, вмѣстѣ съ которымъ часто посѣщала увеселительныя мѣста. Мужъ мой часто ходилъ къ ней, до самаго послѣдняго времени, послѣ того какъ она переѣхала на свою нынѣшнюю квартиру. На мои укоры, онъ не отпирался отъ этого, напротивъ, не разъ мнѣ явно повторялъ, что онъ разойдется со мной и станетъ жить съ Грундель. Вчера, въ полдень, уходя на работу, мужъ взялъ съ собой мою дочь Марту и объявилъ; что Марта меня уже не увидитъ. Я думала, что онъ повелъ ее къ Грундель, и это привело меня въ такое отчаяніе, что я, и безъ того внутренно взволнованная его отношеніями къ Грундель, рѣшилась умертвить себя и маленькаго сына Отто угаромъ. Для этого, вечеромъ, въ пять часовъ, я заперла дверь и окно въ моей комнатѣ, развела въ печкѣ огонь и всыпала туда двѣ корзинки каменнаго угля. Потомъ раздѣлась, легла съ ребенкомъ въ постель и почитала еще нѣсколько времени молитвенникъ. Мой сынъ Отто сначала кричалъ, но мало по малу успокоился и заснулъ. Должно быть и я скоро заснула, потому что не знаю, что было потомъ. Пришла въ себя я уже здѣсь ночью, въ которомъ часу не знаю. Только очень смутно помню, что еще въ моей комнатѣ мужъ наклонился надо мной и звалъ: „Минна, что ты дѣлаешь, не умирай, открой же глаза“.

Намѣреніе лишить себя жизни явилось у меня дней 8 тому назадъ. Угрозы мужа унести Марту и отдать ее въ чужія люди, привели меня въ такое отчаяніе и волненіе, что я рѣшилась немедленно умертвить себя и сына. Я не хотѣла, чтобы послѣ моей смерти мой сынъ жилъ съ чужими людьми. Я рѣшилась на это по уходѣ моего мужа, около часа. Когда онъ ушелъ, я привела мое хозяйство въ порядокъ, надѣла на постель чистое бѣлье, написала пастору

Шварцу письмо, въ которомъ сообщала о моемъ намѣреніи, и кромѣ того, записку мужу, въ которой также объявляла о моемъ рѣшеніи умереть, и положила ихъ на столѣ въ комнатѣ. Послѣ этого, я принесла каменный уголь и исполнила мое намѣреніе. Живъ ли мой сынъ Отто или умеръ, не знаю. Мужъ, навѣстившій меня сегодня, сказалъ, что онъ еще живъ. Скажу еще, что мой мужъ хлопоталъ уже въ здѣшнемъ городскомъ судѣ о разводѣ, по причинѣ нарушенія моей супружеской вѣрности, и это обстоятельство сдѣлало мнѣ жизнь постылой. Мой старшій сынъ Вильгельмъ умеръ еще въ 1865 году".

Въ письмѣ, адресованномъ пастору, она говоритъ, что мужъ бранитъ ее грубѣйшимъ образомъ, упрекаетъ ее, что ребенокъ, которымъ она беременна, не его, что и младшій ребенокъ также не его. Она болѣе не можетъ этого сносить, чѣмъ же ей доказать свою невинность. Отчаяніе ея очень велико, она не можетъ больше жить, и рѣшилась покончить съ жизнью вмѣстѣ съ своимъ ребенкомъ. Ея милую Марту отнялъ у нея мужъ и унесъ къ гадкой твари, съ которою онъ въ связи. Она просила всемогущаго Бога простить ей ея вину. Она была невинной, чистой дѣвушкой, когда выходила замужъ, и теперь, какъ и прежде, осталась вѣрна своему мужу. Все, въ чемъ онъ ее обвиняетъ, неправда, онъ только себя хочетъ оправдать. Пусть бы пасторъ пришелъ утѣшить ея стараго отца и помирить мужа хоть съ ея трупомъ. Она не можетъ больше жить. Горе ея слишкомъ велико, чѣмъ ей возстановить свою невинность? Она можетъ доказать ее только своей жизнью. Потомъ слѣдуетъ подпись имени, вмѣстѣ съ точнымъ указаніемъ квартиры, потомъ постскриптумъ: „Что онъ вырвалъ у меня единственнаго ребенка, это и есть причина моей погибели".

Въ запискѣ къ мужу, она хочетъ высказать въ послѣдній разъ свои „страданія и жалобы", такъ какъ она болѣе не желаетъ переносить угрозъ, ругательствъ и побоевъ. Потомъ слѣдуютъ упреки за его отношенія къ Грундель, которая ему налгала и очернила ее передъ нимъ, такъ что онъ поступалъ съ ней какъ тиранъ. Переносить это больше невозможно. Она любитъ его на вѣкъ, на вѣкъ онъ принадлежитъ ей и т. п. Она уйдетъ съ его дороги, и „когда

ее болѣе не будетъ, онъ будетъ счастливъ съ своей Грундель", а она еще счастливѣе его; покуда же она жива, не допуститъ ихъ до брака, только Богъ можетъ разлучить ихъ, а не человѣкъ. Слѣдуютъ новыя жалобы, что ея сердце тверже камня, что оно ожесточено этой скверной дѣвкой, которая была свидѣтельницею ея горя, вкрадывалась къ нимъ лестью, чтобы оттолкнуть отъ нея мужа, тогда какъ она для нея ничего не дѣлала кромѣ добра, и когда дѣла у ней шли дурно, брала ее къ себѣ въ домъ и кормила; за это теперь получила благодарность, ибо она была главной виновницей ея несчастія. „Этотъ старый плутъ и эта скверная дѣвка погубили ее".

„Женитесь съ Богомъ, я схожу съ вашей дороги, но мои бѣдные, бѣдные милые дѣти! О милосердый Боже, сжалься надъ моими дѣтьми, не допусти ихъ до худаго, до того, до чего дошла ихъ мать! О, какъ горько умирать и оставлять дѣтей, но я должна умереть, я не должна болѣе жить, если я заслужила смерть, такъ я умру, потому что ты хочешь насильно отнять моихъ дѣтей и, конечно, сердце матери не можетъ этого перенести. Чтобы мать работала у чужихъ людей, чтобы дѣти ея работали на другую женщину, вѣчно думать, что будетъ съ твоими дѣтьми,—нѣтъ, этого я не могу перенести, не могу пережить. Дай Богъ, чтобы дочь выросла благочестивой и хорошей хозяйкой для тебя; я скоро наскучила тебѣ, не наскучитъ ли тебѣ и та. Ты теперь еще такъ очарованъ, что и видѣть не хочешь ея лжи, но придетъ же когда нибудь время и ты поймешь ея низость и скажешь самому себѣ: не будь ея, жила бы еще моя жена, и она не была такой дурной, какъ о ней говорили. Я была тебѣ вѣрна, вѣрна и теперь, клянусь тебѣ въ этомъ, клянусь всемогущимъ Богомъ. Но ты скажешь себѣ: этого быть не можетъ,—какъ ты стараешься теперь себя въ этомъ убѣдить, и эта скверная дѣвка наговариваетъ тебѣ на меня, но я не виновата. Еслибъ я была въ него влюблена, тогда было бы другое дѣло; вѣдь онъ сказалъ, что теперь будетъ заботиться какъ отецъ, и если я буду нуждаться въ деньгахъ, то могу, во имя Божіе, къ нему придти и онъ мнѣ дастъ. Все это правда, я не могу говорить иначе

передъ смертью, и *дай Богъ, чтобы сынъ твой выросъ*, хотя ты будешь также дурно съ нимъ обходиться. О, Вильгельмъ, не отвергай этого ребенка, внемли просьбѣ твоей умирающей жены, онъ твой, какъ и Марта, какъ и то, которое я ношу, въ чемъ я твердо увѣрена. У тебя будетъ хорошій сынъ, онъ будетъ тебѣ опорой въ старости. О, какъ часто при видѣ умершей и слыша, что это мать, какъ часто оплакивала я бѣдныхъ дѣтей; кто будетъ плакать о моихъ дѣтяхъ, никто! и т. д. Потомъ слѣдуетъ одно мѣсто изъ молитвенника, къ которому присоединены слѣдующія слова: „Прощай Вильгельмъ, прости, возлюбленный, на вѣки, я не буду больше терпѣть этой муки. Я покидаю свѣтъ, потому что мнѣ наскучили твои прихоти; сегодня я оставляю свѣтъ и выбираю другое; хотя ты еще не далеко отъ меня, но это конечно въ послѣдній разъ". Здѣсь письмо и кончается, безъ подписи.

Что касается до нарушенія супружеской вѣрности, о которомъ нѣсколько разъ упоминается въ вышеприведенныхъ письмахъ, Массъ, съ своей стороны, показываетъ слѣдующее, не измѣняя никогда своихъ показаній:

„Перваго мая 1866 года, мужъ мой уѣхалъ въ Америку, по недостатку работы. Онъ оставилъ мнѣ съ ребенкомъ всего 4 пфенига, да еще не уплатилъ и за квартиру. Братъ моего опекуна, Леклеръ, котораго я знала съ дѣтства, далъ мнѣ работу у себя на дому— починивать ему платье. Онъ сталъ уговаривать меня, чтобы я отдалась ему, сдѣлалъ мнѣ много обѣщаній, говорилъ, что тутъ и дурнаго ничего нѣтъ, такъ какъ мужъ у меня въ отсутствіи, обѣщалъ дать мнѣ денегъ на поѣздку къ мужу въ Америку, и только на пятый день я отдалась ему, да и то онъ меня положительно къ этому принудилъ. Сходилась я съ нимъ всего раза три. Леклеръ далъ мнѣ денегъ, не знаю сколько, обѣщалъ также и впередъ помогать, даже если бы я ему больше и не отдавалась. Зингеръ, жена моего пріемнаго брата, склоняла меня отдаться Леклеру, представляя мнѣ мое безпомощное положеніе и увѣряя, что это было бы полезно для родовъ, такъ какъ я въ то время была беременна".

Когда возвратился ся мужъ и узналъ объ этомъ, то и самъ

завелъ связь съ Грундель. Жизнь пошла у нихъ все хуже и хуже, начались ссоры, брань, насилія; при всемъ томъ, мужъ, пользуясь положеніемъ своей жены, вытягивалъ съ Леклера деньги. Это подтверждаютъ какъ его собственныя показанія, такъ и другіе свидѣтели. Со времени наступленія семейнаго разлада, Массъ нѣсколько разъ покушалась на самоубійство. Мужъ не разъ угрожалъ ей разводомъ и когда онъ ушелъ въ субботу 11 числа, взявъ съ собой дочь, она и сдѣлала вышеописанную попытку къ самоубійству, которая ей не удалась. Всѣ прежнія попытки разстраивались мужемъ, какъ онъ показалъ, но по ея показаніямъ онѣ не имѣли значенія, ими она хотѣла только напугать его.

Августа 19, въ протоколѣ слѣдователя значилось, что послѣ первыхъ вопросовъ о личности, продолжать допроса подсудимой было невозможно, по причинѣ сильнаго ея изнуренія, а также и потому, что она начинала сильно плакать каждый разъ, какъ заходила рѣчь о случившемся. Когда ей было объявлено, что противъ нея начато дѣло по обвиненію ея въ убійствѣ, она выразила, что не можетъ себѣ представить, чтобы она убила свое дитя. Когда повели ее обратно въ тюрьму, она спросила, когда можно будетъ ей идти домой. При разсказахъ, она такъ распространялась о побочныхъ обстоятельствахъ, что почти всегда теряла изъ виду главное.

Августа 24-го она объяснилась, по крайней мѣрѣ на столько связно, что можно было составить обстоятельный протоколъ, какъ и 16 числа (хотя изъ этого не слѣдуетъ, чтобы она обстоятельно выражалась). Слѣдователь сталъ сомнѣваться въ неповрежденности ея умственныхъ способностей, и въ актахъ нашлось много показаній о ея прежнихъ поступкахъ, не лишенныхъ значенія.

Мужъ Массъ показываетъ:

Спустя семь недѣль послѣ свадьбы, онъ, какъ резервистъ, былъ призванъ на службу и жилъ съ женой въ Вриценѣ до тѣхъ поръ, когда кончилась кампанія. Здѣсь, въ маѣ 1864 г., родился у ней первый ребенокъ. Она была очень опечалѣна тѣмъ, что мужа вызвали на службу, часто горько плакала, и мужъ замѣтилъ, что у ней память стала удивительно слаба: она забывала куда клала свои

вещи. До 1865 г. они жили счастливо; однакожь, одинъ разъ при пустой ссорѣ, она до того вспылила, что схватила годовую Марту и бросила въ него. Онъ подхватилъ ребенка и далъ ей пощечину, отчего она грохнулась на полъ и пролежала безъ чувствъ цѣлый часъ. Все шло хорошо до апрѣля 1867 г., т. е. до его поѣздки въ Америку, откуда онъ возвратился въ іюлѣ того же года. Въ продолженіи этого времени она познакомилась съ Леклеромъ, въ чемъ и созналась ему въ маѣ. Онъ хотѣлъ ее тотчасъ же оставить, но на другой же день смягчился просьбами ея и ея отца и оставилъ это намѣреніе, но вскорѣ послѣ этого началъ жить съ Грундель, съ которой уже прежде имѣлъ знакомство. Когда онъ одну ночь не пришелъ домой, вышла ссора и жена сильно разсердилась. Въ его присутствіи подошла она къ комоду, вынула бритву и разрѣзала себѣ жилу на рукѣ. Онъ отнялъ бритву и такъ какъ у ней текла кровь, позвалъ доктора. Въ субботу 18-го, послѣ ссоры, рѣшилъ онъ совсѣмъ съ ней покончить, отнялъ у ней ребенка и ушелъ, при чемъ она бѣжала за нимъ съ метлой по лѣстницѣ и дѣлала ему угрозы. При этомъ случаѣ онъ не замѣтилъ у ней намѣренія лишить себя жизни. Но 11 мая, послѣ того какъ онъ укорялъ ее въ связи съ Леклеромъ, возвратившись вечеромъ домой, нашелъ множество сѣрныхъ спичекъ въ чашкѣ съ водой и выбросилъ ихъ. Въ другой разъ, тоже послѣ ссоры, онъ увидалъ какъ жена держала голову надъ жаровней съ горячими углями, повидимому, съ цѣлью уморить себя угаромъ. Онъ тотчасъ же увелъ ее въ комнату и положилъ на диванъ. Въ послѣднія шесть недѣль она часто ночью по цѣлымъ часамъ сидѣла у открытаго окна. Передъ этимъ также разъ послѣ ссоры она, сильно горячась и говоря вздоръ, хотѣла непремѣнно идти зачѣмъ-то въ кухню. Онъ предчувствовалъ, что она хочетъ что-нибудь надъ собой сдѣлать, отворилъ окно и со словами: „ты съума сошла, я долженъ буду отвести тебя въ Charité“, хотѣлъ позвать полицейскаго. Она пришла въ такое состояніе, что казалась совершенно сумасшедшей и цѣлый часъ безумствовала и говорила безсмыслицу.

Капиталистъ Леклеръ показалъ, что когда Массъ въ отсутствіи

мужа работала у него нѣсколько дней, онъ замѣтилъ у ней нѣкоторую экзальтацію и слабость памяти.

Протоколистъ Гаманъ зналъ семейство Массъ съ 1866 г. и жилъ съ ними въ однѣхъ сѣняхъ. Онъ часто видалъ Массъ и замѣчалъ, что она иногда казалась не въ своемъ умѣ. Она произносила какія-то странныя слова, говорила ему о необыкновенныхъ, невозможныхъ проэктахъ, которые были у ней въ головѣ, такъ что онъ говорилъ иногда своей женѣ, что Массъ помѣшана. Такъ, одинъ разъ будто бы она увидала три звѣзды на небѣ, которыя означали войну и всевозможное несчастіе, и хотѣла сообщить это здѣшней обсерваторіи. Она говорила, что можетъ открывать воровъ съ помощью колдовства, для чего нужны Erbschlüssel, молитвенникъ и карты.

Въ присутствіи слѣдователя, Массъ показала мнѣ, что она какъ послѣдней, такъ и прежними попытками къ самоубійству, хотѣла только напугать мужа и заставить его образумиться. Кромѣ того, она показала, что страдала въ дѣтствѣ обмороками и иногда падала на улицѣ безъ чувствъ. Такъ какъ являлось сомнѣніе, какого свойства были эти припадки, вышеприведенныя же показанія наводили на мысль, что они могли имѣть вліяніе на ея умственныя способности, то я предложилъ перевезти ее въ Charité, для болѣе точнаго наблюденія, гдѣ она находится и теперь.

Свѣдѣнія о томъ, какъ Массъ вела себя въ Charité, я заимствую изъ отчета доктора Зандера, съ присоединеніемъ моихъ наблюденій надъ ней и всего что было собрано изъ ея анамнеза, сверхъ вышеупомянутыхъ свидѣтельскихъ показаній.

Массъ, 29 лѣтъ, средняго роста, умѣренной полноты, лице блѣдное, тѣлесныхъ уродливостей незамѣтно. Меньшаго ребенка, родившагося своевременно въ декабрѣ 1867 г., кормила грудью до его смерти; въ іюнѣ у ней опять были регулы, а отъ іюля до сихъ поръ не приходили. По этому обстоятельству, какъ и по причинѣ бывшей время отъ времени тошноты, сочла она себя беременной на четвертомъ мѣсяцѣ. Объэктивныхъ признаковъ существующей беременности до сихъ поръ нѣтъ; именно: матка черезъ брюшные по-

кровы не прощупывается; также и внутреннее изслѣдованіе не даетъ никакихъ вѣрныхъ результатовъ, такъ что этотъ вопросъ долженъ остаться нерѣшеннымъ.

Отецъ Массъ показываетъ, какъ кажется вполнѣ достовѣрно, что мать изслѣдуемой страдала судорогами и безпамятствомъ, которое являлось то вмѣстѣ съ судорожными припадками, то безъ нихъ; далѣе, братъ ея матери, 21-го года былъ какъ ребенокъ, не могъ ничему учиться, сидѣлъ постоянно на корточкахъ въ углу, такъ что нужно было его вытаскивать оттуда, слѣдовательно былъ идіотъ. Объ судорогахъ своей матери изслѣдуемая ничего не знаетъ, потому что отъ матери осталась всего двухъ лѣтъ. Отецъ Массъ недавно только на свободѣ (съ марта нынѣшняго года), онъ былъ двадцать три года въ смирительномъ домѣ въ наказаніе за убійство своей содержанки.

Изслѣдуемая также страдаетъ судорогами.

Она весьма простодушно показываетъ, что до 14-го года, особенно послѣ воспаленія въ мозгу, бывшемъ у ней на 11-мъ году, часто падала безъ чувствъ на улицѣ, и когда приходила въ себя, ее переносили домой. До этого времени, она была на воспитаніи у одной женщины, Фришъ, которая обходилась съ ней дурно и нисколько объ ней не заботилась. Съ 14 года судороги остановились, и только позднѣе, послѣ ея замужества, опять являлись нѣсколько разъ, и въ послѣдній разъ въ іюнѣ. Съ 14 года она была служанкой въ продолженіи десяти лѣтъ у г-жи Зейлеръ, которая дала ей хорошій аттестатъ о ея поведеніи. Головными болями она страдала обыкновенно часто и сильно. Предшествовала-ли припадкамъ такъ-называемая аура,—объяснить она не могла. На языкѣ рубцовъ нѣтъ.

Ея показанія, которыя сами по себѣ имѣютъ внутреннюю правду, пріобрѣтаютъ достовѣрность сличеніемъ съ показаніями ея отца.

Прежде онъ съ ней видался только тогда, когда она посѣщала его. Онъ припоминаетъ при этомъ, что она, будучи еще ребенкомъ, разсказывала ему о частыхъ припадкахъ безпамятства, которые съ ней случались. Съ марта же, видаясь съ ней часто, онъ нѣсколько разъ находилъ ее безъ памяти, такъ что долженъ былъ тря-

сти ее и брызгать въ лице водой, чтобы привести въ чувство какъ это бывало и съ его женой, по его словамъ. Мало по малу она приходила въ себя, не зная гдѣ она и что съ ней было. Однажды, именно въ августѣ, онъ нашелъ ее безъ чувствъ на полу и она не знала какъ это съ ней случилось.

Хотя въ Charité судорожныхъ припадковъ у нея не наблюдалось, но изъ этихъ показаній, въ связи съ показаніями мужа, слѣдуетъ, что она давно страдала эпилепсіей, т. е. мозговой (resp. первной) болѣзнью, и вслѣдствіе этой болѣзни была въ легкой степени тупоумна.

На нее дѣйствовали различныя душевныя волненія, которыя, при существующемъ расположеніи, были очень способны вызвать душевную болѣзнь (resp. усилить существовавшую).

Докторъ Зандеръ, наблюдавшій больную нѣсколько мѣсяцевъ, показываетъ, что она постоянно находится въ угнетенномъ настроеніи духа, сама говоритъ очень мало, на вопросы отвѣчаетъ коротко тихимъ голосомъ. Стоитъ только заняться ею, какъ у нея уже выступаютъ слезы на глазахъ и обыкновенно начинается дрожаніе въ членахъ, передающееся потомъ всему тѣлу. Она прилежно работаетъ, сама собой ни на что не жалуется, но когда ее спрашиваютъ, говоритъ что часто болитъ голова, что ночи спитъ безпокойно, тревожится мыслями, что видитъ будто старшій сынъ приходитъ въ комнату, также часто представляется ей, что будто младшій сынъ живъ, что она держитъ его на колѣняхъ и что онъ кричитъ. Но эти обманы чувствъ надъ ней не господствовали; по ея словамъ, она увѣрена что всего этого на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Безумныхъ представленій также у нея не обнаруживалось.

Со всѣмъ этимъ совершенно согласуются и мои наблюденія, хотя я нашелъ Массъ нѣсколько поправившейся, но всѣ эти явленія существовали.

Что ея показанія не носятъ слѣдовъ намѣренности, притворства, или преувеличенія своего состоянія,—за это говоритъ уже общее впечатлѣніе, вызываемое ею; что она не преувеличиваетъ—ясно уже потому, что по ея показаніямъ теперь дитя ея является ей

рѣже, чѣмъ раньше, что судорогъ съ іюня у ней не бывало и проч.

Далѣе предстоитъ разсмотрѣть, слѣдуетъ ли принимать ея состояніе за болѣзненное, не просто-ли, скорѣе, это угнетенное состояніе духа, вслѣдствіе сознанія своей вины и несчастія, то есть физіологическое и психологически вполнѣ понятное. Послѣднее пріобрѣтаетъ тѣмъ большую вѣроятность, что въ одномъ изъ писемъ, которыя она писала изъ Charité къ мужу, она буквально высказываетъ это: „О, Вильгельмъ, если ты не сдержишь слова, которое мнѣ далъ въ Вифаніи и въ письмѣ, „что никогда не увидишь эту дрянь“, и что ты обѣщался быть мнѣ вѣрнымъ — въ другомъ письмѣ—тогда ты въ третій разъ приведешь меня въ отчаяніе. Это снова сведетъ меня съ ума; но теперь пока еще, благодаря Бога, съума я не сошла, и потому только была такъ молчалива и печальна, чте иначе и быть не могло. Потерять милаго сына, обоихъ васъ покинуть — развѣ этого не достаточно, чтобы разбить сердце матери.“ Въ томъ же письмѣ она спрашиваетъ: развѣ не довольно она страдала и перенесла позора съ мая за то, что сдѣлала дурное дѣло.

Не смотря на все это, на состояніе изслѣдуемой должно смотрѣть не иначе какъ на болѣзненное. Доказательствомъ этого служитъ, кромѣ вышеописанныхъ физическихъ болѣзненныхъ явленій и поведенія ея, то, во-первыхъ, что она была постоянно занята одними и тѣми же мыслями, такъ что никакихъ иного рода представленій у нея не проявлялось, потомъ,—что она до такой степени была погружена въ апатію, что никакимъ образомъ не могла самостоятельно выйти изъ тяжелаго, завладѣвшаго ею круга мыслей. Далѣе, что это меланхолическое душевное настроеніе овладѣло ею не только послѣ совершенія поступка, но существовало и ранѣе. Отецъ ея показываетъ, что еще до начала семейнаго разлада ему случалось нерѣдко находить ее лежащей на софѣ и плачущей безъ всякой причины, такъ какъ на дурное обращеніе она тогда пожаловаться не могла; что она по цѣлымъ днямъ ничего не ѣла и его накормить не заботилась; она говорила ему, что ей уже раньше ка-

зались призраки. Сама она показывала, что еще прежде чѣмъ мужъ оставилъ ее, она безъ всякой причины часто грустила, на вопросъ же, не исторія ли съ Леклеромъ была тому причиной, она отвѣчала то да, то нѣтъ, смотря потому, какъ ставили вопросъ.

Что же касается до самаго ея поступка, то она говоритъ, что цѣли убить дитя у нея не было. Она, конечно, имѣла это намѣреніе за нѣсколько дней передъ тѣмъ, даже въ то утро, но днемъ уже передумала и хотѣла отдать дитя сосѣдкѣ, когда та возвратится, но между тѣмъ, должно быть, и заспула. Она ссылается въ этомъ отношеніи на тѣ слова въ своемъ письмѣ къ мужу, гдѣ она говорила, что сынъ будетъ его подпорой, и утверждаетъ, что это письмо написано позже письма къ священнику. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи на ея показанія полагаться нельзя, такъ какъ слѣдователю она сказала, что письмо священнику было написано послѣ письма къ мужу, а еслибы она перемѣнила намѣреніе, то это могло бы быть только въ промежутокъ между тѣмъ и другимъ письмомъ. Однакожъ, очевидно, что въ основаніи всѣхъ этихъ противорѣчій лежитъ не дурная цѣль, но умственная спутанность, недостатокъ припоминанія душевныхъ процессовъ. Такъ, она утверждаетъ, что послала за священникомъ, чтобы онъ помирилъ ее съ мужемъ, а сама между тѣмъ заперла дверь и, вѣроятно, уже была бы мертвой, прежде чѣмъ священникъ переступилъ ея порогъ. Да и мужъ еще за обѣдомъ сказалъ ей, что вечеромъ домой не вернется. Относительно своихъ попытокъ къ самоубійству, она говорила мнѣ, что нѣкоторыми изъ нихъ хотѣла напугать мужа, потому что въ такихъ случаяхъ онъ постоянно становился добрѣе, по что спичками дѣйствительно, хотѣла отравиться, потому что тогда ей хотѣлось умереть. Причиной этого она выставляла отчаяніе и то, что у нея не было никакого исхода. По ея сознанію, она понимала, что была неправа, намѣреваясь убить свое дитя, но была слишкомъ несчастна, чтобы объ этомъ подумать; ей было совершенно все равно, убить его или нѣтъ, и она, конечно, не изъ сознанія несправедливости этого намѣренія хотѣла его оставить, но потому что обдумала, что сыну ея будетъ лучше, если она его не убьетъ.

Хотя нельзя сказать, чтобы у изслѣдуемой не было вовсе сознанія наказуемости ея поступка, и хотя она дѣйствовала не подъ вліяніемъ ложныхъ представленій или галлюцинацій, но все таки нельзя не признать, что умственныя способности ея были ослаблены, что она страдала и страдаетъ душевной болѣзнью подъ вліяніемъ эпилепсіи, что ея болѣзнь состоитъ въ болѣзненной душевной подавленности, причиненной разстройствомъ нервныхъ функцій, и въ сосредоточенности, которая допускала до сознанія только одинъ родъ представленій, что и побуждало ее къ повторенію попытокъ къ самоубійству. Это болѣзненное состояніе не позволяло ей правильно и обдуманно обсудить обстоятельства и положеніе, въ которыхъ она находилась; она считала свое положеніе безнадежнымъ, отчаявалась въ томъ, чтобы дѣла приняли лучшій оборотъ и, наконецъ, состояніе это не допускало возможности внутренней борьбы въ ея сознаніи.

Поэтому, она не обладала свободой выбора—совершить поступокъ или нѣтъ и, въ этомъ смыслѣ, также неспособна была обсудить послѣдствія своего поступка.

Сообразно высказанному, я, по долгу службы, объявляю, что изслѣдуемая въ настоящее время неспособна къ судимости и что во время совершенія поступка, по моему мнѣнію, была неспособной ко вмѣненію.

СЛУЧАЙ ТРЕТІЙ.

Нарушеніе спокойствія. — Эпилептическое головокруженіе. — Вѣроятная причинная связь.

Нѣкто Ретлейнъ обвиняется въ томъ, что онъ кричалъ и бранился, идя по улицѣ и оскорблялъ публику толчками и ругательствами.

Родная сестра изслѣдуемаго, по его словамъ, страдаетъ эпилептическими судорогами. Самъ онъ, какъ показываетъ, также страдаетъ головой, именно съ того времени, какъ получилъ ударъ по макушкѣ головы, у него въ этомъ мѣстѣ начались продолжительные боли. Нерѣдко страдаетъ онъ головокруженіемъ, которое часто доводитъ его до безпамятства, но скоро проходитъ, оставляя послѣ

себя продолжающуюся съ полчаса забывчивость. Онъ тогда бываетъ какъ растерянный; также когда ему дадутъ одновременно нѣсколько порученій, онъ совершенно сбивается съ толку и теряется. Состояніе это ухудшилось отъ нужды и заботъ о пропитаніи.

Во время вмѣняемаго въ преступленіе поступка, онъ находился, по его словамъ, именно въ такомъ состояніи и не зналъ, что своимъ поведеніемъ причинилъ публичное оскорбленіе. Пьянъ онъ не былъ.

Ретлейнъ, 50-ти лѣтъ, смотритъ совершенно опустившимся. На головѣ, между лбомъ и макушкой, находится трех-угольный рубецъ, кожа на этомъ мѣстѣ неподвижна и приросла къ костямъ. При давленіи рубецъ нечувствителенъ. Правый глазъ пораженъ хроническимъ катарромъ и изслѣдуемый, по его словамъ, видитъ этимъ глазомъ хуже, именно ко времени припадковъ. Болѣе ни на какія физическія болѣзни не жалуется. Изслѣдуемый находится въ состояніи душевной подавленности, разговоръ его и объясненія сбивчивы, понять его можно только послѣ многократныхъ распросовъ. Замѣтна значительная степень умственной тупости.

Физическихъ симптомовъ хроническаго алкоголизма изслѣдуемый не представляетъ, впечатлѣнія притворщика не дѣлаетъ. Противъ подозрѣнія въ притворствѣ говорятъ находящіеся при актахъ аттестаты его хозяевъ и окружныхъ надзирателей (Bezirksvorsteher), которые отзывались объ немъ, какъ о завѣдомо тупоумномъ.

Вышеприведенные факты, въ соединеніи съ моими наблюденіями, показываютъ, что изслѣдуемый страдаетъ хронической судорожной болѣзнью, вѣроятно эпилептическимъ головокруженіемъ, и что эта болѣзнь не осталась безъ нарушающаго вліянія на его мозговую дѣятельность, именно довела его до тупоумія, и по временамъ, кажется, доводитъ до помѣшательства.

Находился ли онъ именно въ такомъ состояніи во время вмѣняемаго въ преступленіе поступка, я рѣшить не въ состояніи.

Впрочемъ, нѣтъ никакого основанія не давать вѣры показанію его, что онъ находился во время совершенія вмѣняемаго ему поступка въ вышеописанномъ болѣзненномъ состояніи.

Поэтому жалоба была взята обратно.

СЛУЧАЙ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Сопротивленіе властямъ. — Приступъ бѣшенства, вслѣдствіе эпилептическихъ припадковъ.

Нѣкто Габріэль, при переѣздѣ на другую квартиру, такъ странно велъ себя, что нужно было потребовать помощь полиціи.

По причинѣ сопротивленія полиціи, онъ былъ задержанъ, при чемъ его должны были связать потому что онъ впалъ, безъ всякой причины, въ такое бѣшенство, что даже четверо не могли его удержать.

Думали, что онъ пьянъ и въ бѣлой горячкѣ, и потому доставили его въ Charité.

Въ это заведеніе онъ былъ отправленъ 28 іюня 1867 г., въ возбужденномъ состояніи. Онъ явился въ веселомъ расположеніи духа, навьюченный всевозможными безполезными вещами.

На другой день онъ былъ печаленъ, однакожъ опять развеселился, собиралъ бездѣлушки, велъ себя какъ тупоумный и ночью буянилъ.

Августа 7 его перевели въ отдѣленіе судорожныхъ болѣзней, ибо онъ страдалъ эпилептическими судорогами, а не Delirum potatorum, какъ думали прежде.

Здѣсь онъ велъ себя вообще спокойно, набивалъ себѣ карманы разными бездѣлушками, и только одинъ разъ обнаружилъ раздражительность, потому что жена не хотѣла его взять, угрожалъ доктору насиліемъ, грозно требовалъ, чтобы его выпустили; вообще, его болѣзнь этимъ ясно выказалась.

Предыдущія замѣтки заимствованы изъ журнала Charité. Докторъ Иделеръ, наблюдавшій больнаго съ 16 декабря, послѣ выписки его по неизлечимости, показываетъ, что онъ ведетъ себя спокойно и судорогъ у него не наблюдалось.

По моимъ наблюденіямъ въ его показаніяхъ нѣтъ ничего невѣроятнаго. Онъ показываетъ, что съ дѣтства страдалъ эпилептическими судорогами, которыя сопровождались аурой. Наступали

опѣ въ неправильные періоды. Большихъ подробностей объ этомъ опъ не знаетъ, отрицая однакожъ чтобы за ними слѣдовало умственное разстройство.

Габріель 30-ти лѣтъ, тѣлесныхъ аномалій не представляетъ. Выраженіе лица у него тупое.

Объ вмѣняемыхъ въ преступленіе поступкахъ не говоритъ ничего, утверждаетъ что совсѣмъ не виноватъ въ томъ, въ чемъ его обвиняютъ. Несмотря на подробные распросы, онъ не въ состояніи съ точностью разсказать о происшествіи того дня, въ который опъ совершилъ вмѣняемый ему поступокъ, также какъ и наканунѣ, и говоритъ, что въ это время у него было нѣсколько эпилептическихъ припадковъ. Никакъ нельзя было втолковать ему, что онъ непонятно и неясно выражается. Онъ смотритъ тупоумнымъ.

Такъ какъ, съ одной стороны, по наблюденіямъ въ Charité было найдено что Габріель страдаетъ эпилептическими судорогами которыя были сопровождаемы состояніемъ экзальтаціи; съ другой стороны,—изслѣдованіе Габріеля доказываетъ, что онъ тупоуменъ, потому что не былъ въ состояніи разсказать толково о случившемся, то должно принять, что онъ учинилъ эти противозаконные поступки въ состояніи экзальтаціи, которое уничтожило свободу выбора, и было обусловлено предыдущими эпилептическими припадками. Это подтверждается показаніями констаблей, которые свидѣтельствуютъ что онъ *неукротимо бѣсновался* и обнаружилъ *совершенно необыкновенную силу*, совсѣмъ не такъ какъ пьяный, за котораго они было его приняли.

Изслѣдуемый былъ объявленъ невиновнымъ.

СЛУЧАЙ ПЯТЫЙ.

Воровство вслѣдствіе эпилептическихъ припадковъ.

Нѣкто Швейцеръ обвиняется въ томъ, что она 28 марта похитила съ прилавка въ мясной лавкѣ кусокъ баранины, въ то время какъ прикащикъ отвѣшивалъ ей сосиски, и въ присутствіи хозяина лавки. Когда стали ее обыскивать, она бросила этотъ кусокъ прочь.

Швейцаръ, между тѣмъ, была послана пользовавшимъ ея врачемъ въ Charité, по причинѣ болѣзни матки. Тамъ нашли что она страдаетъ эпилептическими судорогами и перевели въ отдѣленіе душевно больныхъ.

Изслѣдуемая 26 лѣтъ, блѣдная, изнуренная, съ тупымъ выраженіемъ лица, хотя не въ такой высокой степени какъ обыкновенно бываетъ въ застарѣлой эпилепсіи. Во время продолжительнаго разговора, она приходитъ въ возбужденное состояніе, у нея появляются непроизвольныя жевательныя движенія и щелканіе языкомъ, также сухость во рту, что заставляетъ опасаться наступленія судорогъ. Память у нея довольно хороша. Она дала показаніе о себѣ скоро и точно, но, при болѣе продолжительномъ разговорѣ, является у нея неясность въ ходѣ мыслей и тупоуміе въ сужденіяхъ. Она разсказываетъ что уже много лѣтъ, — повидимому подъ вліяніемъ наслѣдственнаго расположенія—страдаетъ эпилептическими судорогами, которыя возбуждаются душевными волненіями. Существованіе этого страданія не можетъ быть подвержено сомнѣнію, ибо, съ одной стороны, въ Charité были наблюдаемы припадки, съ другой стороны—объ нихъ свидѣтельствуютъ множество шрамовъ на головѣ, на языкѣ и проч., явно происшедшихъ отъ поранеій во время судорогъ. Также она очень характеристично описываетъ начало судорогъ и предшествующіе имъ короткіе, соединенные съ безчувственностью, припадки головокруженія.

При сужденіи о ея состояніи важно то обстоятельство что она, не зная цѣли моего посѣщенія, говорила мнѣ, что очень часто послѣ припадковъ находило на нее такое состояніе, въ которомъ она не знала, что дѣлала. Случалось, что она перемывала кухонную посуду или дѣлала другія вещи, ничего о томъ не зная. Это извѣстно ея сосѣдямъ.

Когда заходитъ рѣчь о вмѣняемомъ въ преступленіе поступкѣ, она очень возбуждается, ея отвѣты и объясненія дѣлаются неясны и запутаны. Она отпирается отъ поступка и утверждаетъ, что не брала этаго куска мяса. Хотя у нея и былъ въ тотъ день эпилептическій припадокъ, но она навѣрно знаетъ, что не брала

мяса, она не знаетъ какъ онъ попалъ со стола на полъ. Я представлялъ ей, что она, страдая, послѣ припадковъ, слабостью памяти и бессмысленностью, могла этого не замѣтить, такъ какъ видѣли какъ она бросила кусокъ, но вразумить ее въ этомъ было невозможно и она проходила въ такое возбужденное состояніе, хватаясь безпрестанно за стаканъ съ водой чтобы смочить себѣ ротъ, что я долженъ былъ прерывать разговоръ и предоставлять ей свободу, чтобы она успокоилась.

Изъ вышесказаннаго видно, что изслѣдуемая страдаетъ нервной болѣзнью, именно эпилепсіей, и что долгое время продолжавшаяся болѣзнь не осталась безъ вліянія на ея умственныя отправленія, какъ это часто случается. Это подтверждено также продолжительнымъ наблюденіемъ врачей въ Charité.

Подозрѣнія въ притворствѣ предлежащій случай совершенно не возбуждаетъ. Изслѣдуемая пришла въ Charité совсѣмъ не за тѣмъ чтобы лечиться отъ этой болѣзни, но, что весьма замѣчательно, она утверждаетъ что именно послѣ этаго припадка у нея вовсе не было той забывчивости, которая прежде часто случалась.

Тѣмъ не менѣе слѣдуетъ принять, что Швейцеръ совершила этотъ поступокъ, не обладая свободой выбора—дѣлать или не дѣлать. Въ этотъ день у нея былъ припадокъ, судя по ея правдоподобному показанію, а послѣ подобныхъ припадковъ у нея уже не разъ оставалось на долгое время состояніе безсмысленности кромѣ того, по разговорамъ съ ней, какъ и по врачебнымъ наблюденіямъ, видно, что она тупоумна.

Поэтому, по долгу присяги, заключаю, что Швейцеръ одержима тупостью умственныхъ способностей и во время совершенія поступка не находилась въ состояніи способности ко вмѣненію.

СЛУЧАЙ ШЕСТОЙ

Публичный соблазнъ, оскорбленіе стыдливости. Эпилептическое головокруженіе.

Некто Вейландъ обвиняется въ произведеніи публичнаго соблазна, именно, стоя у окна въ сѣняхъ, откуда видны были окна

кухни и комнаты другаго дома, и возбудивъ вниманіе нѣсколькихъ дѣвушекъ изъ этаго дома, онъ устремилъ на нихъ пристальный взглядъ и обнаживъ половыя части, началъ онанизировать.

При приближеніи полицейскаго, онъ обратился въ бѣгство, однакожъ былъ задержанъ и выпущенъ пòслѣ того, какъ сдѣлалъ признаніе.

На присутствующихъ чиновниковъ Вейландъ сдѣлалъ положительное впечатлѣніе тупоумнаго.

Вейландъ, 28 лѣтъ, тѣломъ развитъ пропорціонально и объективныхъ признаковъ болѣзненности не представляетъ. Пульсъ, біеніе сердца и дыханіе правильны, пищевареніе и сонъ нормальны. Выраженіе лица добродушное, обращеніе вѣжливое, въ разговорѣ онъ дѣлаетъ впечатлѣніе робкаго и ограниченнаго, но добросовѣстнаго и порядочнаго человѣка. Однакожъ, слабости памяти или замѣтнаго недостатка въ сужденіи нельзя было замѣтить и послѣ повторительныхъ разговоровъ съ нимъ.

Какъ замѣтно, онъ получилъ нѣкоторое воспитаніе, пишетъ орографически правильно, чему не соотвѣтствуетъ затруднительность и запутанность изложенія, обнаруживающаяся у него при продолжительномъ разговорѣ.

Онъ не зналъ кто я, и чего отъ него добиваюсь. При первомъ моемъ посѣщеніи, онъ остался убѣжденнымъ, что я имѣю въ немъ нужду, какъ въ слугѣ.

По его показанію, онъ родился 1837 года, въ Штетинѣ. Отчего умеръ его отецъ, онъ не знаетъ. Мать его умерла отъ головной болѣзни, страдая много лѣтъ припадками, при которыхъ она падала съ потерей сознанія. Онъ вспоминаетъ, что когда онъ былъ еще мальчикомъ, часто помогалъ переносить ее на постель. Съ 1852 до 1857 года былъ въ услуженіи, потомъ съ 1859 до 1863, съ перемежками, въ военной службѣ. Съ декабря 1863 до сентября 1864, онъ участвовалъ въ шлезвигъ-голштинской войнѣ, потомъ, до апрѣля 1865, опять былъ въ услуженіи. Въ апрѣлѣ 1865 г. онъ купилъ одно дѣло, но долженъ былъ отказаться отъ него, потому что не получилъ дозволенія и при этомъ лишился

сбереженныхъ денегъ. Потомъ безъ успѣха добивался получить мѣсто почталіона; дѣвушка, на которой онъ хотѣлъ жениться, измѣнила ему и нѣсколько дней тому назадъ онъ вступилъ въ услуженіе. Онъ представилъ хорошіе аттестаты, какъ объ отправленіи должности слуги, такъ и о его поведеніи въ военной службѣ, гдѣ онъ былъ награжденъ нѣсколькими орденами.

Послѣднія обстоятельства его жизни вредно на него подѣйствовали: онъ часто страдалъ головной болью и не зналъ какъ ему жить. Въ послѣдніе дни, когда онъ больше ходилъ на воздухѣ, ему было лучше.

Слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что отъ него чрезвычайно трудно добиться бо̀льшихъ подробностей; очень часто онъ возражаетъ на мои распросы: „на это не стоитъ обращать вниманія.“ Не менѣе важно замѣтить и то, что я старался ни объ чемъ отъ него не допытываться, именно что касалось до вмѣняемаго ему въ преступленіе поступка, а онъ самъ началъ разсказывать объ этомъ, и я только тогда позволилъ себѣ дальнѣйшіе распросы.

Вотъ результатъ собранныхъ мной въ этомъ отношеніи свѣдѣній.

Неисполнившіяся надежды послѣдняго времени его жизни сокрушили его. Онъ часто впадалъ въ задумчивость, страдалъ головной болью и кратковременнымъ головокруженіемъ, во время котораго ему казалось, что всѣ предметы вокругъ него валились. Послѣ такихъ-то именно припадковъ и бывало, что онъ совершалъ такіе поступки, о которыхъ ничего не знаетъ. Еще будучи въ военной службѣ, изорвалъ онъ однажды свое платье и объявилъ, что дальше не пойдетъ. Онъ этого ничего не помнилъ и не былъ наказанъ, потому что скоро успокоился и не пошелъ далѣе. Когда ему было объявлено, что на открытіе шипка нѣтъ никакой надежды, онъ обезпамятѣлъ, и что было потомъ, не знаетъ. На Вейдендаммерскомъ мосту его окружила толпа людей, потому что онъ *„пристально“* смотрѣлъ на воду. Онъ пришелъ въ себя, но не знаетъ, какъ попалъ на мостъ. Въ другой разъ утромъ ушелъ онъ изъ дома и очутился въ два часа по полудни, въ дождь, сидящимъ на

пескѣ, на Крейцбергѣ, и потомъ пошелъ домой. Какъ попалъ на Крейцергъ, онъ не знаетъ. Однажды, въ отхожемъ мѣстѣ, онъ впалъ въ безпамятство, такъ что не зналъ, гдѣ находится. Также ему случилось при переѣздѣ на его теперешнюю квартиру зайдти въ одинъ домъ, потому что съ нимъ сдѣлался поносъ,—хотя онъ постоянно страдалъ запорами—и тамъ его арестовали, потому что онъ сдѣлалъ неприличное дѣло. Въ чемъ оно состояло, онъ не знаетъ. Только теперь далъ я ему понять, что мнѣ извѣстны кое-какія подробности объ этомъ дѣлѣ. Однакожъ онъ остался при томъ, что ничего не можетъ разсказать въ отношеніи этого дня, потому что не знаетъ, какъ онъ могъ до этого дойти. Онъ говорилъ, что и о другихъ случаяхъ ничего не знаетъ, отрицалъ также и то, что хотѣлъ убѣжать. Онъ не знаетъ, какъ онъ могъ дойти до того, чтобы играть половыми частями; родители его вѣдь были порядочные люди. (!)

При такихъ обстоятельствахъ я счелъ за полезное спросить хозяина Вейнланда, и рѣшился на это тѣмъ охотнѣе, что въ квартирѣ его все было порядочно и чисто. Именно въ присутствіи самого Вейнланда, я предложилъ хозяину высказать свое мнѣніе объ этомъ поступкѣ и о побужденіяхъ къ нему. Онъ сказалъ, что полиція уже извѣстила его въ чемъ состоитъ дѣло. При самомъ поступленіи къ нему Вейнланда, онъ упрекалъ уже его за то, что онъ такъ задумывается. По цѣлымъ днямъ сидѣлъ онъ одинъ въ своей темной комнатѣ, устремивъ впередъ пристальный взглядъ. До сихъ поръ онъ не говорилъ съ нимъ о дѣлѣ, о которомъ идетъ рѣчь, но продолжалъ укорять его, говоря что жена стала его бояться. У него былъ иногда пристальный, неподвижный взглядъ, онъ бѣгалъ взадъ и впередъ безъ всякой цѣли, и очевидно не зналъ что дѣлалъ. Еще вчера вечеромъ онъ просидѣлъ нѣсколько часовъ, уставившись на газету, не читая, очевидно не зная что дѣлаетъ и что говоритъ. Онъ взялъ, при свидѣтеляхъ, бутылку пива изъ его погреба и когда ему замѣтили это, онъ заплатилъ за нее и опять ушелъ въ свою комнату. Также часто случалось, когда они говорили о войнѣ, гдѣ хозяинъ также участвовалъ, но Вейнланда

не зналъ, что въ срединѣ разговора Вейландъ вдругъ неподвижно устремитъ глаза впередъ и начинаетъ говорить безсмыслицу, такъ что ничего нельзя понять, и можно было подумать, что онъ сошелъ съ ума. За исключеніемъ этого, онъ отозвался о немъ очень хорошо, онъ не пьяница, ведетъ порядочную жизнь и проч.

Вейландъ очевидно былъ чрезвычайно смущенъ и пораженъ той сценой. Онъ молчалъ, ничего не помнилъ о томъ, что взялъ бутылку, выпилъ, заплатилъ за нее, не зналъ также отдалъ ли онъ уже назадъ пустую бутылку, и когда я послалъ его въ его комнату посмотрѣть, тамъ ли она,—онъ принесъ ее, сѣлъ боязливо удивленный и со слезами на глазахъ пробормоталъ: „развѣ я съ ума сошелъ?“

Хотя конечно для строгонаучной діагностики недостаточно этихъ данныхъ и нужно еще спеціальное наблюденіе изслѣдуемаго во время припадковъ, что можно сообразно съ цѣлью исполнить только въ больницѣ; но, всетаки, по моему мнѣнію, для нашей цѣли, достаточно вышеприведенныхъ фактовъ, чтобы постановить мнѣніе, какъ я надѣюсь, достаточно убѣдительное.

Спрашивается, притворяется ли только Вейландъ; если же нѣтъ, то были-ли когда нибудь наблюдаемы случаи, подобные предлежащему и можно-ли принять, что вмѣняемый въ преступленіе поступокъ совершонъ въ подобномъ припадкѣ.

Подозрѣніе въ притворствѣ можно положительно опровергнуть. Я не придаю никакой важности тому, что Вейландъ не пьяница, не развратникъ, что отъ всѣхъ, кто его зналъ, онъ представилъ наилучшія свидѣтельства; прежнимъ хорошимъ поведеніемъ не могъ бы загладиться не только его поступокъ, но и попытка отпереться отъ него, или выставить себя невиноватымъ. Но есть моменты гораздо болѣе важные. Вейландъ былъ далекъ отъ того чтобы распространяться о своей болѣзни, также и тогда, когда онъ узналъ, что мнѣ поручено наблюдать за нимъ; напротивъ, только съ трудомъ и послѣ повторительныхъ посѣщеній я могъ допытаться отъ него того, что выше разсказалъ. И только послѣ показаній хозяина, я узналъ отъ него о томъ, что онъ страдаетъ припадками

головокруженія. Далѣе, въ томъ что онъ разсказываетъ есть внутренняя правда, и притворщику не легко придумать того, что Вейнландъ разсказываетъ за испытанное на самомъ себѣ, какъ напр. онъ очутился на Вейдендаммерскомъ мосту, на Крейцбергѣ и. т. п. Все впечатлѣніе, какое дѣлаетъ Вейнландъ, впечатлѣніе скорѣе ограниченнаго человѣка, противорѣчитъ тому, чтобы онъ могъ хитро придумывать свои показанія. Во время многочисленныхъ и длинныхъ разговоровъ со мной, онъ ни разу не попытался притвориться забывчивымъ, выказать какое нибудь сумазбродство или сказать хотя одно безсмысленное слово, но на каждый вопросъ давалъ обстоятельные отвѣты и толково объяснялъ все о чемъ была рѣчь. Относительно своего проступка припоминаетъ онъ ни больше и не меньше чѣмъ относительно другихъ подобныхъ же, но не касающихся до суда обстоятельствъ. Такъ, онъ даже безъ спроса показалъ, что ему съ нѣкотораго времени лучше, голова свободнѣе и меньше болитъ, потому что онъ болѣе бываетъ въ движеніи на воздухѣ, что онъ болѣе не задумывается, а между тѣмъ еще наканунѣ онъ взялъ бутылку изъ хозяйскаго погреба. И, наконецъ, показаніе хозяина имѣетъ положительное значеніе. Онъ дѣлалъ суровые упреки Вейнланду, заботясь о своей женѣ, а не изъ состраданія къ нему, и не изъ желанія выгородить его. Наконецъ, поведеніе Вейнланда при этомъ случаѣ не походитъ на поведеніе притворщика. Онъ не старался показать мнѣ словами и жестами, что у него бываютъ минуты безпамятства и что его преслѣдуютъ невинно, но съ явными признаками испуга и удивленія воскликнулъ: „развѣ я сумашедшій?“ Это не поведеніе притворщика.

Но, спрашивается дальше, есть ли въ предлежащихъ фактахъ точка опоры, чтобы согласить то, что сказалъ Вейнландъ, съ тѣмъ, какъ учатъ медицинскіе опыты?

Конечно.

Вейнландъ показываетъ, что онъ очень часто страдаетъ головокруженіемъ и что случаи, о которыхъ онъ не можетъ дать отчета, происходили или въ день припадка или на другой день. Не было дознано, не сопровождалось ли это головокруженіе легкими судоро-

гами и не бывало ли по ночамъ судорожныхъ припадковъ и. т. п. Послѣднее невѣроятно, такъ какъ онъ не говоритъ, чтобы ему случалось просыпаться особенно изнуреннымъ и такъ какъ ничего подобнаго не было наблюдаемо во время его военной службы. Я не могъ узнать бывали ли во время головокруженія подергиванія глазныхъ или личныхъ мускуловъ. Изъ показанія хозяина и его жены видно только то, что онъ вдругъ начиналъ пристально смотрѣть, что ихъ очень пугало, и что по временамъ онъ казался помѣшаннымъ.

Мы знаемъ, о существованіи подобныхъ припадковъ головокруженія, съ судорогами, или безъ нихъ, съ измѣнившимся лицомъ, именно съ оцѣпенѣлымъ выраженіемъ ужаса и удивленія, съ внезапной потерей чувствъ, при чемъ воспоминаніе объ этомъ времени бываетъ или вполнѣ или отчасти утрачено. Во время припадка больные шепчутъ по временамъ послѣднее сказанное ими слово, если они были застигнуты припадкомъ съ разговорѣ. У другихъ бываютъ сложныя движенія. Большею частію воспоминанія не остается. Послѣ припадка умственная дѣятельность часто приходитъ въ разстройство. Больные говорятъ совершенно безсвязно, какъ слабоумные, способность мышленія возстановляется иногда только спустя нѣсколько часовъ, или дней, или за такими припадками слѣдуютъ состоянія меланхолическаго или нерѣдко неистоваго возбужденія. Такіе припадки бываютъ у людей, которые страдаютъ выраженной эпилепсіей, но бываютъ также и безъ нея, и описываются какъ эпилептическое головокруженіе, несовершенная эпилепсія le petit mal — французовъ. Къ этимъ случаямъ, я думаю должно отнести и предлежащій случай Вейпланда, тѣмъ болѣе, что по заслуживающему довѣрія показанію изслѣдуемаго, его мать страдала эпилепсіей, а наслѣдственное расположеніе составляетъ самую частую причину этой болѣзни. Причины успленія припадковъ въ послѣднее время заключаются въ томъ, что на изслѣдуемаго дѣйствовали угнетающіе душевные аффекты.

Хотя, повторяю, можетъ быть, извѣстныхъ до сихъ поръ фактовъ и не достаточно, чтобы поставить діагностику съ клинической

достовѣрностью, но, исключивъ притворство, остается же то обстоятельство, что во всякомъ случаѣ у изслѣдуемаго бывали припадки которые наблюдались безпристрастными людьми, во время которыхъ выраженіе лица у него измѣнялось, — именно оно казалось одѣвшѣмъ—и тогда, или послѣ припадка, онъ производилъ на окружающихъ впечатлѣніе помѣшаннаго или тупоумнаго, въ прочее же время имѣлъ видъ спокойнаго и разсудительнаго человѣка. И этого уже достаточно для того, чтобы мнѣніе получило убѣдительность in foro.

Полицейское донесеніе о Вейнландѣ было составлено частію изъ наблюденій другихъ, именно тѣхъ трехъ дѣвушекъ, которыя донесли на Вейнланда, частію изъ наблюденій допрашивавшаго его чиновника, и черезъ это пріобрѣтаетъ достоинство объективности. Изъ донесенія этого видно, что Вейнландъ совершилъ поступокъ, за который судится, во время припадка головокруженія, или послѣ подобнаго припадка. Самъ онъ не даетъ на этотъ счетъ никакихъ показаній, хотя я ему и предлагалъ вопросъ объ этомъ подъ конецъ изслѣдованія, и ему легко бы было подтвердить это. А между тѣмъ онъ нѣсколько разъ и настоятельно утверждалъ, что ему помнится, что послѣ того какъ его арестовали, у него былъ родъ головокруженія, такъ что онъ пошатнулся.

Изъ полицейскаго донесенія видно, именно по показанію донесшихъ дѣвушекъ, что онъ возбудилъ ихъ вниманіе тѣмъ что *пристально* уставившись, занимался онанизмомъ.

Это выраженіе лица уже обращаетъ на себя вниманіе тѣмъ, что не отвѣчаетъ настроенію духа человѣка, желающаго возбудить сладострастіе дѣвушекъ; но значеніе его выясняется вполнѣ послѣ сличенія наблюденій дѣвушекъ съ наблюденіями хозяевъ Вейнланда.

Если уже одного этого достаточно для вѣроятнаго заключенія, что Вейнландъ при совершеніи поступка находился въ томъ ненормальномъ душевномъ настроеніи, которое много разъ находило на него, то заключеніе это пріобрѣтаетъ степень достовѣрности тѣмъ, что, по словамъ полицейскаго донесенія, Вейнландъ произвелъ на присутствовавшихъ чиновниковъ впечатлѣніе тупоумнаго.

Согласно съ этими данными я, по долгу моей службы, мнѣніемъ полагаю:

1. Что судя по имѣющимся фактамъ, Вейнландъ страдаетъ эпилептическимъ головокруженіемъ, съ послѣдующимъ умственнымъ разстройствомъ.

2. Что вмѣняемый ему поступокъ онъ совершилъ въ подобномъ припадкѣ.

СЛУЧАЙ СЕДЬМОЙ.

Сопротивленіе полиціи. Эпилептическое головокруженіе.

Нѣкто Вальтеръ обвиняется въ сопротивленіи полицейскому чиновнику и къ оскорбленіи его словами, при отправленіи имъ своихъ обязанностей.

19 Февраля 1864 г. подсудимый произвелъ безпорядокъ на улицѣ своимъ страннымъ поведеніемъ. Проходившій мимо полицейскій чиновникъ Кеплеръ, принялъ его за пьянаго и схвативъ за руку, приказывалъ слѣдовать за собою; но подсудимый оказалъ сопротивленіе, бросился на землю и былъ уведенъ только при помощи другаго лица. Дорогою онъ нѣсколько разъ повторялъ, обращаясь къ Кеплеру: „кто изъ насъ пьянъ, Вы или я? Вы пьяны.“

21 марта Вальтеръ обратился въ королевскій городской судъ съ прошеніемъ, въ которомъ увѣряетъ, что совершенно ничего не помнитъ относительно того поступка, въ которомъ его обвиняютъ, объясняя, что у него случается по временамъ „разстройство мозга“, во время котораго онъ дѣйствуетъ совершенно безсознательно. Онъ уже много разъ лечился отъ этой болѣзни. Сквозной вѣтеръ, музыка, особенно большой шумъ и спиртные напитки, имѣютъ на него сильное вліяніе, но онъ не помнитъ, пилъ ли онъ вино въ тотъ день.

Въ послѣднее время забота о женѣ и дѣтяхъ, съ которыми онъ принужденъ жить въ разлукѣ, заставляла его „много ломать голову“; хозяйка часто слыхала, какъ онъ бредилъ. Его долголѣтняя служба въ чинѣ унтеръ-офицера, пятимѣсячное пробное

служеніе полицейскимъ сержантомъ въ Минденѣ и исправленіе должности телеграфиста на Верхне-Силезской желѣзной дорогѣ, въ продолженіи 3½ лѣтъ, равно какъ и безупречное до сихъ поръ поведеніе, могутъ служить удостовѣреніемъ въ томъ, что въ здравомъ разсудкѣ онъ не рѣшился бы на такой поступокъ.

Въ засѣданіи 11 апрѣля 1864 года, Кеплеръ говорилъ, что обвиняемый показался ему пьянымъ, и хотя онъ ему этого не говорилъ, но тотъ обратился къ нему съ вышеприведенными словами. Безъ сознанія онъ быть не могъ, тогда его не освободили бы изъ подъ ареста, куда отправилъ его Кеплеръ. Относительно же показанія Вальтера, что онъ уже раньше страдалъ мозговой болѣзнью, вслѣдствіе сабельнаго удара, Кеплеръ замѣтилъ, что въ такомъ случаѣ онъ не могъ бы быть принятъ на службу, такъ какъ всѣ поступающіе на службу должны быть вполнѣ здоровы, и въ этихъ видахъ подвергаются медицинскому свидѣтельству.

Хозяйка Вальтера Гете, сообщаетъ, что днемъ она не имѣла возможности наблюдать за Вальтеромъ, но ночью слыхала, какъ онъ бредилъ и бранился; она полагаетъ, что у него не ладно въ головѣ, о чемъ говорили и другія, знавшія его, лица. Вслѣдствіе этого, по предложенію прокурора, судъ постановилъ подвергнуть Вальтера изслѣдованію, относительно его умственнаго состоянія.

13 апрѣля Вальтеръ показалъ, что такъ какъ у него отобрано дозволеніе поступить на службу, какъ у неспособнаго, по причинѣ головной болѣзни, то онъ, не будучи способенъ къ тяжелой работѣ и не найдя соотвѣтственнаго для себя занятія, принужденъ для отысканія средствъ къ жизни, оставить Берлинъ, при чемъ онъ подтвердилъ истину прежнихъ показаній.

Послѣ этого, его отыскать не могли.

Онъ былъ арестованъ 29 апрѣля 1867 года, т. е. три года спустя.

Вальтеръ имѣетъ около 40 лѣтъ, физически по видимому здоровъ. Лицо у него загорѣлое, мимика живая. Говоритъ какъ человѣкъ образованный и старается доказать, что онъ не какой нибудь бродяга. Отвѣчаетъ быстро, въ изложеніи не сбивается, такъ что съ нимъ легко вести разговоръ. На пьяницу подсудимый не-

похожъ. О послѣднихъ обстоятельствахъ своей жизни сообщаетъ онъ приблизительно слѣдующее: Женившись, и женившись счастливо, онъ вышелъ въ отставку, купилъ имѣніе, но былъ обманутъ, дѣла его пошли дурно, семейная жизнь разстроилась, въ чемъ виноваты постороннія лица; онъ началъ страдать мозговой болѣзнью, которая, быть можетъ, еще увеличила его семейное несчастье. Послѣ этого, подсудимый отправился въ Берлинъ на нѣсколько мѣсяцевъ, отъ октября 1863 года до апрѣля 1864, отсюда проѣхалъ въ Лондонъ и, принявъ рѣшеніе искать мѣста телеграфиста въ Мексикѣ, вступилъ въ отрядъ австрійскихъ волонтеровъ, участвовалъ, подъ начальствомъ генерала графа фонъ-Тунъ, въ семи сраженіяхъ противъ либераловъ, предводительствуемыхъ Хуаресомъ, и надѣялся быть принятымъ въ коронную мексиканскую службу, въ качествѣ телеграфиста, о чемъ уже готовъ былъ подавать просьбу. Между тѣмъ, политика измѣнилась. Императоръ Максимиліанъ, чтобы удержаться, перешелъ на сторону либераловъ, французы удалились, австрійскій иностранный легіонъ былъ распущенъ. Въ это самое время Вальтеръ получилъ отъ своей жены письмо. Она писала, что очень скучаетъ о немъ,—онъ также тосковалъ о женѣ и дѣтяхъ и рѣшилъ возвратиться домой. Ихъ посадили на корабль и въ бѣдственномъ положеніи высадили въ Тріэстѣ. Онъ написалъ женѣ письмо, прося ее выслать ему денегъ въ Вѣну; но такъ какъ онъ прибылъ туда раньше, нежели предполагалъ, то не нашелъ тамъ письма и просилъ переслать его въ Берлинъ. Прямо въ Циргенхальсъ (въ Силезіи) онъ не могъ возвратиться, стыдясь своего костюма, и хотѣлъ попытаться найти себѣ мѣсто. Изъ Вѣны Вальтеръ поѣхалъ въ Дрезденъ, гдѣ получилъ отъ полицейскаго или желѣзно-дорожнаго управленія одинъ талеръ на проѣздъ въ Герлицъ, но просилъ вмѣсто этого отправить его въ Берлинъ, гдѣ онъ ждалъ писемъ. Въ тоже время онъ написалъ въ вѣнскій почтамтъ, чтобы всѣ письма, адресованныя на его имя, пересылались въ Берлинъ. Прибывъ сюда, онъ дѣйствительно нашелъ здѣсь письма, но не имѣлъ денегъ заплатить за нихъ. Было ли въ числѣ ихъ денежное письмо, онъ по разсѣянности не спросилъ. Тогда

явился онъ въ полицію, гдѣ былъ задержанъ, совершенно не зная по какому поводу *). Ему объяснили дѣло, но и тогда онъ совершенно не могъ ничего припомнить о своемъ сопротивленіи чиновнику. Для него было очень чувствительно, что онъ, человѣкъ незапятнаннаго поведенія, посаженъ въ тюрьму. Ясно, еслибъ онъ считалъ себя виновнымъ, то не явился бы въ Берлинъ, такъ какъ въ его волѣ было избрать другой путь.

Относительно своей головной болѣзни, подсудимый показываетъ, что она обнаружилась послѣ удара саблею, полученнаго имъ въ голову.

Нѣсколько недѣль лечился онъ отъ этой раны, которая соединялась съ сильнѣйшей головной болью, до темноты въ глазахъ. На лѣвой теменной кости въ самомъ дѣлѣ находится, въ нѣсколько дюймовъ длиной, узкій, гладкій шрамъ, который очень легко могъ произойти отъ сабельнаго удара. Шрамъ этотъ не приросъ къ кости; задній конецъ его припухъ. При давленіи онъ чувствителенъ.

Съ этого времени, Вальтеръ, по его словамъ, чувствовалъ чрезъ неправильные промежутки, именно, какъ онъ полагаетъ при перемѣнѣ погоды, покалываніе на мѣстѣ шрама и боль, распространяющуюся начиная отъ затылка по всей головѣ, до темноты въ глазахъ и головокруженія. На вопросъ, терялъ ли онъ при этомъ сознаніе, подсудимый отвѣчалъ утвердительно, прибавляя, что въ это время у него часто бывали судороги. Послѣ этого, онъ засыпалъ. Потомъ онъ не помнилъ ничего, что съ нимъ было. На вопросъ, случалось ли ему при этомъ укусить языкъ, онъ отвѣчалъ утвердительно. На лѣвой сторонѣ языка, также на кончикѣ его, находятся рубцы, очевидно происшедшіе отъ укушенія. Иногда эти припадки были очень не продолжительны и проходили тотчасъ по выходѣ на свѣжій воздухъ. Что онъ дѣлалъ и говорилъ во время подобныхъ припадковъ, онъ положительно не помнилъ. Взводимый

*) По показанію тюремнаго чиновника, онъ явился въ сѣрой военной шинели и красныхъ панталонахъ.

на него поступокъ онъ сдѣлалъ не иначе какъ въ припадкѣ, такъ какъ онъ, бывшій полицейскій служитель, всего менѣе былъ способенъ на такое безчинство. Въ то время, вслѣдствіе душевнаго волненія, болѣзнь у него усилилась, и по ночамъ его хозяйка слышала его бредъ. Въ Мексикѣ случалось это съ нимъ два раза. Пьяницей онъ не былъ, иногда при случаѣ охотно выпивалъ рюмку водки или кружку пива, но это у него не было ни привычкой, ни настоятельной потребностью.

Здѣсь я долженъ замѣтить, что изслѣдуемый вовсе не походитъ на притворщика. Всѣ показанія его правдоподобны, согласуются между собою и обладаютъ внутренней правдой.

Принимая во вниманіе все изложенное, болѣзнь Валтера слѣдуетъ принять за эпилептическое головокруженіе, т. е. вполнѣ выраженные эпилептическіе припадки, наступающіе черезъ извѣстные промежутки времени. Потеря сознанія, кусаніе языка, послѣдующій сонъ, служатъ характеристичными признаками этой болѣзненной формы.

Припадки не имѣли до сего времени видимаго вліянія, на умственныя функціи изслѣдуемаго. Память и способность сужденія у него не ослаблены, а толковый разсказъ о послѣднихъ событіяхъ его жизни служитъ доказательствомъ, что онъ пользуется здравымъ разсудкомъ и можетъ обсуждать свое положеніе.

Хотя эпиленсія часто наноситъ ущербъ психическимъ отправленіямъ, но все же иногда, хотя и рѣдко, она соединяется съ необыкновенными дѣяніями и способностью къ умственной работѣ. Исторія показываетъ, что Юлій Цезарь, Петрарка, Ньютонъ, Магометъ, Петръ Великій, Мольеръ, Наполеонъ были эпилептиками.

Такимъ образомъ, эта болѣзнь, сама по себѣ, не можетъ служить защитою противъ дѣйствія уголовныхъ законовъ. Въ каждомъ конкретномъ случаѣ должны быть представлены доказательства, что она произвела нарушеніе психической дѣятельности, и въ какой именно степени.

Въ настоящемъ случаѣ подобнаго вліянія, какъ показано, не замѣчается. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, что бы умственное раз-

стройство не присоединялось къ отдѣльнымъ припадкамъ, или не слѣдовало за ними въ теченіе болѣе или менѣе долгаго времени. Нѣтъ ни одного эпилептика, который бы во время припадка владѣлъ собой. Далѣе, послѣ припадковъ, случаются различныя степени умственнаго разстройства, отъ сильнѣйшаго бѣшенства, до неразумныхъ поступковъ и рѣчей.

Находился ли изслѣдуемый во время совершенія поступка подъ вліяніемъ эпилептическаго припадка,—рѣшить теперь невозможно. Есть моменты, которые дѣлаютъ это очень правдоподобнымъ. Болѣе всего указываетъ на это психическое возбужденіе, въ которомъ въ то время изслѣдуемый находился, подтвержденное показаніемъ Гете, его хозяйки.

Относительно того, былъ ли тогда подсудимый пьянъ, я не могу утверждать противнаго, такъ какъ его поступки очень характеристичны для пьянаго; но при этомъ должно замѣтить, что вовсе неизвѣстно, пилъ ли и много ли пилъ обвиняемый въ тотъ день и пахло ли отъ него виномъ. Онъ только походилъ на пьянаго.

Что же касается того, что Вальтеръ не могъ бы поступить на службу, если бы не былъ вполнѣ здоровъ, такъ какъ онъ былъ освидѣтельствованъ,—то я долженъ возразить, что подобное медицинское изслѣдованіе еще не непреложный авторитетъ, тѣмъ болѣе, что болѣзнь, о которой идетъ рѣчь, можетъ очень легко ускользнуть отъ наблюденія врача, который въ первый разъ видитъ эксплората и не имѣетъ никакого повода придавать особенное значеніе незначительному шраму на кожѣ головы, особенно если, какъ это очевидно и было, эксплоратъ не обратилъ вниманіе врача на соединенную съ этимъ болѣзнь.

По всѣмъ этимъ даннымъ, я мнѣніемъ полагаю:

1) что Вальтеръ не страдаетъ теперь ни безуміемъ, ни слабоуміемъ (§ 40);

2) что онъ подверженъ эпилептическому головокруженію, resp. эпилептическимъ припадкамъ;

3) Нѣтъ ничего невѣроятнаго, что Вальтеръ совершилъ пре-

ступленіе во время такого припадка, когда онъ былъ не въ состояніи обдумать послѣдствія своего поступка.

Подсудимый былъ объявленъ невиновнымъ.

СЛУЧАЙ ВОСЬМОЙ.

Похищеніе. — Бродяжничество. — Эпилепсія.

Тринадцатилѣтній мальчикъ, Вейсъ, обвиняется въ похищеніи 8 талеровъ, данныхъ ему хозяиномъ на покупку мѣди, и въ недоставленіи посланныхъ съ нимъ моделей заказчику.

Послѣ того, онъ не возвращался ни къ хозяину, ни къ своимъ родителямъ.

Со стороны полиціи было дознано, что Вейсъ прокутилъ 8 талеровъ вмѣстѣ съ двумя неизвѣстными людьми, мальчикомъ и прилично одѣтымъ молодымъ человѣкомъ лѣтъ 18-ти, частью въ Шарлоттенбургѣ, частью въ зоологическомъ саду и пивныхъ лавкахъ.

При допросѣ, на которомъ слѣдователь нашелъ его [illegible]номъ разсудкѣ, подсудимый показалъ тоже самое, только выразилъ желаніе доставить модели.

На улицѣ встрѣтился съ нимъ мальчикъ, извѣстный ему только по имени, который убѣдилъ его пойти съ нимъ и погулять на данныя хозяиномъ деньги. Кутили они въ различныхъ мѣстахъ; потомъ, когда еще и половина денегъ не была истрачена, отправились въ зоологическій садъ, заснули тамъ и при пробужденіи не нашли ни одного зильбергроша. Возвратиться домой онъ побоялся.

Послѣ онъ показалъ, что они съ мальчикомъ отправились въ погребокъ, въ Коронную улицу, гдѣ пили пиво и что-то похожее вкусомъ на малину. Мнѣ же, при моемъ изслѣдованіи, онъ разсказалъ, что мальчикъ уговорилъ его сначала выпить въ погребкѣ, потомъ они пообѣдали въ балаганѣ за 15 зильбергрошей, потомъ кормили въ зоологическомъ саду обезьянъ изюмомъ, и „такъ шатались“ всю ночь. Товарищу своему онъ далъ, по его просьбѣ, сначала 5 зильбергрошей, потомъ на омнибусъ 2½ зильбергроша. Затѣмъ, когда этотъ отправился домой, онъ пошелъ въ Шарлоттенбургъ, гдѣ за

стаканомъ пива разговорился съ какимъ-то молодымъ человѣкомъ, который убѣдилъ его покататься въ гондолѣ. Послѣ этого, оба прошли въ зоологическій садъ и заснули отъ усталости. Во время сна этотъ человѣкъ, должно быть, и укралъ у него остальныя деньги.

Вскорѣ послѣ поимки Вейса, послѣдовавшей 18 іюня, именно 23-го, явилась воспитательница мальчика и показала, что подсудимый былъ болѣнъ судорогами и умственно разстроенъ. Это было подтверждено и жившими вмѣстѣ съ Вейсомъ мальчиками. Вслѣдствіе такихъ показаній, онъ былъ освобожденъ изъ-подъ ареста, возвращенъ своимъ роднымъ и порученъ наблюденію нижеподписавшагося.

Прежде всего замѣчу, что воспитательница мальчика, жена полицейскаго тюремщика Матіасъ, имѣетъ видъ порядочной и достойной довѣрія особы. Этимъ показанія ея, сами по себѣ содержащія внутреннюю правду, пріобрѣтаютъ еще больше достовѣрности.

На мои вопросы и частью сама собой, она разсказала, что мальчикъ этотъ незаконный сынъ ея сестры. За матерью его она не замѣчала никакого психическаго разстройства, исключая часто находившаго на нее мрачнаго настроенія духа. Отецъ же мальчика страдалъ судорогами, которыя, судя по ея описанію, были эпилептическаго свойства. Сама она подвергается судорогамъ, сначала не теряя сознанія, но потомъ впадая въ безчувствіе, послѣ котораго слѣдуетъ сонъ. Судороги являются преимущественно послѣ душевнаго волненія (истерико-эпилептическія судороги). Показанія ея были вполнѣ разумны и толковы. Дитя, тотчасъ послѣ рожденія, было отдано своею матерью, которая жила въ услуженіи, на воспитаніе; но скоро женщина, взявшая его къ себѣ, сообщила ей, что съ мальчикомъ часто бываютъ обмороки. Она отправилась къ ребенку и увидѣла, что послѣдній лежитъ оцѣпенѣлый съ перекошенными глазами. Тогда ему было 7 мѣсяцевъ. Жалѣя мальчика, она рѣшилась взять его къ себѣ; кормилица кормила его и послѣ этого еще нѣсколько мѣсяцевъ. Тогда положеніе его улучшилось, но не совсѣмъ, судороги появлялись именно ночью, о чемъ она только позже узнала. Въ то же время замѣтила она, что мальчикъ

періодически мочился въ постели, на время это пропадало, потомъ снова періодически возвращалось. Лѣтъ 7 передъ тѣмъ, когда она ночью будила ребенка, чтобъ посадить его на горшокъ, къ ужасу своему замѣтила, что онъ не пробуждался, но совсѣмъ окостенѣлъ и лежалъ съ перекошенными глазами. На другой день повторилось то же самое, только голова совсѣмъ склонилась на бокъ и члены подергивались. Мальчикъ ничего объ этомъ не помнилъ и послѣ припадка засыпалъ. Съ тѣхъ поръ такое состояніе часто повторялось во время ночи.

Поведеніе мальчика было чрезвычайно странно. Съ 8 лѣтъ онъ началъ ходить въ школу и учился довольно порядочно, но ее поражало то, что, сидя за работой или во время игры, онъ вдругъ начиналъ неподвижно смотрѣть впередъ, выпуча глаза. Выведенный изъ своего оцѣпенѣнія, онъ вздрагивалъ и спрашивалъ: „что“? или сидѣлъ, задумавшись, цѣлые часы въ кухнѣ, и когда приводили, его въ себя, онъ казался испуганнымъ, вздрагивалъ всѣмъ тѣломъ.

По характеру своему, онъ былъ добродушенъ, услужливъ, правдивъ, не воръ, не лакомка и не жестокосердый. Правда, онъ натыкалъ мухъ на булавку, но это дѣлалось изъ ребяческой шалости. Но притомъ, онъ былъ придирчивъ, легкомысленъ, безпокоенъ. Если онъ что-нибудь строилъ или составлялъ, какъ другія дѣти, то сейчасъ же и разрушалъ. Долго у него ничто не держалось. Она не знаетъ, что дѣлается съ мальчикомъ; онъ сумазброденъ и непостоянепъ. Она водила его въ клинику, гдѣ сказали, что онъ страдаетъ судорогами.

Другое замѣчательное явленіе состоитъ въ томъ, что мальчикъ убѣгалъ изъ дома, самъ не зная отчего. Первое время его били за это, но теперь уже не наказываютъ. Разъ, послѣ того, какъ она побранила его, онъ пристально посмотрѣлъ на нее, ушелъ изъ дома и пропалъ. Но это повторялось и безъ всякаго душевнаго волненія. Будучи однажды съ своею родной матерью у ея братьевъ въ Кутленѣ, онъ убѣжалъ на кладбище. Такъ дѣлалъ онъ много разъ съ тѣхъ поръ, какъ они живутъ въ Берлинѣ. Вскорѣ послѣ освобожденія изъ-подъ ареста, 17 іюня, онъ пропадалъ пять недѣль и

былъ найденъ ночнымъ сторожемъ, въ 4 часа ночи, подъ пѣшеходнымъ мостикомъ, въ улицѣ Доротеи, за каштановыми деревьями. Ночевалъ онъ въ какомъ-нибудь скрытомъ уголкѣ, питался милостыней. Это видно изъ составленнаго полиціей акта и изъ его собственныхъ показаній. Въ другой разъ онъ бѣжалъ въ одномъ бѣльѣ, босой, во Франкфуртъ на Одерѣ, встрѣтившись съ какимъ-то мальчикомъ, который пригласилъ его съ собою. Случалось, что онъ убѣгалъ въ холодную зимнюю пору въ одной рубашкѣ, въ то время, какъ дома ему было очень хорошо.

Вейсъ, $13^1/_2$ лѣтъ отъ роду, мало развитъ для своего возраста, худъ, съ блѣднымъ, желтоватымъ цвѣтомъ лица, вообще смотритъ несчастнымъ и жалкимъ. Въ головѣ его не замѣтно никакого уклоненія отъ правильнаго образованія; зрачки одинаковой величины, но сокращаются медленно, никакихъ тѣлесныхъ аномалій не замѣтно. Физіономія его нерѣдко принимаетъ, въ продолженіе разговора, выраженіе ограниченности. Онъ держитъ себя спокойно, но у него легко вызвать слезы на глаза. Онъ былъ въ состояніи разсказать о себѣ. Вообще умственныя способности его до сихъ поръ не потерпѣли очень замѣтнаго ущерба, память недурна, такъ какъ при моемъ приходѣ онъ узналъ меня и вспомнилъ, что за мѣсяцъ передъ тѣмъ я говорилъ съ нимъ въ тюрьмѣ. О своемъ поступкѣ сообщаетъ онъ то, что было уже приведено раньше; онъ знаетъ и сознается, что виноватъ въ томъ, что не возвратилъ ввѣренныхъ ему денегъ.

Въ вышеупомянутый день подошелъ къ нему на улицѣ мальчикъ, знакомый ему только по имени, который сказалъ: „пойдемъ со мной и не бойся, что тебя накажутъ“, тогда онъ съ нимъ и пошелъ. О своихъ судорогахъ онъ можетъ сообщить очень мало, утверждаетъ, что почью чувствовалъ передъ ними боль въ животѣ, а днемъ у него иногда вдругъ на короткое время темнѣло въ глазахъ. О своихъ побѣгахъ и бродяжничествѣ онъ говоритъ только слѣдующее: „самъ онъ не знаетъ, что-то такое иногда тянетъ его вонъ“; „тогда пройду я по комнатѣ, потомъ выйду и побѣгу вдоль по улицѣ. Когда же это проходило, я желалъ бы возвратиться домой, да боялся.“

Такимъ образомъ, бродилъ онъ, какъ уже упомянуто, пять недѣль, питаясь милостыней, до тѣхъ поръ, пока не былъ пойманъ. На вопросъ, былъ ли онъ всегда сытъ, мальчикъ говоритъ, что иногда и голодалъ. Въ тотъ день, когда онъ сдѣлалъ похищеніе, его не „тянуло“, также онъ былъ въ полномъ разсудкѣ. Мать нѣсколько разъ замѣчала ему, во время его показанія, что онъ не долженъ лгать, и между прочимъ поправила его, когда онъ говорилъ, что ни разу не получалъ наказанія за свое бѣгство; далѣе она приводитъ слова жены хозяина, которая сообщала ей, что за нѣсколько дней передъ тѣмъ и въ тотъ самый день мальчикъ казался ей страннымъ и растеряннымъ. Хотя это показаніе, къ сожалѣнію, не подтверждено актами и потому не можетъ имѣть вліянія на мое рѣшеніе, однакожъ, совершенно упускать его изъ виду не слѣдуетъ.

Изъ всѣхъ приведенныхъ фактовъ не подлежитъ сомнѣнію, что Вейсъ страдаетъ эпилепсіей и что болѣзнь свою онъ получилъ наслѣдственно; она не осталась безъ разрушительнаго вліянія на его умственную дѣятельность. Если здѣсь и нѣтъ душевной болѣзни, въ популярномъ значеніи этого слова, то все-таки, разсматривая поступокъ мальчика и побужденіе къ нему, нельзя отрицать присутствія психической непормальности, т. е. нарушенія мозговыхъ функцій, которое часто наблюдается у эпилептиковъ. Это нарушеніе выражается, во-первыхъ, тѣмъ, что кромѣ недостатка тѣлеснаго развитія, и психическое развитіе также недостаточно для возраста мальчика; далѣе, его страннымъ поведеніемъ и потомъ тѣмъ, что онъ совершенно безъ причины убѣгалъ изъ дома, побуждаемый къ тому, повидимому, внутреннимъ безпокойствомъ. Это, по описанію его матери, было въ связи съ эпилептическими припадками, которые часто состояли въ одномъ только головокруженіи.

То состояніе, которое понимаютъ подъ именемъ „mania epileptica“, не всегда обнаруживается бѣшенымъ бредомъ, припадками неистовства и т. п., которые сопровождаютъ эпилептическій припадокъ или замѣняютъ его, но вмѣсто этого, въ нѣкоторыхъ случаяхъ больные выказываютъ только страхъ, бродятъ безъ цѣли,

повидимому, поступаютъ сознательно, а, между тѣмъ, находятся въ бреду и забываютъ или сохраняютъ смутное воспоминаніе о томъ, что они дѣлали и что съ ними было.

Мнѣ кажется несомнѣннымъ, что Вейсъ находился въ такомъ состояніи, что хорошо характеризуется его словами: „когда это у него проходило“, онъ приходилъ въ себя, образумливался и изъ боязни не возвращался домой.

Также и это бродяжничество, которое я принимаю за прямое слѣдствіе эпилептическихъ судорогъ и которое мальчикъ мотивируетъ боязнью возвратиться домой, не можетъ быть разсматриваемо, какъ просто склонность къ распущенности и злонамѣренности, такъ какъ это не соотвѣтствуетъ его прежнему поведенію, но служитъ признакомъ его неспособности обсуждать свое положеніе. Его ничто не принуждало дѣйствовать такимъ образомъ. Напротивъ, имѣя хорошую постель, пищу и платье дома, онъ оставляетъ все, убѣгаетъ въ одной рубашкѣ въ холодную зиму, по цѣлымъ недѣлямъ проситъ милостыню, ночуетъ въ какомъ-нибудь углу и, даже съ собственной его точки зрѣнія, безъ побудительной причины вредитъ своему благосостоянію. Это служитъ, по крайней мѣрѣ, доказательствомъ его ограниченности и психической слабости.

Для обсужденія вмѣняемаго поступка очень важно то обстоятельство, что извѣстенъ цѣлый рядъ случаевъ, гдѣ мальчикъ поступалъ совершенно такимъ же образомъ, какъ и въ этомъ, если и допустить, что еще не доказано, что ни въ тотъ день, ни наканунѣ не было у него эпилептическаго припадка.

Хотя по степени его развитія и по сдѣланнымъ имъ мнѣ дополнительнымъ признаніямъ, нельзя отвергать того, что онъ сознаетъ виновность и несправедливость похищенія ввѣренныхъ ему денегъ, но все-таки нельзя не признать его слабоумнымъ индивидуумомъ, который довольствуется увѣреніемъ товарища, что его не накажутъ, легкомысленно оставляя дальнѣйшее раздумье; онъ не обращаетъ вниманія на послѣдствія своего поступка не только по легкомыслію, но и потому, что неспособенъ къ обсужденію своего намѣренія по состоянію своихъ умственныхъ способностей.

Сюда присоединяется еще и то важное для разсмотрѣнія обстоятельство, что мальчикъ напился спиртуозныхъ напитковъ, дѣйствіе которыхъ тѣмъ болѣе должно было лишить его необходимаго благоразумія, что, по опыту, на эпилептиковъ, наслѣдственно расположенныхъ къ болѣзни, сильно дѣйствуетъ относительно малое количество алкоголя.

Послѣ всѣхъ приведенныхъ фактовъ, поступокъ мальчика является совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ, и я мнѣніемъ полагаю:

1. Что Вейсъ страдаетъ эпилепсіей, слѣдствіемъ которой было нарушеніе его умственныхъ отправленій.

2. Что хотя болѣзнь не лишила его способности отличать хорошее отъ дурнаго, но

3. Во время преступнаго дѣйствія онъ былъ не способенъ къ свободному обсужденію своего поступка и потому, по моему мнѣнію, не можетъ быть признанъ способнымъ ко вмѣненію.

Послѣ этого случая будетъ понятенъ и слѣдующій, который, по сущности своей, состоитъ съ нимъ въ связи, и мое о немъ мнѣніе покажется справедливымъ, тогда какъ иначе оно могло бы быть дурно принято. Я признаюсь, что тутъ для заключенія недостаетъ первой посылки, именно достовѣрнаго констатированія эпилептическихъ или эпилептоидальныхъ судорогъ, но все психическое содержаніе Клостермана и предшествовавшія обстоятельства заставляютъ догадываться о существованіи ихъ. По крайней мѣрѣ, нельзя отрицать аналогичности того и другаго случая.

СЛУЧАЙ ДЕВЯТЫЙ

Поджогъ и воровство. — Слабоуміе вслѣдствіе эпилепсіи. — Неспособность ко вмѣненію.

Нѣкто Клостерманъ обвиняется въ предпамѣренномъ поджогѣ и воровствѣ.

28 сентября явился онъ въ полицейское управленіе и объявилъ, „чтобы избѣжать проволочекъ“ „и прося снисходительнаго наказанія за свою вину“, что онъ сейчасъ сдѣлалъ поджогъ въ квартирѣ

рабочаго Шеттата, у котораго нанималъ комнату, вмѣстѣ съ двумя другими служителями. Онъ былъ долженъ хозяину, изъ мѣсячной платы въ 1½ талера, 15 зильбергрошей. Нѣсколько дней тому назадъ Шеттатъ явился рано утромъ въ ихъ комнату и рѣзко высказалъ имъ (ему и двумъ другимъ служителямъ), что они неисправно платятъ и въ заключеніе обругалъ ихъ лѣнтями. Тогда онъ, разсердившись на это, рѣшился отмстить хозяину и сдѣлать ему какое-нибудь зло. Во второмъ часу по полудни онъ пришелъ въ свою комнату, гдѣ стояли три кровати, разорвалъ наволочку своей соломенной подушки, всунулъ туда зажженную спичку и тотчасъ же, заперевъ дверь, ушелъ изъ дома черезъ кухню, гдѣ находилась пятнадцатилѣтняя дочь Шеттата. Для того, чтобы поскорѣе объявить о случившемся, онъ поѣхалъ въ полицейское управленіе на извощикѣ, которому заплатить было нечѣмъ. Еще прежде онъ рѣшилъ явиться въ полицію, непосредственно послѣ поджога. Загорѣлось ли отъ поджога, онъ не могъ сказать. Анна Шеттатъ скоро замѣтила пожаръ, сгорѣла только кровать и огонь былъ потушенъ.

Утромъ въ тотъ же день табачный торговецъ Редеръ, у котораго Клостерманъ прислуживалъ, получая за то 1½ талера въ мѣсяцъ, поручилъ ему отнести 2 талера къ своей женѣ. Клостерманъ не передалъ этихъ денегъ и истратилъ ихъ на обѣдъ и вино. Въ полиціи онъ самъ этого не показалъ, но сознался судебному слѣдователю.

По причинѣ добровольной явки въ полицію, члены уголовной комиссіи приняли было Клостермана за помѣшаннаго; но по прошествіи часа онъ уже казался имъ человѣкомъ совершенно владѣющимъ собой, который оплакивалъ свой проступокъ.

Оффиціальный обвинитель указываетъ также въ своемъ обвиненіи, что приведенный Клостерманомъ мотивъ проступка кажется сомнительнымъ.

Шеттатъ подъ присягой заявляетъ, что хотя въ началѣ послѣдней сентябрской недѣли однажды утромъ онъ упрекалъ трехъ квартировавшихъ у него постояльцевъ въ неаккуратномъ платежѣ де-

негъ и употреблялъ выраженіе „лѣнтяи“, но дѣлалъ это безъ сердца и обращался преимущественно не къ Клостерману, а скорѣе къ служителю Симсу. Клостерманъ держалъ себя при этомъ совершенно пассивно, не вмѣшивался въ брань и на слѣдующій день относился къ нему также дружелюбно какъ и прежде. Онъ не понимаетъ, что побудило Клостермана къ поджогу, такъ какъ онъ былъ къ нему постоянно ласковъ и учтивъ; онъ не вѣритъ, чтобы поджогъ былъ сдѣланъ изъ мести за то, что онъ назвалъ ихъ лѣнтяями. Ему кажется болѣе правдоподобнымъ то предположеніе, что Клостерманъ рѣшился на такой отчаянный поступокъ отъ недовольства своимъ бѣдственнымъ положеніемъ. Душевнаго разстройства онъ въ немъ не замѣчалъ.

Также защитникъ считаетъ это дѣло, въ отношеніи побудительной причины и внутренней вмѣняемости его, темнымъ и загадочнымъ, и послѣ разговора съ подсудимымъ, возбуждаетъ сомнѣніе въ его способности ко вмѣненію во время совершенія поступка.

Поэтому мнѣ и было поручено изслѣдовать Клостермана.

Но прежде нежели перейти къ собственнымъ наблюденіямъ, мы разсмотримъ какъ факты изъ прежней жизни подсудимаго, насколько они извѣстны изъ актовъ и насколько ихъ можно было собрать, такъ и мнѣнія тѣхъ людей, которые знали Клостермана, о его поведеніи и душевномъ состояніи.

Клостерманъ родился въ декабрѣ 1840 г. Отецъ его служилъ разсыльнымъ при судѣ и умеръ отъ первной горячки. Мать еще и теперь занимаетъ мѣсто надзирательницы смирительнаго дома въ Грауденцѣ. Кромѣ того, у него есть два брата и двѣ сестры. По его показанію, въ семействѣ ихъ не случалось ни душевной болѣзни, ни эпилепсіи. Онъ былъ привезенъ въ Грауденцъ ребенкомъ, и посѣщалъ тамъ реальную школу до третьяго класса. Затѣмъ былъ писцомъ въ судѣ, а по выдержаніи экзамена—помощникомъ почтоваго экспедитора. Отсюда подсудимый былъ отставленъ, по его показанію за то, что явившись на службу раза два слишкомъ поздно, недостаточно почтительно извинился. Въ 1860 г. вступилъ онъ въ войско, черезъ годъ былъ сдѣланъ унтеръ-офицеромъ, а въ 1864—

уволенъ. Въ военной службѣ Клостерманъ пять разъ подвергался наказанію за отлучку послѣ вечерней зари, потомъ за то, что напивался пьянъ при исполненіи службы и за продолжительную самовольную отлучку. Возвратившись домой, онъ работалъ недѣлю при магистратѣ, гдѣ въ его поведеніи не было замѣчено ничего дурнаго, и потомъ, отъ 10 октября 1864 г. до конца апрѣля 1865 г., служилъ частнымъ писцомъ въ канцеляріи прокурора Веплера. Послѣдній, въ удостовѣреніе его поведенія, далъ ему хорошій аттестатъ.

Клостерманъ оставилъ послѣднее мѣсто внезапно, безъ всякой причины, по крайней мѣрѣ Веплеръ не зналъ ея, и пріискавъ писаря вмѣсто себя, отправился въ Берлинъ, не простившись съ родными.

По его словамъ, онъ имѣлъ несогласія въ своемъ семействѣ. Изъ одного письма его матери къ нему также видно, что послѣдняя, „желая ему добра“, дала ему пощечину. Впрочемъ, многія приложенныя къ актамъ письма матери и сестеръ свидѣтельствуютъ о нѣжнѣйшей любви и привязанности и глубокой скорби „о потерянномъ сынѣ,“ такъ что о суровомъ обращеніи и серьезномъ разрывѣ не можетъ быть и рѣчи.

Въ Берлинѣ, не найдя мѣста писаря, Клостерманъ поступилъ въ услуженіе. Не смотря на вызовы матери, онъ не возвращался домой, очевидно не имѣя средствъ на проѣздъ. Жилъ онъ крайне плохо, часто ѣлъ только разъ въ день.

Самъ онъ былъ постоянно здоровъ и физически и умственно.

Въ актахъ есть много показаній объ умственномъ состояніи его, какъ въ прежнее время, такъ и предъ совершеніемъ преступленія.

По показанію матери, Клостерманъ, будучи шести лѣтъ, часто пугался во снѣ, что сопровождалось судорожными припадками. Не смотря на то что онъ спалъ вмѣстѣ съ сестрами, онъ часто прибѣгалъ въ страхѣ съ своей постели къ родителямъ. Эти явленія были приняты пользовавшимъ его врачемъ за лунатизмъ. Съ леченіемъ, припадки исчезли. Имѣя уже 11 лѣтъ, Клостерманъ однажды внезапно исчезъ, такъ что его нигдѣ не могли найти. Возвратившись, онъ сказалъ, что уходилъ за три мили, потому что покойный отецъ звалъ его на свою могилу и онъ не могъ не исполнить этого

и ходилъ туда помолиться. Потомъ онъ однажды опять уходилъ тайкомъ, за милю по другому направленію, подъ тѣмъ-же предлогомъ и былъ приведенъ назадъ знавшими его людьми. Далѣе, мать удивлялась тому, что онъ почти безъ всякой причины и безъ ея вѣдома оставлялъ свои должности, получая для своихъ лѣтъ хорошее жалованье и пользуясь довѣріемъ начальства. Такъ бросилъ онъ мѣсто писаря при судѣ, не имѣя другаго, потомъ должность, занимаемую имъ у прокурора Вепдлера, оставивъ всѣ дѣла въ величайшемъ порядкѣ. Онъ исчезъ изъ дома, ничего не захвативъ съ собой, кромѣ того платья, которое на немъ было.

Что касается характера подсудимаго, онъ никогда не былъ злонамѣреннымъ или мстительнымъ, напротивъ постоянно выказывалъ сострадательное сердце. Настроеніе его духа, часто и быстро, безъ всякой видимой причины, измѣнялось. Между тѣмъ, какъ другіе играли, онъ часто сидѣлъ тихо, былъ безучастенъ и сдержанъ, и потомъ, безъ всякаго повода, дѣлался необузданно веселымъ и запосчивымъ. Мать часто говорила дѣтямъ, что она не понимаетъ Германа, онъ ведетъ себя какъ сумашедшій. Также удивительно быстро возвращался онъ къ серьезному настроенію, снова дѣлался скрытнымъ и сосредоточеннымъ. Уже будучи взрослымъ, онъ сидѣлъ по цѣлымъ часамъ, опустивъ голову, совершенно безъ-участный къ окружающему, потомъ внезапно вскакивалъ съ мѣста и начиналъ кривляться какъ ребенокъ; это замѣчали ей не разъ даже посторонніе люди. Сестра Клостермана также подтверждаетъ это.

Актуаріусъ Циновъ, бывшій вмѣстѣ съ Клостерманомъ въ реальной школѣ въ продолженіи 10 лѣтъ и позже имѣвшій съ нимъ сношенія, разсказывая о школьномъ времени, говоритъ, что Клостерманъ однажды внезапно ушелъ въ Швицъ, безъ всякой разумной причины; въ послѣднее же время Циновъ часто слышалъ отъ своихъ знакомыхъ замѣчаніе, „что Клостерманъ помѣшался“. Кромѣ того, разсказываетъ онъ о слѣдующихъ фактахъ. Когда подсудимый служилъ еще въ почтамтѣ (лѣтъ 6 тому назадъ), ему случилось однажды быть вмѣстѣ съ нимъ въ обществѣ. Съ словами

„я сейчасъ возвращусь“ Клостерманъ удалился и не приходилъ болѣе. Хотя совершенно трезвый, онъ ушелъ безъ фуражки. Служа въ почтамтѣ, онъ часто въ служебные часы оставлялъ занятія и отправлялся гулять; на вопросъ зачѣмъ онъ такъ дѣлаетъ, онъ отвѣчалъ: „человѣмъ долженъ быть свободнымъ“. Однажды онъ отправился на корабль, и только черезъ 2 дня былъ найденъ въ трюмѣ. Когда съ нимъ заговорили объ его поступкѣ, онъ отвѣчалъ: „человѣкъ долженъ быть свободнымъ, а не рабомъ.“ Цинову и другимъ, казалось страннымъ что иногда въ веселомъ обществѣ, когда всѣ смѣялись, Клостерманъ сидѣлъ безъучастно, погруженный въ задумчивость, уставивъ глаза на одну точку. Выведенный изъ этого апатическаго состоянія, онъ какъ бы внезапно пробуждался отъ сна и начиналъ по видимому отъ души смѣяться, хотя всѣ были убѣждены, что ему неизвѣстна и причина смѣха. Идя по улицѣ, онъ казался часто погруженнымъ въ глубокія размышленія и если въ это время кто нибудь окликалъ его, то онъ дѣлалъ такое движеніе, какъ внезапно пробужденный. Далѣе характеристично было то, что Клостерманъ всякій разъ внезапно и безъ всякой видимой причины, оставлялъ свои занятія. Еще за два дня до того, какъ онъ оставилъ послѣднее мѣсто у прокурора Венлера, онъ откровенно признавался, на прогулкѣ вмѣстѣ съ свидѣтелемъ, что очень доволенъ своею настоящею должностію и постарается быть вполнѣ порядочнымъ человѣкомъ.

Прокуроръ Венлеръ показываетъ, что онъ былъ очень доволенъ Клостерманомъ. Послѣдній ушелъ отъ него 1 апрѣля и не возвращался болѣе, между тѣмъ какъ, повидимому, не было никакого повода къ такому внезапному и странному оставленію мѣста. Свидѣтель находилъ Клостермана всегда расторопнымъ и благонадежнымъ; никогда не слыхалъ онъ, чтобы кто-нибудь обвинялъ его въ безчестномъ поступкѣ. По наружности подсудимый казался безпокойнымъ человѣкомъ.

Служитель Бетге жилъ вмѣстѣ съ Клостерманомъ и знаетъ его съ весны прошедшаго года, т. е. съ самаго его пріѣзда сюда. Онъ казался ему всегда приличнымъ, въ высшей степени добродушнымъ, хотя нѣсколько эксцентричнымъ человѣкомъ. Именно, когда у него

не было денегъ, онъ терялъ голову, готовъ былъ лишить себя жизни и вообще вполнѣ предавался отчаянію. Между своими товарищами онъ считался курьезнымъ человѣкомъ, главнымъ образомъ потому, что какъ скоро заботъ у него дѣлалось поменьше, онъ становился чрезвычайно веселымъ.

Служитель Симсъ вполнѣ подтверждаетъ показанія Шеттата въ томъ именно, что упреки послѣдняго были направлены противъ него самого и выражены не въ особенно сердитомъ тонѣ. Онъ также не замѣтилъ, чтобы Клостерманъ по этому поводу до такой степени разсердился на хозяина, чтобы мстить ему. Напротивъ, Клостерманъ былъ веселъ и любезенъ, какъ всегда, и для него непонятно, какъ могъ онъ рѣшиться на поджогъ.

Также Редеръ, у котораго подсудимый похитилъ деньги, аттестуетъ его прилежнымъ, порядочнымъ и обходительнымъ человѣкомъ, въ которомъ онъ, впрочемъ, не замѣчалъ слѣдовъ душевной болѣзни.

Судебному слѣдователю, которому Клостерманъ показалъ, что онъ сдѣлалъ поджогъ въ совершенно здравомъ разсудкѣ и въ полной памяти, онъ не показался ни слабоумнымъ, ни душевно больнымъ, только по безпрестанной улыбкѣ казался чрезвычайно легкомысленнымъ человѣкомъ.

На судебномъ засѣданіи обвиняемый показалъ, что онъ совершилъ преступленіе главнымъ образомъ изъ мести, а также вслѣдствіе недовольства своимъ положеніемъ. Далѣе, Клостерманъ показалъ, что вечеромъ, наканунѣ поджога, также утромъ и послѣ обѣда 28 числа, онъ былъ очень пьянъ.

По его словамъ, вечеромъ передъ этимъ онъ былъ такъ пьянъ, что не помнилъ, какъ пришелъ домой; въ день преступленія онъ выпилъ въ трехъ различныхъ мѣстахъ около семи кружекъ пива и, кромѣ того, нѣсколько рюмокъ водки. Онъ утверждалъ, что пьянъ отъ этого не былъ.

Показанія свидѣтелей не даютъ объ этомъ опредѣленныхъ свѣдѣній.

Бетге сообщаетъ, что наканунѣ вечеромъ Клостерманъ выпилъ

вмѣстѣ съ нимъ три кружки пива и на 6 пфенинговъ кюммеля, но онъ не можетъ сказать, прямо ли послѣ того подсудимый отправился домой; на другое утро, въ 8 часовъ, онъ нашелъ Клостермана на обычномъ мѣстѣ. По лицу онъ казался растеряннымъ и взволнованнымъ, но въ разговорѣ не обнаруживалъ ничего необычайнаго. Впрочемъ, онъ недолго оставался съ нимъ.

Трактирщикъ Гене знаетъ Клостермана, такъ какъ послѣдній много разъ заходилъ къ нему. Онъ говоритъ, что Клостерманъ выпилъ вечеромъ пива отъ 4 до 5 кружекъ. Онъ не замѣтилъ, чтобы Клостерманъ опьянѣлъ. Далѣе Гене говоритъ о немъ, какъ о приличномъ и добродушномъ человѣкѣ. О выпитомъ Клостерманомъ количествѣ водки и пива въ день преступленія ничего положительнаго не выяснено. Извѣстно только, что ему нечѣмъ было заплатить извощику, по пріѣздѣ въ полицію.

Клостерманъ, молодой человѣкъ 25 лѣтъ, хорошо сложенъ и, повидимому, физически совершенно здоровъ. Держится прямо, обращеніе его и манеры скромны, выраженіе лица носитъ отпечатокъ добродушія и ограниченности. Правый глазъ нѣсколько косъ, во взглядѣ его поражаетъ какая-то необыкновенная неподвижность. Въ зрачкахъ не замѣчается никакого различія Отвѣты его слѣдуютъ быстро и показываютъ нѣкоторую степень воспитанности и образованности. Вся его личность, своей скромностью, спокойствіемъ и непринужденнымъ обращеніемъ, производитъ выгодное впечатлѣніе. Его показанія дышатъ искренностью и, очевидно, онъ старается говорить правдиво. Настроеніе его духа чрезвычайно быстро измѣняется. Когда обращаются къ его чувствамъ, онъ начинаетъ плакать, потомъ сейчасъ же снова начинаетъ улыбаться, если разговоръ принимаетъ другое направленіе.

Онъ толково разсказалъ мнѣ о своей жизни. Послѣ того, какъ разъ онъ былъ наказанъ въ военной службѣ, для него сдѣлалось „все равно“, и онъ еще чаще впадалъ въ проступки. Свои прежнія должности онъ оставлялъ по тому поводу, что онѣ представляли мало надеждъ въ будущемъ, а послѣднее мѣсто у прокурора бросилъ вслѣдствіе семейнаго разлада. Мать и сестры упрекали

его въ томъ, что, по возвращеніи его изъ военной службы, онѣ должны были одѣть его на свой счетъ.

Вопросы.

Это васъ раздражало?

И вы рѣшились оставить родной домъ?

Гдѣ достали Вы денегъ на проѣздъ?

Простились Вы съ родными?

Слѣдовательно, Вы уѣхали тайкомъ?

Куда же Вы отправились?

Писали ли Вы домой?

Чѣмъ занимались Вы здѣсь?

Конечно, въ этомъ нѣтъ стыда.

Заработывали Вы что-нибудь?

Были ли довольны Вами лица, у которыхъ Вы служили?

Бывали у Васъ здѣсь ссоры съ тѣми, у кого Вы работали, или съ кѣмъ-нибудь другимъ?

Скромную ли жизнь вели Вы?

Значитъ, Вы имѣли же ссоры съ кѣмъ-нибудь?

Какъ это случилось?

Отвѣты.

Да.

Да. Быть можетъ я не сдѣлалъ бы этого, еслибъ не имѣлъ намѣренія доставить мѣсто моему преемнику. Прокуроръ въ * умеръ и чрезъ это, какъ я слышалъ, одинъ отецъ семейства остался безъ хлѣба. Такъ какъ мнѣ хотѣлось уѣхать отсюда, то я написалъ ему и онъ занялъ мое мѣсто.

Изъ моего жалованья.

Нѣтъ, я такъ уѣхалъ.

Да.

Сюда.

Два раза. Но я не писалъ ничего опредѣленнаго и не говорилъ о возвращеніи. Впрочемъ, отъ меня этого и не требовали.

Я хотѣлъ найти мѣсто писца, но когда мнѣ это не удалось, сдѣлался служителемъ.

Я тоже думалъ, что нѣтъ.

Немного. Иногда мнѣ до обѣда нечего было и поѣсть.

О да, я думаю.

Нѣтъ.

Я никогда много не пилъ и по вечерамъ сидѣлъ дома. Когда я находился съ хозяиномъ еще въ хорошихъ отношеніяхъ, то приносилъ часто съ собой книгу и читалъ вечеромъ.

Да, съ хозяиномъ. Потому-то я и здѣсь.

Мнѣ казалось, что хозяинъ сталъ неласковъ со мной, такъ какъ я былъ долженъ ему за квартиру. Однажды вечеромъ онъ сказалъ, что

я не плачу ему деньги, потому что проигрываю ихъ въ карты. Въ другой разъ утромъ, когда мы были еще въ постели, онъ дѣлалъ намъ упреки въ неаккуратномъ платежѣ денегъ и назвалъ насъ «лѣнтяями». Чрезъ нѣсколько дней послѣ этого, 27-го числа вечеромъ, какъ молнія блеснула у меня мысль сдѣлать поджогъ. Не знаю, какъ мнѣ могла придти такая мысль, но она не давала мнѣ покоя.

Послѣ того, однако, Вы уснули?

Да.

Ну, а на другой день?

Эта мысль опять возвратилась. Я никакъ не могъ отъ нея отвязаться, меня къ этому какъ будто что то насильно тянуло.

Потомъ?

Утромъ мнѣ поручили отнести два талера, но я употребилъ ихъ на завтракъ.

Зачѣмъ сдѣлали Вы это?

Я подумалъ о томъ, что, быть можетъ, опять такъ случится, что мнѣ до обѣда нечего будетъ поѣсть.

Было ли рѣшено Вами уже до завтрака сдѣлать поджогъ?

Окончательно еще нѣтъ, я пилъ для того, чтобы прогнать неотвязную мысль.

Были ли Вы пьяны?

Нѣтъ, вѣроятно потому, что былъ возбужденъ.

Что Вы пили?

Баварское пиво и водку.

А ѣли?

Колбасу и котлеты.

Всѣ ли деньги были Вами истрачены?

Я оставался еще долженъ 10 или 12½ зильбергрошей. Кромѣ завтрака, я купилъ еще сигаръ и выкурилъ ихъ; одну подарилъ встрѣтившемуся со мной служителю, у меня было 5 — 6 сигаръ. Пять грошей отдалъ я одному калѣкѣ и больше у меня не осталось ничего.

И такъ, Вы пропили около 25 зильбергрошей?

Да.

Что стоитъ кружка?

1½ зильбергроша и рюмка водки 1 зильбергрошъ.

А потомъ?

Потомъ я пошелъ домой. Я прошелъ нѣсколько разъ взадъ и впередъ по комнатѣ. (Тутъ онъ разсказываетъ, какъ подложилъ огонь, какъ это изложено въ актахъ.)

Зачѣмъ же Вы подожгли?

Изъ мести.

И такъ, Вы были раздражены противъ хозяина?

Да.

Вы постоянно думали, со времени послѣдней сцены съ хозяиномъ, отмстить ему поджогомъ, или, что Вы думали въ этотъ промежутокъ времени?

Я былъ очень несчастливъ, боялся, что хозяинъ выгонитъ меня, и тогда я останусь безъ крова и одежды.

Что же дѣлали Вы чтобъ избавиться отъ этого страха?

Я выплатилъ хозяину изъ двухъ должныхъ мною талеровъ полтора; но за мною еще оставалось 15 зильбергрошей, и я находилъ, что Шетатъ былъ со мною не такъ ласковъ какъ прежде.

(Молчитъ, опустивъ глаза въ землю).

Не приходило ли Вамъ въ голову, что если Вы сдѣлаете поджогъ, такъ Васъ навѣрное выгонятъ и Вамъ нисколько не будетъ лучше?

Отчаяніе въ моемъ бѣдственномъ положеніи также побудило меня къ этому поступку.

(Молчитъ).

Чего хотѣли Вы этимъ достигнуть?

Мнѣ было все равно.

Быть можетъ Вамъ хотѣлось попасть въ смирительный домъ?

Мнѣ было все равно.

Желали ли Вы, чтобы Васъ осудили?

(Улыбаясь). Конечно нѣтъ. Я бы желалъ, чтобы меня освободили.

Еслибъ Васъ теперь освободили, было ли бы это для Васъ также все равно?

Для меня было бы также не все равно, еслибъ менд осудили.

Что сдѣлали Вы, когда подожгли?

Я вышелъ на улицу и хотѣлъ отправиться въ ближайшее полицейское отдѣленіе, но не могъ; меня давило какъ свинцомъ и я пошелъ назадъ. Потомъ взялъ извощика и явился въ полицейское управленіе.

Вы говорили раньше, что подарили послѣдніе пять грошей?

У меня не оставалось денегъ, такъ что нечѣмъ было заплатить извощику.

Васъ мучили, слѣдовательно, угрызенія совѣсти?

Нѣтъ.

Зачѣмъ же Вы донесли на себя?

Да вѣдь дѣло и безъ того бы обнаружилось.

Сожалѣете вы о томъ, что могли причинить большое зло?

Я не понимаю какъ могъ рѣшиться на такой поступокъ. Теперь я сожалѣю объ немъ, но тогда чувствовалъ только одно облегченіе. *Нужно сказать, то не было*

чувство облегченія, какъ послѣ добраго дѣла, но мнѣ было легче.

Вы говорили раньше, что Васъ давило какъ свинцомъ?

Да, я не чувствовалъ живаго, настоящаго облегченія, какъ бываетъ послѣ добраго дѣла, но мнѣ было иначе, чѣмъ до тѣхъ поръ. Мнѣ было все равно. Какъ будто кто-то требовалъ моей головы.

Какъ могли Вы украсть два талера? Развѣ не могли Вы надѣяться, если боялись голодать, на хозяина, который довѣрилъ Вамъ два талера?

Я хотѣлъ было просить его заплатить мнѣ впередъ, однако же не сдѣлалъ этого.

Что стали бы Вы дѣлать, еслибъ Васъ освободили?

(Плачетъ). Что сталъ бы я дѣлать? Вѣдь у меня и платья нѣтъ.

Но у Васъ есть родные?

Да.

Мать вѣдь можетъ простить?

Я не могу возвратиться, такъ какъ это маленькій городъ, гдѣ всякому извѣстно, что я сдѣлалъ. На меня стали бы пальцами указывать.

Было ли засѣданіе по Вашему дѣлу?

Да.

Почему было оно отложено?

Я показалъ, что въ то утро много пилъ; это надо было подтвердить.

Но доказать это трудно, такъ какъ хозяинъ трактира Васъ не знаетъ.

Я приводилъ это обстоятельство не въ оправданіе, а просто какъ истину. Я не сказалъ объ этомъ судебному слѣдователю, потому что онъ меня не спрашивалъ. На судѣ предсѣдатель спросилъ меня, пилъ ли я, и я подтвердилъ это, какъ истинный фактъ.

Въ другой разъ подсудимый сообщаетъ, что когда предъ совершеніемъ преступленія онъ ходилъ по комнатѣ взадъ и впередъ, онъ припоминалъ о своемъ прошедшемъ, о томъ чѣмъ бы онъ могъ быть и чѣмъ сдѣлался. Думалъ онъ о хорошихъ и тяжелыхъ дняхъ. Ему хотѣлось идти въ смирительный домъ, такъ какъ ему было предсказано, что онъ тамъ умретъ. Поэтому сдѣлался онъ ко всему равнодушенъ. (Плачетъ).

На дальнѣйшіе распросы подсудимый объясняетъ, что когда ему было 9 лѣтъ, однажды въ Грауденцѣ онъ дразнилъ вмѣстѣ съ своими товарищами одну старуху, называя ее старою вѣдьмою. Она тогда ему это и предсказала. Онъ не одинъ бранилъ ее, од-

нако она обратилась къ одному ему. Часто ему приходило это на умъ въ скверныя минуты.

Въ другой разъ Клостерманъ высказалъ, что отчасти месть, отчасти подавляющее чувство подчиненности и заботы о пропитаніи послужили мотивомъ его поступка. Онъ совершилъ преступленіе съ тѣмъ, чтобы его отправили на тотъ свѣтъ. Подъ вліяніемъ иного настроенія духа онъ иначе бы и велъ себя и не погубилъ бы себя, какъ теперь. Но въ то время для него было все равно.

И теперь для Васъ также все равно?

И теперь все равно, такъ какъ я знаю что меня ожидаетъ. Я долженъ покориться своей участи. (Плачетъ).

Вы говорите, что сдѣлали поджогъ изъ мести; но Вы вовсе не отомстили, потому что сами же старались помѣшать послѣдствіямъ вашего дѣла.

Месть была только средствомъ для достиженія цѣли.

Зачѣмъ Вы выдали себя?

Да вѣдь дѣло должно же было открыться.

Какъ-такъ? Развѣ Вы не могли увѣрить, что причиной пожара была неосторожность, хотя бы и съ вашей стороны?

Да, еслибъ я... Объ этомъ я и не подумалъ.

Не мучило ли Васъ то, что Вы причинили вредъ человѣку и не потому ли отчасти Вы донесли на себя?

Меня мучило это еще до совершенія преступленія; но я не имѣлъ силы не сдѣлать этого.

Вы просили еще плату за сентябрь, почему же не постарались Вы ее получить, вмѣсто того, чтобы красть?

Мысль напиться и истратить на это бывшія у меня въ рукахъ деньги, пришла мнѣ дорогой. Болѣе я объ этомъ не размышлялъ. Мнѣ было все равно.

На мой вопросъ, не припомнитъ ли онъ, чтобы когда-нибудь прежде овладѣвало имъ мрачное настроеніе, онъ отвѣчалъ, что въ военной службѣ разъ у него былъ такой приступъ. Разъ на привалѣ сложили ружья на песчаный холмъ, который былъ похожъ на дѣтскую могилу. Тогда онъ горько заплакалъ, бывши уже долгое время передъ этимъ въ мрачномъ настроеніи духа.

Въ другой разъ, когда я говорилъ съ нимъ о причинѣ его поступка, онъ показалъ, что хотѣлъ отмстить Шетату, не имѣя на-

мѣренія причинить ему вредъ. Когда я спросилъ его, развѣ можно мстить не причиняя вреда, онъ отвѣчалъ буквально такими словами.

„Сначала явилась у меня мысль о мщеніи, потомъ я подумалъ что могу сдѣлать зло не одному Шетату, но и другимъ, потому что это было опасно; но когда было сдѣлано воровство, все отошло на задній планъ, осталась только мысль о поджогѣ.“

Въ тюрьмѣ Клостерманъ велъ себя хорошо. Страннаго въ немъ ничего не замѣчалось. Въ своей камерѣ, гдѣ онъ помѣщался съ нѣсколькими другими арестантами, онъ отправлялъ должность старосты.

Нужно замѣтить, что показанія, сдѣланныя Клостерманомъ защитнику, существенно отклонялись отъ сдѣланныхъ имъ мнѣ признаній.

Такъ, относительно мотива преступленія, онъ говорилъ что его раздражило выраженіе Шетата, что ему припомнилась его прежняя жизнь, и мысль о поджогѣ явилась у него за нѣсколько дней до 28 сентября. Онъ думалъ „поджечь бы у негодяя“, но еще не думалъ „ты хочешь или долженъ это сдѣлать“. 27 сентября вечеромъ онъ былъ пьянъ, на другое утро отправился на работу къ Редеру и дорогой сказалъ самъ себѣ: „ты уже давно думалъ о поджогѣ, сегодня же ты долженъ это сдѣлать“. Когда Редеръ далъ ему два талера, у него явилась такая мысль: хочешь же ты поджечь, поэтому можешь и позавтракать. Затѣмъ онъ заходилъ въ разныя мѣста, гдѣ издержалъ деньги на ѣду и на вино, и сказалъ себѣ: „теперь покража двухъ талеровъ обнаружится, мѣста ты лишишься, такъ иди въ Грауденцъ. Тамъ ты шумѣлъ, не хотѣлъ чтобы тебя бранили, а теперь осрамился.“

Какъ поступокъ Клостермана, такъ и поведеніе его послѣ того въ высшей степени странны и возбуждаютъ основательныя подозрѣнія въ состояніи его умственныхъ способностей.

Не одно то, что онъ самъ себя выдалъ и какъ это сдѣлалъ, но и то обстоятельство, что самый поступокъ его находится въ видимомъ противорѣчіи со всей его прежней жизнью, отсутствіе достаточной причины, разъ высказанная имъ мысль, что мщеніе было

только средствомъ для того чтобы его отправили на тотъ свѣтъ, даютъ мѣсто догадкамъ, что Клостерманъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ ложныхъ представленій.

Но Клостерманъ не сдѣлалъ подобнаго показанія ни въ полиціи, ни слѣдователю при первомъ допросѣ, какъ это дѣлаютъ меланхолики, одержимые безумными идеями, которые совершаютъ насильственные поступки съ той цѣлью, чтобы ихъ лишили жизни или свободы, чтобы добиться казни, заключенія въ смирительный домъ и т. п. Въ такомъ случаѣ они тотчасъ же и настойчиво заявляютъ подобныя показанія. Клостерманъ же, напротивъ, въ извиненіе своего своего поступка выставляетъ предъ защитникомъ опьяненіе и во всемъ остальномъ нѣтъ никакихъ признаковъ чтобы онъ былъ одержимъ умственнымъ разстройствомъ, соединеннымъ съ обманами зрѣнія или слуха.

При всемъ томъ нельзя сомнѣваться въ существованіи у него душевнаго разстройства. Судебно-медицинская казуистика содержитъ не мало случаевъ, сходныхъ съ настоящимъ.

По той причинѣ, что поступки въ этихъ случаяхъ представляютъ характеръ влеченія, равно какъ потому что въ нихъ не достаетъ достаточной, объясняющей поступокъ, causae facinoris, или по кажущейся несоразмѣрности между причиной и поступкомъ, случаи эти соединяли подъ именемъ пиромаиіи. Предлежащій случай представляетъ тѣ же особенности.

Научныя изысканія послѣдняго десятилѣтія опровергли ученіе о пироманіи, какъ инстинктивной мономаніи, болѣзненномъ влеченіи къ поджогу, страсти къ огню, безъ замѣтнаго умственнаго разстройства въ другихъ отношеніяхъ. Тѣмъ не менѣе факты, которые повели къ установленію этой болѣзни, остались тѣ же; измѣнилось только ихъ толкованіе.

Въ подобныхъ случаяхъ большею частію худо развитые, отчасти слабоумные и болѣзненные, отчасти лѣнивые, ни на-что не годные здоровые молодые люди и дѣвушки (далеко не всегда въ періодъ половаго развитія), безъ всякаго разумнаго мотива, или изъ мести за дурное обращеніе своихъ хозяевъ, или изъ желанія воз-

вратиться домой, дѣлали поджогъ. Въ ихъ показаніяхъ часто значится, что они иначе не могли, что ихъ какъ-будто что-то заставляло это сдѣлать, что ихъ къ этому тянуло.

Аналогія предлежащаго случая съ этими очевидна.

Но если въ одной части подобныхъ случаевъ, при надлежащей ихъ оцѣнкѣ, вмѣсто неодолимаго влеченія къ поступку и кажущейся несоразмѣрности между причиной и слѣдствіемъ, обнаруживается вполнѣ мотивированный психическій процессъ, то въ другой ихъ части ясно выступаетъ болѣзненное психическое состояніе изслѣдуемаго. Случай Клостермана принадлежитъ къ послѣднимъ.

Еще въ дѣтствѣ Клостерманъ страдалъ припадками умственнаго разстройства съ судорогами, и эти припадки были приняты за лунатизмъ. Хотя и не доказано чтобы это были эпилептическіе или эпилептоидальные приступы, но это все-таки очень вѣроятно. Потомъ, въ показаніяхъ его матери и Цинова, значится, что онъ иногда внезапно устремлялъ неподвижный взоръ на одну точку, и выведенный изъ этого состоянія, какъ бы пробуждался отъ сна, не зная, что съ нимъ было; далѣе, въ день пожара казался онъ разстроеннымъ и возбужденнымъ. Все это дѣлаетъ вѣроятнымъ, что онъ и до самаго послѣдняго времени не былъ свободенъ отъ подобныхъ припадковъ. То обстоятельство, что самъ онъ объ нихъ не упоминаетъ, не можетъ говорить противъ этого предположенія потому что подобные больные, которымъ припадки эти кажутся только головной болью, или легкимъ головокруженіемъ, не придаютъ имъ никакого значенія и забываютъ ихъ.

Съ другой стороны и остальное поведеніе Клостермана заставляетъ придти къ тому заключенію, что онъ страдаетъ эпилепсіей, и что болѣзнь эта не осталась безъ разрушающаго вліянія на его мозговую дѣятельность. Подобнаго рода поведеніе часто наблюдается у эпилептиковъ.

Въ характерѣ его нѣтъ ничего дурнаго, низкаго, но онъ съ дѣтства раздражителенъ, впечатлителенъ, безпокоенъ. Настроеніе его духа быстро измѣняется и, становясь, безъ всякаго видимаго повода, то радостнымъ, то печальнымъ, имѣетъ большое вліяніе на

его намѣренія и поступки. Но въ показаніяхъ матери Клостермана и Цинова мы находимъ еще болѣе убѣдительные признаки его умственнаго разстройства, — это его безпричинные побѣги, которые были обусловлены, повидимому, обманами слуха.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, изслѣдуемый, очевидно, тупоуменъ. Изслѣдованіе даетъ убѣдительнѣйшія доказательства этого; приводить ихъ въ отдѣльности нѣтъ нужды. Только слѣдуетъ упомянуть, что невозможно, чтобы человѣкъ, который высказываетъ, что онъ хотѣлъ кому-нибудь отмстить поджогомъ его жилища, не желая причинить ему этимъ вреда, и который потому поджигаетъ, что ему уже было предсказано умереть въ рабочемъ домѣ, могъ дѣйствовать единственно на основаніи дурныхъ, эгоистическихъ и низкихъ побужденій.

Невозможно утверждать, чтобы Клостерманъ дѣйствовалъ, не сознавая наказуемости своего поступка.

Объясненія его о психологическихъ процессахъ, происходившихъ въ немъ передъ совершеніемъ поступка, во время его и послѣ него, не оставляютъ въ этомъ никакого сомнѣнія; но это одно не составляетъ доказательства способности обвиняемаго ко вмѣненію, такъ какъ подобная сознательность бываетъ у очень многихъ душевно-больныхъ, и не у однихъ тѣхъ, которые дѣйствуютъ на основаніи ложныхъ представленій. При всемъ этомъ нельзя не утверждать, что умственное его состояніе существенно нарушало свободу его поступковъ.

Отъ должности и изъ роднаго дома онъ, по причинѣ пощечины, данной ему матерью, убѣжалъ безъ всякихъ средствъ и очутился здѣсь въ такомъ положеніи, какое было ему не подъ силу. Онъ не находитъ занятія, соотвѣтственнаго своимъ склонностямъ, зарабатываетъ себѣ скудное пропитаніе въ качествѣ служителя, остается долженъ за квартиру и „теряетъ голову“, какъ выразился свидѣтель Бетге. Онъ совершаетъ преступленіе, случайнымъ мотивомъ къ которому служила не къ нему обращенная брань Шеттата, чтобы чрезъ это попасть домой, въ смирительный домъ. „Ты не хочешь чтобы тебя бранили, къ мѣсту ты не привязанъ, такъ ступай въ

Граудецъ“ (т. е. въ смирительный домъ, гдѣ ему было предсказано умереть).

Также нелѣпо и слабоумно, какъ и вся совокупность его дѣйствій, было исполненіе задуманнаго. Не убѣдившись, дѣйствительно ли загорѣлось отъ его поджога, онъ является въ полицейское управленіе, „оплакивая свое дѣло и прося о смягченіи наказанія“ и „чтобы избѣжать проволочекъ“.

Наконецъ, нужно обратить вниманіе и на то, что Клостерманъ накáнунѣ и въ самый день поджога пилъ много спиртныхъ напитковъ, что было способно увеличить еще болѣе существовавшую спутанность въ его умѣ.

На основаніи вышеупомянутаго, мнѣніемъ полагаю:

1) Что Клостерманъ человѣкъ тупоумный (вѣроятно, подъ вліяніемъ эпилепсіи).

2) Что состояніе его умственныхъ способностей, при томъ положеніи, въ которое онъ былъ поставленъ, было причиной такой спутанности ума, что онъ былъ неспособенъ сдѣлать съ разсудительностью выборъ—совершить поджогъ, или отказаться отъ этого намѣренія, и потому, по моему мнѣнію, не можетъ быть признанъ способнымъ ко вмѣненію.

Присяжные объявили его „невиновнымъ“.

СЛУЧАЙ ДЕСЯТЫЙ.

Воровство.—Слабоуміе вслѣдствіе эпилепсіи.—Неспособность ко вмѣненію.

Нѣкто Данцеръ обвиняется въ томъ, что она, въ промежутокъ времени между 5 и 22 августа, украла съ чердака нѣсколько штукъ платья, съ помощью поддѣльнаго ключа.

Платье это она частію носила, частію передѣлывала; на вопросъ о его пріобрѣтеніи она давала противорѣчащія показанія, говоря, что одно ей подарили, другое она нашла или купила.

На допросѣ ея показанія были связны и не давали повода подозрѣвать умственной слабости. Между прочимъ, она показала, что

часто подвергается внезапнымъ судорогамъ, такъ что у нея должны были взять ея ребенка.

Въ назначенное на 19 марта засѣданіе подсудимая не явилась; по свидѣтельству доктора Коха, она была помѣщена 9-го марта въ домъ умалишенныхъ. Тамошній врачь, не замѣтившій въ ней никакихъ симптомовъ душевнаго разстройства, счелъ за нужное перевести ее въ Charité, по причинѣ обнаружившагося въ сильной степени кровохарканія. Въ какомъ отдѣленіи была она пользована, признавали ли ее тамъ за душевно-больную,—изъ актовъ не видно. Никакихъ свѣдѣній изъ Charité при дѣлѣ не было. Управленіе этой больницы извѣщаетъ только, что Данцеръ была 12-го апрѣля переслана въ рабочій домъ, но выздоровѣвшая или нѣтъ, или по неизлѣчимости — изъ извѣщенія невидно. Также неизвѣстно, когда она была выпущена изъ отдѣленія умалишенныхъ при рабочемъ домѣ.

Въ назначенное на 20-е іюня засѣданіе подсудимая снова не явилась. Предъявленное суду свидѣтельство доктора Л. отъ 18-го іюня говоритъ, что по причинѣ тѣлесной болѣзни и умственнаго разстройства, Данцеръ не можетъ явиться предъ судомъ и не въ состояніи давать показаній, на которыя можно бы было положиться.

Это обстоятельство послужило поводомъ къ судебно-медицинскому изслѣдованію подсудимой.

Мои наблюденія вполнѣ подтвердили свидѣтельство доктора Л.

Данцеръ, около 20-ти лѣтъ отъ роду, смотритъ болѣзненной, малокровной и чахоточной; показаніе ея, что она кашляетъ и харкаетъ кровью, подтверждается какъ наружностью изслѣдуемой, такъ и объективнымъ изслѣдованіемъ ея дыхательныхъ органовъ, равно какъ и лихорадочно-возбужденнымъ пульсомъ.

Кромѣ того, Данцеръ показываетъ, что страдаетъ судорогами. Какого рода эти судороги — никакихъ свѣдѣній сообщить не можетъ; она можетъ разсказать только о предчувствіи ихъ, которое называетъ шумомъ въ головѣ; послѣ этого она засыпаетъ. Данцеръ показываетъ, что судороги начались у нея съ 16-ти лѣтъ, когда она была испугана тѣмъ, что сестра ея выпрыгнула изъ окна. Впрочемъ, она не придаетъ этимъ судорогамъ большого значенія. Теперь

онѣ бываютъ гораздо рѣже, прежде онѣ появлялись 6 или 7 разъ въ день.

Судороги эти можно признать фактически существующими; нельзя полагать, что ихъ не бываетъ, что она ихъ придумала для того, чтобы оправдать себя, хотя лично я не имѣлъ случая въ нихъ удостовѣриться. Противъ вымысла говоритъ съ одной стороны то, что изслѣдуемая объ нихъ не распространяется; съ другой—что она сообщаетъ о нихъ именно настолько, насколько можетъ и должна знать; наконецъ, существованіе судорогъ подтверждается ея домашними.

По вышеописаннымъ признакамъ, равно какъ и потому, что во время судорогъ теряется сознаніе, болѣзнь Данцеръ слѣдуетъ принять за эпилепсію.

Извѣстенъ фактъ, что эпилепсія въ очень многихъ случаяхъ ведетъ къ психическому упадку, тупоумію и слабоумію. Хотя я далекъ отъ того, чтобы считать всякаго эпилептика безъ исключенія, единственно въ силу существованія этой болѣзни, за человѣка до такой степени психически-ослабленнаго, чтобы онъ былъ лишенъ способности различать добро отъ зла и не могъ защищаться передъ судомъ; но съ другой стороны, если доказано существованіе эпилепсіи и въ то-же время замѣчено слабоуміе, то съ медицинской точки зрѣнія совершенно логично принять существованіе причинной связи между тѣмъ и другимъ и не относиться слишкомъ недовѣрчиво къ существованію умственной слабости. Уже послѣ короткаго изслѣдованія подсудимой, не остается никакого сомнѣнія въ томъ, что она слабоумна; поведеніе же ея, въ высшей степени характеристичное, форма ея отвѣтовъ и самое содержаніе ихъ не допускаютъ и мысли о притворствѣ.

Нѣтъ никакой возможности вести съ ней сколько-нибудь связный разговоръ; она пуглива, безпокойна, лишена всякой самостоятельности. Впродолженіе разговора она безцѣльно и безсмысленно поводитъ кругомъ глазами, дѣлаетъ частыя отступленія, такъ что трудно удержать и сосредоточить ея мысль на одномъ опредѣленномъ предметѣ. Память у нея сохранилась только отрывочно, способность сужденія очень недостаточна. Говоритъ она подѣтски, до-

вѣрчиво, предполагая неизвѣстное совершенно извѣстнымъ, сопровождаетъ часто свои отвѣты глуповатой улыбкой и повторяетъ ихъ, подѣтски, въ формѣ вопросовъ, напримѣръ: „чье это платье?—мое, развѣ оно не мое?“

Когда я пришелъ къ Данцеръ, она, не спрося кто я и что мнѣ нужно, встрѣтила меня боязливымъ вопромъ: не за деньгами ли я пришелъ; докторъ Кохъ также прислалъ счетъ, и когда хозяйка ея заглянула въ дверь, отыскивая, по ея словамъ, своего ребенка, она закричала на нее и, обращаясь ко мнѣ, сказала: „я испугалась, такъ часто ходятъ за деньгами.“ Я успокоилъ ее увѣреніемъ, что вовсе не затѣмъ пришелъ и началъ свои распросы о ней самой. Данцеръ знала свое имя, фамилію, имя своего отца, но имя свое произнесла медленно и осторожно, сначала подумавши. Она показала, что ей 20 лѣтъ, но послѣ этого пришелъ ея мужъ и сказалъ, что ей не 20, а 26 лѣтъ. Она сказала, что теперь 66-й годъ, но не могла сказать, въ которомъ году родилась, хотя день и знала. Также, когда я спросилъ ее, что если ей теперь 20 лѣтъ, а у насъ идетъ 66-й годъ, то въ которомъ году она родилась? она не могла отвѣтить и не съумѣла вычесть 20 изъ 66-ти. Также она не могла сказать, который былъ годъ прошедшій, давно ли она замужемъ, но возрастъ своего ребенка опредѣлила, повидимому, правильно. Она не знала, давно ли была въ Charité, и отвѣчала на это: „ахъ, это было уже давно, очень давно“. Она говоритъ, что никогда не страдала умственнымъ разстройствомъ и что въ настоящее время совершенно здорова и физически и душевно. Однако на распросы о болѣзненныхъ явленіяхъ, какъ то: кашлѣ, кровохарканіи, слабости, отвѣчаетъ утвердительно, выражая это взглядомъ и наклоненіемъ головы и все-таки продолжая утверждать, что совершенно здорова и что также никогда не замѣчала въ себѣ забывчивости или слабости памяти.

Что касается вмѣняемаго ей въ преступленіе поступка, то она не могла припомнить, чтобы ее когда-нибудь по этому поводу допрашивали. Она думала, что допрашивали ея мужа, а не ее. Также когда я старался привести ей на память отдѣльныя ея показанія,

это не удалось мнѣ. Что ее обвиняли въ воровствѣ, это она припомнила. Когда я напомнилъ ей, что она украла дѣтскій сюртучокъ, то она, схвативъ лежащій подлѣ нея дѣтскій сюртучокъ, отвѣтила: „нѣтъ, это былъ вотъ такой сюртукъ, его подарила мнѣ сестра.“ Когда я сказалъ, что кромѣ сюртука были украдены и другія вещи, именно воротнички и головная сѣтка, она отвѣчала: „это мои, развѣ это не мои? У меня также есть воротнички.“

Подобныхъ фактовъ достаточно, чтобы подтвердить вышеприведенное мнѣніе о состоятіи умственныхъ способностей Данцеръ и доказать, что она теперь не въ состояніи явиться предъ судомъ и защищать себя.

Судя по такой сильной степени ослабленія умственныхъ способностей, равно и потому, что оно было причинено эпилепсіей, невѣроятно, чтобы это состояніе было недавняго происхожденія. Я думаю, что изслѣдуемая и во время совершенія вмѣняемаго ей въ преступленіе поступка (за годъ до настоящаго времени) находилась въ такомъ же или подобномъ состояніи; состояніе это, конечно, могло быть усилено изнурительною грудною болѣзнью. Странно, что подобное состояніе психической слабости ускользнуло отъ вниманія слѣдователя, который внесъ въ протоколъ, что онъ долженъ былъ прервать допросъ, потому что съ ней сдѣлались судороги, не упомянувъ ничего о ея душевномъ состояніи. Такъ какъ ея показанія въ то время были гораздо связнѣе, чѣмъ теперь, по крайней мѣрѣ, она показывала о себѣ самой правильно, то я долженъ оставить нерѣшеннымъ, находилась ли подсудимая въ то время въ состояніи, исключающемъ или затрудняющемъ свободу выбора, однакожъ, полагаю, что это было такъ.

Опытъ показалъ, что излеченіе тѣлесной и душевной болѣзни Данцеръ невозможно, и что нельзя предвидѣть значительнаго и продолжительнаго ея улучшенія.

Поэтому мнѣніемъ полагаю:

1) Что Данцеръ въ настоящее время, по своему физическому и душевному состоянію, не можетъ явиться въ судъ и не можетъ быть допрошена.

2) Я не могу дать заключенія о томъ, находилась ли она, во время совершенія вмѣняемаго ей въ преступленіе поступка, въ состояніи, исключающемъ или затрудняющемъ свободу выбора.

3) Нельзя ожидать настолько значительнаго улучшенія ея здоровья, чтобы она могла быть когда-нибудь допрошена.

СЛУЧАЙ ОДИННАДЦАТЫЙ.

Обманъ. — Слабоуміе вслѣдствіе эпилепсіи.

Нѣкто Пробстъ обвиняется въ томъ, что онъ 3 сентября продалъ за 11 зильбергрошей театральный билетъ, на которомъ значилось, что онъ выданъ на воскресенье.

Билетъ этотъ относился къ воскресенью 28-го мая, но употребленъ не былъ, въ означенный же день силы не имѣлъ.

Арестовавшаго его полицейскаго чиновника подсудимый увѣрялъ, что билетъ былъ купленъ его женой, которая внезапно заболѣла, поэтому онъ и хотѣлъ перепродать его; на гауптвахтѣ же 5-го полицейскаго участка онъ объяснилъ дѣло иначе, именно, что билетъ былъ ему подаренъ въ прошедшее воскресенье однимъ знакомымъ, котораго онъ не знаетъ ни имени, ни мѣста жительства.

Явившаяся вмѣстѣ съ подсудимымъ на судебное засѣданіе, 17-го октября, Клеминнъ утверждала, что Пробстъ не способенъ ко вмѣненію, такъ какъ онъ уже 14 лѣтъ страдаетъ эпилепсіей. Это послѣднее было формально подтверждено прокуроромъ.

Пробстъ былъ между тѣмъ доставленъ въ Charité. Самъ онъ времени поступленія туда показать точно не могъ, изъ госпитальнаго же журнала видно, что это было 30-го ноября. Въ Charité подтвердилось, что онъ страдаетъ эпилептическими судорогами, которыя являются чрезъ неправильные промежутки времени. Въ понедѣльникъ, 11-го, подсудимый былъ выпущенъ изъ больницы, но 23-го снова возвращенъ туда. Его доставили въ совершенно безсознательномъ состояніи, вѣроятно послѣ новаго припадка. 24-го я нашелъ его лежащимъ въ постели, съ судорожными подергиваніями

рукъ и ногъ, безъ всякаго признака сознанія, такъ что невозможно было начать изслѣдованіе; я могъ только постановить тотъ фактъ, что за припадками слѣдуетъ продолжительное состояніе полнаго безпамятства, исчезающее только постепенно. По прошествіи четырехъ дней, я нашелъ подсудимаго оправившимся и способнымъ отвѣчать на распросы.

Пробстъ смотритъ старымъ и слабымъ, хотя по документамъ ему только 32 года. Физіономія его носитъ отпечатокъ тупоумія. Тѣлесныя отправленія, повидимому, существенно не разстроены. Поведеніе его скромно, разговоръ показываетъ добродушіе; его легко было убѣдить, что у меня нѣтъ никакой особенной цѣли, такъ какъ онъ удивлялся, что я распрашиваю его подробнѣе, чѣмъ другіе доктора. Въ отвѣтахъ онъ явно старался быть правдивымъ и, видимо, дѣлалъ ихъ какъ только могъ лучше; но отвѣты эти, когда рѣчь касалась и другихъ предметовъ, не относящихся къ его поступку, были крайне недостаточны, какъ относительно памяти, такъ и способности сужденія. Разговоръ мой съ нимъ состоялъ въ слѣдующемъ:

Вопросы.	*Отвѣты.*
Какъ Васъ зовутъ?	Пробстъ.
Имя?	Карлъ.
Сколько вамъ лѣтъ?	24 апрѣля 1833 года.
Гдѣ Вы теперь находитесь?	Въ Charité.
Кто привелъ Васъ сюда?	Я не знаю, пришла ли со мной моя жена или нѣтъ.
Давно Вы живете въ Берлинѣ?	(Подумавъ) точно не знаю.
Женаты Вы?	Лѣтъ семь, можемъ мы сказать.
Какъ это—можемъ мы сказать?	Семь лѣтъ, какъ же иначе сказать? (Улыбается).
Какъ зовутъ Вашу жену?	(Раздумываетъ).
Должны же Вы знать имя вашей жены?	Ахъ, я не могу о ней вспомнить, потому что она убѣжала и оставила меня одного.
Это не мѣшаетъ Вамъ сказать ея имя.	Я не могу вспомнить о ней. (Схватывается за голову) Это меня волнуетъ.
Быть можетъ Вы опасаетесь судорогъ?	Да.
Но прежде Вы говорили о вашей женѣ.	Я подразумѣвалъ мою настоящую жену, которая помогаетъ мнѣ.

Какъ ея имя?
Женаты Вы на ней?
Давно ли она стала помогать Вамъ?

Меня интересуетъ Ваша болѣзнь, я бы хотѣлъ изучить ее. Когда прибыли вы сюда?
Когда выпли Вы отсюда?

А когда Вы опять возвратились сюда?
По какой причинѣ?

Кто привелъ Васъ сюда во второй разъ?
Но Вы сказали раньше, что не теряли сознанія.
Какъ давно страдаете Вы судорогами?
Какъ часто онѣ бываютъ?

Бываютъ и чаще?
Также и по ночамъ?
Вы занимались торговлей?

Ходили Вы для закупокъ въ рынокъ?
Вы записывали ваши расходы?
Продолжаете Вы вашу торговлю?
Почему?

Отчего же Вы не могли больше работать?
Можете ли Вы еще считать?
Сколько будетъ 2×3?
5×15?
11 изъ 75?
Что за исторія была у Васъ съ театральнымъ билетомъ?
Вспомните, Вы однажды продали билетъ.

Ида Клемпинъ.
Нѣтъ.
Лѣтъ пять. По зачѣмъ вы хотите все знать, о чемъ меня здѣсь ни одинъ докторъ не спрашивалъ?
Не знаю, въ первый разъ предъ Рождествомъ; вѣрно не знаю; но полагаю что въ концѣ ноября.
(Долго раздумывая), въ понедѣльникъ дней 8 тому назадъ.
Дня 3 или 4.

Вслѣдствіе судорогъ, которыя однакожъ были не похожи на прежнія. Я еще дома ужиналъ. Онѣ были на этотъ разъ совсѣмъ другія. Я не потерялъ сознанія.
Не знаю, потому что я былъ безъ чувствъ.
Да, но потомъ потерялъ.

15 лѣтъ.

Онѣ пріостанавливались однажды на 3 мѣсяца.
О, да.
Нѣтъ.
Да, оба; моя жена мнѣ помогала.
Да, вмѣстѣ съ женой.

Мы оба записывали.
Нѣтъ, я ее оставилъ.
Судороги разслабили меня. Я рѣшился оставить ее, потому что не могъ болѣе работать.
Я былъ обезсиленъ и голова у меня ослабѣла.
(Улыбаясь). Я полагаю что могу.
6.
75.
64.
Съ билетомъ? я этого не знаю.

Я хорошо этого не помню, моя жена все знаетъ. Только это и могу вамъ сказать; я не хочу ничего отъ васъ утаивать.

Знаете ли, когда Вы продали билетъ?

Нѣтъ, но моя жена помнитъ это.

Это было 3 сентября.

Можетъ быть и такъ, можетъ быть и нѣтъ. Спорить не хочу.

Какъ попалъ въ Ваши руки билетъ? Нашли Вы его?

Не знаю въ самомъ ли дѣлѣ нашелъ, или мнѣ его подарили. Но моя жена все точно знаетъ, если уже вы такъ объ этомъ хлопочите.

Разсматривали Вы билетъ?

Я совершенно забылъ исторію съ билетомъ.

Если Вы продали билетъ, не годный на этотъ день и взяли за него деньги, значитъ Вы продали то, что не имѣло никакой цѣнности.

То есть деньги?

Нѣтъ билетъ.

Да вѣдь я не разсмотрѣлъ его.

Полагали ли Вы, что билетъ имѣлъ силу на этотъ день?

Да.

Зачѣмъ Вы его продали?

Чтобы получить пару грошей.

И такъ, Вы не посмотрѣли на билетъ?

Нѣтъ, я его только передалъ и такъ какъ его взяли, то тѣмъ дѣло и кончилось. Будь я здоровъ, этого не случилось бы.

Вы привели предъ полицейскимъ чиновникомъ очень основательное оправданіе. Вы сказали, что купили билетъ и потомъ перепродали, вслѣдствіе внезапной болѣзни вашей жены. Потомъ Вы сказали, что получили билетъ въ подарокъ. Это заставляетъ подозрѣвать что Вы хотѣли обмануть; это ясно въ особенности изъ того, что на билетѣ было означено также воскресенье.

Я этого не зналъ.

Вы не припомните того, что дѣлали подобныя показанія?

Нѣтъ.

Что сдѣлали Вы съ этими деньгами?

Объ этомъ надо спросить у жены.

Гдѣ нашли Вы билетъ?

Не помню.

Помните ли Вы, куда Вы въ тотъ день ходили?

Нѣтъ.

Какъ пришли Вы къ театру?

Не знаю.

Не было ли у Васъ наканунѣ того дня или не задолго предъ тѣмъ судорогъ?

Не помню.

Жена Вамъ ничего объ этомъ не говорила, вѣдь говорили же Вы съ ней объ этомъ дѣлѣ?

Не знаю, говорилъ ли.

Но Вы постоянно ссылаетесь пре-

Не знаю навѣрно, можетъ быть.

до мной на нее; слѣдовательно Вы должны были говорить съ ней.

Были ли Вы по этому дѣлу на судѣ? — Да, я былъ на судѣ.

Былъ ли судъ пріостановленъ? — Не знаю.

Почему же судъ былъ пріостановленъ? Что говорила Клемпинъ? — Не знаю.

Гдѣ Вы живете теперь. — (Думаетъ и не можетъ отвѣтить).

Дальнѣйшій разговоръ не имѣлъ никакого другаго результата и былъ все въ томъ же родѣ.

Старческое выраженіе лица изслѣдуемаго, несоотвѣтственно его возрасту, равно какъ и выражающееся на его физіономіи тупоуміе, одни уже совершенно достаточны для того, чтобы предположить долговременное вліяніе эпилепсіи, еслибы это и не было формально доказано, потому что эпилепсія ведетъ за собой подобныя послѣдствія обыкновенно только послѣ долгаго существованія.

Хотя бываютъ исключенія, что эпилепсія, существуя долгое время, не производитъ существеннаго вліянія на умственныя способности, но въ большинствѣ случаевъ замѣчается разрушительное дѣйствіе болѣзни на умственную дѣятельность, слѣдствіемъ чего бываетъ психическій упадокъ. Вліяніе эпилепсіи на Пробста было такъ сильно, что онъ не могъ вести своихъ дѣлъ. До какой сильной степени пострадали его память и сужденіе, видно изъ подробностей вышеприведеннаго разговора, такъ какъ о притворствѣ тутъ и рѣчи быть не можетъ. Противъ притворнаго слабоумія говорятъ показанія больничнаго служителя, котораго я спрашивалъ о немъ и который замѣтилъ у него значительную слабость памяти, такъ что Пробстъ, перейдя изъ одной комнаты въ другую, забывалъ, что ему велѣно было сдѣлать; далѣе, отсутствіе притворства подтверждается вышеприведеннымъ разговоромъ, гдѣ подсудимый затруднялся въ самыхъ простыхъ отвѣтахъ, прежде чѣмъ могъ заподозрить цѣль моихъ распросовъ.

Изъ отвѣтовъ Пробста несомнѣнно слѣдуетъ, что онъ въ высокой степени тупоуменъ.

Если мы не будемъ считать простой случайностью того, что

билетъ былъ на воскресное представленіе и проданъ тоже въ воскресенье, далѣе, если сдѣланное имъ тотчасъ послѣ поступка очень правдоподобное объясненіе показываетъ, что онъ сознавалъ преступность этого дѣйствія, такъ какъ хотѣлъ отклонить его отъ себя; далѣе, если онъ привелъ совершенно достаточную causa facinoris— заработать пару грошей, — то все-таки мы должны признать его, какъ видно и изъ приведеннаго разговора, до такой степени ограниченнымъ, что онъ не могъ понять значенія своего поступка и обсудить то обстоятельство, что беретъ деньги съ покупателя за предметъ, не имѣющій никакой цѣнности.

И такъ, Пробстъ, вліяніемъ эпилепсіи, доведенъ до такой степени умственной слабости, что не въ состояніи понять послѣдствій своего поступка, и потому нельзя предположить, чтобы онъ могъ свободно обсудить его и сознательно на него рѣшиться. Поэтому, мнѣніемъ полагаю:

Что Пробстъ долженъ считаться неспособнымъ ко вмѣненію, вслѣдствіе эпилепсіи.

СЛУЧАЙ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

Неоднократныя поддѣлки документовъ, обманъ и воровство. — Подозрѣніе въ притворствѣ. — Эпилепсія. — Неспособность ко вмѣненію.

Адольфина Рейтдорфъ обвиняется въ неоднократныхъ поддѣлкахъ документовъ, многочисленныхъ обманахъ и кражахъ.

Она была арестована 3-го января 1867 г. и немедленно подвергнута допросу; на 11-е сентября было назначено судебное засѣданіе, о чемъ сообщено ей 12-го іюля.

13-го августа тюремный врачъ, докторъ Арндъ, сообщилъ, что Рейтдорфъ, помѣщенная въ лазаретѣ послѣ недавно случившагося съ ней припадка, похожаго на апоплексическій ударъ *), страдаетъ душевной болѣзнью, такъ какъ у нея были замѣчены обманы чувствъ

*) Рейтдорфъ заболѣла внезапно послѣ того, какъ бывшая вмѣстѣ съ ней въ заключеніи подсудимая, обвинявшаяся въ подобномъ же преступленіи, была приговорена судомъ къ наказанію. Это ее сильно взволновало.

и безумныя представленія, и предлагалъ перевести ее, для изслѣченія, въ Charité.

Врачи Charité, куда она была помѣщена 16-го августа, заявили, послѣ двухмѣсячнаго наблюденія, что Рейтдорфъ страдаетъ эпилептическими припадками и что у нея замѣчается состояніе психическаго угнетенія, которое проявляется въ многочисленныхъ жалобахъ, по большей части неосновательныхъ. Она подвержена частымъ обманамъ чувствъ, по ночамъ слышитъ голоса, которые зовутъ ее и видитъ иногда неявственные, какъ бы во снѣ, призраки.

Изслѣдуемая имѣетъ, повидимому, лѣтъ сорокъ отъ роду. Питаніе ея хорошо, она склонна къ ожирѣнію. Выраженіе лица мечтательное. Она полулежитъ на стулѣ, положивъ голову на руки прислужницы; впрочемъ, выпрямилась, когда я попросилъ ее отвѣчать на мои вопросы. Въ отвѣтахъ она затрудняется и даетъ ихъ, подумавши. Подсудимая дрожитъ всѣмъ тѣломъ, жалуется на круженіе и боль въ головѣ; зрачки расширены, правый нѣсколько шире лѣваго. Пульсъ частый. Дыханіе нормальное. Въ лѣвой подвздошной области находится, какъ видно изъ госпитальнаго журнала, опухоль, чувствительная при давленіи. Въ мочѣ по временамъ показывается бѣлокъ. По показанію того же журнала, подсудимая проводитъ ночи по временамъ очень безпокойно. Она безпрестанно жалуется, что почью приходятъ къ ней черные люди, которые хотятъ убить ее, что она вмѣстѣ съ своими дѣтьми отравлена и т. п. Эпилептическіе припадки были наблюдаемы много разъ. Часто она требуетъ своего освобожденія, желаетъ назначенія судебнаго засѣданія, но не ясно понимаетъ сущность взводимаго на нее обвиненія, только утверждаетъ, что невинна и жалуется на преслѣдованія дурныхъ людей, которыхъ она считаетъ за однихъ и тѣхъ же съ посѣщающими ее по ночамъ черными людьми.

Съ ней трудно вести разговоръ, по причинѣ ея сильной слабости Я добился отъ нея слѣдующаго:

Вопросы.	*Отвѣты.*
Какъ Васъ зовутъ?	Адольфина Рейтдорфъ, урожденная Вентъ.

Сколько вамъ лѣтъ? 37.
Когда Вы родились? Не знаю.
Давно ли Вы здѣсь? Шульцъ говоритъ, что 4 мѣсяца.
Когда Вы сюда поступили? Не знаю.
Перечислите всѣ мѣсяцы въ году. (Перечисляетъ нѣкоторые, пропуская большую часть).
Перечислите дни недѣли. (Перечисляетъ правильно).
Вы пропустили мартъ мѣсяцъ. Ахъ да, 14 марта бываетъ мое рожденье.
Какое время года теперь у насъ? Начало зимы.
Который годъ? 1866.
Когда поступили Вы въ лазаретъ? Я думаю что въ этомъ году.
Сколько времени оставались Вы тамъ? Не знаю; полагаю около года.
Зачѣмъ вышли Вы оттуда? Меня оттуда выслалъ докторъ, не знаю почему. Говорили, что я сдѣлалась тамъ очень безпокойна.
Гдѣ Вы теперь? Въ Charité; но это отдѣленіе душевныхъ болѣзней, здѣсь все сумашедшіе; я не принадлежу къ ихъ числу.
Вполнѣ ли Вы умственно здоровы? Да, я немножко слаба головой; но въ другихъ отношеніяхъ совершенно здорова.
Въ чемъ проявляется эта слабость? Я чувствую постоянно сильную боль во лбу.
Вслѣдствіе чего ослабѣла у васъ память? Потому что меня очень огорчило что недобрые люди хотятъ сдѣлать меня несчастной.
Какимъ образомъ? Меня обвинили въ поддѣлкѣ бумагъ, о чемъ я вовсе не знаю. Это злые люди. Они уже преслѣдовали меня по ночамъ, четверо черныхъ господъ, которые постоянно говорятъ мнѣ о судѣ и угрожаютъ застрѣлить меня, если я не приду. Съ минуту тому назадъ они были здѣсь.
Отчего Вы плачете? Потому что мнѣ бы хотѣлось поскорѣе суда. Они меня и ночью звали. Мнѣ можетъ быть было бы покойнѣе, еслибы я пошла въ судъ. Можетъ быть тогда эти люди меня не будутъ преслѣдовать. Не сегодня ли судъ?
Вы обвиняетесь только въ поддѣлкахъ? Прежде Вы никакого преступленія не совершали? Нѣтъ.

А кражи?	Кто сказалъ объ этомъ?
Акты.	Такъ акты лгутъ; гдѣ эти акты?
Въ судѣ.	Хотѣла бы я ихъ видѣть.
	(Говоря, что она никогда никакого преступленія не совершала, никогда не была подъ судомъ и не бывала присуждена къ наказанію, Рейтдорфъ между тѣмъ разсказываетъ что за поддѣлку документовъ была присуждена на годъ въ тюрьму).
Когда это было!	Не знаю, уже давно; новыя обвиненія всѣ сдѣланы дурными людьми, и здѣсь все ложно написано.
Страдаете Вы судорогами?	Да, 12 или 13 лѣтъ; мой мужъ называлъ это истерикой. Это и здѣсь уже много разъ было.
Откуда знаете Вы это?	Докторъ сказалъ мнѣ. Сама я не знаю.
Теряете Вы при этомъ сознаніе?	Да, вотъ я только что пришла въ себя.

Въ больничномъ журналѣ значится, что послѣ этого разговора подсудимая спрашивала докторовъ, для чего говорилъ съ ней судебный врачъ; когда ей сказали, что съ цѣлью рѣшить, можетъ ли она явиться въ судъ, она повеселѣла и сказала: „ахъ, скоро ли въ судъ?“

При слѣдующихъ эксплораціяхъ Рейтдорфъ держитъ себя точно такимъ же образомъ. О взводимыхъ на нее обвиненіяхъ нельзя получить отъ нея никакихъ свѣдѣній.

Главнымъ образомъ слѣдуетъ признать тотъ фактъ, что изслѣдуемая не притворяется. Это слѣдуетъ изъ того, что у нея наблюдаются физическія разстройства, симулировать которыхъ нѣтъ возможности. Сюда принадлежитъ опухоль живота, которая, по всему вѣроятію, находится на лѣвомъ яичникѣ, далѣе, учащенный пульсъ, ненормальное и неодинаковое разширеніе зрачковъ, сильная дрожь, которую въ такомъ родѣ также нельзя симулировать и, наконецъ эпилептическіе припадки.

Эти послѣдніе равно не были притворны. Не обращая вниманія даже на то, что припадки эти были наблюдаемы спеціалистами, противъ притворства говоритъ, что изслѣдуемая была разъ найдена

въ судорогахъ и въ безчувственномъ состояніи, въ коррндорѣ, на пути въ клозетъ; слѣдовательно, она не симулировала судорогъ in conspectu omnium; потомъ, за другимъ, случившимся съ ней въ постелѣ припадкомъ, слѣдовало состояніе возбужденности, какъ это часто бываетъ при эпилепсіи, соединенной съ помѣшательствомъ. Помѣшательство же проявляется у нея въ многочисленныхъ обманахъ зрѣнія и слуха, которыхъ она не въ состояніи отличить отъ дѣйствительности, и въ чувствѣ страха, что ей и ея дѣтямъ угрожаетъ смерть, что она отравлена.

Далѣе въ показаніяхъ ея нѣтъ никакой послѣдовательности. Она не держится одной, разъ принятой, ложной идеи, какъ дѣлалъ бы притворщикъ, но сегодня говоритъ о томъ, что черные люди хотятъ ее убить, въ другой разъ, что ей пронзили или прострѣлили бокъ *), или, что она отравлена и т. п.

Кромѣ всего этого, изъ изслѣдованія явствуетъ, что Рейтдорфъ дѣйствительно страдаетъ слабоуміемъ и слабостью памяти. Она очевидно, старается давать удовлетворительные отвѣты, и не поступаетъ какъ притворщики, которые вообще не даютъ положительно никакихъ отвѣтовъ.

Наконецъ, противъ притворства всего болѣе говоритъ то, что она постоянно и больничнымъ врачамъ и при изслѣдованіи утверждала, что она здорова. Потомъ, что она настоятельно требовала, чтобы ее вели въ судъ, чего бы притворщикъ, по всему вѣроятію, не сдѣлалъ изъ боязни. Но если Рейтдорфъ не притворяется, то ясно, что она душевно больна, что она совершенно не имѣетъ яснаго представленія ни о томъ проступкѣ, въ которомъ ее обвиняютъ, ни объ отношеніяхъ своихъ къ окружающимъ.

Такъ какъ изслѣдуемая неспособна понять смысла предлагаемыхъ ей вопровъ и неспособна взвѣсить своихъ отвѣтовъ на судѣ и значенія ихъ на ея будущность, то я считаю ее столько же неспособной ко вмѣненію, какъ и неспособной къ судимости и полагаю, что

*) Подобныя заявленія, по наблюденіямъ Зандера, находятся въ связи съ межреберной невральгіей, которая вызываетъ эти представленія или галлюцинаціи. Grisinger, Archiv, f. Heilk. Bd. VII, p. 338.

подобное состояніе продолжится еще долгое время, можетъ быть цѣлые годы, такъ какъ до сихъ поръ въ ней нѣтъ ни малѣйшей перемѣны.

Въ актахъ нѣтъ никакихъ доказательствъ, исключающихъ способность ея ко вмѣненію во время совершенія преступковъ.

Не смотря на это, черезъ шесть мѣсяцевъ, случай привелъ Рейтдорфъ на судъ. Она была выписана изъ Charité, какъ неизлѣчимая, но по ошибкѣ канцеляріи, была отмѣчена выздоровѣвшей и потомъ, при продолжающейся душевной болѣзни, была заподозрѣна въ притворствѣ, какъ и въ первый разъ. Притворство ея было подтверждено содержащимися вмѣстѣ съ ней подъ стражей (которые, какъ послѣ оказалось, налгали на нее). На судебномъ засѣданіи, гдѣ Рейтдорфъ оказалась совершенно неспособной къ судимости, докторъ Зандеръ и я старались увѣрить судъ въ отсутствіи притворства. Хотя засѣданіе и было прервано, однакожъ, судъ заключилъ приступить, по прошествіи года, къ новому медицинскому изслѣдованію, — не улучшится ли состояніе здоровья изслѣдуемой настолько, чтобъ можно было сдѣлать ей допросъ.

Для меня кажется важнымъ обратить особенное вниманіе на вмѣняемые въ преступленіе поступки предыдущихъ случаевъ. Поступки эти состояли въ смертоубійствѣ, поджогѣ, нарушеніи спокойствія, сопротивленіи властямъ, воровствѣ, оскорбленіи стыдливости и обманѣ и отчасти находились въ прямой связи съ припадками, отчасти были совершены въ слабоуміи, обусловленномъ эпилепсіей.

Первый рядъ случаевъ имѣетъ то общее свойство, что въ нихъ не остается воспоминанія о поступкѣ, критеріумъ очень важный, но in foro, къ сожалѣнію только тогда имѣющій цѣну, когда другіе факты подтверждаютъ это, какъ видно изъ вышеприведенныхъ примѣровъ. Далѣе, здѣсь есть поступки, въ которыхъ видна нѣкоторая произвольность и которые могли быть исполнены автоматически. На это важно обратить вниманіе. Я сейчасъ приведу одинъ слу-

чай, при обсужденіи котораго это соображеніе имѣетъ немалую важность. Поступки, которые предполагаютъ сложную умственную дѣятельность, обширные планы и разсчеты и которые продолжаются по извѣстному плану цѣлыя недѣли, и мѣсяцы какъ утонченные обманы, подлоги и проч., очевиднымъ образомъ были совершены не in stadio epileptico, въ особенности если подсудимый помнитъ объ относящихся до этого періода времени фактахъ, утверждая что забылъ только вмѣняемый ему въ преступленіе поступокъ. Однакожъ, здѣсь можетъ быть еще вопросъ объ эпилептическомъ слабоуміи, потому что, какъ показали многіе опыты и какъ показываютъ нѣкоторые изъ слѣдующихъ примѣровъ, и слабоумные могутъ по видимому, хитро обманывать. (Напримѣръ, вѣроятно, что изслѣдуемая 12-го случая уже во время совершенія вмѣняемыхъ ей въ преступленіе поступковъ была слабоумна).

Если изъ изслѣдованія явствуетъ, что въ данномъ случаѣ слабоумія не существуетъ, то этимъ самымъ облегчается обсужденіе связи поступка съ приведенными въ оправданіе, вѣроятными или дѣйствительно существующими эпилептическими припадками.

Эти соображенія относятся въ особенности къ первому изъ трехъ слѣдующихъ случаевъ, которые я противуполагаю вышеприведеннымъ. Случай этотъ чрезвычайно затруднителенъ для обсужденія.

СЛУЧАЙ ТРИНАДЦАТЫЙ.

Многочисленныя поддѣлки и обманы —Душевная болѣзнь, обнаружившаяся внезапно въ тюрьмѣ.—Подозрѣніе въ притворствѣ.—Наблюденія въ домѣ умалишенныхъ въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ. — Сомнительный результатъ. — Предполагаемая эпилепсія.—Отсутствіе слабоумія.—Способность ко вмѣненію во время совершенія поступковъ. — Способность къ судимости.

Экономъ или инспекторъ Овилье, обвиняется въ многочисленныхъ поддѣлкахъ и подправкахъ документовъ, именно: ипотечнаго акта отъ 12 ноября 1864 года, телеграфической депеши отъ юстиц-рата Гумберта въ пистербургскій судъ, счета Шмиду въ 874 та-

лера, дозволенія на бракъ и церковнаго свидѣтельства объ оглашеніи отъ 28 января 1867 года. Всѣ эти поддѣлки исполнены имъ съ большей ловкостью.

Онъ былъ арестованъ 21 іюня 1867 года и на допросахъ 22 и 28 іюня, 17 іюля, 6 и 10 августа сдѣлалъ полныя и обстоятельныя показанія. 30-го же августа у него обнаружилось состояніе похожее на душевную болѣзнь, почему онъ и былъ отосланъ въ Charité.

При переводѣ Овилье изъ тюрьмы, слѣдственный судья замѣтилъ, что онъ человѣкъ очень хитрый и, какъ надо полагать, притворяется душевно больнымъ, чтобы найти случай къ побѣгу.

Въ Charité пробылъ онъ до 25 сентября. Тамъ нашли, что „по поведенію онъ не походитъ на душевно больнаго“ и больничное управленіе переслало его обратно въ уголовную тюрьму.

Попытка къ допросу его 7 октября не удалась и въ поведеніи его обнаружились такія неровности и странности, что тюремный врачь докторъ Арндтъ принужденъ былъ 21 ноября донести, что Овилье просто симулируетъ душевную болѣзнь.

По этому поводу мнѣ было поручено изслѣдовать умственное состояніе обвиняемаго и подать объ этомъ мнѣніе.

Овилье за 20 лѣтъ отъ роду; онъ блондинъ, худощавъ и, какъ показало объективное изслѣдованіе его груди, страдаетъ туберкулами въ легкихъ въ начальномъ періодѣ. Пульсъ въ легкой степени лихорадочно возбужденъ.

Волосы у него въ безпорядкѣ, выраженіе лица безсмысленное, голова опущена къ низу и при попыткахъ выпрямить ее онъ оказываетъ явное сопротивленіе, такъ что нужно употребить силу, чтобы побѣдить его. Взглядъ безсмысленный, безъ всякаго выраженія. Изслѣдуемый постоянно смотритъ внизъ, часто мигаетъ и никогда не глядитъ на того, кто съ нимъ говоритъ. Сидитъ и стоитъ онъ всегда согнувшись, ко всему безучастный и апатичный.

Прежде чѣмъ войти въ камеру, я наблюдалъ его черезъ дверь. Онъ сидѣлъ надъ книгой, повидимому не обращая ни на что вниманія. Читалъ ли онъ, разсмотрѣть я не могъ, однакожъ листокъ

перевернулъ, но повидимому взглядъ его былъ обращенъ еще на предыдущую страницу. Когда я спросилъ, входя въ камеру, гдѣ кромѣ него было еще двое арестантовъ, „кто Овилье?“, — онъ не отвѣчалъ и не перемѣнилъ положенія.

Я обратился къ нему и сказалъ что мнѣ нужно изслѣдовать его грудь, велѣлъ ему снять сюртукъ и распахнуть рубашку. Онъ не обратилъ на это никакого вниманія, даже и тогда, когда я повторилъ свое приказаніе строже и сказалъ что мнѣ нѣтъ никакого дѣла до изслѣдованія его душевнаго состоянія, что это уже кончено и чтобы онъ только снялъ сюртукъ для изслѣдованія груди. Мнѣ не удалось заставить его раздѣться. Когда одинъ изъ его товарищей снялъ съ него сюртукъ, я убѣждалъ его снять рубашку. Но онъ продолжалъ апатически сидѣть, съ устремленными неподвижно впередъ глазами, выражая только ворчаніемъ и глухими неартикулированными звуками свое неудовольствіе. Потомъ онъ всталъ, заплакавъ, пошелъ въ уголъ и остановился тамъ, согнувшись. Я далъ ему срокъ снять рубашку и сказалъ, что въ противномъ случаѣ оставлю его голодать на 24 часа. Но и это осталось безъ послѣдствій. Онъ не перемѣнилъ положенія.

Когда черезъ 24 часа я снова наблюдалъ его, сначала также черезъ дверь, онъ сидѣлъ согнувшись апатически на своей кровати, сложивъ руки на колѣняхъ. На мой вопросъ онъ отвѣтилъ: „я ѣсть хочу, добрый господинъ.“ Голосъ его былъ какъ и вчера, хриплый и глухой. Я сказалъ что ему дадутъ ѣсть, когда онъ сниметъ сюртукъ и распахнетъ рубашку, чтобы можно было изслѣдовать его грудь. Но это осталось безъ результата и я долженъ былъ приказать его товарищамъ раздѣть его.

На мой вопросъ онъ отвѣтилъ, что его зовутъ Люисъ. „Дальше, фамилія?“ „Овилье.“ „Кто вы?“ „Бѣдный юноша.“ „Сколько вамъ лѣтъ?“ „Девять.“ На всѣ другіе вопросы онъ отвѣчалъ, что онъ бѣдный юноша. Я далъ ему монету въ 4 гроша и спросилъ, сколько это, онъ отвѣчалъ: „я бѣдный юноша.“ Онъ также ничего не отвѣчалъ, когда я далъ каждому изъ его товарищей по монетѣ и обѣщалъ оже ему, если онъ опредѣлитъ ея цѣнность. На вопросъ, гдѣ онъ

находится, онъ отвѣчалъ: „въ Лаубанѣ. Я здѣсь чужой, мнѣ хочется къ моей мамѣ, милостивый государь, въ Берлинъ, Johanniterstrasse, № 4.“ Когда я сказалъ ему что отвезу его туда, если онъ одѣнется, онъ схватилъ поспѣшно сюртукъ, не надѣвая рубашки, но не одѣлся. Когда я, немного спустя снова пришелъ въ камеру, онъ получилъ обѣдъ и ѣлъ съ жадностью, не обращая по видимому вниманія ни на меня, ни на то, о чемъ я говорилъ съ окружающими. При другомъ посѣщеніи, я велѣлъ разбудить его и сказать что пришла его невѣста, чтобы поговорить съ нимъ. И тогда онъ остался вполнѣ апатичнымъ и безучастнымъ.

Изъ вышеизложеннаго видно, что съ Овилье невозможно вести разговора и что онъ производитъ впечатлѣніе слабоумнаго.

Спрашивается, просто ли симулируетъ Овилье это поведеніе, съ злонамѣренной цѣлью, или въ основаніи его притворства все таки лежитъ душевная болѣзнь.

Собственныя наблюденія не даютъ мнѣ возможности рѣшить этого вопроса. Изъ моего изслѣдованія доказательствъ этого не представляется; все что извѣстно изъ актовъ также не можетъ повести ни къ какому результату; поэтому я продолжалъ мои наблюденія, не смотря на то что этимъ дѣло могло замедлиться.

Предыдущіе акты не представляютъ доказательствъ притворства, на столько положительныхъ, чтобы они имѣли силу in foro, хотя подозрѣніе въ этомъ и возбуждаютъ слѣдующія обстоятельства:

Овилье еще 10 августа давалъ слѣдственному судьѣ связныя показанія; въ его поведеніи до тѣхъ поръ не было ничего страннаго; 30-го же августа, когда его перевели въ Charité, онъ казался уже въ высшей степени душевно-больнымъ, безсмысленнымъ и погруженнымъ въ самого себя.

Въ актахъ вовсе не показано причинъ перевода его въ Charité. Это тѣмъ болѣе достойно сожалѣнія, что теперь нѣтъ никакой точки опоры для опредѣленія развитія того состоянія, въ которомъ Овилье былъ наблюдаемъ въ Charité.

Вторымъ поводомъ къ подозрѣнію Овилье въ притворствѣ служатъ многочисленныя противорѣчія и неровности въ его поведеніи.

Уже въ Charité, гдѣ онъ началъ наконецъ по прошествіи нѣсколькихъ дней говорить, давая врачамъ несообразные отвѣты, или отвѣчая „я не знаю“, онъ сошелся съ другими больными и разумно разсказывалъ имъ о своихъ дѣлахъ. Также при актахъ находится письмо, писанное имъ въ послѣднее время пребыванія его въ Charité, которое, конечно, носитъ печать слабоумія, но написано связно и стоитъ въ противорѣчіи съ той полной апатіей и безучастностью ко всему, которые были наблюдаемы у него въ первое время. Также онъ писалъ въ тюрьмѣ много записокъ, легкость почерка которыхъ, уже по замѣчанію доктора Арндта, стоитъ въ противорѣчіи съ кажущейся слабостью и трудностью движеній его рукъ. Также неперевернулъ онъ не безъ ловкости листокъ въ книгѣ, о чемъ я уже выше говорилъ.

Докторъ Арндтъ приводитъ въ своемъ мнѣніи цѣлый рядъ такихъ рѣзкихъ противорѣчій. Когда перевели его изъ Charité въ тюрьму, онъ бѣсновался и плакалъ, говорилъ что онъ графъ Дона, принцъ Карлъ и т. п., билъ посуду, рвалъ свое платье, пачкалъ его экскрементами и его нужно было нести, такъ какъ идти онъ повидимому не могъ. По слѣдующую же ночь проспалъ спокойно и наказаніе имѣло на него вліяніе. Именно добились того, что онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и попросилъ по французски хлѣба.

Товарищи Овилье по тюрьмѣ сообщили мнѣ также множество мелочей, стоящихъ въ явномъ противорѣчіи съ его поведеніемъ. Одинъ изъ нихъ, Бетке передавалъ мнѣ, что когда онъ сказалъ, что въ „Книгѣ о знаменитыхъ купцахъ“, которая была у нихъ въ камерѣ, есть интересные разсказы о Борзигѣ и Ротшильдѣ, Овилье отыскалъ по оглавленію оба разсказа и прочиталъ ихъ. Днемъ онъ велъ себя при нихъ какъ и при врачахъ, и его „коварство“ можно было побѣдить только силой или съ помощью „ударовъ туфлями по щекамъ“, ночью же, когда онъ думалъ что за нимъ не наблюдаютъ, велъ себя лучше. Потомъ, по разсказу того же Бетке, четыре недѣли тому назадъ Овилье, повидимому совершенно оцѣпенѣлый и безчувственный, былъ перенесенъ въ лазаретъ. Но лишь только смотритель вышелъ отъ него, онъ приподнялся на постелѣ

и сталъ наблюдать за порядками заведенія „лучше ли ему здѣсь будетъ чѣмъ въ камерѣ.“ Другой арестантъ говорилъ, что Овилье спрашивалъ его, считаетъ ли его докторъ за помѣшаннаго.

Подобныхъ фактовъ, говорящихъ за притворство Овилье, можно бы было привести еще очень много.

Но есть и другіе факты, не позволяющіе рѣшить съ положительностью, что̀ лежитъ въ основаніи притворства Овилье, которое дѣйствительно существуетъ,—злонамѣренная цѣль, или душевная болѣзнь.

Анекдотическое сопоставленіе фактовъ, говорящихъ за симуляцію, въ нашемъ въ случаѣ дальше повести не можетъ, но для того, чтобы представить положительное доказательство притворства, необходимо обстоятельное и продолжительное наблюденіе изслѣдуемаго. Но подобное наблюденіе невозможно въ тюрьмѣ, гдѣ врачь можетъ наблюдать только поверхностно, полагаясь во многомъ на разсказы арестантовъ и смотрителей.

Что же касается до сдѣланныхъ уже наблюденій надъ Овилье въ Charité, то нужно замѣтить, что врачи Charité его почти вовсе не знаютъ. Время его пребыванія тамъ пришлось на каникулы, когда врачи поперемѣнно уѣзжаютъ изъ Берлина.

Сверхъ того, слѣдуетъ замѣтить, что въ медицинскомъ журналѣ Charité, какъ это видно изъ донесенія дирекціи этого заведенія, вовсе не значилось, что Овилье притворяется, но только что „по поведенію онъ не походитъ на душевно больнаго“. На основаніи этого отзыва, дирекція Charité въ своемъ донесеніи суду говоритъ, что „съ вѣроятностью, близкой къ достовѣрности „слѣдуетъ принять, что Овилье притворяется“. Это объясненіе перешло потомъ какъ свидѣтельство, выданное Овилье отъ Charité, и въ мнѣніе доктора Арндта.

По этому, наблюденія въ Charité не были доведены до удовлетворительнаго результата, когда, по распоряженію дирекціи, Овилье былъ выписанъ.

Другой моментъ, возбуждающій сомнѣніе въ притворствѣ Овилье,

составляетъ продолжительность, упорность и послѣдовательность его поведенія, которое не измѣнилось ни отъ увѣщаній, ни отъ наказаній. Если это простое притворство, то заставляетъ предполагать необыкновенную силу характера.

Далѣе, слѣдуетъ принять во вниманіе, что изслѣдуемый сдѣлалъ покушеніе къ самоубійству, посредствомъ задушенія, которое не походило на комедію. По показанію тюремныхъ надсмотрщиковъ, Овильс закрылся одѣяломъ, съ головой, и пытался удавить себя шнуркомъ. Эта попытка не удалась только потому, что посинѣвшій лобъ его, высунувшись изъ подъ одѣяла, обратилъ вниманіе окружающихъ, которые и открыли въ чемъ дѣло. Такимъ образомъ, попытка эта была не притворной, а намѣреніе лишить себя жизни не могло соотвѣтствовать цѣлямъ человѣка, который симулируетъ душевную болѣзнь для того, чтобы избѣжать наказанія, или найти случай къ побѣгу.

Наконецъ, я долженъ сказать, что самъ докторъ Арндтъ въ разговорѣ со мной выразилъ желаніе, чтобы изслѣдуемый былъ подвергнутъ еще въ теченіи нѣкотораго времени испытанію въ Charité, такъ какъ его показанія отчасти основаны не на собственныхъ наблюденіяхъ, и наблюдать его онъ могъ только поверхностно. Потомъ, если товарищи Овильс по заключенію, между прочими Бетке, считаютъ Овильс за притвощика, то тюремщикъ, который имѣлъ случай наблюдать за нимъ очень часто, даже и по ночамъ, — совершенно противнаго мнѣнія.

Вышеприведенные доводы заставляютъ меня пріостановиться съ окончательнымъ заключеніемъ.

На нѣкоторые изъ предложенныхъ судомъ вопросовъ я могу отвѣтить теперь же, именно:

1) что акты слѣдствія не содержатъ въ себѣ такихъ фактовъ, которые говорили бы за неспособность Овильс ко вмѣненію во время совершенія имъ тѣхъ поступковъ, за которые онъ обвиняется; и

2) что состояніе тѣлеснаго здоровья его не исключаетъ способности къ судимости.

Но рѣшить здоровъ ли онъ душевно въ настоящее время и

способенъ ли ко вмѣненію, я не въ состояніи и потому предлагаю отослать Овилье для дальнѣйшаго наблюденія въ отдѣленіе умалишенныхъ Charité, сообщивъ тамошнимъ врачамъ акты слѣдствія и это мнѣніе и поручить мнѣ представить, по прошествіи шести мѣсяцевъ, новое мнѣніе. Въ теченіи этого времени я позабочусь изучить Овилье ближе, и наблюдать его на сколько это возможно.

По прошествіи шести мѣсяцевъ я сдѣлалъ слѣдующее донесеніе:

Овилье былъ отосланъ въ февралѣ мѣсяцѣ для испытанія въ Charité, вслѣдствіе возбужденнаго сомнѣнія въ томъ, что онъ симулируетъ душевную болѣзнь, и съ другой стороны потому что допустивъ даже притворство, нельзя было съ полною достовѣрностью признать его психически здоровымъ, потому что какъ физически больные (истеричные и. т. п.) преувеличиваютъ и симулируютъ свои болѣзни, такъ и дѣйствительно больные душевно (слабоумные, эпилептики, помѣшанные) также склонны къ этому.

Но и испытаніе въ Charité, продолжавшееся слишкомъ три мѣсяца, не повело къ полному уясненію этого вопроса, такъ какъ факты съ одной стороны указывали на притворство, намѣренность, съ цѣлью обмануть врачей, какъ это было и въ тюрьмѣ, съ другой же стороны, нѣкоторые признаки заставляли сомнѣваться въ притворствѣ.

Анамнестическія данныя, собранныя съ большимъ стараніемъ и трудомъ, очень недостаточны.

Сестра Овилье показываетъ, что братъ ея еще въ дѣтствѣ ушибъ себѣ голову, вслѣдствіе чего былъ тяжело болѣнъ и съ тѣхъ поръ страдалъ слабостью ума, но при этомъ она описываетъ его какъ непостоянаго, безразсуднаго и легкомысленнаго человѣка.

Также врачъ лечившій Овилье въ Лаубанѣ, когда тотъ служилъ въ военной службѣ, даетъ о немъ очень неблагопріятный отзывъ и считаетъ его за человѣка, судить о которомъ должно съ крайней осторожностью, такъ какъ всегда можно ожидать, что онъ хочетъ обмануть. Никто не считалъ его душевно больнымъ, напротивъ всѣ признавали за человѣка хитраго и коварнаго.

Изъ показаній его „невѣсты,“ съ которой онъ пріѣхалъ сюда

изъ Лаубана, узнаемъ, что онъ велъ здѣсь безпорядочную жизнь и причинялъ ей много заботъ. Она не считаетъ его особенно умнымъ. Онъ былъ очень вспыльчивъ, много разъ грозилъ убить себя, именно, одинъ разъ хотѣлъ броситься на рельсы желѣзной дороги, въ другой разъ хотѣлъ застрѣлиться, потомъ хотѣлъ отравиться фосфоромъ, положивъ въ кофе головки отъ зажигательныхъ спичекъ. Но до самой попытки къ самоубійству дѣло никогда не доходило. Что же касается до болѣзней его, то она показываетъ, что Овиль часто жаловался на голову и что онъ дважды падалъ въ обморокъ.

Что это были за обмороки—неизвѣстно. Но если даже принять, что они имѣли значеніе эпилептическихъ припадковъ, что вовсе не доказано, то все-таки изъ этого нельзя вывести никакого положительнаго заключенія о душевномъ состояніи изслѣдуемаго.

Хотя опытъ показываетъ, что люди, находясь подъ вліяніемъ такихъ угнетающихъ моментовъ, каковы напр. эпилептическіе припадки, впадаютъ иногда, даже часто въ умственное разстройство, то все-таки in foro прежде всего слѣдуетъ доказать существованіе умственнаго разстройства и тогда уже приводить объясняющій его происхожденіе этіологическій моментъ, но никогда не слѣдуетъ дѣлать обратнаго заключенія, т. е. изъ существованія такихъ моментовъ, которые могутъ имѣть, или обыкновенно имѣютъ слѣдствіемъ умственное разстройство, выводить, что это послѣдствіе непремѣнно должно имѣть мѣсто въ данномъ случаѣ.

Такимъ образомъ, если даже принять, что въ прежней жизни Овиль такіе моменты и существовали, то это все-таки не дастъ возможности рѣшить, существовало ли у него и умственное разстройство.

Такъ какъ заключенія и за и противъ существованія душевной болѣзни у Овиль могутъ встрѣтить основательныя противорѣчія, то я оставляю этотъ вопросъ пока нерѣшеннымъ, хотя многочисленныя противорѣчія въ поведеніи Овиль, его несомнѣнные обманы и ложь заставляютъ сильно сомнѣваться въ существованіи у него умственнаго разстройства.

Въ тюрьмѣ нельзя было добиться отъ Овиль ни одного слова

и онъ велъ себя совершенно какъ слабоумный; въ Charité же, черезъ нѣсколько дней онъ сталъ говорить и день ото дня дѣлался покойнѣе и разумнѣе. Онъ не называлъ себя больнымъ и 18 марта, въ разговорѣ съ однимъ изъ врачей высказалъ, что совершенно не знаетъ, въ чемъ его обвиняютъ. „Я знаю только, говорилъ онъ, что мнѣ показывали бумаги, по чего собственно отъ меня хотѣли, какая была этому причина, не понимаю. Не знаю также, съ какой цѣлью меня тогда допрашивали.“ Къ нему приходили какіе-то господа, которые съ нимъ говорили, но въ судѣ онъ не былъ. „За что меня посадили въ тюрьму, это мнѣ совершенно неизвѣстно.“

Вопросы.	*Отвѣты.*
Такъ судья не сказалъ вамъ, въ чемъ Васъ подозрѣваютъ?	Нѣтъ.
О чемъ же онъ съ Вами говорилъ?	Онъ говорилъ со мной вообще объ разныхъ обстоятельствахъ.
Однакожъ онъ все записывалъ?	Да, можетъ быть, спорить не хочу.
Но Вы это видѣли?	Да.
О чемъ же съ Вами говорили?	Да, какъ уже сказано, показывали мнѣ разныя бумаги, спрашивали, не знаю ли я ихъ.
Къ чему они относились?	Не знаю.
Что это были за бумаги?	Видите ли, я не имѣлъ случая познакомиться съ ихъ содержаніемъ.
И Вы сказали, да или нѣтъ?	Я считалъ, что во всякомъ случаѣ безполезно спрашивать меня о томъ, что до меня не касается.
Это всякій подсудимый могъ бы сказать.	Да... Мнѣ хотѣлось бы знать, за что посадили меня въ тюрьму.
Мнѣ хотѣлось бы узнать отъ Васъ, въ чемъ Васъ подозрѣваютъ?	Отчасти это уже сказано, отчасти я зналъ.... Я не могу ничего сообщить объ этомъ.
Вы положительно не знаете въ чемъ Васъ обвиняютъ?	Нѣтъ.
Что Вы бумаги поддѣлывали, объ этомъ вы ничего не знаете?	Нѣтъ, не помню.
Кому же нужно было Васъ въ этомъ обвинить?	Мнѣ и говорить объ этомъ не хочется.
Но какъ же это случилось?	Я долженъ вамъ сказать, что вообще хода.... что я ничего сообщить объ этомъ не могу. На сколь-

ко я знаю, меня просто хотѣли задержать.

Какъ такъ?

Это была во всякомъ случаѣ не шутка, какая-нибудь причина была, но совершенно не основательная.

Въ томъ же самомъ разговорѣ, Овилье, утверждая, что не помнитъ, водили ли его въ судъ къ допросу, жалуется, что его мучили въ тюрьмѣ, заставляли голодать и что товарищи били его.

Въ тоже время разсказывалъ онъ одному больному, который иначе никакъ не могъ этого узнать, причину, почему онъ въ Charité и что онъ обвиняется въ поддѣлкахъ.

Въ теченіе всего послѣдняго мѣсяца, при всѣхъ моихъ посѣщеніяхъ, Овилье и мнѣ высказывалъ тоже самое, какъ и въ вышеприведенномъ разговорѣ.

Наружность его такъ измѣнилась, противъ того какъ онъ былъ въ тюрьмѣ, что я не узналъ его при первомъ посѣщеніи. Волосы у него лежали въ порядкѣ, выраженіе лица было осмысленное, движенія свободны и ловки, осанка и походка увѣренны. Но и теперь онъ не смотритъ на того, кто съ нимъ говоритъ, краснѣетъ во время продолжительныхъ разговоровъ, касающихся его проступковъ, и я часто замѣчалъ у него легкое движеніе въ рукахъ, чѣмъ явно обнаруживалось сильное волненіе.

Рѣчь у него теперь связная, голосъ естественный. Отвѣчаетъ онъ быстро, хотя иногда осторожно и медленно. Безсмыслицы въ въ его отвѣтахъ никогда не бываетъ, но они часто уклончивы и лживы.

Уличить его во лжи можно только при помощи множества вопросовъ, въ ту и въ другую сторону. Иногда онъ сознается, иногда продолжаетъ стоять на своемъ. Много разъ, когда я сомнѣвался въ его словахъ, онъ говорилъ: „значитъ я лжецъ, это обида.“

На вопросы не касающіеся предметовъ обвиненія, Овилье отвѣчаетъ совершенно правдиво, тамъ же гдѣ дѣло прямо или косвенно коснется его проступковъ, онъ начинаетъ лгать, или утверждаетъ что это вышло у него изъ головы.

Онъ увѣряетъ, что рѣшительно ничего не знаетъ объ этихъ поступкахъ и не помнитъ ни о чемъ, что онъ дѣлалъ или говорилъ со времени пріѣзда въ Берлинъ. Онъ ничего не знаетъ о поддѣлкахъ, не знаетъ именъ слѣдственныхъ судей, съ которыми имѣлъ дѣло, а между тѣмъ въ письмѣ изъ тюрьмы къ своей невѣстѣ перечисляетъ имена штадтгерихтерата Шульца и ассесора Ботце, штадтгерихтерата Іоля и асессора Притвица, у которыхъ было его дѣло. На вопросъ о томъ, что онъ дѣлалъ въ Берлинѣ, онъ показалъ, что никакихъ занятій не имѣлъ. О своей жизни до пріѣзда въ Берлинъ онъ разсказалъ подробно, также перечислилъ квартиры, въ которыхъ жилъ здѣсь, сказалъ, что послѣднюю меблировалъ самъ, а первыя обѣ были Chambres garnies, сказалъ, что квартира его въ Hollmannsstrasse состояла изъ четырехъ комнатъ и кухни. Была ли нанята эта квартира по контракту или нѣтъ, онъ сказалъ, что не знаетъ, однакожъ помнитъ, что уплатилъ за нее около 30 талеровъ. Что стоила ему мебель не помнитъ. Разгадка этихъ уклончивыхъ отвѣтовъ въ актахъ есть: мебель была взята въ долгъ и за нее не заплачено, контрактъ былъ нарушенъ. Онъ помнилъ, далѣе, что его арестовали въ маѣ (іюнѣ), около полудни, и отвезли на дрожкахъ въ тюрьму. Возрастъ своихъ дѣтей опредѣлилъ онъ правильно и показалъ, что младшій при его арестованіи былъ еще не крещенъ, что было правда. Годомъ своего рожденія называетъ 1842 и говоритъ что ему 26 лѣтъ и что онъ совершеннолѣтній. О разницѣ въ показаніяхъ своихъ лѣтъ, также и о поддѣлкѣ свидѣтельства о церковномъ оглашеніи, въ которомъ онъ переправилъ 1844 изъ другаго числа, ничего не знаетъ, не помнитъ и того, что въ письмѣ къ своей невѣстѣ онъ высказалъ намѣреніе оправдать себя передъ Пфейлемъ несовершеннолѣтіемъ. На первомъ же допросѣ онъ показалъ, что ему 25 лѣтъ и что родился онъ въ 1844 году. Когда я представилъ ему это, онъ сказалъ, что должно быть смѣшалъ этотъ годъ съ годомъ рожденія своего брата, который родился въ 1844 году, но тотъ на самомъ дѣлѣ родился въ 1846 году. О поддѣлкѣ ипотечнаго документа, телеграфической депеши, согласія на бракъ и т. п. онъ ничего не знаетъ. Не

знаетъ также и именъ комиссіонеровъ, съ которыми имѣлъ дѣло по покупкѣ кареты, продажѣ ея и т. п.

Въ томъ что онъ лжетъ, и лжетъ завѣдомо, можно убѣдиться еще изъ слѣдующаго: онъ сказалъ мнѣ, что былъ обвѣнчанъ въ кенигсбергскомъ соборѣ въ декабрѣ 1866 года, но когда при этомъ случайно вошелъ больничный врачь, которому онъ сказалъ объ этомъ правду, то сейчасъ же поправился и сказалъ, что было сдѣлано только оглашеніе въ берлинскомъ соборѣ. Потомъ, увѣряя что ничего не помнитъ изъ времени до поступленія въ Charité, онъ сдѣлалъ совершенно правильный адресъ на прошеніи въ судъ о своемъ освобожденіи.

Онъ говоритъ, что его часть въ наслѣдствѣ доходитъ до 500—600 талеровъ. Когда я сказалъ, что ему это должно быть извѣстно точнѣе, такъ какъ онъ получилъ документъ, онъ сказалъ, что и не открывалъ этого документа, что это его не интересовало, но когда при другомъ случаѣ я показалъ ему поданное имъ въ пистербургскій судъ прошеніе, гдѣ онъ опредѣлилъ эту сумму точно, въ 396 талеровъ $1^1/_2$ пфеннига, онъ призналъ свою руку.

Если, такимъ образомъ, съ одной стороны доказано, что изслѣдуемый явно лжетъ, то съ другой стороны въ отвѣтахъ его, какъ уже замѣчено, не обнаруживается ни превратности сужденій, ни слабоумія. Напротивъ, нерѣдко они обнаруживаютъ большую смышленость.

Уже при первомъ моемъ посѣщеніи и послѣ первыхъ вопросовъ, именно о его возрастѣ, изслѣдуемый обратился ко мнѣ съ вопросомъ, кто я и зачѣмъ я спрашиваю о его семейныхъ обстоятельствахъ и объявилъ мнѣ, что отвѣчать больше не будетъ, пока я не скажу ему о цѣли моего посѣщенія. Слышать подобное возраженіе отъ душевно больнаго приходится не часто, и конечно никогда отъ слабоумнаго.

Потомъ онъ попросилъ присутствовавшаго при этомъ врача выслать служителей, чтобы не отвѣчать передъ свидѣтелями. Для этого онъ отозвалъ врача въ сторону и высказалъ ему свою просьбу

такъ чтобы служителя не слыхали, т. е. поступилъ согласно съ приличіями.

Далѣе, когда я спросилъ его, нужно ли совершеннолѣтнему для вступленія въ бракъ имѣть свидѣтельство родителей о согласіи на это, такъ какъ это мнѣ неизвѣстно, потому что я не юристъ, онъ отвѣтилъ мнѣ: „если вы этого не знаете, такъ почему же требуете, чтобы я зналъ, вѣдь я тоже не юристъ.“

Далѣе, когда я напомнилъ ему, что онъ самъ на допросѣ признался въ томъ, что заложилъ фальшивый документъ и что онъ при этомъ оправдывался тѣмъ, что отдалъ его не для продажи, Овиль возразилъ: „отъ слабоумнаго можно добиться какого угодно отвѣта.“

Наконецъ, вся его тактика обнаружилась въ слѣдующемъ: когда я сказалъ ему, что, по причинѣ множества противорѣчій, трудно признать его за душевно-больнаго и что даже, допустивъ существованіе душевной болѣзни, невозможно принять, чтобы она обусловила такой рѣзкій недостатокъ памяти объ отдѣльныхъ обстоятельствахъ, случившихся въ послѣдній мѣсяцъ предъ ея наступленіемъ, Овиль спросилъ меня: „могу ли я доказать, что онъ не страдалъ умственнымъ разстройствомъ во время совершенія поступковъ, въ которыхъ обвиняется?“ Когда я отвѣтилъ на это утвердительно, онъ смутился и присмирѣлъ.

Что касается до времени, предшествовавшаго аресту изслѣдуемаго, то не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ это время онъ не былъ одержимъ умственнымъ разстройствомъ. Это доказываютъ всѣ допросы. Также невозможно принять, что онъ былъ настолько слабоуменъ, чтобы сдѣлаться жертвой мошенниковъ. Въ числѣ его проступковъ были такіе, въ которыхъ никто кромѣ него не могъ имѣть никакого интереса, напримѣръ поддѣлка свидѣтельства о согласіи отца на его бракъ Напротивъ, вездѣ обнаруживается самостоятельная умственная дѣятельность изслѣдуемаго.

Теперь остается рѣшить еще одинъ вопросъ,—именно, если принять, что изслѣдуемый передъ этимъ дѣйствительно страдалъ умствен-

нымъ разстройствомъ, то можно ли допустить, что онъ могъ забыть объ обстоятельствахъ, предшествовавшихъ его заболѣванію.

Я, нимало не колеблясь, даю на это отрицательный отвѣтъ, потому это изслѣдуемый сохранилъ полное воспоминаніе о другихъ необвиняющихъ его обстоятельствахъ, относящихся къ этому времени.

Что касается до тѣлеснаго состоянія изслѣдуемаго, то, какъ уже раньше упомянуто, онъ страдаетъ легочнымъ туберкулезомъ, но болѣзнь эта не настолько развита, чтобы помѣшать его способности къ судимости.

По всему вышеизложенному, мнѣніемъ полагаю:

1) невозможно рѣшить съ полной достовѣрностью, страдалъ или нѣтъ Овилье умственнымъ разстройствомъ, но многое говоритъ противъ этого;

2) въ настоящее время Овилье не можетъ быть считаемъ за неспособнаго ко вмѣненію;

3) во время совершенія поступковъ, въ которыхъ обвиняется, онъ не страдалъ умственнымъ разстройствомъ.

4) въ настоящее время, относительно тѣлеснаго здоровья, онъ способенъ къ судимости.

Вышеизложенное мнѣніе вполнѣ подтвердилось на судебномъ засѣданіи. Подсудимый разсказалъ настолько о всѣхъ подробностяхъ поступковъ, въ которыхъ падало на него обвиненіе, настолько совершенно точно припомнилъ имена всѣхъ лицъ, съ которыми имѣлъ дѣло, числа и т. п., но и сдѣлалъ новыя ложныя показанія, для опроверженія которыхъ нужно было входить въ подробныя разсмотрѣнія. Во время засѣданія, продолжавшагося цѣлый день, ни въ одномъ изъ отвѣтовъ его не высказалось умственной слабости; напротивъ, онъ слѣдилъ за ходомъ дѣла съ большимъ вниманіемъ и участіемъ. Во все время не было рѣчи ни о томъ, что онъ перенесъ душевную болѣзнь, ни о томъ, что онъ страдалъ ею во время совершенія преступленій, такъ какъ ни защитникъ, ни самъ подсудимый не ссылались на этотъ извиняющій моментъ. Напротивъ, защитникъ частнымъ образомъ сказалъ мнѣ, что изъ разговоровъ

съ своимъ кліентомъ онъ вынесъ убѣжденіе, что онъ негодяй и отдѣлался дешево. Овильс былъ приговоренъ къ заключенію въ тюрьму на два года и къ лишенію правъ на три года. Онъ самъ былъ удивленъ снисходительностью наказанія.

Овильс служитъ теперь писцомъ въ тюремномъ казначействѣ и исправляетъ свои обязанности настолько удовлетворительно, что ни разу подвергался выговору.

Не менѣе труденъ былъ и слѣдующій случай, въ которомъ, кромѣ интеркуррентной душевной болѣзни, дѣйствительно существовали эпилептическіе припадки, но по вышеприведеннымъ соображеніямъ, должно было отвергнуть существованіе связи между этой болѣзнью и поступками.

Судья поставилъ здѣсь вопросъ исключительно о способности къ распоряженію (Dispositionsfähigkeit), очевидно имѣя въ виду способность къ судимости, resp. способность ко вмѣненію.

СЛУЧАЙ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

Неоднократные подлоги. — Обнаруженіе душевной болѣзни во время ареста. — Эпилептическіе припадки. — Выздоровленіе. — Способность къ судимости.

Нѣкто Шмидтъ обвиняется въ поддѣлкѣ торговыхъ книгъ, посредствомъ подскабливанія, и въ кражахъ. Онъ былъ арестованъ 11 ноября и на допросѣ давалъ совершенно разумныя показанія.

28 ноября тюремный врачъ, докторъ Арндъ, сообщилъ, что у подсудимаго съ нѣкотораго времени обнаружились симптомы душевнаго разстройства. У него пропалъ аппетитъ и сонъ, онъ началъ выражаться безсвязно и вслѣдъ затѣмъ сталъ высказывать безумныя идеи, именно, что большой паукъ опуталъ его сѣтями, вслѣдствіе чего онъ связанъ. Онъ съ бѣшенствомъ и со слезами требовалъ яду, чтобы отравить паука, который подстерегалъ его подъ кроватью. Другая идея состояла въ томъ, что онъ сидитъ въ кровяной лужѣ и не можетъ изъ нея вылѣзть. Мотивомъ къ душевному разстройству была, повидимому, сильная забота о семействѣ.

Изслѣдуемый былъ отосланъ 29 ноября въ Charité.

Здѣсь, въ теченіи нѣкотораго времени, у него продолжали обнаруживаться вышеупомянутыя ложныя идеи, онъ давалъ отрывочные, спутанные отвѣты, составлялъ грандіозные планы, не останавливаясь долго ни на одномъ изъ нихъ. Физическое состояніе его было нормально, аппетитъ и сонъ хороши. Выраженіе лица было глубокомысленно, онъ держался уединенно и всегда ходилъ съ опущенными внизъ глазами.

Въ февралѣ, въ присутствіи врача, съ нимъ сдѣлался припадокъ, во время котораго онъ былъ безъ чувствъ; зрачки были съужены и пульсъ замедленъ. Потомъ онъ держалъ себя также смирно, какъ и прежде, на вопросы отвѣчалъ молчаніемъ или давалъ спутанные отвѣты, много разъ заставали его въ слезахъ. Въ апрѣлѣ съ нимъ сдѣлалась почти внезапная перемѣна, онъ самъ явился къ врачу, сталъ говорить разумно, понятно и связно о своихъ обстоятельствахъ, отвѣчалъ на вопросы правильно и вообще держалъ себя какъ совершенно разумный человѣкъ. Съ этого дня изслѣдуемый велъ себя постоянно разумно и началъ заниматься своими дѣлами. Онъ писалъ въ это время свою „защитительную записку“ какъ называлъ ее, въ которой обвинялъ своихъ прежнихъ хозяевъ, думая, что это послужитъ къ его оправданію. О своей винѣ или невинности онъ не говорилъ ничего. Такъ какъ это спокойное, нормальное состояніе не нарушилось, то его снова перевели въ тюрьму.

При моихъ многократныхъ изслѣдованіяхъ онъ держалъ себя совершенно такъ же, какъ уже сказано.

Шмидтъ показываетъ, что ему 38 лѣтъ; физически онъ повидимому здоровъ, хотя кажется истощеннымъ и малокровнымъ. Поведеніе его скромно, выраженіе лица робкое и пугливое. Въ отвѣтахъ не затруднялся и могъ разсказать подробно о своей жизни. По его словамъ, онъ подверженъ припадкамъ, во время которыхъ теряетъ сознаніе, а послѣ нихъ чувствуетъ усталость и слабость, и голова у него бываетъ не въ порядкѣ, такъ что нерѣдко онъ принужденъ оставлять занятія и не выходить изъ дома. Это продолжается уже нѣсколько лѣтъ. Припадки эти, по наблюденіямъ

въ Charité, принадлежатъ къ числу эпилептическихъ или эпилептоидальныхъ. Онъ былъ въ состояніи объяснить, чѣмъ занимался у своихъ хозяевъ, также разсказалъ, въ общихъ словахъ, о сущности взводимаго на него преступленія. Въ подробности разсказать объ этомъ онъ не могъ, не имѣя подъ рукою книгъ, о которыхъ шло дѣло. Онъ утверждаетъ, что невиненъ, обѣщаясь представить весьма уважительныя доказательства этого, но не говоритъ мнѣ о нихъ, оставляя это до судебнаго засѣданія. О своей болѣзни и безумныхъ представленіяхъ, которыя обнаруживались у него въ первое время пребыванія въ больницѣ, изслѣдуемый ничего не помнитъ, но подъ конецъ разговора выразилъ надежду, что я не найду показанія его безсмысленными и сочту его способнымъ отвѣчать предъ судомъ.

Все вышеизложенное показываетъ, что Шмидтъ въ настоящее время способенъ къ судимости. Въ актахъ слѣдствія также нѣтъ никакихъ данныхъ, которые бы показывали, что во время преступныхъ дѣйствій, продолжавшихся въ теченіи долгаго времени, онъ страдалъ душевнымъ разстройствомъ и былъ неспособенъ обдумать послѣдствія своихъ поступковъ.

Шмидтъ страдаетъ эпилепсіей въ продолженіи многихъ лѣтъ, такъ что было бы вполнѣ естественно встрѣтить въ немъ ослабленіе ума и памяти, какъ часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ. Изслѣдованіе не открыло этого, хотя, конечно, можно полагать, что память и измѣняетъ ему въ отдѣльныхъ случаяхъ, какъ напримѣръ онъ не помнитъ о первомъ времени пребыванія въ Charité. Я не имѣю никакого основанія не вѣрить ему въ этомъ отношеніи. Если-бы онъ захотѣлъ притвориться, то могъ бы на тѣхъ же основаніяхъ утверждать, что не помнитъ своего пребыванія въ Charité вообще, и о поступкахъ, въ которыхъ обвиняется. По моему мнѣнію, съ нимъ въ тюрьмѣ дѣйствительно приключилась душевная болѣзнь, которая продолжалась и въ Charité. Можетъ быть тутъ была и симуляція, въ смыслѣ преувеличенія дѣйствительно существовавшаго, какъ это встрѣчается у эпилептиковъ. Какъ бы то ни было, предшествовавшая болѣзнь не мѣшаетъ Шмидту быть спо-

собнымъ къ судимости, развѣ только неправильныя показанія его объ отдѣльныхъ фактахъ нельзя будетъ принять за умышленную ложь. Быстро протекшая душевная болѣзнь не можетъ сдѣлать его неотвѣтственнымъ передъ закономъ за тѣ поступки, которые онъ совершилъ до ея наступленія.

Сообразно съ этимъ мнѣніемъ, полагаю:

что Шмидтъ въ настоящее время способенъ къ судимости и къ распоряженію своими дѣлами (способенъ ко вмѣненію).

На уголовномъ засѣданіи не было и рѣчи о невмѣняемости, такъ какъ ни съ какой стороны не было сдѣлано заявленія въ этомъ смыслѣ. Шмидтъ выказалъ обширную память. Онъ съ точностію помнилъ суммы, о подчисткахъ и поддѣлкахъ которыхъ шло дѣло. Произведены онѣ были очень ловко и начались съ 1862 года.

Подсудимый былъ приговоренъ къ долговременному тюремному заключенію.

Слѣдующій случай я привожу только для полноты, такъ какъ здѣсь существованіе эпилептическихъ судорогъ не было подтверждено никакими фактами. Жена одного осужденнаго на заключеніе объявила, что мужъ ея долженъ быть освобожденъ изъ тюрьмы, такъ какъ онъ страдаетъ полнымъ разстройствомъ ума. Мнѣ было поручено изслѣдовать его и я сдѣлалъ слѣдующее донесеніе:

СЛУЧАЙ ПЯТНАДЦАТЫЙ.

Мнимыя эпилептическія судороги. — Способность выдержать заключеніе въ тюрьмѣ.

Подсудимый, человѣкъ лѣтъ около 60, нѣсколько малокровный, жалуется на легкія ревматическія боли, запоръ и бывающія по временамъ головокруженія, отъ чего онъ лечился въ тюремномъ лазаретѣ.

Относительно психическаго состоянія своего, онъ сообщаетъ, что прежде страдалъ эпилептическими судорогами, послѣдній припадокъ которыхъ былъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ; послѣ судорогъ онъ

подвергается иногда головокруженію, во время котораго однако сознанія не теряетъ.

Отвѣты его слѣдуютъ быстро, совершенно сообразны съ вопросами и не содержатъ ничего, чтобы могло подать хотя малѣйшій намекъ на душевную болѣзнь.

Поэтому, мнѣніемъ полагаю:

что объ умственномъ разстройствѣ изслѣдуемаго не можетъ быть и рѣчи и что онъ можетъ выдержать четырехмѣсячное заключеніе въ тюрьмѣ безъ всякой опасности для здоровья и жизни.

Къ этому отдѣлу причисляю я и слѣдующій случай, въ которомъ была опредѣлена неспособность ко вмѣненію вслѣдствіе пляски св. Витта.

СЛУЧАЙ ШЕСТНАДЦАТЫЙ.

Воровство. — Бездоказательное опредѣленіе неспособности ко вмѣненію, вслѣдствіе пляски св. Витта.

Мальчикъ Цитенъ былъ обвиненъ и сознался въ кражѣ, съ чердака госпожи Фессель, четырехъ стульевъ, въ теченіи двухъ дней, по два за разъ, причемъ, на второй день онъ отперъ дверь чердака ключемъ. Стулья подсудимый продалъ въ сообществѣ мальчика Гертеля и на вырученныя деньги купилъ за 10 зильбергрошей купальныя понталоны.

Ранѣе этого, Цитенъ, былъ, по случаю покражи портмоне, свидѣтельствованъ докторомъ Л., который заявилъ что онъ „не всегда бываетъ въ состояніи дѣйствовать сознательно.“ Такъ какъ тогда вообще не было представлено положительныхъ доказательствъ, то Цитенъ и былъ оправданъ.

Мальчикъ имѣетъ 16 лѣтъ отъ роду, тѣлесное развитіе его плохо, но впрочемъ не слишкомъ отстало отъ его возраста. Болѣзненнымъ назвать его ни въ какомъ случаѣ нельзя. Тѣлесныя отправленія совершаются правильно. Хотя онъ жалуется на частую головную боль, и это показаніе не кажется неправдоподобнымъ, но оно не подтверждается никакими объективными признаками, и во

всякомъ случаѣ не имѣетъ такого значенія, чтобъ брать его въ разсчетъ при настоящемъ изслѣдованіи. Прежде онъ страдалъ пляской св. Витта, но въ настоящее время здоровъ и никакихъ судорожныхъ припадковъ не имѣетъ.

Въ умственномъ отношеніи Цитенъ кажется очень ограниченнымъ субъектомъ; но у него нѣтъ такого умственнаго недостатка, который можно бы было назвать глупостью или слабоуміемъ. Физіономія носитъ отпечатокъ ограниченности, но не тупоумія или слабоумія. Поведеніе его относительно меня было прилично, отвѣчалъ онъ быстро и правильно.

Онъ могъ толково разсказать о своей жизни По его разсказу, онъ сынъ портнаго, живущаго въ Neanderstrasse. Отецъ посылалъ его.его въ школу, гдѣ онъ достигъ втораго класса, но здѣсь долженъ былъ остаться полтора года, потому что много пропустилъ вслѣдствіе слабости здоровья. Выйдя изъ школы, Цитенъ поступилъ въ ученье къ торговцу Оппенгейму, но въ скоромъ времени ему было отказано. Хозяинъ не сталъ его держать за то, что онъ всегда очень подолгу невозвращался, когда его зачѣмъ нибудь посылали. Послѣ этого онъ былъ отправленъ на нѣсколько мѣсяцевъ къ дядѣ въ Прецлау и наконецъ поступилъ въ ученье къ стекольщику, у котораго работаетъ уже два года. Всѣ эти показанія дѣлалъ онъ безъ затрудненія, приходилось прерывать его только для того, чтобъ онъ не дѣлалъ скачковъ въ своемъ разсказѣ; способъ выраженія его соотвѣтствуетъ его возрасту и степени образованія. Онъ не затрудняется въ счетѣ и рѣшилъ, напримѣръ, вѣрно задачу 7×83 въ относительно короткое время. Разсказывая о своемъ проступкѣ, мальчикъ плакалъ, повидимому раскаявался, говорилъ что больше никогда ничего не тронетъ и вполнѣ понималъ наказуемость своего проступка. Онъ говорилъ, что мальчикъ Гертель склонялъ его къ воровству.

Судя по всему этому, въ настоящемъ случаѣ не представляется ни душевной болѣзни, ни значительнаго умственнаго недостатка. Изслѣдуемый, соотвѣтственно своему возрасту и нравственному развитію, былъ вполнѣ способенъ сознать всю безнравственность и

виновность своего поступка, насколько это вообще доступно мальчику его лѣтъ, тѣмъ болѣе что между обѣими кражами лежитъ промежутокъ времени въ 24 часа.

Для большаго уясненія дѣла слѣдуетъ обратиться къ мнѣнію доктора Л.

Послѣдній говоритъ, что мальчикъ (14-ти лѣтъ) страдаетъ пляскою св. Витта. Уже впечатлѣніе производимое выраженіемъ его лица на врача и психолога, приводитъ къ заключенію, что онъ душевно болѣнъ и не всегда въ состояніи обдумывать послѣдствія своихъ поступковъ и дѣйствовать сознательно. Опытъ показываетъ, что всякое сильное нервное страданіе разстраиваетъ умъ на время или даже навсегда. Судебные врачи согласны съ тѣмъ, что относительно преступленій противъ собственности, есть такія болѣзненныя душевныя состоянія, которыя исключаютъ вмѣняемость, хотя это математически и недоказано. Къ тому же мальчикъ дѣлалъ разныя нелѣпости, напр. рвалъ хорошіе сапоги и платье безъ всякой причины, порученія исполнялъ безтолково, такъ что можно прійти къ заключенію, что онъ душевно болѣнъ и не въ состояніи дѣйствовать сознательно.

Достаточно прослѣдить только ходъ мыслей въ этомъ мнѣніи, чтобы сдѣлать его критику.

Въ этомъ мнѣніи фактическаго только то, что мальчикъ страдаетъ пляской св. Витта и что будто бы рветъ безъ всякаго основанія хорошіе сапоги и платье, причиной чего чаще однако бываетъ шалость, чѣмъ душевная болѣзнь Объ изслѣдованіи умственнаго состоянія мальчика не сказано ничего, но сдѣлано такое ложное заключеніе: такъ какъ существуетъ нервная болѣзнь, къ которой иногда (не всегда!) присоединяется умственное разстройство, слѣдовательно существуетъ и душевная болѣзнь. Между тѣмъ, логичнѣе бы было доказать сначала, что душевная болѣзнь существуетъ, и только тогда, когда это доказано, брать въ расчетъ предрасполагающіе моменты, именно нервную болѣзнь.

Но въ этомъ мнѣніи нѣтъ никакого доказательства умственнаго разстройства и еще менѣе доказано, что источникомъ покушенія на

чужую собственность была душевная болѣзнь, или что между тѣмъ и другимъ была связь. Поэтому, невозможно было вывести заключенія, что мальчикъ въ то время былъ душевно болѣнъ и слабоуменъ настолько, чтобъ не понимать преступности своего поступка, или, что поступокъ его былъ неволенъ и зависѣлъ отъ ложныхъ представленій.

Если, поэтому, и остается сомнительнымъ, дѣйствовалъ ли Цитенъ безсознательно или нѣтъ, два года тому назадъ, то въ настоящее время сомнѣнія въ этомъ не представляется.

Поэтому, мнѣніемъ полагаю:

что мальчикъ Цитенъ былъ способенъ съ разсудительностью обдумать свой поступокъ и понять безнравственность и наказуемость его.

---

2. Сомнительная способность ко вмѣненію, обусловливаемая умственнымъ разстройствомъ вслѣдствіе истерики.

Извѣстенъ фактъ, что при истерикѣ, этой неврозѣ всей первной системы, психическія отправленія рѣдко остаются вполнѣ свободными.

Раздражительность, душевная чувствительность, возбуждаемость и страстность, впечатлительность, недостатокъ нравственной энергіи и стойкости, увлекаемость тѣлесными и психическими впечатлѣніями и видимая невозможность противодѣйствовать имъ, прихотливость быстрая перемѣна настроенія безъ всякой причины или вслѣдствіе относительно незначительнаго повода, склонность къ обманамъ и лжи, къ преувеличиванію и притворству, къ эксцентричности, злость и низость, иногда рядомъ съ острымъ умомъ,—суть психическія качества, болѣе или менѣе ясно выраженныя у истеричныхъ, вмѣстѣ съ перемежающимися или послабляющимися физическими болѣзненными явленіями. Всѣ эти душевныя качества и тѣлесные припадки, будучи ясно выражены, совершенно исключаютъ здоровое состояніе.

Но и меньшія уклоненія отъ психическаго здоровья, не доходящія еще до глубокаго нарушенія дѣятельности ума и чувства, которыя однако, усиливаясь сами собой или подъ вліяніемъ другихъ причинъ, какъ то наслѣдственнаго расположенія, душевныхъ

волненій, распутства, бродяжничества и т. п. могутъ повести къ выраженному помѣшательству, должны обращать на себя вниманіе in foro, такъ какъ они дѣйствуютъ на индивидуумъ угнетающимъ образомъ, и такъ какъ подобные индивидуумы, при возбужденіи страстей, менѣе здоровыхъ способны владѣть собой, именно въ силу этой угнетенности.

Явные душевно больные очевидно должны быть признаны вполнѣ неспособными ко вмѣненію; если же эти промежуточные индивидуумы, стоящіе на границѣ между здоровьемъ и болѣзнью, подъ вліяніемъ болѣзненныхъ моментовъ, при возникшей въ нихъ внутренней борьбѣ, впадаютъ въ проступки,—то за ними слѣдуетъ признавать уменьшенную способность ко вмѣненію.

Когда, напротивъ, захотятъ ограничить полную неспособность ко вмѣненію тѣми случаями, гдѣ свободная опредѣляемость воли совершенно исключена, самонзвольность вполнѣ уничтожена, способности обсуждать послѣдствія своихъ поступковъ не существуетъ, то дойдутъ снова до частной способности ко вмѣненію и тогда душевно больные, мѣсто которыхъ—домъ сумасшедшихъ, будутъ посылаться въ тюрьму. Если же должно принимать, что свобода, самоопредѣляемость уничтожены во всякомъ случаѣ, гдѣ есть отсутствіе *полной* свободы, то этимъ и самый законъ уничтожился бы, потому что, какъ уже замѣчено во введеніи, нѣтъ абсолютной свободы.

Слѣдующій случай принадлежитъ къ числу тѣхъ, гдѣ я, на вышеизложенныхъ основаніяхъ, счелъ должнымъ высказаться за уменьшенную способность ко вмѣненію. Я вошелъ въ ближайшее разсмотрѣніе этихъ основаній для того, чтобы оправдать свои заключенія, какъ относительно этого случая, такъ и другихъ, гдѣ я высказался за уменьшенную способность ко вмѣненію.

СЛУЧАЙ СЕМНАДЦАТЫЙ.

Сопротивленіе должностному лицу.—Оскорбленіе величества.—Истерика.—Легкая степень слабоумія.—Отсутствіе причинной связи съ преступнымъ дѣйствіемъ.—Уменьшенная способность ко вмѣненію.

Подсудимая Зетцкронъ обвиняется, по показанію экзекутора Дитца, въ томъ, что при сборѣ этимъ послѣднимъ квартирнаго налога, она вступила съ нимъ въ споръ, противодѣйствовала ему словомъ и дѣломъ, сорвала наложенную имъ печать и не только нанесла оскорбленіе должностному лицу, при исполненіи имъ служебныхъ обязанностей, но позволила себѣ оскорбительныя выраженія и противъ короля прусскаго и императора австрійскаго.

На судебномъ допросѣ, обвиняемая заявляетъ, что ей была оказана вопіющая несправедливость. Экзекуторъ, при самомъ своемъ приходѣ, вмѣсто перваго привѣтствія, толкнулъ ее, и она должна была вооружиться противъ него топоромъ, такъ какъ, по своей свирѣпой наружности, онъ походилъ на убійцу. Оскорбленіе величества Зетцкронъ оспариваетъ.

48-ми-лѣтняя, изслѣдуемая довольно полна, смотритъ слабой и и нервной, но въ другихъ отношеніяхъ, повидимому, здорова. Она жалуется на многочисленныя, такъ называемыя истерическія страданія и между прочимъ на сердцебіеніе; никакой болѣзни сердца или его клапановъ у ней нѣтъ, но упомянутое явленіе должно быть признано за слѣдствіе возвышенной раздражительности нервной системы. Періодическихъ припадковъ у ней не бываетъ, также нѣтъ ни гиперестезій, ни анестезій, но судя по многочисленности различныхъ страданій, на которыя она жалуется и которыя не имѣютъ матеріальнаго основанія, слѣдуетъ признать у ней истерику.

Поведеніе ея во время моего изслѣдованія было совершенно скромно и спокойно. Когда коснулась рѣчь до ея проступка, она разсказала ходъ дѣла многорѣчиво, но связно, не безъ преувеличенныхъ похвалъ себѣ, основанныхъ на заслугахъ ея отца. Она

считаетъ себя правой, но поддается убѣжденіямъ, хотя, повидимому, не можетъ понять того, что начальству нѣтъ дѣла до частныхъ разсчетовъ ея съ хозяиномъ дома. Изъ всѣхъ ея показаній видно, что она имѣетъ ложныя воззрѣнія на справедливость и составила свою собственную философію о томъ, на что она имѣетъ право. Обмановъ чувствъ и ложныхъ идей у нея вовсе не замѣчается, напротивъ, она утверждаетъ, что если къ ней относятся вѣжливо, то и она отвѣчаетъ тѣмъ же. Она отвергаетъ обвиненіе въ оскорбленіи короля и императора австрійскаго самымъ рѣшительнымъ образомъ, она впала только въ недоразумѣніе по причинѣ возбужденнаго состоянія, въ которомъ находилась въ то время. Деньги съ изображеніями короля и императора австрійскаго она уважала по деньги, сами по себѣ, казалось ей, цѣнности не имѣютъ, потому что „когда онѣ не обращаются, то ничего не стоятъ,“ по этому она и назвала ихъ „дрянью.“ Отецъ ея былъ инвалидъ и король оказалъ ему много милостей, освободивъ его отъ промысловаго и квартирнаго налога; съ нимъ поступали въ этомъ отношеніи также несправедливо; но она вполнѣ понимаетъ, что милость, дарованная ея отцу, не простирается на нее.

Хотя изъ всего вышеизложеннаго и видно, что истерика сдѣлала изслѣдуемую возбужденной и экзальтированной и что, кромѣ того, она ума ограниченнаго, что понятія ея о правѣ превратны, что она имѣетъ склонность настаивать на томъ, что считаетъ своимъ правомъ; но ни разговоръ съ ней, ни изслѣдованіе ея душевнаго состоянія не открыли въ ней ни безумныхъ представленій, ни глубокаго умственнаго разстройства; напротивъ, по моему мнѣнію, изслѣдуемая была увлечена къ преступному дѣйствію возбужденіемъ страстей, къ чему она была расположена какъ физической болѣзнью, такъ и существующей у ней степенью слабоумія. Поэтому, мнѣніемъ полагаю, что подсудимая не представляетъ признакомъ умственнаго разстройства, которое дѣлало бы ее неспособной оцѣнивать послѣдствія своихъ поступковъ. Оцѣнить же вліяніе упомянутаго ея болѣзненнаго, тѣлеснаго и душевнаго, состоянія на уменьшеніе вмѣняемости ея проступка я предоставляю суду.

Зетцкропъ была осуждена на двухмѣсячное заключеніе — самое меньшее наказаніе, къ которому она могла быть приговорена по свойству преступленія.

Истерическое помѣшательство, также какъ какъ и эпилептическое, бываетъ преходящимъ и перемежающимся, или хроническимъ и непрерывнымъ (иногда съ ремиссіями). Въ первомъ случаѣ преступное дѣйствіе можетъ совпадать съ промежуточнымъ временемъ, и тогда о немъ должно судить на основаніяхъ, приведенныхъ при эпилепсіи. Слѣдующій случай служитъ къ уясненію этого, такъ какъ здѣсь въ промежуточное время совершенно не было замѣтно никакого умственнаго разстройства, и проступокъ представлялся умышленнымъ и подготовленнымъ, и не могъ быть оправданъ ненормальнымъ психическимъ состояніемъ, дѣйствительно существовавшимъ во время катаменіальнаго періода, такъ какъ въ промежуточное время ослабленія умственныхъ способностей не замѣчалось вовсе.

СЛУЧАЙ ВОСЬМНАДЦАТЫЙ

Клятвопреступленіе. — Умственное разстройство во время катаменіальнаго періода.—Недостаточная причинная связь съ вмѣняемымъ поступкомъ. — Способность ко вмѣненію.

Нѣкто Гандтъ обвиняется въ томъ, что она въ декабрѣ 18... года совершила клятвопреступленіе, именно, будучи спрошена подъ присягой, умолчала о нѣкоторыхъ вещахъ изъ бывшаго у нея на сохраненіи имущества и припрятала другія изъ нихъ прежде принесенія присяги.

При допросѣ, 26-го мая, она объяснила этотъ поступокъ тѣмъ, что не вполнѣ сознавала важность присяги, и что была въ величайшей бѣдности. При слѣдующемъ допросѣ, 18-го іюня, она извиняла свой поступокъ тѣмъ, что на нее по временамъ находитъ помраченіе ума. Будучи въ полномъ умѣ, она не принесла бы присяги, не пополнивши инвентаря.

Свидѣтельскія показанія о родѣ ея умственной слабости ограничиваются заявленіемъ Приве и его жены, которые говорили, что

имъ казалось страннымъ, что Гандтъ часто забывала, о чемъ говорила наканунѣ и противорѣчила самой себѣ. Приве замѣчалъ у ней также „дикіе глаза“. Также и Кеперъ замѣчалъ у ней забывчивость, именно она очень скоро забывала, что дѣлала и говорила. Напротивъ, Эптресъ, которая знала ее два года, не замѣчала у нея помѣшательства, но только по временамъ странное безпокойство.

Что касается до самаго поступка, то изъ показаній нѣсколькихъ свидѣтелей видно, что она не забыла ни того, что утаила нѣкоторыя вещи, ни того, что принесла присягу, не представивъ ихъ.

Значительной степени слабости памяти у нея не было. Это видно изъ сдѣланныхъ ей допросовъ, такъ какъ она съ большой точностью перечислила находящіяся въ ея владѣніи вещи.

Гандтъ, 66 лѣтъ, никакихъ тѣлесныхъ недостатковъ, бросающихся въ глаза, у ней незамѣтно. Ведетъ себя скромно, на злонамѣренную не походитъ. Говоритъ связно, разумно, спокойно и дѣлается плаксивой, когда заговорятъ о ея проступкѣ. При продолжительномъ разговорѣ съ ней я не замѣтилъ, чтобы умственныя способности ея были замѣтнымъ образомъ ослаблены, какъ относительно памяти, такъ и способности сужденія. Она разсказала мнѣ, совершенно точно и согласно съ актами слѣдствія, не только объ обстоятельствахъ, не относящихся къ ея проступку, но и о самомъ проступкѣ.

Показанія ея относительно умственнаго разстройства были очень правдоподобны, такъ какъ имѣли въ себѣ внутреннюю правду, и такъ какъ она была далека отъ преувеличиванія.

Не прерывая ее ни однимъ вопросомъ и не подсказывая ничего, я выслушалъ отъ нея слѣдующее:

Съ сороковаго года регулы у нея остановились, и обыкновенно къ тому времени, какъ имъ слѣдовало придти, бывали у нея припадки прилива къ головѣ. На нее находила внутренняя тоска и безпокойство, такъ что все казалось ей тѣснымъ и она должна была скорѣй отворять окно. Она чувствовала тогда боль и трескъ въ головѣ, забывчивость, шумъ въ ушахъ и говорила то, „что на другой день оказывалось вздоромъ“. Во время подобныхъ припадковъ

которые продолжались вначалѣ по недѣлѣ, а потомъ дней по 8-ми и по 10-ти, мужъ стерегъ ее и скрывалъ отъ людей. Мужа она потеряла въ концѣ 1863 года и это увеличило ея несчастное положеніе.

Хотя это состояніе и не возвращалось въ совершенно правильные и постоянные промежутки времени, но вообще повторялось почти каждыя четыре недѣли и, кромѣ того, она часто страдала ломотой въ головѣ. Объ вмѣняемомъ ей въ преступленіе поступкѣ Гандтъ показываетъ, что послѣ смерти мужа совершенно обнищала и очутилась въ заботѣ и нуждѣ, что просила экзекутора пожалѣть ее, что въ испугѣ припрятала часть мужниныхъ вещей, въ испугѣ же умолчала, что онѣ у нея. Хотя она уже присягала и значеніе присяги вообще ей было извѣстно, но подобной присяги она никогда не приносила и важности ея не понимала. Уже въ теченіе нѣсколькихъ дней передъ судебнымъ засѣданіемъ у нея была головная боль, и она повторяла только то, что ей подсказывали. Это потому только и случилось, что она была не въ здравомъ умѣ; еслибы она была въ полномъ разсудкѣ, то не умолчала бы о такой бездѣлицѣ.

Какъ изъ судебныхъ актовъ, такъ и изъ моего разговора съ Гандтъ совершенно ясно, что она въ настоящее время вполнѣ способна обсудить послѣдствія своего поступка. Въ разговорѣ со мной она старается оправдаться и дать понять, что теперь не дала бы такой присяги.

Изслѣдуемая, со времени прекращенія мѣсячныхъ очищеній, страдала (resp. страдаетъ) болѣзненными припадками, соединенными съ періодическимъ разстройствомъ мозговой дѣятельности; этому, во всякомъ случаѣ, повѣрить можно. Что она не притворяется, видно еще изъ того обстоятельства, что при первомъ моемъ посѣщеніи она жаловалась на головную боль, тогда какъ при второмъ объявила, что теперь голова у нея свободнѣе. На основаніи данныхъ моего изслѣдованія, я не могъ вывести заключенія, что она, во время принесенія присяги, находилась въ состояніи, исключающемъ

возможность различать правду отъ неправды и лишавшимъ ее возможности понять значеніе присяги.

Что она страдаетъ слабостью памяти, какъ по временамъ замѣчали окружающіе ее, это возможно, но она положительно не забыла ни того, что утаила вещи и припрятала ихъ, ни того, что поклялась ложно. Это несомнѣнно видно изъ собственныхъ ея разсказовъ другимъ вскорѣ послѣ проступка. Кромѣ того, она не забыла, что въ назначенный день нужно явиться въ судъ, и самая цѣль этой явки была ей вполнѣ извѣстна. Показаніе ея, что изъ-за такихъ пустяковъ ложной присяги принимать не стоило, вниманія не заслуживаютъ, потому что пустяки эти имѣли же для нея настолько цѣны, чтобы просить экзекутора пожалѣть ее и считала же она стоющимъ труда припрятать ихъ.

Тѣмъ не менѣе, при обсужденіи даннаго случая, слѣдуетъ принять въ соображеніе показаніе изслѣдуемой, что она страдаетъ нѣкоторой степенью умственнаго разстройства. Показаніе это, какъ уже упомянуто, не лишено вѣроятности, и душевное страданіе ея не могло остаться безъ вліянія на способность управлять своими мыслями въ каждую данную минуту. Но я переступилъ бы за предѣлы моей компетентности, еслибы сталъ принимать въ соображеніе, на сколько заботы, нужда, печаль и смущеніе могли разстроить ее и способствовать къ тому, чтобы она, въ моментъ произнесенія присяги, не поняла съ полной ясностью послѣдствій своего поступка.

Во всякомъ случаѣ, послѣ того она вполнѣ поняла эти послѣдствія и припомнила, что присягнула, и присягнула ложно, и ей слѣдовало бы заявить, что она приняла присягу въ замѣшательствѣ или смущеніи.

На основаніи всего вышеизложеннаго, мнѣніемъ полагаю:

что Гандтъ ни теперь, ни во время поступка не находилась въ такомъ болѣзненномъ состояніи, которое лишило бы ее способности съ разсудительностью сдѣлать выборъ между совершеніемъ или несовершеніемъ поступка и что она, вмѣстѣ съ тѣмъ, была способна обдумать его послѣдствія.

Такъ какъ въ судебномъ засѣданіи противъ изслѣдуемой были

выставлены весьма отягчающія обстоятельства, именно, что она долгое время пыталась различными способами подкупить чиновниковъ, то приведенные въ моемъ мнѣніи моменты, которые могли бы послужить къ ея оправданію, были оставлены безъ вниманія, и она была осуждена.

Къ хроническому истерическому помѣшательству я причисляю и слѣдующій случай, обсужденіе котораго вызвало нападки, не убѣдившія меня, однако, въ неправильности моего мнѣнія. Случай этотъ относится къ давнему времени и теперь мое мнѣніе о немъ было бы составлено отчетливѣе. Изслѣдуемая принадлежитъ къ цѣлой группѣ истерическихъ душевно-больныхъ, представляющихъ совершенно одинаковыя болѣзненныя явленія, анамнезъ которыхъ обстоятельно извѣстенъ и патогенезъ ясно выраженъ, такъ что въ данномъ случаѣ, и безъ клиническаго развитія его, мы вправѣ сдѣлать обратныя заключенія по существующему въ настоящее время состоянію. Подобные индивидуумы, часто уже отъ рожденія ограниченные и нервные, сначала ищутъ врачебной помощи отъ простыхъ истерическихъ страданій и припадковъ, или имѣютъ судорожные истерическіе или истерико-эпилептическіе приступы, и отличаются вообще тѣмъ, что очень скоро заводятъ споры съ врачами и еще раньше того съ окружающими. Раздражительные въ катаменіальныхъ періодахъ, въ промежуточное время они дѣлаются сговорчивѣе, даже поправляются, такъ что ихъ то принимаютъ въ больницы и дома умалишенныхъ, то выписываютъ оттуда. Безумныя представленія бываютъ не у всѣхъ. Одержимые же ими склонны больше къ такимъ, которые касаются состоянія ихъ здоровья, ихъ тѣлесныхъ ощущеній. У нихъ множество поврежденій: отнята рука, вырваны глаза, нить жизни ихъ обрѣзана, легкія сдѣлались меньше, они отравлены, и т. п.; ихъ на всякіе лады мучатъ и убиваютъ, и однакожъ, часто, если построже приступить къ нимъ, сами они начинаютъ убѣждаться, что не все то справедливо, что они высказывали. Но у всѣхъ, даже у тѣхъ, которые не имѣютъ безумныхъ представленій, тѣлесная чувствительность извращена; они преувеличиваютъ ее, склонны къ симуляціи, заявляютъ большія претензіи,

жалуются на сторожей, на другихъ больныхъ, на врачей, клевещутъ и бранятся непристойнымъ образомъ, увѣряютъ, что ихъ дурно содержатъ, не даютъ ѣсть или даютъ „свиной кормъ“, заводятъ шумъ и составляютъ крестъ заведеній своимъ недовольствомъ, упрямствомъ, паушничествомъ и низостью. Поведеніе ихъ остается такимъ же и тогда, когда ложныя представленія отступаютъ на задній планъ и они болѣе и болѣе впадаютъ въ состояніе душевнаго разстройства. Вездѣ они затѣваютъ ссоры, никакое заведеніе имъ не по нраву, они всегда выхваляютъ то, въ которомъ прежде были, противъ того, въ которомъ находятся. Изъ ихъ среды выходятъ самыя неисправимыя задорщицы; онѣ ругаются и кричатъ самымъ пошлымъ, грубымъ образомъ, и если вступить съ ними въ разговоръ, то отдѣлаться бываетъ трудно.

Мнѣ много разъ случалось встрѣчаться въ судѣ съ подобными индивидуумами, имѣвшими совершенное сходство съ изслѣдуемой слѣдующаго случая. Сужденіе объ нихъ представляло нерѣдко большія затрудненія, такъ какъ, по отсутствію у нихъ ложныхъ представленій, возникали недоразумѣнія.

Оскорбленіе должностныхъ лицъ, бродяжничество, воровство, обманы — суть проступки, которые ведутъ за собой обсужденіе ихъ душевнаго состоянія въ уголовномъ судѣ.

Важнѣе того, куда слѣдуетъ отнести слѣдующій случай, представляется вопросъ — была ли изслѣдуемая просто притворщица, или дѣйствительно душевно больная, хотя при томъ и симулировала, какъ это не рѣдко бываетъ съ слабоумными, эпилептиками, истеричными. Винклеръ, субъектъ слѣдующаго случая, имѣетъ очевидное сходство съ Шарлотой-Луизой Глазеръ, умственное состояніе которой изслѣдовалъ Касперъ и которую онъ, не смотря на многія противоположныя мнѣнія, счелъ должнымъ признать за способную ко вмѣненію. Сужденія о Винклеръ были также различны. Изслѣдовавшіе ее врачи, по вопросу о признаніи ее слабоумной, были различнаго мнѣнія и Королевская Медицинская Коллегія, у которой было спрошено мнѣніе о Винклеръ, высказалась объ ней, какъ о грубой, совершенно одичавшей, безъ всякой нравственной вы-

держки, безъ слѣда женской стыдливости, совершенно лишенной, повидимому, чувства благосклонности, привязанности, благодарности, всего добраго и благороднаго, на что способна человѣческая натура, но въ тоже время признала, что она не лишена вполнѣ употребленія разсудка и не неспособна обсудить послѣдствія своихъ поступковъ, почему, въ смыслѣ закона, не можетъ быть признана ни безумной, ни слабоумной.

Я считаю неудобнымъ входить въ подробный разборъ мнѣнія, котораго у читателя нѣтъ передъ глазами. Но я хотѣлъ бы только выяснить, такъ какъ можетъ быть, въ моемъ мнѣніи это недостаточно высказано, что слышавъ безсмысленныя ругательства и крики Винклеръ, никто не счелъ бы ихъ просто за выраженіе грубости и низости и что нѣтъ никакого основательнаго довода противъ принятія мной существованія слабоумія resp. помѣшательства. Въ моемъ мнѣніи не доказано ни существованія болѣзней, изъ которыхъ развилось это состояніе, ни существованія періода душевной подавленности, унынія. Но кромѣ того, что это доказательство, при недостаточномъ анамнезѣ, какъ это часто бываетъ при случаяхъ, ведущихъ къ судебно-медицинскому разбирательству, не всегда возможно, въ немъ нѣтъ и необходимости; пріобрѣтенному слабоумію resp, помѣшательству не всегда предшествуетъ острый періодъ мозговаго заболѣванія (меланхоліи или маніи); дѣйствовавшія же на Винклеръ вредныя вліянія, кромѣ истерической компликаціи, уже сами по себѣ постепенно понижаютъ энергію нервной системы и мозговыхъ функцій, и нерѣдко причиняютъ слабоуміе безъ предшествовавшаго остраго умственнаго разстройства. Хотя я и не могу доказать, что Винклеръ была издавна слабоумной и не утверждалъ этого но только предполагаю, однакожъ твердо увѣренъ что она въ настоящее время находится въ высокой степени ослабленія умственныхъ способностей (психической слабости), что она не можетъ быть наказана и не можетъ управлять самостоятельно своими дѣлами. Въ этой увѣренности меня еще болѣе подкрѣпило ея поведеніе въ домѣ умалишенныхъ, о чемъ я упоминаю въ слѣдующемъ мнѣніи·

СЛУЧАЙ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ.

Многократныя мошенничества и обманы. — Бродяжничество. — Многократныя симуляціи физическихъ болѣзней, съ истерическимъ осложненіемъ. — Помѣшательство. — Неспособность къ судимости.

Шнейдеръ-Винклеръ, какъ видно изъ слѣдственныхъ актовъ, была подъ судомъ въ первый разъ въ 1858 году за обманъ, ложный доносъ и попытку склонить къ клятвопреступленію. Она донесла на писаря крѣпостнаго управленія Глезера, что забеременѣла отъ него въ февралѣ 1858 года и что онъ, узнавъ отъ нея объ этомъ, далъ ей фальшивую монету въ 10 грошей для того, чтобы вытравить ребенка и, наконецъ, въ іюнѣ столкнулъ ее въ лѣстницы, такъ что она упала на спину, отчего ртомъ и носомъ у нея пошла кровь, она выкинула и 4 мѣсяца послѣ того хворала. Она не только штурмовала Глезера угрожающими письмами, съ цѣлью вынудить у него деньги, но даже подала на него просьбу королю. Между тѣмъ, по слѣдствію оказалось, что всѣ приведенные ею факты, исключая связи, вымышлены.

Подобнымъ же образомъ обвиняла она и другихъ, то въ томъ, что они имѣли съ ней связь и были причиной ея беременности, то въ томъ, что ее изнасиловали и она выкинула или родила.

Такъ, почти въ тоже время, въ мартѣ 1858 года, она жаловалась на капитана Штюбнера, что имѣла отъ него ребенка, вслѣдствіе связи съ нимъ въ 1855 году, также показывала, что будто бы забеременѣла отъ подмастерья портнаго Мая и выкинула оттого, что совѣтникъ окружнаго суда Гроссеръ толкнулъ ее.

Ни беременности, ни выкидыша не было.

Она обвиняла (1854) лейтенанта Наубина, который лично ее совсѣмъ не зналъ, въ томъ, что онъ ее изнасиловалъ, нападала на него на улицѣ, такъ что молодой человѣкъ, чтобы избѣжать ея преслѣдованія, долженъ былъ взять переводъ изъ Познани въ

Глогау. Инспектора полиціи Циммермана обвиняла въ совершеніи съ ней безстыдныхъ поступковъ.

Всѣ эти обвиненія имѣли цѣлью выманить деньги, посредствомъ застращиванья и угрозъ судебнаго преслѣдованія и донесенія начальству, чего она достигала относительно часто. Не менѣе того прибѣгала она и къ другимъ мошенничествамъ.

Когда лейтенантъ Зернитцъ, послѣ смерти своего сына, уплачивалъ за него долги, Шнейдеръ потребовала съ него 36 талеровъ за шитье бѣлья, а между тѣмъ было дознано, что она совсѣмъ этой работы не дѣлала. Послѣ смерти ассесора полиціи Гагера, явилась съ требованіемъ денегъ за то, что ухаживала за больнымъ, чего на самомъ дѣлѣ вовсе не было. Отъ инженера Гизебрехта требовала 5 талеровъ за вѣнки, которыхъ онъ не получалъ.

Для того, чтобы получить доступъ въ семейства офицеровъ и выпрашивать отъ нихъ пособія, она выдавала себя за воспитанницу генерала Грольмана. Въ другой разъ просила милостыню по медицинскому свидѣтельству, принадлежащему женѣ башмачника Нейманъ и украденному у нея, выдавая при этомъ себя за жену экзекутора, арестованнаго за недоимку; потомъ выдавала себя за жену полицейскаго служителя въ Берлинѣ, съ которымъ она въ разводѣ по причинѣ послѣдовавшей отъ Зернитца беременности.

Судомъ присяжныхъ въ Познани она была присуждена, 20 января 1859 года, къ двухлѣтнему тюремному заключенію, которое и выдержала въ Коцминѣ, откуда была выпущена 20 января 1861 года, съ отмѣткою, „что вела себя все время дурно, и за упорство, непослушаніе, грубое поведеніе относительно тюремнаго начальства, равно какъ и за то, что два раза открывала себѣ жилу, много разъ была наказываема.“ Она направилась теперь въ Кротошинъ, Штетинъ, Потсдамъ, потомъ, возвратилась въ Познань и получила тамъ свидѣтельство на отъѣздъ въ Варшаву, гдѣ будто бы хотѣла найти пріютъ у родственниковъ; между тѣмъ, прибывши туда, явилась въ генеральное консульство за справкой о своемъ мужѣ, плотничьемъ подмастерьѣ Іоганнѣ Шнейдеръ, будто бы убитомъ въ дѣлѣ подъ Замкомъ 8 апрѣля 1861 г., о чемъ сообщилъ ей

плотникъ Нейманъ, также при этомъ раненый и возвратившійся въ Познань. Все это была ложь, потому что, по ея же показаніямъ, которыя она давала въ Познани, въ 1856 году, мужъ ея портной Августъ Шнейдеръ умеръ 7 мая 1856 г. въ Влацлавѣ, да и Нейманъ совсѣмъ не отыскался. Впрочемъ, изъ увѣдомленія влоцлавскаго магистрата видно, что никакаго Шнейдера въ числѣ умершихъ тамъ не было. Въ іюнѣ она опять была уже въ Познани, откуда, за выпрашиванье милостыни съ угрозами и подъ ложными предлогами, была отправлена въ Островъ. Потомъ, подавши въ Берлинѣ просьбу королю, она проживала въ Стральковѣ подъ именемъ Винклеръ. Затѣмъ поѣхала въ Познань и была на дорогѣ арестована и отослана обратно въ Врешенъ и оттуда въ Познань. Здѣсь 11 іюля 1862 ее посадили въ тюрьму по обвиненію въ бродяжничествѣ и въ присвоеніи себѣ ложнаго имени. 8 августа она была приговорена къ четырехъ-недѣльному заключенію. Наказаніе это окончилось 1-го октября того же года и потомъ она была выдержана 6 мѣсяцевъ въ исправительномъ заведеніи въ Костенѣ, откуда въ апрѣлѣ 1863 была выпущена и отправлена въ Торнъ для пріисканія средствъ къ жизни.

Здѣсь она уже въ іюнѣ 1863 года была опять арестована за обманъ и за неимѣніе никакихъ занятій. Она подъ именемъ Луизы Нейгебауеръ одурачила одного ресторатора и была приговорена къ шести-недѣльному заключенію и къ денежному штрафу въ 50 талеровъ, или мѣсяцу тюрьмы. По причинѣ „болѣзни“, была освобождена изъ тюрьмы прежде истеченія срока, въ ноябрѣ 1863; чрезъ три мѣсяца ее слѣдовало снова заключить, для окончанія срока, но въ концѣ февраля 1864 въ Торнѣ ее уже не отыскали.

Въ началѣ этого мѣсяца она отправилась сюда, въ Берлинъ, случайно встрѣтилась на станціи съ каменьщикомъ Штрангомъ, съ которымъ была еще раньше знакома, насказала ему, что въ познанскомъ судѣ лежатъ 750 талеровъ, которые онъ долженъ получить отъ отца, и обѣщала помочь въ этомъ дѣлѣ. Такимъ образомъ, она нашла себѣ безплатную квартиру на двѣ недѣли у супруговъ

Штрангъ, ходила съ Штрангомъ къ адвокату Брахфогелю, который и взялъ на себя разъясненіе этого дѣла.

Все это оказалось вздоромъ; Штрангъ поэтому выслалъ ее изъ своей квартиры. Съ тѣхъ поръ пропали у жены Штранга передникъ и пеленки, позднѣе нашли у Шнейдеръ свидѣтельство о церковномъ оглашеніи супруговъ Штрангъ и о крещеніи ихъ ребенка.

Потомъ Шнейдеръ принесла въ посудную лавку Дитмана чашку съ разбитой ручкой, чтобы склеить ее, сказала, что ее зовутъ Нейгебауеръ, что живетъ въ большомъ угольномъ домѣ, на Александровской площади, и что въ скоромъ времени ожидаетъ получить наслѣдство, и заплатила за работу $2^1/_2$ зильбергроша. Вскорѣ послѣ этого пришла опять въ лавку, разсказывала, что ея племянница въ слѣдующее воскресенье выходитъ замужъ за офицера, и что она придетъ съ ними покупать фарфоръ. При этомъ выбрала сама нѣкоторыя фарфоровыя вещи и обѣщала скоро заплатить за нихъ. Лавочница отпустила ей эти вещи и еще два раза давала въ кредитъ, но денегъ не получила. Шнейдеръ набрала товару болѣе чѣмъ на 11 талеровъ, и подарила часть супругамъ Штрангъ, которымъ насказала, что эти вещи присланы имъ, какъ свадебный подарокъ, отъ ея брата Гюго, раненаго въ Шлезвигѣ, который находится для леченія во дворцѣ князя Радзивилла. Она даже водила Штранга въ княжескій дворецъ, увѣривъ, что братъ ея желалъ его видѣть, но оставила его у дверей, пошла туда одна и возвратившись сказала, что докторъ строго запретилъ посѣщать его вечеромъ и что ему можно будетъ прійти на другое утро. Изъ разспросовъ оказалось, что все это было взято съ вѣтру.

Въ октябрѣ подсудимая, (обманувши въ августѣ и сентябрѣ подобнымъ же образомъ доктора Куглера), явилась въ лазаретъ королевскаго александро-гренадерскаго полка, къ доктору Гильгеру, одѣтая въ трауръ, сказала, что она вдова убитаго въ Шлезвигѣ фельдфебеля Шульца, недавно выкинула въ Charité, съ того времени больна, и просила прописать лекарство. Ей дали рецептъ, которымъ она, между тѣмъ, какъ оказалось, не воспользовалась. Для

чрезъ два явилась опять, сказала что нашла себѣ въ инвалидномъ домѣ мѣсто и опять заставила прописать рецептъ. Черезъ нѣсколько дней пришла снова, сказала что потеряла свою единственную опору, 15-лѣтнюю дочь, умершую два дня тому назадъ въ Charité отъ жабы, что отъ нея осталось заложенное кольцо, которое она желаетъ выкупить, какъ единственное воспоминаніе о дочери, но такъ какъ пенсію получитъ только 1-го числа, то и просила ссудить ее талеромъ. Она разсказывала это такъ чистосердечно и со слезами, что докторъ Гильгеръ повѣрилъ ей, но далъ только 10 зильбергрошей, ибо узналъ уже отъ доктора Куглера, что она заняла и у него.

Въ началѣ октября, взяла она дочь вдовы Ригель, у которой подъ конецъ жила, и пошла съ ней къ капелану Гейну въ церковь св. Гедвиги, назвала этого ребенка своей дочерью, а себя вдовой убитаго въ Шлезвигѣ человѣка, сказала что у нея два сына въ сиротскомъ домѣ въ Руммельсбургѣ, которыхъ она хочетъ помѣстить въ католическую школу и просила помочь ея дочери деньгами и платьемъ.

Она была 8 октября арестована, не успѣвши довести этихъ плутней до конца, при чемъ назвалась Шульцъ, но уже 9-го казалась такой больной, что не могла быть допрошена.

Такъ какъ въ теченіе года это заболѣваніе Шнейдеръ повторялось очень часто и такъ какъ роль его, при обсужденіи ея состоянія, не маловажна, то слѣдуетъ прослѣдить ея болѣзнь на столько же, на сколько мы прослѣдили ея жизнь до заключенія въ здѣшнюю тюрьму.

Изъ послѣдовательнаго ряда относящихся сюда фактовъ несомнѣннымъ образомъ видно, что Шнейдеръ неоднократно преувеличивала свою физическую болѣзнь и симулировала ее.

Сюда же относится сообщеніе инспектора полиціи Розе, что Шнейдеръ (въ 1853 году), для того, чтобы получить пособіе отъ попечительства о бѣдныхъ, симулировала болѣзнь, именно втыкала въ груди булавки, производила этимъ искуственное нагноеніе и поддерживала его, отчего еще теперь замѣтны рубцы.

Въ этихъ же видахъ, она и въ 1853 году сказывалась боль-

ной, но врачъ, свидѣтельствовавшій ее, нашелъ что она только пьяна. Въ сентябрѣ 1856 года, когда Шнейдеръ писала угрожающія письма Глезеру, она притворялась больной и явно обманывала доктора Бенерта, который наблюдалъ у ней судороги, но относительно другихъ болѣзненныхъ явленій положился на ея показанія и на этомъ основаніи предположилъ у нея болѣзнь, опасную для жизни, еслибы она на самомъ дѣлѣ существовала. Но при такой болѣзни Шнейдеръ не могла бы въ тотъ же день и на другой день явиться къ уголовному коммиссару Кречмеру.

Относительно этой болѣзни, повидимому важной и состоящей, по мнѣнію доктора Бенерта, въ судорогахъ вслѣдствіе брайтовой болѣзни почекъ, Цитока показываетъ, что Шнейдеръ часто страдала судорогами, но большею частію лежала въ постелѣ только часа два и вставала лишь только докторъ Бенертъ оставлялъ комнату. Всего этого достаточно, чтобы счесть эту болѣзнь отчасти притворной.

Вскорѣ послѣ того какъ Шнейдеръ была взята въ маѣ 1858 г. въ познанскую тюрьму, она объявила, что страдаетъ кровотеченіемъ изъ матки, и была тотчасъ же положена въ лазаретъ, между тѣмъ на другой уже день, по свидѣтельству физиката, была найдена способной къ допросу. Спустя четыре недѣли (іюнь), она потребовала, чтобы ее приняли, по болѣзни, въ лечебницу бывшаго монастыря св. Терезіи; спрошенный поэтому случаю врачь далъ такое мнѣніе: изслѣдуемая до крайности преувеличиваетъ свое незначительное лихорадочное страданіе, часто вызываемое и усиливаемое злобой и досадой, и безпрестанно симулируетъ опасность своего положенія съ цѣлью уйдти изъ тюрьмы; „я охотно освободилъ бы ее, продолжаетъ онъ, но не вижу никакой основательной причины для перемѣщенія ея въ больницу.“

Такъ же точно еще въ мартѣ того же года, она, сказываясь тяжело больной, хотѣла избавиться отъ двухъ призывовъ въ судъ, а между тѣмъ въ тоже время ее видѣли на улицѣ.

Полицейскіе служители, которымъ велѣно было задержать ее,

донесли, что они не рѣшились употребить силу, такъ какъ „съ ней сдѣлалась рвота и она ужасно громко кричала.“

О состояніи ея здоровья въ тюрьмѣ до 1861 года, къ сожалѣнію, нѣтъ никакихъ свѣдѣній.

Физикъ Дернеръ, приглашенный освидѣтельствовать Шнейдеръ при переводѣ ея изъ Врешена въ Познань, 8 іюля 1862 года, объявилъ, что изслѣдуемая совершенно способна пройти эту дорогу пѣшкомъ и что всѣ болѣзни, на которыя она жалуется, существуютъ только въ ея воображеніи.

Въ исправительномъ заведеніи въ Костенѣ, съ октября 1862 до апрѣля 1863, не было сдѣлано ни одной отмѣтки о болѣзни Шнейдеръ, но не одинъ разъ замѣчено, что она можетъ перенести тѣлесное наказаніе въ пять ударовъ плетью.

Послѣ освобожденія изъ исправительнаго заведенія, она сама пожелала, чтобы ее отправили въ Торнъ, гдѣ она, „какъ здоровая и способная къ труду, можетъ найти себѣ мѣсто.“

Въ торнской тюрьмѣ она снова начинаетъ быть больной, и 22 августа 1863 года, ее переводятъ, по случаю „кровотеченія“, для лучшаго пользованія, въ больницу.

Уже 31 того же мѣсяца, (по ея собственному требованію), выписывается она опять изъ больницы въ тюрьму. Все еще будто бы больная, она кромѣ лучшей пищи и усиленныхъ попеченій, требуетъ еще въ теченіи 14 дней три раза священника, для причащенія, а потомъ снова просится въ больницу, при чемъ докторъ Циммерманъ, свидѣтельствовавшій ее 16 октября, говоритъ, что она „Querulantin in optima forma“, ничѣмъ не довольная и безпокойная. Ее переводили въ тюрьмѣ изъ одного помѣщенія въ другое, наконецъ отправили въ городской лазаретъ, гдѣ она сдѣлала такой скандалъ, что нетолько служащіе въ больницѣ, но и больные стали на нее жаловаться. Между тѣмъ, Шнейдеръ 30 октября объявила, что она боится умереть, если ее не выпустятъ изъ тюрьмы, и тогда докторъ Циммерманъ сдѣлалъ такое заявленіе: „здоровье Шнейдеръ сильно потрясено постоянно возобновляющимися кровотеченіями, частію изъ желудка, частію изъ поло-

выхъ частей. Она блѣдна, худа и такъ слаба, что жизнь ея находится въ опасности, отвратить которую можно только освобожденіемъ ея изъ тюрьмы; поэтому она должна быть выпущена, какъ можно скорѣе.“ Вслѣдствіе этого, Шнейдеръ, 5 ноября, была освобождена на три мѣсяца, несмотря на то, что до срока заключенія осталось еще четыре недѣли.

Между тѣмъ, чрезъ недѣлю она опять шлялась каждый день по улицамъ, и когда въ февралѣ пришло время идти снова въ тюрьму, чтобы отбыть остатокъ заключенія, уже гостила у супруговъ Штрангъ въ Берлинѣ. 8 октября, какъ уже упомянуто, она была арестована, а 9-го такъ заболѣла, что слѣдственный судья не могъ сдѣлать ей допроса. Въ протоколѣ его значится, что она не могла встать съ постели, и когда онъ спросилъ ее, нельзя ли сдѣлать допросъ въ камерѣ, она вмѣсто отвѣта издавала только неопредѣленные звуки. Тюремный врачь, освидѣтельствовавъ ее 14 октября, нашелъ, что она страдаетъ частыми спазмами въ груди и кровохарканіемъ, жалуется на сильную боль въ головѣ и нижней части живота, болѣе или менѣе безгласна, и такъ слаба, что не можетъ быть ни приведена къ допросу, ни допрошена въ своей комнатѣ, и что ее слѣдуетъ отправить въ Charité.

Она поступила въ Charité 15 октября, въ отдѣленіе внутреннихъ болѣзней. Привезли ее безчувственной и безгласной. На другое утро, несмотря на ея жалобы, ничего важнаго при объективномъ изслѣдованіи не оказалось. Черезъ нѣсколько недѣль она объявила себя беременной на второмъ мѣсяцѣ.

Штабъ-лекарь Эйлертъ свидѣтельствуетъ, что Шнейдеръ много разъ страдала истерическими припадками и отказывалась нетолько отвѣчать на предложенные вопросы, но и принимать лекарства. Послѣ этого ее хотѣли перевести въ городскую тюрьму, но полицейскій служитель, которому это было поручено, возвратился съ показаніемъ, что перевести Шнейдеръ невозможно и что она уже вчера получила предсмертное напутствіе. Напротивъ того, докторъ Эйлертъ засвидѣтельствовалъ, что въ ея состояніи никакой перемѣны не произошло, что она жаловалась то на то, то на другое, какъ

и всѣ истеричные, что по крайней мѣрѣ до сихъ поръ напутствована не была и никакого препятствія къ обратному перемѣщенію ея въ тюрьму нѣтъ. Послѣ этого, 1 ноября она и была туда переведена. Ноября 8 слѣдовало сдѣлать ей допросъ, но она объявила, что не можетъ встать съ постели, и когда экзекуторъ настаивалъ, чтобы она за нимъ послѣдовала, съ ней сдѣлалась страшная рвота, такъ что должны были допросъ отложить; 10-же числа она объявила, что можетъ отвѣчать, но въ тотъ же день вечеромъ, по показанію главнаго смотрителя, пыталась удавить себя галстухомъ; 11-го же, когда надѣли ей на руки и на ноги легкія кандалы, предложила, чтобы ей сдѣлали допросъ въ камерѣ.

Послѣ того, ее допрашивали много разъ, и 27 ноября сковы были сняты, ибо тюремный врачь представилъ, что подсудимая непрерывно находится въ возбужденномъ состояніи: оковы сильно волнуютъ ее и болѣзнь чрезъ это ухудшилась.

На 25 февраля было назначено судебное засѣданіе, куда она сама пожелала явиться; но между тѣмъ, 20-го, докторъ Люкъ сообщилъ, что уже три дня какъ она находится въ состояніи, близкомъ къ неистовству. Она шумитъ, бранится и кричитъ почти безпрерывно день и ночь (!), грозитъ уничтожить все окружающее, убить того или другаго, со всѣми начинаетъ ссору, которая наконецъ переходитъ въ драку, какъ это было уже и ранѣе. Благоразумныя увѣщанія не приводятъ ни къ какому результату, напротивъ, бѣшенство ея всегда усиливается такъ что переходитъ въ „гиперестеческое.“

Подобное неистовое состояніе не позволяло болѣе оставлять ее въ тюрьмѣ, и 22 февраля она была переведена снова въ Charité и теперь уже помѣщена въ отдѣленіи душевно больныхъ, гдѣ находится и до сихъ поръ.

Въ теченіи долгихъ лѣтъ подсудимая не казалась душевно больной ни одному, именно ни одному изъ врачей, которые много разъ имѣли съ ней дѣло, исключая доктора Люка.

Однакожъ въ актахъ есть много данныхъ, на основаніи кото-

рыхъ должно бы было возникнуть, по крайней мѣрѣ, подозрѣніе въ долговременномъ существованіи у нея душевной болѣзни.

Во-первыхъ, обойдя истерическія явленія, слѣдуетъ замѣтить три момента, которые, какъ опытъ показываетъ, располагаютъ къ душевнымъ болѣзнямъ, и которые безъ сомнѣнія существовали у изслѣдуемой, именно: половое распутство, такъ какъ она была предана проституціи; далѣе злоупотребленіе спиртныхъ напитковъ, что точно также доказано актами и подтверждено показаніемъ супруговъ Штрангъ, наконецъ, праздная бродяжническая жизнь, о чемъ свидѣтельствуетъ каждая страница шести томовъ слѣдственныхъ актовъ.

Кромѣ этого, слѣдуетъ принять во вниманіе еще слѣдующіе моменты, очень важные для обсужденія душевнаго состоянія подсудимой. Никто не могъ ладить съ этой женщиной. Куда она ни поступала въ услуженіе, вездѣ ей отказывали, потому что она дурно вела себя, или была черезъ мѣру задорна и ни съ кѣмъ ни жила въ мирѣ. Родные давно уже отступились отъ нея за ея развратную жизнь, такъ что уже 17 лѣтъ тому назадъ зять запретилъ ей называться его свояченицей и показываться ему на глаза. Гдѣ бы она не поселилась, ее отовсюду гнали, потому что она вездѣ затѣвала скандалы, даже въ гостяхъ. Локвицъ, которая жила съ ней въ одной комнатѣ, чрезъ нѣсколько недѣль должна была уйти, потому что Шпейдеръ шумѣла, злилась и формально мучила ее Также и съ Штрангомъ, не считая плутовства, вела себя „непристойно.“ Нетолько жаловались на нее доктора, которымъ она надоѣдала и которые дѣлали ей все возможныя облегченія, какъ Когенъ фонъ-Баренъ, докторъ Циммерманъ, но и больные, съ которыми она вмѣстѣ лежала въ больницахъ, и служащіе тамъ.

Въ исправительномъ заведеніи въ Костенѣ, она играла такія же штуки какъ видно изъ документовъ этого заведенія. Съ ней не было покою, она заводила ссоры съ заключенными, сопротивлялась служащимъ, ее запирали въ карцеръ, сѣкли, но все напрасно. Въ Познани черезъ нее должны были три раза прерывать судебное засѣданіе. Она начинала кричать о своихъ правахъ, безпрестанно прерывала прокурора и такъ ломалась что продол-

жать засѣданіе было невозможно, такъ какъ нельзя было остановить ее, несмотря на всѣ призывы къ порядку. Когда въ Берлинѣ привели къ ней доктора Гальгера, чтобы удостовѣриться въ ея личности, она закричала, слѣдователю: „вы будете несчастный человѣкъ, если будете водить ко мнѣ господъ.“ Сверхъ того, въ протоколѣ слѣдователя значится, что когда привели къ ней Штранга, она закричала на слѣдователя: „скверная, подлая собака, чего ты хочешь отъ меня, вѣдь это мой родственникъ“, и все кричала ему вслѣдъ, когда онъ уходилъ изъ тюрьмы. Какъ, наконецъ, трудно было ладить съ ней въ тюрьмѣ, гдѣ она заводила ссору и драку съ каждой арестанткой, видно изъ вышеприведеннаго свидѣтельства доктора Люка.

Невозможно, и даже излишне, разсказывать всѣ противорѣчія, находящіяся въ показаніяхъ изслѣдуемой, но для требуемаго отъ меня заключенія важно сопоставить всѣ показанія подсудимой о ея личности.

Несмотря на всѣ розыски различныхъ присутственныхъ мѣстъ, о ней извѣстно только, что она, Анна Розина Рюстеръ, родилась въ Равичѣ, 26 ноября 1816 года, крещена въ католической вѣрѣ, воспитывалась въ сиротскомъ домѣ, въ Познани, и что 24 іюля 1826 патеръ Китскій соединилъ законнымъ бракомъ, въ церкви св. Маргариты, въ Познани, 30 лѣтняго Августа Шнейдеръ съ 21-лѣтней Анной Рюстеръ. Эта ли самая Анна Рюстеръ и есть подсудимая—подлежитъ сомнѣнію, ибо въ возрастѣ выходитъ разница; въ Познани вообще не знаютъ, что она выходила замужъ, и ея зять и племянникъ также ничего объ этомъ не знаютъ. По свѣдѣніямъ полиціи, дѣтей у нея не было.

Если теперь сличить съ этимъ сдѣланныя ею различныя показанія относительно ея личности, то выйдетъ слѣдующее:

Въ 1856 въ Познани она показала что мужъ ея, портной Августъ Шнейдеръ, умеръ въ Влоцлавѣ 7 мая 1856 г.

1857 г. 13 іюля она показала, что ей 42 года.

3 марта 1858 г. назвалась вдовой Августой Шнейдеръ, 39 лѣтъ, родившейся въ Равичѣ, реформатскаго вѣроисповѣданія.

20 мая 1858 г., что она Августа Шнейдеръ, урожденная Рих-

теръ, изъ Равица, 36 лѣтъ, вдова умершаго въ 1853 плотника Августа Шнейдера, съ которымъ жила четыре года и имѣла двоихъ дѣтей, которыя уже умерли.

Іюня 8, 1862, она Августа Винклеръ, родилась 25 іюня, 45 лѣтъ, католичка, теперешній ея мужъ, помощникъ дистилятора, живетъ въ Хоме, за Петербургомъ. Отъ перваго брака двое дѣтей въ монастырѣ Младенца Іисуса въ Варшавѣ.

10 іюля 1862: Августа Шнейдеръ, урожденная Рюстеръ, по второму мужу Винклеръ, родилась 25 іюня 1816, 20 лѣтъ тому назадъ вышла замужъ за плотника и типографщика Августа Шнейдеръ (обвѣнчана Пинтковскимъ). Отъ этого брака было четверо дѣтей. Шнейдеръ 1861, апрѣля 8, убитъ въ Варшавѣ, въ дѣлѣ подъ замкомъ. При переѣздѣ изъ Варшавы въ Познань познакомилась она со вторымъ мужемъ, съ которымъ путешествовала, и въ Хоме, на Черномъ морѣ, ихъ благословилъ, подъ открытымъ небомъ, греческій попъ.

11 іюля 1862 г., она 45-ти лѣтъ, евангелическаго вѣроисповѣданія, 19 лѣтъ замужемъ за Шнейдеромъ.

23 іюля 1862 г., въ судебномъ засѣданіи, послѣ того какъ было прочитано вышеупомянутое свидѣтельство о ея бракѣ, она назвалась Анной Розиной Августиною, вышедшей замужъ за плотника, корзинщика и горшечника Августа Шнейдера, обвѣнчалась съ нимъ около 25 лѣтъ тому назадъ. Онъ оставилъ ее 3—4 года тому назадъ и былъ убитъ въ 1861 въ Варшавѣ. О прочемъ говоритъ тоже самое, что показывала 10 іюня 1862 г.

18 іюня 1862 г.: Августа Винклеръ родилась въ Познани, 48 лѣтъ, католичка, мужъ ея, плотникъ Августъ Шнейдеръ, умеръ 8 лѣтъ тому назадъ въ Познани; тогда она вышла за Карла Винклера и жила съ нимъ въ Гроховѣ, въ Польшѣ.

Октября 8, 1864 года:, она вдова Винклеръ, у рожденная Риктеръ, 44 лѣтъ, католичка, родилась въ Мюнхебергѣ.

12 ноября 1864 г.: Августа Винклеръ, вдова, 44 лѣтъ, родилась 25 іюня 1820, въ Мюнхебергѣ, католичка, въ 1842 г.

вышла замужъ, въ Варшавѣ, за Августа Шнейдера, въ 1860 году снова вышла за Карла Винклера. Отъ перваго брака трое дѣтей, 20, 18, 13 лѣтъ, и отъ втораго брака одинъ ребенокъ, который находится у лейтенанта Штюбнера, въ Вреславлѣ, у котораго она, будучи вдовой Шнейдера, вела 6 лѣтъ хозяйство.

17 ноября 1864 г.: она вышла замужъ 22 лѣтъ, за плотника Карла Августа Шнейдера, въ Варшавѣ, вѣнчалась съ нимъ въ церкви Карла, (которая въ то время еще не существовала), въ точности дня свадьбы припомнить не можетъ На 12 году замужества Шнейдеръ умеръ; 1 мая 1860 вышла въ Варшавѣ за дистиллятора Винклера, вѣнчалась въ той же церкви. Послѣ смерти мужа, вела 2 года хозяйство у лейтенанта Штюбнера, въ Бромбергѣ, который послѣ того четыре года жилъ у нея въ Польшѣ.

Шнейдеръ по виду можно дать лѣтъ 50, она довольна полна и болѣзненнаго виду не имѣетъ. Ея органы, на сколько можно было ихъ изслѣдовать, здоровы. Она говоритъ, что страдаетъ судорогами и рвотой съ кровью, нечувствительностью всего тѣла и не можетъ двигать ногами, что онѣ у нея отнялись. Въ самомъ дѣлѣ, она въ тюрьмѣ постоянно лежала въ постели, да и въ Charité тоже. Желая показать, что колетъ себѣ ногу, она держитъ булавку немного вкось, такъ что скорѣе давитъ чѣмъ колетъ и показываетъ запачканный кровью носовой платокъ: также увѣряетъ, что можетъ сдвинуть ногу только тогда, когда подниметъ ее обѣими руками. Судорогъ и кровавой рвоты я самъ у ней не наблюдалъ. Что она можетъ двигать ногами, могу въ томъ увѣрить; когда я, въ разговорѣ, привелъ ее въ азартъ, она подняла свои ноги, въ первый разъ, чтобы показать мнѣ болѣзненныя (!) синія пятны, которыя ей причинили въ Charité, въ другой разъ, когда я ей возразилъ, что она теперь довольно полна,—чтобы доказать мнѣ, какъ исхудали ея икры, чего на самомъ дѣлѣ не было. Этимъ же самымъ доказывается, что чувствительность въ ея ногахъ не потеряна, что ясно изъ ея жалобъ на боль отъ синяковъ. Если еще этихъ фактовъ мало, то я сошлюсь на журналъ Charité, гдѣ значится, что когда Шнейдеръ полагала, что за ней не наблюдаютъ

то двигала ногами, и когда заставляли ее ходить, она дѣлала ногами различныя движенія, сгибала стопу, ступая на наружный край ея и подгибала колѣни. Когда врачи дѣлали ей глубокіе уколы булавкой по всему тѣлу, она, повидимому, ничего не чувствовала, хотя неподлежало сомнѣнію, что личные мускулы при этомъ сокращались. Когда хотѣли вскрыть булавочнымъ уколомъ маленькій прыщикъ на лѣвомъ плечѣ, который она причинила себѣ чрезмѣрнымъ втираніемъ размариновой мази, и при этомъ нарочно дотронулись до здоровой и не покраснѣйшей кожи, она громко вскрикнула (!), тогда какъ не задолго предъ тѣмъ жаловалась на безчувственность во всей рукѣ. Во время судорожныхъ припадковъ, на сколько ихъ наблюдали, она вытягивала руки, наклоняла голову впередъ, сжимала руки въ кулакъ, съ большимъ пальцемъ внутри, дѣлала сильныя вдыханія, похожія по тону на тѣ, которыя бываютъ въ коклюшѣ. Животъ и ноги въ судорогахъ не участвовали. Во время судорогъ на губахъ у нея была кровянистая мокрота и она неестественно выворачивала глаза. Если незамѣтнымъ образомъ схватить ее за руки, когда онѣ, повидимому, напряженно вытянуты, то слышно, что мускулы не напряжены. По переводѣ ея въ отдѣльную комнату, судороги стали случаться только въ то время, когда кто нибудь къ ней приходилъ. Она утверждала, что падаетъ съ кровати и если кто нибудь былъ въ ея комнатѣ, еще прежде чѣмъ судороги наступали, нарочно ложилась на край, чтобы ее подхватывали, когда она будетъ падать.

Изъ журнала Charité видно, что рвота у нея наступала почти всегда только ко времени докторской визитаціи, такъ что это даже бросалось въ глаза другимъ больнымъ. Она утверждала, что не можетъ совсѣмъ переносить твердой пищи, но много разъ было замѣчено, что булки и сухари, которые она вечеромъ показывала, въ доказательство, что цѣлый день ничего не ѣла, изчезали ночью.

Я не могъ вести съ Шнейдеръ настоящаго разговора ни при одномъ изъ моихъ посѣщеній. Она сейчасъ же начинала изливаться потокомъ жалобъ на свое здоровье, на то какъ ее страшно убиваютъ, тѣмъ что держатъ здѣсь. Ее посадили сюда вмѣстѣ съ су-

машедшими, а она совсѣмъ не сумасшедшая,—ей хочется домой, въ свое семейство. Все это выливалось у нея неудержимымъ потокомъ словъ, прервать котораго было невозможно и въ которомъ часто встрѣчались нелѣпѣйшія противорѣчія. Хотя само собой понятно, ей были оказываемы всевозможныя попеченія, какъ со стороны врачей, такъ и прислуги,—она бранила докторовъ и неистовствовала предъ ними, говорила что тюрьма была для нея эльдорадо, что докторъ Люкъ и фонъ Дригальскій оказывали ей всевозможныя благодѣянія и доставляли всякаго рода лакомства; но чрезъ нѣсколько времени начинала опять прославлять здѣшнихъ врачей какъ благодѣтелей и проклинать доктора Люка за то, что онъ отослалъ ее сюда и объявилъ сумасшедшей. Когда я возразилъ ей, что дѣло идетъ не о томъ, чтобы выпустить ее, но что она должна сообщить мнѣ о своей прежней жизни и почему она сюда попала, она пришла въ сильное раздраженіе. Послѣ этого уже нечего было и спрашивать ее и я объ этомъ ничего отъ нее узналъ. „Она совершенно приличная дочь бюргера, что она дѣлала, все дѣлала какъ прилично гражданкѣ, и никому нѣтъ до этого дѣла. Если я теперь же не похлопочу, чтобы ее выпустили, она откроетъ себѣ жилы и лишитъ себя жизни. Я увижу что будетъ.“ „Она не хочетъ ѣсть картофель: картофель ѣдятъ свиньи. Ея городъ ничего за нее не заплатитъ, если ее будутъ кормить картофелемъ, не заплатитъ и пятнадцати талеровъ и т. д.“ Въ этомъ родѣ продолжала она шумѣть и бѣсноваться; никакимъ образомъ, никакими резонами нельзя было успокоить ее, даже и надеждой на выписку. Чтобы не привести ее въ очень сильное раздраженіе, я долженъ былъ прервать разговоръ. Долго еще и послѣ моего ухода изъ ея комнаты, я слышалъ какъ она кричала все одно и тоже.

На слѣдующій разъ принесъ ей апельсинъ, я сдѣлалъ ее сговорчивѣе и она стала давать мнѣ отвѣты, къ которымъ я сейчасъ перейду. Когда я при этомъ случайно упомянулъ о лейтенантѣ Штюбнерѣ, котораго она называла оберъ-лейтенантомъ, она чрезвычайно разгорячилась, начала говорить съ большимъ жаромъ и сказала что мнѣ „не зачѣмъ объ этомъ спрашивать; не захочу ли

я еще узнать, какъ часто она спала съ своимъ мужемъ.“ Потомъ начала самымъ площаднымъ образомъ бранить меня и доктора Люка, такъ что этого и передать нельзя. „Ей нечего говорить со мной: развѣ я слѣдователь или адвокатъ. Это ей не приходится.—Я окружной врачь. Прекрасный окружной врачъ,—врачь для свиней! Быть бы мнѣ скотскимъ врачемъ, вмѣстѣ съ Люкомъ, чтобы лошадей обдирать. Докторъ Касперъ, тоже настоящій, хотѣлъ же сдѣлать Кюфнеръ сумасшедшей. Онъ разшибъ себѣ мозги объ стѣну и чортъ его побралъ, а я еще съ своими вопросами захожу и его дальше. Я упрекалъ ее въ развратѣ и говорилъ о ея акцессѣ (процессѣ) здѣсь, въ присутствіи врачей. Какъ я могъ осмѣлиться говорить объ оберъ-лейтенантѣ фонъ-Штюбнерѣ, котораго я называю лейтенантомъ! Что мнѣ за дѣло до ея акцесса. Я не слѣдственный судья, не прокуроръ. О это не дѣло. Она на меня пожалуется, въ понедѣльникъ-же будетъ жаловаться. Пусть бы я убирался, вотъ дверь. Я приходилъ сюда больше трехъ разъ выпытывать ее. Ничего я не узнаю. Я не помню о чемъ спрашивалъ ее 8 дней тому назадъ; я былъ пьянъ. Она положительно все помнитъ, что говорила. 8 октября ее арестовали, 9 она заболѣла, 25 судъ былъ отсроченъ, потому что Люкъ отослалъ ее сюда какъ сумасшедшую, а здѣсь ничего кромѣ картофеля не даютъ, картофель же она не ѣстъ. Она не позволитъ себя разспрашивать. Не хочется ли мнѣ еще узнать, часто ли она спала съ своимъ мужемъ. Она пожалуется на меня. Она уже вчера написала письмо къ слѣдственному судьѣ Штейнгаузену. Онъ честный человѣкъ. Она требовала, чтобы ее отпустили. Въ сію же минуту хочетъ она вонъ отсюда. Ея мѣсто въ судѣ. Письмо она не франкировала, потому что у ней нѣтъ денегъ. Она просила уже другого слѣдователя, и ей дали. Генриху *) разбили объ голову двѣ бутылки съ зельтерской водой и онъ до сихъ поръ еще распухъ, онъ не смѣетъ больше прійти къ ней и долженъ какъ собака сидѣть за ея дверью. Ужъ она бы мнѣ показала. Я увижу на что способна женщина. Она написала бы письмо

*) Штадтгерихтератъ и слѣдственный судья.

больше чѣмъ комната. Если бы ее выпустили, она наняла бы извощика и поѣхала къ графу Шверину, нѣтъ сначала къ министру иностранныхъ дѣлъ, потомъ къ министру внутреннихъ дѣлъ и оттуда ко всѣмъ. Пусть я только подожду, чрезъ мѣсяцъ меня отрѣшатъ отъ должности, какъ и инспектора полиціи и другихъ, которые теперь здѣсь всѣ шатаются въ жалкомъ положеніи. Я хочу ее одурачить. Ого! она хитрѣе меня. Прекрасный докторъ! Циммерманъ былъ не такой. Онъ бралъ ее въ прекрасную дачу, куда всякій день пріѣзжалъ къ ней президентъ суда съ женой и привозилъ ей самыя лучшія кушанья. Она получала апельсины и яблоки и всякій день у нея были котлеты и овощи и леденцы и т. п.“

При каждомъ посѣщеніи, по цѣлому часу продолжались брань и крикъ, все въ томъ же родѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ жалобы, что у нея уже легкія заболѣли. Когда я спросилъ ее, какимъ образомъ она могла написать письмо слѣдственному судьѣ, когда сама же сказала, что умѣетъ написать только нѣсколько польскихъ словъ. она отвѣчала, что она эти польскія слова ему и написала, а онъ ужъ прочитаетъ чего она хочетъ. Когда я сказалъ ей, что прежде чѣмъ идти въ судъ, нужно чтобы она могла ходить, она отвѣчала что дочь ея изъ Магдебурга придетъ за ней, да она и на колѣняхъ можетъ ползти. Когда я возразилъ, что ей не доползти до монастырской улицы, она отвѣчала, что не пойдетъ въ судъ присяжныхъ на монастырской улицѣ, а въ 4-ю депутацію уголовнаго суда.

Во время такого разговора она бываетъ въ высшей степени разгнѣвана и возбуждена, лицо ея краснѣетъ, она кидается туда и сюда на постели, жестикулируетъ съ живостью, хватается то за то, то за другое, за бутылки съ сельтерской водой, за блюда съ кушаньями, за сухари и т. п., то для того, чтобы показать мнѣ, что ничего не ѣстъ, то чтобы я увидалъ какъ худо ее здѣсь кормятъ.

Только одинъ разъ засталъ я ее въ болѣе спокойномъ состояніи, и то не надолго. Она любезно поздоровалась со мной, протянула мнѣ руку, считая меня за окружнаго врача Л., велѣла служанкѣ подать мнѣ стулъ, и я воспользовался этой минутой, чтобы

сколько возможно болѣе ознакомиться съ ея личностью. Въ это время она положительно желала отвѣчать на мои вопросы. Она знала, который теперь годъ, сказала что ее зовутъ Августой Винклеръ, 46-ти лѣтъ, родилась 25 марта. Въ которомъ году родилась, не могла сказать. Ея первый мужъ Шпейдеръ 9 лѣтъ какъ умеръ. Когда же онъ умеръ? „Въ 1820 году“. Сколько лѣтъ вы были за нимъ замужемъ? „12 лѣтъ“. Сколько же будетъ 12 и 9? „15 лѣтъ“. Если это будетъ 15 лѣтъ, такъ когда же вы вышли за него замужъ? „Въ 1810 году“. Я замѣтилъ, что Шпейдеръ при этихъ вопросахъ видимо старалась отвѣчать мнѣ. Она была спокойна, говорила повидимому разсудительно, заставляя ждать отвѣта, какъ-будто хотѣла сообразить, и между тѣмъ много разъ повторяла что она вѣдь не ученая. Сколько дѣтей было у ней? „пять, три раза двойни“. Сколько же будетъ дѣтей когда три раза двойни? „Ну это шесть“. Сколько дѣтей было отъ перваго мужа? „Четверо“. А отъ теперешняго? „Двое; двое умерли, пятеро живы, одна замужемъ, ее я не считаю“. Гдѣ она замужемъ? „Въ Магдебургѣ, за капитаномъ Кёнигомъ въ Домштрассе. Вы можете также обратиться къ генералу фонъ-Фукзендъ въ Магдебургѣ“. Когда вы вышли во второй разъ замужъ? „1-го мая, пять лѣтъ тому назадъ“. Въ которомъ же году это было? „1862 или 1861“. Гдѣ вы вѣнчались? „Въ Варшавѣ“. Какъ зовутъ вашего мужа? „Карлъ Винклеръ, онъ былъ убитъ 21 сентября 1864 г.“ Перечислите вашихъ пятерыхъ живыхъ дѣтей и скажите, гдѣ они теперь? „Одинъ 17 лѣтъ въ больницѣ Младенца Іисуса въ Варшавѣ“. Далѣе! „Девятилѣтній мальчикъ въ Сальпастрополѣ“. Далѣе! „Семилѣтній мальчикъ Карлъ и 11 лѣтній Павелъ, оба въ Познани“. Далѣе! „Эмилія, 13 лѣтъ въ Врадцлавкѣ, въ сторону отъ Александрово“. Далѣе! „Полутора-годовой мальчикъ, съ которымъ я сюда пришла, теперь въ Магдебургѣ.“ Далѣе! „Одна замужемъ въ Магдебургѣ, ее я не считаю“. У кого находится этотъ маленькій полутора-годовой ребенокъ въ Магдебургѣ? „У моей дочери. Ребенку было 10 мѣсяцевъ когда Винклеръ умеръ“. Сколько же теперь лѣтъ ребенку? „Ну, если ему было 10 мѣсяцевъ, когда Вин-

клеръ умеръ, я теперь здѣсь 6 мѣсяцевъ, значитъ ему полтора года, т. е. 18 мѣсяцевъ; два мѣсяца ничего не значитъ". Когда родился ребенокъ? „Въ апрѣлѣ было два года какъ онъ родился. Вы даже это можете увидѣть изъ вида о крещеніи, который находится при дѣлѣ. Вотъ вамъ и все". Когда я спросилъ ее о причинѣ ея ареста, она начала разсказывать какъ гуляла Подъ Липами и тамъ была взята констаблемъ, потому что задолжала за фарфоръ. Но очень скоро уклонилась отъ предмета и начала жаловаться на дурное обращеніе. Въ другой разъ разсказала исторію своего ареста совершенно безтолково и снова удалилась отъ этого предмета. Замѣтно, что она не въ состояніи сохранить нить разсказа и если не прерывать ее, то продолжаетъ говорить безъ умолку, совершенно уклонившись отъ предмета разговора.

Въ Charité были сдѣланы совершенно такія же наблюденія надъ ея поведеніемъ. Журналъ Charité говоритъ, что она очень запальчива и дерзка, требовала чтобы для нея удалили другихъ больныхъ. Она угрожала и ругалась въ самыхъ грубыхъ выраженіяхъ, требовала чтобы написали къ директору городского управленія, что она не хочетъ долѣе здѣсь оставаться. Ее слѣдуетъ изолировать, потому что она своимъ резонерствомъ тревожитъ другихъ больныхъ и возбуждаетъ къ непослушанію.

Когда перевели ее въ другую палату, она снова начала свои разсужденія и такъ какъ не хотѣла слушать увѣщаній врачей и многіе больные сдѣлались отъ нея безпокойны, то и положили ее въ отдѣльную комнату. И тутъ она продолжала постоянно разсуждать и одинъ разъ такъ разгорячилась, что на два дня охрипла. Въ другой разъ не хотѣла говорить ни съ однимъ врачемъ, при визитаціяхъ закрывалась одѣяломъ съ головой, или притворялась спящей.

Соотвѣтственно этому, въ свидѣтельствѣ врачей дома умалишенныхъ, докторовъ фонъ-Горна и Вестфаля, говорится, что въ разговорѣ изслѣдуемой выказывается большая несвязность мыслей. Она большею частью начинаетъ жалобами на свое здоровье, перемѣшивая ихъ съ жалобами на врачей и служителей и вскорѣ впа-

даетъ въ безтолковую болтовню. Притомъ она упряма, бранчива и старается и другихъ больныхъ вооружить противъ врачей и служащихъ, также какъ и врачей другъ противъ друга.

Опытъ показываетъ, что у индивидуумовъ, которые отъ природы лишены нравственной твердости и которые разстрачиваютъ свою жизнь въ безпорядочности, лѣности, бродяжничествѣ и въ неразлучномъ съ ними половомъ развратѣ, пьянствѣ, недостаточномъ питаніи и которые вслѣдствіе ихъ поступковъ приходятъ въ столкновеніе съ судебными и полицейскими учрежденіями, могутъ развиться душевныя состоянія, которыя представляютъ замѣчательное смѣшеніе душевнаго здоровья съ душевной болѣзнью и довольно часто съ притворствомъ. Душевное состояніе ихъ можетъ представить судебному врачу огромныя затрудненія, такъ какъ вообще въ такихъ случаяхъ бываетъ чрезвычайно трудно опредѣлить, перейдена ли граница между здоровьемъ и болѣзнью.

Къ такимъ случаямъ относится и предлежащій. Здѣсь нуженъ обстоятельный подборъ формально подтвержденныхъ фактовъ, потому что такимъ только образомъ, послѣ тщательнаго разбора ихъ и возможно достичь до убѣдительнаго, какъ я надѣюсь, рѣшенія.

Во-первыхъ, не можетъ быть спору въ томъ, что Шнейдеръ симулировала физическую болѣзнь, или, по крайней мѣрѣ, преувеличивала дѣйствительно существующую въ продолженіе многихъ лѣтъ, до самаго послѣдняго времени, съ большой послѣдовательностью и постоянствомъ, также и не безъ ловкости. Ея болѣзнь всегда являлась тогда когда она въ ней нуждалась, или для того чтобы добиться вспоможенія, или для того чтобы замаскировать свои попытки къ вымогательству, или для того чтобы улучшить свое положеніе въ исправительныхъ заведеніяхъ и тюрьмахъ.

Тщательныя наблюденія въ Charité доказали съ очевидностью, что она поддѣлываетъ свои болѣзни, что она лжетъ и обманываетъ, и я самъ убѣдился, какъ видно изъ вышеизложеннаго, что она совершенно въ состояніи двигать своими мнимо-неподвижными ногами и что чувствительность въ нихъ, очень хорошо сохранилась. не смотря на ее увѣренія въ противномъ.

Далѣе, нѣтъ сомнѣнія, что изслѣдуемая дѣлала много мошенничествъ, совершенно цѣлесообразно, даже утонченно и съ хитростью, и что въ основаніи этихъ мошенничествъ, до самаго послѣдняго времени, лежали сообразныя съ цѣлью побудительныя причины, что она не обходилась безъ полновѣсной causa facinoris

Но душевной болѣзни Шнейдеръ не симулировала, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Нѣтъ никакого основанія предположить это. Она постоянно горячо возставала противъ того, что ее перевели въ отдѣленіе умалишенныхъ, она бранила доктора Люка, который былъ причиной помѣщенія ея здѣсь, она угрожала мнѣ, если я сейчасъ же не распоряжусь чтобы ее отсюда взяли, ибо ея мѣсто въ судѣ, дѣло ея еще не рѣшено и только болѣзнь ея причиной, что судебное засѣданіе 25 февраля не состоялось.

Это одно уже не позволяетъ допустить въ настоящемъ случаѣ симуляцію душевной болѣзни. Невозможно допустить, чтобы изслѣдуемая знала, что душевно больные протестуютъ противъ признанія ихъ больными, потому что не признаютъ своей болѣзни. Нельзя ожидать отъ нея, чтобы она, стараясь разыграть душевно больную, ставила на карту успѣхъ своихъ стараній, протестуя противъ признанія своей душевной болѣзни. Но способъ какимъ изслѣдуемая высказывается, и содержаніе того, что она говоритъ, уже положительно исключаютъ подозрѣніе въ притворствѣ. Къ разбору этихъ моментовъ я перейду вслѣдъ за этимъ. Она высказывается вся какъ есть и выдаетъ себя всю вполнѣ.

Затѣмъ остается еще вопросъ: не составляетъ ли все, что мы видимъ въ Шнейдеръ и слышимъ отъ нея, результата злости, невѣжества и низкихъ инстинктовъ, или болѣзненное душевное состояніе извратило направленіе ея воли и уничтожило ту разсудительность, посредствомъ которой здоровый человѣкъ можетъ и долженъ сдерживать свои страсти.

Я на сторонѣ послѣдняго воззрѣнія и считаю Шнейдеръ душевно больной.

Прежде всего, симуляція физическихъ болѣзней и безчисленныя мошенничества Шнейдеръ сами по себѣ не могутъ говорить противъ

существованія у нея душевнаго разстройства, такъ какъ извѣстно изъ опыта, что душевно больные нерѣдко могутъ съ большой ловкостью притворяться, сообразно съ своей цѣлью обманывать и преслѣдовать свои планы тонко, хитро и послѣдовательно. Но здѣсь поражаетъ уже и то обстоятельство, что въ самой симуляціи физическихъ болѣзней высказывается недостатокъ яснаго ума и сознательности. Иначе какимъ же бы образовъ изслѣдуемая (еще въ присутствіи одного изъ больничныхъ врачей, которыхъ постоянно увѣряла, что не можетъ двигать ногами), поднимая ноги, чтобы показать мнѣ какъ исхудали ея икры, и въ другой разъ, чтобы показать синяки, вслѣдъ затѣмъ могла увѣрять, что безъ помощи рукъ не можетъ передвинуть ногъ съ мѣста на мѣсто, да еще приходитъ въ ярость когда высказываютъ сомнѣніе въ справедливости ея увѣреній (см. журналъ Charité).

Несомнѣнно, что у изслѣдуемой существуетъ нѣкоторый недостатокъ ума. Это дѣлается яснымъ когда она не говоритъ вздору, но старается давать точные отвѣты. Она, между прочимъ, не въ состояніи понимать отношеній чиселъ. Я говорю здѣсь не только о многочисленныхъ, противорѣчащихъ другъ другу показаніяхъ ея о себѣ самой на различныхъ допросахъ, которые я привелъ выше, и которые одни не въ состояніи подтвердить моего мнѣнія, потому что еще сомнительно, на сколько въ показаніяхъ этихъ участвовала злая воля изслѣдуемой, съ цѣлью затемнить дѣло. Но относительно тѣхъ показаній о своей личности, которыя она сдѣлала передо мной, сомнѣній этихъ быть не можетъ, потому что, какъ выше уже показано, она не только не старалась убѣдить меня въ томъ, что она слабоумна, но напротивъ хвалилась тѣмъ, что гораздо хитрѣе меня и конечно постаралась, чтобы ея показанія были, по крайней мѣрѣ, вѣроятны. Вмѣсто того, она показываетъ что ей 46 лѣтъ, а вышла замужъ въ 1810 году, что у нея пятеро дѣтей и въ числѣ ихъ трое двойни. Когда я спросилъ о возрастѣ ея дѣтей, то не нашлось и двухъ однолѣтковъ, ихъ вышло восемь, а не шесть.

Далѣе, въ видахъ подтвержденія моего мнѣнія, характеристичны ея показанія, что она вышла замужъ за втораго мужа 5 лѣтъ

тому назадъ, т. е. въ 1862 „или“ 1861 году; потомъ что ея *полуторогодовой* ребенокъ родился *два года тому назадъ*. Когда я заставилъ ее высчитать, давно ли она вышла замужъ, если жила съ мужемъ 12 лѣтъ и онъ 9 лѣтъ какъ умеръ, и она видимо старалась дать мнѣ на это отвѣтъ, лицо ея приняло положительно тупое выраженіе. Это еще болѣе подкрѣпило мое убѣжденіе въ томъ, что изслѣдуемая не притворяется, но страдаетъ положительнымъ умственнымъ недостаткомъ.

Другое обстоятельство, доказывающее умственное разстройство изслѣдуемой, заключается въ томъ, какъ она ведетъ разговоръ. Если ее разъ подстрекнуть и оставить на произволъ, она начинаетъ ругаться и неистовствовать, изливаясь въ неудержимомъ потокѣ словъ, котораго невозможно передать и подражать которому по произволу также невозможно. Она не успокоивается до тѣхъ поръ пока не выйдутъ изъ комнаты. Она постоянно высказываетъ самыя невѣроятныя противорѣчія и въ ея разсказахъ бросаются въ глаза нелѣпости и мгновенные переходы къ такимъ предметамъ которые къ дѣлу совсѣмъ нейдутъ. Она не отвѣчаетъ на вопросы, если не настаивать на нихъ, да если и домогаться отвѣта она уклоняется отъ него, переходитъ на другіе предметы и теряется въ ругательствахъ и нелѣпыхъ обвиненіяхъ всевозможныхъ лицъ, врачей, надзирателей и т. п., которыхъ опять тутъ-же начинаетъ хвалить и превозносить. Наконецъ, она ведетъ себя по дѣтски, какъ видно изъ того что показываетъ вечеромъ сухари, въ доказательство того что не ѣла ихъ, а ночью съѣдаетъ; по цѣлымъ днямъ не говоритъ съ врачами, закрывается одѣяломъ въ головой, когда они приходятъ, притворяется спящей и т. п.

Все вышеизложенное показываетъ, что Шнейдеръ находится въ состояніи психической слабости, которое можно назвать тупоуміемъ или спутанностью ума (Verwirrtheit). Подобное состояніе встрѣчается у лицъ, на которыхъ дѣйствовали выше упомянутыя вліянія, какъ-то пьянство, бродяжничество и т. п. На сколько можно судить по поведенію ея передъ судомъ и въ тюрьмахъ, состояніе это суще-

ствовало у нея уже долгое время, во всякомъ случаѣ раньше чѣмъ она совершила тѣ послѣдніе проступки, въ которыхъ обвиняется.

Излеченія этого состоянія, судя по опытамъ, ожидать невозможно.

Ослабленіе умственныхъ способностей ея дошло до такой степени, что она не можетъ обсудить послѣдствій своихъ поступковъ и потому, въ смыслѣ закона, должна считаться слабоумной и слѣдовательно неспособной къ судимости (о чемъ меня и спрашивали).

Поведеніе Шнейдеръ въ городскомъ заведеніи для призрѣнія умалишенныхъ, куда она была перемѣщена по вышеприведенному мнѣнію, было въ психическомъ отношеніи совершенно такое же какъ и въ Charité.

Кромѣ того, директоръ этого заведенія, докторъ Иделеръ, доставилъ мнѣ слѣдующія свѣдѣнія: „въ теченіи первыхъ недѣль ея пребыванія здѣсь ежедневно повторялась рвота, часто съ кровью (изъ зубовъ). Это мало по малу проходитъ и теперь случается только тогда, когда ее переводятъ за шумъ и неистовство въ отдѣльную комнату. До октября она лежала въ постели, потому что будто бы у нея отнялись ноги, только иногда ползала на колѣняхъ, и позволяла больнымъ переносить себя на рукахъ въ садъ или въ залу, чѣмъ очень чванилась.

„Въ это время велѣла она позвать меня въ свою палату, по причинѣ сильныхъ спазмъ въ желудкѣ и при ощупываніи живота, такъ сильно ударила своими разслабленными ногами, что ей сказали, что употребленіе ногъ къ ней скоро возвратится. Съ этихъ поръ начались попытки ходить, она стала ходить, держась за кровать, перебиралась отъ одной къ другой, сначала потихоньку, а потомъ и скорѣе. Теперь она не ложится и ходитъ по цѣлымъ днямъ скоро и твердо. Она вызываетъ у себя болѣзненныя явленія, чтобы заинтересовать собой врача, возбудить его состраданіе, или получить экстра-порцію. Такъ она возбудила эритематозное воспаленіе праваго плеча тѣмъ что кусала, сосала и лизала его. Болѣзни окружающихъ подавали ей поводъ подражать имъ. Когда одна боль-

ная изъ ея отдѣленія заболѣла erysipelas bullosum, она, подъ предлогомъ зубной боли, выпросила мушку, поставила ее надъ лѣвымъ глазомъ и вызвала этимъ пузыри на лицѣ. Во время нынѣшней холерной эпидеміи, у нея главную роль играли рвота и поносъ. Вообще же, въ психическомъ отношеніи, поведеніе ея совершенно такое же, какъ и въ Charité.

3. Сомнительная способность ко вмѣненію, обусловленная душевнымъ разстройствомъ вслѣдствіе ипохондріи и меланхоліи.

Едва-ли мнѣ представится надобность оправдываться въ томъ, что я помѣщаю подъ этой рубрикой первый изъ трехъ слѣдующихъ случаевъ.

Случаи вліянія болѣзней сердца на развитіе ипохондрическаго душевнаго разстройства и аффектовъ угнетающаго характера приведены были въ особенности Sauvcrotte'омъ *) и Lippich'омъ **). Слѣдуетъ принять, что и въ нашемъ случаѣ развитію умопомѣшательства предшествовала болѣзнь сердца. Наслѣдственное расположеніе, выяснившееся самоубійствомъ сына изслѣдуемаго, составляетъ фактъ высокаго значенія и интереса. Такимъ образомъ оказалось, что болѣзнь отца существовала во время рожденія сына въ скрытомъ состояніи, такъ какъ она, судя по дознаннымъ фактамъ, ничѣмъ тогда не обнаружилась.

Второй случай не потребуетъ никакого объясненія, если только здѣсь источникомъ умственнаго разстройства считать ипохондрическое душевное настроеніе.

Вообще позволительно расширить понятіе объ ипохондрическомъ душевномъ разстройствѣ, не ограничивая его бреда предѣлами болѣзненнаго тѣлеснаго ощущенія. Приводя въ этомъ отдѣлѣ нѣсколько случаевъ помѣшательства съ идеями о преслѣдованіи, я слѣдую только за Морелемъ, который причисляетъ délire des persécutions исключительно къ ипохондрическому помѣшательству.

*) Annales med. psychol. T. IV.

**) Oesterr Jahrb. 184.

Морель считаетъ себя въ правѣ объяснять патогенію болѣзненнаго строя мыслей этой формы помѣшательства преобразованіемъ ипохондрической неврозы, потому что онъ видѣлъ во многихъ случаяхъ этого „ипохондрическаго бреда болѣе интеллектуальнаго свойства“ настоящую ипохондрію, поддерживаемую ложными объясненіями тѣлесныхъ симптомовъ. Если подобное патогенетическое объясненіе и можетъ оказаться правильнымъ для нѣкотораго и притомъ ограниченнаго числа случаевъ, то въ большинствѣ, въ происхожденіи этихъ болѣзней „ипохондрическій элементъ“ не играетъ по крайней мѣрѣ такой значительной роли, какую приписываетъ ему Морель.

Часть этихъ больныхъ, одержимыхъ идеями о преслѣдованіи, составляютъ такъ-называемые кляузники (Querulanten); у нихъ дѣйствительныя или по большой части мнимыя обиды служатъ только къ тому, чтобы болѣзнь, къ которой они были расположены, или которою уже на самомъ дѣлѣ страдали, выразилась въ опредѣленной формѣ и привела ихъ въ столкновеніе съ закономъ.

Это послужитъ мнѣ извиненіемъ, если я приведу здѣсь нѣсколько подобныхъ случаевъ (QuerulantenWahnsinn), хотя клиническая патогенія и требуетъ помѣщенія ихъ въ другомъ мѣстѣ.

СЛУЧАЙ ДВАДЦАТЫЙ.

Самоубійство. — Ипохондрія вслѣдствіе болѣзни сердца.

Декабря 16-го, около 12 часовъ дня, какъ видно изъ полицейскаго протокола, пришелъ въ оружейную лавку Мервенса Гофратъ ф. Дельфтъ, изъ Бреславля, остановившійся въ гостинницѣ Belle allience. Онъ велѣлъ показать себѣ различныя оружія и выбралъ шестиствольный револьверъ. Попросивши показать какъ онъ заряжается, ф. Дельфтъ взялъ револьверъ у Мервенса, чтобы разглядѣть его, осмотрѣлъ его устройство и потомъ внезапно, обративъ револьверъ противъ себя, выстрѣлилъ въ ротъ. Ф. Дельфтъ будто бы былъ очень задумчивъ и докторъ посовѣтовалъ ему ѣхать въ Берлинъ для леченія.

При вскрытіи трупа, 18 декабря, оказалось слѣдующее:

1) умершему около 60 лѣтъ, онъ довольно полонъ. Гусиная кожа особенно замѣтна на груди, нижнихъ конечностяхъ и на поясницѣ;

2) правая рука замарана кровью;

3) губы и носъ также замараны кровью. Никакихъ поврежденій на тѣлѣ незамѣтно;

4) по вскрытіи мягкихъ черепныхъ покрововъ, на затылочной кости найдена зазубренная трещина въ 2 дюйма длиной, проходящая въ косвенномъ направленіи; края ея пропитаны кровью;

5) черепныя кости нормальной толщины. Онѣ на всемъ протяженіи, въ области продольной пазухи, плотно срощены съ твердой мозговой оболочкой, такъ что отдѣлить ихъ отъ нея было невозможно и приросшую часть этой оболочки нужно было удалить вмѣстѣ съ костями, послѣ круговаго ея разрѣза;

6) по снятіи черепной крышки оказалось, что внутренняя поверхность твердой мозговой оболочки сильно инъекцирована. Также и внѣшняя поверхность ея, на сколько возможно было оторвать ее отъ костей, оказалось сильно инъекцированной. Silci meningei на костяхъ очень выражены;

7) при извлеченіи мозга вытекло много темной жидкой крови;

8) на верхушкѣ праваго полушарія большаго мозга, нѣсколько кзади, находится разрывъ около дюйма длиной, вокругъ котораго надъ и подъ мягкой оболочкой изліяніе свернувшейся крови; въ отверстіи его лежитъ сплюснутый кусокъ свинца;

9) мягкая мозговая оболочка малокровна; на обоихъ полушаріяхъ она помутнѣна и утолщена; отъ подлежащей мозговой субстанціи отдѣляется легко. Между ней и самымъ мозгомъ свѣтлая жидкость;

10) на основаніи мозга, arteriae fossae Sylvii слегка атероматозны;

11) на нижней поверхности правой доли малаго мозга находится разрушеніе мозговаго вещества въ величину вишни. Зондомъ можно прослѣдить каналъ мозговой раны, при чемъ оказывается,

что пуля прошла черезъ заднюю часть лѣваго полушарія большаго мозга;

12) въ самой мозговой субстанціи болѣзненнаго ничего нѣтъ, также и въ мозговыхъ узлахъ, въ мостѣ, въ продолговатомъ мозгѣ и въ мозжечкѣ;

13) твердая мозговая оболочка также и отъ основанія черепа отдѣляется чрезвычайно трудно;

14) затылочная кость раздроблена вправо отъ foramen magnum;

15) края языка пропитаны кровью и надорваны;

16) позади мягкаго неба находится отверстіе, величиной въ палецъ, ведущее къ основанію черепа; черезъ него прощупываются разрушенныя черепныя кости, и оно, такимъ образомъ, должно быть разсматриваемо какъ входное отверстіе канала огнестрѣльной раны;

17) въ дыхательномъ горлѣ небольшое количество крови;

18) подъ сердечной сумкой большое количество жиру;

19) сердце сильно увеличено и обложено толстымъ слоемъ жира. Длина его отъ верхушки до мѣста выхода легочной артеріи — 6 дюймовъ, ширина въ основаніи—4 дюйма. Въ лѣвомъ и правомъ желудочкахъ, также и въ большихъ сосудахъ темная жидкая кровь, всего около трехъ Schnabeltassen *). Увеличеніе сердца зависитъ отъ увеличенія лѣваго желудочка, стѣнки котораго имѣютъ $1^1/_2$ дюйма толщины. Аорта въ сильной степени атероматозна. Средній и лѣвый полулунные клапаны атероматозны при основаніи, тверды, noduli ихъ утолщены, черезъ что затрудненно замыканіе ихъ; вѣнечныя артеріи въ сильной степени атероматозны;

20) верхушка праваго легкаго стянута рубцами; легкое волюминозно, ткань его здорова. Изъ крупныхъ бронхій выжимается кровь, слизистая оболочка ихъ имбибирована кровью;

21) лѣвое легкое въ такомъ же состояніи;

22) сальникъ и брыжейка въ высшей степени ожирѣлы;

23) полая вена содержитъ много крови.

---

*) Около 9-ти унцовъ. *Перев.*

24) печень 8 дюймовъ въ вышину, 9½ въ ширину, съ тупыми краями, разрѣзъ ея очень жиренъ;

25) селезенка мягка, плоска (kuchenförmig), 3 дюйма въ толщину, субстанція ея нормальна;

26) желудокъ не увеличенъ, слизистая оболочка его утолщена, покрыта вязкой, плотно пристающей слизью. Въ полости дна нѣсколько свернувшейся крови, также и въ пищепріемномъ горлѣ;

27) почки велики, 4½ дюйма длины, 2½ ширины, многокровны; корковое существо ихъ помутнѣло;

28) Толстая кишка наполнена твердыми массами кала; тонкія ничего замѣчательнаго не представляютъ.

29) Мочевой пузырь пустъ и нормаленъ.

Фонъ Дельфтъ былъ, по собственному желанію и просьбѣ, переведенъ 1 апрѣля изъ Миндена въ Бреславль, послѣ того какъ въ половинѣ 1864 года застрѣлился сынъ его Максъ, гимназистъ. Герихтсратъ Л. говоритъ, что этотъ молодой человѣкъ былъ ограниченнаго ума и не могъ поспѣвать за своими товарищами. По свидѣтельству доктора Р., отъ 21 января 1863 года, онъ страдалъ „ипохондрическимъ душевнымъ настроеніемъ и сильной нервной раздражительностью.“

Фонъ Дельфтъ былъ положительно болѣнъ, и физически и душевно, еще прежде перевода въ Бреславль. Это доказывается съ одной стороны измѣненіями, найденными при вскрытіи, начало которыхъ относится къ болѣе раннему періоду времени, и тѣми болѣзненными явленіями, которыя наблюдалъ у него докторъ Гессе, о чемъ будетъ сейчасъ сказано, и которыя не могли образоваться внезапно; съ другой же стороны, показаніемъ жены Дельфта, что она замѣчала у него въ послѣдніе два года преходящіе приступы вспыльчивости, которыхъ прежде не было. Уже тогда онъ часто жаловался на чувство давленія „на голову.“ Также по сообщенію доктора Гессе, Дельфтъ, по всей вѣроятности, уже лѣтъ семь находился въ состояніи подобномъ нынѣшнему.

Въ апрѣлѣ 1865 года, слѣдовательно вскорѣ по прибытіи въ Бреславль, Дельфтъ обращался къ доктору Гессе. Онъ жаловался

„на чувство сильной тоски, безсонницу и постоянное безпокойство, которое не давало ему оставаться на одномъ мѣстѣ или при однихъ занятіяхъ. Гессе нашелъ у него „желтоватый цвѣтъ лица, мутную инъекцированную бѣлочную оболочку глазъ и вялое тѣлосложеніе.“ Въ дыхательныхъ органахъ и въ сердцѣ ничего ненормальнаго онъ не замѣтилъ. Желудокъ и печень были увеличины, селезенка нормальна. Запоръ на низъ.

Головной боли не было, но было головокруженіе. Предпринятое леченіе осталось безъ успѣха и здоровье его ухудшилось. Ф. Дельфтъ заявилъ, что совершенно неспособенъ къ отправленію своей должности. Послѣ шестинедѣльнаго пребыванія въ Ландекѣ, при пользованіи тамошними ваннами и киссингенскими водами, здоровье его не улучшилось. Онъ казался еще болѣзненнѣе, цвѣтъ лица сталъ желтѣе, лицо сдѣлалось вялымъ и опустившимся. Ф. Дельфтъ объявилъ, что не желаетъ болѣе лечиться, потому что убѣжденъ, что только возвращеніе въ Минденъ можетъ помочь ему. Онъ пересталъ заниматься своимъ дѣломъ, постоянно упрекалъ себя, что самъ виноватъ въ своемъ переводѣ въ Бреславль, преслѣдовалъ Гессе и своихъ товарищей жалобами, но не слушался ничьего совѣта. Онъ ходилъ къ врачу часто не въ обычное время, рано утромъ или поздно вечеромъ. Гессе часто видалъ, какъ онъ стоялъ передъ его домомъ, или подолгу ходилъ взадъ и впередъ, то и дѣло робко посматривая на его окна. Гессе настаивалъ на приглашеніи другаго врача, именно профессора Неймана (извѣстнаго психіатра), но Дельфтъ не соглашался, потому что средства не позволяли ему этого и уговорить его было невозможно. Тогда Гессе предложилъ ему поступить въ одно изъ заведеній (въ домъ умалишенныхъ доктора Реймера въ Герлицѣ), но Дельфтъ продолжалъ оставаться въ полной нерѣшительности и бездѣйствіи. Докторъ Гессе сообщивъ госпожѣ ф. Дельфтъ свой взглядъ на состояніе здоровья ея мужа, обратился къ его зятю генералу ф. В., въ Минденъ, описалъ подробно состояніе больнаго, сообщивъ при этомъ, что у него образуется высшая степень меланхоліи и что можетъ случиться какое нибудь несчастіе. Генералу ф. В. невозможно было ѣхать въ Бре-

славль, но онъ неоднократно и настойчиво приглашалъ Дельфта пріѣхать къ нему въ Минденъ. Дельфтъ долго не могъ рѣшиться на это. Наконецъ, по настоянію жены, онъ предпринялъ поѣздку въ Минденъ, куда стремились всѣ его мысли, отчасти для того, чтобы посовѣтоваться съ другими врачами, отчасти для того, чтобы испытать, не произведетъ ли временное пребываніе тамъ благопріятнаго вліянія. Въ спутники на дорогу дали ему одного родственника, не только не противъ его желанія, но даже по его требованію.

У меня есть еще два показанія о поведеніи Дельфта въ Бреславлѣ, кромѣ вышеприведеннаго медицинскаго свидѣтельства.

По разсказамъ госпожи ф. Дельфтъ, которые были сообщены мнѣ герихтсратомъ Л., и въ достовѣрности которыхъ невозможно сомнѣваться, если сопоставить ихъ съ прочими достовѣрными фактами, мужъ ея, со времени перевода въ Бреславль, страдалъ постоянной раздражительностью, имѣлъ отвращеніе ко всякому занятію, думая, что не можетъ освоиться съ новой обстановкой и жаловался на „безконечное страданіе“, именно что съ этимъ переводомъ, къ которому онъ, къ несчастію, допустилъ уговорить себя, счастіе его жизни потеряно, и что оно можетъ возвратиться только по возвращеніи въ Минденъ. Ничто его не интересовало, ни съ кѣмъ не хотѣлъ онъ сходиться и даже хотѣлъ выдти въ отставку, чтобы только переѣхать въ Минденъ. Въ послѣднее время онъ воображалъ, что долженъ будетъ умереть съ голоду, и не смотря на всю простоту ихъ жизни, упрекалъ жену и дѣтей въ расточительности. Въ минуты раздражительности, которыя теперь часто на него находили, онъ обращался грубо съ своей женой, но потомъ снова дѣлался добрымъ и любящимъ. Онъ не могъ видѣть свою прежнюю любимицу, 11-ти лѣтнюю дочь, и былъ очень не ласковъ къ этому доброму, сердечно къ нему привязаному ребенку. При отъѣздѣ онъ сказалъ женѣ „мы не беремъ отставки, мы скоро вернемся“. Ни въ Берлинѣ ни въ Бреславлѣ, между его бумагами не нашлось ни одной записки, гдѣ бы онъ прощался съ своимъ семействомъ, или гдѣ бы объяснялъ причины своего поступка. Также, кромѣ сдѣлан-

наго въ 1842 году, вскорѣ послѣ женидьбы, завѣщанія, не нашлось никакого распоряженія объ имуществѣ и о воспитаніи дѣтей. Бумаги его были въ величайшемъ безпорядкѣ. Различныя черновыя, служебныя и частныя, бумаги разныхъ мѣстъ и разнаго времени его дѣятельности, были перемѣшаны съ фамильными документами и частными письмами. Напримѣръ, съ трудомъ отыскали завѣщаніе его въ ящикѣ съ старыми письмами.

Что касается до служебной дѣятельности ф. Дельфта, то президентъ ф. Ш. говоритъ слѣдующее:

„Гофратъ Дельфтъ, служившій съ 31 марта при здѣшней коллегіи, въ скоромъ времени по поступленіи сюда сталъ жаловаться на тоску и душевное разстройство, которыя дѣлали его почти неспособнымъ къ служебнымъ занятіямъ, вслѣдствіе чего я, на основаніи свидѣтельства доктора Гессе, разрѣшилъ ему четырехъ недѣльный отпускъ для пользованія водами въ Ландекѣ. Это однакожъ не оказало желаемаго дѣйствія. Состояніе здоровья Дельфта становилось все хуже и хуже. При каждомъ разговорѣ онъ плакалъ какъ ребенокъ, увѣрялъ, что съ трудомъ можетъ переносить свои страданія и полагалъ, что можетъ освободиться отъ нихъ только обратнымъ переводомъ въ Минденъ. Я вынужденъ былъ поэтому сдѣлать представленіе министру земледѣлія и просить о переводѣ Дельфта обратно въ Минденъ, и уже тогда не могъ скрыть моихъ опасеній, что онъ не въ полномъ умѣ и что во время одного изъ припадковъ меланхоліи, часто на него находящихъ, можетъ произойти несчастіе. Въ виду явнаго ухудшенія страданія Дельфта счелъ я необходимымъ сдѣлать вторичное представленіе о переводѣ его въ Минденъ, и въ посланномъ по этому поводу рапортѣ, между прочимъ, писалъ слѣдующее: состояніе здоровья Дельфта, о которомъ я представлялъ отъ 10 іюня, съ этого времени скорѣе ухудшилось, чѣмъ улучшилось. По моему мнѣнію, нѣтъ надежды на перемѣну этого состоянія къ лучшему. Оно дѣлаетъ Дельфта неспособнымъ къ занятіямъ и заставляетъ опасаться за его разсудокъ. Достаточно привести въ доказательство этого, неоднократныя увѣренія Дельфта, что онъ боится остаться одинъ въ комнатѣ или

идти по незнакомой улицѣ, потому что тогда на него нападаетъ сильный страхъ. Нечего прибавлять, что Дельфтъ, при подобныхъ обстоятельствахъ, неспособенъ къ отправленію своей должности. Для него необходимо или продолженіе отпуска, или выходъ въ отставку. Особенно долженъ я обратить вниманіе на то, что въ послѣдніе мѣсяцы идеи Дельфта вращались въ ограниченномъ кругу, который день ото дня становился, повидимому, все тѣснѣе и тѣснѣе, это— переводъ въ Минденъ, боязнь отставки и невозможность прокормить свое семейство. Онъ говорилъ объ этомъ ежедневно и почти все въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ. Возраженія противъ этого и совѣты, какъ удовлетворить его желаніямъ и избѣжать отставки, которой онъ такъ боялся, имѣли дѣйствіе не болѣе какъ на минуту. Вскорѣ онъ, казалось, все это забывалъ и снова начиналъ тоже самое. Въ послѣднее время, казалось, самъ Дельфтъ сталъ думать, что онъ не въ полномъ умѣ; это было видно изъ того, что онъ безпрестанно увѣрялъ, что не помѣшанъ. На это указывали также его частые вопросы—можно ли счесть его за помѣшаннаго. По всему этому, я вполнѣ убѣжденъ, что Дельфтъ съ давняго времени былъ не въ полномъ умѣ и замѣчу при этомъ, что товарищи его по службѣ раздѣляли это убѣжденіе."

16 декабря, за нѣсколько часовъ до смерти, Дельфтъ заходилъ съ своимъ провожатымъ въ больницу доктора X, въ Z., въ окрестностяхъ Берлина, для того, чтобы посовѣтоваться о своей болѣзни. Онъ былъ чрезвычайно безпокоенъ, взволнованъ и сдѣлалъ безпорядочный разсказъ о ходѣ своей болѣзни. Во время разсказа онъ не могъ ни минуты просидѣть спокойно, то вставалъ, то садился, и на глазахъ у него часто навертывались слезы. Въ остальномъ свидѣтельство доктора X. не содержитъ ничего новаго. Онъ посовѣтовалъ ему отправиться Герлицъ къ доктору Реймеру, такъ какъ, по его мнѣнію, Дельфтъ страдаетъ душевной болѣзнью, а его заведеніе устроено не для подобныхъ больныхъ.

Нѣсколько часовъ спустя, удаливъ отъ себя своего провожатаго подъ предлогомъ порученія, Дельфтъ застрѣлился, какъ выше описано.

Наконецъ, что касается до характера и семейныхъ отношеній

Дельфта, то, по словамъ Герихтсрата Л., семейная жизнь его до самого послѣдняго времени шла невозмутимо и счастливо; до этихъ поръ женѣ никогда не приходилось пожаловаться на него. Умершій жилъ только для своего семейства, у него не было никакой страсти, никакой склонности къ пьянству, къ игрѣ и т. п., но любовь къ воздержности и простотѣ. Онъ не былъ никогда расточителенъ, заботился постоянно о благѣ своего семейства и былъ извѣстенъ какъ человѣкъ честныхъ правилъ.

—

Если бы и не было извѣстно, что Дельфтъ самъ застрѣлился, то вскрытіе обнаружило бы это. Замаранная кровью правая рука, входное отверстіе раны въ полости рта—говорятъ за самоубійство; направленіе канала раны косвенно кверху и кзади, такъ что пуля проникла въ черепную полость, также говоритъ за самоубійство и противъ несчастной случайности, вслѣдствіе неосторожности.

Такимъ образомъ, передъ нами не несчастный случай, но самоубійство.

Я не принадлежу къ числу тѣхъ, которые благоговѣютъ передъ теоретическимъ воззрѣніемъ, что каждое самоубійство обусловливается умственнымъ разстройствомъ; исторія этого бѣдствія противъ подобныхъ воззрѣній; тѣмъ не менѣе, я долженъ опредѣлительно высказаться, что значительный контингентъ самоубійцъ составляютъ душевно больные. Изученіе самоубійства показываетъ это несомнѣннымъ образомъ; по лучшимъ статистикамъ Пети и Леслю, душевно больные составляютъ около трети общаго числа самоубійцъ. Это число конечно ниже дѣйствительнаго.

Въ виду подобныхъ фактовъ пропстекаетъ для насъ настоятельная обязанность въ подробности анализировать данный случай и развѣдать, представляетъ ли онъ такіе признаки, которые, судя по опытамъ, характеризуютъ самоубійство, совершенное въ умопомѣшательствѣ.

Если уже одно то обстоятельство, что человѣкъ, какимъ представляется Дельфтъ, по вышеприведеннымъ даннымъ, человѣкъ честныхъ правилъ, никогда не уклонявшійся отъ своихъ семейныхъ

и должностныхъ обязанностей совершилъ такой поступокъ, котораго отъ него нельзя было ожидать, которымъ онъ не только утратилъ себя для своего семейства, но и прямо бросилъ на произволъ судьбы заботы о пропитаніи его, о воспитаніи дѣтей,—если уже одно это обстоятельство само по себѣ странно и должно возбудить сомнѣніе въ неповрежденности умственныхъ способностей его, то, какъ увидимъ далѣе, вышеприведенные факты возводятъ сомнѣніе это на степень достовѣрности.

Дельфтъ былъ положительно душевно больнымъ, и съ давняго времени. Это доказывается съ одной стороны, результатами вскрытія, съ другой наблюденіями, сдѣланными надъ нимъ во время пребыванія его въ Бреславлѣ.

При вскрытіи оказались важныя измѣненія въ полости черепа. Твердая мозговая оболочка была на всемъ своемъ протяженіи, въ области продольной пазухи, крѣпко приращена къ черепнымъ костямъ и сильно гиперемирована. Мягкая оболочка на обоихъ полушаріяхъ мозга помутнѣла и эдематозно утолщена, легко отдѣлялась отъ существа мозга; между ней и самымъ мозгомъ находилось нѣкоторое количество свѣтлой жидкости (отекъ). На основаніи мозга arteriae fossae Sylvii оказались слегка атероматозными. Измѣненія эти, за исключеніемъ гипереміи, давняго происхожденія и относятся къ разряду такихъ, какія находятъ при хроническомъ помѣшательствѣ. Они суть продукты прекратившихся воспалительныхъ процессовъ, resp. повторныхъ приливовъ къ мозгу. Нужно прибавить, что подобныя измѣненія наблюдаются не исключительно у душевно больныхъ, но могутъ быть и безъ душевной болѣзни; но если душевная аномалія доказана другимъ путемъ, то для врача будетъ логично признать связь между этими болѣзненными измѣненіями и душевной болѣзнью и допустить ихъ причинное отношеніе къ этой послѣдней.

Но душевная болѣзнь Дельфта ясно выражается въ поведеніи его въ послѣдніе девять мѣсяцевъ, а для меня несомнѣнно, что она была и раньше. За это мнѣніе говоритъ по крайней мѣрѣ то, что Дельфтъ уже въ теченіе 7 лѣтъ былъ подверженъ приступамъ

ипохондрическаго и меланхолическаго душевнаго разстройства, которые могли быть неузнаны, но, вѣроятно, что внимательное и съ знаніемъ дѣла соединенное наблюденіе показало бы уже въ то время присутствіе симптомовъ умственнаго разстройства. Что окружающіе ничего подобнаго не замѣтили—это не рѣдкость и опроверженіемъ служить не можетъ. Наблюденіе показываетъ, что часто глубокія душевныя разстройства тянутся цѣлые годы, съ временными ремиссіями, обнаруживаясь только въ видѣ печальныхъ аффектовъ. Субъектъ считается только физически больнымъ. Но онъ болѣе и и болѣе впадаетъ въ чувство глубокаго душевнаго нездоровья, въ равнодушіе и индеферентность, является ложное содержаніе мыслей, ложныя сужденія, и онъ впадаетъ въ настоящую меланхолію.

Такимъ мы находимъ Дельфта въ Бреславлѣ, когда онъ совѣтовался съ докторомъ Гессе, который, увидѣвъ опасность его положенія, требовалъ приглашенія психіатра. Здѣсь мы находимъ характеристическіе признаки ипохондрически-меланхолическаго помѣшательства, глубокаго тѣлеснаго и душевнаго заболѣванія. Первые выразились въ желтоватомъ цвѣтѣ лица, въ опустившихся чертахъ, въ вяломъ Habitus, въ аномаліяхъ пищеваренія и кроветворенія; послѣдніе же въ ипохондрическомъ душевномъ разстройствѣ, чувствѣ тоски, боязливости, въ безсонницѣ, въ постоянномъ безпокойствѣ, страхѣ будущаго, неспособности къ работѣ, нерадѣніи къ привычнымъ занятіямъ, равнодушіи къ своему семейству, рядомъ съ постоянной заботой о себѣ и о будущности близкихъ; въ безпричинныхъ самообвиненіяхъ, въ слезливости, полной нерѣшительности, наконецъ въ ложномъ представленіи, что онъ долженъ умереть съ голоду. Такимъ образомъ „прозябалъ“ онъ, какъ выразился докторъ Гессе, въ полнѣйшей нерѣшимости, вращаясь, по словамъ своего президента, въ тѣсномъ кругу идей, именно въ переводѣ въ Минденъ, боязни отставки и могущей произойти отъ этого невозможности содержать семью, и высказывалъ это ежедневно въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ, — не убѣждаясь въ неосновательности своихъ опасеній. Это безпокойство, это желаніе уйти отъ окружающей обстановки, въ высокой

степени характеристично для описаннаго состоянія. Между тѣмъ какъ у больныхъ, заключенныхъ въ заведеніяхъ, это выражается неотступными просьбами о выпускѣ оттуда, у другихъ это страстное желаніе не облекается въ опредѣленную форму и принуждаетъ къ объясненію, что они страстно желаютъ уйдти не отъ окружающаго ихъ, но отъ собственнаго душевнаго настроенія. У Дельфта оно приняло опредѣленное направленіе „въ Минденъ," который онъ самъ захотѣлъ оставить по случаю несчастнаго происшествія съ его сыномъ. Нечего и говорить, что обратный переводъ въ Минденъ ничего не измѣнилъ бы въ состояніи больнаго.

Причину душевной болѣзни Дельфта мы находимъ въ тѣхъ болѣзненныхъ измѣненіяхъ, которыя были найдены при вскрытіи и которыя имѣли существенно дурное вліяніе на кроветвореніе и питаніе. Слѣдствіемъ значительнаго недостатка сердечнаго клапана было неизбѣжное заболѣваніе желудка, печени, почекъ, также пассивная гиперемія мозга и оболочекъ его; далѣе, вслѣдствіе атероматозности артерій основанія мозга, было нарушено питаніе этого органа. Наконецъ, есть еще одинъ моментъ, который съ медицинской точки зрѣнія долженъ быть разсматриваемъ какъ наслѣдственный. Въ высшей степени замѣчательно, что сынъ Дельфта, гимназистъ, также застрѣлился, и что уже за годъ до этого медицинское свидѣтельство удостовѣряло, что онъ страдалъ ипохондрическимъ душевнымъ разстройствомъ и большой нервной раздражительностью. Но ипохондрическое душевное разстройство, окончившееся самоубійствомъ, слѣдуетъ понимать какъ глубокое душевное страданіе. Бываетъ иногда, что дѣти заболѣваютъ раньше родителей, это-то и было по всему вѣроятію въ предлежащемъ случаѣ. По крайней мѣрѣ, черезъ это обстоятельство, расположеніе отца къ умственному разстройству дѣлается очень правдоподобнымъ.

Что касается, наконецъ, самаго поступка, то изъ вышеприведеннаго не трудно вывести, что онъ былъ послѣдствіемъ душевной болѣзни Дельфта.

Это доказывается, прежде всего, совершеннымъ недостаткомъ разумнаго или понятнаго мотива. Самоубійство у умственно здо-

ровыхъ бываетъ, судя по примѣрамъ, слѣдствіемъ страстей и пороковъ, рѣже—слѣдствіемъ дѣйствительныхъ физическихъ или моральныхъ страданій. Страстямъ и порокамъ Дельфтъ преданъ не былъ, страданій въ дѣйствительности у него не существовало, но его „невыразимое страданіе“ было воображаемымъ, по крайней мѣрѣ не мотивированнымъ, построеннымъ на болѣзненныхъ представленіяхъ, а не объективнымъ. Та форма меланхоліи, которой онъ былъ одержимъ, ведетъ къ самоубійству чаще, чѣмъ всѣ другія душевныя болѣзни, и хотя этотъ поступокъ нерѣдко бываетъ основанъ на безумныхъ представленіяхъ, но, съ другой стороны, часто одно только темное психическое болѣзненное чувство не даетъ больному покоя и дѣлаетъ для него жизнь невыносимой. Мысль—лишить себя жизни является у нихъ внезапно и сейчасъ же приводится въ исполненіе. Такъ и здѣсь. Здѣсь нельзя предположить предпамѣренности, которая, впрочемъ, сама по себѣ не исключаетъ душевной болѣзни, потому что иначе Дельфту не зачѣмъ было бы брать провожатаго, да не зачѣмъ было и ѣхать. Случаи, что меланхолики, побуждаемые неопредѣленнымъ чувствомъ тоски, хватаются внезапно и неожиданно за чудовищныя дѣла, не такъ рѣдки. Они поднимаютъ руку или на самихъ себя или, какъ будто морально искаженные, на самое любимое, на жену, дѣтей и т. п. Они бросаются въ дѣйствительную опасность, чтобы избѣжать воображаемой.

Мнѣніе, что самоубійство Дельфта было слѣдствіемъ душевной болѣзни, подтверждается еще и тѣмъ, что онъ не оставилъ никакой записки, ни одного слова. Опытъ показываетъ, что у способныхъ ко вмѣненію самоубійцъ часто находятъ письма, объясняющія, съ ихъ точки зрѣнія удовлетворительно, мотивъ ихъ поступка, тогда какъ душевно больные такихъ писемъ не оставляютъ вовсе, или очень рѣдко. Brièrre de Boismont, имѣя дѣло, въ теченіе своей 40-лѣтней практики, болѣе чѣмъ съ 3000 душевно больныхъ, не находилъ ни разу записки у подобныхъ самоубійцъ. Съ другой стороны, изъ числа 4595 самоубійцъ во Франціи, 1328 оставили послѣ себя письма. Если принять въ соображеніе, что по вышеприведенной статистикѣ, около трети ихъ составляютъ душевно

больные и что во всякомъ случаѣ многіе не грамотны, то приведенными цифрами фактъ этотъ подтверждается, и если онъ не можетъ быть принятъ какъ законъ, то все-таки въ данномъ случаѣ можетъ служить для поддержки мнѣнія.

Я полагаю, что вышеизложеннаго достаточно для доказательства, что самоубійство ф. Дельфта было обусловлено душевной болѣзнью и совершено во время нея и потому не можетъ быть ему вмѣнено.

СЛУЧАЙ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

Возбужденіе публичнаго соблазна оскорбленіемъ стыдливости.— Осужденіе въ первой инстанціи. — Признаніе подсудимаго во второй инстанціи способнымъ ко вмѣненію. — Осужденіе. — Повтореніе проступка.—Меланхолія съ переходомъ въ слабоуміе.— Неспособность ко вмѣненію.

Кондитеръ Ринкъ обвиняется въ безстыдныхъ поступкахъ, оскорблявшихъ приличіе.

Изъ полицейскаго донесенія видно, что онъ встрѣтился 18-го мая на Вайзенскомъ мосту съ дѣвицей Гекъ, причемъ полы его сюртука были распахнуты, панталоны растегнуты и половыя части обнажены. Въ такомъ же видѣ встрѣчался онъ и съ другими женщинами, отворачивась, при встрѣчѣ съ мужчинами, къ перилямъ. Въ такомъ же видѣ встрѣтился онъ съ дѣвицей Гекъ и на другой день два раза, въ двѣнадцать часовъ и въ половинѣ втораго; причемъ его видѣлъ и пожарный Кучь и пошелъ позвать полицейскаго, но не нашелъ его и, вернувшись на Вайзенскій мостъ, засталъ еще тамъ обвиняемаго, который стоялъ у перилъ, лицомъ къ водѣ, и теръ себѣ рукой половыя части.

Между тѣмъ, подошелъ полицейскій и Кучь обратилъ его вниманіе на поведеніе Ринка, требуя чтобы тотъ арестовалъ его. При троекратной встрѣчѣ съ Гекъ, Ринкъ не сказалъ ей ни слова и не касался своихъ половыхъ частей; онъ шелъ такъ, говоритъ Гекъ, какъ будто бы не зналъ, что половыя части его обнажены. Онъ и съ другими не говорилъ ничего, потому что „не смотря на оживленное движеніе, бывшее въ то время на Вайзенскомъ мосту,“

Кучь не замѣтилъ, „чтобы другіе прохожіе обратили вниманіе на поступокъ Ринка.“ Самъ онъ говоритъ о своемъ поступкѣ слѣдующее: 19-го мая, стоя на Вайзенскомъ мосту и смотря какъ купали собакъ, онъ почувствовалъ потребность помочиться, и исполнивши это, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ вдоль моста съ обнаженными половыми частями. Ему не помнится, чтобы онъ въ такомъ видѣ встрѣтился съ дамой. Впрочемъ, онъ извиняетъ себя ослабленіемъ умственныхъ способностей, вслѣдствіе чего по временамъ не помнитъ, что дѣлаетъ.

Изслѣдуемый совершилъ точно такой же поступокъ и въ маѣ 1864 года, былъ привлеченъ за него къ суду и приговоренъ къ наказанію.

По показанію его матери, онъ 19-го мая пріѣхалъ изъ Люкенвальде, гдѣ жилъ, въ Берлинъ, для того, чтобы сдѣлать закупки для одной изъ принадлежащихъ ей кондитерскихъ, которою онъ управлялъ. Вмѣсто того, чтобы возвратиться домой въ тотъ же день, какъ обѣщалъ, онъ и на другой день, около 6 часовъ вечера, шатался еще въ окрестностяхъ Люстгартена, причемъ панталоны его были растегнуты и половыя части обнажены, и онъ игралъ съ ними обѣими руками на виду у всѣхъ. Онъ дошелъ до старой биржи, возвратился оттуда на набережную, потомъ прошелъ снова мимо собора и пошелъ за тремя дамами, которыя шли по тротуару, вдоль Люстгартена къ замковому мосту. При этомъ онъ продолжалъ играть своими половыми частями и наконецъ остановился у воды, вправо отъ замковаго моста, потомъ перешелъ черезъ мостъ наискось, къ дворцу Кронпринца, но повернулъ оттуда назадъ и остановился у воды, у вокзала минеральныхъ водъ, за цейхгаузомъ, оборотившись лицемъ къ водѣ и играя половыми частями. Увидѣвъ полицейскаго, онъ запахнулъ полы сюртука; тотъ арестовалъ его и представилъ въ полицейское бюро, съ растегнутыми панталонами. Онъ и здѣсь показалъ, что хотѣлъ помочиться. И на этотъ разъ онъ никого не безпокоилъ и ни съ кѣмъ не заговаривалъ.

Мать Ринка, не зная куда онъ дѣвался, подала 24 мая объяв-

леніе объ немъ, въ которомъ высказала подозрѣніе, не сошелъ ли ея сынъ съ ума, такъ какъ въ послѣдніе восемь дней онъ былъ въ лихорадочно возбужденномъ состояніи, а между тѣмъ не былъ ни пьяницей, ни порочнымъ человѣкомъ, но всегда до сихъ поръ тихо и спокойно занимался своими дѣлами. Она просила о медицинскомъ изслѣдованіи его умственнаго состоянія, но это исполнено не было, такъ какъ при допросахъ умственное разстройство Ринка ничѣмъ не обнаружилось и онъ былъ, въ засѣданіи отъ 14 мая 1864 года, осужденъ на шестимѣсячное тюремное заключеніе.

Ринкъ, по освобожденіи изъ подъ ареста, апеллировалъ противъ этого рѣшенія, приводя въ оправданіе свою душевную болѣзнь, именно, что по временамъ онъ не сознаетъ того, что дѣлаетъ. Въ подтвержденіе этого, онъ ссылался на свидѣтельство пользовавшаго его въ то время врача, доктора Гане, и, кромѣ того, на свидѣтелей, которые могутъ показать, что онъ во время совершенія проступка высказывалъ нелѣпыя идеи и совершалъ безумные поступки.

Свидѣтельство доктора Гане, равно какъ и сдѣланныя имъ 29 сентября показанія, состоятъ частію изъ собственныхъ его наблюденій, частію изъ разсказовъ матери изслѣдуемаго. Гане, на основаніи долговременнаго наблюденія надъ Ринкомъ, показываетъ, что онъ „по цѣлымъ днямъ“ оставался въ совершенной апатіи, устремивъ глаза на одну точку, пока не окликнутъ его, и что только съ трудомъ можно было заставить его исполнить мелкія занятія по его ремеслу. Разсказъ Ринка о его проступкѣ былъ такъ нелѣпъ, что Гане только съ помощью судебнаго приговора и разсказа матери его, могъ понять въ чемъ было дѣло. Гане высказался положительно что, по его наблюденіямъ, Ринкъ одержимъ не унылымъ только настроеніемъ духа, но меланхолическимъ умственнымъ разстройствомъ. Мать Ринка сообщила доктору Гане, что сынъ ея уже раньше лечился у доктора Печа отъ умственнаго разстройства, соединеннаго съ разсѣянностью и унынiемъ. Далѣе, что еще прежде чѣмъ совершить проступокъ, вмѣняемый ему въ вину, Ринкъ имѣлъ намѣреніе устроить въ Люкенвальде большой общественный празд-

никъ, съ пляскою на канатѣ и балетомъ, и въ такомъ именно мѣстѣ, которое для этого совершенно не годилось. Гане также зналъ объ этомъ намѣреніи, такъ какъ оно было извѣстно въ городѣ, и самъ читалъ въ мѣстной газетѣ объявленія Ринка объ этомъ праздникѣ. Между тѣмъ, Гане лично убѣдился, что назначенное для этого мѣсто было ничто иное какъ небольшой лужокъ, съ ходомъ чрезъ овинъ, годный развѣ только для дѣтскихъ игръ, и что предполагаемый праздникъ на этомъ мѣстѣ дать было невозможно, такъ что никто въ полномъ умѣ не затѣялъ бы подобнаго предпріятія. Далѣе мать Ринка сообщила доктору Гане, что сынъ ея встаетъ по ночамъ, ходитъ по дому изъ нижняго этажа въ верхній и безпокоитъ жильцовъ своими воплями. Изслѣдуемый сообщилъ также свое намѣреніе свидѣтелю Пихлеру, который, равнымъ образомъ, говорилъ что это намѣреніе было совершенно неисполнимо, и не смотря на то, что онъ старался объяснить это Ринку, тотъ остался при своемъ и уже устроилъ подмостки для танцевъ. Подмостки эти были устроены такимъ образомъ, что если бы праздникъ состоялся, танцовать пришлось бы въ вѣтвяхъ орѣшника, возвышавшихся надъ землей всего на 5 футовъ. Подобный же увеселительный праздникъ хотѣлъ онъ устроить за городомъ, на сжатомъ полѣ, думая окончить приготовленія къ нему въ теченіи трехъ дней, что было бы положительно невозможно. Его не могли отговорить отъ этого намѣренія и онъ съ тѣмъ и отправился въ Берлинъ, чтобы ангажировать труппу для своего праздника.

По возвращеніи Ринка изъ Берлина, въ немъ были ясно замѣтны признаки умственнаго разстройства. Часто сидѣлъ онъ, уставившись на одну точку, такъ что нужно было выводить его изъ этого состоянія; дѣла по кандитерской, казалось, совсѣмъ его не занимали. Это отчасти было подтверждено свидѣтелемъ Питровскимъ.

Тогда было потребовано мнѣніе исправлявшаго въ то время должность физика доктора Бланка о томъ, основательно ли показаніе Ринка, что онъ былъ умственно разстроенъ во время совершенія своего поступка. Бланкъ призналъ, что Ринкъ „вполнѣ спо-

собенъ ко вмѣненію“ и что во время совершенія проступка онъ умственно разстроенъ не былъ, вслѣдствіе чего и во второй инстанціи, 27 января 1865 года, онъ былъ приговоренъ къ четырехмѣсячному тюремному заключенію.

Ринкъ еще не былъ до сихъ поръ подвергнутъ этому наказанію, но какъ изъ предыдущаго извѣстно, былъ вторично арестованъ совершенно за такой же проступокъ. Между тѣмъ, во время ареста его, снова явилось сомнѣніе въ состояніи его умственныхъ способностей.

Именно, онъ написалъ изъ тюрьмы письмо, адресовавъ его сапожнику Фоссу, съ просьбой передать матери.

Въ письмѣ этомъ, послѣ короткаго вступленія, написано было буквально слѣдующее: „Моя мать съ 1-го числа въ Швинемюнде, я также скоро буду въ Швинемюнде, потому что у меня голова горитъ, впрочемъ я счастливъ и живу покняжески. Ей нечего безпокоиться обо мнѣ; я счастливъ тѣмъ, что здѣсь, только здѣсь, я могу выздоровѣть, тамъ я былъ близокъ къ смерти. Легкихъ, груди, головы почти не было, и въ такомъ положеніи я не могъ бы дольше оставаться, я отправлюсь, какъ только могу, на морскія купанья, потому что я дѣлаюсь совершенно здоровъ, если только три раза выкупаюсь, только головная боль, впрочемъ я блаженствую, потомъ мы устроимъ большую конфектную фабрику, прошу поскорѣе написать мнѣ, чтобы я узналъ, что дѣлаютъ князья и народъ. Твой сынъ Эрнстъ Ринкъ. Вы можете также послать это письмо кондитеру Шневейсъ, Pallisaden-strasse, 15, вторая лѣстница, который отправитъ его также на всѣ воды, куда хотите. Эрнстъ Ринкъ. Потомъ устроимъ мы компанію конфектной фабрики, я съ Шневейсомъ.“

Вслѣдствіе этого, мнѣ было поручено изслѣдовать Ринка, относительно способности ко вмѣненію.

Ринкъ маленькаго роста, около 40 лѣтъ, худощавый, съ желтоватымъ лицомъ и съ большой лысиной. Походка его не вѣрна и шатка, выраженіе лица тупо, что обусловливается широко открытыми глазами и медленно сокращающимися большими зрачками.

Онъ держитъ себя вяло, сидитъ, когда съ нимъ говорятъ, съ опущенной внизъ головой, устремивъ глаза на одну точку, и долго собирается съ мыслями, даже для того, чтобы припомнить о какомъ нибудь простомъ обстоятельствѣ, или водитъ вокругъ безсмысленными глазами. Выражается онъ безсвязно. Отвѣты его переходятъ нерѣдко въ невнятное бормотанье. Онъ жалуется на постоянную сверлящую головную боль и на чувство тупаго давленія во лбу. Спитъ, по его словамъ, хорошо. Въ головѣ ничего ненормальнаго не замѣтно. Аппетитъ плохъ, языкъ обложенъ сѣроватымъ налетомъ, на низъ запоръ, дыханіе, пульсъ и удары сердца ничего особеннаго не представляютъ.

Связнаго разговора вести съ нимъ невозможно, не потому что онъ уклоняется отъ предмета, но потому что даетъ отвѣты съ трудомъ, послѣ долгаго тупаго раздумья, часто тихимъ голосомъ; на многіе вопросы и совсѣмъ не отвѣчаетъ, или отвѣтъ переходитъ въ невнятное бормотанье. О своемъ проступкѣ даетъ онъ мало свѣденій и не можетъ объяснить его. Показанія о своей личности сдѣлалъ правильно и быстро. Отъ него нельзя добиться связнаго разсказа о его прежней жизни. О томъ какъ онъ ведетъ разговоръ, можно судить изъ слѣдующаго, по возможности вѣрно записаннаго разговора моего съ нимъ:

Вопросы.	*Отвѣты.*
Когда Вы въ послѣдній разъ путешествовали?	(Послѣ долгаго раздумья). Въ Польшу.
Когда, я спрашиваю?	Въ Рождество, въ Грауденцъ. (При другомъ случаѣ онъ сказалъ въ Вѣну).
Гдѣ были Вы предъ Рождествомъ?	Тогда бралъ я здѣсь паровыя ванны.
Зачѣмъ паровыя ванны?	Я былъ очень болѣнъ и лечился паровыми ваннами и холодными душами, мнѣ докторъ велѣлъ.
Гдѣ были Вы раньше этого?	Тогда у меня было дѣло близь Берлина въ Фрейенвальде, нѣтъ въ Люкенвальде. И тетка, я уже получилъ письмо отъ тетки (бормочетъ невнятно), также умерла. Я также умру отъ этой болѣзни. Моз-

говой ударъ.(Уставился на одну точку).

Почему Вы думаете что умрете отъ этой болѣзни?

Я могу это чувствовать. (Смѣясь). Вчера я получилъ письмо.

Гдѣ были Вы предъ вашимъ послѣднимъ путешествіемъ?

(Долго раздумываетъ, уставившись на одну точку).

Вы были уже разъ арестованы?

(Смѣясь). Ахъ, тамъ я былъ вмѣстѣ съ убійцами. — Люкенвальде, какъ танцоры танцовали бы. Балетные танцоры.

Гдѣ Вы жили, возвратившись изъ путешествія, до послѣдняго ареста?

Въ Берлинѣ, у матери.

Когда жила ваша мать въ Берлинѣ?

(Не отвѣтилъ на вопросъ). Она вмѣстѣ со мной жила.

Вы работали?

Да, сперва я искалъ работы, я ночевалъ тамъ; потомъ бывалъ у знакомыхъ и принялся за дѣло у Шневейсъ.

Вы женаты?

Нѣтъ.(Уставился впередъ съ опущенной головой).

У васъ не было охоты жениться? Или мало стремленія къ женщинамъ?

(Съ отрицательнымъ движеніемъ руки и смѣясь). Это-то и смерть моя. Все мимо. Короткое время когда я еще живу. Я часто могъ бы жениться, со многими тысячами талеровъ. Всегда отказъ.

За что васъ въ прошломъ году арестовали?

Говорятъ, что я ходилъ у балетныхъ танцоровъ въ Люстгартенѣ съ растегнутыми панталонами.

Зачѣмъ Вы это сдѣлали?

Это для меня до сихъ поръ загадка, потомъ меня посадили съ убійцами. Я знаю очень хорошо, что поѣхалъ съ танцорами на извощикѣ и потомъ говорятъ, что я ходилъ у Кельнскаго собора съ растегнутыми панталонами.

Зачѣмъ же Вы это сдѣлали?

Я полагаю, что этого не было. Тутъ было что нибудь другое. Потомъ меня осудили. Тутъ былъ не я, если что нибудь и было. Я всегда былъ такъ застѣнчивъ, никогда не говорилъ пошлостей, былъ застѣнчивъ при дамахъ.

Почему Вы теперь подъ арестомъ?

Говорятъ, что я опять велъ себя неприлично.

А сами Вы этого не знаете?

Я знаю что былъ на мосту и мочился.

Зачѣмъ Вы были на мосту?

Я часто бывалъ на мосту. Тамъ ловятъ рыбу и купаютъ собакъ.

Больше ничего не можете припомнить?

Я помню, что панталоны у меня были растегнуты. Также, что я ихъ сейчасъ не застегнулъ. Потомъ я ихъ застегнулъ, потому что хотѣлъ идти купаться. Если кто объявилъ, что я бѣгалъ за женщинами, то должно быть тутъ былъ чортъ, должно быть что нибудь побуждало меня къ этому страшными картинами. Мое имѣніе, что мнѣ что нибудь было дано. Одна только операція можетъ быть. Дядя будетъ меня оперировать. Онъ знаетъ, что за болѣзни у меня въ головѣ. Иначе я не могу себѣ объяснить это; мнѣ вчера пришло въ голову, что причина, почему мнѣ иногда.....(Пауза, молчитъ уставившись впередъ).

Что же хотѣли Вы сказать?

Что спиртные напитки иногда отягощаютъ.

Но Вы никогда не пили?

Нѣтъ, я полагаю, я хотѣлъ сдѣлаться знаменитѣйшимъ и полезнѣйшимъ художникомъ; тогда я поставилъ тамъ стулья и бутылки съ шампанскимъ и побился объ закладъ, что рискну выпить стаканъ водки. Тогда я себѣ спину вывихнулъ, силился, силился, да и свернулъ. Тогда я и лысину пріобрѣлъ.

Сколько денегъ съ вами было, когда вы поѣхали изъ Люкенвальде въ Берлинъ ангажировать танцоровъ?

Полная доля.

Сколько талеровъ?

Не знаю, талеровъ тридцать.

Вы хотѣли устроить съ Шневейсъ конфектную фабрику?

Я хотѣлъ чтобы сначала мнѣ сдѣлали операцію.

Что хотѣли Вы велѣть себѣ оперировать?

Голову. На головѣ, чтобы пріобрѣсти энергію къ работѣ.

Вы хотѣли, чтобы Вамъ разрѣзали голову?

Да, если это нужно чтобы пріобрести энергію. Тогда я открою кандитерскую, или можетъ быть морскія купанья.

Хорошо ли Вамъ здѣсь, довольны ли Вы тѣмъ, что Вы здѣсь?

Да, здѣсь очень хорошо. Это уже лучше. Здѣсь покойно, лучше чѣмъ

на улицѣ, тамъ шумно, я не могу этого переносить; или морской берегъ.

Вы полагаете, что Вамъ было бы лучше на морскомъ берегу, гдѣ мало народу, чѣмъ въ городѣ?

Да. Волосы уже снова растутъ (указываетъ на голову), это всѣ говорятъ. Тогда я брошу парикъ въ печку. Когда волосы снова выростутъ (весело), тогда будетъ все хорошо, все иначе. (Жестикулируетъ, какъ будто хочетъ сказать что тогда не будетъ никакой заботы).

Какъ зовутъ вашего дядю?

Оберъ-штабъ и полковой лекарь. Тетка умерла ударомъ.

Какъ его имя?

Гильдесгеймъ.

Гдѣ онъ живетъ?

Въ Бромбергѣ.

Если уже въ высшей степени странно и возбуждаетъ подозрѣніе въ умственномъ разстройствѣ одно то обстоятельство, что 40-лѣтній Рикъ, не запятнанный до сихъ поръ, за исключеніемъ штрафа за допущеніе азартной игры, будучи только что присужденъ къ наказанію за публичное оскорбленіе стыдливости, и не выдержавъ еще этого наказанія, тотчасъ же и такимъ же точно образомъ снова возбуждаетъ публичный соблазнъ; то, на основаніи вышеприведенныхъ фактовъ, дѣлается несомнѣннымъ, что Рикъ совершилъ эти проступки не изъ низости, не по безразсудству или изъ легкомысленной шалости, но въ состояніи умственнаго разстройства.

Вышеприведенный разговоръ съ изслѣдуемымъ, поведеніе его, написанное имъ письмо показываютъ въ немъ несвязность мыслей, слабость памяти, тупоуміе и присутствіе ложныхъ представленій, основанныхъ на тѣлесномъ ощущеніи. Изъ всего этого видно, что изслѣдуемый душевно болѣнъ, и именно страдаетъ ипохондрической меланхоліей съ переходомъ въ слабоуміе. Тѣмъ не менѣе, я не хочу оставить безъ упоминанія, что поведеніе изслѣдуемаго и способъ какимъ онъ выражается до того согласуются съ его отвѣтами, съ видимымъ стараніемъ удовлетворить спрашивающаго, съ отыскиваніемъ отвѣтовъ, въ высшей степени характеристичнымъ для скудоумнаго, что не можетъ быть никакого подозрѣнія въ притворствѣ или въ преувеличеніи съ его стороны.

По этому рѣчь можетъ идти только о томъ, давно ли страдаетъ Ринкъ этой душевной болѣзнью, началась ли она во время ареста его или раньше и можно ли утверждать, что послѣдній проступокъ,—равно какъ и прежній—былъ обусловленъ той же болѣзнью, которою онъ въ настоящее время одержимъ.

Уже форма, въ которой выражается въ настоящее время душевная болѣзнь Ринка, форма умственной слабости, доказываетъ, что болѣзнь эта не новаго происхожденія, что она существуетъ не мѣсяцъ, но годы; далѣе это доказывается формально подтвержденными фактами относительно умственнаго состоянія Ринка, о которыхъ уже шла рѣчь и которые теперь являются въ другомъ свѣтѣ. Для того чтобы судить о послѣднемъ вмѣняемомъ въ вину поступкѣ изслѣдуемаго, мнѣ необходимо возвратиться къ фактамъ, предшествовавшимъ его *первому* проступку, тѣмъ болѣе, что о его поведеніи передъ *послѣднимъ* проступкомъ ничего неизвѣстно.

Изъ фактовъ этихъ видно — кромѣ того, что Ринкъ уже раньше, какъ кажется, былъ пользованъ врачемъ отъ умственнаго разстройства—что онъ уже прежде совершеннаго имъ 20 мая 1864 года проступка былъ душевно болѣнъ. По показанію его матери, онъ, вопреки обѣщанію, не возвратился въ Люкенвальде, находился въ теченіи 8 дней въ возбужденномъ состояніи и высказывалъ неразумныя идеи и предпринималъ безразсудныя дѣла.

Онъ велѣлъ выстроить подмостки позади своего дома, на мѣстѣ, которое едва годилось для дѣтскихъ игръ, и ходъ къ которому былъ чрезъ овинъ и хотѣлъ устроить на нихъ танцы и пляску на канатѣ, хотя окружающіе и представляли ему что это неисполнимо. Онъ не только остался при своемъ намѣреніи и сдѣлалъ объявленіе объ этомъ, но выстроилъ и подмостки. Потомъ, не обладая вообще средствами, онъ хотѣлъ въ теченіи трехъ дней устроить увеселительный праздникъ на сжатомъ полѣ. Свидѣтели увѣряютъ, что для Ринка было невозможно сдѣлать всѣ нужныя для этого приготовленія, да притомъ еще въ три дня. Конечно, ежедневно дѣлаются шарлатанскія объявленія, безпрестанно предпринимаются рискованныя спекуляціи, которыя называютъ „безумными“, по кото-

рые не могутъ считаться таковыми, потому что въ нихъ всегда существуетъ нѣкоторый, хотя и малѣйшій шансъ на выигрышъ. Но здѣсь было явное безразсудство и невозможность исполненія была каждому очевидна. Я не хочу входить въ разборъ спорнаго вопроса, можно ли, принимая существованіе такихъ неисполнимыхъ идей и поступковъ, другими словами признавая существованіе частнаго помѣшательства, вмѣстѣ съ тѣмъ не признавать, что изслѣдуемый и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ былъ неспособенъ разумно мыслить и дѣйствовать и судить о послѣдствіяхъ своихъ поступковъ, какъ рѣшилъ судья второй инстанціи; аргументація эта падаетъ сама собой, какъ скоро уяснено, что изслѣдуемый былъ уже въ это время вообще душевно болѣнъ. Между тѣмъ, это еще болѣе подтверждается дальнѣйшимъ теченіемъ дѣла, потому что у Ринка, по возвращеніи его 14 іюня въ Люкенвальде изъ подъ ареста, обнаружилось несомнѣнное умственное разстройство. Онъ былъ унылъ, бродилъ по ночамъ, съ плачемъ, по дому, былъ безучастенъ ко всему, сидѣлъ по цѣлымъ днямъ, устремивъ глаза на одну точку, такъ что нужно было насильственно выводить его изъ этого состоянія и только съ трудомъ можно было побудить его заняться какими нибудь мелочами по его ремеслу. Факты, на основаніи которыхъ Ринкъ долженъ быть признанъ душевно больнымъ, въ это время, наблюдались не профанами, а врачемъ, что во всякомъ случаѣ представляетъ лучшую гарантію.

И самый поступокъ Ринка, послужившій поводомъ къ его обвиненію, не менѣе того служитъ доказательствомъ, что онъ не находился во время совершенія его въ состояніи нравственной свободы.

Повидимому, онъ, растегнувъ панталоны для того чтобы помочиться, не давалъ себѣ потомъ отчета, что идетъ въ такомъ видѣ по улицѣ и держится руками за свои половыя части; это очень вѣроятно и объясняется тѣмъ состояніемъ безсмысленнаго отупѣнія, какое замѣчалъ у него докторъ Гапе и какое я самъ наблюдалъ у него во время разговора съ нимъ. Къ этому присоединяется еще то важное обстоятельство, что изслѣдуемый ни къ кому не обра-

щался. Ни въ первый, ни въ послѣдній разъ, онъ ни съ кѣмъ не заговаривалъ.

Относительно послѣдняго поступка, Гекъ показываетъ, что онъ не держался руками за половыя части и не старался обратить на нихъ ея вниманія, также Кучь не замѣтилъ, чтобы прохожіе обращали вниманіе на поступокъ Ринка, такъ что ясно, что онъ не дѣлалъ этого на-показъ. Наконецъ, мнѣніе это подтверждается словами самой Гекъ, изъ которыхъ видно, что Ринкъ произвелъ на нее впечатлѣніе человѣка, находящагося въ безсмысленномъ состояніи, именно: „онъ шелъ такъ, какъ будто бы не зналъ, что его половыя части обнажены.“ Наконецъ, еще одно обстоятельство говоритъ за то, что Ринкъ былъ въ то время въ состояніи безсмыслія. Именно, изъ показаній Гекъ и Куча, взятыхъ вмѣстѣ, видно, что Ринкъ очень долго, вѣроятно, часа полтора, пока Кучь ходилъ за полицейскимъ, оставался съ растегнутыми панталонами, то оставляя мостъ, то возвращаясь на него. Въ противорѣчіи съ тѣмъ, что Ринкъ дѣйствовалъ въ состояніи безсмыслія, зависящемъ отъ болѣзненнаго душевнаго настроенія, находится, повидимому, то обстоятельство, что Ринкъ, какъ говорятъ, скрывался отъ мужчинъ, поворачиваясь лицомъ къ периламъ, и оборачивался въ тоже время къ женщинамъ. Поводомъ къ такому заключенію, могла быть простая случайность, да и едва ли можно было поступать такимъ образомъ при „оживленномъ движеніи, какое было въ ту пору на Вайзенкомъ мосту,“ по словамъ Куча. Въ самомъ дѣлѣ, свидѣтель Рейнъ, показывая о первомъ случаѣ, происшедшемъ въ 1864 году, совершенно тождественномъ, судя по выше сказанному съ нынѣшнимъ, говоритъ, что „половыя части его всякому прохожему были видимы.“

Поэтому, не можетъ подлежать сомнѣнію, что Ринкъ, уже во время совершенія перваго своего проступка въ 1864 году, а тѣмъ болѣе во время послѣдняго, былъ въ состояніи безсмыслія, зависящемъ отъ душевной болѣзни.

Въ явномъ противорѣчіи съ этимъ заключеніемъ стоитъ мнѣніе доктора Бланка, представленное имъ въ судъ второй инстанціи, которое утверждаетъ, что Ринкъ, во время совершенія проступка,

не былъ одержимъ умственнымъ разстройствомъ и что онъ поэтому вполнѣ обладаетъ способностью ко вмѣненію.

Поэтому я нахожусь вынужденнымъ войти въ ближайшее разсмотрѣніе этого мнѣнія.

Я полагаю что это мнѣніе не можетъ ни какимъ образомъ ослабить моихъ заключеній, основанныхъ на формально подтвержденныхъ фактахъ и на собственныхъ моихъ наблюденіяхъ. Вопервыхъ, мнѣніе Бланка основано исключительно только на показаніяхъ свидѣтелей, а не на собственномъ изслѣдованіи обвиняемаго. Далѣе, въ мнѣніи этомъ не обращено вниманія на одно важное обстоятельство,—именно что мать Ринка, вслѣдъ за арестованіемъ его, не зная еще гдѣ онъ находится, сдѣлала заявленіе, что сынъ ея страдаетъ умственнымъ разстройствомъ и просила о назначеніи медицинскаго освидѣтельствованія его. Поэтому, въ мнѣніи высказано неправильно, что въ первой инстанціи не было и рѣчи объ умственномъ разстройствѣ изслѣдуемаго и что ссылка на него сдѣлана только въ апелляціонной просьбѣ; въ первой инстанціи только не было произведено изслѣдованія, о которомъ просили, потому что во время очень короткаго слѣдствія у Ринка не обнаруживалось признаковъ умственнаго разстройства. Далѣе, если допустить, что въ свидѣтельскихъ показаніяхъ не представлялось доказательствъ умственнаго разстройства, то и мнѣніе не должно было идти далѣе этого; потому что ни въ показаніяхъ этихъ, ни въ самомъ поступкѣ не заключалось доказательствъ способности ко вмѣненію.

Что касается этой послѣдней, то въ мнѣніи Бланка не сдѣлано ни одной попытки разобрать поступокъ въ его подробностяхъ, въ отношеніи къ вмѣняемости или невмѣняемости его. Докторъ Бланкъ, высказавъ удивленіе, что такой безумный поступокъ не подалъ повода къ заключенію объ умственномъ разстройствѣ и спросивъ какъ могъ разумный человѣкъ поступать такимъ образомъ, удовлетворился заявленіемъ, что заблужденія половаго влеченія неисчислимы. Далѣе, въ мнѣніи высказано, что такъ какъ поступки совершаются часто изъ шалости, изъ желанія сдѣлать какое-нибудь дурачество и такъ какъ при томъ, всѣхъ побужденій къ наказуе-

мымъ поступкамъ перечислить невозможно, то должно полагать, что шалость и служила поводомъ къ поступку Рынка," что, однако не подтверждается ни однимъ фактомъ. Далѣе, докторъ Бланкъ, на основаніи того, что мало людей, которые имѣютъ понятія о мѣрѣ наказаній, опредѣляемыхъ уголовнымъ уложеніемъ, убѣжденъ, что еслибы Рынкъ зналъ, что за оскорбленіе стыдливости онъ можетъ поплатиться полугодовымъ тюремнымъ заключеніемъ, то едва ли бы рѣшился на такой поступокъ, хотя въ актахъ слѣдствія нѣтъ ни одного слова, которое представляло бы хотя малѣйшее основаніе для подобнаго заключенія. Наконецъ, на свидѣтельскія показанія о безразсудныхъ поступкахъ Рынка, именно, что онъ на своемъ маленькомъ дворѣ хотѣлъ устроить большой праздникъ, или окончить въ три дня приготовленія къ народному увеселенію на пустомъ полѣ, между тѣмъ, какъ и то и другое для него было положительно невозможно, и что несмотря на представленія объ этой невозможности, онъ все-таки дѣлалъ распоряженія къ устройству того и другого, докторъ Бланкъ замѣчаетъ, что все это вовсе не безразсудно, потому что онъ видалъ какъ „въ городкахъ южной Германіи устраиваются большія празднества на баснословно маломъ пространствѣ", или „потому что теперь въ Берлинѣ скоро будетъ великолѣпный праздникъ, для приготовленій къ которому остается времени не болѣе." Полагаю, что подобная аргументація не стоитъ серьезнаго опроверженія.

Теперь, доказавъ, какъ я надѣюсь, что упомянутое мнѣніе не измѣняетъ моихъ заключеній о душевномъ состояніи изслѣдуемаго вообще и во время совершенія поступка, я выскажу свое мнѣніе о немъ, именно:

1) что Рынкъ, будучи одержимъ ипохондрической меланхоліей съ переходомъ въ слабоуміе, неспособенъ въ настоящее время обдумать послѣдствій своихъ поступковъ, и потому, въ смыслѣ закона, слабоуменъ;

2) что болѣзнь его давняго происхожденія, что и во время совершенія своего поступка онъ былъ уже слабоумнымъ, (§ 40 Угол. Зак.), именно совершилъ поступки 18 и 19 мая 1865 года

въ состояніи безсмыслія, обусловленномъ душевной болѣзнью, и по этому не можетъ считаться способнымъ ко вмѣненію.

Къ этому прибавлю еще, что Ринкъ, освобожденный 22 іюня изъ подъ ареста, былъ присланъ, на основаніи свидѣтельства доктора Поппелауера, въ городское заведеніе для призрѣнія умалишенныхъ (рабочій домъ). Въ свидѣтельствѣ доктора Поппелауера было сказано, что въ Ринкѣ замѣтна „значительная умственная слабость," именно, что „память уменьшена до minimum." Тамъ оставался онъ до 2 августа. Докторъ Иделеръ, принимая Ринка въ заведеніе, замѣтилъ въ немъ унылое настроеніе. Онъ жаловался, въ преувеличенныхъ выраженіяхъ, на припадки физическихъ болѣзней и казался вообще тупоумнымъ.

СЛУЧАЙ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ.

Убійство трехъ человѣкъ. — Помѣшательство съ идеями о преслѣдованіи (Mania occulta).

Предлежащій случай относится къ несчастному происшествію, убійству трехъ человѣкъ однимъ помѣшаннымъ, который былъ принятъ въ Charité, въ палату делириковъ, за одержимаго delirio tremente и у котораго врачь, дѣлавшій визитацію, не замѣтилъ признаковъ умственнаго разстройства.

Душевная болѣзнь этого человѣка выразилась такъ ясно, что не было надобности входить въ подробное разсмотрѣніе умственнаго состоянія его. Я приведу сначала отчетъ палатнаго врача и потомъ прибавлю къ нему свое мнѣніе.

Докторъ Г. сообщаетъ:

Я нашелъ Дирсуса 1-го числа, при вечерней визитаціи, въ палатѣ делириковъ и тогда же изслѣдовалъ его на эту болѣзнь. Изслѣдованіе не убѣдило меня, что онъ страдаетъ этой болѣзнью, хотя самъ больной говорилъ, что пилъ водку и высказалъ младшему врачу, доктору Шмиту, что товарищи приняли его за больного бѣлой горячкой и что по этому онъ былъ, съ согласія жены и противъ своей воли, доставленъ сюда. Никакой другой физической бо-

лѣзни, при первомъ изслѣдованіи, найдено не было и, при отсутствіи всякаго анамнеза, я не имѣлъ никакой точки опоры для того чтобы сдѣлать какое бы то ни было предположеніе о дѣйствительномъ страданіи больного.

Больной первую ночь провелъ спокойно, на слѣдующее утро и въ другіе дни не выказывалъ никакихъ слѣдовъ возбужденнаго состоянія, помогалъ, по собственному желанію, служителю въ его работѣ, остальное же время проводилъ по большой части въ сосѣдней палатѣ, у легкихъ больныхъ.

При визитаціяхъ я не замѣчалъ въ немъ ничего особеннаго, также и на основаніи донесеній надзирателей объ остальномъ времени не могъ предположить въ немъ душевно больного.

Однакожъ, не оставлю безъ упоминанія, что онъ говорилъ во время визитаціи о томъ, что у него пропали три куска дерева безъ его вины и что за это несправедливо сдѣлали вычетъ изъ его жалованья. Онъ говорилъ, что это и было причиной разлада его съ товарищами.

4-го числа, въ 8 часовъ вечера, меня позвали въ палату делириковъ; явившись туда, я нашелъ Швагера уже умершимъ вслѣдствіе тяжелой раны на головѣ, Вильберга также тяжело раненымъ и умирающимъ и Проссера исходящимъ кровью изъ многихъ ранъ на лицѣ *). Дирсусъ сидѣлъ въ смирительномъ креслѣ.

Служитель разсказалъ мнѣ, что лишь только онъ вышелъ изъ палаты, какъ тамъ послышался грохотъ. Вернувшись въ ту же минуту въ палату онъ увидѣлъ, что Дирсусъ наноситъ обломкомъ разбитаго стула страшные удары по головамъ лежащихъ въ постели больныхъ, и схватилъ его, причемъ тотъ сдѣлалъ и на него нападеніе.

На мой вопросъ, Дирсусъ отвѣчалъ, что онъ сдѣлалъ это по той причинѣ что одинъ объявилъ ему смертный приговоръ, а другой спряталъ подъ кровать оружіе для его казни.

Къ этому донесенію я прибавлю слѣдующее:

*) Оба чрезъ нѣсколько часовъ умерли.

Изъ вышеприведенныхъ данныхъ, равно какъ и изъ изслѣдованія, несомнѣнно явствуетъ, что Дирсусъ одержимъ обманами слуха и зрѣнія, что у него образовалось систематическое помѣшательство съ идеями о преслѣдованіи и что къ совершенному имъ поступку его побудили галлюцинаціи.

Онъ показываетъ, что его преслѣдовали люди, вмѣстѣ съ которыми онъ работалъ на фабрикѣ Борзига и которыхъ онъ хотѣлъ уличить въ обманѣ. Они украли у него дерево, были причиной отсылки его въ Charité, развратничали съ его женой и т. п. Въ послѣднее время, онъ вовсе не выходилъ изъ дома, потому что, куда онъ ни показывался, прохожіе вездѣ смѣялись надъ нимъ; между прочимъ, онъ говорилъ, что его преслѣдуетъ токарь изъ фабрики и заявлялъ своей женѣ, чтобы тотъ не показывался ему на глаза, если ему жизнь дорога. Палатные товарищи, еще до прибытія его сюда, знали о случаѣ съ деревомъ и разговаривали о немъ, лишь только онъ поступилъ въ больницу. Въ ночь убійства, люди эти, которые должно быть были настоящіе дьяволы, привязывались къ нему; у одного было оружіе подъ кроватью, чтобы казнить его, другой объявилъ ему смертный приговоръ, они подошли къ его кровати и, „во имя трехъ дьяволовъ“, приговорили его къ смерти; надо же было защищать свою кожу.

Поведеніе его при этихъ показаніяхъ было въ высшей степени замѣчательно и характеристично. Онъ говорилъ объ этомъ происшествіи съ величайшимъ равнодушіемъ. Онъ не спросилъ ни объ одномъ изъ раненыхъ, ни однимъ словомъ не обнаружилъ сожалѣнія объ нихъ и говорилъ, напротивъ, что ему было очень хорошо когда онъ перебилъ ихъ. Что умственное разстройство его не было преходящимъ, но что и прежде поступка онъ былъ помѣшанъ, также какъ и въ настоящее время, не требуетъ дальнѣйшихъ разъясненій.

Привожу еще слѣдующія показанія жены изслѣдуемаго, относящіяся къ предшествовавшимъ обстоятельствамъ.

Она была за нимъ 13 лѣтъ, жили они покойно и согласно. Заботъ о пропитаніи у нихъ не было, такъ какъ мужъ имѣлъ

хорошій заработокъ на фабрикѣ Борзига. Мужъ ея рѣдко и только при особенныхъ случаяхъ водилъ знакомство съ своими товарищами и думалъ, что они завидуютъ ему, потому что онъ слыветъ за хорошаго работника. Онъ утверждалъ, 9 мѣсяцевъ тому назадъ, что у него сдѣлали вычетъ изъ жалованья, за то что онъ будто бы поставилъ на счетъ излишнюю работу, которой не сдѣлалъ. Онъ былъ очень раздраженъ этимъ, но цѣлымъ днямъ ни о чемъ другомъ не говорилъ и не могъ забыть этого оскорбленія. Онъ часто жаловался, что его хотятъ вытѣснить, нападаютъ на него, напоминаютъ объ этой исторіи, но что мастеръ не хочетъ ничего объ этомъ знать. Потомъ случилось, что онъ, не бывъ никогда пьяницей, пришелъ домой съ фабрики выпивши, чѣмъ навлекъ на себя выговоръ и боялся, что можетъ остаться безъ хлѣба. Уже шесть недѣль онъ безпрестанно жаловался на преслѣдованія отъ фабричныхъ работниковъ. Говорятъ, что онъ постоянно пьянъ, потому и работа идетъ у него такъ хорошо; каждый вечеръ увѣрялъ онъ, что опять сказали, что онъ пьянъ и искали бутылки съ водкой въ его платьѣ, даже въ шапкѣ. Его подкарауливаютъ, хотятъ ему кости переломать. Говорятъ, что онъ сумасшедшій Онъ по этому случаю обращался къ врачу, и тотъ уговаривалъ его работать и не обращать вниманія на другихъ. Почти ежедневно являлись у него новыя жалобы. Чужіе замѣтили бы, что онъ помѣшанъ. Также онъ слышалъ, что онъ переданъ полиціи, что объ немъ уже напечатано въ газетахъ и т. п. То онъ говорилъ, что всѣхъ бы перекололъ, то самъ хотѣлъ заколоться Только теперь жена замѣтила, что онъ помѣшался, и еще не за долго до того мастеръ на фабрикѣ увѣрялъ ее, что онъ доволенъ ея мужемъ. Онъ становился все болѣе и болѣе возбужденнымъ, у него появилось чувство тоски, онъ слегъ въ постель, просилъ жену не отходить отъ него и поддержать его, и наконецъ, былъ отправленъ въ больницу, гдѣ не зная ничего о предыдущемъ, его приняли въ палату делириковъ.

ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ СЛУЧАЙ.

Оскорбленіе должностныхъ лицъ. — Помѣшательство съ идеями о преслѣдованіи.

Нѣкто Кронъ обвиняется въ составленіи оскорбительныхъ доносовъ на королевскаго государственнаго прокурора. Получивъ отказы на нѣсколько прозьбъ, онъ не успокоивался, но продолжалъ подавать новыя жалобы, въ которыхъ обвинялъ королевскаго государственнаго прокурора въ неисполненіи обязанностей и въ томъ, что онъ подкупленъ нѣкоимъ Бенте, „богатымъ и щедрымъ человѣкомъ.“ Изъ жалобъ этихъ видно, что Кронъ имѣлъ съ Бенте гражданскій процессъ, кончившійся не въ его пользу; предполагая заговоръ противъ себя между этимъ Бенте, своей тещей Ленартъ и своей женой, по причинѣ котораго онъ будто бы лишился имущества, онъ первоначально, въ одномъ изъ своихъ доносовъ, обвинялъ ихъ въ клятвопреступленіи и т. п., когда же ему отказали въ его прозьбѣ, онъ сталъ обвинять различныя судебныя и полицейскія учрежденія въ томъ, что онѣ подкуплены Бенте. На судебномъ засѣданіи 20 декабря онъ такъ велъ себя и такъ выражался, что въ немъ заподозрили умственное разстройство.

О семейныхъ отношеніяхъ Крона и о прежнихъ его болѣзняхъ я ничего не узналъ. Росту онъ средняго, тѣлосложенія нормальнаго, цвѣтъ лица у него блѣдножелтый, грудные и брюшные органы не представляютъ никакой аномаліи.

Кронъ, при разговорѣ со мной, оказался чрезвычайно недовѣрчивымъ и сначала совсѣмъ не хотѣлъ говорить, „потому что онъ окруженъ шпіонами.“ Только когда я уговорилъ его, онъ сообщилъ мнѣ, чрезвычайно раздражительно и съ чувствомъ глубоко сознаваемаго оскорбленія, что ему оказана несправедливость. Онъ пересказалъ мнѣ содержаніе своихъ жалобъ, свои обвиненія различныхъ судебныхъ и полицейскихъ чиновниковъ, которые всѣ были подкуплены Бенте, добивавшимся обогатиться на счетъ его имѣнія,

потому что для него и тысячи ниппочемъ. На мои возраженія о невозможности того, чтобы такое множество достойныхъ уваженія людей, до самого оберъ-прокурора включительно, могли имѣть общій интересъ въ его раззореніи и могли быть доступны подкупамъ Бенте, онъ возразилъ: „что было возможно въ 12-мъ столѣтіи, то возможно и въ 19-мъ.“ Высшіе чиновники всегда настроены низшими, а эти, именно Конштейнъ, изъ экзекуціонной коммиссіи, и другіе, встрѣчались съ Бенте въ Орфеумѣ и „орфеумскія рѣшенія“ состоялись раньше, чѣмъ дѣло было рѣшено въ судебномъ засѣданіи. На мои представленія, что было бы гораздо умнѣе приняться за работу и попытаться снова обезпечить свое существованіе, онъ возразилъ, что онъ долженъ добиться своего, такъ какъ не можетъ предпринять ничего другаго. Онъ все потерялъ и хочетъ отыскивать свои права. Когда я возразилъ, что юристамъ это должно быть лучше извѣстно, онъ сильно разгорячился, сказалъ, что онъ знаетъ законы, цитировалъ § 229 Уголовн. Уст., примѣнить которой оберъ-прокуроръ не хотѣлъ и отказалъ ему по § 228. Онъ грозилъ сорвать со всѣхъ маску и говорилъ, что до послѣдней крайности будетъ отыскивать свои права. Онъ очень горячился. Говорилъ громко; его темные, съ пронзительнымъ взглядомъ, глаза оживлялись, щеки краснѣли. При моемъ вопросѣ, хорошо ли онъ спитъ, Кронъ заподозрилъ, что я изслѣдую его умственныя отправленія и отвѣчалъ, что онъ не сумасшедшій. Онъ грозилъ, что убьетъ того, кто сказалъ бы это, „чтобы по крайней мѣрѣ по справедливости взойти на эшафотъ.“ Также выражался онъ и о докторѣ Кобланкѣ, съ которымъ судился у мироваго судьи и который былъ причиной его несчастія. Если бы его прислали, онъ сбросилъ бы его съ лѣстницы, такъ, чтобы онъ живой не всталъ. И въ спокойномъ настроеніи духа, онъ говоритъ очень пространно, мысли его спутаны и у него встрѣчаются своеобразныя и непонятныя слова и выраженія, въ родѣ вышеприведенныхъ орфеумскихъ рѣшеній.

Судя по вышесказанному, Кронъ принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, которые, претерпѣвъ дѣйствительное или чаще мнимое на-

рушеніе своихъ правъ и будучи обыкновенно расположены, по другимъ причинамъ, къ мозговому разстройству, или уже страдая душевной болѣзнью, не могутъ выйти изъ возникшей въ нихъ борьбы. Будучи обыкновенно ума ограниченнаго, они не въ состояніи понять полученныхъ ими отказовъ на просьбы, не могутъ дойти до того сознанія, что убѣжденія ихъ въ своей правотѣ ложны, и все глубже и глубже потрясаемые новыми отказами на новыя просьбы, доходятъ, наконецъ, до убѣжденія, что они одни правы, а весь свѣтъ не правъ. Они изучаютъ своды законовъ, расточаютъ свое имущество въ процессахъ и заваливаютъ просьбами всѣ инстанціи. Чѣмъ менѣе способны подобные индивидуумы понять, что причина столкновеній ихъ съ другими людьми лежитъ въ нихъ самихъ, тѣмъ болѣе развивается въ нихъ та, хороша знакомая психіатрамъ, недовѣрчивость къ окружающимъ, къ предполагаемымъ врагамъ и противникамъ, которая нерѣдко доходитъ до смертельной ненависти и даже, въ нерѣдкихъ несчастныхъ случаяхъ, до кровавой жажды мщенія. Такъ и у Крона, къ представленію, что его право нарушено, присоединилось ложное представленіе, что судьи, прокуроръ и т. д. подкуплены его женой и Бенте и что онъ „окруженъ махинаціями и интригами противниковъ,“ которые исказили документы, съ цѣлью повредить ему.

Къ этимъ безумнымъ идеямъ, раньше или позже, присоединяются и другія безумныя представленія. У Крона также существовало не одно только вышесказанное безумное представленіе; онъ сообщилъ мнѣ, что уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ теща и жена давали ему отравленный бутербродъ, съ цѣлью избавиться отъ него, и что обѣ онѣ, вмѣстѣ съ докторомъ Кобланкомъ, вели противъ него интриги, клеветали на него. Изъ этого можно вывести предположеніе, что болѣзнь его началась уже давно, и такъ какъ онъ развелся съ женой вскорѣ послѣ женидьбы, то можно предполагать, что эти безумныя представленія сложились у него уже ранѣе. Внѣ этого круга идей, подобные люди кажутся еще довольно разумными, чѣмъ и объясняется, почему окружающіе часто не подозрѣваютъ въ нихъ умственнаго разстройства. Этимъ же объясняется, почему хозяйка Крона, у ко-

торой онъ имѣлъ ночлегъ, показала, что онъ велъ себя совершенно тихо, никому не докучалъ и никогда не говорилъ о своихъ дѣлахъ.

Изъ просьбъ его и жалобъ, составленныхъ съ точки зрѣнія господствующихъ надъ нимъ безумныхъ представленій, видно, что ему не приходитъ въ голову вопросъ о томъ, на сколько возможны и основательны подозрѣнія его о преслѣдованіяхъ, также, что ложныя представленія владѣютъ имъ безпрерывно, что онъ постоянно думаетъ надъ ними, что они болѣе и болѣе завладѣваютъ имъ и что такъ какъ, судя по вышеприведенному, онъ не свободенъ отъ обмановъ чувствъ, то, принимая во вниманіе высказанныя имъ угрозы, онъ небезопасенъ для общества.

Затѣмъ я полагаю, что мнѣніе мое будетъ достаточно мотивировано, если я выскажусь за неспособность Крона ко вмѣненію и скажу,

что Кронъ одержимъ безуміемъ (§ 40 Угол. Зак.) и поэтому неспособенъ ко вмѣненію.

Въ Charité, куда онъ былъ послѣ этого помѣщенъ, обнаружились у него идеи величія, которыя при моемъ изслѣдованіи еще не выступали наружу.

СЛУЧАЙ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Оскорбленіе должностныхъ лицъ. — Помѣшательство съ идеями о преслѣдованіи. — Неспособность ко вмѣненію.

Цутеръ судилась 13 разъ за оскорбленіе должностныхъ лицъ и учрежденій на словахъ и на письмѣ, именно въ 1844 году два раза, въ 1845, 1846, 1847, 1858, въ 1859 два раза, въ 1861 и въ 1865 два раза и, кромѣ того, въ 1863 году за завѣдомо ложный доносъ. Нынѣ она обвиняется въ томъ, что обругала обходившаго патрулемъ свой участокъ полицейскаго лейтенанта Кунцена.

Всѣ эти оскорбленія полицейскихъ чиновниковъ, судей и прокуроровъ и королевскаго суда относятся по большой части къ концу 40-хъ и 50-хъ годовъ и, между прочимъ, имѣютъ отношеніе къ тяжбамъ, въ которыхъ она запуталась въ 1857 году и въ кото-

рыхъ, какъ кажется, потеряла ссостояніе; сюда же относится и завѣдомо ложный донось, обвинявшій асессора Киница въ воровствѣ и асессора Гейльборна въ не менѣе тяжкомъ преступленіи; донось этотъ, какъ показало слѣдствіе, не имѣлъ никакого основанія. Она занимается этими дѣлами съ большимъ жаромъ и до сихъ поръ запутываетъ въ нихъ всевозможныя личности.

Съ перваго же взгляда должно показаться чрезвычайно страннымъ, что обвиняемая, наказанная уже нѣсколько разъ за свои проступки, не воздерживается отъ нихъ, но все продолжаетъ поступать въ томъ же родѣ, между тѣмъ какъ было бы достаточно небольшой разсудительности, чтобы понять, что новые проступки поведутъ за собой новыя наказанія, и еще строже прежнихъ; тутъ нельзя дѣлать сравненія съ воромъ или съ другимъ преступникомъ, который будучи наказанъ, снова совершаетъ преступленіе, въ надеждѣ, что оно не будетъ открыто. Подобные случаи всегда должны возбуждать подозрѣніе, были ли подсудимые во время совершенія этихъ проступковъ въ полномъ обладаніи своими умственными способностями, тѣмъ болѣе, что, по указанію опыта, относительно нерѣдко встрѣчаются люди, обыкновенно расположенные уже, въ силу другихъ причинъ, къ умственному разстройству, или уже больные душевно, у которыхъ по поводу дѣйствительнаго или мнимаго нарушенія ихъ правъ, развивается предлежащая предъ нами форма умственнаго разстройства, именно, изъ представленія, что они правы, а весь свѣтъ неправъ предъ ними, у нихъ развивается систематизированное помѣшательство съ идеями о преслѣдованіи.

Къ подобнымъ людямъ принадлежитъ несомнѣнно и Цутеръ.

Уже въ 1863 году поведеніе Цутеръ побудило прокурора предложить изслѣдованіе ея умственныхъ способностей. Кромѣ оскорбительныхъ доносовъ, она еще прерывала судебное засѣданіе длинными рѣчами, причемъ наносила тяжкія оскорбленія другимъ лицамъ, обвиняя ихъ даже въ убійствѣ. Предложеніе это было отвергнуто, такъ какъ судъ былъ убѣжденъ, что хотя подсудимая очень раздражительна, но ни въ какомъ случаѣ не можетъ считаться неспособной ко вмѣненію.

Въ началѣ прошедшаго года, вслѣдствіе доноса на трехъ листахъ на бывшаго полицейскаго лейтенанта Данна, она была „изслѣдована“ полицейскимъ лейтенантомъ Радовицъ и вахмистромъ Рафуномъ. По „изысканію“ послѣдняго оказалось, что Цутеръ не страдаетъ умственнымъ разстройствомъ, первый же донесъ, что разговоръ съ изслѣдуемый убѣдилъ его, что она „хотя нѣсколько путается и чрезвычайно раздражается, но вполнѣ способна ко вмѣненію.“

Для изслѣдованія этого Цутеръ явилась въ полицейское бюро и, начавъ разговоръ повидимому разумно, впродолженіи его внезапно начала чрезвычайно громко кричать и, не дожидаясь ни отвѣта лейтенанта на свой вопросъ, ни имени защитника, закричала самымъ громкимъ голосомъ: „Я покажу ему, что у меня здѣсь— показывая на задницу—больше ума чѣмъ у него въ головѣ.“ За это выраженіе ее снова судили и приговорили къ наказанію. Въ апелляціонной жалобѣ по этому дѣлу, она говоритъ, что полиція опозорила ее, что она „выбранила чиновника за его глупость“, что первый судья отнесся къ ея дѣлу съ хорошо всѣмъ извѣстной поверхностностью, что она донесла на злодѣевъ (Кинница и проч.), которыхъ и теперь называетъ „извергами рода человѣческаго“, что „она сама удивляется какъ послѣ всѣхъ злодѣйствъ и мошенничествъ которые были надъ ней учинены, она не потеряла разсудка но эти плуты только еще возбуждаютъ ея умъ.“

Хотя эта просьба очевидно написана не самой Цутеръ, такъ какъ она значительно отличается и по почерку и по орѳографіи отъ писанныхъ ею самою бумагъ, но она носитъ явный отпечатокъ диктовки, и ни по слогу, ни по манерѣ не отличается отъ прочихъ ея письменныхъ заявленій.

Что касается до этихъ послѣднихъ, то я представлю два изъ нихъ, новѣйшаго происхожденія, которые имѣютъ немалую важность при обсужденіи ея умственнаго состоянія. Явно, что заявленія эти приготовлены для печати; они показываютъ, что всѣ ея мысли и поступки вращались на мнимо оказанной ей, много лѣтъ тому

назадъ, несправедливости и что она полагала, что ее разворили и сдѣлали несчастной изъ злобы и изъ низкихъ побужденій.

Такъ какъ нелегко разобрать рукописи, то я приведу только № 1.

„Юридическое грабительство въ девятнадцатомъ столѣтіи."

„На многіе вопросы моихъ... друзей и доброжелателей и на нѣжное участіе и совѣтъ въ моемъ несчастіи, въ которое меня повергли плуты, доведя изъ благосостоянія до нищеты, въ утѣшеніе за употребленную противъ меня юридическую уловку, я, воспользуюсь тѣмъ, что публикую о всѣхъ мошенничествахъ, подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ. Что касается до искаженныхъ газетныхъ и словесныхъ заявленій, которыя пишутъ за деньги, что я 62 лѣтняя старуха лишилась разсудка, въ чемъ на судебномъ засѣданіи прокуроръ Гольцъ былъ убѣжденъ своимъ большимъ умомъ, то на такія выдумки умнѣйшій молчитъ. Если у прокурора... исправляющаго должность асессора Кинница и прокурора Гейльборна и у другихъ мошенниковъ при чтеніи этихъ строкъ почешется, то я позволяю имъ почесать, но еще замѣчу имъ, что мой кинжалъ на мошенниковъ еще не заржавѣлъ."

Второе заявленіе заключаетъ она тѣмъ, что обвиняетъ асессора Гейльборна въ поддѣлкѣ документа, асессора Кинница въ томъ, что онъ воспользовался для воровства завѣдомо фальшивымъ документомъ и что она подтвердила справедливость своего обвиненія 28 свидѣтелями.

Если еще до сихъ поръ могло подлежать сомнѣнію умственное состояніе Цутеръ, то сомнѣніе это вполнѣ уничтожается моими наблюденіями надъ ней при изслѣдованіи ея.

Цутеръ 62-хъ лѣтъ еще довольно крѣпка и повидимому физически здорова. Физіономія ея носитъ на себѣ характеръ ограниченности и она не только не умалчиваетъ о своихъ дѣлахъ, такъ сильно занимающихъ ее, но даже очень сообщительна. Отвѣчаетъ она быстро и сообразно съ вопросами. Какъ только разговоръ переходитъ на процессы, добродушное выраженіе ея лица измѣняется, черты принимаютъ гнѣвное выраженіе и рѣчь начинаетъ сопровождаться ругательствами и угрозами. Она не въ состояніи

толково разсказать о своихъ дѣлахъ и безъ знанія актовъ невозможно понять этихъ дѣлъ. Она говоритъ о самыхъ невѣроятныхъ вещахъ тономъ глубочайшаго убѣжденія. Киницъ содержитъ у себя публичный домъ, онъ обокралъ ее, завелъ у себя на чердакѣ настоящій бивуакъ. Констабли сами приводили иностранцевъ съ желѣзной дороги и выдавали имъ виды на жительство въ этомъ домѣ. Она все это показала и изъ этого вышло хорошее дѣло. Съ тѣхъ поръ все это и началось и ее стали преслѣдовать и уничтожили. Одинъ другому помогалъ. Противъ нее составился заговоръ. Графъ Липпе былъ въ томъ же числѣ и, кромѣ него, она перечислила множество полицейскихъ, военныхъ и судебныхъ чиновниковъ. На вопросъ, изъ скольких лицъ состоитъ заговоръ, она отвѣчала „изъ ста, скорѣе больше чѣмъ меньше.“ Участковый надзиратель Кунценъ во главѣ ихъ.

На замѣчаніе о невѣроятности такого заговора противъ нея, она объявила, что онъ составился изъ мести къ ней за то, что она открыла дѣло; всѣ эти лица были въ сношеніяхъ между собой, потому ее и уничтожили. На вопросъ, какъ могла она считать за возможное, чтобы могъ долгое время существовать заговоръ противъ нея изъ столькихъ лицъ, она отвѣчала: „то было время дерзкаго произвола (любимое ея выраженіе), когда во главѣ управленія были все мошенники. Объ этомъ я уже много разъ писала, иначе и быть не могло. Она также и „Шверину“ писала, что они составляли шайку разбойниковъ и что она съ этихъ поръ будетъ носить кинжалъ и что одинъ изъ нихъ потеряетъ носъ. Это помогло. Киницъ вслѣдствіе этого отравился. На вопросъ, долго ли продолжалось время дерзкаго произвола, она отвѣчала „до тѣхъ поръ пока не явился Бисмаркъ, прелестное дитя.“ Почему вы называете его „прелестное дитя?“ „Если вы видите, что я владѣю разсудкомъ, то повѣрите и тому, что я знаю всемірную исторію.“

Изъ всего этого явствуетъ, что Цутеръ уже нѣсколько лѣтъ умственно разстроена, именно, что она страдаетъ безумными представленіями, которыя, возникнувъ изъ убѣжденія ея въ своихъ правахъ, повели къ появленію идей о преслѣдованіяхъ. Этимъ и объ-

ясняются всѣ ея многочисленныя запутанныя жалобы, болѣе или менѣе на одну и ту же тему, также какъ и оскорбленія должностныхъ лицъ и мѣстъ.

Поэтому мнѣніемъ полагаю:

что Цутеръ страдаетъ умственнымъ разстройствомъ, именно безумными представленіями, которыя и послужили побужденіемъ къ совершеннымъ ею проступкамъ.

Въ прибавленіе къ этимъ случаямъ, я позволяю себѣ указать на два подобные же, опубликованные мною въ Horn's Vierteljahrsschrift, изъ которыхъ интересенъ именно искъ Герлаха противъ короля прусскаго Вильгельма I, въ 118,200 талеровъ. Здѣсь таже самая форма душевной болѣзни оказалась наслѣдственной, такъ какъ отецъ изслѣдуемаго страдалъ тою же болѣзнью, съ такими же безумными представленіями.

Не могу не привести здѣсь однаго, въ высшей степени замѣчательнаго, случая, гдѣ при той же самой болѣзненной формѣ, психическіе симптомы совершенно изчезли, такъ что можно бы предполагать излеченіе, еслибы не было извѣстно, что подобныя болѣзненныя формы неизлечимы. Случай этотъ тѣмъ удивительнѣе, что у больной было наслѣдственное расположеніе къ болѣзни. Но я полагаю что при обсужденій этого случая я не сдѣлалъ ошибки.

СЛУЧАЙ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

Оскорбленіе должностныхъ лицъ. — Неспособность ко вмѣненію. — Новое изслѣдованіе по прошествіи трехъ лѣтъ. — Способность къ судимости.

Въ февралѣ 1865 года Касперъ изслѣдовалъ умственное состояніе дѣвицы Ратштокъ, по поводу безпричинныхъ жалобъ ея. Случай этотъ такъ интересенъ, что я позволю себѣ привести тогдашнее мнѣніе Каспера. 36 лѣтная дѣвица Ратштокъ, физически здоровая, была четыре раза присуждаема къ тюремному заключенію

за оскорбленіе судебныхъ учрежденій и подала теперь неосновательную жалобу, по поводу пятаго подобнаго присужденія, при чемъ возбудился вопросъ объ ея умственномъ состояніи.

Предположеніе объ умственномъ разстройствѣ подсудимой представится довольно основательнымъ, если только обратить вниманіе на то, какія неосновательныя возраженія противупоставляла Ратштокъ судебному приговору, какъ она выражалась о враждѣ къ ней полиціи, которая была „исполнена ненависти къ ней“; далѣе потому съ какимъ упорствомъ изслѣдуемая держалась этихъ идей, направляя по нимъ свои поступки и не обращая никакаго вниманія на неоднократныя наказанія за нихъ.

Ратштакъ принадлежитъ къ классу людей, помѣшанныхъ на страсти къ тяжбамъ, которые встрѣчаются нерѣдко. Люди эти, будучи увѣрены въ томъ, что права ихъ нарушены, возстаютъ противъ этого нарушенія съ болѣе и болѣе возрастающей настойчивостью и послѣдовательностью и чѣмъ больше уговаривать ихъ, тѣмъ непоколебимѣе утверждаются они въ своихъ идеяхъ, доходящихъ мало по малу до постояннаго помѣшательства; они утруждаютъ присутственныя мѣста и отдѣльныхъ чиновниковъ безчисленными просьбами и жалобами и болѣе и болѣе утверждаются въ убѣжденіи, что права ихъ терпятъ нарушеніе только вслѣдствіе злонамѣренности и вражды этихъ чиновниковъ. Выходя изъ этого убѣжденія, они, совершенно, какъ и Ратштокъ, доходятъ до оскорбленія своихъ мнимыхъ враговъ; отказы и наказанія имѣютъ для нихъ одно только послѣдствіе,—именно утверждаютъ ихъ болѣе и болѣе въ ихъ идеяхъ. Той же дорогой шла и Ратштокъ; помѣшательство ея обнаружилось уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, такъ какъ она была уже пользована въ Charité отъ душевной болѣзни.

Въ разговорѣ со мной она высказала тоже самое, что и въ своихъ жалобахъ и убѣдить ее, что она заблуждается, было невозможно. Замѣчателенъ тотъ фактъ, что сестра ея матери была уже помѣшана. Несоотвѣтственно съ степенью образованія и съ ремесломъ швеи, она, какъ и всѣ подобные больные, занималась изученіемъ законовъ и привела въ одной изъ своихъ послѣднихъ жа-

лобъ §§ 102 и 154 уголовнаго кодекса, въ доказательство неправильности обвинительнаго приговора противъ нея. Но враги и невидимо преслѣдуютъ ее и она постоянно слышитъ ихъ голоса, которые говорятъ ей „непріятныя вещи“. Послѣ этого, должно уничтожиться всякое сомнѣніе относительно ея умственнаго состоянія, такъ какъ послѣдній фактъ доказываетъ, что она одержима галлюцинаціями, которыя служатъ несомнѣннымъ признакомъ помѣшательства. По всему этому, мнѣніемъ полагаю:

Что дѣвица Ратштокъ страдаетъ безуміемъ (§ 40 уголовн. устава) и по этому не можетъ считаться способной ко вмѣненію.

По этой причинѣ оберъ-трибуналъ, заключеніемъ своимъ отъ 19 іюля 1863 года, рѣшилъ отложить дѣло до могущаго быть возстановленія умственнаго здоровья изслѣдуемой.

Три года спустя, я изслѣдовалъ Ратштокъ снова, въ отношеніи способности къ судимости, при чемъ мнѣніе Каспера мнѣ сообщено не было, и представилъ такое мнѣніе:

Ратштокъ въ продолженіи этого времени вышла замужъ за цирульника Штаке. Мужъ ея, имѣющій открытое заведеніе, человѣкъ, повидимому, порядочный, показалъ, что женатъ около двухъ съ половиною лѣтъ, что живетъ до сихъ поръ съ своей женой счастливо и что кромѣ легкой возбуждаемости и вспыльчивости, онъ не замѣчалъ въ ней ничего, что могло бы возбудить подозрѣніе въ умственномъ разстройствѣ. Въ первое время послѣ свадьбы она часто заводила разговоръ о своихъ жалобахъ на полицію, судъ и т. п., но онъ бросилъ всѣ ея бумаги, на ея глазахъ, въ печку и объявилъ ей, что не желаетъ больше объ этомъ слышать. Превратныя идеи и безумныя представленія ея уничтожились, какъ скоро ей не представлялось болѣе случая предаваться этимъ мыслямъ. Она родила двоихъ дѣтей, содержала ихъ, какъ я убѣдился, опрятно и хорошо, съ любовью ухаживала за ними и вела свое хозяйство, къ удовольствію мужа, въ полномъ порядкѣ.

Изслѣдуемая, 39 лѣтъ, физически повидимому здорова. Поведеніе ея спокойно, скромно, она внимательна къ тому, о чемъ съ

ней говорятъ. Выраженіе ея лица спокойно, отвѣчаетъ она быстро и неуклончиво.

Она сохранила только неясное воспоминаніе о своемъ проступкѣ и о всѣхъ дѣлахъ, которыя занимали ее нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Она говоритъ, что должно быть тогдашнее умственное состояніе ея было ненормально, и сама смѣется надъ тогдашними своими показаніями и выраженіями.

Она не помнитъ, сама ли составляла и писала находящуюся на 28 листѣ слѣдственнаго дѣла просьбу, но говоритъ что другіе за нее ничего не дѣлали, такъ что она, должно быть, сама написала ее. При этомъ она вела себя и говорила совершенно непринужденно, и нѣтъ ничего страннаго въ томъ, что изслѣдуемая, пользуясь хорошей памятью, не можетъ припомнить мелочныхъ обстоятельствъ изъ того времени.

Такъ какъ подсудимая въ настоящее время сознаетъ, что совершила свои проступки въ состояніи умственнаго разстройства и такъ какъ она въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ ведетъ себя совершенно спокойно и держитъ свое хозяйство въ полномъ порядкѣ. что показываетъ, что она возвращена гражданской жизни, то въ настоящее время ее нельзя считать за страдающую безуміемъ, и потому мнѣніемъ полагаю:

что Штаке на столько поправилась, что можетъ быть допрошена и поэтому должна считаться способной къ судимости.

4. Сомнительная способность ко вмѣненію по причинѣ умственнаго разстройства вслѣдствіе органическихъ болѣзней мозга.

Сюда относятся два случая прогрессивнаго паралича и два случая апоплектическаго слабоумія.

Уже во введеніи было мною замѣчено, что случаи общаго паралича, въ противность наблюденіямъ французскихъ психіатровъ. рѣдко подавали мнѣ поводъ къ обсужденію ихъ передъ уголовнымъ судомъ.

Нельзя отрицать, что въ начальномъ періодѣ, когда явленія паралича слабо выражены и когда, при существованіи только воз-

вышеннаго настроенія, не всегда бываютъ замѣтны наступающія позже болѣе значительныя перемѣны характера, болѣзнь эта можетъ повести къ противузаконнымъ поступкамъ (нарушенію правъ собственности, половымъ эксцессамъ) и что такъ какъ слѣдователь не замѣчаетъ въ подобныхъ больныхъ ничего особеннаго, то дѣло и не доходитъ до врачебнаго изслѣдованія ихъ, и только позже, послѣ рѣшенія дѣла, они подаютъ поводъ къ перемѣщенію ихъ изъ тюрьмы въ домъ умалишенныхъ. Юристы должны поставить себѣ за правило обращаться къ врачу во всѣхъ случаяхъ, гдѣ они замѣтятъ у подсудимыхъ не свободу рѣчи, неотчетливое произношеніе и легкое заиканіе. Нѣтъ никакой необходимости, чтобы при этомъ обнаруживались „идеи величія“, напротивъ, бываютъ случаи, гдѣ ложныхъ представленій ненаблюдается не только въ началѣ болѣзни, но и во все время теченія ея, но вмѣстѣ съ увеличивающимися явленіями паралича, усиливается и умственная слабость и, подъ видомъ все болѣе и болѣе возрастающей слабости памяти и сужденія, возвышается до степени явнаго слабоумія.

Если первый изъ слѣдующихъ случаевъ не представляетъ большаго интереса, то тѣмъ интереснѣе второй случай. Во-первыхъ, здѣсь психическіе симптомы ясно обнаружились только послѣ паралличныхъ, далѣе, параличныя явленія были совершенно сходны съ подобными же явленіями послѣ апоплектическаго пораженія мозга, такъ что остается по крайней мѣрѣ сомнительнымъ, не произошла ли болѣзнь, въ этомъ случаѣ, вслѣдствіе apoplexia cerebri sanguinea.

Обнаруженіе психическихъ явленій у этаго больнаго также представляло большой интересъ, по причинѣ существованія полныхъ ремиссій, такъ что, не смотря на тщательное, по цѣлымъ часамъ, наблюденіе, при существованіи односторонняго паралича, нельзя было найти никакой точки опоры для признанія изслѣдуемаго неправо-способнымъ, почему я и счелъ тогда должнымъ высказаться за способность его къ судимости. Въ числѣ ложныхъ представленій, обнаружившихся у больнаго, со временемъ появились не только такія, которыя свойственны вообще горделивому помѣшательству но и такія

идеи которыя заставляли больнаго опасаться за свое существованіе (преслѣдованіе, отравленіе и т. п.).

СЛУЧАЙ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ.

Воровство. — Общій параличъ. — Невмѣняемость.

Нѣкто Залишъ обвиняется въ воровствѣ. Актовъ слѣдствія мнѣ сообщено не было, такъ что мнѣ ничего не извѣстно ни о способѣ исполненія проступка, ни о поведеніи обвиняемаго, какъ прежде такъ, такъ и послѣ его проступка.

Мнѣ также ничего неизвѣстно относительно прежняго состоянія здоровья подсудимаго.

Способность его ко вмѣненію показалась слѣдственному судьѣ сомнительной, потому что на одни вопросы онъ отвѣчалъ только невнятнымъ бормотаньемъ, а на другіе давалъ противорѣчащіе отвѣты, несмотря на неоднократное повтореніе вопросовъ.

Тюремный врачь, докторъ Арндтъ, сообщилъ, 25 апрѣля, что у Залиша, который наканунѣ былъ приведенъ въ тюрьму, обнаруживаются явные симптомы душевной болѣзни, такъ какъ показанія его о себѣ и о своихъ дѣлахъ были чрезвычайно сбивчивы и онъ совершеннымъ несоблюденіемъ приличій и свободнымъ удовлетвореніемъ своихъ потребностей подалъ своимъ товарищамъ по заключенію совершенно основательный поводъ къ жалобамъ на себя. Притворства предполагать въ немъ совершенно невозможно.

Вслѣдствіе этого, Залишъ былъ отосланъ въ Charité.

Также и здѣсь отъ него трудно было добиться какихъ-нибудь показаній. Онъ, казалось, ничего не помнилъ, отвѣчалъ или односложно, или не на вопросъ и относился апатически и къ себѣ и къ окружающимъ; держалъ себя неопрятно.

Такимъ и нашелъ я Залиша при моемъ изслѣдованіи.

Залишу около 40 лѣтъ, питаніе его дурно, у него замѣтны признаки начинающагося паралича. Походка его шатка и не вѣрна, движенія неуклюжи, неловки и медленны. Лѣвый зрачекъ нѣсколько шире праваго, языкъ дрожитъ при высовываніи, говоръ лепечущій,

часто непонятный. Поведеніе его и выраженіе лица въ высшей степени апатичны, мимики никакой, вниманіе его возбудить очень трудно.

Разговора вести съ нимъ невозможно. О себѣ онъ показываетъ повидимому правильно, но не можетъ разсказать, гдѣ онъ жилъ до поступленія въ Charité, гдѣ онъ теперь, по какой причинѣ прислали его сюда, за что посадили въ тюрьму; отвѣчаетъ онъ сбивчиво, или вовсе не отвѣчаетъ.

Нѣтъ никакого основанія подозрѣвать его въ притворствѣ.

Изъ вышеизложеннаго видно, что Залишъ страдаетъ мозговымъ параличемъ, съ переходомъ въ слабоуміе. Дѣлать ему допроса невозможно и онъ находится въ такомъ состояніи, которое дѣлаетъ его неотвѣтственнымъ за проступки.

О продолжительности его болѣзни нельзя сказать ничего опредѣленнаго, однако во всякомъ случаѣ она не нова, такъ что, если онъ совершилъ свой проступокъ—время котораго мнѣ неизвѣстно—незадолго до заключенія въ тюрьму, то, по настоящему состоянію его, можно заключить, что уже въ то время онъ не обладалъ свободой воли, вслѣдствіе душевной болѣзни.

СЛУЧАЙ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ.

Поддѣлки документовъ и обманы. — Апоплектическіе удары съ легкими признаками manie des grandeurs.—Ремиссія.—Признаніе способности къ распоряженію. — Новые случаи обмановъ. — Развившійся параличъ.—Неспособность ко вмѣненію.

Нѣкто Вутки обвиняется въ поддѣлкахъ документовъ, которыя онъ сдѣлалъ въ маѣ и іюлѣ 1864 года, и въ обманахъ, совершенныхъ имъ въ іюлѣ и сентябрѣ 1865 года.

Начатое надъ нимъ въ 1864 году слѣдствіе было прервано, потому что онъ былъ, 8 октября этаго года, отосланъ въ Charité. Онъ лежалъ тамъ уже прежде, съ 4 февраля по 14 марта 1864 года, въ отдѣленіи внутреннихъ болѣзней. У него былъ найденъ неполный параличъ лѣвой половины тѣла, какъ въ верхнихъ такъ и въ нижнихъ конечностяхъ. Больной могъ ходить съ трудомъ

опираясь на палку и ничего не могъ держать въ лѣвой рукѣ. По увѣренію его, зрѣніе и слухъ на лѣвой сторонѣ были ослаблены. При испытаніи хлороформированіемъ, не найдено ничего противорѣчащаго его показаніямъ. Явленія эти, по его вѣроятному показанію, начались со времени апоплектическихъ ударовъ, бывшихъ съ нимъ въ маѣ и въ декабрѣ 1861 года. Въ іюнѣ 1862 года, по словамъ больнаго, у него былъ третій апоплектическій ударъ. Леченіе было безуспѣшно и онъ былъ 14 марта выписанъ неизлеченнымъ.

8 октября онъ былъ снова принятъ въ Charité и также въ отдѣленіе внутреннихъ болѣзней. Здѣсь наблюдали у него болѣе выраженный параличъ лѣвой стороны и слабый съ правой, также запинку при произношеніи нѣкоторыхъ буквъ. Кромѣ того, обнаружились симптомы умственнаго разстройства, именно быстро и безпричинно измѣняющееся поведеніе, писаніе писемъ къ высокопоставленнымъ особамъ, безъ достаточнаго повода, несоотвѣтствующіе дѣйствительности разсказы о своемъ состояніи, такъ что было необходимо перевести его въ отдѣленіе душевно больныхъ.

Врачи этого отдѣленія, какъ видно изъ отчета ихъ отъ 10 января 1865 года, замѣтили въ немъ, кромѣ физической болѣзни, довольно высокую степень умственной слабости и несомнѣнно возвышенное самоощущеніе. Онъ былъ веселъ и доволенъ, совершенно несоотвѣтственно своему положенію, во всѣхъ отношеніяхъ печальному, говорилъ о своей тяжелой физической болѣзни, какъ о маленькой непріятности, и считалъ свои разстроенныя финансовыя обстоятельства за благопріятныя.

Онъ выказывалъ непостижимую въ его положеніи и почти дѣтскую увѣренность, выйти въ скоромъ времени изъ всѣхъ своихъ затрудненій и достигнуть благопріятнаго положенія. Онъ ложно понималъ свои отношенія къ другимъ лицамъ, именно къ родственникамъ, писалъ къ тѣмъ, на кого жаловался въ судѣ, прося ихъ о помощи. Къ тому же стала обнаруживаться еще не очень значительная слабость памяти и равнодушіе. 16 декабря на этомъ отдѣленіи съ нимъ случился новый апоплектическій ударъ, сопровождав-

шійся потерей сознанія въ теченіи нѣсколькихъ минутъ и сильнымъ перекошеніемъ рта влѣво, причемъ больной упалъ со стула.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, въ іюлѣ мнѣ поручено было высказать свое мнѣніе относительно его способности къ распоряженію гевр. способности къ судимости.

За исключеніемъ нѣкоторой беззаботности и того, конечно замѣчательнаго обстоятельства, что Вутки не признавалъ своего помѣшательства и увѣрялъ, что не понимаетъ, почему считали его за душевно больнаго, говорилъ, что врачи были въ заблужденіи и старался доказать это фактами и объясненіями, я не нашелъ въ немъ ничего, что значилось объ немъ въ госпитальномъ журналѣ. Описанныя въ этомъ журналѣ явленія ничѣмъ не обнаружились ни при повторительныхъ изслѣдованіяхъ Вутки, ни при разговорахъ съ нимъ, продолжавшихся по цѣлымъ часамъ. Онъ оказался спокойнымъ, разсудительнымъ; ни слишкомъ высокаго о себѣ мнѣнія, ни самохвальства и возвышеннаго самоощущенія не было; на вопросы онъ отвѣчалъ быстро и разумно и ложныхъ сужденій о своемъ положеніи въ немъ вовсе не замѣчалось. О проступкахъ своихъ онъ разсказывалъ безъ прикрасъ и безъ увертокъ, признавалъ факты, объясняя изъ только въ свою пользу, такъ что можно было сомнѣваться въ справедливости взведенныхъ на него обвиненій. Хотя я не могу опровергнуть того, что Вутки во время пребыванія своего въ Charité страдалъ умственнымъ разстройствомъ и умственной слабостью, ни того, что душевная болѣзнь легко могла развиться при несомнѣнно существующемъ у него матеріальномъ заболѣваніи мозга, но все таки не нахожу никакого повода къ признанію его неспособнымъ удовлетворительно отвѣчать передъ судомъ.

Врачи, которымъ было поручено въ это время изслѣдованіе Вутки, по поводу признанія его слабоумнымъ, заявили 18 іюля, что онъ въ состояніи обдумать послѣдствія своихъ поступковъ.

Такимъ образомъ, Вутки слабоумнымъ признанъ не былъ и дѣло о немъ снова получило ходъ.

Между тѣмъ до свѣденія прокурорскаго надзора дошли новые случаи обмановъ, по которымъ также было назначено слѣдствіе.

Въ это время обнаружилось, что Вутки былъ замѣшанъ еще во многихъ процессахъ; экзекуціонная комиссія въ Данцигѣ интересовалась узнать, можно ли считать его за способнаго къ распоряженію, такъ какъ онъ подавалъ тамъ множество жалобъ по разнымъ дѣламъ.

Изъ протоколовъ предварительнаго слѣдствія видно, что, при допросахъ, Вутки не давалъ безсмысленныхъ отвѣтовъ, но допросы эти не привели ни къ какому опредѣленному результату. Обвиняемый соглашался съ большею частію фактовъ, о которыхъ ему напоминали, но старался объяснить ихъ въ свою пользу, или ссылался на то, что не можетъ дать удовлетворительнаго объясненія своихъ поступковъ, потому онъ, по причинѣ болѣзненнаго состоянія, забываетъ, что говоритъ и дѣлаетъ, и болѣзнь мѣшаетъ ему смотрѣть на вещи съ должной ясностью.

Чрезъ это снова былъ возбужденъ вопросъ, не находился ли Вутки въ состояніи умственнаго разстройства, resp. не былъ ли неспособенъ ко вмѣненію во время совершенія проступковъ и не находится ли онъ и въ настоящее время въ подобномъ состояніи.

Если болѣзненное состояніе его, которое наблюдали врачи Charité, при предпринятомъ мною въ прошедшемъ году изслѣдованіи не обнаружилось настолько, чтобы мнѣ можно было высказаться за неспособность къ судимости, то все таки я былъ далекъ отъ заявленія, что у него не существовало тѣхъ умственныхъ аномалій, которыя наблюдались госпитальными врачами, что я и выразилъ въ своемъ мнѣніи отъ 30 іюля. Очевидно, что ко времени моего наблюденія, у Вутки возвратилась умственная энергія и онъ находился въ періодѣ ремиссіи, которая часто наблюдается въ предлежащей болѣзненной формѣ, и очень возможно, что въ сравненіи съ наблюденіями въ Charité, продолжавшимися нѣсколько мѣсяцевъ, мои наблюденія, хотя во всякомъ случаѣ добросовѣстныя и старательныя, но все-таки отрывочныя, были не достаточны для того, чтобы получить вѣрный взглядъ на душевную болѣзнь Вутки, и можетъ быть, что при безпрерывномъ наблюденіи, которое возможно только

въ домѣ умалишенныхъ, болѣзнь Вутки обнаружилась бы и въ это время.

Но если принять за фактъ сдѣланныя врачами Charité наблюденія, то не будетъ подлежать никакому сомнѣнію, что Вутки, за нѣсколько мѣсяцевъ до этихъ наблюденій, также какъ и послѣ нихъ, т. е. во время вмѣняемыхъ ему проступковъ, страдалъ умственнымъ разстройствомъ и находился въ состояніи умственной слабости, потому что, съ одной стороны, матеріальная причина его заболѣванія,—болѣзнь мозга,—существовала уже раньше и продолжалась и послѣ выпуска его изъ Charité, съ другой же стороны, душевная болѣзнь его вообще не скоротечнаго характера, не изъ тѣхъ, которыя внезапно наступаютъ и также внезапно исчезаютъ, но имѣетъ ходъ прогрессивный и постепенно достигаетъ до степени слабоумія.

Наблюденія надъ Вутки въ Charité только въ такомъ случаѣ можно бы было считать сомнительными, еслибы было доказано, что онъ притворяется, а не страдаетъ умственнымъ разстройствомъ.

Но противъ такого предположенія говорятъ важные и положительные факты.

Во-первыхъ, у Вутки было нѣсколько апоплектическихъ ударовъ, слѣдствіемъ которыхъ былъ двухсторонній параличъ, изъ чего слѣдуетъ предположить матеріальное измѣненіе мозга, которое, обнаруживаясь подъ видомъ общаго паралича, часто ведетъ къ слабоумію.

Далѣе, противъ симуляціи говоритъ и самое поведеніе Вутки, потому что онъ протестовалъ противъ перевода въ отдѣленіе для помѣшанныхъ и остается еще и теперь при этомъ протестѣ, будучи выписанъ изъ Charité, какъ неизлечимый, что видно изъ 36-й страницы госпитальнаго журнала. Такъ не сталъ бы поступать человѣкъ симулирующій душевную болѣзнь, съ цѣлью обмануть, и стремящійся къ тому, чтобы сдѣлать ее болѣе правдоподобной; такой человѣкъ, при изслѣдованіи его способности къ вмѣненію, не высказалъ бы, что не понимаетъ, зачѣмъ помѣстили его въ отдѣленіе

для помѣшанныхъ и не старался бы доказать, что врачи были въ заблужденіи относительно его умственнаго разстройства.

Наконецъ, еслибы Вутки притворялся, такъ онъ не сталъ бы скрывать своей притворной душевной болѣзни, а между тѣмъ онъ ввелъ въ заблужденіе и заставилъ высказаться противъ этой болѣзни какъ меня, такъ и врачей, изслѣдовавшихъ его для рѣшенія вопроса о слабоуміи; ложныя представленія, которыми онъ и до сихъ поръ страдаетъ и которыя были открыты при нынѣшнемъ его изслѣдованіи, чрезвычайно трудно вывести наружу.

Что касается физическаго состоянія изслѣдуемаго, то я нашелъ его въ томъ же положеніи, какъ уже писано мною выше.

Вутки, 46 лѣтъ, умѣренной полноты, строеніе его черепа и тѣла нормально. Цвѣтъ лица у него блѣдный, выраженіе глазъ натуральное, лицо спокойное, болѣе флегматическое, часто веселое. Зрачки одинаковой ширины. Физическія функціи его въ порядкѣ, только лѣвая рука и нога разслаблены, да и правыя конечности не вполнѣ обладаютъ свободой движеній, такъ что движенія его неловки и тяжелы. Лѣвую ногу, при ходьбѣ, видимо волочитъ. Эти болѣзненныя явленія слѣдуетъ разсматривать какъ послѣдствія прежде бывшихъ у него апоплектическихъ ударовъ.

Къ этому я долженъ прибавить, что лицо у него блѣдное и рѣчь болѣе затруднена чѣмъ прежде. Замѣтно подергиваніе угловъ рта и дрожаніе языка.

Онъ казался болѣе умственно ослабленнымъ, чѣмъ прежде, вѣроятно подъ подавляющимъ вліяніемъ заключенія. Хотя онъ вообще говорилъ толково, но былъ болтливѣе. Беззаботность и недостатокъ сознанія своего печальнаго положенія, которыя наблюдались у него еще въ Charité, выступали теперь гораздо яснѣе; онъ говорилъ съ улыбкой о своемъ несчастномъ положеніи, что видно изъ письма его къ женѣ, подъ которымъ онъ подписался какъ „уголовный и государственный арестантъ гостепріимной городской тюрьмы.“

Также легко говоритъ онъ и о своихъ противозаконныхъ поступкахъ и объясняетъ ихъ въ свою пользу

Несмотря на то что ему объявлено о начатыхъ противъ него слѣдствіяхъ, онъ думаетъ что всѣ они уже прекращены, кромѣ двухъ обвиненій, въ поддѣлкѣ документа въ 1864 году и объ обманѣ Гартца. Что касается до перваго, то тутъ не было никакой поддѣлки, потому что его жена была наслѣдницей своей матери, завѣщаніе которой теперь публиковано, и онъ надѣется получить по нему 8000 талеровъ; второй поступокъ вовсе не обманъ потому что денегъ отъ Гартца онъ никогда не получалъ. Онъ убѣжденъ, что никого не обидѣлъ, но это могло случиться, онъ не можетъ этого отрицать. Ему это думается, когда не спится, но какъ только онъ подкрѣпитъ себя сномъ, то перестаетъ думать объ этомъ.

Онъ сбивается въ разсказахъ о своихъ дѣлахъ. По его показанію, ему сдѣланы вызовы по множеству процессовъ, но онъ не можетъ ничего разсказать объ нихъ; какъ кажется, онъ предъявляетъ жалобы и ведетъ процессы противъ тѣхъ, которые могутъ предъявить противъ него претензіи. Въ головѣ у него большіе проэкты, безсмысленность которыхъ всякому очевидна и которые основаны на ложныхъ представленіяхъ о своемъ состояніи и о собственномъ своемъ значеніи; онъ страдаетъ также ложными представленіями, основанными на идеяхъ о преслѣдованіи.

Онъ убѣжденъ, что еще сдѣлается „богачемъ“, лишь только получитъ удовлетвореніе своихъ требованій. Тогда онъ накупитъ домовъ и имѣній и потомъ опять продастъ. Онъ и его жена будутъ еще ѣздить въ экипажѣ „съ негромъ на запяткахъ“. Сыновья его сдѣлаются офицерами и будутъ жить сообразно своему званію, „старшій какъ виконтъ, младшій какъ кавалеръ. „Объ этомъ онъ напишетъ королю. Отецъ разсказывалъ ему, что родъ ихъ жилъ прежде въ Швеціи съ большой пышностью, онъ возстановитъ это. Онъ самъ очень годится въ министры финансовъ. Онъ предложитъ себя королю въ этомъ качествѣ, такъ какъ онъ представилъ отличныя доказательства своихъ способностей, бывши счетнымъ чиновникомъ морского вѣдомства. Мысль возвысить значеніе и богатство своей фамиліи поддерживаетъ его, впрочемъ ему все равно,

гдѣ бы ни быть, въ госпиталѣ или въ смирительномъ домѣ; онъ спокойно сложитъ голову какъ только исполнитъ задачу своей жизни.

Но онъ поставилъ себѣ еще другую задачу это—„погубить свою сестру, или, лучше сказать, госпожу свою сестру“, которая, какъ говорилъ ему отецъ, была не его дочь. Сестра и мать, которыхъ онъ прежде содержалъ, пытались погубить его, изъ низкаго мщенія, принимали на счетъ его ложныя присяги, отравляли его „растительными веществами“ и были причиной его болѣзни, о чемъ онъ заключилъ изъ того, что вѣдь онъ прежде былъ совершенно здоровъ и иначе никакъ не можетъ объяснить своей болѣзни. Эти лица виноваты и въ томъ, что онъ арестованъ, потому что сестра его имѣетъ большія связи, а судъ не имѣлъ никакого повода велѣть арестовать его. По интригамъ этихъ особъ, его и обвиняютъ; имъ онъ обязанъ потерей денегъ и проигрышемъ своихъ процессовъ, потому что они писали къ его должникамъ и въ суды, приводя такіе факты, по которымъ онъ проигрывалъ дѣла.

Разсказы его сопровождались глупой улыбкой, особенно когда онъ развивалъ свои проэкты.

Изъ вышеизложеннаго видно, что болѣзнь Вутки представляетъ такую совокупность симптомовъ, которая характеризуетъ такъ называемой прогрессивный параличъ помѣшанныхъ.

Болѣзнь эта можетъ періодически улучшаться, но вообще неизлечима и переходитъ въ слабоуміе. Поэтому, мнѣніемъ полагаю:

что Вутки, во время совершенія проступковъ, страдалъ душевной болѣзнью, т. е. былъ неспособенъ ко вмѣненію, и что и въ настоящее время онъ находится въ такомъ же состояніи.

СЛУЧАЙ ДВАДЦАТЬ ОСЬМОЙ.

Попытка къ подкупу должностного лица. — Апоплектическій параличъ.—Слабоуміе.—Неспособность ко вмѣненію.

Дитманъ обвиняется въ попыткѣ къ подкупу чиновника. Когда ей, со стороны полиціи, было предложено съѣхать съ квартиры,

занимаемой ею у вдовы Шульцъ, она послала вахтмистру Подлику письмо, съ приложеніемъ билета въ 5 талеровъ, въ которомъ просила его замолвить за нее словечко, чтобы ее оставили на прежней квартирѣ, такъ какъ, по своему болѣзненному состоянію, она не можетъ жить одна.

Передъ слѣдственнымъ судьей Дитманъ отъ всего отперлась. Она не писала этого письма и другихъ написать не просила, и не посылала пяти талеровъ съ своей хозяйкой Шульцъ, которая относила письмо.

На вопросъ директора полиціи Гофрихтера, почему она не съѣхала съ квартиры, она дала чрезвычайно сбивчивый отвѣтъ и вела себя какъ сумашедшая, такъ что продолжать допросъ было невозможно и полицейскому врачу Беренду было предписано освидѣтельствовать ее. Беренъ донесъ, что Дитманъ страдаетъ половиннымъ параличемъ, вслѣдствіе апоплектическаго удара, что и мозгъ у нея также пораженъ; у нея замѣчается нѣкоторая сбивчивость идей и неспособность объясняться.

Судебная коллегія опредѣлила поручить мнѣ, прежде начатія дѣла, изслѣдованіе умственнаго состоянія обвиняемой, способность которой ко вмѣненію казалась сомнительной.

Дитманъ 31 года, очень полна; правая сторона тѣла у нея поражена несовершеннымъ параличемъ, вслѣдствіе прежняго апоплектическаго удара. Правая рука почти не дѣйствуетъ, правую ногу, при ходьбѣ, она тащитъ, языкъ отклоняется вправо. Вслѣдствіе паралича языка, она говоритъ неясно. Органы кровообращенія, дыханія и пищеваренія незначительно поражены. Но болѣзнь мозга, выражающаяся этими признаками, имѣетъ еще и другія послѣдствія.

Изъ слѣдственныхъ актовъ несомнѣнно явствуетъ, что Дитманъ страдаетъ по временамъ судорогами. Кромѣ того, что сама она нѣсколько разъ говорила объ этомъ и что Шульцъ подтвердила ея показанія, и Подликъ также показываетъ, что при его появленіи съ ней сдѣлались судороги. Дитманъ, по ея показанію, при приближеніи судорогъ чувствуетъ какъ будто у нея въ сторонѣ

сердца что то поднимается; по словамъ окружающихъ, судороги эти сопровождаются потерей сознанія и послѣ нихъ она впадаетъ въ сонъ. Подобныя явленія придаютъ этимъ судорогамъ характеръ эпилептическихъ, и очень вѣроятно, что онѣ находятся въ связи съ мозговой болѣзнью, по крайней мѣрѣ изслѣдуемая говоритъ, что до паралича этихъ судорогъ у ней не бывало.

Далѣе, болѣзнь мозга не осталась безъ замѣтнаго вліянія на психическія функціи изслѣдуемой. Она ведетъ себя глупо, смѣется безъ всякаго повода и не въ состояніи вести связнаго разговора. Память ея замѣтно ослаблена. Притворства тутъ нѣтъ, это доказывается тѣмъ, что изслѣдуемая помнитъ и даетъ правильныя показанія о такихъ вещахъ, которыя глубоко запечатлѣлись въ ея памяти—объ имени, возрастѣ, днѣ рожденія; потомъ тѣмъ, что она старается давать удовлетворительные отвѣты, а между тѣмъ на такіе же простые вопросы о томъ, который теперь годъ, какой мѣсяцъ и т. п., отвѣчаетъ неправильно. Она отвѣчаетъ не фразами, а только отдѣльными словами, связь которыхъ приходится отгадывать. Обыкновенно у нея недостаетъ личнаго мѣстоименія „я“, напр. „Любите ли вы водиться съ мужчинами“? „Пятнадцать лѣтъ, мѣсяцъ. потеряла невинность, Подсдамъ, графъ Шверинъ, графъ Допау, драгунъ, противъ казармъ, пила, т. е. не пьяна, но такъ“ и т. д.

Не смотря на получасовыя попытки, я очень немного могъ отъ нея добиться, потому что отвѣты ея были очень недостаточны и нужно было выспрашивать ее на разные лады, для того, чтобы она могла понять вопросъ и для того чтобы понять ее.

Что касается до ея проступка, то она показала, что жить одна не можетъ. по своей болѣзни, что получаетъ отъ графа Шверина по десяти талеровъ въ мѣсяцъ, что кому-то велѣла написать письмо. На мой вопросъ, кому, она сказала: „маленькій человѣкъ, тамъ видѣла„ и дала понять, что кого то позвала, тотъ взошелъ и написалъ письмо. Она сама прибавила не безъ самодовольства: „вложила бездѣлицу.“ Она сказала, что послала это письмо вахмистру Подлику. На мои укоры, что это подкупъ она постоянно отвѣчала только

сомнѣніемъ: „Подкупъ? Подкупъ?“ ничего больше не прибавляя, кромѣ того, что письмо отнесла Шульцъ.

Изъ вышеприведеннаго ясно, что умственныя способности Дитманъ ослаблены, вслѣдствіе болѣзни мозга. что она страдаетъ высшей степенью слабости памяти и сужденія, не можетъ уяснить себѣ важности совершеннаго ею проступка и была не способна сдѣлать разсудительный выборъ между совершеніемъ и несовершеніемъ поступка, въ которомъ обвиняется.

На этомъ основаніи, мнѣніемъ полагаю:

что Дитманъ не можетъ считаться способной ко вмѣненію относительно совершеннаго ею поступка.

СЛУЧАЙ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ.

Сомнѣніе въ томъ, можно ли считать заслуживающими довѣрія показанія относительно обвиненія въ воровствѣ. — Ослабленіе умственныхъ способностей вслѣдствіе апоплексіи.

20 апрѣля, непосредственно послѣ того, какъ въ комнатѣ столярнаго мастера Лангера былъ ткачъ Лейхтенбергъ *), чтобы попросить у него денегъ въ займы, въ чемъ ему было отказано, Лангеръ замѣтилъ, что изчезли его карманные часы, которые обыкновенно висѣли надъ кроватью его жены. Лейхтенбергъ, при выходѣ изъ комнаты, встрѣтился съ женой Лангера, которая вышла на минуту, чтобы отдѣлаться отъ его навязчивости. Лейхтенбергъ черезъ четверть часа вернулся обратно, для того чтобы отклонить отъ себя подозрѣніе, которое уже дошло до его свѣденія; при этомъ онъ былъ арестованъ и при обыскѣ у него ничего не нашли.

Во время этого происшествія Лангеръ лежалъ на софѣ, головой къ кровати, надъ которой висѣли часы, такъ что онъ могъ видѣть ихъ, только поворотивъ голову и сквозь рѣшетчатую спинку софы. Расположеніе комнаты было такое, что кровать жены Лангера

*) Уже наказанный за воровство двухлѣтнимъ заключеніемъ.

стояла у стѣны, противъ входной двери, у самого окна. Надъ кроватью висѣли двѣ картины и между ними былъ гвоздь, на которомъ висѣли часы. Влѣво отъ кровати находилось бронзовое зеркало, потомъ кровать мужа, надъ которой висѣли двѣ гравюры. Стѣна всѣмъ этимъ была совершенно заставлена. Софа, на которой лежалъ Лангеръ, стояла у стѣны, влѣво отъ двери, противъ окна. Слѣдовательно, линія, проведенная отъ часовъ къ софѣ, проходила почти по діоганали комнаты, и Лангеръ, при небольшомъ поворотѣ головы и поднявъ глаза, могъ увидѣть это мѣсто комнаты и немедленно замѣтить потерю.

Между тѣмъ, возникло сомнѣніе въ достовѣрности его показаній. Жена его хорошо не помнила и не могла съ положительностью показать, висѣли ли тамъ въ этотъ день часы, или ихъ уже нѣсколько дней не было; она могла сказать только одно, что если часы висѣли въ то время на своемъ мѣстѣ, то взять ихъ было больше некому. Противъ же показаній своего мужа, что часы висѣли тамъ предъ самымъ приходомъ Лейхтенберга и что по уходѣ его они изчезли, она показала, что на слова его полагаться не слѣдуетъ, такъ какъ онъ давно уже разбитъ параличемъ.

Столяръ Лангеръ, 69 лѣтъ, страдаетъ неполнымъ параличемъ рукъ и ногъ, вслѣдствіе многихъ апоплектическихъ ударовъ; языкъ его также пораженъ параличемъ, что видно изъ косвеннаго направленія его, при высовываніи, также и изъ неяснаго произношенія. Лѣвый уголъ рта выше праваго. Зрачки умѣренной ширины и равны между собой.

Для того, чтобы сдѣлать точное сужденіе о его умственной энергіи, я велъ съ нимъ слѣдующій разговоръ.

Вопросы.	*Отвѣты.*
Какъ Васъ зовутъ?	Лангеръ.
Имя?	Филиппъ.
Который Вамъ годъ?	69-й, одинаково съ тѣмъ, который у насъ идетъ.
Который годъ у насъ идетъ?	68-й (смотритъ на жену), не такъ ли?
Когда Вы родились?	Въ первомъ.

Сколько будетъ 68 изъ 69?	(Долго раздумываетъ. Смотритъ на жену и наконецъ говоритъ — одинъ.)
Сколько останется, если вычесть 69 изъ 69?	Два.
Гдѣ Вы родились?	Въ Богенѣ. Прежде это было въ Баваріи, а теперь въ Баденѣ, со времени послѣдней войны.
Когда была эта послѣдняя война?	Два года тому назадъ.
Какъ зовутъ Вашу жену?	Елизавета, урожденная Бонге.
Давно-ли Вы женаты?	16—17, или будетъ 18 лѣтъ.
Въ которомъ году Вы женились?	Точно не знаю, въ 69, или въ 60 или въ 58. Была революція.
По словамъ вашей жены, Вы женились въ 1861.	
Сколько 58+18?	(Долго раздумываетъ, но не отвѣчаетъ).
Что было у Васъ вчера за обѣдомъ?	(Только послѣ того, какъ жена навела его на отвѣтъ.) Шпинатъ.
Было-ли у Васъ сегодня на низъ?	Сегодня еще нѣтъ. (Сначала онъ сказалъ—да, и потомъ объяснилъ, что онъ сказалъ это о вчерашнемъ вечерѣ).
Въ которомъ часу Вы сегодня встали?	Въ 7 часовъ (жена сказала, что въ 11).
Который теперь часъ?	(Я подвелъ его къ часамъ и онъ отвѣчалъ вѣрно—половина втораго).
Что дѣлали Вы съ 11 часовъ до сихъ поръ?	Такъ сидѣлъ.
Вы умывались и надѣвали панталоны и т. п.?	Да, это всякій день дѣлается.
Васъ обокрали?	Да. У меня украли карманные часы.
Что это были за часы?	Обыкновенные серебряные карманные часы. У нихъ былъ футляръ.
Когда ихъ украли?	Около 14-ти дней, недѣли три. Число я забылъ.
Гдѣ они висѣли?	Тамъ, надъ кроватью; это ихъ обыкновенное мѣсто. (Разсказываетъ, гдѣ онъ лежалъ и какъ было все дѣло, какъ это написано выше.)
Навѣрно-ли Вы знаете, что часы висѣли тамъ?	Да.

Теперь я велѣлъ ему описать, отвернувшись, расположеніе мебели у той стѣны, гдѣ стоитъ кровать и все что виситъ на этой

стѣнѣ. Онъ разсказалъ вѣрно о предметахъ висящихъ надъ кроватью жены. Изъ предметовъ надъ своей кроватью онъ пропустилъ одну гравюру; когда онъ все еще стоялъ, отвернувшись, я снялъ ее и велѣлъ ему повернуться; отсутствія ея онъ не замѣтилъ. Когда я показалъ ему эту гравюру, онъ сказалъ, что она висѣла въ комнатѣ, но не могъ показать, на какомъ мѣстѣ.

— Ясно ли вы представляете себѣ, когда было 20 апрѣля и можете ли подтвердить присягой, что 20 апрѣля часы висѣли на этомъ мѣстѣ?

— Нѣтъ, этого я не могу; но я могъ бы подтвердить присягой, что въ тотъ день и въ то самое время, когда Лейхтенбергъ былъ здѣсь, они висѣли тутъ.

Жена Лангера говоритъ, что мужъ ея часто утверждаетъ то, чего не было, такъ именно онъ переложитъ въ разсѣянности вещь съ мѣста на мѣсто, потомъ и говоритъ, что она пропала, а между тѣмъ послѣ она найдется.

При второмъ посѣщеніи я предложилъ Лангеру разсказать съ точностью, какъ было дѣло и спросилъ его, помнитъ-ли еще онъ о чемъ его спрашивали.

Онъ сказалъ, что помнитъ въ точности. Онъ лежалъ на софѣ, у стола передъ кроватью стояла жена, а по другую сторону человѣкъ, по имени Лейхтенбергъ. Онъ сказалъ: „мадамъ Лангеръ, дайте мнѣ восемь грошей въ займы;“ потомъ обратился къ нему и сказалъ: „господинъ Лангеръ, дайте мнѣ восемь грошей“, и при этомъ представилъ росписку. Жена отказала ему, потому что онъ (мужъ) болѣнъ и не позволилъ бы ей этого. Потомъ жена вымыла руки и вынесла воду. Потомъ минуты двѣ въ комнатѣ было тихо. Лехтенбергъ ушелъ въ то время, какъ жена входила обратно. Потомъ жена сѣла, или встала къ столу, онъ не помнитъ; тогда онъ взглянулъ на кровать и сейчасъ же замѣтилъ, что часовъ нѣтъ, и въ туже минуту сказалъ объ этомъ женѣ. Та пошла за полицейскимъ. Потомъ вернулся Лейхтенбергъ и онъ сказалъ ему: „вы украли у меня часы.“ Тутъ пришелъ полицейскій и арестовалъ Лейхтенберга.

Лангеръ разсказалъ это связно и я ни разу не прерывалъ его.

Шли ли часы или стояли, сказать онъ не могъ, также не помнилъ, когда они въ послѣдній разъ была заведены, равно какъ и о томъ, когда они были въ послѣдній разъ у него въ рукахъ; онъ только съ настойчивостью утверждалъ, что они висѣли въ тотъ день на своемъ мѣстѣ.

Изъ вышеприведенныхъ фактовъ прежде всего видно, что съ Лангеромъ было нѣсколько апоплектическихъ ударовъ и что онъ страдаетъ болѣзнью мозга.

У него, какъ это вообще часто бываетъ, мозговая болѣзнь имѣла послѣдствіемъ пониженіе психической энергіи, именно ослабленіе памяти и комбинаціи идей, что видно изъ многихъ его отвѣтовъ. Однакожъ ослабленіе это не настолько значительно, чтобы можно было считать его показанія совершенно не заслуживающими довѣрія. Разсказъ его объ этомъ произшествіи производитъ впечатлѣніе достовѣрности, видно, что онъ передаетъ о дѣйствительно случившемся. Только, по моему мнѣнію, не слѣдуетъ придавать большаго значенія показанію Лангера, что онъ утромъ, въ день вышеописаннаго происшествія, видѣлъ часы на ихъ обычномъ мѣстѣ. Если уже и здоровый человѣкъ можетъ, въ подобномъ случаѣ, впасть въ заблужденіе, то тѣмъ болѣе это могло случиться съ человѣкомъ, страдающимъ болѣзнью мозга, память котораго ослаблена и который не замѣтилъ перемѣны въ своей обычной обстановкѣ,—именно что на стѣнѣ недостаетъ одной картины, несмотря на то что на это обращали его вниманіе.

По этому, мнѣніемъ полагаю:

что мозговая болѣзнь Лангера имѣла слѣдствіемъ ослабленіе его психическихъ функцій, именно памяти и сужденія, но не настолько, чтобы показанія его могли быть признаны не заслуживающими никакого довѣрія.

Обвиняемый былъ, по суду, освобожденъ, такъ какъ показанія Лангера не могли быть признаны заслуживающими полнаго довѣрія.

5. Сомнительная способность ко вмѣненію, обусловленная душевнымъ разстройствомъ, вслѣдствіе поврежденій головы.

Во второмъ случаѣ этаго отдѣла я разобралъ вліяніе поврежденій черепа на происхожденіе психической болѣзни и развилъ вкратцѣ правила для судебно-медицинскаго обсужденія этихъ важныхъ моментовъ, почему, для избѣжанія повтореній, и ссылаюсь на этотъ случай.

Случай этотъ возбудилъ общее вниманіе, такъ какъ дѣло касалось образованнаго молодаго человѣка и такъ какъ поступокъ его показался прокурору „психологически трудно объяснимымъ." Мнѣ пришлось изслѣдовать душевное состояніе обвиняемаго уже въ предварительной инстанціи, потому что дѣло его возбудило множество сомнѣній, кромѣ вышесказаннаго.

Однакожъ, при этомъ изслѣдованіи, я не нашелъ никакого основанія къ исключенію способности его ко вмѣненію.

По этой именно причинѣ, равно какъ и потому что мотивомъ къ проступку служила страсть, случай этотъ принадлежитъ къ очень интереснымъ.

СЛУЧАЙ ТРИДЦАТЫЙ.

Утайка. — Болѣзнь мозга, вслѣдствіе поврежденія головы. — Неспособность ко вмѣненію.

Нѣкто Гаушильдъ обвиняется въ присвоеніи чужой собственности. Осенью прошедшаго года выпросилъ онъ у Габига пилу, обѣщавъ принести ее въ тотъ же вечеръ обратно, но не возвратилъ, и пилы этой у него найдено не было, такъ что возникло подозрѣніе, что онъ ее продалъ.

Гаушильдъ оспаривалъ этотъ фактъ и оправдывался слабостью памяти, вслѣдствіе полученнаго удара въ голову.

Въ протоколѣ слѣдственнаго судьи значится, что Гаушильдъ обратилъ его вниманіе тѣмъ, что „иногда запинался при отвѣтахъ, но въ остальномъ у него не было замѣчено никакихъ слѣдовъ слабости памяти“.

Докторъ Фишеръ показалъ въ судебномъ засѣданіи, что обвиняемый лечился въ 1864 году въ Charité, отъ головной раны, вслѣдствіе которой онъ долгое время былъ безъ языка, но что при выходѣ изъ Charité, употребленіе языка у него возвратилось. Во время нѣмоты, онъ могъ разговаривать посредствомъ знаковъ.

Въ первое мое посѣщеніе къ Гаушильду, я нашелъ его въ камерѣ, лежащимъ на матрацѣ; онъ жаловался на головокруженіе и былъ уже назначенъ для перевода въ тюремный лазаретъ. Ходить онъ могъ только съ помощью товарищей.

Изслѣдуемому, повидимому, около 20 лѣтъ, лицо у него очень красно, соединительная оболочка глазъ инъекцирована, зрачки расширены. Пульсъ возбужденный, языкъ дрожитъ при высовываніи, походка нетвердая, но изслѣдуемый не шатается если его заставить стоять съ закрытыми глазами. Выраженіе лица равнодушное, задумчивое. Онъ могъ давать только скудные, односложные отвѣты относительно своей личности, не могъ назвать ни мѣста своего рожденія, ни написать этого. Разговора съ нимъ нельзя вести, по скудности его мыслей. Въ высшей степени замѣчательны перерывы въ его рѣчи, которые происходятъ не отъ заиканія и не зависятъ отъ недостатка способности произношенія словъ, но изъ которыхъ видно, что онъ не можетъ иногда подобрать словъ для соотвѣтствующихъ представленій. Часто онъ повторяетъ одно и тоже слово, пока не найдетъ новаго, и поэтому понимать его трудно. Также онъ съ трудомъ составляетъ фразы и часто говоритъ о самомъ себѣ въ третьемъ лицѣ, какъ, напр.: „часто забываютъ свой инструментъ“.

На лѣвой сторонѣ передней части головы у Гаушильда находится рубецъ, соединенный съ вдавленіемъ кости, или съ потерей вещества. На мѣстѣ его находится вдавленіе, въ которое удобно вкладываются верхушки двухъ пальцевъ; при давленіи на этомъ мѣстѣ

чувствуется боль, распространяющаяся отъ него, по словамъ больнаго, къ уху.

При второмъ моемъ посѣщеніи я велъ съ нимъ слѣдующій разговоръ, по которому можно судить какъ о его способности разумѣнія, такъ и о способности сужденія.

Вопросы.	*Отвѣты.*
Какъ Васъ зовутъ?	Гаушильдъ.
Имя?	Вильгельмъ.
Который Вамъ годъ?	Не знаю.
Узнаете ли Вы меня?	Я Васъ еще не видѣлъ.
Когда Вы родились?	(Нѣтъ отвѣта).
Что же Вамъ два года, или пять лѣтъ. Вы ребенокъ?	Взрослый человѣкъ.
Сколько 68—20?	(Послѣ долгой паузы.) Не могу вычислить.
Сосчитайте до 20.	(Считаетъ вѣрно до 11, потомъ сбивается и далѣе не можетъ, забылъ.)
Который у насъ годъ?	1887.
Какъ давно Вы упали?	Не знаю. (При первомъ посѣщеніи говорилъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Также помнилъ, что былъ пользованъ въ больницѣ, но не помнилъ, кто лечилъ.)
У насъ теперь лѣто или зима?	Лѣто.
Какой мѣсяцъ?	Не знаю.
Были ли Вы больны?	Мнѣ не все сряду приходитъ въ голову.
Какъ давно больны Вы?	Не знаю. Если кто нибудь что скажетъ, я не могу запомнить. Хозяинъ говоритъ: Вы ничего не помните.
Вы работали?	Немножко работалъ.
Бывали ли въ вашемъ семействѣ больные судорогами?	Не знаю.
Зачѣмъ Вы здѣсь?	Потому что я болѣнъ.
Почему Вы въ тюрьмѣ?	Не знаю,
Не были ли Вы на судѣ?	Нѣтъ.
Вы брали на подержаніе пилу и обратно не отдали?	Не знаю.
Давно ли Вы здѣсь, на верху, въ этой комнатѣ?	Три недѣли или, можетъ быть, 14 дней. (Послѣ долгаго распрашиванья.) Три дня.
Давно ли Вы здѣсь, въ тюрьмѣ?	Да, еслибъ я могъ это вспом-

нить, я былъ бы сегодня счастливый человѣкъ. Я знаю, что говорю, но не могу ничего припомнить. Кладутъ свой инструментъ, а на другой день его нѣтъ. Потомъ уже сказалъ мнѣ хозяинъ, у котораго я работалъ.

У какого хозяина Вы работали, у какого подъ конецъ?

Тамъ, я тамъ, я не знаю, гдѣ онъ живетъ и какъ его зовутъ.

Прежде всего надо замѣтить, что Гадшильдъ не производитъ впечатлѣнія притворщика, но дѣйствительно страдаетъ недостаткомъ способности мышленія. Противъ притворства, кромѣ всего его поведенія, говоритъ то, что онъ видимо старается удовлетворительно отвѣчать на вопросы и, давая иногда удовлетворительные отвѣты, часто не можетъ отвѣтить о такихъ предметахъ, которые вовсе не относятся къ его проступку; онъ видимо говоритъ все что знаетъ. Также слѣдуетъ упомянуть, что онъ съ самаго начала по поступленіи въ тюрьму казался такимъ же, какъ и теперь, и что какъ товарищи по заключенію, какъ и надзиратели были того мнѣнія, что Гаушильдъ слабоуменъ.

Такимъ же оказался онъ и при моемъ изслѣдованіи; причиной ослабленія его способности мышленія и памяти слѣдуетъ считать мозговую болѣзнь, происшедшую вслѣдствіе весьма значительнаго поврежденія головы. Мѣстомъ этаго поврежденія (соотвѣтственно переднимъ долямъ мозга) объясняется и бывшая у него афазія (безгласность) и существующій теперь недостатокъ въ рѣчи.

Кажется, состояніе его время отъ времени улучшается; если бы, при допросахъ, онъ былъ въ такомъ же состояніи, какъ и теперь, то слѣдственный судья не могъ бы не обратить на это вниманіе. Въ настоящее время допрашивать его невозможно, такъ какъ онъ и о своей личности не можетъ дать удовлетворительныхъ показаній; что же касается до его способности ко вмѣненію во время совершенія проступка, то я полагаю, судя по вышесказанному, что онъ не возвратилъ пилу по забывчивости, можетъ быть потерялъ ее, и по моему мнѣнію, вполнѣ вѣроятно что онъ въ настоящее время ничего не помнитъ объ этомъ случаѣ; также вѣроятно, что еслибы

онъ и употребилъ пилу въ свою пользу, то могъ не помнить, какъ она попала въ его руки. Напротивъ, „способность различать добро отъ зла," на которую ссылается заключеніе суда, у него отрицаема быть не можетъ, такъ какъ онъ вполнѣ сознаетъ и высказалъ мнѣ, „что онъ всегда бы возвратилъ пилу, которую ему одолжили," при чемъ даетъ понять, что знаетъ, что удержать чужую вещь и употребить ее въ свою пользу несправедливо и что за это наказываютъ.

Въ судебномъ засѣданіи изслѣдуемый былъ оправданъ.

СЛУЧАЙ ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

Попытка къ убійству. — Поврежденіе головы. — Способность ко вмѣненію.

Нѣкто Бонвенъ, проведя ночь на 2-е іюля съ дѣвицей Эммой Кунстъ въ Hôtel de l'union, утромъ, вставши съ постели, ранилъ ее выстрѣломъ изъ пистолета и обвиняется въ попыткѣ къ убійству.

Эмма Кунстъ, 18 лѣтняя дѣвушка, жила проституціей, была уже наказана за воровство тремя мѣсяцами тюремнаго заключенія и состояла прежде подъ надзоромъ полиціи.

Бонвенъ узналъ ее въ февралѣ 1867, подъ именемъ Елены Ланге; она, по видимому, много разъ его обманывала, давая ему обѣщанія исправиться и оставить свой развратный образъ жизни, и не сдерживая этого обѣщанія.

Бонвенъ сдѣлался рыцаремъ дѣвушки, пытался исправить ее и помѣстить въ заведеніе Св. Магдалины, помирить съ семьей, которая оттолкнула ее, и дѣйствительно достигъ того, что она была принята въ домъ родителей, и поступила въ заведеніе Св. Магдалины. Но къ несчастію, чрезъ нѣсколько дней, была арестована полиціей и по окончаніи присужденнаго ей наказанія, возвратилась не въ родительскій домъ, но пошла къ Бонвену, который въ это время былъ въ Бауценѣ.

Онъ чувствовалъ сильное влеченіе къ этой дѣвушкѣ и не смотря на то, что не могъ не видѣть, что его старанія о ней были на-

прасны, все-таки страстно любилъ ее и заблуждался въ своей страсти.

Онъ былъ прежде студентомъ, потомъ участвовалъ въ Шлезвигской кампаніи, велъ себя хорошо, хотѣлъ остаться въ военной службѣ, но по своей слабости къ женщинамъ запутался въ долгахъ, былъ легомысленъ, и изъ за того, чтобы провести лишній вечеръ съ одной дѣвушкой, провинился противъ дисциплины, вслѣдствіе чего офицерскій экзаменъ его не состоялся; онъ опять сталъ учиться, потомъ участвовалъ въ кампаніи 1866 г., былъ тажело раненъ при Гичинѣ и хотѣлъ опять остаться военнымъ, былъ уже избранъ въ офицеры, но въ Бауценѣ снова встрѣтился съ Эммой и перемѣнилъ свое намѣреніе. Онъ тотчасъ же потребовалъ отставку и получилъ ее, по совершённой неспособности къ службѣ. Вслѣдствіе долговъ, онъ былъ подвергнутъ легкому аресту въ крѣпости на 4 недѣли, потомъ возвратился въ Берлинъ, гдѣ снова свелъ знакомство съ Эммой и опять поступилъ въ университетъ.

Во все это время страсть его къ Эммѣ не охладилась. Изъ его писемъ къ ней видно, что онъ серьезно увѣщевалъ ее, мечталъ о счастіи съ ней и думалъ сдѣлать ее своей женой, оставивъ свою военную карьеру.

Отецъ Кунстъ утверждаетъ, что Бонвенъ хотѣлъ жениться на ней, хотя онъ и дѣлалъ ему возраженія противъ этаго.

Разойдясь съ своей семьей, по причинѣ легкомысленныхъ займовъ, а также за отношенія къ Эммѣ, Бонвенъ постарался получить доступъ въ семейство цирульника Кунстъ и легко достигъ этого; но ему отказали отъ дома за волокитство за старшей дочерью, за которой онъ сталъ ухаживать, какъ говоритъ, для того, чтобы показать, что она не лучше своей сестры.

Онъ видѣлъ, что Эмма грубо обманываетъ его; онъ много разъ сближался съ ней и она, давая ему всевозможныя обѣщанія, постоянно снова бросала его. Онъ чувствовалъ себя очень несчастнымъ, это замѣтилъ референдаръ Крукъ, который былъ съ нимъ вмѣстѣ въ ресторацiи Клетке и вмѣстѣ съ нимъ отыскивалъ Эмму, которая припяла Бонвена очень нелюбезно и насмѣшливо.

Все это, равно какъ и разрывъ съ семействомъ и потеря карьеры, сдѣлали на Бонвена такое впечатлѣніе, что онъ, чувствуя себя совершенно несчастнымъ, рѣшился лишить себя жизни.

Онъ купилъ 1-го іюля пистолетъ и заряды, нанялъ комнату въ Hôtel de l'union, не желая совершить самоубійство въ своей квартирѣ, но захотѣлъ еще разъ увидѣть Эмму. Вечеромъ, въ среду, онъ отправился къ ней и прежде чѣмъ взойти въ комнату, разговаривалъ съ ея хозяйкой Бауеръ, которая замѣтила въ немъ большую экзальтацію. Онъ велъ разговоръ, какъ будто совершенно не понимая, что говоритъ, разсказывалъ, что совсѣмъ уѣзжаетъ изъ Берлина, что братъ его купилъ ему имѣніе и онъ будетъ вести тамъ идиллическую жизнь. Кунстъ, противъ ожиданія, приняла его очень любезно и предложила провести съ нимъ вечеръ, послѣ чего они уѣхали въ Linden-Hôtel, гдѣ Бонвенъ выпилъ двѣ кружки пива.

Кунстъ согласилась провести также съ нимъ и ночь, тогда они отправились въ Hôtel de l'union, закусили тамъ, выпили кружку пива и легли спать вмѣстѣ. Бонвенъ вечеромъ и ночью много разъ имѣлъ съ ней совокупленіе. Онъ принесъ съ собой заряженый пистолетъ и положилъ его на стоящій около кровати комодъ, подъ платье. Эмма утверждаетъ, что она почью чувствовала что то твердое подъ подушкой, но не обратила на это вниманія. Утромъ около 8 часовъ она хотѣла встать, но Бонвенъ предупредилъ ее, выставилъ сапоги за дверь, заперъ ее, потомъ подошелъ къ постели, присѣлъ на кровать и спросилъ: „Эмма куда мнѣ въ тебя выстрѣлить, въ сердце или въ високъ?“ Она приняла это за шутку. Но видя что лицо его больше и больше краснѣетъ и вспомнивъ, что Бонвенъ раньше грозилъ убить ее, если она не будетъ ему вѣрна, она испугалась и хотѣла схватить изъ подъ подушки ощупанный ею тамъ предметъ. Но онъ предупредилъ ее, и, наведя пистолетъ на ея грудь, выстрѣлилъ, прежде чѣмъ она могла сдѣлать движеніе,—чтобы убѣжать. Она замѣтила, что Бонвенъ вынималъ изъ коробочки другую пулю, чтобы снова зарядить, и успѣла убѣжать. Она прибавляетъ, что Бонвенъ, когда она смѣялась надъ

его вопросомъ, куда ему выстрѣлить, сказалъ: „Для того я тебя и взялъ сюда.“ Бонвенъ еще раньше однажды показывалъ ей пистолетъ, говоря что хочетъ застрѣлить себя. Тогда она отняла у него оружіе и отдала своему отцу.

Поврежденіе Кунсть было легкое. Уже 9 іюля она была выпущена изъ больницы. Пуля проникла между 2 и 3 ребромъ, прошла вдоль по третьему ребру и была извлечена у нижней трети наружнаго края лѣвой лопатки. Судя по свойству раны, выстрѣлъ былъ сдѣланъ на близкомъ разстояніи, не дальше нѣсколькихъ футовъ.

Бонвенъ описываетъ происшествіе иначе. По его словамъ, онъ сказалъ Эммѣ, что хочетъ застрѣлиться и въ шутку спросилъ ее, не застрѣлить ли также и ее, пусть она только скажетъ, куда. Она сказала „въ ротъ“, и онъ ее поцѣловалъ. Далѣе онъ описываетъ, какъ схватилъ пистолетъ, который положилъ подъ подушку не ночью, а только утромъ, какъ хотѣлъ застрѣлить себя и взвелъ курокъ, какъ Эмма при этомъ также схватилась за пистолетъ, чтобы вырвать у него. При этомъ пистолетъ вдругъ выстрѣлилъ. Такимъ образомъ, онъ представляетъ это происшествіе, относительно Эммы, какъ нечаянный случай, а между тѣмъ, тотчасъ послѣ происшествія показалъ полицейскому лейтенанту, что у него было обдуманное намѣреніе, и чрезъ нѣсколько часовъ, въ моемъ присутствіи, объяснялъ, что у него была цѣль убить себя, но когда утромъ онъ опять увидѣлъ, что любовь Эммы была притворна, сладкія рѣчи — обманъ и насмѣшка, то въ волненіи подумалъ: „нѣтъ, и ее нужно долой.“ И на допросѣ онъ также утверждалъ, что поступокъ совершонъ имъ въ аффектѣ. Онъ объясняетъ это противорѣчіе тѣмъ, что полагая тогда, что рана Эммы тяжела и смертельна, хотѣлъ такимъ показаніемъ достигнуть своей цѣли — смерти.

Подошедшіе на выстрѣлъ кельнеры помѣшали ему зарядить во второй разъ. Они нашли его надѣвающимъ панталоны. На столѣ лежалъ пистолетъ съ отвинченнымъ для заряжанія стволомъ. Бонвенъ, казалось, былъ въ сильнѣйшемъ волненіи, дрожалъ всѣмъ

тѣломъ, былъ облитъ потомъ и сказалъ, ударяя себя въ лобъ: „я съ ума сошелъ!„ и требовалъ чтобы его повели въ полицію.

Въ комнатѣ содержателя гостинницы Бонвенъ написалъ письмо къ отцу Эммы, такъ какъ ему не было позволено видѣться съ ней, чтобы попросить у нея прощенія:

Берлинъ, 2 іюля 1868.

Уважаемый Господинъ Кунстъ!

Чаша для меня переполнилась. Отчаяніе не давало мнѣ покоя; она сдѣлала меня несчастнымъ. Я былъ вчера вмѣстѣ съ Эммой въ гостинницѣ и выстрѣлилъ въ нее. Она тяжело ранена.

Пожалѣйте Вашего несчастнаго

Бонвена.

На дорогѣ въ полицію онъ курилъ сигару. Полицейскому лейтенанту казался онъ видимо взволнованнымъ, какъ физически такъ и душевно, такъ что много разъ языкъ у него отказывался служить.

Въ слѣдственныхъ актахъ нѣтъ никакихъ свѣденій о душевномъ состояніи изслѣдуемаго, также нѣтъ почти ничего и о его Vita anteacta, относительно фактовъ изъ его психической жизни. Ни показанія его на допросахъ, ни поведеніе въ тюрьмѣ не давали никакого повода сомнѣваться въ его умственной неповрежденности. Но все таки, принимая во вниманіе необычайность случая, королевскій прокуроръ высказалъ сомнѣніе въ способности подсудимаго ко вмѣненію.

Прокуроръ опирается въ своихъ сомнѣніяхъ на слѣдующіе факты.

На показанія Бауеръ, которой обвиняемый показался экзальтированнымъ и взволнованнымъ, когда онъ приходилъ за Кунстъ и велъ разговоръ, какъ будто не понимая что говоритъ.

По показанію Эммы Кунстъ, обвиняемый въ послѣднія минуты предъ поступкомъ находился въ сильномъ возбужденіи, его рука дрожала и лицо покрылось краской.

Непосредственно послѣ поступка, Бонвенъ сказалъ прибѣжавшимъ кельнерамъ, что онъ помѣшанъ, и, по показанію полицейскаго лейтенанта Гартмана, былъ такъ взволнованъ, что языкъ не служилъ ему. Обвиняемый во время кампаніи 1866 г. былъ раненъ выстрѣ-

ломъ въ голову. Въ этомъ и слѣдуетъ предполагать причину его душевнаго состоянія. Могло быть, что отъ раны пострадали умственныя способности подсудимаго.

Наконецъ, отношенія обвиняемаго, хотя легкомысленнаго, но научно образованнаго и воспитаннаго въ правилахъ нравственности и чести, къ Эммѣ Кунстъ, преданной проституціи, были очень эксцентричны, такъ какъ онъ намѣревался исправить эту дѣвушку и послѣ того жениться на ней. Слѣдовательно, и самый поступокъ его психологически трудно объяснимъ.

По этимъ причинамъ королевскій прокуроръ потребовалъ мнѣнія о способности обвиняемаго ко вмѣненію.

Бонвенъ, сынъ священника, 25 лѣтъ, крѣпкаго тѣлосложенія, физическое развитіе его сообразно возрасту, питаніе хорошо, тѣломъ онъ здоровъ, функціи органовъ его нормальны и кромѣ болѣзней раняго дѣтства онъ болѣнъ не бывалъ.

Отецъ его умеръ, мать еще жива и, кромѣ того, есть братья и сестры. Душевныхъ или судорожныхъ болѣзней или извѣстныхъ ему нервныхъ болѣзней, по его показанію, въ его семействѣ не случалось.

Физіономія у него живая, смышленая, иногда несомнѣнно добродушная, зрачки средней ширины, во взглядѣ нѣтъ ни мечтательности, ни сумазбродства. Обращеніе его скромное, учтивое, вѣжливое, сообразное его степени образованія и общественному положенію. Разговоръ его плавенъ, правиленъ, не безъинтересенъ; онъ не теряется въ подробностяхъ, напротивъ всегда придерживается того о чемъ идетъ рѣчь. Въ разговорѣ его проглядываетъ самоувѣренность и тщеславіе, выраженія его часто напоминаютъ бурша, и мнѣ не разъ казалось, что онъ не совсѣмъ нехотя видѣлъ въ себѣ интересный центръ этого дѣла, хотя я не хочу этимъ сказать чтобы онъ когда нибудь хвалился своимъ поступкомъ; скорѣе, иногда интересъ самого дѣла побуждалъ его къ самодовольному разсказу о своихъ чувствахъ.

Говорилъ онъ по временамъ нѣсколько въ носъ. На правое

ухо глухъ. Это есть слѣдствіе упомянутой огнестрѣльной раны, которая началась передъ правымъ ухомъ и прошла глубже въ лѣвую щеку вплоть до восходящей вѣтви нижней челюсти и коснулась костей, такъ что рубецъ приросъ къ костямъ.

Эта рана была, какъ онъ разсказываетъ, сопровождаема сотрясеніемъ мозга; онъ полагаетъ, что былъ безъ сознанія около двухъ часовъ, но чрезъ нѣсколько часовъ могъ уже написать доктору записку, что желаетъ быть пересланнымъ въ Горлицъ, когда услыхалъ, что раненныхъ будутъ пересылать туда; поправился онъ относительно скоро, никогда не жаловался ни на головныя боли, ни на первыя, которыя распространялись бы отъ рубца.

О самомъ проступкѣ разсказалъ онъ мнѣ тоже самое, что и при первомъ допросѣ. Онъ говорилъ, что любовь къ Эммѣ пересилила его, что невѣрность ея чрезвычайно чувствительно его оскорбила, и такъ какъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, карьера его была разстроена и съ семьей онъ поссорился, то онъ и хотѣлъ лишить себя жизни. Что онъ попалъ въ Эмму,— это былъ случай; онъ не намѣревался ее убить, въ подтвержденіе чего и приводитъ очень остроумныя доказательства.

Такъ какъ акты содержатъ очень мало данныхъ о его жизни, и такъ какъ трудно передать его разсказъ, съ сохраненіемъ всей его характеристичности, то я и попросилъ его описать свою жизнь, съ тѣмъ, чтобы онъ психологически развилъ причины, которыя привели его къ рѣшенію убить себя resp. сдѣлать попытку къ убійству Эммы.

Онъ исполнилъ это, и хотя нѣсколько пространно, но я счелъ за нужное заставить его самого разсказать о себѣ.

„Я родился 13 октября 1843 года, въ К..., гдѣ мой отецъ былъ священникомъ; спустя девять мѣсяцевъ послѣ моего рожденія, онъ перешелъ въ П..., въ деревню, около Франкфурта, и умеръ тамъ уже въ 1849 году. У меня сохранились нѣкоторыя воспоминанія изъ прежнихъ лѣтъ жизни въ П Изъ воспоминаній этихъ открывается, что вліяніе моихъ товарищей, большею частію сосѣднихъ дѣтей и дѣтей нашей прислуги, было для меня неблагопріятно.

На пятомъ году моей жизни, мнѣ были уже извѣстны вещи, которыя и для юноши должны бы быть тайной: я безпрестанно былъ свидѣтелемъ безстыдныхъ поступковъ и, увлеченный примѣромъ, даже самъ совершалъ ихъ. Я обвиняю единственно только мое раннее дѣтское развращеніе въ поступкахъ моей послѣдующей жизни, во всемъ направленіи, которое приняла моя душевная дѣятельность. Рѣдкія способности, какими я былъ одаренъ, были уже тогда отчасти надломлены; во всякомъ случаѣ, черезъ это сдѣлалось невозможнымъ образованіе твердаго характера — главный недостатокъ всей моей жизни. Къ счастію для меня, мать моя перемѣстилась во Франкфуртъ на Одерѣ, и здѣсь я провелъ свою юность до 18 лѣтъ. Здѣсь ходилъ я въ школу, вмѣстѣ съ дѣтьми хорошихъ сословій. Мы всѣ стремились къ одной цѣли, но честолюбіе поощряло меня опередить ихъ, и при моихъ способностяхъ, мнѣ это скоро удалось. Я былъ до 14 года образцемъ прилежанія, получилъ отличные аттестаты и имѣлъ право на большія ожиданія. Тутъ, приколотивъ сына моего класснаго ординаріуса, ober-tertia, я возбудилъ въ немъ сильное недоброжелательство ко мнѣ и былъ, по причинѣ этого мнимаго недостатка нравственной зрѣлости, оставленъ въ томъ же классѣ, хотя всѣ другіе учителя говорили мнѣ, что я совершенно готовъ перейти во второй классъ, только мой поступокъ былъ причиной моего „расположенія на зимнихъ квартирахъ въ tertia“, по выраженію покойнаго профессора Гейдлера. Какъ ни маловаженъ казался этотъ фактъ, но онъ былъ причиной переворота въ моей жизни. Тогда какъ при переходѣ въ высшій классъ, мое честолюбіе и рвеніе должны бы были окрѣпнуть, теперь случилось на оборотъ, тѣмъ болѣе, что я чувствовалъ, что со мной поступили несправедливо, что я былъ совершенно приготовленъ для высшаго класса. Послѣдствіемъ было то, что я сдѣлался страшно лѣнивъ; дѣлать мнѣ было нечего, я зналъ все, что проходили и потому тратилъ свое время на другое, и когда чрезъ полгода былъ переведенъ во второй классъ, то потерялъ уже охоту къ энергической работѣ, а характеръ у меня былъ не на столько твердъ, чтобы привести въ исполненіе, нѣкогда твердо принятое

намѣреніе быть прилежнымъ. Къ сожалѣнію, во второмъ и въ первомъ классахъ нашлось довольно товарищей, которые примѣромъ своимъ заглушали всякое стремленіе къ прилежанію. Это были большею частію 18—19 лѣтніе молодые люди, которые внушали мнѣ уваженіе своей важной фигурой; сойтись съ ними было чрезвычайно лестно для 14-ти-лѣтняго мальчика, а превзойти ихъ въ поступкахъ, было моимъ единственнымъ стремленіемъ, потому что считаться въ ихъ глазахъ за „испытаннаго“ малаго, какъ они обыкновенно выражались, получить отъ нихъ похвалу,—чрезвычайно льстило моему тщеславію и самолюбію. Молодежь эта страшно кутила, натурально, кутилъ и я; они ввели у себя союзъ буршей, совершенно подобный студенческому; конечно, и я не отсталъ, и до тѣхъ поръ не успокоился, пока не сдѣлался старшиной. Главнымъ принципомъ у насъ было—разыгрывать важныхъ господъ; натурально, такимъ образомъ, мы неизбѣжно должны были заходить за предѣлы своей сферы. Еслибы я обладалъ твердостью характера, то не противился бы просьбамъ и слезамъ моей доброй матери и сдѣлалъ бы лучшее употребленіе изъ моихъ способностей, вмѣсто того, чтобы идти кое-какъ, на сколько было необходимо, чтобы кончить курсъ въ этой ненавистной школѣ, для чего, говоря правду, не требовалась большаго напряженія. Конечно, въ кружкѣ молодыхъ людей, которые, при различіи индивидуальностей, вполнѣ сходились однакожъ въ томъ, чтобы вести жизнь, несообразную ни съ лѣтами, ни съ отношеніями, и при обусловленномъ этимъ тонѣ, образовалось совершенно ложное чувство чести. Вслѣдствіе этого въ школѣ непрерывная оппозиція противъ учителей, которые будто бы наносили оскорбленіе мнимой чести молодыхъ господъ, почему я лично навлекъ на себя большія непріятности и наказанія; внѣ школы—безпримѣрное сумазбродство, выражавшееся съ одной стороны страшными кутежами, съ другой, именно у меня—знакомствомъ съ проститутками, или же съ вѣтренными дѣвушками. Соблазны моего перваго дѣтства посили въ себѣ зародышъ этой склонности, которая дошла почти до страсти, и находила себѣ пищу въ томъ безпримѣрномъ счастіи, которое благопріятствовало мнѣ и которое

могло прославить меня между товарищами; желаніе прославиться,— эта душа перешедшаго уже въ студенческіе годы первоклассника,— была часто, даже большею частію, побудительной причиной къ многимъ сумазбродствамъ—къ стремленію вести интимное знакомство съ актрисами, за которыми безуспѣшно ухаживали офицеры, и еще съ болѣе пикантными дамами. Ясно, что при такой жизни не всегда доставало денежныхъ средствъ, не смотря на то, что я давалъ приватные уроки, получая по 7½ зильбергрошей въ часъ; мать, или тетка, или братья и сестры часто должны были покрывать долги, которые я легкомысленно дѣлалъ, и тѣмъ охотнѣе, чѣмъ легче за меня ихъ уплачивали. Эта готовность, прямѣе сказать, слабость, именно моей тетки дѣлала меня все болѣе легкомысленнымъ и я все болѣе терялъ умѣнье распоряжаться своей собственностью. Несмотря на это, я 18½ лѣтъ, на пасхѣ 1862 года, выдержалъ выпускной экзаменъ. Съ нимъ вмѣстѣ свергнулось невыносимое иго школьнаго времени, съ нимъ уничтожилось послѣднее препятствіе на пути стремленія къ полной свободѣ, съ нимъ получилъ я прощеніе за всѣ мои глупыя проказы, которыми я мучилъ удрученное и заботливое сердце матери. Я желалъ тогда посвятить себя военному званію. Наружный блекъ, окружающій его, общественное положеніе офицера, самоувѣренность въ поступкахъ, уваженіе, оказываемое каждому даже молодому офицеру, будь это въ гостиной или на улицѣ, также неимовѣрное вліяніе мундира на красивомъ молодомъ человѣкѣ, успѣхи въ области любви, наконецъ, легкая служба— соотвѣтствовали во всѣхъ отношеніяхъ моей индивидуальности. О, я жалѣю еще и теперь, что не привелъ тогда въ исполненіе эту мысль. Разница между школьной неволей и военной дисциплиной была не велика; я не зналъ еще многаго, что ускорило мою испорченность, я могъ быть увѣреннымъ, что сдѣлаюсь офицеромъ, чему помѣшало потомъ мое легкомысліе. Мой опекунъ, священникъ Г., былъ причиной того, что мое желаніе не исполнилось. Онъ полагалъ, судя по моему поведенію въ теченіе школьнаго времени, что я имѣю большую склонность къ легкомыслію, которое, при соблазнахъ, окружающахъ офицера, могло причинить мнѣ много бѣдъ,

тѣмъ болѣе, что онъ не ожидалъ отъ меня достаточной твердости характера и считалъ меня суетнымъ. Сообразно его желанію, я посвятилъ себя юридическому поприщу. Для этой цѣли я хотѣлъ поступить въ іенскій университетъ. Этому опять воспротивились и опекунъ, и мать, потому что въ Іенѣ учились многіе изъ моихъ друзей и вели разгульную жизнь и потому что я совершенно откровенно высказалъ намѣреніе вступить въ первый же годъ въ студенческую корпорацію. Въ моей внутренней жизни постоянно выступали два стремленія, которыя боролись одно съ другимъ и которыя я всегда сознавалъ. Одно склоняло меня ко всѣмъ сумазбродствамъ, къ необузданному легкомыслію, другое я назову лучшимъ побужденіемъ овладѣвающемъ мной по временамъ, и всегда такъ сильно, что я, покрайней мѣрѣ на нѣкоторое время,—бросался въ другую крайность. Я вполнѣ понималъ, какъ недостойно поступаю въ моемъ легкомыслiи, какъ мало вознаграждаю самоотверженную любовь моей чрезмѣрно доброй матери и всѣхъ моихъ родныхъ, я совершенно сознавалъ, что упорство въ моемъ легкомыслiи повлечетъ за собой самыя дурныя послѣдствія. Безспорно, это лучшее побужденіе заставило меня исполнить просьбу моей матери при отъѣздѣ въ университетъ. Я хорошо помню тотъ часъ, когда я вознамѣрился сдѣлаться въ своемъ новомъ положеніи во всѣхъ отношенiяхъ новымъ человѣкомъ. Я въ минуту совершенно преобразился и обрадовалъ мою семью моимъ твердымъ рѣшеніемъ ѣхать въ Берлинъ, мѣсто куда ѣдутъ только для того чтобы работать, и тѣмъ, что отказался отъ предложенія поступить сначала въ маленькій университетъ какъ въ Грейфсвальдѣ, Галлѣ или Бреславлѣ, гдѣ также можно наслаждаться студенческою жизнью. Мое рѣшеніе было твердо: ты кончаешь съ прошедшимъ, и долженъ усердно работать, чтобы прилежаніемъ скорѣе достигнуть цѣли. Къ несчастію, я недолго былъ господиномъ этого лучшаго моего побужденія. Измѣняя своимъ намѣреніямъ, я всегда сознавалъ это, но не былъ въ состоянiи противустоять искушенію. При такихъ обстоятельствахъ, для меня было вдвое опаснѣе быть въ Берлинѣ, гдѣ каждый день встрѣчаются безчисленныя искушенія. Натурально, рѣшимости моей до-

стало не надолго, и всѣ мои намѣренія изчезли. Изъ солиднаго студента я сдѣлался лихимъ фуксомъ корпораціи Guestphalia, вмѣсто коллегіи я шелъ въ шинокъ, вмѣсто того, чтобы работать, гулялъ и забавлялся на всѣ манеры. Что я посѣялъ въ школѣ, теперь созрѣло и принесло чудесные плоды. Если я иногда и дѣлалъ себѣ упреки въ минуты нравственнаго настроенія, то скоро находилъ для себя извиненіе въ томъ, что это вѣдь первый мой студенческій годъ и что еще будетъ достаточно времени для солидности, и тѣмъ болѣе успокоивался, что какъ моя семья, такъ и почти всѣ смотрѣли на мои сумазбродства, какъ на студенческія шалости, раздѣляли, такимъ образомъ, мой взглядъ и съ достаточною готовностью платили мои долги. Такимъ образомъ прошелъ первый студенческій годъ, полный глупостей, вызванныхъ легкомысліемъ и заносчивостью. Единственная разумная мысль, опять продуктъ нравственнаго побужденія, было рѣшеніе отслужить мой годъ въ продолженіи второго курса. Чрезъ это, съ одной стороны, я надѣялся начать болѣе нравственную жизнь, и прежде всего освободиться отъ легкомысленной жизни корпораціи, съ другой же стороны возлагалъ большія надежды на вліяніе военной дисциплины.

Поэтому я вступилъ 1 апрѣля 1863 г. въ гвардейскій фузильерскій полкъ, въ качествѣ одногодѣтняго волонтера, и мои ожиданія въ самомъ дѣлѣ, казалось, оправдались. Годъ, проведенный мною въ этомъ полку, во всякомъ случаѣ долженъ быть названъ единственнымъ, изъ послѣдняго десятилѣтія, не потеряннымъ для меня. Прежде всего полюбилась мнѣ моя новая служба, я почувствовалъ себя совершенно въ своей сферѣ, и мое прежнее пристрастіе къ военному званію пробудилось съ огнемъ, съ энтузіазмомъ, которому ничто не могло противустоять. Я былъ душой и тѣломъ солдатъ, если и не велъ уединенной жизни, то крѣпко держалъ себя въ рукахъ, и видѣлъ въ себѣ особенно благопріятную перемѣну въ томъ отношеніи, что старался получить доступъ въ хорошія семейства, чѣмъ прежде пренебрегалъ. Именно, я особенно охотно вступалъ въ тѣ общества, гдѣ могъ любезничать съ молодыми дамами, ибо пристрастіе къ прекрасному полу не

оставляло меня ни на одну минуту; я чувствовалъ дѣйствительную потребность начать съ какой нибудь ихъ этихъ молодыхъ дамъ маленькую интрижку; во всякомъ случаѣ, эта внутренняя, такъ рано разбужденная и по этому, можетъ быть, болѣзненная страсть приняла въ это время благородное направленіе. Пристрастіе къ военному званію окрѣпнуло черезъ это еще болѣе, ибо всѣ, и между прочимъ многія молодыя дамы, убѣждали меня посвятить себя этому званію. Поэтому, я привелъ бы эту идею въ исполненіе, даже и безъ особеннаго приглашенія, которое я получилъ отъ своего капитана и даже противъ воли опекуна. Получивъ отъ полка такое свидѣтельство, какого больше никогда уже не получалъ, я былъ принятъ, какъ вольноопредѣляющійся, въ 18 полкъ, принадлежащій къ дѣйствующей шлезвигской арміи, участвовалъ въ сраженіе подъ Дюппелемъ 28 марта, пробылъ тамъ во все время осады этой крѣпости, былъ участникомъ при штурмѣ шанцевъ и въ теченіи 4-хъ недѣль былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры и потомъ въ портупей-прапорщики. Меня освободили отъ вступленія въ военную школу и дали отпускъ въ Берлинъ на три мѣсяца, для самостоятельнаго приготовленія къ офицерскому экзамену. До сихъ поръ все шло съ удивительнымъ счастіемъ, все скоро удавалось и, само собой понятно, слѣдовало сдѣлать и послѣдній шагъ на пути къ достиженію моего страстнаго желанія. Къ тому же мои родные были мной вполнѣ довольны, со всѣхъ сторонъ я слышалъ одобренія, всѣ поздравляли меня,—что же могло выйти изъ этаго какъ не слишкомъ высокое о себѣ мнѣніе, которое идетъ рука объ руку съ высокомѣріемъ. Когда я былъ студентомъ, мнѣ встрѣчались тысячи искушеній, но число имъ было ничтожно въ сравненіи съ тѣми искушеніями, которыя представлялись прапорщику сражавшагося съ такимъ успѣхомъ полка, у котораго на груди красовался орденъ за участіе въ штурмѣ Дюппеля и загорѣлое лицо котораго свидѣтельствовало о перенесенныхъ имъ тягостяхъ; блестящій мундиръ его съ бѣлымъ шарфомъ уже издали бросается въ глаза и привлекаетъ взоры всѣхъ; въ то время членъ дѣйствующей арміи тѣмъ болѣе привлекалъ къ себѣ вниманіе, что самые полки еще не воз-

вратились. Не натурально ли было, что мое тщеславіе сдѣлалось безпредѣльнымъ; я дѣлалъ все, что могло его удовлетворить, къ этому присоединялось опасное высокомѣріе, заставившее меня совершенно забыть, что я только сынъ вдовы священника и допустившее переступать мѣру моихъ денежныхъ издержекъ. И къ тому еще опасная склонность къ женскому полу. Что изъ этого не могло ныйти ничего хорошаго, совершенно ясно. Въ самомъ дѣлѣ, я скоро влюбился въ прелестную молодую 18-ти лѣтнюю дѣвушку, Марію Гемерлейнъ, которую увидѣлъ у Кроля. Ея дѣйствительно привлекательное лице такъ плѣнило меня, что я сталъ искать знакомства съ ней, чего легко и достигъ, хотя она жила у родителей. Она ходила ко мнѣ каждый день послѣ обѣда и мы оставались вмѣстѣ обыкновенно до 10 или 11 часовъ, сначала въ моей квартирѣ, потомъ въ ресторанѣ. Но вскорѣ обнаружилось чувство пресыщенія и я разошелся съ ней на нѣсколько времени, пока снова случайно не встрѣтился; связь наша, въ моихъ глазахъ, ничѣмъ не отличалась отъ прежнихъ моихъ мимолетныхъ знакомствъ. Однакожъ съ той минуты, какъ случай свелъ насъ снова, во мнѣ произошла перемѣна. Я почувствовалъ нѣкоторую склонность къ этой дѣвушкѣ, такую, какой прежде не испытывалъ; мнѣ нравилось быть съ ней вмѣстѣ и склонность эта не изчезала, не смотря на частыя половыя сношенія. Такъ продолжалось до отъѣзда моего изъ Берлина, въ концѣ января, то есть три мѣсяца. Склонность эта была не глубже поверхностной связи, что видно изъ того обстоятельства, что я сейчасъ же забылъ ее, какъ только вернулся въ полкъ. Не смотря на это, я не могъ себѣ уяснить, какъ могъ я такъ долго оставаться постояннымъ, тѣмъ болѣе, что чрезъ нее я истратилъ много денегъ и совершенно отсталъ отъ работы. Это во всякомъ случаѣ происходило отъ болѣе и болѣе увеличивающейся слабости характера, вмѣстѣ съ неумѣренностью въ половыхъ наслажденіяхъ, что еще больше возбуждало мою склонность къ женскому полу. Иначе я не могу объяснить себѣ этого извращенія вкуса, если можно такъ выразиться. Впрочемъ это легкомысленное время не осталось безъ послѣдствій, которыя обыкновенно проис-

ходятъ отъ высокомѣрія. Я былъ слишкотъ самоувѣренъ. Я долженъ былъ проводить время моего офицерскаго экзамена въ зданіи экзаменаціонной коммиссіи, но проводя послѣдній вечеръ съ однимъ товарищемъ и этой Маріей Г., и просрочивъ время своего увольненія, не захотѣлъ уходить оттуда, думая, что вернусь утромъ и этого никто не замѣтитъ. Однакожъ ожиданія мои не оправдались и за этотъ проступокъ я былъ посланъ обратно въ полкъ. Хотя долги за меня и заплатили, но все-таки отсылка отъ экзамена имѣла дурныя послѣдствія. Офицеры приняли меня очень дурно и я замѣтилъ, что за мной и моимъ поведеніемъ строго наблюдаютъ. Къ тому же, въ Котбузѣ, гдѣ мой полкъ стоялъ гарнизономъ, я много разъ позволялъ себѣ отступать отъ условныхъ военныхъ обычаевъ, что навлекло на меня неблагосклонность нѣкоторыхъ лицъ, наконецъ въ силу моихъ личныхъ взглядовъ, я не могъ допустить, чтобы меня учили, и всего менѣе, младшіе по лѣтамъ начальники. Поэтому, никто не былъ за меня, когда я дѣйствительно провинился, хотя и заслуживалъ снисхожденія. Это было въ годовщину штурма Дюппеля, 18 апрѣля 1865 года. Въ этотъ день, послѣ утренняго парада, былъ общій завтракъ, въ которомъ и я принималъ весьма дѣятельное участіе. За нимъ слѣдовалъ оффиціальный обѣдъ, послѣ котораго долженъ былъ состояться праздникъ для баталіона въ ближайшемъ лѣсу. За обѣдомъ я снова порядочно выпилъ, и, выходя изъ залы въ довольно возбужденномъ состояніи, позволилъ себѣ до такой степени забыться, что сѣлъ на стоявшую у крыльца лошадь капитана ф. Отто и проѣхалъ кругомъ. Это было замѣчено обѣдавшими офицерами и мнѣ было приказано отправиться домой. Не разслышавъ этого, я отправился на мѣсто сбора и долженъ былъ здѣсь, передъ всѣмъ баталіономъ, передъ тысячью зрителей, еще разъ выслушать приказаніе идти домой, потому что былъ пьянъ. Это привело меня въ такое волненіе, какого я еще не испытывалъ. Я бросился домой, надѣлъ статское платье и пошелъ за баталіономъ; тамъ меня увидали и тотчасъ послали назадъ въ городъ, подъ арестъ на пять дней, въ наказаніе за эту „дерзость.“ Вслѣдствіе этого, я тотчасъ подалъ въ

отставку и, получивъ ее въ іюнѣ, отправился къ моему брату въ Гамерфельдъ, занялся тамъ немного юридическими науками и поступилъ опять, въ 1865 году, въ берлинскій университетъ. Я работалъ довольно усердно въ теченіе этого зимняго семестра, велъ себя хорошо, представилъ къ концу семестра работы для экзамена въ качествѣ вольнаго слушателя, но не былъ допущенъ къ экзамену министромъ юстиціи, графомъ ф. Липпе, не смотря на дюппельскій штурмъ, потому что имѣлъ не вполнѣ удовлетворительный аттестатъ о поведеніи въ военной службѣ. Въ это время, 1 марта, я случайно познакомился съ одной молодой дѣвушкой, по имени Марія Цибель. Съ пріятной наружностью она соединяла полное образованіе, блистала сарказмами и настоящимъ юморомъ и вообще показывала такъ много душевныхъ качествъ и преимуществъ, что ее нельзя было не счесть очень умной и черезъ это чрезвычайно привлекательной. По ея словамъ, она была дочь одного помѣщика изъ Померанія, и я и теперь еще сожалѣю, что подобная дѣвушка сдѣлалась жертвой проституціи. Я самъ въ то время былъ въ весьма уныломъ расположеніи духа, по причинѣ недостигнутой цѣли; бросилъ свои книги, такъ какъ до экзамена оставалось еще нѣсколько мѣсяцевъ, никакія удовольствія не могли разсѣять моего унынія, и я искалъ средствъ какъ нибудь развлечь себя. Поэтому, неудивительно, если въ такія минуты я не пытался противустоять искушенію. Я связался съ этой дѣвушкой, и чѣмъ больше продолжалось наше знакомство, чѣмъ чаще я видался съ ней, тѣмъ болѣе плѣнялся ею. Я содержалъ ее, заботился о ней, и чѣмъ дальше продолжалась наша связь, тѣмъ сильнѣе становилась моя склонность. Это продолжалось до похода 1866 года, когда я поступилъ въ 48 полкъ. Эти послѣднія отношенія имѣли слѣдствіемъ то, что эта недостойная особа заразила меня сифилитической болѣзнью, но я довольно скоро вылечился и былъ въ состояніи участвовать въ богемскомъ походѣ и принялъ участіе въ славной битвѣ при Гичинѣ, гдѣ былъ тяжело раненъ пулей въ полость рта и обѣ скулы. Я былъ раненъ позднимъ вечеромъ и находился, какъ полагаю, часа 2 или 3 безъ сознанія, когда же

пришелъ въ себя было совсѣмъ темно и баталіонный врачъ перевязывалъ меня, при свѣтѣ фонаря. Послѣ этого сдѣлалась ужасная рвота съ кровью, но не смотря на это, я сохранилъ полное сознаніе, даже имѣлъ силу раннимъ утромъ выйти изъ овина для удовлетворенія нужды; меня можно было перевезти въ военно-походный лазаретъ въ Либунѣ, и тамъ безъ большого труда я могъ прохаживаться по комнатамъ, даже письменно обратиться съ просьбой къ врачу, отослать меня съ транспортомъ больныхъ въ Горлицъ. Это было исполнено. Я лежалъ около трехъ недѣль въ Горлицѣ и поправился настолько, чтобы ѣхать безъ опасности къ моему брату въ Гамерфельдъ. Раздробленныя скуловыя кости зажили скорѣе чѣмъ думали, и 1 сентября я могъ уже предпринять длинное путешествіе въ Ахенъ, для леченія водами. Оно было такъ успѣшно, что я смѣлъ надѣяться быть опять годнымъ для военной службы, такъ какъ потеря слуха на правое ухо, обусловленная раздробленіемъ каменистой части височной кости, вознаграждалось усиленіемъ слуха на лѣвое ухо Теперь я сталъ снова проситься въ полкъ, и былъ принятъ въ тотъ же 48, съ которымъ сражался при Гичинѣ Въ январѣ 1867, я былъ уже совершенно способенъ къ службѣ, возвратился въ полкъ, получилъ военный знакъ отличія, и тотчасъ же былъ уволенъ въ Берлинъ для приготовленія къ офицерскому экзамену.

Съ 16 января до конца мая я оставался въ Берлинѣ; это время должно было сдѣлаться для меня роковымъ. О, еслибы совсѣмъ не было этого времени, еслибы ненужно было и вспоминать о немъ! Въ отношеніи раздолья, удовольствій, внутренняго довольства это было лучшее время моей жизни, но по послѣдствіямъ своимъ самое печальное. Срокъ для экзамена былъ назначенъ въ половинѣ февраля и потому я работалъ очень усердно и въ это время отыскалъ снова нѣсколько семействъ, съ которыми былъ знакомъ раньше, и вообще жилъ скромно. Такъ пришло 1-е февраля. Къ этому времени я получилъ свою пенсію за рану, продовольственныя деньги и т. п., да къ тому же еще порядочную прибавку изъ дома, такъ что у меня составилось болѣе 100 талеровъ, которыми я могъ свободно

располагать. Въ это же время я получилъ извѣстіе, что офицерскій экзаменъ отсрочивается до средины апрѣля. Унынiе, подобное тому какъ и за годъ передъ тѣмъ, овладѣло мной, книги были отложены въ сторону, тѣмъ болѣе, что я уже былъ достаточно приготовленъ къ легкому офицерскому экзамену. Я опять сталъ искать развлеченій, къ чему на этотъ разъ денежныя средства представляли достаточныя удобства. Также и на этотъ разъ, искуситель не замедлилъ явиться, и третьяго февраля, въ воскресенье, когда я съ моимъ пріятелемъ, отлично закусивши и еще лучше выпивши, вечеромъ около 6 часовъ шелъ въ самомъ лучшемъ расположеніи духа по одной изъ берлинскихъ улицъ, искуситель этотъ вывелъ мнѣ навстрѣчу молодую дѣвушку въ богатомъ нарядѣ, при видѣ которой мой пріятель вскричалъ: „ахъ, прекрасная Елена,“ чего для меня было достаточно, чтобы сдѣлаться рыцаремъ этой дамы. Мой пріятель былъ, въ самомъ дѣлѣ, знакомъ съ ней; она приняла наше приглашеніе ужинать въ Linden-Hôtel, и тамъ онъ представилъ мнѣ ее, какъ „дѣвицу Елену Ланге.“ Въ первый же вечеръ эта молодая дѣвушка очаровала меня, или, лучше сказать, съумѣла очаровать, потому что у этой сирены все было поддѣлано, все разсчитано, все—фальшивая наружность, лицемѣріе и притворство, все ложно, все пасмѣшка и обманъ; къ этому же не мало содѣйствовали и винные пары въ моей головѣ, такъ же какъ и ея цѣнный и со вкусомъ сдѣланный туалетъ. Она оказывала мнѣ явное предпочтеніе, потому несомнѣнно — какъ я сознаюсь теперь, нашедши ключъ къ ея поступкамъ—что я хорошо угощалъ и что она пронюхала у меня толстый кошелекъ. Вечеръ кончился тѣмъ, что всѣ достаточно опьянѣли, и мой пріятель также, и она приняла мое приглашеніе—идти со мной. На слѣдующее утро мы разстались; я узналъ отъ нея, что она отвергнутая дочь одного купца, но что, несмотря на это, умѣетъ доставать себѣ честное пропитаніе, хотя и съ трудомъ, что она вмѣстѣ съ своей старой пріятельницей занимаетъ шитьемъ на швейной машинѣ нѣсколькихъ молодыхъ дѣвушекъ, но что съ пріятельницей этой она не можетъ ужиться, такъ что часто думала о томъ, чтобы самостоятельно приняться за по-

добное занятіе, и что ей недоставало только собственной мебели. Чтобы убѣдиться лично въ справедливости ея разсказа, я долженъ былъ дать обѣщаніе посѣтить ее непремѣнно въ этотъ же день. Если уже она возбудила во мнѣ большое участіе разсказомъ о своемъ положеніи и совершенно плѣнила меня своей неподдѣльной прелестью и чрезвычайно миловиднымъ лицемъ, то пріятель мой, зашедшій ко мнѣ вскорѣ послѣ ея ухода, совершенно сбилъ меня съ толку. Онъ поздравилъ меня съ новымъ знакомствомъ, во всѣхъ отношеніяхъ подтвердилъ разсказъ ея, объявилъ, что знаетъ эту дѣвушку уже давно, еще въ домѣ ея родителей, и описалъ ее въ такихъ яркихъ краскахъ, что этимъ еще болѣе завлекъ меня. Что онъ хотѣлъ только подзадорить меня, что онъ издѣвался надо мной, замѣтивъ вчера вечеромъ мои многозначительные взгляды,—объ этомъ онъ мнѣ не сказалъ, а признался только чрезъ 2 недѣли, когда было уже поздно. Натурально, это еще болѣе возбудило во мнѣ желаніе отыскать эту дѣвушку и въ условленный часъ я былъ у нея, долго сидѣлъ, и чѣмъ больше говорилъ съ нею и наблюдалъ ее, тѣмъ сильнѣе привязывался къ ней; такой прелести, такой миловидности, такой граціи и красоты рѣдко случалось видѣть. Еще никогда не сближался я при такихъ обстоятельствахъ съ подобнымъ существомъ, и она, казалось, если не все меня обманывало, также была сильно заинтересована мною. Ея взглядъ, полный выраженія, весь ея разговоръ ясно говорили мнѣ это. Когда я съ ней разстался, я болѣе не принадлежалъ себѣ; искра вчерашняго вечера перешла сегодня утромъ въ пламя, пламя черезъ нѣсколько часовъ, вспыхнуло яркимъ огнемъ, пожирающимъ огнемъ, который не пощадилъ ничего, даже и того, кто такъ легкомысленно игралъ съ нимъ. Перемѣна, происшедшая со мной въ 24 часа, была для меня нова, возбужденное во мнѣ чувство было до сихъ поръ мнѣ незнакомо. Я часто, очень часто влюблялся платонически и думалъ каждый разъ безконечно, пламенно любить. Что значила любовь, которой я когда-то воспламенился къ моей кузинѣ, что значилъ огонь моей первой любви въ сравненіи съ той, которую я теперь чувствовалъ! Я никогда не любилъ такъ, какъ любилъ на

второй день нашего знакомства. И еслибы можно было этому жару еще болѣе усилиться, онъ усилился бы въ слѣдующіе два дня, вторникъ и среду, которые я провелъ безотлучно при ней. Въ эти дни я глубже изучилъ ее, и что за сокровище „чистоты“ я узналъ! О, бѣдная, оставленная дѣвушка. У нея никого нѣтъ на свѣтѣ, она скитается, отвергнутая отцемъ и матерью за проступокъ и по интригамъ сестры, и сколько нужно имѣть характера, чтобы не погибнуть! И опять, и опять прелесть каждаго ея слова, каждаго движенія, огонь ея глазъ, истинно классическій профиль, античный носъ, маленькій розовый ротикъ, ручка, ахъ! и совершенно дѣтская ножка, которая одна уже можетъ очаровать, и, наконецъ, совершенная соразмѣрность ея тѣла, всѣхъ отдѣльныхъ частей—кто на свѣтѣ, у кого бьется сердце въ груди, устоялъ бы противъ этого! Она была для меня, по истинѣ, идеаломъ, о которомъ я мечталъ. Быть ея защитникомъ, заботиться о ней, казалось мнѣ достойнымъ храбраго молодаго человѣка. И когда я въ четвергъ разстался съ ней на короткое время, потому что ей нужно было сходить домой, я тогда только замѣтилъ, что весь вполнѣ принадлежалъ ей. Хотя мы разстались на короткое время, всѣ мои мысли принадлежали ей, ходилъ ли я, стоялъ ли, ея образъ всегда былъ предо мной, я весь былъ занятъ ею, я не могъ дождаться минуты, когда снова буду съ нею. Я пошелъ къ ней на квартиру, чтобы нечаянно обрадовать ее. Если на раскаленное до-бѣла желѣзо полить ледяной водой, или жителя тропика вдругъ перенести на крайній полюсъ, — контрастъ не могъ бы быть болѣе того разочарованія, которое я теперь испыталъ. Я не засталъ дѣвушку дома; вмѣсто нея меня приняли двѣ особы одна молодая, другая постарше и на перерывъ сообщили мнѣ такія свѣденія, отъ которыхъ у меня волосы стали дыбомъ и которыя были въ такомъ противорѣчіи со всей сущностью дѣвушки, что я сталъ сомнѣваться въ правдивости этихъ особъ, тѣмъ болѣе, что молодая пыталась своими прелестями доставить мнѣ вознагражденіе въ моемъ разочарованіи. Я былъ какъ разбитый параличемъ, и теперь еще не знаю, какъ могъ найти дорогу оттуда домой. Я дѣйствительно былъ совершенно потерянъ и только

обильный потокъ слезъ заставилъ меня придти въ себя и овладѣть собой. Всего болѣе поразило меня извѣстіе, что эта дѣвушка попалась въ воровствѣ, присвоила себѣ чужое имя и состояла, или даже состоитъ подъ надзоромъ полиціи. Хуже этого ничего нельзя было придумать. Вечеромъ она сама пришла ко мнѣ и натурально замѣтила во мнѣ перемѣну, такъ какъ я не удостоилъ ее ни однимъ взглядомъ. Наконецъ, на неотступные ея вопросы, я разразился укорами и разсказалъ все что слышалъ объ ней. Она не смутилась; напротивъ, казалось это ее также сильно поразило. Сначала, какъ и я, она не могла сказать ни слова, потомъ разразилась слезами и жалобами на эту „клевету“, эту низость, какъ она выразилась. Со всей своей силой убѣдительности она старалась опровергнуть все, что объ ней говорили, она увѣряла что эта персона насказала на нее въ досадѣ на то, что она, согласно моему желанію, хотѣла съѣхать отъ нея ко мнѣ, что уменьшило бы ея доходы; это и заставило оклеветать невинную дѣвушку, чтобы я отвернулся отъ нее и чтобы ей пришлось снова вернуться на прежнюю квартиру. Она хотѣла ѣхать со мной прямо къ этой женщинѣ, или даже въ полицію, „клялась всемогущимъ Богомъ“, что она не Эмма Кунстъ, а Елена Ланге, что всѣ разсказы объ ней — неправда. Полагаю, что еслибы я и не любилъ ее такъ горячо, и тогда не могъ бы не повѣрить ея горячимъ рѣчамъ, ея слезамъ, ея просьбамъ о довѣріи. Не смотря на это, я рѣшился развѣдать обо всемъ этомъ точнѣе и покуда разстаться съ ней.

Въ тотъ же вечеръ я сдѣлалъ справку въ новомъ адресъ-календарѣ 1867 года и на первый же разъ слова ея оправдались: въ цѣлой книгѣ не было имени предполагаемаго ея отца, цирульника Кунста, и свѣденія о пумерѣ дома и о другихъ обстоятельствахъ оказались невѣрными. Поэтому, я оставилъ ее у себя на ночь, которую она и провела въ безпрерывныхъ слезахъ. Я не сомнѣвался болѣе, что ее зовутъ Еленой Ланге; но такая дѣвушка не разыскивалась, подъ надзоромъ полиціи не состояла, и когда я справился въ своемъ участкѣ, не разыскивается ли Эмма

Кунстъ, мнѣ сказали, что нѣтъ. Кто же былъ правѣе моей Елены, кто счастливѣе меня! Къ моей безграничной любви присоединилась еще сознаніе оказанной мною несправедливости и состраданія къ тому положенію, въ какомъ она находилась въ послѣдніе два дня. Въ воскресенье, совершенно увѣрившись въ справедливости ея показаній, я сталъ ее отыскивать и нашелъ въ такомъ домѣ, вырвать ее изъ котораго требовалъ долгъ всякаго человѣка. Съ этого дня, она окончательно поселилась у меня и между нами установились самыя тѣсныя отношенія. Она съумѣла облечься въ такую прелесть, такъ воспользоваться каждой моей слабостью, такъ предупреждать малѣйшія мои желанія, однимъ словомъ, такъ взяться за меня, что моя любовь дошла до такой степени, что едва-ли можно и описать ее. Лучше насъ не могла жить ни одна счастливая чета, такъ какъ и она, казалось, раздѣляла мою страсть, и когда мой пріятель, видя, что я живу только моей Еленой и пренебрегаю своими друзьями, сообщилъ мнѣ, что въ первый день моего знакомства съ Еленой онъ много прибавилъ отъ себя въ разсказѣ объ ней, а на самомъ дѣлѣ вовсе не думаетъ, что ее зовутъ Еленой Ланге,—тогда я вступился за нее и попросилъ его избавить меня впередъ отъ подобныхъ гнуспостей. До такой степени страсть къ этой дѣвушкѣ ослѣпила меня. И эта страсть никогда не угасала, никогда не охладѣвала, она была неизмѣнной; только одинъ разъ показалось облако неудовольствія, но и то скоро было разсѣяно неодолимой силой этой дѣвушки. И проскользнуло ли хотя одинъ разъ у этой дѣвушки противорѣчіе между показаніями, во все время нашего продолжительнаго сожительства, когда мы открывали другъ другу наши сердца и не имѣли тайны одинъ отъ другаго? Никогда, ни малѣйшаго. Она разсказывала о своемъ семействѣ, о дѣтствѣ, о воспитаніи и т. п. и ни разу не смѣшалась, ни разу не покраснѣла. Она чувствовала какъ безпредѣльно я люблю ее, и ей было легко высказывать, что она любитъ меня еще сильнѣе, она никогда не уставала выражать предо мной свою нѣжность и привязанность. Каждый день, безпрестанно она говорила мнѣ, что я ея единственный, ея все, что она меня невыразимо любитъ, что разлука со мной для

пея смерть. Моя страсть была слишкомъ истинна, чтобы высказываться подобнымъ образомъ, и въ самомъ дѣлѣ, одни только подобныя увѣренія скоро охладили бы меня, если бы она не согласовала съ ними всего своего поведенія, поступковъ, всего существа своего, что до сихъ поръ остается для меня загадкой. Я былъ такъ увлеченъ этой дѣвушкой, что не обратилъ вниманія на недостатокъ ея умственнаго развитія. Я не считалъ этого за недостатокъ въ способностяхъ и въ развитіи, но за слѣдствіе обстоятельствъ ея жизни, вліянія окружающихъ, и того, что она была совершенно предоставлена самой себѣ, и поэтому поставилъ себѣ задачей указать ей это и внушить ей уваженіе къ самой себѣ. Не стѣсняясь, я замѣчалъ ей каждую ошибку въ языкѣ, каждый неловкій поступокъ, и какъ она благодарила меня за это, какимъ успѣхомъ увѣнчались мои старанія! Натурально, при такихъ обстоятельствахъ не могъ не возбудиться вопросъ о будущемъ. Моя склонность къ ней была настолько искренна, что я не упустилъ ничего, чтобы сдѣлать для нея это будущее какъ только возможно счастливѣе. Сверхъ того, несмотря на мою ослѣпленность и на ея притворство, мнѣ было ясно, что попадись она въ другія руки, къ тому кто не принималъ бы къ сердцу ея счастья и несчастья, она была бы въ опасности совершенно погибнуть. Мнѣ было ясно, что дѣвушка эта, при своей большой чувственности, совершивъ уже разъ подобный поступокъ, за который ее удалили изъ дома, всегда была въ опасности подвергнуться искушенію, несмотря на минмую твердость характера, съ помощью которой она удержалась „честной“ въ пучинѣ свѣта, это доказывали ея отношенія ко мнѣ самому. Поэтому мнѣ предстояла задача — доставить ей случай, посредствомъ нравственнаго вліянія окружающихъ, не только разорвать всѣ связи съ прошедшимъ, но и пріобрѣсти на будущее силу противустоять всякому искушенію. Прежде всего я надѣялся этимъ свести ее съ родителями и тогда, само собой разумѣется, прервалъ бы первый наши, отношенія въ нравственномъ смыслѣ совершенно непозволительныя. Я надѣялся достигнуть этого двоякимъ образомъ: или отдать ее какому-нибудь деревенскому священнику, или въ магдалинпнскій пріютъ, который она

очень хвалила, потому что тамъ была ея кузина, которая теперь сдѣлалась „прекраснѣйшей дѣвушкой въ свѣтѣ.“ Она предоставила на мой выборъ, такъ какъ я желалъ ей, конечно, всего лучшаго. Она рѣшилась идти 1 марта въ пріютъ, въ сопровожденіи моей хозяйки! О, какія сцены были предъ этимъ! Я и теперь удивляюсь, какъ она могла такъ упорно плакать, съ вечера четверга, въ теченіе всей ночи и въ пятницу до 4-хъ часовъ по полудни. Слезы горести о разлукѣ, слезы благодарности за мою жертву! У ногъ моихъ увѣряла она меня въ своей любви, въ томъ, что она унесетъ ее съ собой въ могилу, потому что не въ состояніи пережить разлуки, затѣмъ тысячи клятвъ въ вѣрности, объятія и поцѣлуи и, наконецъ, обморокъ съ судорогами и т. п. Она превосходно умѣла изобразить отчаяніе и безуміе. Передъ разставаньемъ она дала мнѣ письмо къ своему отцу „кунцу Ланге“, для отправки по почтѣ, и потомъ отправилась съ моей хозяйкой въ магдалинпнскій пріютъ.

На слѣдующій день я пошелъ самъ въ пріютъ, чтобы устроить тамъ денежныя дѣла. Никакой Елены Ланге тамъ не знали, а была вчера вечеромъ только Эмма Кунстъ, дочь цирульника изъ NN улицы, которая находилась уже раньше въ пріютѣ и заходила, по ея словамъ, освѣдомиться о здоровьѣ начальницы и сестеръ. Живетъ она, будто бы, у родителей и помогаетъ матери въ хозяйствѣ. Черезъ часъ она ушла обратно. Я былъ внѣ себя. Я всего ожидалъ, но только не этого. И все-таки, развѣ мнѣ было возможно изгнать изъ моихъ мыслей эту дѣвушку? Я этого хотѣлъ, но не могъ. Только теперь я почувствовалъ, какъ страшно любилъ ее, только теперь стало мнѣ ясно, какой ужасной силой обладаетъ любовь. Здѣсь я испыталъ впервые то, что потомъ часто со мной случалось. Какъ бы глубоко я не чувствовалъ, что эта дѣвушка недостойна меня, что слѣдуетъ развязаться съ ней, все-таки тоска по ней не оставляла меня. Мое сердце страшно болѣло при мысли объ этой дѣвушкѣ, и все-таки думать объ ней было моимъ утѣшеніемъ, и чѣмъ дольше я былъ въ разлукѣ съ ней, тѣмъ сильнѣе тосковалъ по ней. Я самъ искалъ для нея оправданій и нашелъ тысячи; ея любовь, ея безпредѣльная любовь заставила

се поступать такимъ образомъ; она боялась разсказать мнѣ о своемъ прошедшемъ, изъ опасенія разлуки со мной, и развѣ печаль ея въ послѣдніе часы могла быть не искренна! Чѣмъ дольше я объ этомъ думалъ, тѣмъ болѣе убѣждался въ этомъ; когда же приходили мнѣ въ голову противоположныя мысли, мое сердце разрывалось. Я не имѣлъ покоя; что бы я ни начиналъ, ни къ чему у меня не было охоты; все мое удовольствіе состояло въ томъ, чтобы лежать на софѣ и думать объ ней или—пить. И почему я не могъ разсѣять мысли о ней, когда даже старался объ этомъ? Была ли до такой степени слаба у меня сила воли, что я не могъ быть господиномъ своихъ чувствъ, или причина этого лежала глубже,—не знаю. Это всегда было для меня задачей. Я сознавалъ, какъ я немощенъ въ моей слабости, да и къ чему же было противодѣйствовать этимъ лучшимъ чувствамъ, если нѣтъ силъ овладѣть ими. Чѣмъ больше боролся я съ моими чувствами, тѣмъ больше они овладѣвали мной, и какъ забилось мое сердце, когда дней черезъ пять я получилъ письмо съ знакомымъ почеркомъ, какъ поспѣшно я распечаталъ его, и когда прочиталъ въ немъ тѣ же самые оправданія, какія и самому мнѣ приходили въ голову, я уже простилъ ее, а когда дошелъ до тысячи просьбъ о прощеніи, въ концѣ письма, до описанія ея безутѣшнаго положенія, — то уже рѣшился. Я поспѣшилъ вторично вырвать ее изъ ужасной обстановки. Развѣ я могъ оставить ее въ этомъ ужасномъ положеніи? Нѣтъ, это было невозможно. Я снова взялъ ее къ себѣ; ей легко удалось укротить мои упреки, и прежнія отношенія были возстановлены. Я вполнѣ простилъ ее, и моя любовь возобновилась. До 1 мая все продолжалось по старому, а если и случалось иногда, что она употребляла во зло мое довѣріе къ ней, то за этимъ постоянно слѣдовало примиреніе. Къ первому мая, наконецъ, я снова получилъ приказъ объ экзаменѣ, который до сихъ поръ все откладывался и теперь былъ назначенъ въ концѣ мая. Мнѣ нужно было усиленно заниматься и потому, опасаясь, чтобы она не стала отвлекать меня отъ дѣла, я снова сталъ требовать, чтобы она пошла въ магдалининскій пріютъ. На этотъ разъ она дѣйствительно согласилась; я вошелъ въ сношенія

съ ея родителями и они проводили ее 1 мая въ пріютъ. Нѣсколько дней спустя, родители Эммы увѣдомили меня, что она находится подъ арестомъ, и что 18 мая назначенъ надъ ней судъ присяжныхъ, по обвиненію въ поддѣлкѣ. И такъ, то что сказали мнѣ въ первые дни, было справедливо. Но слѣдовало ли мнѣ теперь отвернуться отъ дѣвушки, когда она, можетъ быть, всего больше нуждалась въ моей помощи и когда она не задолго предъ этимъ, изъ любви ко мнѣ, пошла въ пріютъ, слѣдовательно рѣшительно обнаружила раскаяніе? Это было невозможно; напротивъ, и при свиданіи, и въ письмахъ я старался утѣшить ее и настоятельно просилъ, чтобы ее не помѣщали вмѣстѣ съ такими заключенными, которые могли бы усилить ея испорченность. Самъ я скоро послѣ этого вернулся въ полкъ. Я вступилъ въ новую обстановку, въ новыя отношенія. Но могъ ли я теперь оставить эту дѣвушку? Нѣтъ, я былъ слишкомъ сильно привязанъ къ ней, ни день, ни ночь она не выходила у меня изъ головы и, казалось, самое время потеряло надо мной свое вліяніе, потому что, не смотря на цѣлые мѣсяцы разлуки, я ни на мигъ не забывалъ ее. За ея проступокъ было присуждено ей самое легкое наказаніе, такъ какъ онъ оказался совершеннымъ по легкомыслію, а не съ злымъ умысломъ. Конечно, каждый извинилъ бы ей подобный проступокъ, почему же и не я? Я считалъ дни ея заключенія, даже часы, и сама она едва ли могла думать больше меня о минутѣ своего освобожденія. Родители хотѣли принять ее въ свой домъ, по окончаніи ареста, она также охотно возвращалась къ нимъ, и какъ я радовался той минутѣ, когда это сбудется. И вотъ пришелъ и день освобожденія, и вскорѣ послѣ него я получилъ письмо. Намѣренія мои снова разстроились. Она писала, что родители не пришли за ней, совершенно объ ней не позаботились, что же ей оставалось, какъ не искать убѣжища у другихъ? Въ тоже время она просила меня еще разъ позаботиться объ ней и позволить ей пріѣхать въ Бауценъ, гдѣ мой полкъ стоялъ гарнизономъ. На этотъ разъ я долго колебался отвѣчать ей, такъ она не возвратилась къ родителямъ, однакожъ, въ письмѣ ея, казалось, была правда. Если бы родители ея имѣли

намѣреніе принять къ себѣ свою дочь, они позаботились бы объ ней, по крайней мѣрѣ, пришли бы за ней; но теперь дѣвушка снова брошена на произволъ судьбы, и до чего это можетъ довести ее? Конечно, я написалъ ей очень сердитое письмо, но все-таки пригласилъ ее пріѣхать въ Бауценъ, что она и исполнила. Былъ ли тутъ обманъ, или только такъ мнѣ показалось, но эта дѣвушка не была никогда для меня такъ обольстительна, такъ прелестна, такъ привлекательна, какъ въ Бауценѣ. Если она прежде была олицетвореніемъ моего идеала, то у меня недостаетъ словъ выразить то, чѣмъ она была для меня теперь. Прелесть ея перешла всякія границы, моя любовь была неописанна. Въ Бауценѣ, конечно, я не могъ показаться вмѣстѣ съ ней, но за то доставлялъ ей всевозможныя развлеченія, дѣлалъ съ ней поѣзди по окрестностямъ, въ Дрезденъ, даже въ Берлинъ. Чтобы имѣть къ этому возможность, я дѣлалъ много долговъ, надѣясь уплатить ихъ, какъ скоро произведутъ меня въ офицеры, чего со дня на день ожидалъ. Однакожъ, случилось иначе. Однажды меня увидѣли вмѣстѣ съ Эммой, когда я садился въ вагонъ, чтобы отправиться въ Дрезденъ. Когда по возвращеніи въ Бауценъ, меня спросили объ этомъ, я откровенно сознался, что дѣвушка эта была со мной, и поэтому производство мое было пріостановлено, такъ какъ за мной хотѣли еще нѣкоторое время наблюдать. Но съ этимъ разрушилась вся моя будущность. Какъ скоро производство мое отстрочилось, я очутился въ затрудненіи съ моими долгами. Я хорошо зналъ, что никто не заплатитъ ихъ прежде моего производства: всѣ мои родные поклялись въ этомъ. Что же мнѣ было дѣлать? Въ этой крайности я поѣхалъ тотчасъ же къ полковнику, попросилъ отпускъ въ Берлинъ и оттуда подалъ просьбу объ отставкѣ, по совершенной неспособности къ службѣ. Конечно, долги мои сейчасъ же обнаружились, и такъ какъ я не имѣлъ средствъ немедленно уплатить ихъ, то и былъ приговоренъ полковникомъ къ „легкому“ четырехнедѣльному аресту, съ приказаніемъ выдержать его въ январѣ 1868 года въ Кюстринѣ, куда къ этому времени полкъ былъ переведенъ изъ Бауцена. Вслѣдъ за этимъ я получилъ отставку, по неспо-

собности къ службѣ, со всѣми правами и пенсіономъ. Прошу это замѣтить, такъ какъ это должно будетъ служить мнѣ защитой противъ обвиненій, взводимыхъ на меня Эммой.

Послѣднія происшествія послужили причиной полнаго разрыва моего съ семействомъ. Братья и сестры отступились отъ меня и мать, возмущенная тѣмъ, что я связался съ этой дѣвушкой, ради которой надѣлалъ столько глупостей, объявила мнѣ, что покуда я не отстану отъ нея, она ровно ничего не будетъ для меня дѣлать. Такимъ образомъ, эта злосчастная страсть, уже лишившая меня друзей, карьеры, лишила теперь и семьи. Но вылечился ли я? Я пожертвовалъ всѣмъ для моей любви, которая такъ глубоко вкоренилась во мнѣ, что, послѣ всѣхъ этихъ жертвъ, сдѣлалась еще страстнѣе, еще дороже. А Эмма? Она въ это время была сама преданность.— Никогда еще не бывала она такъ предана мнѣ, она раздѣляла мое горе и облегчала этимъ мое положеніе. Я получилъ отъ матери въ послѣдній разъ 50 талеровъ и жилъ этимъ, рѣшившись принять первое хорошее мѣсто.

Но это не удавалось, деньги съ каждымъ днемъ изчезали и опять таки Эмма съумѣла помочь мнѣ. Между тѣмъ, я возвратилъ ее родителямъ и она снова „поклялась“ мнѣ покончить совершенно съ прошедшимъ, сдѣлаться благонравной и прилежной и загладить все, чѣмъ оскорбляла родителей. Такъ какъ мои надежды одна за другой разрушались и я не видѣлъ никакого исхода, то и рѣшился покончить съ жизнью. Я пришелъ къ Эммѣ проститься и сообщилъ ей о своемъ рѣшеніи. Она пожелала видѣть оружіе, которымъ я рѣшился убить себя, и когда я показалъ ей пистолетъ, она отняла его у меня и отдала своему отцу, у котораго онъ и до сихъ находится. Эмма пошла еще дальше; она переговорила съ своими родителями и они сдѣлали мнѣ предложеніе довольствоваться тѣмъ, что они могутъ доставить мнѣ, пока я не найду чего нибудь другого. Вскорѣ послѣ этого, пришло время отправиться въ Кюстринъ, а оттуда я пріѣхалъ назадъ въ Берлинъ, не успѣвъ добиться объясненій съ родными, и встрѣтилъ радушный пріемъ у родителей Эммы. Я жилъ у нихъ двѣ недѣли, а послѣ этого нанялъ отдѣль-

пую квартиру, получивъ жалованье отъ полка по 1 апрѣля, такъ какъ отставка моя должна была состояться только съ этого времени. Но все-таки я проводилъ цѣлые дни въ семействѣ Кунстъ. Трудно повѣрить, какъ Эмма измѣнилась теперь. Она сдѣлалась самой порядочной, самой прилежной, домовитой дѣвушкой, помогала матери въ хозяйствѣ, заботилась о младшихъ братьяхъ и сестрахъ и не забывала при этомъ и „своего сердечнаго Поля“, какъ обыкновенно называла меня; напротивъ, угадывала по глазамъ мои желанія и показывала видъ, что готова всѣмъ пожертвовать для меня. И какъ она, казалось, была счастлива, какъ безконечно благодарила меня за то, что я вывелъ ее на настоящую дорогу, что избавилъ отъ вѣрной погибели, и каждое свое сердечное изліяніе подкрѣпляла такой клятвой: „пусть буду я проклята, пусть ослѣпну, пусть разобьетъ меня параличъ, если пущусь въ прежнюю жизни.“ Никогда не обходилось безъ призыванія наказанія Божія. Безъ всякаго сомнѣнія, мои отношенія къ этой дѣвушкѣ совершенно измѣнились, хотя любовь осталась та же самая, и къ ней еще присоединилась чувство благодарности и прекрасное сознаніе, что я поступалъ въ отношеніи къ ней безкорыстно и честно. Послѣ того какъ я наблюдалъ ее нѣкоторое время и могъ повѣрить серьезности ея намѣренія, мысль, и прежде уже проглядывавшая у меня, приняла опредѣленное выраженіе—когда нибудь вполнѣ и законно обладать ею. Наше блаженство этимъ увеличилось бы, оно достигло бы высшей степени. Мысль эта сдѣлалась для меня импульсомъ къ новой жизни, къ новой дѣятельности. Мысль, что я теперь принадлежу не одному себѣ, подстрекала мое рвеніе, и такъ какъ я не могъ найти соотвѣтственнаго для себя занятія, то и рѣшился еще разъ поступить въ университетъ, выдержать экзаменъ въ качествѣ вольнаго слушателя и потомъ, сдавъ экзаменъ на должность, получить какое-нибудь мѣсто, которое доставило бы мнѣ возможность жениться на Эммѣ. Она вполнѣ соглашалась съ моими планами; все, что я ни доставлю ей, будетъ для нея раемъ, какъ она говорила. Мнѣ даже удалось снова сблизиться съ моей матерью и получить отъ нея обѣщаніе давать мнѣ ежемѣсячно опредѣленную сумму. Въ

это время измѣнились мои отношенія къ отцу Эммы, изъ за одного приключенія моего съ ея старшей сестрой, сильно интриговавшей противъ нея. Любовь къ Эммѣ заставила меня поступить такимъ образомъ, но отецъ ея принялъ это въ дурную сторону; самой же Эммѣ былъ понятенъ источникъ моего поступка и наши отношенія ни на мигъ не помутились. Послѣ этого, я не бывалъ въ домѣ ея отца, но за то больше работалъ и ежедневно гулялъ съ Эммой. Она въ сущности оставалась той же, поощряла каждый день мое рвеніе, интересовалась всѣмъ, что я изучалъ, такъ что наука, казавшаяся мнѣ съ начала такой трудной, скоро стала доставлять удовольствіе; Эмма поощряла меня къ бережливости и умѣренности, ревизовала прилежно и строго мой портмоне, заботилась о моемъ бѣльѣ, однимъ словомъ, была во всѣхъ отношеніяхъ моимъ добрымъ геніемъ, такъ что мое намѣреніе, казалось, должно бы было увѣнчаться полнымъ успѣхомъ. Только однажды она пожаловалась, что ей плохо шьется въ хорошую погоду, что ей хочется совсѣмъ перейти ко мнѣ, но когда я припомнилъ ей ея обѣщанія и намѣренія, напомнилъ ей о послѣдствіяхъ подобнаго шага и просилъ потерпѣть, она видимо почувствовала горькое раскаяніе и попросила меня сходить съ ней въ церковь въ день покаянія. Она хотѣла въ Божьемъ домѣ открыть Всевышнему свое кающееся сердце, молить Его о прощеніи своихъ грѣховъ, просить о ниспосланіи ей терпѣнія, благодарить Его, что Онъ указалъ ей, куда могла повести ее дорога, по которой она прежде шла, при чемъ она привела страшный примѣръ Юліи Эбергени, дѣло о которой тогда производилось. День покаянія пришелъ; она вышла изъ отцовскаго дома, съ молитвенникомъ въ рукахъ, но вмѣсто того, чтобы идти со мной въ церковь, она пошла по пути проституціи, съ полнымъ сознаніемъ, куда неминуемо ведетъ этотъ путь. Ударъ этотъ былъ такъ страшенъ, что на меня нашелъ родъ безпамятства. Сердце мое совершенно разорвалось, вмѣсто невыразимой любви наступило холодное презрѣніе. Если бы въ первые дни эта дѣвушка на колѣняхъ просила у меня прощенія, я не смягчился бы. Я употребилъ всѣ силы, чтобы изгнать изъ головы всякую мысль объ ней и сталъ усиленно работать.

Но было ли естественно такое состояніе? Я чувствовалъ что нѣтъ, и чѣмъ болѣе проходило мое оглушеніе, тѣмъ сильнѣе болѣла нанесенная мнѣ рана. Конечно, я сохранялъ наружное хладнокровіе, тогда какъ внутренно изнывалъ отъ тоски, и знакомые, съ которыми я встрѣчался, едвали могли замѣтить, какъ обливается кровью мое сердце. Я все дѣлалъ механически, ходилъ на работу принуждалъ себя къ иронiи, или къ ѣдкой шуткѣ, но дома съ трудомъ переносилъ мои страданія, меня давила тоска, каждое мѣсто напоминало о ней, мнѣ стоило страшнаго труда разгонять образы, толпившіеся передо мной; это было ужасное состояніе, но я надѣялся преодолѣть его, потому что могъ еще неутомимо работать. Наконецъ я опять получилъ письмо съ знакомымъ почеркомъ и прочелъ въ немъ тысячи просьбъ о прощеніи, со множествомъ причинъ и оправданій, почему она ушла изъ дома и не приходила до сихъ поръ ко мнѣ, что только страхъ, что я уведу ее обратно къ отцу, удерживалъ ее отъ этого, иначе она сейчасъ пришла бы ко мнѣ, потому что она затѣмъ и ушла изъ дома, чтобы снова жить вмѣстѣ со мной. Въ заключенье — описаніе ея печальнаго, невыносимаго положенія и просьба объ одной минутѣ разговора; она хочетъ только разъ меня видѣть, и если я откажу ей въ этой просьбѣ, она цѣлый день простоитъ у моихъ дверей. Я отвѣтилъ только, что обѣдаю обыкновенно въ 2 часа въ Бельведерѣ, и она пришла туда.

Здѣсь она цѣлыхъ два часа молила меня со слезами простить ее, и такъ убѣдительно говорила, что я наконецъ сдался. Теперь, узнавъ эту дѣвушку, зная побужденія, руководившія ею съ перваго дня до послѣдняго, я стыжусь моей слабости, которая допустила меня сдаться въ этотъ день. Моя прежняя уступчивость, въ моихъ глазахъ, была гораздо простительнѣе, чѣмъ на этотъ разъ. Не потому только, что эта дѣвушка поступила по старому и употребила во зло мое довѣріе, не потому что она вела четыре недѣли развратную жизнь, а потому, главнымъ образомъ, что я далъ себѣ слово никогда съ ней не встрѣчаться. Конечно, причиной этого было отчасти состраданіе къ ея положенію, отчасти надежда вырвать ее

изъ этой жизни, наконецъ, нѣкоторое удовлетвореніе, что она сама пришла ко мнѣ; къ тому же я долженъ сознаться, что передъ обѣдомъ выпилъ съ пріятелями много пива, за обѣдомъ и во время разговора пилъ много пунша, и этому приписываю перемѣну своего рѣшенія.

На слѣдующее утро я сильно упрекалъ себя въ этомъ, не смотря на то что дѣвушка была очень внимательна ко мнѣ. Съ помощью этихъ доказательствъ расположенія и искуства въ кокетствѣ, ей удалось снова успокоить меня и она опять стала мнѣ такъ мила, что вся любовь моя пробудилась снова и, какъ это обыкновенно бываетъ, въ еще большей степени. Кто не знаетъ этой дѣвушки, тотъ не можетъ имѣть понятія объ ея искуствѣ очаровывать. Съ чисто демонской силой она умѣетъ завладѣть сердцемъ. Но это очарованіе продолжалось недолго: черезъ нѣсколько дней мы разстались. Она пошла по своимъ дѣламъ и—не возвратилась. Я думалъ, что съ ней случилось какое нибудь несчастіе, потому что не могъ вообразить себѣ, что она ушла съ цѣлью покинуть меня. Нужно было быть настоящимъ дьяволомъ чтобы такимъ образомъ попрать ногами мое довѣріе. И въ самомъ дѣлѣ, она была имъ. Всѣ поиски мои были напрасны, и однажды я попросилъ Круга, съ которымъ обѣдалъ въ ресторанѣ Клетте, справиться у Бауеръ, гдѣ прежде жила Эмма, не знаетъ ли та что-нибудь объ ней. Я никакъ не могъ предполагать, что Эмма жила тамъ, и потому былъ какъ громомъ пораженъ, когда Кругъ сообщилъ мнѣ это и сказалъ, что она желаетъ говорить со мной. Да, эти нѣсколько минутъ моего тогдашняго разговора съ ней были заслуженнымъ наказаніемъ за мою послѣднюю уступчивость; въ это короткое время, наконецъ, разскрылись мои глаза и я сорвалъ маску съ этаго настоящаго демона, который преслѣдовалъ меня по пятамъ, чтобы погубить, и тогда только отсталъ, когда настигъ свою жертву. Это не Эмма Кунстъ со мной говорила, она не умѣетъ такъ говорить, это былъ самъ чортъ. Она измѣрила меня презрительнымъ взглядомъ, показывая видъ, какъ будто никогда меня не знала, какъ будто я для нея ровно ничего не значилъ, обратилась ко мнѣ, въ принужденномъ и напыщенномъ тонѣ

попросила сѣсть и спросила, чего я хочу отъ нея. Когда я высказаль ей это коротко и ясно, она вскочила и сказала съ насмѣшкой: „Да у меня есть теперь предметъ и я считаю совершенно излишнимъ вступать съ вами въ разговоръ объ этомъ!“

Потомъ она начала очень непринужденно дѣлать свой туалетъ, бѣгала взадъ и впередъ, рылась въ ящикахъ, взглядывая на меня время отъ времени, пожимая плечами и вздернувъ носъ, и старалась показать, что я ей болѣе ненуженъ. И такъ обращалась она съ тѣмъ, который пожертвовалъ ей всѣмъ счастіемъ своей жизни, который носилъ ее на рукахъ, который едва ли съ кѣмъ-нибудь другимъ поступалъ такъ, какъ съ ней, который желалъ ей только счастія, потому что ея счастье было и его. Конечно, для меня теперь все стало ясно. Пока она ожидала отъ меня пользы и удовольствій, пока мой кошелекъ былъ полонъ, пока я проматывалъ вмѣстѣ съ ней мои деньги и тратился на нее, пока я былъ добръ для нее,—до тѣхъ пора она расточала передо мной все свое искусство кокетства, чтобы плѣнить меня; если же дѣйствительно она прожила нѣсколько времени дома въ то время, когда у меня денегъ не было, то она, конечно, ожидала, что мнѣ будутъ посылать снова изъ дома такъ же щедро, какъ и прежде; когда же она, уйдя изъ дома, обратилась ко мнѣ, повидимому, съ раскаяніемъ, такъ же какъ и въ Бауценѣ, то это было сдѣлано потому, что въ ту минуту ничего лучшаго ей не представлялось и я служилъ ей убѣжищемъ на случай нужды. Теперь только я почувствовалъ, что она никогда меня не любила, что все у нея было притворство, лицемѣріе, ложь, насмѣшка и поруганіе, каждое ея слово было разсчитано, все ея поведеніе ложь, неправда и обманъ, что сама она демонъ, въ самомъ сильномъ значеніи этого слова. Для меня это открытіе было ужасно, оно меня рѣшительно сразило. Спокойствіе, охота къ работѣ—пропали, я былъ осмѣянъ, поруганъ въ самомъ святомъ чувствѣ, моя будущность была уничтожена, потому что никогда не поправиться мнѣ отъ такого удара, развѣ чрезъ долгое время; и что теперь будетъ съ моимъ экзаменомъ, отъ котораго для меня все зависитъ? Было ясно, что мнѣ не выдержать экза-

мена, потому что у меня пропала всякая возможность работать; этимъ я лишусь снисходительности моей матери и что тогда будетъ со мной? Одна мысль о будущемъ могла уничтожить меня, да и что за жизнь безъ нея, которую я когда-то такъ сильно любилъ, которой образъ и до сихъ поръ преслѣдуетъ меня какъ фурія. Изъ любви къ кому я остался жить, принявъ въ ноябрѣ рѣшеніе убить себя, для кого же я работалъ, какъ не для нея, желая сдѣлать ее счастливой? А она, она оттолкнула меня, какъ негодную щепку, какъ выжатый лимонъ. Я не могу болѣе любить ее, зачѣмъ же мнѣ и жизнь! Жизнь была мнѣ въ тягость, я предался полному отчаянію. Что же мнѣ оставалось? Только одно, это — исполнить намѣреніе, отъ котораго я нѣкогда отказался по просьбѣ Эммы. Съ тѣхъ поръ мысль эта стала меня преслѣдовать; я сдѣлалъ еще попытку попросить у матери позволенія совсѣмъ возвратиться домой, но она сама уѣхала на лѣто изъ дома; получивъ это извѣстіе, я окончательно рѣшился покончить съ собой. Я все приготовилъ къ этому. Я отказался отъ квартиры я не нанялъ другой, продалъ или заложилъ всѣ свои вещи, платье, бѣлье, книги, короче все, что имѣло какую-нибудь цѣнность. Я откровенно высказалъ все моему другу, доктору Лисковицъ, и попросилъ его прописать мнѣ синильнаго кали, въ чемъ онъ, конечно, отказалъ. Кромѣ того, я занялъ денегъ у моихъ знакомыхъ, потому что хотѣлъ какъ можно лучше прожить послѣдніе дни моей жизни, посѣщалъ самые элегантные рестораны, театры и кутилъ съ утра до ночи.

Я рѣшился исполнить мое намѣреніе 1-го іюля; къ этому дню я долженъ былъ получить свой пенсіонъ и могъ ожидать съ положительностью, что къ этому же времени, если не раньше, получу деньги изъ дома. Послѣ издержки этихъ денегъ, терять мнѣ будетъ нечего. Но дѣлать ли это на своей квартирѣ? Этого не слѣдовало по двумъ причинамъ: во первыхъ, срокъ моей квартиры оканчивался перваго утромъ, во вторыхъ хозяйка моя была беременна и ежеминутно ждала разрѣшенія, такъ что испугъ могъ очень вредно на нее подѣйствовать. Получивъ утромъ въ чет-

вергъ, 30 іюня, письмо изъ дома съ 13 талерами и также повѣстку отъ брата на 6 талеровъ, я ушелъ изъ квартиры, взявши съ собой документы и книжку на полученіе пенсіона; кромѣ того, наканунѣ занялъ еще у каменщика Гизлера 5 талеровъ, такъ что всего у меня составилось 25 талеровъ. Я издержалъ въ теченіи двухъ дней всѣ эти деньги и еще свой пенсіонъ въ 7 талеровъ 15 зильбергрошей. Я жилъ такъ роскошно, какъ никогда не живалъ, и въ среду, въ часъ или въ два по полудни, купилъ пистолетъ и заряды и отправился въ ресторацію Клетте обѣдать. Я предпочиталъ этотъ ресторанъ за честность и за комфортъ и въ этотъ день выпилъ тамъ нѣсколько „большихъ“ стакановъ пуншу. Обыкновенно, когда я слишкомъ много выпью, на меня находитъ грустное расположеніе духа; конечно, и въ этотъ день не могло быть иначе, потому что онъ долженъ былъ сдѣлаться послѣднимъ днемъ моей жизни. Тысяча мыслей толпились у меня въ головѣ. когда я сидѣлъ за столомъ; на меня напала внутренняя тоска, когда я подумалъ о своей неудавшейся жизни, которая могла бы быть такъ счастлива, меня обуревали мысли о родныхъ, о моей несказанно доброй матери, о горѣ, которое я постоянно причинялъ ей и которое еще готовлю ей; при этомъ мелькнула мысль и о злой судьбѣ, устроившей все это и, между прочимъ, быть можетъ и о той, которой я былъ обязанъ настоящимъ положеніемъ! Нѣтъ, я не хотѣлъ кончать съ жизнью съ горечью въ сердцѣ, я хотѣлъ, я долженъ былъ еще разъ видѣть ее, чтобы показать ей, до чего она меня довела, чтобы сказать: „Эмма, я прощаю тебя, пусть небо не воздаетъ тебѣ за твои поступки противъ меня“. Въ этомъ настроеніи я отправился къ ней и засталъ ее въ сѣняхъ, заплаканную, вмѣстѣ съ ея хозяйкой Бауеръ. Я долженъ былъ ожидать положительно холоднаго пріема, и потому очень удивился, когда она сказала мнѣ: „Ахъ, милый Поль, будь такъ добръ, поди на минутку въ комнату госпожи Бауеръ, я сейчасъ приду. Подожди немножко, мы проведемъ сегодняшній день вмѣстѣ.“ Я оставался тамъ добрый часъ времени, въ продолженіи котораго она нѣсколько разъ заходила въ комнату и говорила мнѣ, что у нея

въ комнатѣ лежитъ ея любовникъ, съ которымъ сдѣлался припадокъ, оттого что она измѣнила ему; онъ хочетъ оставить ее, но она употребляетъ всѣ усилія, чтобы отклонить его отъ этого, потому что онъ даетъ ей содержаніе. Невольно припомнились мнѣ такія же сцены, пережитыя мною, и въ эту минуту исчезъ послѣдній остатокъ окружавшаго ее ореола и она стала въ моихъ глазахъ обыкновенной публичной женщиной, которая служитъ для забавы на одинъ вечеръ.

Съ такими мыслями въ сердцѣ, согласился я на ея предложеніе провести съ ней вечеръ, и мы поѣхали ужинать въ Linden-Hôtel. Она согласилась на мое предложеніе провести со мной и ночь въ гостинницѣ, вѣроятно въ надеждѣ получить деньги, такъ какъ предполагала, что у меня ихъ много, для перваго числа. Ея открыто высказанная просьба выкупить ея закладъ въ 5 талеровъ, или подарить ей пенсіонную квитанцію, заставили меня такъ думать. Охотно сознаюсь, что я сдѣлалъ ей это предложеніе съ единственной цѣлью—плотскаго наслажденія; мы отправились въ гостинницу, немного закусили и выпили въ моей комнатѣ, совершили совокупленіе сначала на диванѣ, потомъ ложась спать, потомъ еще ночью разъ или два. Уже въ Linden-Hôtel она стала вести себя по-старому, какъ будто между нами не произошло ничего непріятнаго, въ гостинницѣ это еще больше усилилось: она сдѣлалась чрезвычайно нѣжна, разсыпалась въ выраженіяхъ любви, говорила, что я ея милый, сердечный Поль, ея ангельчикъ, что она рада обнять меня, что она радуется тому наслажденію, которое ей готовится и котораго она ни отъ кого другаго получить не можетъ, спрашивала меня, по прежнему ли я добръ къ ней и не постыдилась прямо предложить жениться на ней. И это въ теченіи цѣлой ночи, какъ только просыпалась. Если уже все ея поведеніе, съ тѣхъ поръ какъ я снова встрѣтился съ ней, было мнѣ противно, то всѣ ея ласки, по удовлетвореніи чувственности, могли возбудить только омерзеніе, тѣмъ больше, что каждое ея слово, каждое увѣреніе въ любви носило печать насмѣшки, поруганія и притворства. Неудивительно, если поведеніе ея возбудило во мнѣ отвращеніе, и потому я рѣшился застрѣлиться при ней, чтобы она своими глазами уви-

дѣла, до чего довела меня, и чтобы моя агонія привела ее къ сознанію своихъ поступковъ и, быть можетъ, заставила измѣнить свою жизнь. Но прежде чѣмъ исполнить свое намѣреніе, я хотѣлъ сообщить ей объ этомъ и высказать, что прощаю ее. Она осмѣяла меня когда я сказалъ: „видишь Эмма, до чего ты меня довела: до погибели, до того, что я долженъ лишить себя жизни.“ Она не повѣрила мнѣ, и когда я продолжалъ: „ты не вѣришь?“ и прибавилъ въ шуточномъ тонѣ: „не застрѣлить ли и тебя?“ она согласилась на это, въ шутку сказанное, предложеніе и отвѣчала: „да“; я продолжалъ: „покажи же мнѣ мѣсто, куда,“ на что она дала мнѣ чрезвычайно циническій отвѣтъ. Я нѣжно поцѣловалъ ее и тѣмъ вполнѣ подтвердилъ смыслъ своихъ словъ. Потомъ она сказала: „впрочемъ, у меня нѣтъ желанія умереть,“ на что я громко и рѣшительно объявилъ: „а я долженъ“, и съ этими словами взялся за пистолетъ, который не задолго передъ тѣмъ положилъ подъ подушку. Вечеромъ я положилъ пистолетъ на комодъ, подъ платье, и утромъ, выставляя за дверь сапоги, незамѣтно вынулъ его и положилъ подъ подушку, чтобы легче привести въ исполненіе мое намѣреніе. Съ послѣдними словами я схватилъ пистолетъ, вскочилъ съ кровати и, отвернувшись къ срединѣ комнаты, взвелъ курокъ. Въ эту минуту, Эмма спрыгнувъ вслѣдъ за мной, схватила меня за руку, я дернулъ ее назадъ, чтобы освободиться; раздался выстрѣлъ, и Эмма повалилась, съ словами: „умираю, умираю“, но сейчасъ же вскочила и бросилась вонъ изъ дверей. Едва владѣя собой, я пытался зарядить снова, чтобы исполнить свое намѣреніе, но прежде чѣмъ успѣлъ отыскать заряды, прежде чѣмъ успѣлъ открыть клапанъ и вложить зарядъ въ стволъ, я услышалъ шаги, и видя что намѣренію моему помѣшали, бросилъ пистолетъ на столъ и хотѣлъ одѣться. Въ эту минуту прибѣжали слуги, и я, волнуемый чувствами, видя что мое намѣреніе не исполнилось и что, вмѣсто того, я ранилъ эту дѣвушку, быть можетъ, смертельно, вскричалъ: „я съ ума сошелъ, пожалуста призовите полицію.“ Пистолетъ я сейчасъ же отдалъ имъ. Потомъ одѣлся. Едва ли можно описать волновавшія меня чувства. Мнѣ помѣшали убить себя, мнѣ сохранили со-

вершенно не нужную жизнь и что же со мной будетъ? Безъ всякихъ средствъ, всѣми оставленный, я дойду до нищенской сумы, а этого я не въ состояніи перенести. Потомъ у меня блеснула такая мысль: дѣвушка ранена и, вѣроятно, смертельно; ты воспользуешся этимъ обстоятельствомъ для самообвиненія, ты покажешь на допросѣ, что выстрѣлилъ въ дѣвушку съ намѣреніемъ убить ее. Тогда меня казнятъ, какъ убійцу, и этимъ я достигну своей цѣли— покончить съ жизнью. Съ такимъ непоколебимымъ рѣшеніемъ я хотѣлъ идти изъ гостинницы, но содержатель ея, Маршеръ, позвалъ меня къ себѣ, и я призналъ себя виновнымъ въ присутствіи его и призваннаго туда доктора, но все-таки хотѣлъ еще отыскать Эмму и просить у нея прощеніе за страданія, которыя причинилъ ей, но докторъ воспротивился этому. Могъ ли настоящій убійца отыскивать въ такія минуты свою жертву? Я написалъ нѣсколько строкъ отцу Эммы, гдѣ также призналъ себя виновнымъ, и отправился вмѣстѣ съ Маршеромъ въ полицію; я отказался отъ его предложенія не выдавать себя и показалъ въ полиціи, что имѣлъ намѣреніе убить Эмму. Я изложилъ совершенно спокойно всѣ обстоятельства, усиливающія мое обвиненіе, но мнѣ было трудно пояснить психологическія причины, принудившія меня къ этому поступку. Я показалъ, что видя до какой степени притворны и лицемѣрны всѣ ея ласки и увѣренія въ любви, я пришелъ въ негодованіе, схватилъ пестолетъ и выстрѣлилъ въ нее.

Мотивъ, побудившій меня застрѣлиться передъ ея глазами, я выдалъ за мотивъ убить ее. На вопросъ, не самъ ли собой пистолетъ выстрѣлилъ, я отвѣчалъ рѣшительнымъ отрицаніемъ. Поэтому меня арестовали, но по дорогѣ въ тюрьму я услышалъ отъ сопровождавшаго меня полицейскаго, который видѣлъ Эмму, что врачи признали ея рану неопасной. Съ этимъ, конечно, должно было пасть все мое самообвиненіе. Вслѣдствіе этого, я отказался передъ слѣдственнымъ судьей отъ моихъ показаній и разсказалъ дѣло, какъ оно было, и услышалъ отчасти о показаніяхъ дѣвушки; злоба и ненависть ея ко мнѣ были теперь безграничны. Показанія наши противорѣчили одно другому; это противорѣчіе, въ связи съ первымъ моимъ самообвиненіемъ, грозило затянуть слѣдствіе на безконечно

долгое время, что приводило меня въ ужасъ, такъ какъ я надѣялся, что меня выпустятъ изъ-подъ ареста по окончаніи слѣдствія; поэтому я, съ обливающимся кровью сердцемъ и съ намѣреніемъ высказать всю правду, на судебномъ засѣданіи заявилъ, что имѣлъ намѣреніе убить дѣвушку. Въ самомъ дѣлѣ, предварительное слѣдствіе кончилось быстро, я попросилъ объ освобожденіи, но мнѣ было отказано.

На предварительномъ слѣдствіи дѣло шло о попыткѣ къ убійству. Спрашивается, на сколько основательно подобное обвиненіе, судя по моимъ показаніямъ, которыя я привелъ выше. Я беру назадъ мое самообвиненіе, во всѣхъ отношеніяхъ и во всемъ его объемѣ. Противъ меня говорятъ, такимъ образомъ, только показанія дѣвушки. Но насколько заслуживаютъ они довѣрія? Прошедшее ея не говоритъ за это. Она вполнѣ предана проституціи, нравственность ея совершенно испорчена, для нея нѣтъ ничего святого, она дѣвушка безъ религіи, безъ благочестія, безъ правилъ, неспособная ни къ какому хорошему побужденію. Вся ея жизнь, все ея поведеніе, всѣ ея поступки — ложь, сама она, во всей сущности своей—лицемѣріе, фальшивость и притворство. Она хорошо знаетъ, что своимъ лицомъ легко можетъ возбудить довѣрчивость и состраданіе, и какое же постыдное употребленіе дѣлаетъ изъ этого. Она никогда еще не говорила правдиваго слова, самая святыня для нея ничего не значитъ. Безчисленное множество разъ призывала она на свою голову проклятіе Божіе въ подкрѣпленіе своихъ словъ, безъ числа нарушала самыя священныя клятвы. Что же тогда для нея значило погубить меня? Что же заставило ее показать противъ меня? Судя по старинному человѣческому опыту, люди ненавидятъ того, кого они погубили. Къ этому сознанію у нея присоединилась психическая боль и, быть можетъ, въ первое время, страхъ умереть отъ раны. Развѣ этого недостаточно, чтобы заставить ее какъ можно рѣзче выступить противъ меня. И, можетъ быть, не имѣла ли на нее вліянія мысль, что это повредило ея репутаціи въ отправленіи ея презрѣннаго ремесла. И вообще, что значили ея показанія, когда она не пользуется правами, которыхъ она лишена на годъ, какъ мнѣ извѣстно. Поэтому

она не могла подтвердить своихъ показаній присягой, и хотя я ни на минуту не сомнѣвался, что она въ состояніи принять ложную присягу, для того, чтобы погубить меня, но все таки можно полагать, что страхъ удержалъ бы ее отъ этого и она сказала бы правду. И не видно ли, что показаніями ея руководила ненависть ко мнѣ; нельзя ли изъ того, что нѣкоторыя изъ нихъ опровергнуты, заключить, что и другія ложны. Между прочимъ, она утверждаетъ, что я былъ уже, по приговору суда наказанъ заключеніемъ въ крѣпости, къ которому, между тѣмъ, я былъ приговоренъ только по военнымъ законамъ. И объ этомъ именно я много разъ говорилъ съ ней, даже, полагаю, и письменно объяснялъ ей, что хотя многіе и думаютъ, что я былъ приговоренъ къ заключенію въ крѣпости, но на самомъ дѣлѣ мнѣ положительно случайно привелось выдержать арестъ въ Кюстринѣ, потому только, что мой полкъ стоялъ тамъ гарнизономъ. Она знала это очень хорошо и все-таки сдѣлала противъ меня это завѣдомо ложное показаніе. Она говоритъ, что меня исключили изъ военной службы за долги, тогда какъ видѣла изъ моихъ документовъ, изъ пенсіона, что я уволенъ со всѣми правами и преимуществами, тѣмъ болѣе, что я часто съ ней объ этомъ говорилъ. Она воспользовалась моими отношеніями къ ея семейству для ложныхъ показаній, представляя въ низкомъ видѣ то расположеніе, которымъ я, конечно, пользовался въ ея семьѣ, и дала такой оборотъ дѣлу, что будто бы я, въ продолженіи цѣлыхъ мѣсяцевъ, жилъ на содержаніи ея родителей, тогда какъ на самомъ дѣлѣ я жилъ у нихъ только двѣ недѣли и заплатилъ за содержаніе, хотя и бездѣлицу. Во всякомъ случаѣ, она отклонилась отъ правды въ этихъ показаніяхъ. Тоже самое и касательно отношеній моихъ къ ея старшей сестрѣ. Она хорошо знаетъ, что я сдѣлалъ это для того только, чтобы доказать ея сестрѣ, что и другія дѣвушки точно также могутъ пошатнуться въ своихъ правилахъ, чтобы она не поднимала носъ предъ Эммой. Она хорошо знаетъ, что я продолжалъ эти отношенія на столько, сколько требовала цѣль, что я прервалъ ихъ лишь только замѣтилъ, что сестра ея принимаетъ это не за шутку. И несмотря на это, она воспользовалась этимъ случаемъ противъ

меня, чтобы прикрыть чѣмъ-нибудь свой побѣгъ изъ дома. Далѣе, она показываетъ, что съ ней дома такъ дурно обходились, что она не могла выносить этого. Это совершенная ложь. Никто въ домѣ ни въ чемъ ей не препятствовалъ, никто къ ней не привязывался, причиной же побѣга была ея безпредѣльная лѣность, нежеланіе работать, склонность къ распутству и бродяжничеству. Но всего забавнѣе ея показаніе, что я занялъ у ней деньги въ тотъ день, когда узналъ, какъ гнусно она обманываетъ меня. Не знаю, что и привести противъ такого ничтожнаго увѣренія, развѣ только то, что въ этотъ день я былъ съ Кругомъ у Клетте и самъ далъ ему денегъ въ займы, значитъ былъ при деньгахъ; кромѣ того, меня едвали можно считать способнымъ къ такой низости, чтобы занять деньги у проститутки, да еще при вышеописанныхъ обстоятельствахъ. Низость этого показанія заходитъ слишкомъ далеко; она показываетъ въ яркомъ свѣтѣ ея ненависть ко мнѣ, ея желаніе погубить меня. И если эта особа употребила противъ меня подобныя средства, то не вытекали ли и другія ея показанія изъ подобнаго же побужденія! И если разсмотрѣть самый фактъ, въ его логической и психологической послѣдовательности, то изъ чего же можно извлечь доказательство, что у меня было намѣреніе убить эту дѣвушку? Намѣреніе мое убить себя видно не только изъ заявленія моего доктору Лисковицъ; оно ясно изъ всѣхъ моихъ приготовленій къ этому, изъ того что я продалъ всѣ цѣнныя вещи, такъ что у меня ничего не осталось; оно ясно также изъ моего душевнаго настроенія, обусловленнаго частію разочарованіемъ, частію мыслями о безотрадной будущности. Мнѣ дѣйствительно ничего не оставалось кромѣ самоубійства; я былъ нравственно доведенъ до этого, я не хотѣлъ сдѣлаться нищимъ. Но оправдывается ли этимъ предположеніе, что я хотѣлъ убить дѣвушку? Я прошу обратить строгое вниманіе на обстоятельства, сопровождавшія это дѣло. Я иду къ дѣвушкѣ чтобы проститься съ ней, чтобы сказать ей, до чего она довела меня; понятно, въ какомъ настроеніи духа, я былъ при этомъ. Еслибы я имѣлъ намѣреніе застрѣлить ее, почему бы мнѣ тотчасъ же не выстрѣлить въ нее и не убѣжать оттуда? И могъ

ли я думать что она приметъ меня, послѣ сценъ послѣдняго свиданія, а между тѣмъ она приняла меня по уходѣ своего любовника. И почему же я тогда не сдѣлалъ покушенія убить ее? Развѣ потому что хотѣлъ прежде удовлетворить плотскому побужденію? Но это можно было сдѣлать и въ ея комнатѣ, или можетъ быть я искалъ удобнаго мѣста для этого? Но смыслъ послѣдняго свиданія не давалъ мнѣ надежды на это; я всего могъ ожидать, но только не того чтобы дѣвушка, высказавшая мнѣ столько презрѣнія, согласилась ѣхать со мной и даже остаться у меня на ночь. И почему же я не исполнилъ покушенія въ то время, когда на софѣ, или ложась спать, вполнѣ удовлетворилъ своему сладострастію, тѣмъ болѣе, что тогда находился подъ вліяніемъ винныхъ паровъ и могъ думать, что покушеніе легче удастся? И зачѣмъ же, наконецъ, мнѣ было не исполнить этого ночью, или раннимъ утромъ, когда я вполнѣ уже пресытился? И почему было не спустить курокъ въ тишинѣ ранняго утра, когда всѣ спали, даже прислуга, и нельзя было опасаться помѣхи ни съ чьей стороны? И къ чему же было дожидаться поздняго утра, когда весь домъ на ногахъ, и когда слуга стучался уже нѣсколько разъ, прося дать ему сапоги для чистки, когда кельнеръ могъ каждую минуту войти и спросить о завтракѣ? Убійца постарался бы выбрать болѣе подходящее время. И какой же можетъ быть въ томъ смыслъ, что убійца сообщаетъ жертвѣ о своемъ намѣреніи, тогда какъ ей достаточно вскрикнуть, чтобы весь домъ собрался. Или я долженъ былъ предположить, что она, послѣ моего сообщенія, будетъ терпѣливо дожидаться, пока я выстрѣлю? А еслибы страхъ придалъ ей исполинскую силу и она вырвала бы у меня пистолетъ, или вышибла бы его изъ руки, что тогда? Развѣ замышляя убійство и такъ любезно предупреждая жертву о своемъ намѣреніи, можно было не подумать объ этомъ? Но, съ другой стороны, развѣ не было у меня мотивовъ сообщить ей, прежде чѣмъ мое намѣреніе исполнится, что она служитъ причиной моей смерти, но что я ее прощаю. И когда она увидѣла, что я обращаю противъ себя пистолетъ, то не естественно ли ей было отнять его у меня, тѣмъ болѣе, что она уже

разъ это сдѣлала. И въ это время пистолетъ могъ какъ-нибудь самъ собой выстрѣлить, тѣмъ болѣе, что заряженные пистолеты Лефоше всегда бываютъ на полувзводѣ.

И, наконецъ, еслибы я имѣлъ намѣреніе совершить двойное убійство, почему бы мнѣ не купить револьверъ, или по крайней мѣрѣ, двухствольный пистолетъ? Прошу обратить вниманіе на эти обстоятельства и испытать еще нравственное вліяніе на дѣвушку, чтобы побудить ее сказать правду, прежде чѣмъ обвинять меня, по ея показаніямъ, въ попыткѣ къ убійству.

Мнѣ пришло еще въ голову показаніе дѣвушки, что она чувствовала пистолетъ подъ подушкой, но думала, что это мой портмоне. Сомнительно, чтобы убійца положилъ оружіе подъ голову своей жертвы; кромѣ того, я много разъ спалъ съ ней на одной постели и не имѣлъ обыкновенія класть что-нибудь подъ подушку, и потому она, ощупавъ предметъ, захотѣла бы узнать, что это такое, и въ особенности не упустила бы этого, думая, что это портмоне, который она всегда такъ охотно ревизовала. Итакъ, это показаніе совершенно ложно. Наконецъ, она особенно напираетъ на то обстоятельство, что дверь была заперта. Но я, покрайней мѣрѣ, сто разъ ночевалъ съ ней въ отеляхъ и всегда запиралъ дверь, что требуется приличіемъ. Сама же она вставала ночью, выходила въ ретирадное мѣсто и по возвращеніи заперла дверь, такъ какъ она оказалась запертой, когда постучался слуга за сапогами; а что я заперъ дверь, выставивъ сапоги, не требуетъ никакого объясненія, въ особенности потому, что ключъ былъ въ замкѣ, со стороны комнаты.

Павелъ Бонвенъ.

Берлинъ, 13 августа 1868 года.

Рукопись эта, не переписанная, набросанная бѣгло въ теченіи трехъ дней, безъ всякихъ помарокъ, также какъ и мое изслѣдованіе, показываютъ, что Бонвенъ—человѣкъ хорошо подготовленный, добродушный, способный, но суетный, безхарактерный, легкомысленный и легковѣрный, экзальтированный и эксцентричный, страстный и вспыльчивый; онъ много разъ мѣнялъ свою карьеру и въ послѣдній разъ

„въ бѣшенствѣ," потребовалъ отставки, когда, по его же винѣ, выборъ его въ офицеры былъ отстроченъ на мѣсяцъ; чрезъ это онъ очутился въ затрудненіи съ своими долгами и не пытался со всей энергіей выбраться изъ своихъ затруднительныхъ обстоятельствъ, хотя хорошо сознавалъ ихъ, но вмѣсто того отдался въ руки дѣвушки, противъ которой самъ отецъ ея предостерегалъ его, да и самъ онъ много разъ испыталъ ея негодность.

Онъ страстный человѣкъ и все его поведеніе относительно этой дѣвушки, восторженные отзывы объ ней, равно какъ и вліяніе, которое она пріобрѣла на всѣ его дѣйствія, всѣ поступки,—все это показываетъ, что для него все заключалось въ этой страсти, которая, какъ онъ сознаетъ, „отняла у него друзей, положеніе, семью," въ страсти, которую онъ представляетъ въ прикрашенномъ видѣ, которую онъ романически идеализируетъ, въ которую онъ положилъ „самыя священныя свои чувства," и которая совершенно ослѣпила его.

Но изъ рукописи не видно, чтобы свобода выработки идей у Бонвена была нарушена, или чтобы способность приводить въ исполненіе свои рѣшенія потерпѣла разстройство, вслѣдствіе какого-нибудь иного психическаго страданія (болѣзни или недостатка). Напротивъ, приготовленная въ такое короткое время и такимъ хорошимъ слогомъ изложенная рукопись показываетъ способность быстрой и логичной выработки мыслей.

Страсть ослѣпила его; она не допустила его сдѣлать правильной оцѣнки отношеній, она довела его до отчаянія и до рѣшенія убить себя, она также служила двигателемъ къ вмѣняемому ему поступку; совершенъ ли поступокъ этотъ сознательно, или въ аффектѣ, вызванномъ оскорбленнымъ тщеславіемъ, отвергнутой любовью, сознаніемъ безполезности жертвы,—я оставляю нерѣшеннымъ. Но Бонвенъ никогда не терялъ сознанія безнравственности своего поведенія и своей склонности, никогда не терялъ сознанія своего „ничтожества" въ уступчивости и слабости.

Рѣшать, на сколько страсть, ослѣпленіе любви могутъ служить смягчающими обстоятельствами при обсужденіи его поступковъ, не входитъ въ кругъ моихъ обязанностей; мое дѣло изслѣдовать, нѣтъ

ли такихъ болѣзненныхъ моментовъ, подъ угнетающимъ вліяніемъ которыхъ страсть эта могла возрости, или поддержаться.

Такихъ моментовъ здѣсь не было.

Невозможно допустить, чтобы половое влеченіе достигло у здоровaго человѣка до такой угнетающей и все превозмогающей силы, чтобы передъ нимъ падали всѣ другія побужденія; никто еще не признавалъ сладострастнаго влеченія мужчины или женщины, будь это сама Клеопатра, за обстоятельство, уничтожающее свободу выбора. Такимъ образомъ, нельзя принять, чтобы болѣзненно возбужденное половое влеченіе довело Бонвена до тѣхъ безразсудныхъ поступковъ, которые онъ совершилъ, хотя у душевно больныхъ половое влеченіе можетъ служить извиняющимъ обстоятельствомъ передъ закономъ.

Но Бонвенъ совершенно здоровъ, происходитъ отъ здороваго семейства и не подверженъ никакимъ первнымъ болѣзнямъ, ни инымъ располагающимъ къ душевнымъ болѣзнямъ, моментамъ.

Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ особеннаго разсмотрѣнія огнестрѣльная рана, полученная имъ въ 1866 году.

Поврежденіе это не коснулось мозга непосредственно, пуля прошла подъ основаніемъ черепа, черезъ полость зѣва и обусловила сотрясеніе мозга, продолжавшееся только нѣсколько часовъ; впрочемъ рана относительно скоро зажила и не оставила послѣ себя никакого страданія.

Но и сотрясеніе мозга, тѣмъ не менѣе, можетъ имѣть послѣдствіемъ душевную болѣзнь. Или вслѣдъ за нимъ, непосредственно, образуется dementia, или оно ведетъ за собой первоначально иное умственное разстройство, при чемъ, какъ предвѣстники душевной болѣзни, обнаруживаются нарушенія чувствительности, движенія и перцепціи идей, также перемѣна характера; явленія эти прямо присоединяются къ поврежденію и ведутъ въ концѣ концовъ къ выраженному слабоумію. Въ томъ и въ другомъ случаѣ существуетъ *непрерывность* въ обнаруженіи болѣзненныхъ явленій, чего въ настоящемъ случаѣ совершенно не было; нервныя функціи у Бонвена никогда не нарушались и характеръ его оставался и послѣ

повреждения такимъ же, какимъ былъ и до этого. Можно указать только на глухоту на правое ухо, наступившую вслѣдъ за раненіемъ, вслѣдствіе поврежденія височной кости, но она не вызвала никакихъ ложныхъ ощущеній въ чувственномъ нервѣ.

Но, кромѣ этого, бываютъ случаи, что душевныя болѣзни наступаютъ и по прошествіи нѣсколькихъ, даже многихъ лѣтъ послѣ мозговаго поврежденія, или сотрясенія мозга; причина ихъ лежитъ тогда въ органическихъ измѣненіяхъ мозга или въ ослабленіи мозговой энергіи, обнаруженіе же вызывается какимъ-нибудь случайнымъ моментомъ.

Но принять этого здѣсь невозможно, ибо, кромѣ того, что у Бонвена не существуетъ никакой душевной болѣзни, у него нѣтъ также никакихъ признаковъ привычныхъ или періодическихъ приливовъ къ головѣ, которые постоянно бываютъ въ такихъ случаяхъ; Бонвенъ никогда послѣ поврежденія не жаловался на головныя боли, которыя непремѣнно были бы, если бы онъ страдалъ приливами крови къ мозгу, или если бы существовали мѣстныя патологическія измѣненія мозга, инкапсулированные небольшіе эксудаты въ существѣ мозга или на поверхности его и т. п.

Съ другой стороны всѣ моменты, приведенные прокуроромъ, хорошо объясняются поступкомъ, совершеннымъ въ страсти, въ аффектѣ: что онъ дрожалъ, покраснѣлъ и сказалъ слугѣ, что онъ съ ума сошелъ. Восклицаніе это прямо доказываетъ, что онъ уже опомнился черезъ минуту послѣ совершенія поступка. Показаніе Бауеръ также не заключаетъ въ себѣ ничего необыкновеннаго, если только припомнить, въ какомъ возбужденіи былъ Бонвенъ во время этого посѣщенія и то, съ какой цѣлью онъ пришелъ туда.

Наконецъ, что касается отношеній обвиняемаго къ Эммѣ, какъ человѣка образованнаго къ проституткѣ, то эти отношенія, конечно, не совсѣмъ обыкновенны, но и не неслыханны; не одни только молодые сумазброды переживаютъ романы съ проститутками и расточаютъ на нихъ лучшую свою половину, но и такіе люди, умственными трудами которыхъ гордится человѣчество (Гете), или воля и энергія которыхъ приводитъ въ движеніе народы (Мирабо),

были въ любви людьми слабыми, были рабами своей страсти, которую они далеко не всегда расточали для достойныхъ ея субъектовъ.

Поэтому, мнѣніемъ полагаю, что Бонвенъ, человѣкъ эксцентрическій, совершилъ поступокъ въ страстномъ возбужденіи, respective, въ аффектѣ, но что въ настоящемъ случаѣ не существуетъ никакихъ болѣзненныхъ моментовъ, которые возбуждали бы страсть, или поддерживали ее.

Въ судебномъ засѣданіи, во время котораго защита, сообразно вышеизложенному мнѣнію, ни разу не подняла вопроса о способности ко вмѣненію подсудимаго, присяжные объявили его „невиновнымъ."

6. Сомнительная способность ко вмѣненію, обусловленная мозговымъ разстройствомъ вслѣдствіе хроническаго отравленія алкоголемъ.

Хотя случаи поступковъ, совершенныхъ въ опьяненіи, часто подаютъ поводъ къ обвиненію, и хотя опьяненіе во многихъ случаяхъ выставляется какъ извиняющій моментъ, но они рѣдко или совсѣмъ не доходятъ до изслѣдованія судебнаго врача, потому что судья, достаточно знакомый съ этимъ состояніемъ, обсуждаетъ дѣло, не приглашая врача.

Поэтому слѣдующіе случаи относятся только къ хроническому алкоголизму.

Взятые вмѣстѣ, они имѣютъ нѣкоторый интересъ, представляя различныя формы хроническаго алкоголизма.

Что касается до развитія психическаго нарушенія, то нѣтъ необходимости, чтобы этому состоянію предшествовалъ острый періодъ, именно припадки delirium tremens; психическій упадокъ, умственное разстройство очень можетъ образоваться мало помалу.

Точно также нѣтъ никакой необходимости, чтобы каждый разъ существовали признанные Морелемъ признаки разстройства нервной системы, чувство ползанія мурашекъ, трясеніе мускуловъ, судороги, анестезіи, гиперестезіи, параличи; напротивъ, бываютъ случаи хро-

ническаго алкоголизма не только безъ этихъ, но и безъ всякихъ существенныхъ, или ясно выраженныхъ тѣлесныхъ симптомовъ. По моимъ наблюденіямъ, кромѣ habitus, поведенія больнаго и нарушеній мозговыхъ функцій, самыми постоянными тѣлесными симптомами бываютъ разстройство пищеваренія, жирная печень или цирозъ печени.

Первый изъ приведенныхъ здѣсь случаевъ относится къ человѣку, впавшему въ слабоуміе вслѣдствіе хроническаго алкоголизма, второй же къ хроническому состоянію умственной слабости, съ поступкомъ, совершеннымъ въ припадкѣ delirii potatorum, наконецъ, оба остальные представляютъ систематизированное помѣшательство, и первый изъ нихъ, съ идеями о преслѣдованіи, развившимися на почвѣ хроническаго алкоголизма.

Я наблюдалъ нѣсколько разъ случаи, въ которыхъ содержаніемъ безумныхъ представленій алкоголиковъ была супружеская невѣрность, основаніемъ чему, быть можетъ, служило разстройство половыхъ функцій; случаи эти сопровождались покушеніемъ на жизнь женъ.

Случаи эти были труднѣе для обсужденія тамъ, гдѣ безумныя представленія ограничивались только супружеской невѣрностью, какъ въ послѣднемъ изъ нихъ.

Но здѣсь діагнозъ можетъ быть сдѣланъ правильно по общему виду, по поведенію, далѣе по безсвязному способу выраженія, свойственному алкоголикамъ, наконецъ, потому что у подобныхъ больныхъ подозрѣнія основываются обыкновенно на подозрительныхъ тѣлодвиженіяхъ, на двусмысленныхъ словахъ, на взглядахъ, голосѣ и т. п. Изъ показаній этихъ можно заключить о существованіи галлюцинацій или тупоумія у изслѣдуемаго. Въ подобныхъ случаяхъ будетъ сообразно съ цѣлью собрать слухи о женѣ и допросить ее самую.

Не могу при этомъ не указать, что изслѣдуемые обоихъ послѣднихъ случаевъ, безпорядочная жизнь которыхъ привела ихъ семейства въ бѣдственное положеніе, представляли себя невинно страдающими, сваливая всю свою вину на распутство женъ и желали

убѣдить, или сами были убѣждены, что они, несмотря на всю свою честную борьбу, пали подъ бременемъ заботъ и горя, вслѣдствіе развратной жизни своихъ женъ. Наконецъ, нельзя не упомянуть, что оба изслѣдуемые очень хорошо сознавали наказуемость своихъ поступковъ.

СЛУЧАЙ ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ.

Поддѣлка. — Хроническій алкоголизмъ. — Неспособность ко вмѣненію.

Нѣкто Гельманъ обвиняется въ поддѣлкѣ совершеннаго въ королевскомъ городскомъ судѣ передаточнаго документа; онъ приказалъ своей служанкѣ Шмитъ прибавить въ немъ къ 11-ти статьямъ еще двѣнадцатую, нѣкотораго Нагеля, что она и сдѣлала, прибавивъ слова: „и въ 12-хъ — Нагель — 14 талеровъ“ и переправила общій итогъ изъ 204 въ 218.

Шмитъ разсказываетъ, что Гельманъ часто лежалъ въ постели и она, черезъ нѣсколько дней послѣ 7 января—по актамъ слѣдствія 13 января — когда онъ также лежалъ въ постели, передала ему взятую ею отъ дверей его квартиры бумагу, не прочитавъ ея. Потомъ, около начала марта, она увидѣла документъ, о которомъ идетъ дѣло, на фортепьяно, въ комнатѣ Гельмана, гдѣ хранились всѣ его акты и бумаги, прочитала его и замѣтила, что въ немъ недостаетъ имени Нагеля. Когда она сообщила объ этомъ Гельману, то онъ со словами: „Ну, если Нагеля недостаетъ, такъ припишите его,“ приказалъ ей сдѣлать эту переправку. Она сейчасъ же повиновалась приказанію, не подумавъ объ этомъ. Гельманъ, по его показаніямъ, съ тѣхъ поръ и не заботился объ этой переправкѣ и ничего не сообщилъ объ этомъ Вицке, до котораго относился этотъ документъ, такъ что тотъ получилъ свѣденіе объ этомъ только тогда, когда это было ему указано чиновникомъ, при предъявленіи документа.

Самъ Гельманъ даетъ объ этомъ дѣлѣ въ высшей степени противорѣчащія показанія. Первоначально, въ мартѣ 1863 года, когда

протоколистъ Кетте высказалъ подозрѣніе въ поддѣлкѣ документа, онъ согласился что самъ сдѣлалъ это измѣненіе, такъ какъ, при составленіи его забыли включить имя Нагеля, съ 14 талерами; потомъ онъ прибавилъ, что когда замѣтилъ это упущеніе, то обратился въ судъ, гдѣ ему сказали, что „онъ можетъ самъ вписать это имя."

Допросъ назначенъ былъ на 30 мая, но Гельманъ къ нему не явился, потому что „лежалъ больной въ постели"; 9 іюня состоялся первый допросъ его, на которомъ онъ показалъ, что совершенно не знаетъ, какимъ образомъ сдѣлано это измѣненіе въ документѣ, что онъ этого не дѣлалъ, что онъ не передавалъ Витцке права на полученіе платы съ Нагеля и что ему было совершенно неизвѣстно содержаніе представленія въ королевскую экзекуціонную комиссію отъ 1 марта, составленнаго, по его порученію, содержателемъ кофейни Кесселемъ, въ которомъ право на полученіе платы съ Нагеля значилось переданнымъ, такъ какъ онъ въ то время былъ болѣнъ лихорадкой. Онъ сказалъ, что немедленно по полученіи изъ суда передаточнаго документа, онъ передалъ его Витцке. На второмъ допросѣ, 31 октября, онъ показалъ что когда ему принесли изъ суда этотъ документъ, онъ лежалъ въ постели; Шмитъ передала ему эту бумагу и онъ велѣлъ прочитать ее вслухъ, но не могъ понять и только замѣтилъ, что въ немъ недостаетъ имени Нагеля съ 14 талерами; имѣя намѣреніе передать и эту плату и думая, что онъ уже сообщилъ объ этомъ суду, онъ велѣлъ прибавить въ дополненіе вышеприведенныя слова. При этомъ случаѣ, мысли его были очень неясны. На третьемъ допросѣ, 18 ноября, онъ показалъ что дѣло происходило совершенно такъ какъ говорила Шмитъ, и объяснялъ прежнія уклоненія въ своихъ показаніяхъ слабостью памяти; онъ говорилъ, что и въ показанное имъ время—начало марта—онъ былъ очень болѣнъ, съ нимъ часто бывала горячка съ бредомъ и голова его была такъ слаба и неясна, что онъ не понималъ, что дѣлаетъ. Онъ назвалъ имена многихъ врачей, которые лечили его, но не могъ дать свѣденій о томъ, кто пользовалъ его въ послѣднее время.

Докторъ Френкель лечилъ подсудимаго съ 27 апрѣля по 22

іюня, но не можетъ съ увѣренностью показать, лечилъ ли его въ мартѣ, именно въ началѣ этого мѣсяца, однакожъ это кажется ему невѣроятнымъ. По показанію его, Гельманъ жаловался на ломоту въ ногахъ и на гастрическіе припадки и страдалъ припадками хроническаго отравленія алкоголемъ. Почти всегда онъ находилъ его въ лихорадочномъ состояніи и ему часто сообщали, что Гельманъ ночью бредилъ. Въ безчувственномъ состояніи онъ его не заставалъ ни разу. Многіе свидѣтели говорили, что Гельманъ былъ въ высшей степени преданъ злоупотребленію спиртныхъ напитковъ, нѣкоторые прямо высказались, что онъ страдалъ бѣлой горячкой. Свидѣтель Бессеръ показываетъ, что Гельманъ былъ преданъ пьянству, что квартируя въ его домѣ, онъ часто видалъ его пьянымъ, и что онъ въ такихъ случаяхъ не разъ буянилъ. Онъ, какъ и всѣ прочіе свидѣтели, включая и доктора Френкеля, не видалъ его въ „состояніи неспособности ко вмѣненію.“ На письмоводителя Кетте онъ сдѣлалъ впечатлѣніе какъ бы „неспособнаго ко вмѣненію“; докторъ же Кобланкъ говоритъ, что онъ уже „много времени тому назадъ“ изслѣдовалъ Гельмана относительно его умственнаго состоянія и нашелъ, что „его нельзя признать способнымъ ко вмѣненію.“ Въ протоколѣ слѣдственнаго засѣданія 5 февраля было замѣчено, что Гельманъ, когда обращаются къ нему съ вопросами, часто приходитъ въ затрудненіе и извиняется, говоря, что не можетъ припомнить. „Кажется, что онъ симулируетъ умственную слабость.“

При такихъ обстоятельствахъ мнѣ было поручено изслѣдованіе умственнаго состоянія Гельмана.

Прежде всего нужно замѣтить, что Гельманъ не симулянтъ, но человѣкъ въ высшей степени, какъ тѣлесно, такъ и душевно, опустившійся, тупоумный. Нашедши его въ очень бѣдно убранной комнатѣ, я воспользовался этимъ обстоятельствомъ и спросилъ, войдя къ нему, не онъ ли подалъ просьбу въ общество вспоможенія, на что онъ отвѣчалъ: „да;“ я спросилъ его, что съ нимъ, и онъ сказалъ, что страдаетъ ломотой въ ногахъ и одышкой. Тогда я объявилъ ему, что прежде чѣмъ изслѣдовать его болѣзнь, мнѣ нужно имѣть подробныя свѣдѣнія о его личныхъ от-

ношеніяхъ, и что если онъ хочетъ, чтобы просьба его имѣла успѣхъ, то долженъ дать точныя показанія о своей личности. Не-смотря на то, что такимъ образомъ я возбудилъ его интересъ и что, совершенно не зная меня, онъ не могъ подозрѣвать настоящей цѣли моего посѣщенія, изслѣдуемый не могъ вести связнаго разговора и всѣ его воспоминанія были отрывочны. Онъ показалъ, что ему 68 лѣтъ, тогда какъ по актамъ значилось, что онъ родился въ 1805 году; когда я замѣтилъ, что это не сходится, онъ молчалъ и не зналъ что сказать. При второмъ посѣщеніи, онъ сдѣлалъ другое показаніе относительно возраста и сказалъ, что одни говорятъ, что ему 60 лѣтъ, а другіе—что 64. На многіе вопросы, не имѣвшіе ни малѣйшаго отношенія къ вмѣняемому поступку, онъ не могъ дать никакого отвѣта и говорилъ: „не могу вспомнить,“ или „не знаю,“ или „помогите мнѣ немножко.“ Такъ, напр., онъ не могъ отвѣтить, давно ли у него находится рубецъ на верхушкѣ головы, въ два дюйма длиной, проникающій до кости. Онъ сказалъ, что получилъ его при постройкѣ государственной типографіи, что былъ послѣ того двадцать двѣ недѣли болѣнъ, что лечилъ его докторъ Гольтгофъ, который извлекъ изъ раны два осколка кости, но не зналъ, даже приблизительно, было ли это 5, 10 или 15 лѣтъ тому назадъ. Послѣ долгихъ разъясненій, онъ сказалъ, наконецъ, что это было въ 1859 году, но не могъ высчитать, много ли лѣтъ съ тѣхъ поръ прошло, и когда я сказалъ ему, что пять лѣтъ, онъ не могъ сообразить, такъ ли это или нѣтъ. Далѣе, напр., онъ не зналъ, кончилась ли плевненская кампанія, и когда я спросилъ его, развѣ онъ не слыхалъ, что нѣсколько дней тому войска возвратились назадъ и вступили въ городъ, онъ возразилъ: „да они здѣсь мимо проходили.“ Онъ не зналъ, который теперь годъ и говорилъ, что теперь царствуетъ король Фридрихъ Вильгельмъ III. На вопросъ, кто царствовалъ въ то время, когда онъ подлежалъ воинской повинности, онъ сказалъ тоже — Фридрихъ Вильгельмъ III; а кто наслѣдовалъ ему? Только теперь назвалъ онъ Фридриха Вильгельма IV, но тѣмъ свѣдѣнія его и ограничились, потому что онъ не зналъ, живъ ли этотъ король или умеръ.

Онъ могъ показать, подумавши, что живетъ въ Thorstrasse, № 4, въ Берлинѣ, и что это въ Пруссіи. Далѣе, онъ зналъ, что былъ владѣльцемъ дома на улицѣ Б., № 133, въ Берлинѣ, показалъ, что онъ купленъ его женой, съ аукціона, за 13,500 талеровъ, что тамъ жили 10 жильцовъ, что онъ заплатилъ за мѣсто для постройки 6000 и нѣсколько сотъ талеровъ; но не зналъ, что стоило ему построить домъ, и не смотря на всѣ распросы, не могъ отвѣтить ни о доходахъ, ни о расходахъ по этому дому. Такъ какъ онъ утверждалъ, что при ясной погодѣ память у него бываетъ лучше, чѣмъ при пасмурной, то я вторично посѣтилъ его на другой день, когда погода была совершенно ясная. Я пришелъ къ нему около двухъ часовъ и нашелъ его раздѣтымъ и спящимъ въ постели. Я разбудилъ его, но онъ не показалъ ни малѣйшаго изумленія. Разбудивъ его, я спросилъ, узнаетъ ли онъ меня, но онъ никакъ не могъ припомнить, что я наканунѣ цѣлый часъ съ нимъ разговаривалъ.

Если до сихъ поръ сколько нибудь подлежало еще сомнѣнію, не притворна ли умственная тупость подсудимаго, то сомнѣніе это вполнѣ разрѣшается поведеніемъ и наружнымъ видомъ его. Онъ, повидимому, опустился подъ вліяніемъ пьянства и показанія свидѣтелей, что онъ нѣсколько разъ былъ въ бѣлой горячкѣ, очень вѣроятны. Далѣе, онъ страдаетъ хроническимъ ревматизмомъ конечностей и легочнымъ катарромъ, былъ отъ этихъ болѣзней пользованъ въ католической больницѣ и выпущенъ оттуда невылеченнымъ. Выраженіе лица у него вялое, взглядъ тупой и безъ всякаго выраженія. Отвѣчалъ онъ въ высшей степени медленно, долго раздумывалъ, прежде чѣмъ отвѣтить, и почти при каждомъ отвѣтѣ смотрѣлъ на свою служанку Шмитъ, какъ будто бы искалъ у нея отвѣта, что, судя по опыту, чрезвычайно характеристично для одержимыхъ слабостью умственныхъ способностей; чтобы имѣть возможность продолжать разговоръ, мнѣ часто приходилось пользоваться отвѣтами Шмитъ.

Изъ вышеизложеннаго видно, что Гельманъ находится въ настоящее время въ состояніи высокой степени ослабленія умственныхъ

способностей и тупоумія, такъ что, въ смыслѣ закона, долженъ считаться слабоумнымъ; невозможно допустить, чтобы это состояніе существовало у него недавно, хотя нѣтъ ничего невѣроятнаго, что въ послѣднее время оно ухудшилось. Противорѣчія его въ показаніяхъ на различныхъ допросахъ объясняются слабостью его умственныхъ способностей и не могутъ быть приняты за умышленное искаженіе истины.

Невозможно было добиться отъ него какихъ нибудь данныхъ относительно его душевнаго состоянія во время совершенія поступка, за который онъ судится. На мое замѣчаніе, что онъ поддѣлалъ документъ, Гельманъ отвѣчалъ только одно, что тамъ, наверху, ему сказали, что это ничего не значитъ, что одинъ чиновникъ сказалъ ему, что это ничего и т. п. Въ самыхъ актахъ слѣдствія нѣтъ никакой точки опоры для того, чтобы признать, что Гельманъ, во время совершенія этого проступка, вполнѣ обладалъ умственной свободой и способностью различать добро отъ зла; напротивъ, въ нихъ содержатся такія обстоятельства, по которымъ можно сдѣлать противоположное заключеніе. Не принимая во вниманіе показаній Шмитъ, которая, впрочемъ, показалась слѣдственному судьѣ „откровенной," что Гельманъ уже тогда часто лежалъ въ постели и находился въ состояніи слабости умственныхъ способностей, изъ актовъ все-таки видно, что въ это время всѣ получаемыя Гельманомъ бумаги, шли черезъ руки Шмитъ. Далѣе, нельзя признать маловажнымъ того обстоятельства, что Гельманъ, сдѣлавъ переправку въ документѣ, не сообщилъ объ ней болѣе всего заинтересованному въ этомъ дѣлѣ Витцке, а умалчивалъ о ней съ первыхъ чиселъ марта до 25 числа этого мѣсяца, хотя въ это время ему случалось видѣться съ нимъ. Витцке узналъ объ этомъ только при предъявленіи документа. Наконецъ, по разсмотрѣніи самаго документа видно, какъ грубо исполнена эта поддѣлка, измѣнена только написанная цифрами сумма 204 въ 218, а между тѣмъ, четыре строчки ниже, обозначеніе той же самой суммы, какъ цифрами (204), такъ и прописью (двѣсти четыре талера), остав-

лено нетронутымъ, что уже само по себѣ указываетъ на скудоуміе исполнителя.

Поэтому, мнѣніемъ полагаю:

что Гельманъ и теперь, и во время совершенія проступка не былъ въ состояніи обсудить послѣдствій его и потому не можетъ быть признаваемъ за способнаго ко вмѣненію, какъ теперь, такъ и относительно того времени.

СЛУЧАЙ ТРИДЦАТЬ ТРЕТІЙ

Оскорбленіе величества.—Хроническій алкоголизмъ.—Тупоуміе.—Неспособность ко вмѣненію.

Нѣкто Тиле обвиняется въ оскорбленіи величества.

18 января, будучи одинъ въ комнатѣ и лежа въ постели, онъ произносилъ ругательства противъ короля и членовъ королевскаго дома. Это слышали полицейскіе Вердинъ и Прессиберъ. Оба показали, что онъ, впрочемъ, болталъ при этомъ всякую чепуху, какъ будто бы не въ своемъ умѣ.

Свидѣтель Мюллеръ и жена обвиняемаго отзываются о немъ, какъ о страшномъ пьяницѣ; Мюллеръ никогда невидалъ его трезвымъ и говоритъ, что онъ лежалъ день и ночь въ постели, подъ которой стоялъ большой кувшинъ съ спиртнымъ напиткомъ, что къ работѣ онъ былъ неспособенъ, говорилъ безъ разбора всякую безсмыслицу и т. п.

Жена отзывается о немъ въ томъ же родѣ. Она говоритъ, что въ послѣдніе два мѣсяца Тиле почти никогда не бывалъ трезвымъ, проводилъ дни въ постели, а ночи въ кабакахъ, пилъ раньше ромъ, теперь пьетъ спиртъ.

Въ послѣднее время онъ казался ей не въ своемъ умѣ, говорилъ разный вздоръ и между прочимъ у него была вздорная мысль, „что онъ долженъ отмстить Пруссакамъ“. Онъ всячески поносилъ ихъ, но не касался, впрочемъ, политики, поэтому ей удивительно, что онъ такъ оскорбительно выразился о королѣ и членахъ королевскаго дома.

На допросѣ 8 февраля Тиле объявилъ, что всѣ обвиненія про-

тивъ него взяты съ вѣтру, что все это махинаціи его жены, что онъ вовсе не пьяница, что ромъ и спиртъ, которые употребляетъ для чистки часовъ, онъ пилъ для того, чтобы укрѣплять свое „тѣло, совершенно ослабѣвающее къ утру.“ Онъ уже нѣсколько мѣсяцевъ не можетъ спать по ночамъ, по-временамъ его мучатъ видѣнія, его преслѣдуютъ и кусаютъ до крови кошки, собаки, волки. По временамъ у него бываетъ сильное трясеніе въ рукахъ. Онъ не пьяница, скорѣе его жена пьяница, она пьетъ въ тихомолку и одержима бѣшенствомъ.

Всѣ пріемы Тиле показываютъ въ немъ пьяницу и человѣка, страдающаго хроническимъ отравленіемъ алкоголемъ. Толстобрюхій обрюзглый, онъ, впрочемъ, физически здоровъ, исключая довольно сильнаго желудочнаго катарра. Выраженіе лица и осанка вялыя, мимика довольно живая. Трясенія въ рукахъ теперь незамѣтно. Отвѣчаетъ быстро, безъ долгаго раздумья, но легко уклоняется въ болтовню, съ примѣсью забавныхъ остротъ. Это послѣднее, въ соединеніи съ тѣмъ, что онъ не можетъ бѣгло считать, напр. не можетъ справиться съ временемъ лѣтосчисленія, съ годами своего возраста и т. п., указываетъ на начинающееся ослабленіе умственныхъ способностей.

Онъ и предо мной отпирается отъ взводимаго на него проступка и сваливаетъ всю вину на свою жену, одержимую бѣшенствомъ, развратницу, пьяницу, которая разорила его, мѣшаетъ ему работать и т. п. Въ остальномъ онъ далъ удовлетворительные отвѣты на предложенные ему вопросы.

Тиле теперь около двухъ мѣсяцевъ подъ арестомъ и сталъ спокойнѣе, мысли у него сдѣлались связнѣе, чѣмъ при началѣ заключенія. По словамъ тюремныхъ сторожей, онъ то время былъ очень безпокоенъ, требовалъ рому и спирту, руки у него сильно тряслись.

Свѣденія эти, въ связи съ его собственными показаніями и съ показаніями свидѣтелей, не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что Тиле страдаетъ хроническимъ отравленіемъ алкоголемъ и во время вмѣняемаго ему проступка былъ одержимъ бѣлой горячкой; то обстоятельство, что онъ былъ въ то время одинъ въ своей ком-

натѣ и лежалъ въ постели, за прилавкомъ, такъ что полицейскій, смотря сквозь стеклянную дверь, не могъ его видѣть, дастъ возможность сдѣлать заключеніе, что Тиле говорилъ вмѣняемыя ему рѣчи въ безумномъ возбужденіи и поэтому очень вѣроятно, что ничего не помнитъ объ нихъ.

Въ теченіи двухъ мѣсячнаго заключенія возбужденное состояніе его миновалось. Онъ работаетъ, чинитъ часы въ тюрьмѣ и можетъ отвѣчать на вопросы.

Сообразно вышеизложенному, мнѣніемъ полагаю:

что Тиле въ настоящее время не одержимъ ни безуміемъ, ни слабоуміемъ, но что онъ во время совершенія проступка былъ въ припадкѣ бѣлой горячки, слѣдовательно въ припадкѣ безумія, и потому не находился въ состояніи способности ко вмѣненію.

СЛУЧАЙ ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

Преднамѣренное нанесеніе раны.—Хроническій алкоголизмъ.—Delirium potatorum.—Систематизированныя безумныя представленія.—Неспособность ко вмѣненію.

Работникъ Іосифъ Зуцка обвиняется въ умышленномъ нанесеніи тяжкаго поврежденія.

По его собственному показанію, сходному, въ существенномъ, съ донесеніемъ полиціи, онъ 2 сентября, утромъ, подстерегши свою жену на жандармскомъ рынкѣ и подойдя къ ней сзади съ раскрытымъ карманнымъ ножемъ, схватилъ ее и нанесъ ей ударъ этимъ ножемъ подъ платье, снизу вверхъ, съ цѣлью повредить ея половыя части.

По свидѣтельству доктора S. жена Зуцки получила при этомъ, кромѣ многихъ легкихъ ранъ, три значительныя въ оба бедра.

Зуцка бывалъ уже прежде подъ судомъ.

Онъ былъ приговоренъ въ 1863 и 1864 годахъ къ наказанію за оскорбленіе и за сопротивленіе, съ насиліемъ, должностному лицу; кромѣ того, въ 1861 году онъ былъ осужденъ по доносу служанки Пезцольдъ, за воровство.

Въ актахъ слѣдствія по этому дѣлу есть замѣтка полиціи, что

Зуцка преданъ пьянству, что онъ человѣкъ безпутный и праздный, не заботится о своей семьѣ; это показаніе подтвердила его жена, спрошенная на судѣ въ качествѣ свидѣтеля.

Въ декабрѣ 1861 года изслѣдуемый, по свидѣтельству доктора Штубенраухъ, былъ отправленъ въ Charité, какъ страдающій delirium tremens.

Онъ поступилъ въ заведеніе въ сильно возбужденномъ состояніи, высказывая горчайшіе упреки и сильныя угрозы противъ своей жены. Она распутная женщина, разстроила все его хозяйство и теперь ей такъ захотѣлось избавиться отъ него, что она велѣла запереть его какъ сумасшедшаго. (Журналъ Charité).

8 января 1866 года, завѣдующій отдѣленіемъ докторъ Гризингеръ и ассистентъ его докторъ Вестфаль заявили, что Зуцка, который считался за одержимаго только бѣлой горячкой, душевно болѣнъ, какъ показали ихъ наблюденія. Онъ упорно оставался при безумномъ представленіи, что жена хотѣла отравить его петролеумомъ, который она примѣшивала въ кушанья, и масломъ, которое подливала въ пиво. Вмѣстѣ съ тѣмъ, объявилъ онъ, что врачь, который изслѣдовалъ его на квартирѣ, былъ любовникомъ (Люи) его жены, и убѣдить его въ ложности его представленія было невозможно. Это потребовало перевода его въ отдѣленіе умалишенныхъ, тѣмъ болѣе, что онъ высказывалъ угрозы противъ своей жены и по показанію послѣдней, давно уже носилъ при себѣ острыя орудія.

2 февраля 1866 года врачи эти заявили, что у Зуцки, который въ теченіи многихъ лѣтъ былъ преданъ пьянству, развилось, на почвѣ хроническаго алкоголизма, умственное разстройство, выразившееся, между прочимъ, въ ложномъ представленіи, что онъ отравленъ женой.

Такъ какъ, по свойству болѣзни, ожидать выздоровленія Зуцки было нельзя, къ семейству же отпустить его было невозможно, потому что онъ угрожалъ своей женѣ и дурно съ ней обходился, то и предложено было перевести его, какъ неизлечимаго, въ гоститаль. 30 января Зуцка убѣжалъ, но на слѣдующее утро жена доставила его обратно.

Поэтому Зуцка былъ переведенъ 14 февраля въ городское заведеніе для призрѣнія умалишенныхъ.

4 марта, директоръ заведенія докторъ Идельеръ высказался объ немъ, „что онъ кажется спокойнымъ и повинуется порядкамъ заведенія. Въ словахъ же его, напротивъ, выступаютъ на первый планъ ясно выраженныя безумныя идеи. Такъ онъ обвиняетъ свою жену, что она хотѣла отравить его колбаснымъ супомъ и пивомъ; онъ хотѣлъ отдать объ эти жидкости врачу, для изслѣдованія, но жена, которая была при этомъ цѣлый день въ сильномъ страхѣ; помѣшала ему. По происками жены и одной развратной дѣвки, которая втерлась къ нимъ въ домъ, его помѣстили въ Charité, тогда какъ онъ былъ совершенно здоровъ.“ Равнымъ образомъ, изъ другихъ его разсказовъ видно, что онъ не въ состояніи обдумать своего положенія. Въ смыслѣ закона, его слѣдуетъ считать слабоумнымъ.

17-го іюня онъ ушелъ изъ заведенія, не возвратившись изъ дозволенной ему отлучки.

Въ тотъ же день онъ былъ арестованъ полиціей. Онъ ранилъ столовымъ ножемъ Зоммера, въ лѣвую руку, найдя его въ комнатѣ своей жены, и грозилъ убить эту послѣднюю.

На судебномъ допросѣ онъ показалъ, что жена его лѣнивая и негодная, что онъ всѣ ея несправедливости переносилъ молча и ни разу не поднималъ на нее руку. Изъ-за жены онъ долженъ былъ отказаться отъ мѣстъ, которыя имѣлъ, и теперь по ея милости въ рабочемъ домѣ, какъ помѣшанный. Жена его живетъ съ Зоммеромъ, и онъ нашелъ этого Зоммера „на своемъ супружескомъ ложѣ.“ Зоммеръ ударилъ его, а не онъ его ранилъ. Онъ никогда не пилъ черезъ мѣру и постоянно работалъ. Развратная жизнь жены была причиной того, что онъ попалъ въ Charité. Онъ не можетъ считать себя душевно больнымъ, напротивъ, онъ вполнѣ способенъ ко вмѣненію.

Напротивъ того, жена показала, что мужъ ея терялъ мѣста изъза пьянства, что она тяжелой работой пріобрѣтала содержаніе для него и дѣтей, и при этомъ терпѣла еще всевозможное дурное обращеніе. Когда она не давала ему денегъ, онъ продавалъ ея платье,

Она не имѣла непозволительной связи ни съ Зоммеромъ, ни съ кѣмъ-нибудь другимъ, и не беременна, какъ онъ утверждаетъ; всѣ сосѣди имѣютъ объ ней хорошее мнѣніе.

Съ мужемъ ея бывала бѣлая горячка, вслѣдствіе неумѣреннаго пьянства.

Однажды онъ упрекнулъ ее, что она хотѣла отравить его. Она должна была сходить за докторомъ Розе, который запретилъ ей оставаться наединѣ съ мужемъ, безъ присутствія посторонняго мужчины, потому что это опасно.

17-го мая онъ пришелъ къ ней пьяный, и сказалъ: ступай къ доктору Иделеръ. Она отвѣчала: „хорошо, я завтра пойду. Ты исполнилъ свое порученіе и можешь идти обратно.“ Докторъ Иделеръ именно къ ней-то и не позволялъ ему ходить.

Въ комнатѣ былъ еще кучеръ Зоммеръ, который былъ въ разводѣ съ своей женой. У него болѣла нога, вслѣдствіе удара копытомъ, и онъ жилъ тремя лѣстницами выше ея, сама она жила въ подвалѣ. Тогда было очень жарко и Зоммеръ, опасаясь, чтобы въ ранѣ у него не сдѣлалось воспаленіе, просилъ ее позволить ему спать въ ея квартирѣ, гдѣ было прохладно. Она съ дочерью спала въ спальнѣ, а Зоммеръ съ ея сыномъ въ другой комнатѣ. Сама она сидѣла на стулѣ и шила. Впрочемъ, Зоммеръ былъ другомъ ея мужа. Сказавъ вышеприведенныя слова, мужъ бросился на нее съ сжатыми кулаками и хотѣлъ ее бить. Она закричала: Зоммеръ! Зоммеръ! Зоммеръ прибѣжалъ, не смотря на свою больную ногу, схватилъ мужа за воротникъ, вытолкнулъ его за дверь и заперъ ее засовомъ. Мужъ такъ сильно стучался и шумѣлъ, что она опять отперла ему, причемъ онъ бросился на нее съ ножемъ. Зоммеръ, который уже легъ, снова всталъ, поспѣшилъ къ ней на помощь и былъ раненъ въ руку и въ носъ. Въ трезвомъ состояніи, у мужа ея доброе сердце и онъ всегда проситъ у нея прощенія за все, что надѣлалъ пьяный. Въ пьяномъ же видѣ онъ часто грозилъ убить ее, дѣтей и самого себя. Вслѣдъ за вышеописаннымъ происшествіемъ мужъ ея убѣжалъ на улицу.

Зоммеръ, спрошенный подъ присягой, показалъ тоже самое, что

и жена Зуцки, и кромѣ того прибавилъ, что Зуцка, поведеніемъ своимъ, не одинъ разъ подавалъ ему поводъ думать, что онъ страдаетъ временнымъ помѣшательствомъ.

Нужно замѣтить, что докторъ S. не только выдалъ свидѣтельство о пораненіи Зоммера, но и лечилъ его долгое время.

Когда открылось, что Зуцка бѣжалъ изъ дома умалишенныхъ, и когда докторъ Иделеръ засвидѣтельствовалъ необходимость содержанія его въ этомъ заведеніи, то слѣдствіе было прекращено и Зуцка былъ отведенъ обратно въ домъ умалишенныхъ.

11-го октября 1866 года написалъ онъ въ королевскій городской судъ, въ „депутацію по брачнымъ дѣламъ“ прошеніе, въ которомъ жаловался, что до сихъ поръ не было назначено публичнаго засѣданія для рѣшенія вопроса о его умственномъ состояніи; тогда какъ онъ содержится уже десять мѣсяцевъ въ домѣ умалишенныхъ и представлялъ на рѣшеніе суда, *„есть ли тутъ интрига или нѣтъ.“*

12-го октября писалъ онъ государственному прокурору, что „онъ, старикъ, отецъ семейства и совершенно здоровый человѣкъ, по интригамъ всякаго рода, уже десять мѣсяцевъ *невинно* содержится въ домѣ умалишенныхъ и проситъ строжайшимъ образомъ изслѣдовать его дѣло.“

Между тѣмъ, было назначено судопроизводство по дѣлу о признаніи его слабоумнымъ, и 5-го февраля 1867 года состоялось засѣданіе для изслѣдованія его.

Къ содержанію этого засѣданія я перейду вслѣдъ за симъ. Эксперты были не въ состояніи произнести окончательнаго приговора и засѣданіе было отсрочено.

21-го мая, когда должно было состояться новое засѣданіе. одинъ изъ экспертовъ, докторъ B. объявилъ, что онъ не могъ сдѣлать предписаннаго ему посѣщенія Зуцки, потому что тотъ *бѣжалъ изъ дома умалишенныхъ*, и какъ отозвался врачъ этого заведенія, хотя уже пойманъ и снова находится въ заведеніи, но въ настоящее время *допрашивать его невозможно.*

Такимъ образомъ, новое засѣданіе состоялось только 6-го авгу-

ста 1867 года, послѣ котораго эксперты объявили, что Зуцка *способенъ обсуждать послѣдствія своихъ поступковъ*.

Когда докторъ Идлеръ заявилъ объ этомъ мнѣніи экспертовъ дирекціи заведенія, Зуцку приказали выпустить изъ дома умалишенныхъ, что и состоялось 15-го августа, не ожидая рѣшенія суда.

Рѣшеніе это состоялось только 19 сентября и гласило о признаніи его здоровымъ.

2-го сентября Зуцка совершилъ уже вышеупомянутое нападеніе на жену и доставилъ этимъ, по своему, коментарій на свои слова: „нѣтъ, у насъ въ Пруссіи есть право и законъ и мы не нуждаемся въ самоуправствѣ.“ Это онъ сказалъ въ послѣднемъ засѣданіи на вопросъ врачей: „будете ли вы сами расправляться?“

Невозможно сомнѣваться въ томъ, что Зуцка, при поступленіи въ Charité и при переводѣ въ домъ умалишенныхъ, былъ душевно болѣнъ.

Человѣкъ, извѣстный полиціи какъ пьяница и лѣнивый бродяга, заболѣваетъ бѣлой горячкой; въ домѣ умалишенныхъ обнаруживается, что у него развились безумныя иден, какъ это часто бываетъ при хроническомъ алкоголизмѣ. Онъ жилъ въ разладѣ съ женой, которая не давала ему денегъ, и его болѣзненныя представленія обращаются на нее. Она хотѣла отравить его петролеумомъ и масломъ, докторъ Штубенраухъ—ея Люи, она отвела его, здороваго, въ Charité и т. п.

Факты эти не требуютъ дальнѣйшихъ доказательствъ и къ тому же врачи Charité наблюдали развитіе этихъ безумныхъ представленій у Зуцки, который первоначально страдалъ бѣлой горячкой.

Смѣшно бы было предположить, что Гризингеръ, Вестфаль, Идлеръ, люди, которые ежедневно обращаются съ сумашедшими, держали нѣсколько мѣсяцевъ въ заведеніи здороваго человѣка и объявили его неизлечимо душевнобольнымъ, не убѣдившись въ дѣйствительности его душевнаго разстройства, кромѣ всего прочаго, самымъ способомъ изложенія его разсказовъ и показаній.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что изслѣдуемый и въ октябрѣ 1866 года не былъ еще здоровъ. Достаточное доказательство

этого представляютъ его просьбы въ городской судъ, что онъ, здоровый человѣкъ, содержится, по интригамъ всякаго рода, въ домѣ умалишенныхъ, также его побѣгъ изъ заведенія, покушеніе на Зоммера, противъ котораго онъ не имѣлъ другихъ доказательствъ, кромѣ существовавшихъ въ его больномъ воображеніи и который теперь заступилъ мѣсто доктора Штубенраухъ, въ качествѣ любовника его жены.

Несмотря на все это Зуцка, рѣшеніемъ городского суда, былъ объявленъ здоровымъ и выпущенъ изъ дома умалишенныхъ, на основаніи изслѣдованія вышеупомянутыхъ врачей.

Я не могу осуждать приговора городскаго суда, но все таки не могу не замѣтить, что если врачи Charité объявили изслѣдуемаго „неизлечимымъ“ душевно больнымъ, а два другіе врача въ тоже время заявили, что онъ способенъ обсуждать послѣдствія своихъ поступковъ, что онъ выздоровѣлъ; то слѣдовало подвергнуть его дальнѣйшему изслѣдованію, въ другихъ инстанціяхъ.

Тѣмъ болѣе на мнѣ лежитъ обязанность изслѣдовать, основательное мнѣніе, высказанное вышеупомянутыми врачами.

Совершенно не основательно. Изслѣдованіе было въ высшей степени поверхностно, несообразно съ цѣлью и такъ недостаточно, что не позволяло вывести тѣхъ заключеній, которыя были на немъ основаны.

Если еще профанъ, никогда не обращавшійся съ душевно-больными и могъ быть введенъ въ заблужденіе тѣмъ обстоятельствомъ, что Зуцка не давалъ слабоумныхъ отвѣтовъ на предложенные ему вопросы, и что въ его безумныхъ представленіяхъ не заключалось ничего невозможнаго, то изслѣдовавшіе его врачи, которымъ анамнезъ его могъ и долженъ быть извѣстенъ, имѣли достаточную точку опоры для того, чтобы дознать, изчезли ли тѣ ложныя представленія, которыми, по показанію прежнихъ медицинскихъ свидѣтельствъ, страдалъ Зуцка, или не старается ли онъ только скрывать ихъ, какъ это часто дѣлаютъ душевнобольные, дѣйствительно ли дошолъ онъ до пониманіе своего положенія и т. п.

Въ обоихъ мнѣніяхъ нѣтъ ни одного слова относительно анам-

неза, тогда какъ, по предписанію закона, въ протоколѣ должны заключаться нужныя данныя относительно прежней жизни и болѣзней изслѣдуемаго.

Самъ докторъ S., долгое время лечившій Зоммера, реченаго Зуцкой, на вопросъ „не ранили ли вы Зоммера ножемъ?“ удовольствовался отвѣтомъ: „Боже сохрани!“ и „и въ голову не приходило!“ и называетъ это ясными и опредѣленными отвѣтами, согласными съ дѣйствительно происшедшимъ.“ Далѣе, хотя 21 мая 1867 года самъ докторъ B. заявилъ, что не могъ посѣтить Зуцку, потому что тотъ убѣжалъ изъ заведенія и хотя онъ въ тоже время узналъ отъ доктора Иделеръ и принялъ за фактъ, что Зуцка къ допросу не способенъ, но во время всего засѣданія не было и рѣчи объ томъ, что Зуцка, желавшій оффиціально подтвердить свое умственное здоровье, убѣжалъ изъ заведенія въ промежутокъ между двумя засѣданіями; также ничего не было говорено о состояніи его въ теченіи этого времени, равно какъ и о причинахъ неспособности его къ допросу, и ни разу не сдѣлано было попытки разъяснить это обстоятельство.

Вотъ отвѣты, которые далъ Зуцка на предложенные ему вопросы, въ первомъ засѣданіи:

Вопросы.	*Отвѣты.*
До какого времени жили Вы согласно съ вашей женой?	До тѣхъ поръ пока жена нагрѣвала постели и не таскалась по улицамъ съ парнями. Парень жилъ у нея пять мѣсяцевъ и лежалъ у нея въ ногахъ, въ одной комнатѣ съ ней.
О чемъ жаловались Вы прокурору?	О своемъ супружескомъ ложѣ, которое я долженъ возвратить себѣ.
Не хотѣла ли жена отравить Васъ?	Объ ядѣ и рѣчи не было. Когда дѣти хотѣли ѣсть супъ, жена имъ не позволила, выхватила у нихъ супъ и вылила вонъ. *Поэтому мнѣ захотѣлось изслѣдовать что было въ супѣ.*
А что было съ бутылкой пива?	20 декабря изъ бутылки была

выпита кружка, а 21 бутылка была опять полна. Моя жена еще раньше говорила: «еслибы у тебя была не такая желѣзная натура, ты давно уже пошелъ бы къ чорту.»

Почему счелъ Васъ за больнаго тотъ докторъ, который послалъ васъ въ Charité?

Докторъ немножко поговорилъ со мной. Я требовалъ чтобы онъ изслѣдовалъ пиво, но онъ этого не сдѣлалъ и потомъ выдалъ свидѣтельство.

Что говорили врачи въ Charité?

Докторъ Вестфаль сказалъ Гризингеру: онъ совершенно здоровъ, онъ здѣсь только изъ за жены.

Почему же Васъ не выпустили, если считали здоровымъ?

Не знаю.

Зачѣмъ Васъ сюда перевели?

Не знаю. *Жена не хотѣла меня выпустить.*

Вы думаете, что Васъ здѣсь держатъ по интригамъ вашей жены?

Въ девятнадцатомъ столѣтіи подобныя вещи неслыханы! Она предлагала мнѣ разводъ, но я не согласился.

Ваша жена имѣетъ вліяніе на докторовъ?

Она подстрекаетъ ихъ и они одинъ у другаго переписываютъ.

Послѣ этого засѣданія оба врача дали заключеніе, что Зуцка разсказываетъ о своемъ прошедшемъ и о своей супружеской жизни до такой степени согласно съ фактами, что они не находятъ въ его отвѣтахъ никакого основанія къ сомнѣнію въ способности его ко вмѣненію. Единственный пунктъ, о которомъ онъ не высказался съ желаемой ясностію, было его пребываніе въ отдѣленіи умалишенныхъ. Поэтому засѣданіе было отсрочено.

Послѣ этого по крайней мѣрѣ можно было надѣяться, что на второмъ засѣданіи этотъ пунктъ будетъ доведенъ до желаемой ясности.

Но въ протоколѣ содержатся только слѣдующіе вопросы и отвѣты относительно этого сомнительнаго пункта:

Когда поступили Вы въ Charité и куда?

21 декабря 1865 года послѣ обѣда; прямо въ новое зданіе, къ отцу Крафтъ (главный надзиратель).

Не въ отдѣленіе ли внутреннихъ болѣзней сначала?

Нѣтъ, сейчасъ же въ новое зданіе.

Куда перешли Вы изъ новаго зданія?

Сюда.

А отсюда?

16 марта 1866 года я уходилъ

Въ остальномъ этотъ протоколъ еще недостаточнѣе перваго и уклоняется отъ разбора такихъ вещей, которыя существенно важны для него. На вопросъ, не хотѣла ли жена отравить васъ? удовольствовались отвѣтомъ: „кто это сказалъ! Я никогда не утверждалъ этого;“ на вопросъ: вы ранили Зоммера ножемъ?—отвѣтомъ „и въ голову не приходило.“ Въ протоколъ занесено, что на вопросъ, что это за постели, онъ разсказалъ „длинную исторію“, изъ которой слѣдуетъ, что онъ былъ невинно осужденъ, и что въ это время другой втерся въ его домъ и связался съ его женой; такимъ образомъ, исторія эта была до того запутана, что не рѣшились внести ее въ протоколъ.

Послѣ этого засѣданія и послѣ вышеприведенныхъ вопросовъ и отвѣтовъ, оба „эксперта“ объявили, что прежнія ихъ наблюденія подтвердились и что Зуцка далъ на этотъ разъ такія ясныя и положительныя объясненія о пребываніи въ Charité, что у нихъ не осталось никакого сомнѣнія въ томъ, что объясненія эти согласны съ дѣйствительностью.

Изъ предыдущаго анализа ясно видно, что вышеупомянутыя засѣданія отнюдь не доказали неповрежденности умственнаго здоровья Зуцки; напротивъ, въ протоколахъ содержатся ясныя доказательства существованія у него душевной болѣзни, безумныхъ представленій; по протоколамъ этимъ проходитъ, какъ красная нитка, убѣжденіе изслѣдуемаго, что причиной перевода его въ домъ умалишенныхъ были интриги его жены, которая не хотѣла освободить его, подстрекала противъ него врачей,—короче, это была такая исторія, какой девятнадцатое столѣтіе еще не представляло. И если онъ теперь, напр., отказывается отъ мысли, что жена хотѣла отравить его, то это вовсе не представляетъ доказательства того, что у него не существуетъ этого представленія. Зуцка зналъ и знаетъ, что дѣло идетъ объ изслѣдованіи его умственнаго состоянія и поэтому старался скрыть свои безумныя представленія, что, однакожъ, ему не удалось, именно относительно отравленія; хотя онъ и отперся отъ этого, все таки изъ желанія его изслѣдовать

супъ, видно, что онъ еще и до сихъ поръ думаетъ, что его хотѣли отравить посредствомъ этаго супа.

При моемъ изслѣдованіи, я нашелъ Зуцку совершенно такимъ, какимъ онъ представляется изъ предыдущаго описанія.

Зуцка повидимому лѣтъ 40 отъ роду, крѣпкаго тѣлосложенія, съ отталкивающей наружностью. Блѣдное лицо его краснѣетъ во время разговора, взглядъ пронзающій. Говоритъ громкимъ голосомъ, но по временамъ, именно если оставить его говорить долгое время, говоръ его переходитъ въ нѣсколько лепечущій, чего нельзя отнести единственно къ тому, что онъ говоритъ съ славянскимъ акцентомъ. Тѣлесное здоровье его не нарушено. Поведеніе страстно. Онъ часто встаетъ во время разговора и нужно было безпрестанно предлагать ему садиться. Вся душа его наполнена мыслью о томъ, какъ низко поступила противъ него жена, отъ которой онъ первоначально отрекся, показавъ, что не женатъ. Послѣ того, какъ онъ нашелъ „на своемъ супружескомъ ложѣ“ другаго, кого дѣти его должны называть отцомъ, она посредствомъ всякого рода интригъ, „какихъ еще не бывало въ девятнадцатомъ столѣтіи“, и всѣхъ вооруживъ противъ него, отправила его, совершенно здороваго человѣка, въ сумашедшій домъ, и постаралась о томъ, чтобы его совсѣмъ тамъ оставили. Она же подстрекнула и служанку Петцольдъ обвинить его въ воровствѣ. Онъ постоянно терпѣлъ отъ нея. Онъ никогда чрезъ мѣру не пилъ, ни разу не подавалъ повода къ скандалу, никогда не поднималъ руки на жену, даже тогда, когда она била его по щекамъ, пинала въ животъ, хотѣла броситься на него съ топоромъ.

Все это разсказалъ онъ пространно, сбивчиво и съ примѣсью разныхъ нелѣпицъ.

Характеристична высказавшаяся у него глубокая недовѣрчивость, которая прямо указываетъ на существованіе безумныхъ представленій, хотя онъ, зная что мнѣ поручено изслѣдовать его умственное состояніе, и старался по возможности скрывать ихъ.

На засѣданіи хотѣли навязать ему на шею, что будто онъ говорилъ Гризингеру, что жена хотѣла отравить его ядомъ. Слово

„ядъ“ ни разу не было у него на языкѣ. Онъ хотѣлъ только изслѣдовать супъ и пиво, потому что ихъ не дали дѣтямъ и потому что жена сказала, что еслибы у него была не такая желѣзная натура, то онъ давно бы уже отправился къ чорту. Когда я представилъ ему что въ этихъ то словахъ и высказалось его подозрѣніе, не примѣшано ли тутъ что-нибудь вредное, онъ возразилъ: однакожъ это могъ быть и сахаръ. Онъ хотѣлъ только изслѣдовать супъ и пиво, чѣмъ уже и доказывается, что у него было твердое убѣжденіе, что тутъ была отрава. Жена его, о которой въ актахъ не содержится ничего предосудительнаго, сообщила мнѣ, что онъ въ то время вообще ничего не ѣлъ, изъ болязни быть отравленнымъ. Но ясно, что еслибы у его жены былъ подобный планъ, который онъ ей приписываетъ, то она не высказала бы ему того, на чемъ онъ основываетъ свое подозрѣніе. Но все это не могло убѣдить его, и онъ цѣлый годъ упорно оставался при этомъ ложномъ представленіи, пустившемъ въ его душѣ глубокіе корни и къ которому присоединились и другія представленія объ интригахъ.

Также точно онъ утверждаетъ что жена его была беременна и выкинула, потому что докторъ Розе сказалъ, что она страдаетъ кровотеченіемъ, нуждается въ покоѣ и т. п.

На основаніи этихъ безумныхъ представленій и былъ совершенъ вмѣняемый ему поступокъ.

Заслуживаетъ большого вниманія, что Зуцка совершилъ его въ своей квартирѣ, не въ домѣ, а среди улицы.

Жена его показываетъ, что онъ, послѣ того какъ былъ выпущенъ 15 августа изъ заведенія, возвратился домой и помѣстился въ кухнѣ. Она заперла дверь изъ кухни въ комнату и выходила съ дѣтьми, постоянно черезъ окошко. Въ среду, 28 числа, онъ произвелъ страшный шумъ, хотѣлъ ворваться въ комнату, такъ что она должна была позвать на помощь; послѣ этого онъ исчезъ и пропадалъ до тѣхъ поръ, пока не подстерегъ ее 2 сентября.

Но болѣе всего этаго за душевное разстройство изслѣдуемаго говоритъ мотивъ, побудившій его къ поступку, о чемъ онъ не одинъ разъ высказывался мнѣ.

Не столько мщеніе, какъ другое обстоятельство побудило его къ поступку, послѣ котораго онъ самъ хотѣлъ отдаться въ руки полиціи (неправда!). Полицейскій Германъ разсказывалъ ему на углу Лейпцигской улицы, въ присутствіи ночнаго сторожа, что объ немъ составлено новое свидѣтельство и его снова посадятъ въ сумашедшій домъ. Если этого свидѣтельства нѣтъ, такъ значитъ оно не было принято. Потомъ онъ продиктовалъ мнѣ слово въ слово слѣдующее, относительно мотива къ поступку:

„Я совершилъ этотъ поступокъ для того, чтобы не остаться навсегда въ сумашедшемъ домѣ и чтобы передать суду о всѣхъ интригахъ противъ меня, такъ какъ уже было представлено свидѣтельство чтобы посадить меня на всегда въ домъ умалишенныхъ. Я совершилъ его вполнѣ обдуманно и съ намѣреніемъ, потому что это казалось мнѣ единственнымъ путемъ, чтобы добиться справедливости; денегъ у меня не было, чтобы нанять адвоката.“

Въ другой разъ онъ говорилъ мнѣ, что теперь, по крайней мѣрѣ, знаетъ, что заслужилъ наказаніе. Въ смирительномъ домѣ онъ хотя между здоровыми, а не съ сумасшедшими, къ числу которыхъ не принадлежитъ.

Эти послѣднія показанія, относительно мотива къ поступку, вполнѣ согласуются съ наблюденіями, сдѣланными надъ изслѣдуемымъ еще въ Charité и съ его собственными просьбами въ судъ. Онъ хочетъ защитить свои нарушенныя права, хочетъ передать суду объ интригахъ противъ него, которыя не существуютъ въ дѣйствительности, въ чемъ убѣдить его невозможно.

Поэтому, мнѣніемъ полагаю, что Зуцка уже нѣсколько лѣтъ одержимъ умственнымъ разстройствомъ и что онъ, въ силу этого разстройства, былъ лишенъ способности сдѣлать разсудительный выборъ между совершеніемъ и несовершеніемъ поступка, за который обвиняется, и поэтому, по моему мнѣнію, неспособенъ ко вмѣненію.

Вышеописанныя происшествія заставляютъ въ тоже время объявить его опаснымъ для общества.

СЛУЧАЙ ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

Покушеніе къ убійству жены. — Хроническій алкоголизмъ. — Безумныя представленія.

Нѣкто Ретлихъ обвиняется въ томъ, что онъ 23 октября, въ пять съ половиною часовъ вечера, сдѣлалъ покушеніе убить свою жену.

Жена его только что вымела дворъ и хотѣла мести лѣстницу задняго флигеля, какъ увидѣла, стоя у дверей, что Ретлихъ бѣжитъ вверхъ по лѣстницѣ, изъ подвальнаго этажа. Выраженіе его лица, по ея словамъ, было такъ грозно, что она заподозрѣла недоброе. Поэтому она отскочила въ сторону. Въ это время грянулъ выстрѣлъ, и такъ близко, что ей показалось, какъ будто надъ самымъ ея ухомъ. Ранена она не была.

Тотчасъ же было дано знать полиціи. Ретлиха нашли стоящимъ, съ зажженнымъ огаркомъ въ рукахъ, на лѣстницѣ, ведущей изъ его спальни въ комнату. Когда у него потребовали пистолетъ, онъ тотчасъ же отдалъ его. Пистолетъ у него былъ въ карманѣ панталонъ, и онъ утверждалъ и передъ полицейскими, и въ полицейскомъ бюро, что не онъ выстрѣлилъ въ жену, а она въ него.

Пистолетъ былъ двухствольный, одинъ стволъ былъ еще заряженъ и съ надѣтымъ пистономъ; судя по свѣжей пороховой копоти въ другомъ стволѣ, было видно, что изъ него незадолго передъ тѣмъ былъ сдѣланъ выстрѣлъ.

Ретлихъ былъ арестованъ безъ дальнѣйшаго сопротивленія и не казался особенно испуганнымъ, когда полицейскіе служители пришли арестовать его.

Жена Ретлиха 54 лѣтъ; женился онъ на ней въ 1850 году и имѣетъ отъ нея двухъ дѣтей, 14-ти-лѣтнюю дочь и 11-ти-лѣтняго сына. Бракъ былъ съ самого начала несчастливъ, частію потому, что мужъ былъ чрезмѣрно вспыльчивъ, частію потому, что онъ постоянно пьянствовалъ. Черезъ полгода онъ вовсе пересталъ работать и забота о средствахъ къ жизни лежала на женѣ. Онъ все уносилъ изъ

дома, продавалъ и пропивалъ. Дочь его показала, что онъ мало по малу продалъ или заложилъ всѣ постели, платье и другую движимость и полученныя деньги пропивалъ, что онъ ничего не дѣлалъ для содержанія жены и дѣтей, между тѣмъ мать день и ночь работала, какъ прачка, и должна была содержать и себя, и дѣтей, да еще и мужа. Хозяинъ дома, Кранцъ, далъ ей свидѣтельство, что она женщина очень прилежная, отнюдь не развратная.

Напротивъ, мужъ, по показаніямъ ея и Кранца, вездѣ обвинялъ ее въ развратѣ, повсемѣстно срамилъ ее, даже при дѣтяхъ, употреблялъ въ отношеніи къ ней самыя пошлыя выраженія, „ее слѣдуетъ вилами убить,“ „отдать на живодерню“ и т. п.; часто онъ говорилъ женѣ: „я тебѣ отмщу“, а въ день преступленія: „сегодня я объ тебѣ позабочусь.“

Нѣсколько разъ дѣло доходило до насилія. Между прочимъ, въ началѣ октября, по показанію Кеперна, когда жена Ретлиха вошла въ комнату, тотъ съ бѣшенствомъ бросился на нее, толкнулъ ее ногой въ животъ и приколотилъ.

Съ этаго дня жена ушла отъ него. Онъ подалъ просьбу о разводѣ, но не явился къ священнику для увѣщанія о примиреніи, потому что „при видѣ жены могло бы случиться несчастіе.“

Жена Ретлиха описала священнику своего мужа, какъ глупца, лѣнтяя и одержимаго наслѣдственнымъ помѣшательствомъ.

Самъ Ретлихъ утверждаетъ, что онъ совсѣмъ невиноватъ. Пистолетъ онъ купилъ еще въ сентябрѣ, для забавы, и часто стрѣлялъ изъ него. Жена унесла у него ящикъ съ бѣльемъ, со всѣмъ что тамъ было, а вмѣстѣ съ тѣмъ и пистолетъ, который онъ обыкновенно хранилъ тамъ. При возвращеніи домой, въ упомянутый вечеръ, онъ нашелъ пистолетъ на окнѣ и взялъ его съ собой. Во время происшествія его вовсе не было дома, онъ былъ у Цикерта, въ улицѣ Карла, покупалъ кюммель.

Однакожъ, Дорнъ, зажигавшій газовые фонари въ Зегергофской улицѣ, говорилъ тамъ съ нимъ около 5 часовъ вечера.

Ретлиху 51 годъ, лицо у него блѣдное, видъ кахектическій, выговоръ неясный, лепечущій, при чемъ замѣтны легкія подерги-

ванія верхней губы. Языкъ обложенъ сѣроватымъ налетомъ, пространство притупленія звука печени обширно. Другихъ тѣлесныхъ ненормальностей незамѣтно.

Во время разговора онъ былъ очень безпокоенъ, одергивалъ безпрестанно свое платье, вставалъ со стула безъ всякой причины, однакожъ по первому слову снова садился.

При разговорѣ сейчасъ замѣтно, что онъ отступаетъ отъ предмета и теряется въ вздорныхъ, безсвязныхъ рѣчахъ. Если не останавливать его, то на самые простые вопросы, онъ отвѣчаетъ очень пространно, растеривается и начинаетъ ругать свою жену въ самыхъ непристойныхъ выраженіяхъ, какъ „падаль, стерво“ и т. д.

Онъ изображаетъ ее извергомъ рода человеческаго. Всякое животное любитъ своихъ дѣтенышей, а она не любитъ своихъ дѣтей. Это происходитъ оттого, что у нея одно только на умѣ—развратничать съ мужчинами. Ей всякій хорошъ, она, замужняя, таскается съ парнями по хлѣвамъ, съ двадцатилѣтними парнями; ей всякій хорошъ, и такъ идетъ цѣлый день. Она только показывала видъ, что идетъ на работу, а вмѣсто того шла къ сводницѣ, чтобы развратничать. Мало этого, даже, когда и передъ нимъ стоитъ, она удовлетворяетъ себя тѣмъ, что качается изъ стороны въ сторону и онъ часто находилъ на томъ мѣстѣ, гдѣ она стояла, жидкость, которая тянулась въ нити. Эта—ненасытная женщина, большая, сильная, съ крѣпкими ляжками, которыя она, при совокупленіи, закидываетъ за голову и т. п.

Онъ приписываетъ ей все дурное, въ чемъ самъ виноватъ. Она все проматовала, не заботилось о хозяйствѣ и т. п., тогда какъ онъ долженъ былъ все сберегать и заботиться о дѣтяхъ.

Не только показанія его, но и способъ, какъ онъ выражается, именно совершенно безсвязно и болѣе механически, чѣмъ страстно, уже заставляютъ сомнѣваться въ справедливости его словъ, не говоря уже о противоположныхъ свидѣтельскихъ показаніяхъ о его женѣ.

Къ тому же это—дряхлая, худая, увядшая женщина, изъ раз-

говора съ которой сейчасъ видно, что она не ведетъ такой жизни, въ какой обвиняетъ ее мужъ.

По показанію изслѣдуемаго, подтвержденному разспросами въ Котбузѣ, у него есть сестра и двое братьевъ, всѣ старше его, которые, судя по его описанію, всѣ сумасшедшіе, причемъ онъ, впрочемъ, этого слова не употребилъ.

Самъ онъ давно уже преданъ въ сильной степени пьянству. Въ послѣднее время онъ выпивалъ, по его показанію, ежедневно по полторы кварты водки. Онъ весь смотритъ человѣкомъ страдающимъ хроническимъ алкоголизмомъ.

Кромѣ всего, что говорилось о его наружности, поведеніи и способѣ выраженій, нужно замѣтить, что и разсказы его сбивчивы и онъ не въ состояніи сосредоточивать свои мысли. Напр., его трудно заставить понять, что если теперь у насъ 1868 годъ, а онъ родился въ 1817 году, то ему теперь 51 годъ, а не 52. Онъ до того сбивается въ вычисленіяхъ, съ которыми, бывши экономомъ и солдатомъ, долженъ былъ быть хорошо знакомъ, что доходитъ до совершенной безсмыслицы.

Такимъ образомъ, въ настоящемъ случаѣ, безъ предшествовавшаго остраго періода и безъ существованія припадковъ delirii potatorum, дѣло дошло до постепеннаго упадка умственной энергіи, какъ это часто наблюдается у пьяницъ.

Что касается до его показаній о женѣ, то они могутъ быть или истинны, или лживы, или основаны на безумныхъ представленіяхъ.

Я не сомнѣваюсь въ томъ, что въ настоящемъ случаѣ имѣетъ мѣсто это послѣднее. Противъ признанія его показаній справедливыми, говорятъ, сверхъ всего прочаго, хорошіе слухи о женѣ. Далѣе, что онъ не лгалъ, съ цѣлью обмануть, хорошо зная гдѣ правда, но былъ руководимъ ложными представленіями, доказываютъ тупоумныя и нелѣпыя основанія его подозрѣній, кромѣ всѣхъ другихъ обстоятельствъ, говорящихъ противъ его умственной неповрежденности.

Отъ него нельзя добиться дѣйствительныхъ основаній, на ко-

торыхъ опирались бы его подозрѣнія, онъ только бранится; въ доказательство справедливости своихъ показаній, онъ приводитъ нелѣпѣйшія вещи. Онъ утверждаетъ, напр., что въ то время, какъ онъ держалъ бѣлку, жена его водила знакомство съ башмачникомъ; это онъ знаетъ потому, что башмачникъ, показывая на маленькое отверстіе въ клѣткѣ бѣлки, сказалъ: „дыру надо бы сдѣлать побольше.“ У другаго увидѣлъ бѣлыя пятна на панталонахъ, когда тотъ выходилъ отъ его жены и т. п., и думая что описаніемъ взглядовъ, двухсмысленныхъ словъ, тѣлодвиженій представляетъ разсказъ о дурныхъ дѣлахъ своей жены, онъ представляетъ, напротивъ, разсказъ о своихъ безумныхъ представленіяхъ.

Онъ и передо мной упорно отпирается отъ приписываемаго ему поступка, утверждая, что его не было дома, когда былъ сдѣланъ выстрѣлъ. Когда я спросилъ его, кто же стрѣлялъ, онъ отвѣчалъ, что „у его жены много соучастниковъ,“ и въ заключеніе, когда я приступилъ къ нему, сказалъ, что „онъ не можетъ и представить себѣ, что это онъ стрѣлялъ.“

Впрочемъ, приходится оставить нерѣшеннымъ, насколько былъ пьянъ Ретлихъ въ упомянутый вечеръ. Онъ пилъ и въ этотъ день. Изъ актовъ только видно, что онъ не былъ въ безчувственно пьяномъ состояніи.

Нельзя и не слѣдуетъ утверждать, что Ретлихъ не сознавалъ, что онъ, стрѣляя въ свою жену, совершаетъ дурной и наказуемый поступокъ, или что онъ совершенно не понималъ, что дѣлаетъ; но все-таки, по всему видно, что онъ человѣкъ, страдающій мозговой болѣзнью вслѣдствіе хроническаго алкоголизма, тупоумный и спутанный, одержимый безумными представленіями, которыя и побудили его къ совершенію проступка.

Я утвердился въ своемъ мнѣніи замѣткой тюремнаго врача доктора Арнда, въ которой значится:

„Въ высшей степени вѣроятно, что Ретлихъ помѣшанъ. Ночи онъ проводитъ частію безъ сна, частію въ лунатическомъ, громкомъ бреду и сильно поражаетъ своихъ товарищей, людей, повидимому, разумныхъ, какъ этимъ, такъ и своими рѣзкими особенно-

стями. Онъ съ готовностью разсказалъ о причинѣ своего ареста, но не могъ при этомъ обойтись безъ ненужныхъ отклоненій отъ предмета, хотя и видимо старался избѣгнуть этого и достичь до конца разсказа.“

Не смотря на все вышеизложенное, я все-таки не желаю объявить изслѣдованіе Ретлиха оконченнымъ.

Тюрьма есть мало пригодное мѣсто для наблюденій подобнаго рода, потому что здѣсь невозможно свободное обращеніе съ другими больными, равно какъ и достаточный врачебный контроль. Поэтому я предлагаю:

перевести Ретлиха на восемь недѣль въ отдѣленіе умалишенныхъ въ Charité, и по окончаніи этого срока, въ теченіе котораго я буду освѣдомляться о поведеніи изслѣдуемаго, поручить мнѣ представить новое мнѣніе. При этомъ прошу передать врачамъ Charité акты слѣдствія и копію съ моего мнѣнія.

Если не воспослѣдуетъ согласія на это предложеніе и будетъ предписано дальнѣйшее изслѣдованіе Ретлиха, то его, какъ человѣка опаснаго для окружающихъ, слѣдуетъ перевести въ домъ умалишенныхъ.

Вышеприведенное мнѣніе было подтверждено долговременными наблюденіями въ Charité, и Ретлихъ былъ объявленъ неспособнымъ ко вмѣненію.

7. Сомнительная способность ко вмѣненію, обусловленная состояніемъ психической слабости.

a. Вслѣдствіе вліянія наслѣдственности.

Слѣдующіе случаи принадлежатъ къ особенной группѣ наслѣдственныхъ психическихъ болѣзней.

Нужно различать два рода наслѣдственности относительно помѣшательства: наслѣдственное расположеніе и различныя формы наслѣдственнаго помѣшательства.

Во-первыхъ, психическое заболѣваніе развивается подъ вліяніемъ общаго расположенія, имѣющаго основаніе, въ первопатическихъ со-

стояніяхъ родственниковъ по восходящей линіи, при участіи другихъ благопріятствующихъ вліяній; это можно показать на большой части душевно больныхъ.

Чѣмъ понятіе о наслѣдственности въ этомъ отношеніи становится обширнѣе, когда, съ одной стороны, совершенно справедливо, принимаютъ къ соображенію не только прямую восходящую линію, но и боковыхъ родственниковъ и „семейное расположеніе," съ другой же, принимаютъ въ разсчетъ, кромѣ другихъ тѣлесныхъ болѣзней, слабость характера, сумазбродство, развратныя наклонности, страстность родителей,—тѣмъ болѣе возрастаетъ обязанность требовать, in foro, строгихъ доказательствъ аномальнаго психическаго развитія и аномальнаго психическаго поведенія того индивидуума, поступокъ котораго обсуждается въ данномъ случаѣ.

Во вторыхъ, изъ общаго понятія о наслѣдственности были отдѣлены тѣ случаи психическсго заболѣванія, въ которыхъ мозговыя разстройства обусловлены сильнымъ наслѣдственнымъ расположеніемъ, которые преимущественно образуютъ наслѣдственное помѣшательство, folie héréditaire.

Здѣсь индивидуумы, подъ угнетающимъ наслѣдственнымъ вліяніемъ не только расположены, но уже отъ рожденія предназначены быть помѣшанными, или душевная болѣзнь у нихъ уже готова при самомъ рожденіи.

Морель, который въ особенности занимался изысканіями отношеній наслѣдственности, описываетъ различные способы проявленія этого наслѣдственнаго помѣшательства (folie héréditaire), въ постепенномъ и прогрессивномъ усиленіи ихъ, начиная отъ формы, представляющей крайнее усиленіе нервнаго темперамента родителей и до формы, представляющей накопленіе наслѣдственности, какъ существующее съ рожденія слабоуміе, глупость, идіотизмъ, кретинизмъ, соединенный съ тѣлеснымъ уродствомъ.

Насъ болѣе всего интересуютъ промежуточныя формы, которыя развиваются у индивидуумовъ, отличающихся съ ранняго возраста эксцентричностями, причудливыми странностями, упрямствомъ, слишкомъ высокимъ о себѣ мнѣніемъ, или душевной развращенностью и

искаженностью вкусовъ и болѣе сумазбродными поступками, чѣмъ безумными рѣчами.

Уже Эскироль описываетъ рановременную эксцентричность въ мысляхъ, страстяхъ, привычкахъ, склонностяхъ и поведеніи этихъ индивидуумовъ, какъ признакъ будущаго помѣшательства, развивающагося на почвѣ наслѣдственности.

Быстрое наступленіе помѣшательства, при относительно маловажныхъ поводахъ, рѣзкія ремиссіи, склонность къ фиксированію, систематизированію и безумной постройкѣ ложныхъ представленій, если онѣ существуютъ, инстинктивная наклонность къ низкимъ поступкамъ и преступленіямъ, кажущееся относительное сохраненіе интеллектуальныхъ способностей, служатъ отличительными признаками наступающаго или существующаго помѣшательства у подобныхъ индивидуумовъ.

Это тѣ самые индивидуумы, которые слывутъ, въ обыденной жизни, за „помѣшанныхъ“ и которые подавали и будутъ подавать поводъ къ противорѣчащимъ мнѣніямъ, пока считаются находящимися на границѣ между здоровьемъ и болѣзнью, и пока для судьи не сдѣлается яснымъ, что они страдаютъ мозговымъ разстройствомъ.

Ихъ считаютъ обладающими „частной способностью ко вмѣненію“ и желали бы одну часть подобнаго индивидуума посадить въ сумашедшій домъ, а другую въ тюрьму; для признанія ихъ душевно больными требуютъ „безумнаго представленія,“ которое, однакожъ, у нихъ бываетъ не всегда, хотя и нерѣдко. Потомъ пытаются доказать ихъ способность ко вмѣненію посредствомъ психологическихъ дедукцій и односторонняго обсужденія ихъ поступка, вмѣсто того чтобы тщательнымъ собираніемъ анамнестическихъ данныхъ и данныхъ объ ихъ психическомъ развитіи доказать паталогичность ихъ поведенія и судить объ ихъ способности ко вмѣнемію по степени ихъ умственной слабости.

Сами психіатры, обозначая это состояніе какъ „незрѣлую душевную болѣзнь,“ „нечистыя формы“, способствовали къ тому чтобы затруднить уразумѣніе его. Называютъ его folie lucide, folie raisonnante, folie des actes, moral insanity, какъ будто бы это

были односторонніе заболѣванія душевныхъ способностей, преимущественно воли, и какъ будто въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ вообще существуетъ нѣсколько времени продолжающееся психическое заболѣваніе, не всегда возможно доказать существованія нарушеній мыслительной способности, хотя бы нарушенія эти и не были ясно выражены. Я считаю вреднымъ употребленіе такихъ выраженій въ судебной практикѣ, потому что они не ясны и запутаны, потому что въ нихъ заключается внутреннее противорѣчіе и потому что теперь подъ этими названіями подразумѣвается совсѣмъ другое чѣмъ первоначально; къ тому же различные авторы придавали имъ различный смыслъ.

Такъ, напр., moral insanity, которую Причардъ *) первоначально противупоставлялъ intellectual insanity, какъ „a perverted and disordered state of feeling, passions and emotions, irrespective of any intellectual aberration, **) и которое, наконецъ, переродилось до того, что изъ него образовалось „душевное нарушеніе“, „въ теченіи котораго моментъ безнравственности долженъ занимать специфическое, опредѣленное мѣсто,“ „преступное душевное разстройство.“ *).

Оба слѣдующіе случая принадлежатъ къ вышеописанной категоріи наслѣдственнаго помѣшательства, въ тѣсномъ смыслѣ; первый изъ нихъ подалъ поводъ къ рѣзкимъ разнорѣчіямъ и получилъ нѣкоторую извѣстность въ публикѣ.

Пресса и ея корреспонденты, гоняющіеся за пикантностями, любятъ время отъ времени, не слишкомъ добросовѣстно и безъ дѣйствительнаго изученія источниковъ, стращать публику разсказами о содержаніи въ домахъ умалишенныхъ людей умственно здоровыхъ, по кому нибудь непріятныхъ, съ цѣлью отнять у нихъ возможность вредить. Впрочемъ, ни одинъ подобный случай не былъ доказанъ.

---

*) Taylor. the principles of practice of medical jurisprudence. London.

**) Испорченное и неправильное состояніе чувствъ, страстей и душевныхъ движеній, безъ отношенія къ какому бы то ни было умственному уклоненію.

*) Solbrig, Verbrechen und Wahnsinn. München, 1867.

Еще очень недавно, по поводу посѣщенія Шарантона императоромъ Наполеономъ, было разсказано объ одномъ изъ подобныхъ случаевъ, относящемся къ адвокату Сандо; „заведеніе это, какъ извѣстно по слухамъ, оказываетъ теперь тѣже услуги, какъ нѣкогда Бастилія, въ которую министры могли заключить всякаго, по ихъ желанію, посредствомъ своихъ lettres de cachet.“ Вслѣдъ за тѣмъ, въ газетахъ появился разсказъ о подобномъ же случаѣ съ однимъ шлезвигъ-голштинскимъ офицеромъ; при этомъ было сообщено, что по новому изслѣдованію оказалось, что онъ вовсе не страдаетъ и не страдалъ умственнымъ разстройствомъ, что онъ выпущенъ изъ заведенія и что противъ виновниковъ его заключенія должно начаться строгое слѣдствіе и т. п.; въ концѣ концовъ, все это имѣло послѣдствіемъ привлеченіе къ суду и присужденіе къ наказанію распространителей подобнаго злословія.

Дѣло въ томъ, что многіе депутаты рейхстага, городскіе совѣтники и т. п. интересовались судьбой этаго человѣка, что пользующійся почтенной извѣстностью депутатъ докторъ Леве былъ при судопроизводствѣ о слабоуміи экспертомъ и, въ противность другому врачу, высказалъ въ своемъ мнѣніи, что изслѣдуемый не только способенъ къ распоряженію, но способенъ и ко вмѣненію. Посредствомъ доставленія нужныхъ денежныхъ средствъ, изслѣдуемый былъ помѣщенъ на время въ одно изъ частныхъ заведеній для умалишенныхъ.

У меня нѣтъ цѣли подвергнуть критикѣ мнѣніе доктора Леве; я возвращусь къ нему послѣ, чтобы сказать о немъ два слова. Только я попросилъ бы его напечатать свое мнѣніе, тѣмъ болѣе что онъ не ограничился обсужденіемъ способности къ распоряженію изслѣдуемаго,—что единственно и составляетъ предметъ судопроизводства о слабоуміи—но вдался и въ вопросъ о вмѣненіи, чего отъ него не требовалось.

Вотъ представленное мною мнѣніе:

СЛУЧАЙ ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ.

Оскорбленіе величества. — Помѣшательство. — Неспособность ко вмѣненію.

Нѣкто Лабунскій обвиняется въ оскорбленіи величества слѣдующимъ письмомъ:

„Президенту полиціи!

Король — проклятая собака и грабитель. Вильгельмъ укралъ Германію, а вы украли у меня сестру. Если ее сейчасъ же не выпустятъ, такъ я перебью всю королевскую шайку и того президента, вы доживете до этого; чтобы сейчасъ же выпустили ее изъ заведенія.

Ф. Лабунскій,
первый лейтенантъ.

Wollankstrasse, № 13.»

Директоръ ф. Дригальскій, послѣ перваго допроса обвиняемаго, судя въ особенности потому, что тотъ энергически отрекся отъ письма, былъ того мнѣнія, что Лабунскій сознаетъ послѣдствія своего поступка, но слѣдователь внесъ въ протоколъ: „что хотя у Лабунскаго и нельзя тотчасъ же замѣтить слѣдовъ умственнаго разстройства, но однакожъ безпокойный нравъ, обнаруженный имъ, нѣкоторая торопливость въ рѣчахъ и въ мысляхъ, при продолжительнимъ разговорѣ, заставляютъ сомнѣваться въ способности его ко вмѣненію.“

О Лабунскомъ уже прежде производились дѣла и онъ съ давняго времени состоитъ въ подозрѣніи умственнаго разстройства. Сестра его страдаетъ умственнымъ разстройствомъ и съ 1860 года нѣсколько разъ была въ заведеніяхъ для умалишенныхъ. Вслѣдствіе многочисленныхъ жалобъ сосѣдей, она была подвергнута изслѣдованію въ умственномъ состояніи черезъ доктора Арида и взята въ домъ умалишенныхъ, какъ опасная для окружающихъ, изъ котораго была выпущена вслѣдствіе неоднократныхъ проьсбъ матери. При этомъ случаѣ, въ семействѣ Лабунскаго произошло такое раз-

драженіе, что находившійся при освидѣтельствованіи полицейскій чиновникъ не могъ ни слова сказать, ни вообще предпринять что-нибудь; онъ предложилъ подвергнуть и Лабунскаго изслѣдованію относительно умственнаго состоянія, такъ какъ онъ, по показанію свидѣтелей, велъ себя странно и, по словамъ госпожи Крюгеръ, слылъ въ сосѣдствѣ за помѣшаннаго. Освидѣтельствованіе Лабунскаго было поручено доктору Арнду. Онъ донесъ, что при появленіи его, въ сопровожденіи полицейскаго чиновника, и мать и сынъ пришли въ такое раздраженіе, что онъ, по причинѣ ихъ криковъ, не могъ сказать ни слова. Что касается сына, то онъ оспаривалъ факты, подтвержденные актами, или перетолковывалъ ихъ въ другую сторону; раздражительность его доходила до бѣшенства, при чемъ кровь бросалась у него въ лицо, такъ что докторъ Арндъ никакъ не могъ успокоить его, несмотря на свое вѣжливое, дружеское и кроткое обращеніе. По этому поводу, Лабунскій былъ помѣщенъ въ домъ умалишенныхъ, для наблюденія.

Главный докторъ этого заведенія донесъ, что у Лабунскаго, въ продолженіи 14 дневнаго пребыванія въ заведеніи, не обнаружилось симптомовъ умственнаго разстройства. Онъ не наблюдалъ у него ни состоянія раздражительности, ни безумныхъ представленій. Напротивъ, Лабунскій велъ себя совершенно спокойно, добровольно подчинился порядкамъ заведенія и высказалъ, что присутствіе помѣшанной сестры въ его семействѣ часто подавало поводъ къ шумнымъ сценамъ, которыя надоѣли его хозяину, что и повело къ объявленію объ этомъ въ полицію. Онъ согласился, что былъ, при докторскомъ освидѣтельствованіи, въ очень возбужденномъ состояніи, которое было вызвано несчастнымъ положеніемъ его семейства.

Поэтому Лабунскій, какъ не признанный врачемъ заведенія за помѣшаннаго, былъ выпущенъ оттуда.

Лабунскій обращался въ главное полицейское управленіе съ тремя жалобами, составленными съ полнымъ соблюденіемъ фармальностей и въ содержаніи которыхъ не заключалось ничего, что бы можно было назвать прямо безумнымъ. Во всѣхъ этихъ жалобахъ представлялъ онъ, что самъ онъ и его сестра, безъ всякаго повода,

терпятъ нарушеніе своихъ правъ, и требовалъ, на основаніи того, что власти съ 1859 по 1864 г. не заботились о его сестрѣ, и такъ какъ дирекція Charité выписала ее, какъ неизлечимую и не опасную для окружающихъ, чтобы она была возвращена семейству; относительно себя онъ желалъ знать, по чьему предписанію и на основаніи какихъ фактовъ онъ лишенъ личной свободы. Лабунскому не отвѣчали на эти просьбы, но хотѣли довести его до новыхъ жалобъ. Это былъ ноябрь и декабрь 1864 года.

2 февраля 1865 года госпожа Зибертъ объявила въ полиціи, что Лабунскій, лѣтомъ, при одной сценѣ, также происшедшей по поводу его больной сестры, бросился на нее (Зибертъ) съ ножомъ, но потомъ просилъ у нея извиненія, говоря, что въ бѣшенствѣ не сознавалъ, что дѣлаетъ. При этомъ Зибертъ показала, что „всѣ жильцы въ домѣ въ страхѣ отъ Лабунскаго.“

Мать Лабунскаго вошла, между тѣмъ, съ просьбой къ министру внутреннихъ дѣлъ, по поводу своей дочери; тотъ потребовалъ отчета объ этомъ дѣлѣ и, когда докторъ Иделеръ не сдѣлалъ никакого возраженія противъ выпуска больной, въ видѣ опыта, она была возвращена семейству. Тогда же со стороны министра просвѣщенія было объявлено на жалобы, поданныя матерью и лейтенантомъ Лабунскимъ, на доктора Арндта, что власти дѣйствовали единственно въ интересѣ общественной безопасности и что просители могутъ быть увѣрены, что начальство очень далеко отъ того, чтобы наложить на ихъ свободу такія ограниченія, которыхъ не требуютъ общественные интересы.

18 октября 1865 года жестяныхъ дѣлъ мастеръ Шульцъ заявилъ, что Лабунская бросила въ его окно, безъ всякаго повода, полуторафунтовымъ камнемъ и что она сбросила внизъ изъ своей квартиры, находящейся въ бель-этажѣ, цвѣточный горшокъ, и просилъ помощи полиціи для предупрежденія несчастнаго случая.

Такъ какъ поэтому Лабунская оказалась опасной для общества, то и поручено было доктору Арндту снова освидѣтельствовать ее, относительно умственнаго состоянія.

Докторъ Арндтъ донесъ, что бывшій въ квартирѣ лейтенантъ Лабунскій, при входѣ его и по сообщеніи ему возложеннаго на него порученія, впалъ въ бѣшенство и въ ярость и закричалъ на него такимъ оглушающимъ голосомъ, что онъ не имѣлъ возможности поговорить съ изслѣдуемой; при этомъ онъ прибавилъ, что такимъ поведеніемъ Лабунскаго вновь подтверждается, что онъ страдаетъ душевной болѣзнью.

Также и вахмистръ Островскій, котораго докторъ Арндъ бралъ съ собой для защиты, доноситъ, что Лабунскій велъ себя при этой попыткѣ къ изслѣдованію какъ сумашедшій; что онъ бросился на него съ камнемъ или съ чѣмъ-то подобнымъ, и что онъ кричалъ въ окно о помощи. При уходѣ ихъ, Лабунскій закричалъ имъ въ слѣдъ: „вы хотѣли лишить меня свободы; я припомню вамъ это.“

По поводу этого происшествія мать Лабунскаго подала просьбу министру внутреннихъ дѣлъ, въ которой ей было отказано, какъ въ неосновательной.

Вслѣдствіе этого послѣдняго происшествія, главное полицейское управленіе донесло прокурорскому надзору о поступкѣ Лабунскаго и его сестры, такъ какъ до сихъ поръ они не были объявлены неспособными ко вмѣненію,—и просило подвергнуть ихъ наказанію, если они не будутъ объявлены слабоумными. (Ноябрь 1865).

Хотя при первомъ допросѣ слѣдственный судья и занесъ въ протоколъ, что способность обвиняемаго ко вмѣненію казалось ему сомнительной, но въ предварительномъ слѣдствіи дальнѣйшаго изслѣдованія его умственнаго состоянія предпринято не было, поведеніе же и показанія его не возбудили въ судѣ никакого сомнѣнія въ способности его ко вмѣненію и Лабунскій былъ приговоренъ къ трехмѣсячному тюремному заключенію, которое было измѣнено высшей инстанціи въ двухнедѣльное. Наказанію этому Лабунскій подвергнутъ не былъ, по случаю вышедшей тогда амнистіи.

13 февраля управленіе Ветаніи заявило, что Лабунская бросила камнемъ въ окно женскаго отдѣленія, выходящее на улицу, и просило принять нужныя мѣры; вслѣдствіе этого снова было сдѣлано

распоряженіе о помѣщеніи Лабунской въ заведеніе для призрѣнія умалишенныхъ.

Это было исполнено 2 марта, при чемъ нельзя было обойтись безъ употребленія силы, по причинѣ такого же, какъ и прежде, неприличнаго поведенія Лабунскаго и его матери. Бывшій при этомъ полицейскій лейтенантъ донесъ, что Лабунскій велъ себя, также какъ и при прежнихъ случаяхъ, не какъ разумный человѣкъ, а просто какъ сумашедшій, такъ что слѣдуетъ сомнѣваться въ его способности ко вмѣненію.

Онъ громко звалъ на помощь, кричалъ, что у него отнимаютъ сестру, и когда его удалили отъ нея, онъ побѣжалъ въ другую комнату и сталъ изъ окна звать на помощь. Вслѣдствіе этого собрались жильцы дома и домовый хозяинъ Отто старался успокоить Лабунскаго. Больная была при этомъ очень спокойна, но увести ее удалось только съ употребленіемъ силы противъ матери и сына, и то съ большимъ трудомъ.

Въ тотъ же день Лабунскій подалъ просьбу въ главное полицейское управленіе, въ которой жаловался, что его сестру заключили, безъ согласія семейства, „вмѣсто того, чтобы начать обычное уголовное преслѣдованіе.“ Камень, очень незначительной величины, попалъ только въ переднюю Бетаніи и не причинилъ никакого вреда. Далѣе, онъ жаловался на участковаго вахмистра и помогавшаго ему полицейскаго служителя, которымъ онъ предлагалъ воздержаться отъ противозаконныхъ поступковъ, но которые, однакожъ, употребили насиліе и даже угрожали и самого его увести, какъ сумашедшаго. Подобный поступокъ, относительно незапятнаннаго семейства и относительно его сестры, „тѣмъ болѣе, что умственныя способности ея совершенно не повреждены“ и она признана врачами вполнѣ безвредной, долженъ былъ возбудить въ немъ справедливое негодованіе и сильнѣйшее раздраженіе. Далѣе, онъ снова приводитъ (какъ и прежде), что сестру его били въ заведеніи, что она была брошена въ темный подвалъ, отчего должно было пострадать ея физическое здоровье. Это „сужденіе“ онъ основываетъ на томъ, что, при послѣднемъ выпускѣ ея изъ заведенія, на ней были

платяныя вши. Онъ просилъ, чтобы ему указали законъ, по которому онъ не имѣетъ права помѣстить свою сестру въ каждое любое заведеніе для умалишенныхъ, если сочтетъ это нужнымъ. „Все это происшествіе имѣетъ характеръ придирки, такъ какъ его сестра уже пять лѣтъ извѣстна въ Бетаніи и сестры дружески принимали ее.“

3 марта Лабунскій представилъ просьбу въ главное полицейское управленіе, отъ имени матери.—Въ это время явился онъ въ городское заведеніе для призрѣнія умалишенныхъ, въ сопровожденіи доктора Бакнера, который уже много разъ ходатайствовалъ за него, требовалъ грозно выпуска сестры изъ заведенія и при этомъ, такъ велъ себя, что докторъ Иделеръ пришелъ къ убѣжденію, что имѣетъ дѣло съ душевнобольнымъ. 4 марта онъ жаловался снова, какъ и прежде, министру внутреннихъ дѣлъ.

6 марта президентъ полиціи получилъ письмо, за которое обвиняется изслѣдуемый.

Арестовать Лабунскаго не могли, такъ какъ въ квартирѣ его не оказалось.

Онъ отправился къ своей теткѣ, въ улицу Шеллинга и велѣлъ привратницѣ доложить о себѣ, какъ о ея племянникѣ Лейзе, но принятъ не былъ; послѣ этого онъ нашелъ убѣжище у другой тетки, гдѣ и былъ арестованъ 11 числа вечеромъ.

При первомъ полицейскомъ допросѣ Лабунскій показалъ, что родился въ 1820 году, что онъ сынъ бывшаго офицера, умершаго или пропавшаго безъ вѣсти, воспитаніе получилъ въ Берлинѣ, до 1850 года служилъ въ прусскомъ войскѣ, но былъ уволенъ изъ полка, по приговору офицерскаго суда, за ссоры съ товарищами, потомъ поступилъ въ шлезвигъ-голштейнскую армію, откуда былъ уволенъ въ 1851 году, по распущеніи ея; послѣ этого отправился въ Берлинъ, жилъ у матери и занимался литературой. Онъ отперся отъ письма, за которое его обвиняли и полагалъ, что кто нибудь написалъ и послалъ это письмо, съ цѣлью сыграть надъ нимъ злую шутку, чтобы морально уничтожить его. Онъ такой патріотъ и такъ благодаренъ его величеству за то, что прежнимъ шлезвигъ-голштинскимъ офицерамъ назначается пенсіонъ, что рѣши-

тельно неспособенъ на такое преступленіе. Напротивъ, 2 марта онъ писалъ президенту полиціи, въ самыхъ почтительныхъ выраженіяхъ и, изложивъ сущность дѣла, касательно взятія его мнимо больной сестры въ заведеніе, просилъ президента предоставить семейству заботу о помѣщеніи ея, но до сихъ поръ не получилъ отвѣта. Касательно автора письма, о которомъ идетъ дѣло, онъ долженъ упомянуть, что 4 марта, въ сумерьки, въ то время какъ онъ проходилъ черезъ Денгофскую площадь, направляясь къ зданію министерства внутреннихъ дѣлъ, чтобы подать просьбу подобнаго же содержанія, какъ и президенту полиціи, одинъ неизвѣстный человѣкъ передалъ ему записку, со словами „это вамъ“. Податель записки скрылся изъ глазъ, прежде чѣмъ онъ успѣлъ распросить его. На запискѣ былъ его адресъ, онъ вскрылъ и прочиталъ слѣдующія слова: „асессоръ полиціи, имѣвшій случай заглянуть въ дѣла, обращаетъ ваше вниманіе на то, что будетъ сдѣлано противъ васъ на этой недѣлѣ.“ Ни подписи, ни числа не было. Почеркъ былъ не четкій и не разборчивый, повидимому женскій. „Я принялъ это за плохую остроту, никому не показалъ записки, ни съ кѣмъ объ ней не говорилъ, даже съ матерью, и вечеромъ, по возвращеніи домой, сжегъ ее на лампѣ.“ На вопросъ зачѣмъ онъ съ 6 марта скрывался изъ своей квартиры отъ розысковъ полиціи, Лабунскій отвѣчалъ, что боялся, чтобы его опять, какъ и прежде, полиція не отослала въ городское заведеніе для умалишенныхъ; онъ потому предполагалъ это, что, когда полиція брала его сестру, полицейскій служитель замѣтилъ ему, что если онъ не уймется, такъ и его возьмутъ въ сумашедшій домъ. Въ среду, 6 числа, онъ брился въ цирульнѣ Виллерса, въ сосѣднемъ домѣ, и увидѣлъ оттуда, что въ его квартиру идутъ полицейскіе чиновники; тогда онъ и скрылся отъ ареста. То обстоятельство, что онъ именно въ среду, 6 числа, скрылся изъ своей квартиры, т. е. въ тотъ день когда президентъ полиціи получилъ письмо,—чистый случай, одно съ другимъ не имѣетъ никакой связи. Очень возможно, что письмо это написано докторомъ Бакперомъ, съ которымъ онъ въ послѣднее время находился въ натянутыхъ отношеніяхъ.

На допросѣ у слѣдственнаго судьи, 14 марта, Лабунскій подтвердилъ показанія, сдѣланныя имъ въ полиціи, съ тѣмъ добавленіемъ, что онъ подозрѣваетъ, что письмо это не чуждо доктора Бакнера, такъ какъ у этого послѣдняго были его записки и онъ могъ легко поддѣлаться подъ его руку; къ тому же Бакнеръ спрашивалъ его, нѣтъ ли у него въ главномъ полицейскомъ управленіи какого нибудь личнаго врага. Онъ (Лабунскій) полагаетъ, что если бы онъ назвалъ подобнаго человѣка, то письмо было бы навѣрно адресовано къ такому лицу. Далѣе, Бакнеръ просилъ его въ понедѣльникъ и во вторникъ (4 и 5 апрѣля) придти къ статуѣ Фридриха Великаго, для тайнаго свиданія съ нимъ. Бакнеръ думалъ, что если онъ (Лабунскій) придетъ туда, чего онъ также не сдѣлалъ, то онъ заставитъ его прождать долгое время, чтобы его замѣтили находящіеся у дворца полицейскіе чиновники, чтобы, такимъ образомъ, возбудить или покрѣпить подозрѣніе, что письмо написано имъ. Онъ думаетъ, что докторъ Бакнеръ сердится на него, за то, что онъ сказалъ его любовницѣ, что она когда-нибудь раскается въ томъ что живетъ съ Бакнеромъ.

Лабунскій, 47 лѣтъ, стройный, съ военной осанкой, физически здоровъ и говоритъ, что всегда былъ здоровъ. Голосъ у него слегка хриплый, но, по его словамъ, онъ никогда не жаловался на грудь. При многократныхъ моихъ свиданіяхъ съ нимъ, онъ велъ себя спокойно и обдуманно, вспышекъ гнѣва я у него не наблюдалъ. На лицѣ его нѣтъ отпечатка мысли, но видна осторожность, мимика живая. Говоритъ много, въ отвѣтахъ часто переходитъ на посторонніе предметы, при разсказахъ легко приходитъ въ горячность, при чемъ лицо у него краснѣетъ, глаза принимаютъ непріятный блескъ и оцѣпенѣлое выраженіе. Говоритъ нѣсколько принужденно. Разсказы ведетъ пространно, связно и не безъ чванства. О своей личности показываетъ правильно. Хотя у него было много горъ съ товарищами (по его словамъ онъ имѣлъ тридцать дуэлей), но передъ начальствомъ никогда не провинялся. Однакожъ, какъ онъ въ другой разъ сообщилъ мнѣ, офицерскій судъ приговорилъ его къ исключенію изъ военной службы, за то что онъ выругалъ

своего начальника „подлецомъ“; приговоръ этотъ состоялся, потому что „въ полку у него было много враговъ“. Онъ могъ бы отпереться отъ того, что употребилъ такое выраженіе, но всякая неправда была далека отъ его характера. Онъ сдѣлалъ въ Шлезвигъ—Голштейнѣ много такого, чѣмъ бы могъ доказать это. Возвратившись сюда, онъ старался получить мѣсто при телеграфѣ, но провалился на экзаменѣ, не былъ въ состояніи перевести изъ предложеннаго ему англійскаго журнала. Тогда онъ сталъ заниматься преимущественно физикой и химіей и беллетристическими работами, которыя, конечно, доставляли ему скудное пропитаніе.

Что касается до событій послѣдняго года, то онъ высказалъ, что его невинно преслѣдуютъ, что онъ выноситъ „жестокіе удары“. На вопросъ о сестрѣ, онъ отвѣчалъ, что хотя она и помѣшана, но была выписана изъ Charité, какъ не опасная, и потому не имѣли никакого права отправить ее въ домъ умалишенныхъ. Нѣтъ такого закона, по которому можно бы было отправить кого-нибудь въ домъ умалишенныхъ, противъ желанія его семейства; слѣдовало бы предоставить семейству помѣстить такого больного въ заведеніе, какое будетъ ими самими выбрано. Здѣсь онъ повторилъ о недостаткахъ городского заведенія для призрѣнія умалишенныхъ тоже самое, что уже извѣстно изъ его жалобъ. На мое замѣчаніе, что врачамъ ближе всего судить, опасна или нѣтъ для общества его сестра, онъ возразилъ, что самъ читалъ много медицинскихъ книгъ и нашелъ, что ни одинъ врачъ не знаетъ, въ какомъ мѣстѣ пораженъ мозгъ у душевно больного.

Онъ говоритъ, что причиной всѣхъ махинацій противъ него служатъ его политическія мнѣнія; онъ всей душой аугустенбургецъ и можетъ показать письма герцога аугустенбургскаго. Страна не получила своихъ правъ, а могли бы прійти другія времена. Наполеонъ отдалъ бы страну своимъ друзьямъ датчанамъ, еслибы отнялъ ее у пруссаковъ. Онъ никогда не отопрется отъ своей привязанности къ герцогу аугустенбургскому и если бы сдѣлали торжество, онъ не принялъ бы въ этомъ участія; даже самому королю сказалъ бы: „ваше величество, я не принимаю участія въ торжествѣ: странѣ ока-

зана несправедливость.“ Всякій разъ какъ онъ говорилъ объ этомъ предметѣ, лицо его принимало выраженіе негодованія, и казалось, онъ говорилъ съ глубокимъ убѣжденіемъ. Кромѣ того, я узналъ изъ вѣрнаго источника, что онъ говорилъ, что еслибы увидѣлъ на брандербургскихъ воротахъ трехцвѣтное знамя, то приползъ бы туда на колѣняхъ.

За эти политическія мнѣнія онъ терпитъ отъ полицейскаго лейтенанта Дигерта, который преслѣдуетъ его какъ демократа и который причинилъ ему всѣ перенесенныя имъ несправедливости.

Онъ и слышать не хочетъ о томъ, что какъ докторъ Аридъ, такъ и полицейскіе чиновники обходились съ нимъ вѣжливо и благосклонно. Я и не повѣрилъ бы, какъ дурно они обходились съ нимъ. Ему ничего не оставалось, какъ только звать на помощь изъ окна; ему и въ голову не приходило броситься на полицейскаго чиновника съ орудіемъ; онъ схватилъ кусокъ горнаго хрусталя только для своей защиты. Отъ вмѣняемаго ему поступка онъ отказывается самымъ рѣшительнымъ образомъ. Образованный человѣкъ не могъ написать такимъ образомъ и онъ никогда не сдѣлалъ бы такого проступка противъ своего высочайшаго военачальника. Къ тому же, въ письмѣ нѣтъ логики: король не виноватъ, что сестра его въ сумасшедшемъ домѣ. Онъ, конечно, признался бы, еслибы это письмо было написано имъ, за это его посадили бы только на девять мѣсяцевъ въ тюрьму; но уголовная полиція удивится, какъ остроумно онъ откроетъ виновника письма, лишь только выпустятъ его на свободу.

Онъ отказался отъ мысли, что письмо написано Бакнеромъ; скорѣе тутъ виноваты сыновья его хозяина, которые воровали фуражъ; онъ угрожалъ имъ доносомъ и они хотѣли уничтожить его. Только теперь онъ не хочетъ обнаруживать этого, потому что тамъ живетъ его мать; подозрѣніе его основывается на томъ, что когда уводили его сестру, и когда Отто былъ также противъ него, Лабупскій упрекнулъ его въ воровствѣ, а тотъ отвѣчалъ „успокойтесь.“ Далѣе, онъ не пишетъ буквы L въ своемъ имени въ родѣ вопросительнаго знака, онъ дѣлаетъ всегда прямую черту, но мать

его пишетъ такъ; значитъ имъ стоило только срисовать подпись съ квартирнаго контракта, подъ которымъ стояло имя его матери, и перемѣнить въ концѣ а въ і, чтобы поддѣлать его подпись. Онъ хорошо знаетъ, зачѣмъ я пришелъ къ нему. Это — подтвердить его способность ко вмѣненію. Въ этомъ мнѣ нечего будетъ сомнѣваться. Онъ можетъ доказать свою невинность. Пусть лучше присудятъ его къ наказанію, чѣмъ объявятъ неспособнымъ ко вмѣненію.

Случай этотъ не изъ числа обыкновенныхъ. Онъ чрезвычайно труденъ для обсужденія и требуетъ безпристрастной оцѣнки фактовъ, которые отчасти могутъ говорить за способность ко вмѣненію, отчасти за неспособность. И дѣйствительно, какъ видно изъ прежнихъ дѣлъ, о Лабунскомъ существовали самыя различныя мнѣнія, какъ со стороны профановъ, такъ и спеціалистовъ.

Въ самомъ дѣлѣ, существуетъ цѣлый рядъ фактовъ, которые могутъ быть приведены въ доказательство того, что Лабунскій человѣкъ пустой, недовѣрчивый, вспыльчивый, но не душевно больной, что хотя онъ легко приходитъ въ раздраженіе, но однакожъ знаетъ, что слѣдуетъ владѣть собой, и можетъ, и что онъ написалъ письмо, сознавая въ этомъ дурное дѣло и зная наказуемость этаго поступка. За это говоритъ поведеніе Лабунскаго; у него не было наблюдаемо галлюцинацій и основанныхъ на нихъ безумныхъ представленій; онъ былъ способенъ владѣть собой тамъ, гдѣ это было нужно, какъ во время испытанія въ домѣ умалишенныхъ, при полицейскихъ и судебныхъ допросахъ, на судебномъ засѣданіи и во время бесѣдъ со мной; онъ старается дать правдоподобныя объясненія относительно своего поведенія; что касается до вмѣняемаго ему проступка, то видно, что онъ вполнѣ сознаетъ наказуемость его; это ясно не только изъ того, что онъ отпирается отъ совершенія его, но и старается отклонить отъ себя подозрѣніе въ немъ указаніями на почеркъ и содержаніе письма, наконецъ, старается представить, что письмо это совершенно не соотвѣтствуетъ его ха-

рактеру; кромѣ того, онъ скрывался цѣлый день у своей тетки, подъ ложнымъ именемъ и т. п.

Но съ другой стороны, существуютъ важные факты, которые говорятъ за существованіе душевной болѣзни у Лабунскаго и которые могутъ оправдать подозрѣніе въ способности ко вмѣненію обвиняемаго, возбужденное съ судебной стороны.

Во-первыхъ, Лабунскій принадлежитъ къ семейству, въ которомъ встрѣчались душевныя болѣзни и въ которомъ онѣ наслѣдственны. Я не буду входить въ подробное разсмотрѣніе умственнаго состоянія матери изслѣдуемаго, однакожъ не могу не упомянуть, что докторъ Арндтъ, который нѣсколько разъ входилъ въ оффиціальныя сношенія съ семействомъ Лабунскаго, говоритъ о матери его, какъ о старой женщинѣ, раздражительность которой возбуждаетъ подозрѣніе и которая, быть можетъ, сама нуждается въ присмотрѣ.“ Но сестра матери изслѣдуемаго была помѣшана, его собственная сестра также завѣдомо душевно больная. Само собой разумѣется, это еще не можетъ служить доказательствомъ, что и Лабунскій долженъ быть непремѣнно помѣшаннымъ, но все-таки извѣстно, какъ велико расположеніе къ обнаруженію помѣшательства у лицъ, въ семействѣ которыхъ душевныя болѣзни наслѣдственны, и съ другой стороны не менѣе извѣстно, что въ подобныхъ семействахъ бываютъ личности, которыя обыкновенно не носятъ названія душевно больныхъ, но которыя, однакожъ, дѣйствительно таковы, потому что они уже съ ранняго возраста склонны къ эксцентричностямъ, тупоумны и сумазбродны, и по крайней мѣрѣ, этимъ отличаются отъ здоровыхъ. Поэтому, Лабунскій, во всякомъ случаѣ, такой человѣкъ, въ которомъ можно предполагать душевную болѣзнь; предположеніе это, впрочемъ, основывается не только на наслѣдственномъ расположеніи, но и на показаніяхъ различныхъ лицъ, изъ которыхъ одно показывало, что Лабунскаго всѣ сосѣди считаютъ за помѣшаннаго, другое же лицо, совершенно въ другое время и при другихъ обстоятельствахъ, высказало, что „всѣ жильцы въ страхѣ отъ Лабунскаго.“ Это показываетъ, по крайней мѣрѣ, то, что изслѣдуемый, своими рѣчами и поступками, долженъ былъ

подавать поводъ къ подобнымъ сужденіямъ; и хотя часто случается, что большая часть публики не замѣчаетъ дѣйствительно существующаго умственнаго разстройства, но рѣдко бываетъ, чтобы при существованіи подобныхъ сужденій, они не имѣли за собой хорошихъ основаній.

Далѣе, къ этому присоединяются неоднократные и чрезмѣрные эксцессы, поводомъ къ которымъ было появленіе въ его квартирѣ доктора Арнда и полицейскихъ чиновниковъ. Уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ всѣ донесенія согласуются въ томъ, что Лабунскій велъ себя при этихъ случаяхъ не какъ разумный и разсудительный человѣкъ, а какъ сумасшедшій, котораго ничѣмъ нельзя было урезонить, и къ которому ни врачъ, ни полицейскіе не считали безопаснымъ являться по одиночкѣ, но всегда, когда имъ приходилось идти въ квартиру Лабунскаго съ порученіями, брали съ собой помощь.

Если бы такая вспышка случилась при одномъ подобномъ случаѣ, то это было понятно, извинительно. Но подобная несдержанность, обнаруживавшаяся при каждомъ такомъ случаѣ, должна имѣть глубокое основаніе.

Нельзя оставить безъ вниманія, что у Лабунскаго образовалось ложное пониманіе объ отношеніяхъ вещей. Человѣкъ ограниченный, но высокомѣрный и суетный, онъ видитъ нарушеніе своихъ правъ въ томъ, что сестру его берутъ въ домъ умалишенныхъ, тогда какъ она прежде была выпущена изъ Charité, какъ неизлечимая и не опасная для общества; онъ жалуется, на основаніи этого представленія, и его нельзя убѣдить никакими отвѣтами; сестра его не опасна для общества, онъ знаетъ это лучше, онъ также читалъ медицинскія книги, занимался физикой и химіей, хотя и не умѣетъ орѳографически правильно писать. Онъ воображаетъ себя правымъ, всѣ прочіе, утверждающіе противное, неправы; не смотря на явный недостатокъ средствъ, онъ требуетъ, чтобы ему было предоставлено помѣстить сестру въ каждое любое заведеніе, куда онъ захочетъ; онъ утверждаетъ, наконецъ что сестра его пользуется полной неповрежденностью умственныхъ способностей, „что она наказуема,“ что „все происшествіе носитъ характеръ придирки,“ что это „насильственное

отнятіе свободы.“ Та идея, что онъ правъ, а власти не правы, господствуетъ надъ нимъ, достигаетъ напряженности и высоты безумнаго представленія и потому, при каждомъ дѣйствіи противъ него, или его сестры, у него появляются чрезмѣрные взрывы гнѣва и ярости, которые производятъ на присутствующихъ такое впечатлѣніе, какъ будто они имѣютъ дѣло съ сумасшедшимъ.

Къ этому представленію присоединилось другое, что причиной всѣхъ его преслѣдованій служатъ его политическія мнѣнія. Онъ горячій приверженецъ герцога аугустенбургскаго, слѣдовательно, въ въ глазахъ полицейскаго лейтенанта Дигерна — демократъ, слѣдовательно все, что противъ него дѣлается—придирки. Онъ съ напыщенностью воображаетъ себя аугустенбургцемъ; „страна потерпѣла несправедливость, онъ не торжествуетъ“ и готовъ сказать это лично его величеству. „Вильгельмъ укралъ Германію.“ этого онъ не сказалъ, но написалъ.

Это я говорю потому что, совершенно независимо отъ приговора экспертовъ, нисколько не сомнѣваюсь, что письмо написано Лабунскимъ. Я убѣжденъ въ этомъ именно ассоціаціей идей, заключающихся въ немъ; тутъ въ нѣсколькихъ строчкахъ вылилось все, что волнуетъ и наполняетъ его душу. Человѣкъ, поддѣлавшій это письмо. долженъ быть не только мастеромъ по части подражанія почерку, но и знатокомъ человѣка, въ психологическомъ отношеніи.

Но если письмо это написано Лабунскимъ, то оно представляетъ еще одно доказательство существованія у него душевной болѣзни, потому что носитъ на себѣ печать помѣшательства: только душевно больной способенъ къ подобной ассоціаціи идей.

Поведеніе Лабунскаго, повидимому, спокойное также мало говоритъ противъ этого предположенія, какъ и его отпирательство.

Извѣстно, что душевно больные съ большой послѣдовательностью скрываютъ свою душевную болѣзнь, если это отвѣчаетъ ихъ цѣли; это всего болѣе относится къ страдающимъ частнымъ помѣшательствомъ, къ числу которыхъ я отношу Лабунскаго. Но я не утверждаю того, чтобы онъ не зналъ, что оскорбленіе короля—прести-

покъ наказуемый, равно какъ и сопротивленіе властямъ, нѣсколько разъ имъ оказанное. Напротивъ, онъ знаетъ это и потому отпирается не только отъ письма, но отрицаетъ и перетолковываетъ въ другую сторону также и всѣ обвиняющіе его факты, формально подтвержденные; торжественнымъ увѣреніемъ въ невинности онъ старается свалить съ себя вину и пытается представить основанія къ подозрѣнію другихъ лицъ; но основанія эти очень слабы и служатъ новымъ доказательствомъ недостатка его умственныхъ способностей. Не смотря на сознаніе несправедливости и наказуемости своихъ поступковъ, онъ все-таки продолжаетъ вести себя также, какъ и прежде при каждомъ появленіи чиновниковъ, потому что предположенія, на основаніи которыхъ онъ дѣйствуетъ, ложны, и онъ не можетъ отъ нихъ отдѣлаться.

Если онъ при допросахъ и при моемъ изслѣдованіи не на столько обнаружилъ свои мысли и представленія, какъ въ письмѣ, то это не можетъ служить доказательствомъ несуществованія этихъ мыслей и представленій, и я убѣжденъ, что продолжительное наблюденіе въ домѣ умалишенныхъ обнаружило бы ихъ яснѣе, чѣмъ это было возможно при относительно короткомъ наблюденіи въ тюрьмѣ.

По всему вышеизложенному мнѣніемъ полагаю:

что Лабунскій душевно болѣнъ и что письмо, за которое онъ судится, написано имъ подъ вліяніемъ душевной болѣзни.

Вслѣдствіе этого мнѣнія, слѣдствіе надъ Лабунскимъ не получило дальнѣйшаго хода и онъ былъ переведенъ въ заведеніе для призрѣнія умалишенныхъ (27 апрѣля). Отсюда, въ началѣ іюля, онъ былъ отправленъ въ Charité, съ такимъ отзывомъ: „сестра Лабунскаго помѣшана, мать, посѣщавшая его въ заведеніи, производитъ впечатлѣніе умственнаго разстройства. Самъ Лабунскій одержимъ безумными представленіями, которыя преимущественно обнаруживаются въ жалобахъ и протестахъ противъ оскорбленій чести, нарушеній правъ. Его невозможно убѣдить въ болѣзненномъ происхожденіи его идей, помѣщеніе свое въ заведеніе онъ приписываетъ полицейскимъ интригамъ и занятъ планами о возстановленіи

своихъ мнимо нарушенныхъ правъ. Вслѣдствіе долговременнаго существованія болѣзни, у Лабунскаго замѣчается нѣкоторая степень тупоумія, почему онъ и подлежитъ наблюденію въ домѣ умалишенныхъ,“

Лабунскій былъ наблюдаемъ въ Charité до половины августа, слѣдовательно около шести недѣль. Заимствую слѣдующіе факты изъ журнала Charité:

1. Тѣлесныхъ ненормальностей или болѣзней не замѣчается. Черепъ относительно туловища кажется малымъ, относительно лица— большимъ, онъ широкъ и коротокъ, поперечный діаметръ больше продольнаго, затылокъ мало развитъ, лицо имѣетъ юношеское выраженіе, уши лежатъ далеко назадъ и нѣсколько неровны.

2. Поведеніе изслѣдуемаго было измѣнчиво. Сначала онъ казался покойнымъ и, повидимому, разсудительнымъ, исполнялъ домашнія работы и хвалился ими, примкнулъ прямо къ слабоумнымъ паціентамъ, основалъ съ ними казино и общество пѣвцовъ и просилъ, съ застѣнчивой улыбкой, tinct. pimpinellae, „лекарства для пѣвцовъ,“ потому что у него захватило голосъ, а ему хочется показать его другимъ. Въ послѣдствіи сталъ часто приходить въ столкновеніе съ другими больными, въ сильныя ссоры, сталъ угрожать насиліемъ, такъ какъ ему казалось, что его недостаточно уважаютъ; часто снискивалъ себѣ нерасположеніе по причинѣ своихъ претензій и своей „театральности,“ какъ выражались многіе больные, жаловался врачу, внѣ себя отъ гнѣва, но легко успокоивался, былъ вообще очень перемѣнчиваго настроенія духа и обыкновенно веселъ. Эта невыдержанность настроенія, быстрое исчезаніе сильнѣйшаго гнѣва, возбуждаемаго часто ничтожнѣйшими поводами, переходъ отъ него къ равнодушію и веселости много разъ замѣчены въ журналѣ. Такъ, одинъ разъ записано: „часто бранится съ больными, обращается грубо и поступаетъ низко; грозитъ имъ ударами, если они хотя малѣйшимъ образомъ противорѣчатъ ему, и затѣмъ приходитъ въ раздраженіе; подошелъ сегодня къ врачу и съ громкимъ крикомъ объявилъ, что не хочетъ больше оставаться здѣсь; лицо его побагровѣло отъ гнѣва, глаза приняли оцѣпенѣлое вы-

раженіе, онъ оживленно жестикулировалъ и успокоить его никакимъ образомъ было невозможно. Вскорѣ послѣ этого пришелъ снова въ обыкновенное состояніе. Вечеромъ сочинялъ стихи на заданную тему; при этомъ, время отъ времени, приплясывалъ, заложивъ руки въ карманы панталонъ и покрикивалъ: „теперь ужъ идетъ!“ „Половина готова!“ „Это—какъ изъ пистолета выстрѣлить.“

3. Рѣзче всего выступаетъ въ журналѣ тупоумное самовосхваленіе изслѣдуемаго. Объ этомъ замѣчалось почти каждый день. Оно указываетъ на ложное сужденіе о своихъ способностяхъ и на преувеличеніе значенія своей личности. Такъ: „я занимался только литературой и науками, нѣтъ ни одной науки, которую бы я не изучилъ. Въ послѣднее время я занимался преимущественно геологіей, изслѣдованіями аллювіальной почвы. Профессоръ Вирховъ знаетъ это. Докторъ Панкриціусъ, мой другъ въ теченіе 15-ти лѣтъ, можетъ доставить обо мнѣ свѣденія и т. п. Въ другой разъ онъ говоритъ: „я велъ въ высшей степени уединенную жизнь, посвященную наукамъ. Въ нихъ искалъ я утѣшенія во многихъ тягостяхъ жизни..... меня всегда интересовали естественныя науки..... въ томъ числѣ и медицина..... я долженъ былъ заняться химіей..... физика, по поводу экзамена, также не была мнѣ незнакома..... Бурдахъ сказалъ; „странно, что человѣкъ не знаетъ самого себя“. Анатомію я изучилъ по рисункамъ..... Я издалъ для дамъ 8—10 книгъ стихотвореній, о которыхъ Бессеръ и Банкъ писали мнѣ,—я могу представить письма,— что „изъ новыхъ стихотворцевъ я обладаю самымъ большимъ талантомъ, какъ относительно красоты формы, такъ и картинности“..... у меня красивый, цвѣтистый стиль Гуцкова..... я очень извѣстенъ своими стихотвореніями въ дамскомъ свѣтѣ на Рейнѣ.“—Онъ всегда много работалъ, составилъ большую коллекцію окаменѣлостей, найденныхъ имъ преимущественно на полѣ, въ Темпельгофѣ, окаменѣлые морскіе ежи и т. п. Онъ сообщилъ мнѣ, что нашелъ, между прочимъ, кусокъ кварца, съ тысячами золотыхъ крупинокъ, и просилъ сохранить это въ тайнѣ; это самородное золото, въ чемъ онъ убѣдился пробой на цинковую окись; онъ припомнилъ о капитанѣ Люттопѣ, который открылъ калифорни-

скія золотыя розсыпи, формація почвы въ Темпельгофѣ совершенно такая же, какъ въ Калифорніи—мѣловая формація.—„Я знаю исторію, говорилъ онъ въ другой разъ, повѣрите ли, я выучилъ къ экзамену Бредова слово въ слово. Но понять ее я могъ только позже, въ 24 года". Волненія Гракховъ относитъ онъ за нѣсколько столѣтій до начала первой гражданской войны, „когда Марій и Катонъ сидѣли на развалинахъ Карфагена и Катонъ, прежде чѣмъ убить себя, читалъ Федру Платона."

Разъ онъ высказалъ, въ разговорѣ, относительно морщинъ на своемъ лбу: „это оттого, что я постоянно думаю, крѣпко думаю; вѣдь это признакъ мыслителя."

4. Въ журналѣ часто встрѣчаются превратныя сужденія объ обстоятельствахъ, ложныя представленія о противозаконныхъ преслѣдованіяхъ полиціи.

„Я не оставлю этого дѣла во всю мою жизнь; полицейскіе схватили за шиворотъ мою сестру и потащили по улицѣ. Я никого не затронулъ, никого не обидѣлъ—что же мнѣ, какъ сыну, было дѣлать, развѣ бить свою мать?—Грозили, если я не успокоюсь, отвести меня въ домъ умалишенныхъ (смѣется), поэтому я искалъ помощи врача и получилъ свидѣтельство, что здоровъ..... я не скажу имени врача..... у меня есть на то особенныя причины, потому что полиція можетъ на него имѣть вліяніе. Я написалъ президенту полиціи, грозилъ прессой, тогда произошелъ coup d'état и меня арестовали 6 марта у моей тетки."

„Лиманъ имѣлъ тайныя инструкціи отъ главнаго полицейскаго управленія совершить этотъ coup d'état. Докторъ Иделеръ сказалъ мнѣ: Лиманъ виноватъ, онъ причина вашихъ страданій. Меня хотѣли освободить, лишь бы я не преслѣдовалъ Лимана, но я буду преслѣдовать обоихъ господъ до послѣдней крайности. Я вызову доктора, Иделера и если онъ не будетъ драться, я осрамлю его, дамъ ему пощечину. Люди въ моемъ участкѣ говорятъ: полиція хорошо знаетъ лейтенанта. Стараются не доводить до короля исторію съ моей сестрой; теперешняя партія скрываетъ отъ короля все непріятное; но придетъ время, правленіе перемѣнится и т. п

Въ городѣ вообще распространено мнѣніе, что если хотятъ сдѣлать кого нибудь безвреднымъ, такъ объявляютъ его сумашедшимъ. Я уже знаю, что дѣлать. У меня уже есть рукопись объ Charité, совершенно готовая для печати. Они не сдѣлаютъ изъ меня прусскаго болвана!“

„Съ 1851 года я былъ ревностнымъ защитникомъ герцогства, такъ что думаю, полиція съ этого времени отмѣтила меня красной чертой. Знаютъ что я прогрессистъ, я буду принадлежать къ этой партіи до послѣдняго издыханія. Развѣ не все у нихъ возможно! Посмотрите на Якоби! За что же полиціи прижимать меня? За то, что я зачинщикъ петиціи (о назначеніи пенсіи шлезвигъ-голштинскимъ офицерамъ), которая стоитъ государству мильоны.... я заслужилъ ее..... я привелъ блестящее доказательство этого: человѣкъ безнравственный не стяжалъ бы въ 14 дней лавры, какъ я.“

5. Отъ совершенія проступка изслѣдуемый отпирается, какъ и прежде.

„У меня въ этотъ день ни было ни копѣйки для отправки письма, однакожъ мнѣ пришлось отвѣчать за письмо предъ полиціей. Мнѣ показали письмо, на грязномъ полулистѣ бумаги, гдѣ было написано: „король проклятая собака, укралъ цѣлую Германію, и если они не выпустятъ мою сестру, такъ увидятъ!“ Совершенно не логично!.... Что общаго между королемъ и сестрой моей?“..... Совершенная чепуха... Это могъ написать только тотъ, кто хотѣлъ погубить меня и физически и нравственно, но никогда не я. Это признано и судьей и даже прокуроромъ. Я пишу L въ своей фамиліи, не такъ какъ написано въ письмѣ.

Онъ (снова) прописываетъ письмо доктору Бакперу, который преслѣдуетъ его изъ мести, за то что онъ унизилъ его въ глазахъ его любовницы. . . . . .

Изъ вышеприведеннаго достаточно ясно, что наблюденія въ Charité и въ городскомъ заведеніи для умалишенныхъ въ существенномъ согласуются съ моими наблюденіями: сужденіе врачей этихъ заведеній сходно съ моимъ, это видно изъ того, что Лабунскій былъ

переведенъ изъ Charité обратно въ городское заведеніе „неизлеченнымъ."

Если теперь покровители изслѣдуемаго, въ томъ убѣжденіи, что онъ способенъ къ распоряженію и ко вмѣненію, перевели его въ частное заведеніе для умалишенныхъ въ Панковѣ, то мнѣ остается только желать, чтобы большая свобода, которою онъ будетъ тамъ пользоваться, не повела къ дурнымъ послѣдствіямъ, и чтобы высшая инстанція, куда, безъ сомнѣнія, будетъ перенесено дѣло о Лабунскомъ, оправдала ихъ предусмотрительность.

Насколько позволительно человѣка, оффиціально признаннаго „опаснымъ для общества," отпускать безъ переосвидѣтельствованія, изъ казеннаго заведенія, это вопросъ, рѣшать который здѣсь не мѣсто, да и не мое дѣло.

Недавно я узналъ, что Лабунскій обрученъ (!) въ домѣ умалишенныхъ съ дочерью тамъ же находящагося душевно больного, которая пріѣхала туда посѣтить отца; вотъ и доказательство его способности къ распоряженію.

Слѣдующій случай тѣсно примыкаетъ къ вышеприведенному. Здѣсь также наслѣдственная душевная болѣзнь, таже самая форма, какъ и въ предшествующемъ случаѣ, только развившаяся острѣе, и поведеніе изслѣдуемаго, его тупоумное самовосхваленіе, ложь и самодовольство совершенно тѣ же, какъ и въ предъидущемъ случаѣ, также какъ и взрывы животныхъ страстей, которые побудили къ изолированію больного въ домѣ умалишенныхъ. Хотя докторъ Леве, при обсужденіи предыдущаго случая, называетъ подобные взрывы только „форсированной энергіей, которая часто замѣчается у военныхъ, особенно у тѣхъ, которые лишились карьеры", и находитъ ихъ вполнѣ понятными, но все-таки опасные для окружающихъ поступки обоихъ изслѣдуемыхъ, которыми сопровождались взрывы ихъ гнѣва, не заслуживаютъ подобнаго смягчительнаго объясненія и названія.

Изслѣдуемый этого случая также вполнѣ сознавалъ наказуемость своего поступка, несправедливость его, отпирался отъ него, какъ и

Лабунскій, и сердился, что его считали способнымъ на такое дѣло. Докторъ Леве высказываетъ относительно Лабунскаго, что „тамъ гдѣ есть сознаніе въ несправедливости поступка, выразившееся въ наказуемости его, существуетъ и способность ко вмѣненію.“ Но я долженъ самымъ рѣшительнымъ образомъ высказаться противъ подобнаго ошибочнаго положенія и легко могъ бы перечислить большое количество случаевъ, сверхъ вошедшихъ въ этотъ сборникъ *), гдѣ существовало сознаніе наказуемости совершеннаго поступка и однакожъ не подлежало никакому сомнѣнію существованіе ясно выраженной душевной болѣзни и, вмѣстѣ съ тѣмъ, неспособности ко вмѣненію, первую изъ которыхъ, конечно, не будетъ отрицать и авторъ вышеупомянутаго мнѣнія. Именно, подобное сознаніе наказуемости поступка наблюдается у меланхоликовъ, которые бываютъ доведены, въ силу болѣзненнаго душевнаго разстройства, до невольныхъ представленій и невольныхъ поступковъ; сознаніе это бываетъ также и у помѣшанныхъ и слабоумныхъ, гдѣ подобной невольности поступковъ не существуетъ, какъ это доказывается здѣсь приведенными случаями и многими другими. Докторъ Леве, высказывая это положеніе, становится на одну точку зрѣнія съ цитированнымъ во введеніи англійскимъ прокуроромъ. Если утверждать, что и при сознательности поступка и при способности обсудить его послѣдствія, все-таки можно быть неспособнымъ ко вмѣненію передъ судомъ, то еще нѣтъ никакой необходимости вступать въ область „moral insanity,“ „противъ которой нѣмецкая наука до сихъ поръ протестовала и которая, вѣроятно, никогда не получитъ значенія въ судебной практикѣ“; больные, о которыхъ идетъ у насъ рѣчь, совершили свои (преступныя) дѣйствія, въ силу побужденій, которымъ они, по причинѣ психической слабости, не могли оказать такого противодѣйствія, къ какому способенъ здоровый человѣкъ, и сознавая свою неправость, вслѣдъ за поступкомъ отпирались отъ него; но войдя въ болѣе глубокое розсмотрѣніе порядка ихъ мыслей, мы обнаружимъ въ нихъ такую запутанность, которая характери-

*) См. напр. Каспера, случаи 179, 181 и т. д.

зуетъ ихъ, по крайней мѣрѣ, какъ тупоумныхъ, обыкновенно же какъ помѣшанныхъ. Поэтому, докторъ Леве, пытаясь доказать, что Лабунскій не страдаетъ ни частнымъ, ни временнымъ помѣшательствомъ, ни горделивымъ помѣшательствомъ, ни помѣшательствомъ съ идеями о преслѣдованіи, не доказываетъ ровно ничего, потому что не доказалъ главнаго, т. е., что Лабунскій умственно не разстроенъ. Тоже самое и въ слѣдующемъ случаѣ, который, равнымъ образомъ, причинилъ затрудненія при производствѣ о признаніи слабоумія. Многіе врачи объявили изслѣдуемаго здоровымъ и признали его „за тинъ, какой часто встрѣчается между военными (!)"

СЛУЧАЙ ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ.

Поддѣлка документовъ и утайки.—Помѣшательство.—Неспособность ко вмѣненію.

Нѣкто фонъ-Крестовъ обвиняется въ многократныхъ поддѣлкахъ документовъ и въ утайкахъ. Онъ былъ арестованъ въ сентябрѣ 1863 года, и задерживалъ назначеніе судебнаго засѣданія тѣмъ, что постоянно подавалъ поводъ къ возобновленію допросовъ и привлекалъ новыхъ свидѣтелей. Хотя ему и не разъ ставили на видъ, что онъ только затягиваетъ дѣло, требуя допросовъ или по предметамъ совершенно неважнымъ, или для того чтобы сдѣлать показанія совершенно бездоказательныя, но онъ не унимался. Онъ безпрестанно жаловался, что его дѣлу не даютъ хода, что прокуроръ уже 15 мѣсяцевъ употребилъ на отыскиваніе его свидѣтелей въ Тухельской степи, тогда какъ онъ „указалъ до 100 свидѣтелей въ Сенской степи, гдѣ водятся дикія лошади," онъ прямо сказалъ объ этомъ ассесору Пестkатори (Пескаторе), уже годъ тому назадъ, и на это не было обращено вниманія, не смотря на то, что у него было два защитника. Но все-таки, всякій разъ, когда, во время безчисленныхъ допросовъ, предлагали ему указать свидѣтелей, онъ въ своихъ показаніяхъ, продолжавшихся по цѣлымъ часамъ, приводилъ постоянно новыхъ лицъ, чтобы подтвердить обстоятельства уже извѣстныя, или отвергнутыя, или совершенно неважныя и даже непонятныя. Такъ, напр., Крестовъ, между прочимъ, приводитъ дока-

зательство того, что ребенокъ свидѣтельницы, со стороны обвиненія ф. Дицильской, за нѣсколько часовъ передъ смертью, просилъ картофеля и колбасы, въ другой разъ приводитъ свидѣтелей тому, что онъ много разъ помогалъ мужу ф. Дицильской платьемъ и т. п. Поведеніе его не разъ казалось страннымъ письмоводителю суда, который его допрашивалъ. По словамъ его, Крестовъ чрезвычайно затруднялъ допросы тѣмъ, что всякій разъ изливалъ свое сердце въ длинныхъ рѣчахъ и каждый разъ повторялъ, что „неслыханное дѣло, чтобы онъ, старый владѣлецъ маіората, имѣвшій много разъ доступъ къ его величеству, долженъ лежать на соломѣ, какъ собака," что „противъ него интригуютъ," что „сестра его умерла сумасшедшей, братъ пострѣлилъ себѣ голову, что его также хотятъ сдѣлать сумасшедшимъ, но, слава Богу, онъ еще въ своемъ умѣ". Онъ не хотѣлъ подписаться подъ однимъ объявленіемъ, потому что въ немъ онъ не былъ названъ владѣльцемъ рыцарскаго помѣстья, въ другой разъ не сдѣлалъ подписи потому, что не былъ названъ барономъ. Онъ подавалъ длинныя жалобы оберъ-прокурору, министру юстиціи, графу ф. Липпе, министру-президенту Бисмарку, президенту городскаго суда, наконецъ, написалъ слѣдственному судьѣ Штейнгаузену просьбу объ отводѣ суда и о назначеніи новаго. Какъ эти жалобы, такъ и другія записки его, находящіяся при дѣлѣ и замѣчательныя по своей запутанности, подняли наконецъ вопросъ о душевномъ состояніи Крестова, и послѣ того, какъ тогдашній тюремный врачъ, докторъ Люкъ, подалъ мнѣніе, что „Крестовъ до сихъ поръ душевной болѣзнью не одержимъ," мнѣ поручено было изслѣдованіе его.

Ф. Крестовъ 52 лѣтъ, видный собой, съ военной осанкой и съ хорошими манерами. Лицо его краснѣетъ при продолжительномъ разговорѣ, взглядъ неувѣренный, блуждающій. Замѣтно легкое заиканіе во время рѣчи, однакожъ языкъ при высовываніи не дрожитъ. Тѣломъ, повидимому, здоровъ.

Онъ происходитъ отъ семейства, въ которомъ случались душевныя болѣзни. Братъ его лишилъ себя жизни въ помѣшательствѣ.

сестра была пользована въ Charité отъ душевной болѣзни и выписана оттуда по неизлечимости.

Онъ былъ богатъ, но совершенно раззорился. Извѣстно, что онъ велъ жизнь въ высшей степени безпокойную, скитальческую, необузданную. Въ дѣлѣ очень мало свѣдѣній о прежней его жизни, однакожъ достаточно для того, чтобы вывести вышеупомянутое сужденіе.

Въ доносѣ его называютъ извѣстнымъ берлинскимъ игрокомъ, который былъ исключенъ изъ офицерскаго званія, приговоромъ офицерскаго суда, за отказъ въ платежѣ долга по игрѣ. Изъ допроса Крестова 15 ноября 1863 года видно, какъ онъ игралъ; онъ признается, что проигралъ большую часть суммы въ 4,566 талеровъ, которую долженъ былъ выплатить Дицильской, потому что попалъ въ руки игроковъ Геннинга, Эттингсвердера и Латца; въ одномъ письмѣ отъ 26 октября 1863 года онъ говоритъ, что „высказалъ уже свое мнѣніе шулеру Крафту,“ который мошенническимъ образомъ обобралъ его въ шестьдесятъ шесть не только на сотни, даже на тысячи талеровъ. Онъ показалъ, что въ теченіе одного дня проигралъ въ вистъ евреямъ и псевдо-евреямъ 20,000 талеровъ. По показанію Горвица, данному подъ присягой, Крестовъ уже въ Падеборнѣ проигралъ большую часть своего имѣнія. До какой степени онъ раззорился, видно изъ допроса Фогеля, который говоритъ, что Крестовъ называетъ себя барономъ и владѣльцемъ маіората, но „баронія его заключается въ скамейкахъ Подъ Липами и на площади Бельальянсъ, гдѣ онъ обыкновенно обитаетъ.“ Онъ неотступно просилъ у Фогеля денегъ, говоря, „что ничего еще не ѣлъ.“ Въ одномъ письмѣ къ Геннингу, не за долго до ареста, Крестовъ, прося у него денегъ, говоритъ“: перваго числа пошелъ я отъ васъ къ Рейнфельдсу, упалъ тамъ отъ изнеможенія и выпросилъ кусокъ хлѣба съ солью: у меня не было ни копѣйки“. Изъ дѣла видно, что онъ провелъ съ этимъ Геннингомъ цѣлую ночь, въ мартѣ 1862 года, въ Музенгалле, и пилъ тамъ много шампанскаго.

Кромѣ этого знакомства, слѣдуетъ замѣтить то обстоятельство,

что Крестовъ запутанъ въ многочисленныхъ процессахъ, и между прочимъ—съ членами своего семейства. Въ теченіе 18-ти лѣтъ ведетъ онъ процессы съ своимъ зятемъ Горвацъ и съ свояченицей ф. Дицильской и, какъ замѣчено въ одномъ протоколѣ въ 1861 году, „эти особы стараются взаимно выводить наружу самыя грязныя исторіи.“ И Горваца и Дицильскую онъ много разъ обвиняетъ въ клятвопреступленіи, въ томъ, что Дицильская была беременна отъ Горваца и отъ него самого, вытравила ребенка и т. п. Горвацъ совершилъ кражу, былъ приговоренъ къ смерти и т. п. Доказательствъ этихъ обвиненій онъ привести не могъ, и какъ видно изъ розысканій, они, по крайней мѣрѣ отчасти, оказались вздорными. И во время ареста онъ заводилъ ссоры съ многими лицами и терпѣлъ отъ нихъ мнимыя оскорбленія. Кромѣ оберъ-прокурора онъ жаловался много разъ на слѣдователей, на директора городскаго суда Мюллера, на различныхъ лицъ, особенно на судебныхъ письмоводителей, которые будто бы позволяли себѣ всевозможныя безчинства въ отношеніи къ нему.

И въ разговорѣ со мной онъ высказалъ, что его со всѣхъ сторонъ притѣсняли и притѣсняютъ. Горвацъ—„пружина“ всего процесса, который противъ него ведется, Горвацъ управляетъ Дицильской и много разъ побуждалъ ее къ клятвопреступленію. У оберъ-прокурора господствуютъ интриги, выходящія отъ юстицъ рата Гагепса и его сыновей, изъ которыхъ одинъ сватался за его дочь и получилъ отказъ; за это ему мстятъ и работаютъ противъ него у оберъ-прокурора. Онъ приводилъ множество именъ адвокатовъ, которые его обманывали и т. п.

По его увѣренію, онъ совершенно невиненъ въ приписываемомъ ему преступленіи. Какъ могъ онъ, дворянинъ, маіоратный и ленный владѣлецъ, служившій вѣрно своему королю, дойти до поддѣлокъ документовъ; онъ хорошо знаетъ, что подобное преступленіе ведетъ за собой заключеніе въ смирительномъ домѣ. Держать здѣсь имѣвшаго доступъ къ его величеству—это неслыханное дѣло. Второе обстоятельство, выдающееся при разговорѣ съ нимъ, это—его тупоумная похвальба своимъ происхожденіемъ, дѣяніями своихъ

предковъ, знатными связями, заслугами, тѣлесной силой, которая заслужила ему названіе „сѣвернаго Геркулеса.“ Онъ разсказывалъ много разъ, что онъ старшій изъ знатнаго рода Крестовыхъ, изъ дома Букова, что родъ этотъ, вмѣстѣ съ нимъ и его сыномъ, вымретъ, такъ какъ родъ Нимъ, который живетъ въ Фридрихсфельдѣ, крещеные жиды, которые раньше назывались Трезеке, въ 1730 году, когда его предокъ былъ посланникомъ въ Регенсбургѣ и т. п. Даже просительныя письма онъ всегда подписывалъ такъ: „Maiоратный и ленный владѣлецъ.“

Но важнѣе вышеупомянутыхъ моментовъ—это способъ изложенія его мыслей. Не смотря на всѣ старанія, какъ съ моей стороны, такъ и со стороны присутствовавшаго при этомъ директора ф. Дригальскаго,—такъ какъ я просилъ представить меня за инспектора тюремъ Шульца изъ Наугарда, для того, чтобы по возможности не смутить изслѣдуемаго, и —не смотря на послѣдовательные и точные вопросы, отъ него невозможно было добиться хотя сколько-нибудь опредѣленныхъ отвѣтовъ и нельзя было вести съ нимъ связнаго разговора.

Онъ сейчасъ же отклоняется отъ предмета, переходитъ безъ всякой связи отъ одного къ другому, безъ всякаго отношенія съ тѣмъ, о чемъ его спрашивали, и если его не прерывать, то изливается въ неудержимомъ потокѣ словъ и теряется въ пестромъ ряду затрогиваемыхъ имъ предметовъ. Если ему позволить, то онъ начинаетъ высказывать все однѣ и тѣ же мысли и передавать одни и тѣ же факты, именно тѣ же самые, которые изложены въ его бумахъ, приложенныхъ къ дѣлу, и даже почти все въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ. Такъ, напр., онъ разсказываетъ, въ числѣ многаго другаго, какъ до сихъ поръ не дали ему очной ставки съ ф. Дицильской, вслѣдствіе махинацій Горвица, не смотря на данныя ему обѣщанія; какъ Горвицъ заставилъ Дицильскую совершить клятвопреступленіе, и все это почти изъ слова въ слово такъ, какъ написано въ его письмѣ къ министру-президенту.

Далѣе, нельзя не признать, что въ его разсказахъ есть много фактовъ прямо вымышленныхъ, что съ одной стороны само собой

ясно, съ другой же можетъ быть доказано. Такъ, напр., относительно разсказа о томъ, какъ совершила Дицильская клятвопреступленіе. Дѣло было такъ: лишь только Дицильская заявила, что желала бы, если возможно, освободиться отъ очной ставки и потомъ упала въ обморокъ, Крестова сейчасъ же увели подъ арестъ. Но онъ все-таки разсказываетъ и о томъ, что произошло послѣ, что Горвацъ пошелъ съ нею въ кандитерскую, тамъ поилъ ее спиртными напитками,—такъ какъ она пьетъ — и склонилъ къ клятвопреступленію. На самомъ же дѣлѣ, допросъ ея былъ начатъ непосредственно послѣ того, какъ увели Крестова. Не смотря на то, что ему была ясно доказана невозможность видѣть, какъ Горвацъ повелъ Дицильскую въ кандитерскую, онъ все-таки стоялъ на своемъ: „это было такъ.“ Можно указать на много подобныхъ явныхъ вымысловъ, какъ въ его разговорахъ, такъ и въ письмахъ, и онъ излагаетъ эти вымыслы съ характеромъ твердаго убѣжденія, хотя бы ему стоило немного подумать, чтобы убѣдиться, что этому ни одинъ человѣкъ не повѣритъ.

Ко всему этому слѣдуетъ наконецъ прибавить, что отвѣты его по временамъ бывали прямо нелѣпы. Мнѣ стоило большаго труда добиться отъ него, есть ли у него состояніе, какъ онъ утверждалъ, и чѣмъ онъ можетъ располагать. Невозможно было получить отъ него ни малѣйшихъ положительныхъ показаній относительно этого; изъ всѣхъ его объясненій было только видно, что онъ считаетъ множество долговъ на другихъ, что его повсюду обманывали, но не могъ привести доказательствъ своихъ претензій. Когда я спросилъ его, „какъ же вы выпутаетесь изъ этихъ запутанныхъ дѣлъ!“ онъ отвѣчалъ мнѣ слово въ слово такъ: „О, я ужъ выпутаюсь! Я пристегну свою старую шпагу, возьму въ руку пистолетъ и съ этимъ ужъ выпутаюсь!“

„Когда я ѣздилъ въ Падеборнъ, гдѣ жилъ прежде уланскимъ офицеромъ, и телеграфировалъ туда, и всѣ мои старые товарищи встрѣтили меня въ вокзалѣ, даже самъ подполковникъ съ женой. Я былъ одинъ изъ лучшихъ и храбрѣйшихъ офицеровъ и проч. и проч.“ Когда я спросилъ его, что за интриги велись противъ него

у государственнаго прокурора, онъ отвѣчалъ: „я ссылаюсь на бумагу, поданную мной оберъ-прокурору. Я переношу много обидъ. Адвокатъ, который былъ у меня 35 лѣтъ тому назадъ, и который послалъ мнѣ счетъ въ 15 талеровъ, подалъ счетъ въ 35 таллеровъ, съ тѣхъ поръ какъ я подъ арестомъ. Тогда я сталъ противорѣчить.“ Когда ему замѣтили, что онъ отвѣчаетъ не на вопросъ, что развѣ это имѣетъ связь съ интригами, онъ возразилъ: „это интриги, какъ можно, чтобы дѣло такъ долго продолжалось. Неслыханное дѣло, чтобы старый дворянинъ, владѣлецъ маіората и т. п.“ и такимъ образомъ снова отклонился отъ предмета.

Наконецъ, необходимо бросить взглядъ на находящіяся при дѣлѣ письма Крестова, равно какъ и на бумаги его, переданныя мнѣ тюремной дирекціей, такъ какъ онѣ важны при обсужденіи его умственнаго состоянія и дополняютъ результаты, полученные изъ разговора съ нимъ.

Прежде всего, его частныя бумаги, не предназначавшіяся для другихъ, представляютъ картину самаго пестраго, дикаго безпорядка, въ которомъ нельзя найти никакого толку. Частію это суть черновыя письма, приложенныя при дѣлѣ, частію замѣтки, въ высшей степени страннаго свойства. На поляхъ отвѣта отъ прокурора на просьбу, отъ 4 декабря 1864 года, находятся, между другими слѣдующія замѣчанія. Къ словамъ: „Сверхъ того, неправда, что вы въ декабрѣ прошедшаго года подавали прокурору здѣшняго суда доносъ на ф. Дицильскую, въ клятвопреступленіи,“ замѣтка: „Согласно домашнимъ актамъ, явился я къ оберъ-инспектору и подписалъ этотъ доносъ у ассесора Пескатори. Они много разъ возмущались и часто отказывали со словами: дѣла здѣсь нѣтъ, я позову васъ послѣ и т. п., до тѣхъ поръ, пока мнѣ многое не сдѣлалось яснымъ черезъ кассоваго чиновника Шредера, кредитора котораго онъ подстрекнулъ, и другія пустыя обѣщанія, тогда я и пошелъ дальше.“ Къ словамъ: „если вы въ томъ же засѣданіи утверждали, что Дицильская, давая 28 ноября прошедшаго года показанія, подъ присягой, по нынѣ производящемуся о васъ слѣдственному дѣлу, показала неправду и т. п.,“ замѣтка: „Было въ

воскресенье, прежде упала въ обморокъ и была освѣжена Горвацомъ посредствомъ спиртныхъ напитковъ ф. К.“ Къ словамъ: „Какъ мало, впрочемъ, изложенныя вами въ предлежащей жалобѣ увѣренія могутъ подать поводъ къ какому-нибудь дѣйствію власти противъ госпожи ф. Дицильской,“ замѣтка: „Jo nicht, говоритъ мой старый ротмистръ ф. Бюловъ и Матцкерицъ, который былъ 19 лѣтъ ефрейторомъ при Лютцовѣ, говоритъ successive, или по нѣмецки, мои уланы реи а реи. Свидѣтели: ассесоръ ф. Бернутъ въ Падеборнѣ resp. бывшій здѣсь министръ юстиціи Рентель, которые участвовали въ нашемъ уланскомъ офицерскомъ столѣ только черезъ меня. ф. К.“ Сверху этой страницы находятся много разъ встрѣчающіяся фразы: „прокуроръ ищетъ моихъ свидѣтелей даже въ Тухельской степи, здѣшняго ростовщика Генша, который взялъ на аренду рыцарское помѣстье Цитенъ-Эссдорфа, 15 мѣсяцевъ тому назадъ, меня еще не спрашивали о моихъ свидѣтеляхъ, я показалъ мимоходомъ только о нѣкоторыхъ, по побужденію заключенныхъ вмѣстѣ со мной Экели, Редера (семь лѣтъ) и о послѣднихъ отчасти 18 ноября прошлаго года, такъ какъ я представлялъ моихъ свидѣтелей по частямъ изъ Сенне (гдѣ дикія лошади), Рутберга, Падеборна и проч. и трудныя имена, кромѣ того, при 15 ти-мѣсячномъ заключеніи, при пучащихъ животъ стручковыхъ плодахъ, отъ тяжкой печали: моя жена лежитъ въ постели, больная, съ ребенкомъ, вслѣдствіе судебной травли и теперь, страдаетъ грудью, по письму отъ....., гдѣ она пишетъ, по 1., моя память пострадала, а грубый писарь часто говоритъ: завтра я буду васъ допрашивать, припомните о своемъ дѣлѣ. Меня еще и сегодня позовутъ, не смотря на то, что я, по домашнимъ актамъ, просилъ, чтобы мнѣ позволили явиться перваго или около того, но меня не позвали, по причинѣ жалобы отъ 2 и 9 числа. Такъ и идетъ, и теперь я виноватъ, нѣтъ, такъ называемые Гагенсы, resp, лже-Гагенсы, противъ которыхъ я выступалъ, вслѣдствіе взятки въ 200 талеровъ, dito Капеланъ.“ Внизу этой страницы находится: „Пестъ-катори фальшивые протоколы, по декабрю 1863, по домашнимъ актамъ.“ Подъ этимъ: „онъ, прокуроръ, можетъ удержать васъ

здѣсь десять лѣтъ, былъ отвѣтъ, хорошее утѣшеніе для отца пятерыхъ дѣтей, который съ сыномъ десять лѣтъ вѣрно служилъ отечеству." Къ словамъ: „Что вы въ продолженіе многихъ мѣсяцевъ передъ арестованіемъ скрывались (latitirt) безъ опредѣленнаго мѣстожительства и безъ опредѣленныхъ средствъ къ существованію," находится замѣтка: „Я не понимаю монашеской латыни, хотя и могъ хорошо объясняться по литовки, по мазурски, на русской, французской границѣ; я долженъ все заплатить прусскими деньгами, по моему счету здѣшней расходной кассы, уже многія тысячи, поэтому и заявляю требованія по моему дѣлу. Я не знаю мѣстожительства, ни занятія, но и не скрывался, знаю только, что Горвацъ скупилъ Фегезаковскія тюремныя отхожія мѣста для торговли. Свидѣтели: Вильманъ I и II, Штюмке I, донось на Шаврачева и Фойгта и Аммона. II противъ Гагенса, Rechts A., Poststrasse (200 талеровъ) о взяткѣ (такъ называемый лже-Гагенсъ). Бонинъ одинъ 650 талеровъ и даже Гагенсъ въ Ольберфельдѣ." Кромѣ того, на этомъ листѣ находятся копіи съ двухъ писемъ, отъ его жены и отъ нѣкоего Дуплета. Послѣднее написано въ очень благосклонныхъ выраженіяхъ. Въ письмѣ этомъ, которое начинается словами: „Любезный Крестовъ," въ одномъ мѣстѣ говорится: „твоихъ А. В. С. я не понимаю, выражайся яснѣе и я во всю жизнь не собьюсь съ прямого пути. Если ты имѣешь ко мнѣ претензіи, то напиши — какія, конечно, я не буду ихъ оспаривать, если онѣ справедливы. Ты мнѣ оказывалъ дружескія одолженія, я тебѣ также оказалъ ихъ не мало. Въ прежнемъ письмѣ ты писалъ, что продалъ Тейницъ и при этомъ случаѣ потерялъ 20,000 талеровъ черезъ нѣкоего Ф. П. Остерегайся отъ подобныхъ обвиненій, за нихъ не легко отвѣчать" и пр. Письмо оканчивается дружескимъ увѣреніемъ, что чтобы не случилось, все-таки дружеское расположеніе, высказанное имъ прежде къ Крестову и его женѣ, останется на всегда. Отвѣтъ на это письмо весьма замѣчателенъ, онъ находится на другомъ листкѣ: „Любезный ф. Дуплетъ! я объясню тебѣ лаконически мое А. В. С. Если мой сынъ Верли 3 не получитъ съ первой почтой деньги, то я пожалуюсь на тебя, какъ á la Patzki

въ прошломъ году у президента Бернута, о тринадцати, на тебя моему старому кадетскому учителю, его превосходительству ф. Роопу, ты же этого хочешь и знаешь, я рѣзко иду по моей прямой дорогѣ, твои кривыя я знаю, не имѣй за это вражды ко мнѣ, потому что я десять лѣтъ тому назадъ оказалъ помощь тебѣ, съ твоими двѣнадцатью особами, Шенгаузерская улица, 99, 100, иначе ты бы погибъ. Я былъ вмѣстѣ съ Пацки, какъ прапорщикъ, въ познанской дивизіонной школѣ и далъ ему тринадцать талеровъ наличными деньгами, я встрѣчался съ нимъ здѣсь много разъ по поводу тейпицкихъ охотъ, также какъ и мой покойный братъ и меня часто принимали за Пацки, хотя онъ немного, на половину головы выше, какъ мой сынъ Германъ и братъ. Такъ какъ онъ не заплатилъ 13 талеровъ, его дол., также и мясникъ Браунъ, то я сказалъ ему коротко, что долженъ буду въ такомъ случаѣ жаловаться. Ф. Бернутъ послалъ мнѣ отвѣтъ въ Шенгаузерскую Аллею 150, съ конным служителемъ, чего еще моя мать испугалась, что мнѣ слѣдуетъ обратиться въ судъ, я послалъ къ нему наконецъ моего слугу, который теперь шульцемъ въ Шпутендорфѣ, который пред. купилъ, и онъ случайно сказалъ о братѣ Германѣ, какъ онъ во время моего отсутствія застрѣлился и какъ все ему несчастливилось и пр., я послалъ съ эстафетой изъ Берлина, въ 1 часъ ночи, изъ II виллы, Шенгаузерская Аллея 99, 100, отправивъ моего садовника и слугу Фридриха съ прекрасной рыжей лошадью, которую желалъ имѣть его вел., resp. его нынѣшній шталмейстеръ. Это и многое растерзало его сердце и онъ заплатилъ этому Кокеру, съ поклономъ мнѣ и пр. и пр.“ Въ концѣ письма стояло: „Всякій разъ, какъ я спрашивалъ: „что, у тебя денегъ пѣтъ? сейчасъ же вытаскивалъ кошелекъ и дѣлился что въ немъ было у Риттерса, Лейпцигская улица, 43, 1 лѣстница. При этомъ еще былъ, богатый норвежскій Ritterg Иванъ Юнгъ, который жилъ тамъ для меня и звалъ меня къ себѣ на медвѣжью охоту, да и тебя еще разъ приглашалъ на нее. Дядю его тамъ зовутъ Крестовъ, какъ ты и началъ свое письмо, потому что тамъ дворянства не существуетъ, а здѣсь оно у меня еще не отнято и я постою за него до послѣд-

ней капли крови, какъ фонъ Крестовъ. Хотя я въ красномъ платьѣ демагога и въ туфляхъ, чтобы не убѣжалъ, все-таки три утки въ моемъ гербѣ имѣютъ на шеяхъ чисто золотыя ленты, потому что три храбрыхъ предка ф. К. переплыли черезъ Эльбу и черезъ это завладѣли Маг., мнѣ бѣдному нечего показать — я до тѣхъ поръ помогалъ, пока всѣ не перестали платить мнѣ."

Въ другомъ письмѣ, къ одной изъ родственницъ, госпожѣ Рихтеръ, уже не Горвацъ пружина его процессовъ, но жиды respective крещеные псевдо-жиды, которые были причиной его несчастія. Приведемъ нѣкоторыя мѣста изъ этого письма: „Это неслыханно, въ 1863, 1864 и 1865 годахъ, и теперь снова, такъ какъ все основано на интригахъ псевдо-жидовъ, просить о новомъ судѣ, при ракетномъ огнѣ изъ 20 доносовъ circa на псевдо-жидовъ, т. е. на крещеныхъ жидовъ изъ рода Нимъ. Ты вѣдь часто веселилась въ Падеборнѣ и I послѣ нѣкотораго Гагенса, который въ Падеборнѣ называется лже-Гагенсомъ, не говоритъ ни одного правдиваго слова, не смотря на сѣдину; три сына усердно работаютъ въ судебномъ виноградникѣ, вмѣстѣ съ старымъ виноградаремъ и старшій молодой жидъ даже осмѣлился послать анонимное объясненіе въ любви, 1860, моей старшей дочери Іоаннѣ и пр., за что у стараго бѣлоголоваго виноградаря были отняты мои дѣла и деньги. Натурально онъ слышалъ, какъ и всѣ жиды, resp. крещеные псевдо-жиды изъ рода Нимъ, о моихъ нынѣшнихъ жалобахъ, потому что онъ вмѣстѣ интриговалъ въ Кумело, „о лихоимствѣ и похищеніи 235 талеровъ." Я давно уже поймалъ нѣкоторыхъ судебныхъ кротовъ, которые перерывали здѣшнія дѣла для здѣшнихъ шинковъ. Вообрази, поймалъ даже одного рака, въ нарушеніи по должности, въ подкупѣ и оскорбленіи стыдливости. Жидъ Гутманъ, жена католическая христіанка, и должна была сдѣлаться жидовкой, требовалъ у меня 14,000 талеровъ, какъ онъ сказалъ, въ подарокъ, и подалъ жалобу въ судъ etc. Съ 1848 я много потерялъ, по ипотечнымъ книгамъ, 6,000 на Одеонѣ, 6,000 Коммендатская улица, 27. 10,000 талеровъ Шенгаузерская Аллея 99—100. 5,000 талеровъ, улица Доротеи, 27. 5,000 талеровъ, улица Марк-

графа 96. 6,000 талеровъ, улица Георгія, 39. 6,000 талеровъ на Мюнхендорфѣ, помѣстья у Подсдама etc. и 20,000 талеровъ на Тейпицѣ...“

Въ одномъ письмѣ къ президенту городскаго суда, найденномъ въ числѣ черновыхъ, въ которомъ онъ высказывается также запутанно, жалуясь на директора суда Мюллера, говорится тоже самое: „Я потерялъ съ 1848 года, вслѣдствіе необдуманности, около 100,000 талеровъ. 6,000 т. на Одеумѣ, 6,000 т. 27. Lutzowerweg-strasse 1,500, помѣстьѣ Мюнхендорфъ у Подсдама 6,200, маіоръ ф. Риттъ болѣе 5,500 (женихъ ф. Дицильской), 10,000 у этой etc. у главнаго мошенника Berlins Hadschuh Rob. болѣе 10,000 талеровъ, на моихъ обѣихъ виллахъ, въ Шенгаузерской Аллеѣ, одному крещеному совѣтнику и помощнику болѣе 20,000 талеровъ, на Тейпицѣ 20,000, исключая потери моего маіората и леннаго имѣнія, черезъ судъ, болѣе 200,000 талеровъ, но честь свою я держу крѣпко и защиту ее моимъ ф. Іоркскимъ палашемъ и знаменитыми епископскими пистолетами.“

Въ бумагахъ Крестова встрѣчаются, отрывками, безчисленныя ругательства, относящіяся почти ко всѣмъ, съ кѣмъ онъ входилъ въ ближайшія отношенія. Въ примѣръ этого я приведу замѣтки о судебномъ засѣданіи 15 октября 1864 г. У него набросано описаніе этого засѣданія, участвующія лица перенумерованы и о нихъ говорится подъ этими нумерами. Между прочимъ, тутъ есть такія восклицанія: „Такъ маль-третировать вѣрнаго вассала, владѣльца маіората и лена? Богъ въ небесахъ отмститъ за это.“ „У меня ничего не осталось кромѣ чести, состарѣвшейся головы, палаша, пистолетовъ, ружья, Нейенб. улица и пр. Аукц.“ Здѣсь также снова находится замѣтка: „я не въ состояніи достаточно благодарить Бога за то, что я до сихъ поръ еще въ своемъ умѣ.“ Тоже самое онъ высказывалъ и мнѣ, при моемъ изслѣдованіи. Наконецъ, слѣдуетъ привести еще одно въ высшей степени замѣчательное кѣсто изъ одного письма его къ женѣ: „пусти меня на всѣ четыре стороны съ моимъ палашемъ изъ графской фамиліи ф. Іоркъ, подаркомъ нашего ф. Браузе (жена его была урожденная ф. Браузе),

потому что я чувствую себя еще сильнѣе, чѣмъ 33 года тому назадъ, когда я, въ Крейцнахѣ, въ присутствіи Гетца, получилъ названіе сѣвернаго Геркулеса." „Жидовство взяло силу въ моемъ отечествѣ: освѣдомься поскорѣе, крещеный ли у меня помощникъ прокурора; докторскій титулъ стоитъ въ Лейпцигѣ три фридрихсдора. Крещеный жидъ Гагенсъ въ Падеборнѣ, лже-Гагенсъ, сильно интригуетъ съ своими тремя жиденятами. Одинъ болванъ имѣлъ же дерзость, въ 1860 году, послать Іоганнѣ анонимное объясненіе въ любви" и проч.

Послѣ этого не предстоитъ надобности приводить другихъ его писемъ, находящихся при дѣлѣ, къ министру-президенту ф. Бисмарку, министру юстиціи, президенту городскаго суда, слѣдственному судьѣ. Всѣ эти письма написаны въ томъ же тонѣ, сбивчиво, часто въ пошлыхъ выраженіяхъ и совершенно не похожи на просьбы; въ нихъ содержатся доносы на весь свѣтъ, всѣ они похожи одно на другое и написаны почти совершенно въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ.

Если мы теперь, на основаніи вышеизложенныхъ фактовъ, приступимъ къ обсужденію умственнаго состоянія Крестова, мнѣнія о которомъ были чрезвычайно различны, то должны будемъ допустить, что въ предлежащемъ случаѣ умственное разстройство до такой степени вѣроятно, что подозрѣніе въ притворствѣ должно быть совершенно исключено.

Противъ симуляціи душевной болѣзни говорятъ три обстоятельства, и настолько сильно, что я ни мало не колеблюсь совершенно исключить подозрѣніе въ притворствѣ.

Крестовъ нѣсколько разъ заявляетъ, что „благодаритъ Бога за то, что онъ еще въ своемъ умѣ." Онъ нетолько говоритъ такъ на допросахъ, но и въ письмахъ, и даже сообщилъ это мнѣ, хотя и замѣтилъ, что я не тюремный инспекторъ, а врачъ. „Васъ послали, сказалъ онъ, изслѣдовать мое душевное состояніе, но я не болѣнъ, я еще въ своемъ умѣ." Симулянтъ никогда не рѣшится на подобное заявленіе, развѣ только онъ очень опытный наблюдатель душевно больныхъ, потому что цѣль его вызвать въ окру-

жающихъ совершенно противоположное убѣжденіе, а этимъ онъ подвергается опасности въ томъ, что ему могутъ повѣрить и цѣль его, такимъ образомъ, будетъ не достигнута. Менѣе же всего симулянтъ можетъ высказать это передъ изслѣдующимъ его врачемъ, потому что въ такомъ случаѣ подобное заявленіе можетъ сдѣлаться для него еще опаснѣе.

Далѣе, слѣдуетъ замѣтить что какъ ни странны письма Крестова, все-таки, при разговорахъ съ нимъ, онъ не производитъ впечатлѣнія человѣка, играющаго комедію или гоняющагося за эффектами. Онъ велъ себя спокойно и вѣжливо, говорилъ какъ человѣкъ глубоко убѣжденный въ справедливости своихъ словъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ ясно проглядывало безуміе; онъ никогда не навязывался съ своими нелѣпыми разсказами, напротивъ, его нужно было наводить на эти разсказы, какъ напр. на разсказъ объ интригахъ у прокурора; не такъ бы сталъ дѣйствовать симулянтъ, цѣль котораго — возбудить подобными показаніями сомнѣніе въ цѣлости своихъ умственныхъ способностей, когда онъ знаетъ, что съ нимъ ведутъ разговоръ съ цѣлью изслѣдовать его душевное состояніе.

Наконецъ, письма Крестова, не находящіяся при дѣлѣ, представляютъ важное и рѣшительное доказательство того, что онъ не притворяется, почему я и остановился на нихъ долѣе; если и можно было утверждать, что письма, находящіяся при дѣлѣ, написаны съ хитростью, не для того, чтобы они дошли по адресамъ, а для того, чтобы чрезъ нихъ возбудить сомнѣніе въ цѣлости умственныхъ способностей автора, то относительно частныхъ его писемъ предположить этого невозможно. Съ большимъ безпокойствомъ и опасеніемъ наблюдалъ онъ, какъ ф. Дригальскій перелистывалъ его бумаги; это было ему въ высшей степени непріятно и хоть я говорилъ съ нимъ въ это время, но онъ не обращалъ на меня никакого вниманія. И въ другой разъ, когда я взялъ у него одну бумагу, надъ которой онъ работалъ,—онъ до такой степени огорчился этимъ, что я, имѣя уже достаточно богатый матеріалъ, возвратилъ ему обратно эту бумагу. Все это не похоже на образъ дѣйствія симулянта.

Но есть также и положительныя доказательства того, что здѣсь представляется не простая странность, не причуды, основанныя на сутности, но такая степень душевной аномаліи, которая перешла границы здоровья. У него въ головѣ существуетъ полнѣйшій хаотическій безпорядокъ: это видно изъ всѣхъ его бумагъ. Хотя въ своихъ просьбахъ онъ и придерживается еще одного предмета, какъ, напр., въ просьбѣ къ г. Штейнгаузеру, просить о новомъ судѣ и хочетъ въ тоже время сдѣлать доносъ; но и здѣсь безпрестанно уклоняется отъ предмета, какъ и во всѣхъ своихъ бумагахъ и въ разговорѣ, и приводитъ безтолковыя и запутанныя разсужденія, совершенно не относящіяся къ дѣлу. Но письмо его къ лейтенанту Отто совершенно безсвязно; приведя въ немъ все, о чемъ уже писалъ къ министру-президенту, министру юстиціи, президенту городскаго суда, слѣдственному судьѣ и пр., онъ въ заключеніе предлагаетъ слѣдующую удивительную сдѣлку: „я передамъ вамъ 800 талеровъ черезъ полковника ф. Крестова и тогда вы уступите все, или мы придемъ къ соглашенію, если вы дадите 450 талеровъ на вексель полковнику ф. Крестову.“

Нѣтъ ничего удивительнаго, если онъ, при подобной спутанности, думаетъ, что его всѣ и повсемѣстно обижаютъ. Всѣ его бумаги представляютъ сплетеніе доносовъ, вездѣ его обманываютъ, проводятъ, лгутъ на него. Онъ постоянно расточаетъ ругательства и обвиненія противъ людей завѣдомо честныхъ; говоритъ, что они задержали у себя принадлежащія ему деньги, и даже тамъ, гдѣ это совсѣмъ не у мѣста, какъ, напр., въ письмѣ къ Отто. Сюда также относятся его жалобы, что его никогда не допускали перечислить по именамъ всѣхъ его свидѣтелей, хотя онъ былъ допрашиваемъ безчисленное множество разъ; но самъ же онъ никогда не могъ „достичь до окончательнаго перечисленія всѣхъ своихъ свидѣтелей;“ также въ высшей степени характеристично, что онъ неотступно просилъ слѣдственнаго судью, чтобы тотъ велѣлъ писцу переписать его свидѣтелей, потому что „иначе ихъ дѣлается все больше и больше.“

Подобное состояніе спутанности часто составляетъ исходъ пред-

шествовавшихъ періодовъ экзальтаціи въ душевной болѣзни. Существованіе таковой у Крестова не доказано. Но спутанность эта встрѣчается также и въ силу наслѣдственнаго вліянія, у такихъ личностей, въ семействѣ которыхъ существовали душевныя болѣзни. Въ такомъ положеніи и находится Крестовъ, братъ и сестра котораго были душевно больными. Не одаренные отъ рожденія большой душевной силой, подобные люди становятся обыкновенно игрушкой страстей, ведутъ жизнь безпорядочную, неправильную, расточаютъ здоровье и состояніе и попадаютъ въ руки мошенниковъ, и эти обстоятельства дѣйствуютъ также подавляющимъ образомъ на ихъ умственную энергію; они приходятъ въ столкновеніе съ обществомъ и съ судомъ, впадаютъ въ помѣшательство, если уже прежде не были помѣшанными, и въ заключеніе дѣлаются слабоумными. Такъ было и у Крестова, какъ относительно наслѣдственнаго расположенія, такъ и предполагаемаго развитія его душевной болѣзни.

Но далѣе, нельзя не признать, что здѣсь существуетъ не одна только скудость ума, обнаруживающаяся спутанностью и выражающаяся у него въ томъ, что онъ вездѣ и всегда говоритъ объ одномъ и томъ же, пишетъ ли своей женѣ или министру-президенту, но кромѣ того, у него существуютъ также и различныя безумныя представленія. Я оставляю нерѣшеннымъ, на сколько основываются на безумныхъ представленіяхъ показанія его о Горвацѣ и Дицильской. Но большая часть его доносовъ на людей, во всѣхъ отношеніяхъ уважаемыхъ, несомнѣнно основаны на безумныхъ представленіяхъ, а не на одномъ недоразумѣніи и на неспособности понимать истинное значеніе фактовъ; наконецъ въ показаніяхъ объ интригахъ противъ него со стороны жидовъ и псевдо-жидовъ и пр., явно обнаруживаются безумныя представленія, сюда также относится и слишкомъ высокое мнѣніе о своей личности и о своихъ дѣяніяхъ.

Душевная болѣзнь Крестова, по моему мнѣнію, происхожденія не новаго. Находящіяся при дѣлѣ письма его, написанныя прежде заключенія въ тюрьму, какъ напр. письмо къ г-жѣ Бейтеръ, не говорятъ за неповрежденность его умственныхъ способностей. Но очень вѣроятно, что во время заключенія произошло усиленіе пси-

хическаго упадка. Нѣтъ положительныхъ фактовъ, которые бы доказывали, что во время совершенія проступковъ, за которые изслѣдуемый находится подъ судомъ, онъ былъ уже душевно болѣнъ и на столько mente captus, чтобы поступки эти не могли быть ему вмѣнены.

Но въ настоящее время, судя по всему вышеизложенному, изслѣдуемый находится въ такой высокой степени спутанности ума, что онъ не въ состояніи обдумать послѣдствія своихъ поступковъ, и потому, соотвѣтственно предложеннымъ мнѣ вопросамъ, мнѣніемъ полагаю:

что Дагобертъ Карлъ Августъ фонъ-Крестовъ, въ смыслѣ закона, долженъ быть почитаемъ слабоумнымъ.

Послѣ этого изслѣдуемый былъ, по моему предложенію, подвергнутъ изслѣдованію въ Charité и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ я представилъ слѣдующее объ немъ донесеніе:

Вслѣдствіе даннаго мнѣ порученія, я продолжалъ наблюденія надъ переведеннымъ въ Charité ф. Крестовымъ и представляю донесеніе объ немъ, такъ какъ теперь уже можно произнести окончательное сужденіе объ излечимости его болѣзни.

Прежде всего я позволяю себѣ привести, въ подкрѣпленіе моего настоящаго сужденія, извлеченія изъ журнала Charité, относительно наблюденій надъ изслѣдуемымъ.

Въ журналѣ говорится: способъ, какимъ дѣлаетъ изслѣдуемый свои безсвязныя показанія, свидѣтельствуетъ о высокой степени тупоумія; онъ не былъ въ состояніи ясно разсказать о своемъ процессѣ и о своихъ обстоятельствахъ. Онъ требуетъ, чтобы его лепные доходы были употреблены на улучшеніе его содержанія; но о томъ, откуда долженъ получить эти деньги, выражается неопредѣленно и непонятно. Противъ него ведутся интриги. У него постоянно передъ глазами лица, которыя дѣйствовали противъ него, онъ постоянно бранитъ ихъ. Желая разсказать о своихъ отношеніяхъ къ Горвацу, онъ совершенно запутывается, такъ что невозможно понять, въ чемъ суть дѣло. Спитъ безпокойно, разсказываетъ, что видитъ во снѣ твоихъ противниковъ и сражается съ ними. Свое долговременное

заключеніе объясняетъ онъ лѣностью прокурорскаго надзора и интригами противъ него.—Въ маѣ у него обнаружилось сильно возбужденное состояніе, онъ сталъ ссориться съ больными и съ служителями и былъ изолированъ, потому что пришелъ въ сильную ажитацію. Онъ не спалъ по ночамъ, вставалъ и садился писать, разбилъ два стула, когда ему замедлили подать воды для умыванья. Какъ видно, у него сдѣлались приливы къ головѣ, онъ говоритъ много, но спутанно. При маніакальномъ возбужденіи, обнаруживаются идеи величія. Онъ украшаетъ себя перьями и цвѣтами, постоянно пишетъ совершенно безсмысленныя письма къ различнымъ особамъ и хочетъ ѣздить верхомъ по своей комнатѣ. Онъ прибилъ сторожей и потому вторично былъ изолированъ. Онъ очень возбужденъ; не хочетъ одѣваться, бѣгаетъ до обѣда въ рубашкѣ, подпоясавшись галстукомъ, бранитъ въ самыхъ грубыхъ выраженіяхъ сторожей и другихъ больныхъ, которымъ, не смотря на ихъ дурныя качества, будто бы лучше прислуживаютъ. Угрожаетъ донести объ этомъ пренебреженіи высшему начальству, съ которымъ онъ въ большой дружбѣ. Цѣлый день пишетъ. Обѣдъ отсылаетъ обратно, такъ какъ онъ слишкомъ дуренъ для его особы, онъ можетъ прожить и хлѣбомъ съ водой. Встаетъ въ 2 часа ночи и куритъ. Въ половинѣ мая онъ сталъ покойнѣе, писалъ много писемъ къ высокимъ особамъ, съ которыми, какъ думалъ, находится въ дружескихъ отношеніяхъ, жалуясь на прежнее неприличное обращеніе съ нимъ, и охотно развивалъ передъ врачами свои многочисленныя идеи величія. Находясь вмѣстѣ съ раздражительными больными, онъ легко приходитъ въ раздраженіе.—Съ больными теперь любезенъ и обходителенъ, говоритъ съ ними на ты, дѣлится трубкой и обращается по товарищески, часто даже съ заботливостью. Перемѣщенный въ прежнее отдѣленіе, онъ теперь привѣтливъ съ тѣми больными, съ которыми прежде бранился, также и съ прислугой. Скоро, однакожъ, ему показалось, что прислуга унижаетъ его передъ другими больными и онъ снова началъ брань и ссоры и его должны были опять перевести въ первое отдѣленіе, гдѣ онъ снова успокоился, началъ писать множество бумагъ и возбуждался только въ

обществѣ другихъ раздраженныхъ больныхъ. Утверждалъ, что его оскорбилъ одинъ врачъ, хотя тотъ привѣтливо поздоровался съ нимъ, началъ шумѣть и брапиться въ окно, вечеромъ требовалъ врача для объясненій и угрожалъ, въ противномъ случаѣ, все перебить и переломать съ помощью другихъ больныхъ, которые собрались вокругъ него и смотрѣли на него, какъ на своего предводителя. Съ пришедшимъ врачемъ онъ былъ дерзокъ и надмѣненъ и не поддавался никакимъ успокоительнымъ увѣщаніямъ. Сообщники его держались вмѣстѣ и сказали врачу, чтобы онъ напрасно не трудился одурачить ихъ словами, или отдѣлить другъ отъ друга, чтобы справиться съ ними по одиночкѣ; они уже достаточно долго находятся въ заведеніи, чтобы не принять предосторожностей противъ подобной хитрости. Нужно было оставить ихъ шумѣть, такъ какъ перевѣсъ силы былъ на сторонѣ больныхъ, и только по истеченіи долгаго времени удалось разъединить ихъ по отдѣльнымъ комнатамъ и успокоить. На другой день Крестовъ стыдился своей запальчивости и снова сдѣлался спокойнымъ, учтивымъ и скромнымъ. Онъ не хотѣлъ дать сыну своему согласія на бракъ, прежде чѣмъ тотъ не доставитъ ему сигаръ и прочаго для комфорта и пр. и пр.

Въ разговорахъ, которые я имѣлъ съ Крестовымъ, онъ представлялся такимъ же, какъ я описалъ его въ первомъ мнѣніи. Теперь, какъ и прежде, онъ не въ состояніи вести связнаго разсказа, безпрестанно уклоняется отъ предмета, въ высшей степени запутывается и одержимъ безумными представленіями, относящимися частію къ переоцѣнкѣ своей личности, частію къ интригамъ, которые ведутся противъ него. Такъ обвиняетъ онъ магдебургскій судъ въ томъ, что тотъ несправедливо лишилъ его „ленныхъ отношеній,“ которыхъ онъ не могъ въ точности опредѣлить, и хотѣлъ уничтожить старинный родъ Крестовыхъ изъ дома Букова; обвинялъ также и городской судъ за то, что онъ былъ несправедливъ къ нему, и только другъ его президентъ Гольцапфель сглаживалъ всѣ несправедливости. Я снова замѣтилъ, на что указывалъ и прежде, что Крестовъ постоянно повторяетъ все одно и тоже, почти тѣми же словами. Мысли его вытекаютъ совершенно механически, постоянно

въ одномъ и томъ же порядкѣ; при появленіи одной мысли, непремѣнно является за ней и другая, связанная съ ней, часто даже одно какое нибудь слово всегда вызываетъ за собой одну какую нибудь опредѣленную мысль; это видно и изъ его безчисленныхъ бумагъ и изъ разговоровъ съ нимъ. Я нашелъ его очень спокойнымъ, и онъ только одинъ разъ вспылилъ на прокурора Цельнера, который сказалъ, что онъ укрывался; онъ, владѣлецъ шести домовъ и пр... Тутъ снова послѣдовалъ рядъ мыслей и воспоминаній, связанныхъ съ шестью домами, съ потерей и т. п.

Наблюденія, произведенныя въ Charité, равно какъ и мое изслѣдованіе подтвердили не только душевную болѣзнь Крестова, но также и высказанный въ первомъ моемъ мнѣніи взглядъ, что болѣзнь эта не новаго происхожденія и что нѣтъ надежды на излеченіе ея, такъ какъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ не произошло никакой перемѣны въ его состояніи и такъ какъ, судя по опыту, подобныя формы, перешедшія въ слабоуміе, неизлечимы.

Сообразно съ этимъ, мнѣніемъ полагаю подобно прежнему:

что Крестовъ слабоуменъ (§ 40) и неизлечимъ.

Дальнѣйшія наблюденія надъ нимъ, со стороны доктора Иделера, въ городскомъ заведеніи для призрѣнія умалишенныхъ, совершенно подтверждаютъ вышеизложенное.

Къ этимъ случаямъ я присовокупляю одинъ случай folie circulaire, которая также причисляется къ наслѣдственнымъ формамъ. (Фальре.)

СЛУЧАЙ ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЙ.

Кражи.—Folie circulaire. -Неспособность ко вмѣненію.

Матильда Митке обвиняется въ учиненіи многихъ небольшихъ покражъ. Между прочимъ, она украла у жестяныхъ дѣлъ мастера Бюргера клѣтку, висѣвшую при входѣ въ погребъ, и изъ лавки купца Бессера пару дѣтскихъ панталонъ.

При полицейскомъ допросѣ она созналась въ томъ, что взяла эти вещи, но утверждала, что деньги для покупки этихъ предметовъ были у нея въ карманѣ и оспаривала воровство. Тоже самое и при судебномъ слѣдствіи.

Слѣдственный судья внесъ въ протоколъ, что изслѣдуемая, на всѣ предложенные ей вопросы, „отвѣчала быстро и толково;“ она выказала необыкновенную наивность и болтливость; все-таки судья вынесъ впечатлѣніе, что изслѣдуемая, по крайней мѣрѣ во время допроса, находилась въ состояніи способности ко вмѣненію.

Со стороны полиціи занесено въ протоколъ, что Митке 2 года тому назадъ была въ домѣ умалишенныхъ и считается жильцами дома, гдѣ она жила, за неспособную ко вмѣненію.

Изъ приложенныхъ къ дѣлу актовъ Charité видно, что изслѣдуемая была больна меланхоліей отъ 6 марта до 13 апрѣля 1864 года, и была выпущена оттуда по излеченіи этой болѣзни.

Она опять попала въ городской домъ умалишенныхъ 7 февраля 1865 г., такъ какъ стала неистовствовать, безпрерывно болтала и шумѣла, пѣла непристойныя пѣсни, говорила непристойныя рѣчи и дѣлала насилія противъ окружающихъ.

Въ надеждѣ на излеченіе, ее вторично перевели 14 марта 1865 года въ Charité, въ отдѣленіе умалишенныхъ и здѣсь держали до 12 апрѣля.

Здѣсь, какъ упоминается въ журналѣ, (вѣроятно послѣ того, какъ припадки бѣшенства утихли уже въ заведеніи для умалишенныхъ), Митке была очень жива и ботлива. Она тотчасъ же разсказала не ожидая вопросовъ, и называя врача различными почетными титулами, что ей 38 лѣтъ, что у нея было девять человѣкъ дѣтей, что мужъ билъ ее и требовалъ отъ нея слишкомъ много относительно половыхъ сношеній. Не смотря на то, что она въ заведеніи была только еще нѣсколько часовъ, она вмѣшивалась во всѣ разговоры, постоянно просила ѣсть, ѣла съ большой жадностью. Дальнѣйшее наблюденіе показало, что она не могла перестать болтать, не смотря на неоднократныя замѣчанія быть спокойнѣе. Она быстро переходила отъ одного предмета къ другому,

не имѣющему съ первымъ никакой связи, такъ что если подольше послушать ее, то трудно передать все, о чемъ она разсказывала; она не въ состояніи отдѣлить важное отъ неважнаго.

Въ такомъ же состояніи она была выписана.

Мои нынѣшнія наблюденія сходятся съ этимъ описаніемъ, сдѣланнымъ назадъ тому два года, и даже совершенно согласуются съ нимъ, почему я и передалъ его съ нѣкоторой подробностью.

Изслѣдуемая небольшаго роста, блѣдная, физически повидимому здорова, исключая порока сердца, который былъ обнаруженъ при объективномъ изслѣдованіи ея (систолическій шумъ въ сторонѣ лѣваго желудочка). Она чрезмѣрно жива въ разговорѣ, но не слишкомъ при этомъ жестикулируетъ, скромна въ своихъ поступкахъ. Связнаго разговора вести съ ней невозможно.

Тотчасъ при входѣ моемъ въ ея компату, не дождавшись моего вопроса, она начала говорить такъ:

„Здравствуйте любезный, уважаемый господинъ, рада видѣть васъ здоровымъ, и вы конечно господинъ докторъ? Радуюсь. Я 17 лѣтъ замужемъ, имѣю девятерыхъ дѣтей, мой мужъ былъ лѣсничій, мой вотчимъ цѣлый годъ даромъ проработалъ, чтобы получить прочное мѣсто, мой законный отецъ былъ бюргеръ, принялъ ложное имя и ушелъ въ Россію, въ Петербургъ; моя бѣдная мать была беременна и дожидалась его, и черезъ шесть лѣтъ онъ написалъ. Вы прекрасный юноша, женаты или нѣтъ? Тогда можете жениться на моей сестрѣ, которая, ахъ это прелестная дѣвушка, и умывается таниновымъ мыломъ. У нея есть прекрасное кольцо отъ купца. (За этимъ она стала быстро перечислять все, что получала въ подарокъ, со множествомъ вставныхъ фразъ, такъ что слѣдить за ней было невозможно.) Я была прежде актрисой и оперной пѣвицей съ пятнадцатью зильбергрошами и могла удивительно хорошо пѣть, и теперь еще могу, напр. если съѣсть сырое яйцо, у меня будетъ прекрасный голосъ. Тутъ она спѣла пѣсенку о супружествѣ, прерывая ее объясненіями, потомъ сейчасъ же другую—о слезѣ и хотя я ей нѣсколько разъ повторялъ, что этого уже довольно,

она все-таки снова завела разсказъ о своей свекрови, такой же перепутанный и безтолковый, какъ и прежніе.

Вопросы.	*Отвѣты.*
Какъ васъ зовутъ?	Матильда Митке (продолжаетъ болтовню).
Который вамъ годъ?	Въ понедѣльникъ будетъ 40 лѣтъ (продолжаетъ болтать).
Который у насъ годъ?	1867 (продолжаетъ болтать).
Сколько будетъ 67—40?	27.
Сколько 3×50?	250.

„Ахъ, этотъ господинъ такъ прекрасно пишетъ и какіе соломенные мѣшки онъ мнѣ принесъ (о купцѣ), и къ моей конфирмаціи я была прекрасно одѣта. Хотите имѣть гранатовыя сережки? Я не могу же ихъ носить, я хочу вамъ подарить ихъ (она обѣщала также подарить эти серьги надзирательницѣ и другимъ, какъ онѣ мнѣ сообщили).

Нужно замѣтить, что вышеизложенное даетъ только скудное понятіе о дѣйствительности. Она наговорила вдвое болѣе, но записывать за ней было невозможно.

Объ вмѣняемыхъ ей въ преступленіе поступкахъ показала тоже, что уже видно изъ актовъ; то она хотѣла подарить клѣтку мужу, то сестрѣ ко дню рожденія; панталоны она хотѣла примѣрить своему сыну, деньги были у нея въ карманѣ; затѣмъ начала бранить владѣльца клѣтки за то, что онъ разбилъ у ней чашку.

Тюремная надзирательница говоритъ, что изслѣдуемая цѣлый день такимъ образомъ болтаетъ, что она таскаетъ у другихъ арестантокъ кушанье, вслѣдствіе чего возникаетъ драка, такъ что должны были ее изолировать, но потомъ нужно было снова перевести обратно, потому что она стала очень безпокойна. Часто мочилась и испражнялась подъ себя. Параличныхъ явленій не было.

Мои наблюденія совершенно тождественны съ наблюденіями, сдѣланными два года тому назадъ въ Charité, въ то время, когда изслѣдуемая не была еще подъ судомъ, и этимъ однимъ уже исключается всякое подозрѣніе въ притворствѣ, не говоря уже объ общемъ

впечатлѣніи, какое она производитъ. Она страдаетъ хроническимъ помѣшательствомъ, а ея теперешнее состояніе есть конечный періодъ протекшей формы душевной болѣзни, которая вращалась въ кругу припадковъ психическаго угнѣтенія (меланхоліи) и психической экзальтаціи (неистовство) и въ періодахъ относительнаго послабленія *) (folie circulaire), и теперь перешло въ состояніе психической слабости, которое, при обычномъ существованіи наслѣдственной причины этой болѣзненной формы, не подаетъ надежды на излеченіе. Скорѣе слѣдуетъ принять, что изслѣдуемая находилась въ этомъ состояніи уже два года, и слѣдовательно также и во время вмѣняемаго поступка.

Она теперь и въ упомянутое время была неспособна, съ обдуманностью сдѣлать выборъ между совершеніемъ и несовершеніемъ вмѣняемаго поступка, и потому я мнѣніемъ полагаю, что она слабоумна. (§ 40 Угол. Зак.)

Я изслѣдовалъ Митке въ іюлѣ 1867 года, а потомъ, съ сентября 1867 по іюнь 1868, она была снова въ отдѣленіи умалишенныхъ Charité, и была выпущена оттуда по неизлечимости. Ея поведеніе было измѣнчиво, отъ маніакальнаго возбужденія до психической угнетенности. Свободныхъ періодовъ больше не наблюдалось. Характеристично для нашей цѣли то, что изслѣдуемая, когда заходила рѣчь о совершонныхъ ею кражахъ, отвѣчала, тупоумно усмѣхаясь: „да, я взяла, потому что у меня ума не было, любезный господинъ докторъ.“

Слѣдующіе случаи касаются, повидимому, врожденнаго слабоумія, изъ которыхъ первый представляетъ весьма значительныя трудности для обсужденія; на основаніяхъ, изложенныхъ въ отдѣлѣ объ истерикѣ, я высказался въ немъ за уменьшенную способность ко вмѣненію.“

*) Она была выпущена изъ Charité въ апрѣлѣ 1864 года, какъ выздоровѣвшая (см. выше).

СЛУЧАЙ ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ

Многократные случаи обмановъ. — Слабоуміе. — Уменьшенная способность ко вмѣненію.

Нѣкто Куртъ обвиняется въ томъ, что онъ въ декабрѣ 1867 и январѣ 1868 г. посылалъ къ различнымъ особамъ, о которыхъ онъ могъ предполагать, что они владѣютъ денежными бумагами, письма, содержаніе которыхъ было совершенно одинаково и состояло въ томъ, что отправитель можетъ сообщать этимъ особамъ, за нѣсколько недѣль впередъ, о значительныхъ колебаніяхъ курса бумагъ. Онъ вызывается сообщить дальнѣйшія подробности, какъ скоро предварительно ему будетъ выслана впередъ сумма отъ 10 до 15 талеровъ по адресу; г. ф. О. въ Берлинѣ, poste restante, и будетъ обезпеченъ процентъ съ суммы, сбереженной отъ потери. Кромѣ находящихся при актахъ двухъ писемъ къ форстрату Гленку въ Эйзенахѣ и г. Ц. Урбану въ Нидервелуфѣ, обвиняемый признался еще въ отправленіи подобныхъ писемъ ко многимъ другимъ особамъ, имена которыхъ и адресы онъ заимствовалъ изъ находящагося при Фоссовой газетѣ списка раздавателей милостыни бѣднымъ въ восточной Пруссіи, напр. Круппу въ Эссенѣ, графу ф. Гольцу, принцу Николаю Нассаускому, принцу Виртембергскому, барону ф. Гардеру и другимъ. На одно подобное письмо, посланное въ Іозефштадтъ (адреса не было), дѣйствительно было получено 10 талеровъ. Обвиняемый сознался, что онъ не имѣлъ средствъ исполнить свое предложеніе.

Конфискованныя письма почти совершенно одинаковы. Вотъ одно изъ нихъ:

„Милостивый государь!

„Зная, что вы владѣете нѣсколькими денежными бумагами высокаго достоинства, я позволяю себѣ сдѣлать вамъ сообщеніе, что вы въ теченіе трехъ недѣль можете понести большую потерю на курсѣ. Я могу помочь вамъ въ этомъ и избавить васъ отъ потери·

Но я желаю получить отъ васъ впередъ сумму отъ 10—15 талеровъ, по адресу г. ф. О., Берлинъ, poste restante, безъ объявленія, и предоставляю вашей добротѣ и честному слову послать мнѣ еще маленькую сумму по исполненіи дѣла. Немедленно по полученіи просимой суммы, я сдѣлаю вамъ надлежащія сообщенія. Теперь, безъ сомнѣнія, ваше дѣло, хотите ли вы ожидать убытка или избавиться отъ него только за четверть процента съ суммы ожидаемой потери.

Преданный г. ф. О.

„Я буду дожидаться отвѣта до понедѣльника, а послѣ этого уѣзжаю въ Вѣну.“

На допросѣ, бывшемъ 22 февраля, изслѣдуемый показалъ слѣдственному судьѣ, что хотѣлъ полученными деньгами заплатить долги.

Между конфискованными письмами, нашлись три письма къ одной дамѣ, также одинаковыя, которыя хотя не составляютъ предмета обвиненія, но важны для обсужденія душевнаго состоянія изслѣдуемаго.

Вотъ содержаніе одного такого образца:

„Милостивая государыня!

„Видѣвши васъ, я осмѣливаюсь дать вамъ мой адресъ: O. 64, poste restante; въ случаѣ, если Вы пожелаете познакомиться съ молодымъ человѣкомъ (24 года), я буду въ полномъ Вашемъ распоряженіи. Преданный.“

Кромѣ того, есть проэкты двухъ объявленій въ газеты, также почти одинаковыхъ, содержаніе которыхъ слѣдующее:

„Одинъ благородный молодой человѣкъ жел. позн. съ достаточной дамой, чтобы пріятно сокр. ея вечера. По ея желанію, я прежде всего, со стр. осторожностью дамъ подробныя свѣдѣнія о моемъ пов. и имени. Желающія соизволятъ оставлять свои адресы подъ знакомъ O. 64, въ эксп. Фоссовой газеты.“

и

„Развѣ нѣтъ болѣе ни одной зажиточной дамы, желающей имѣть по вечерамъ пріятный разговоръ съ благороднымъ молодымъ чело-

вѣкомъ. Адресы прошу доставлять подъ знакомъ O. 64, въ экспедицію Фоссовой газеты, franco. Осторож.“

Предъ публичнымъ засѣданіемъ, имѣвшемъ быть 16 марта, изслѣдуемый 14 марта подалъ прошеніе его величеству о томъ, чтобы его дѣло, „касающееся совершенныхъ пустяковъ,“ не производилось публично. Какъ мотивъ для этой просьбы, онъ приводитъ то, что честь его отца, который ничего о томъ не знаетъ и болѣе 50 лѣтъ вѣрно служитъ государству, будетъ запятнана, и онъ не переживетъ этого стыда, что этимъ была бы поставлена на карту его собственная честь, что ему, по крайней мѣрѣ для спасенія чести отца, ничего болѣе не остается, какъ пустить себѣ пулю въ лобъ. Къ обманамъ онъ неспособенъ, въ эту минуту онъ былъ безъ должности, безъ дохода, и потому находился въ денежныхъ затрудненіяхъ. Въ случаѣ, если бы его объявили невиновнымъ, было бы еще ничего; но если его за это „легкомысліе“ подвергнутъ наказанію, и это перейдетъ въ гласность, то это будетъ для него позоръ.

Въ судебное засѣданіе, 26 числа, обвиняемый не явился, и за неявку къ суду, былъ приговоренъ къ заключенію въ тюрьму на 2 мѣсяца и къ уплатѣ издержекъ.

Онъ апеллировалъ противъ этого приговора, ссылаясь на медицинское свидѣтельство доктора Алберта, утверждая, что наказуемость вмѣняемыхъ ему поступковъ для него не ясна, и что у него, въ его положеніи, не было никакого мотива къ подобнымъ поступкамъ, такъ какъ его отецъ доставлялъ ему щедрое содержаніе.

Въ свидѣтельствѣ, на которое онъ ссылается, говорится, что Куртъ имѣетъ чрезвычайно хилое и слабое тѣлосложеніе, что онъ съ давняго времени жаловался на ненормальное душевное состояніе, состоящее въ томъ, что у него исчезаетъ сознаніе окружающаго, или ему все кажется какъ-бы во снѣ. При такихъ припадкахъ онъ устремляетъ впередъ неподвижный взглядъ, или дѣлаетъ что-нибудь совершенно механически, какъ напр. перебираетъ листы въ книгѣ и только чрезъ нѣсколько минутъ приходитъ въ себя, не

зная, что съ нимъ говорили, или что происходило вокругъ него. Онъ требовалъ противъ этого лекарства, и высказывалъ также, что мышленіе его было очень затруднено и что онъ былъ не въ состояніи отклонить своихъ мыслей отъ того предмета, около котораго онѣ обращались. Докторъ Албертъ причиной ослабленія мозговой дѣятельности считаетъ половые эксцессы, которымъ Куртъ былъ преданъ съ ранней юности, да и потомъ не оставлялъ. Къ этому, 2 года тому назадъ, онъ заболѣлъ конституціональнымъ сифилисомъ, при которомъ явленія, указывающія на заболѣваніе твердой мозговой оболочки и вѣроятно также и самаго мозга, представляютъ большую важность: продолжительныя сильныя головныя боли, бредъ, рвота, разслабленіе зрачка въ одномъ глазу, явленія, которыя продолжались нѣсколько недѣль. „Хотя," говорится далѣе въ свидѣтельствѣ, „съ указаннаго времени не выказалось никакихъ ясныхъ симптомовъ мозговой болѣзни, все же нельзя съ положительностью утверждать, что наступило совершенное выздоровленіе; напротивъ, можно подозрѣвать, и съ большой вѣроятностью, что хроническій, обусловленный сифилисомъ процессъ, отложилъ въ мозгу свои продукты." За это говорятъ различныя нарушенія въ умственной дѣятельности, болѣе и болѣе обнаруживающіяся. Онъ выказывалъ различныя странности въ поступкахъ и рѣчахъ, напр. однажды онъ провелъ рукой по волосамъ и спросилъ, не вырвалъ ли онъ у себя волоса. Ему отвѣчали, что нѣтъ, но чрезъ нѣсколько минутъ онъ опять повторилъ вопросъ, потомъ еще и еще, думая, что могъ повредить себѣ, вырвавъ одинъ волосъ (онъ очень тщеславенъ и любитъ наряжаться). Въ заключеніе онъ пришелъ въ такое раздраженіе, что изломалъ стулъ и тотчасъ потомъ горько заплакалъ.

Изъ всего этого докторъ Албертъ заключаетъ, что Куртъ не пользуется совершеннымъ душевнымъ здоровьемъ, что онъ находится въ состояніи тумоумія, подготовленнаго половыми эксцессами въ юности и увеличившагося подъ вліяніемъ сифилитической болѣзни мозга, и что, по всей вѣроятности, состояніе это находится на пути къ дальнѣйшему развитію.

Въ свидѣтельствѣ не указано, что описаніе это основано на собственномъ изученіи и наблюденіи, также не объяснено, въ какомъ отношеніи находится тупоуміе къ вмѣняемымъ поступкамъ. Если составитель свидѣтельства полагаетъ, что Куртъ теперь или во время совершенія поступковъ былъ неспособенъ обдумать ихъ послѣдствія, то я не могу присоединиться къ его мнѣнію.

Мнѣ казалось необходимымъ, кромѣ моего изслѣдованія, спросить отца молодаго человѣка о его прежней жизни и душевномъ состояніи.

Отецъ показалъ слѣдующее: его сынъ во время посѣщенія первоначальной школы, оказалъ хорошія способности въ чистописаніи и рисованіи, однакожъ трудно понималъ и удерживалъ въ памяти то, чему его учили по прочимъ предметамъ преподаванія, почему и не былъ переведенъ въ гимназію, но могъ быть приготовленъ только въ реальную школу, но и здѣсь только съ трудомъ на 16-мъ году возраста достигъ втораго класса. Точно также и физически онъ былъ слабъ, и нужно было отказаться отъ намѣренія сдѣлать его агрономомъ, и для него было избрано купеческое званіе, именно занятіе по торговлѣ мелочнымъ товаромъ, которое не требуетъ большаго дарованія. Во время его ученія, принципалы были довольны его службой и онъ пріобрѣлъ ихъ довѣренность. Онъ выказывалъ склонность къ внѣшнимъ приличіямъ, такъ же какъ къ справедливости и безусловной честности, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ немъ замѣчалась раздражительность при незначительныхъ поводахъ, также иногда скоро преходящая безсмысленность. По окончаніи ученія, Куртъ поступилъ прикащикомъ къ другому хозяину, и здѣсь также, своей добросовѣстностью и знаніемъ дѣла, пріобрѣлъ довѣріе своего принципала. Онъ избѣгалъ знакомства съ товарищами по званію, такъ какъ не пилъ, не игралъ, не курилъ, скорѣе находилъ отдыхъ и удовольствіе въ театрѣ, въ чтеніи беллетристическихъ сочиненій, прогулкахъ и нарядахъ. Онъ былъ у этаго хозяина три года и четыре мѣсяца, съ перерывомъ около четырехъ мѣсяцевъ, вслѣдствіе болѣзни и оставилъ его, потому что хозяинъ хотѣлъ передать свою торговлю. Послѣ того, какъ продажа этого

дѣла не состоялась, онъ 1 іюля опять поступилъ къ тому же хозяину. Упомянутая болѣзнь была дурнаго свойства. Онъ заразился сифилисомъ и очень страдалъ, особенно головой. Больной поправлялся медленно и только весной прошедшаго года опять былъ въ состояніи начать свои занятія, и дѣло у него снова пошло хорошо, такъ какъ занятіе требовало преимущественно только знанія дѣла и внимательности. Все-таки отецъ замѣчалъ, что несчастная болѣзнь осталась не безъ вліянія на его голову. У него еще была замѣтна слабость способности мышленія и сужденія. Хотя онъ и понималъ обыкновенныя вещи въ разговорѣ, но не могъ уяснить себѣ предметовъ внѣ его сферы и составить о нихъ сужденіе. У него не было склонности къ чтенію и къ разговору, свои свободные часы онъ проводилъ частію въ приготовленіи какихъ-нибудь вещицъ (напр. изъ картона), къ чему у него была склонность и способность съ малыхъ лѣтъ, или погружался въ тихую задумчивость. Напротивъ того, его скорая возбуждаемость при маловажныхъ поводахъ усилилась и въ двухъ подобныхъ случаяхъ возросла до взрыва гнѣва, въ которомъ онъ одинъ разъ такъ сильно ударилъ стуломъ объ полъ, что изломалъ его, въ другой разъ разбилъ въ дребезги стаканъ. За подобными волненіями слѣдовало большое уныніе, тоска и, какъ казалось, нѣкоторое изнеможеніе. Такія волненія выказывались только въ домашнемъ кругу, въ присутствіи же другихъ лицъ, или вообще внѣ дома, они никогда не являлись, причиной чего, быть можетъ, былъ недостатокъ самоувѣренности и боязливость при другихъ, что уже замѣчалось у него съ дѣтства. Только съ началомъ весны нынѣшняго года, т. е. болѣе чѣмъ черезъ годъ послѣ болѣзни, когда Куртъ былъ безъ занятій и большую часть дня свободенъ и состояніе его видимо улучшилось, у него опять явилась охота къ чтенію, душевная дѣятельность возвысилась и прежняя быстрая возбуждаемость до того уменьшилась, что пришла почти въ границы прежняго состоянія, какъ было до болѣзни.

При моихъ многократныхъ изслѣдованіяхъ, я нашелъ Курта совершенно такимъ, какъ описалъ его отецъ.

Теперь ему 25 лѣтъ, тѣломъ онъ развитъ нормально, питаніе его

умѣренно хорошо, голова мала въ отношеніи къ росту. Никакихъ другихъ тѣлесныхъ аномалій или болѣзней нѣтъ. Физіономія его не представляетъ ничего особеннаго, поведеніе спокойно и скромно, говоритъ плавно, не затрудняясь. Меня удивило, что когда я пришелъ къ нему, онъ, отворивъ мнѣ дверь своей квартиры и совершенно меня не зная, не спросилъ кто я и что мнѣ нужно. Я немедленно приступилъ къ вопросамъ о его домашнихъ дѣлахъ, на что онъ съ большой откровенностью отвѣчалъ мнѣ, и только мало по малу узнавалъ, какая была цѣль моего посѣщенія. Но не смотря на это, его отвѣты были всегда сообразны вопросамъ, точны, и если разговоръ его не обнаруживалъ въ немъ очень умнаго человѣка, то все-таки не было замѣтно и поразительнаго тупоумія или душевной болѣзни. Я началъ свои распросы съ маловажныхъ предметовъ, спросилъ о собакѣ, которая была въ комнатѣ, о имени ея, потомъ перешелъ къ его личности, его vita anteacta, его занятіямъ, надеждамъ на будущее и пр. На все я получалъ сообразные вопросамъ отвѣты. Изъ этихъ распросовъ я узналъ, исключая того, что потомъ сообщилъ мнѣ отецъ что молодой человѣкъ занятъ фактурами коммиссіоннаго дѣла, что онъ наблюдаетъ за правильнымъ исполненіемъ заказовъ, во время отсутствія хозяина управляетъ дѣлами и имѣетъ нѣкоторую надежду взять на себя и все дѣло, такъ какъ оно вѣроятно будетъ передаваться. Въ отношеніи состоянія его здоровья онъ показалъ, что съ нимъ была вышеупомянутая болѣзнь, что онъ прежде сбивался съ пути въ половомъ отношеніи и приписывалъ психическое болѣзненное состояніе, въ которомъ онъ находился, этимъ душевнымъ волненіямъ, въ соединеніи съ упреками, какіе онъ дѣлалъ самому себѣ. Психическое болѣзненное состояніе его заключалось въ подавленномъ настроеніи духа, съ сильными взрывами вспыльчивости, доходившей до „неистовства;“ онъ былъ ко всему безучастенъ, апатиченъ, погруженъ въ самого и себя разсѣянъ; всякія бездѣлицы мучили его совѣсть. Далѣе, онъ замѣтилъ, что часто не имѣлъ покоя, покуда во второй разъ не исполнитъ какую-нибудь мысль. Такъ, напр., если онъ взялъ вещь съ полки въ лавкѣ, или положилъ на полку и т. д.,

то это не давало ему покоя и онъ долженъ былъ снова идти изъ дома въ лавку, чтобы опять снять эту вещь, или опять положить ее на полку. Объяснить этого онъ не умѣлъ.

Будучи спрошенъ о вмѣняемомъ ему поступкѣ, онъ сознался въ немъ, съ той однакожъ оговоркой, что только одинъ разъ бросилъ пять писемъ въ почтовый ящикъ. Онъ раскаявался въ этомъ, понималъ, что это не хорошо, но утверждалъ, что во время поступка онъ не такъ ясно сознавалъ это, какъ теперь. Онъ говорилъ, что единственнымъ побужденіемъ къ этому поступку было — попробовать, получитъ ли онъ по этимъ письмамъ деньги. Онъ совершенно не зналъ, что сталъ бы дѣлать съ деньгами, но думалъ, что „вѣроятно“ отослалъ бы ихъ назадъ. Когда я замѣтилъ ему, что противъ этого показанія говоритъ то, что онъ не помнитъ, кому адресовалъ письмо въ Іозефштадтъ, такъ что обратно отослать его не можетъ, онъ остался при томъ, что не помнитъ, и что опредѣленной цѣли у него не было. Когда я напомнилъ ему, что передъ судомъ онъ привелъ совершенно основательную причину, именно, что хотѣлъ заплатить долги, и въ просьбѣ королю, что находился въ денежныхъ затрудненіяхъ, тогда онъ сказалъ, что ему нужно же было что нибудь сказать, и ему казалось, что онъ долженъ же былъ привести какую-нибудь причину. Тоже самое приводилъ онъ для своего извиненія, когда я высказалъ ему, что въ просьбѣ королю онъ говоритъ, что онъ безъ должности, между тѣмъ какъ во время вмѣняемаго поступка онъ не былъ безъ мѣста, но только позднѣе потерялъ его.

О своихъ отношеніяхъ къ женщинамъ онъ утверждаетъ, что найденныя письма не были ни разу пущены въ дѣло, или развѣ только одинъ разъ. Когда я спросилъ его, не хотѣлъ ли онъ жениться, онъ сказалъ, что два раза заводилъ для этой цѣли знакомства, которыя не состоялись, по очень достаточнымъ причинамъ: именно, онъ привелъ, что одна дама высказала, что она за всякаго бы вышла замужъ, даже и за горбатаго, такъ что онъ усомнился, имѣла ли эта особа какую-нибудь склонность къ нему. Что у него не было мыслей о женитьбѣ, и что онъ не искалъ кандидатокъ по

объявленіямъ въ газетахъ, въ этомъ я убѣдился еще дальнѣйшими вопросами.

Изъ приведенныхъ фактовъ видно, что Куртъ—человѣкъ раздражительный, нервный, съ чрезвычайно измѣнчивымъ настроеніемъ духа, неодаренный отъ природы значительными способностями, не самостоятельный, похожій по развитію болѣе на неустановившагося юношу, но который однакожъ подготовленъ къ жизненному поприщу, какъ и тысячи другихъ людей, и которымъ были довольны и хозяева и родные. Онъ посредственнаго ума, посредственныхъ способностей, но какъ видно изъ всѣхъ приведенныхъ фактовъ, у него нѣтъ ни высокой степени тупоумія, ни важнаго умственнаго недостатка, и тѣмъ менѣе какой-нибудь душевной болѣзни, связанной съ безумными представленіями. Онъ перенесъ продолжительную сифилитическую болѣзнь, соединенную съ сильными головными болями, которая подѣйствовала временно подавляющимъ и ослабляющимъ образомъ также и на его умственныя отправленія, но ни что не доказываетъ, что еще и теперь существуетъ сифилитическая болѣзнь мозга. Ни тѣлесные, ни психическіе признаки не говорятъ за существованіе въ мозгу болѣзненныхъ процессовъ, обусловленныхъ сифилисомъ, въ чемъ, какъ видно, сомнѣвается и самъ докторъ Албертъ.

Психическія состоянія, которыя были истолкованы какъ существовавшія прежде и видимо увеличившіяся послѣ болѣзни ненормальности, уничтожились, кромѣ той умственной слабости, которая выражается припадками унынія и быстрыми приступами вспыльчивости; но первое изъ этихъ состояній удовлетворительно объясняется склонностью изслѣдуемаго къ онанизму, въ чемъ онъ самъ признался, а послѣдняго, по описанію отца изслѣдуемаго, никогда не бываетъ въ присутствіи чужихъ, или въ чужомъ домѣ, чѣмъ состояніе это и объясняется не какъ болѣзненное (эпилептическое), но какъ таковое, приступы котораго могутъ быть сдержаны разсудительностью, и дѣйствительно сдерживаются. Наконецъ, что касается тѣхъ, повидимому, загадочныхъ случаевъ, что изслѣдуемый много разъ брался за одинъ и тотъ же предметъ, или опасался сдѣлать себѣ вредъ вырываніемъ одного волоска, то во-первыхъ нужно

замѣтить, что въ свидѣтельствѣ доктора Алберта не приводится, чтобы онъ самъ наблюдалъ подобные случаи, далѣе, что въ показаніяхъ отца вовсе не упоминается о такихъ странныхъ явленіяхъ; но даже если и допустить существованіе подобныхъ случаевъ, то они должны быть отнесены къ категоріи нервнаго, ипохондрическаго настроенія и никакъ не могутъ быть приняты за душевную болѣзнь, уничтожающую способность различенія добра отъ зла.

Слѣдовательно, остается только то, что изслѣдуемый—человѣкъ нервный, раздражительный, у котораго нельзя не признать нѣкоторой незрѣлости и слабости ума, какъ уже упомянуто выше. Это видно еще изъ слога вышеупомянутыхъ писемъ, почти совершенно одинаковыхъ содержаніемъ, далѣе, изъ его проэктовъ обращеній къ „дамѣ," наконецъ изъ просьбы на имя короля. Слогъ всѣхъ этихъ произведеній имѣетъ въ себѣ что-то юношеское, незрѣлое.

Но, спрашивается далѣе, слѣдуетъ ли этой ограниченности, умственной слабости и нервной раздражительности придавать такое важное значеніе въ психической жизни изслѣдуемаго, чтобы въ силу ихъ нельзя было ставить ему въ вину его проступковъ и считать его неотвѣтственнымъ передъ закономъ.

Этого допустить нельзя. Я говорю здѣсь только о томъ времени, когда совершены вмѣняемые поступки и ближайшемъ послѣ него, когда психическая слабость у изслѣдуемаго была развита болѣе, чѣмъ теперь. Находился ли изслѣдуемый во время совершенія этихъ поступковъ въ одномъ изъ состояній, или припадковъ, о которыхъ такъ непонятно выражено въ свидѣтельствѣ доктора Алберта, „что онъ понималъ все окружающее его, какъ бы во снѣ;"(!) это можно уяснить себѣ, безъ дальнѣйшихъ разсужденій, если только припомнить, что Куртъ въ это самое время исправно исполнялъ свои обязанности, слѣдовательно, не могъ находиться въ подобномъ состояніи, но долженъ былъ вполнѣ сознавать окружающее. Да и похожи ли вмѣняемые ему поступки на дѣйствія человѣка, находящагося какъ бы во снѣ?

Гораздо важнѣе вопросъ, былъ ли Куртъ въ состояніи понять безнравственность, равно какъ и незаконность своихъ поступковъ.

По моему мнѣнію, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Куртъ никогда не терялъ способности отличать добро отъ зла и былъ въ состояніи понять противозаконность обмана и оцѣнить его. Занимаемое имъ мѣсто представляетъ лучшее доказательство этого, потому что если бы онъ былъ неспособенъ понимать незаконность обмана, то конечно ему представилось бы много случаевъ къ совершенію его. Также нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что Куртъ и теперь очень хорошо сознаетъ противозаконность своихъ дѣйствій и сознавалъ это вскорѣ послѣ совершенія поступка; за это говоритъ то обстоятельство, что онъ 14 марта совершенно самостоятельно, такъ какъ отецъ его ничего о томъ не зналъ, подалъ просьбу его величеству, въ которой говоритъ, что чувствуетъ оскорбленіе чести, ожидающее его отца и его, и называетъ свой поступокъ прямо „легкомысленнымъ,“ но не говоритъ, что не понималъ, что совершаетъ этимъ дурное дѣло.

Слѣдуетъ признать, что Куртъ не такъ ясно понималъ свой поступокъ прежде совершенія его, чѣмъ послѣ, именно я полагаю, что онъ не только по легкомыслію не обратилъ вниманія на послѣдствія его, но также и въ силу недостатка умственныхъ способностей не могъ такъ зрѣло обсудить этихъ послѣдствій, какъ въ общественномъ, такъ и въ законномъ ихъ значеніи, какъ бы этого слѣдовало ожидать отъ 25-ти-лѣтняго человѣка, его образованія и положенія. Это видно изъ того, что онъ въ просьбѣ къ королю называетъ свой поступокъ „бездѣлицей.“ Далѣе, можно допустить, что изслѣдуемый, въ силу своей незрѣлости и психической слабости, легче могъ уступить противозаконному и эгоистичному побужденію, чѣмъ другой умственно, нормальный человѣкъ.

Рѣшеніе, насколько эти обстоятельства должны уменьшить вмѣняемость его поступковъ, я долженъ предоставить суду. Остается возвратиться еще къ одному моменту, выставленному мнѣ самимъ Куртомъ, равно какъ и защитой, что въ обстоятельствахъ изслѣдуемаго нельзя найти никакого мотива къ совершеннымъ поступкамъ, что онъ имѣлъ достаточныя средства къ жизни, и не терпѣлъ никакихъ лишеній, и что изъ этого слѣдуетъ, что проступки

учинены изслѣдуемымъ въ болѣзненномъ настроеніи и не могутъ быть ему вмѣнены. Но, кромѣ того, что матеріальная обезпеченность можетъ служить и для усиленія наказанія, моментъ этотъ ровно ничего не доказываетъ, такъ какъ Куртъ и при матеріальной обезпеченности могъ употребить полученныя деньги на удовольствія, на платье и т. п. Противъ показанія Курта, что онъ „вѣроятно“ отослалъ бы назадъ эти деньги, говоритъ то обстоятельство, что онъ не зналъ и адреса лица, пославшаго ему деньги изъ Іозефштадта, слѣдовательно, не могъ имѣть этой цѣли. Этотъ извиняющій моментъ достаточности часто приводится въ доказательство неспособности ко вмѣненію въ случаяхъ покражъ въ лавкахъ, совершенныхъ зажиточными дамами, вполнѣ обладающими способностью ко вмѣненію, но не бываетъ ли въ подобныхъ случаяхъ другихъ достаточныхъ мотивовъ къ подобнымъ покражамъ, кромѣ нужды, бѣдности и т. п., напр. страсть къ нарядамъ и наслажденіямъ? Также и Куртъ привелъ передъ слѣдственнымъ судьей, какъ и въ своей просьбѣ къ королю, совершенно достаточные мотивы, именно „уплату долговъ и денежныя затрудненія,“ хотя онъ и оспаривалъ ихъ въ послѣдствіи.

Слѣдовательно, достаточность изслѣдуемаго не можетъ служить доказательствомъ того, что онъ поступалъ въ болѣзненномъ настроеніи духа.

Сообразно всему вышеприведенному, мнѣніемъ полагаю:

что Куртъ—человѣкъ раздражительный, нервный, вообще ограниченнаго ума и слабыхъ способностей, психическая слабость котораго, во время совершенія поступковъ, могла быть въ болѣе сильной степени, чѣмъ теперь, но что этотъ недостатокъ душевной силы не достигъ такой степени, чтобы Куртъ былъ неспособенъ оцѣнить вмѣняемые поступки въ отношеніи нравственнаго и уголовнаго закона, и обдумать послѣдствія ихъ, такъ что, по моему мнѣнію, его слѣдуетъ считать способнымъ ко вмѣненію; на сколько же описанное состояніе умственной слабости должно служить къ уменьшенію вмѣняемости его проступковъ, я долженъ предоставить на усмотрѣніе суда.

Изслѣдуемый былъ приговоренъ къ заключенію въ тюрьму на одинъ мѣсяцъ.

СЛУЧАЙ СОРОКОВОЙ.

Безстыдные поступки съ дѣтьми.—Тупоуміе.—Неспособность ко вмѣненію.

Нѣкто Шмиде обвиняется въ безстыдныхъ поступкахъ съ дѣтьми, возрастомъ отъ 8 до 12 лѣтъ; именно, онъ хваталъ ихъ подъ платьемъ, или подымалъ у нихъ юбки, или требовалъ, чтобы они поднимали платье къ-верху, ложились на спину и играли своими половыми частями, а онъ смотрѣлъ на это.

Обвиняемый сознается въ этомъ; также онъ не оспариваетъ того, что угощалъ дѣтей кофеемъ или дарилъ имъ деньги, „чтобы отвязаться отъ нихъ.“

Въ слѣдственномъ дѣлѣ, производившемся съ конца іюня до сихъ поръ, о душевномъ состояніи Шмиде совсѣмъ не было и рѣчи; но 21 августа, отецъ обвиняемаго, ткачъ, подалъ въ судъ просьбу, въ которой просилъ подвергнуть его сына медицинскому изслѣдованію, по причинѣ его болѣзненнаго душевнаго состоянія, такъ какъ „ни одинъ благоразумный человѣкъ, посмотрѣвъ на него и послушавъ его разговоръ, не сказалъ бы, что онъ въ своемъ умѣ.“

Шмиде 29 лѣтъ, слабаго тѣлосложенія и развитъ несоотвѣтственно своему возрасту, скорѣе имѣетъ видъ 10—15-ти-лѣтняго юноши. Тѣломъ, повидимому, здоровъ, исключая того, что черепъ его очень малъ, физіономія имѣетъ выраженіе ограниченности. Поведеніе скромное. Онъ заикается. Не смотря на это, отвѣты его слѣдуютъ быстро. Но и умственно онъ развитъ несоотвѣтственно взрослому человѣку, и какъ вся его наружность, такъ и выраженія имѣютъ въ себѣ что-то ребяческое, незрѣлое. О своей личности показалъ вѣрно, только о возрастѣ сказалъ, что ему 28 лѣтъ, тогда какъ при слѣдствіи показалъ, что—29. На вопросъ,

въ какомъ городѣ онъ родился, отвѣчалъ названіемъ улицы. Онъ показалъ, что ходилъ въ школу, гдѣ учился читать и писать и также арифметикѣ. Онъ могъ рѣшить простые примѣры сложенія, однакожъ не въ состояніи былъ сдѣлать простѣйшаго вычитанія, напр. вычесть 4 изъ 5. Напротивъ того, монеты умѣлъ различать, могъ также складывать и показать остатокъ, если я бралъ одну или нѣсколько изъ суммы и остатокъ былъ у него передъ глазами; только когда я взялъ изъ 2 талеровъ и 1½ зильбергроша 10 зильбергрошей, онъ постоянно говорилъ, чтъ останутся 2 талера 21 зильбергрошъ. На мой вопросъ, какъ же онъ такъ плохъ въ арифметикѣ, онъ сказалъ: отецъ говоритъ, „что я слабъ.“ На вопросъ, не думаетъ ли также и онъ этого, онъ отвѣчалъ: „когда у меня есть мысль, тотчасъ приходитъ и другая.“ Сначала онъ былъ булочникомъ, но, какъ говоритъ, не занимался этимъ мастерствомъ потому, что у него была охота къ лошадямъ. Отказавшись отъ этого ремесла, онъ нанимался кучеромъ у одного садовника, но и отъ этого занятія долженъ былъ отказаться, потому что не могъ выучиться пахать; тогда сдѣлался поденщикомъ, причемъ заработывалъ въ день около пятнадцати зильбергрошей, но много раздаривалъ знакомымъ.

О вмѣняемыхъ поступкахъ онъ отчасти показалъ тоже самое, какъ и при слѣдствіи. На мой вопросъ, какихъ лѣтъ были дѣти, онъ отвѣчалъ: „моложе четырнадцати лѣтъ.“ Объ мотивахъ къ такимъ поступкахъ онъ не могъ ничего высказать. Развратной жизни, по его вѣроятному показанію, онъ не велъ, съ дѣвушками не обращался, любовной связи не имѣлъ, не употреблялъ неумѣренно спиртныхъ напитковъ. Онъ не могъ самъ собой привести никакого мотива къ своимъ поступкамъ. Когда же я всесторонне его распрашивалъ и помогалъ ему въ отвѣтахъ, онъ показалъ, что забавлялся и шутилъ съ дѣтьми, такъ что, кажется, мотивомъ его поступковъ не было утонченное сладострастіе, но дѣтская шалость. „Я не знаю,“ говоритъ онъ, „какъ это я.... я ничего при этомъ не думалъ, у меня не было дурныхъ намѣреній.“ О наказуемости своего поступка онъ ничего не зналъ, хотя и соглашался, что зналъ вообще о без-

нравственности такихъ поступковъ. Онъ не понялъ вопроса: „какія извиняющія причины для своего поведенія онъ можетъ привести," а также и того, „чѣмъ онъ извинитъ свой поступокъ." Когда я нѣсколько разъ повторилъ этотъ вопросъ, онъ отвѣчалъ: „Не знаю, что изъ этого выйдетъ;" и когда я сказалъ ему, что за такіе поступки наказываютъ заключеніемъ въ смирительномъ домѣ; онъ отвѣчалъ: „меня не накажутъ за это заключеніемъ въ смирительный домъ, неправда ли?" Сказалъ, что знаетъ заповѣди. На вопросъ, что значитъ воровство, онъ отвѣчалъ, что еще не воровалъ. На вопросъ, что значитъ убить кого-нибудь—„если его окровавятъ." На вопросъ, знаетъ ли онъ, что значитъ нарушеніе супружеской вѣрности, послѣ настойчивыхъ вопросовъ, отвѣтилъ, „что онъ еще не женатъ."

Послѣ всего вышеизложеннаго, нельзя оспаривать того, что Шмиде человѣкъ тупоумный, который, какъ въ физическомъ, такъ и душевномъ отношеніи отсталъ отъ развитія, и что это тупоуміе существуетъ у него въ такой степени, что онъ былъ неспособенъ ни къ первоначальному образованію, ни къ изученію обыкновеннаго ремесла, что слѣдовало бы предполагать у каждаго человѣка его возраста.

Хотя нельзя утверждать, что человѣкъ тупоумный пользуется во всякомъ случаѣ привиллегіей совершать любое преступленіе, и въ каждомъ случаѣ считается неспособнымъ обдумать послѣдствія своихъ поступковъ, но все-таки, оцѣнка вмѣняемости проступка у подобныхъ индивидуумовъ существеннымъ образомъ зависитъ отъ свойства поступка и отъ способа его исполненія. Въ этихъ послѣднихъ отношеніяхъ, подлежащій случай представляется не какъ выраженіе порочныхъ привычекъ и утонченнаго чувственнаго разврата, но какъ шаловливыя, дѣтскія „глупыя проказы," сообразныя съ умственнымъ развитіемъ Шмиде, въ которыхъ чувственное наслажденіе, повидимому, не играло никакой роли. Изъ показаній дѣвушекъ не видно, чтобы онъ обнажалъ свои половыя части, или пытался удовлетворить своему половому побужденію; напротивъ, поступки ограничивались тѣмъ, что онъ хваталъ дѣвушекъ и т. д.

Если уже, по вышесказанному, на Шмиде вообще нельзя смотрѣть, какъ на человѣка, способнаго оцѣнить послѣдствія своихъ поступковъ, въ отношеніи къ нравственности и къ уголовному закону, какъ можно ожидать этого отъ 28-ми-лѣтняго человѣка, обладающаго способностью различать добро отъ зла, и могущаго сдѣлать сознательный выборъ между совершеніемъ и несовершеніемъ поступка, то въ отношеніи къ совершенному имъ проступку тѣмъ болѣе слѣдуетъ принять, что онъ учинилъ его по недостатку умственнаго развитія и по неспособности уяснить себѣ уголовныя послѣдствія этого проступка.

Поэтому, мнѣніемъ полагаю:

что Шмиде человѣкъ тупоумный, и что, по этой причинѣ, онъ неспособенъ ко вмѣненію относительно тѣхъ поступковъ, въ которыхъ обвиняется.

Два года спустя, онъ былъ обвиненъ въ совершеніи подобнаго же поступка, и я вторично далъ о немъ слѣдующее мнѣніе:

При моемъ теперешнемъ изслѣдованіи, я нашелъ обвиняемаго еще въ сильнѣйшей степени тупоумія, чѣмъ два года тому назадъ; на мой вопросъ, какъ его зовутъ, онъ отвѣчалъ: „отецъ говоритъ, что меня зовутъ Шмиде;“ но прочія показанія о своей личности, сдѣлалъ правильно, хотя и требовалось многократныхъ распросовъ для того, чтобы добиться отвѣта на простѣйшій вопросъ и вывести его изъ тупоумнаго безмолвія. Гдѣ онъ находился и зачѣмъ онъ въ тюрьмѣ, онъ не зналъ. Только когда привели ему это на память, онъ разсказалъ о вмѣняемомъ поступкѣ, утверждалъ, что дѣвушка поднимала платье только до колѣнъ, и что онъ ничего не видалъ. На вопросъ, что побудило его къ поступку, онъ не могъ дать никакого объясненія, и я думаю, что не заблуждаюсь, если повторю въ этомъ отношеніи тоже, что высказалъ уже два года тому назадъ, что не порочныя привычки и утонченный чувственный развратъ были основаніемъ его поступковъ, но дѣтская, глупая шалость, что согласно съ умственнымъ развитіемъ Шмиде, который при своихъ 29-ти годахъ имѣетъ видъ 17-ти-лѣтняго юноши и умственное развитіе котораго похоже на дѣтское.

Недостатокъ мыслительной способности у него еще болѣе увеличился, чѣмъ два года тому назадъ, и если въ то время могло еще придти сомнѣніе, не симулируетъ ли Шмиде, то теперь подобное подозрѣніе совершенно опровергается его непритворно-тупоумной наружностью и безсмысленными поступками въ тюрьмѣ.

Такъ какъ подобные поступки нерѣдко встрѣчаются у тупоумныхъ, то можно предсказать, что Шмиде еще много разъ подвергнется преслѣдованію по поводамъ, подобнымъ настоящему.

Теперь, какъ и два года назадъ, мнѣніемъ полагаю:

что Шмиде въ такой сильной степени тупоуменъ, что вообще не способенъ обсудить послѣдствія своихъ поступковъ, и что поэтому и относительно тѣхъ поступковъ, за которые его обвиняютъ, его нельзя счесть за способнаго ко вмѣненію.

СЛУЧАЙ СОРОКЪ ПЕРВЫЙ.

Воровство. — Тупоуміе. — Неспособность ко вмѣненію.

Въ этомъ случаѣ, молодой человѣкъ изъ знатной фамиліи обвиняется въ попыткѣ продать лошадь, которую ему ссудили и которую онъ былъ обязанъ возвратить обратно. Не смотря на расходящіяся мнѣнія двухъ спеціалистовъ, онъ былъ осужденъ берлинскимъ окружнымъ судомъ и адвокатъ его просилъ меня подать свое мнѣніе о душевномъ состояніи изслѣдуемаго, для перепоса дѣла во вторую инстанцію. Мнѣ не были извѣстны акты слѣдствія и потому я ограничился единственно моими наблюденіями.

Ф. Боцу 18 лѣтъ, онъ слабъ, блѣденъ, живетъ у своихъ родителей, которые около $1^1/_2$ года проживаютъ въ Берлинѣ. Его мать страдаетъ половиннымъ параличемъ, вслѣдствіи апоплексіи, и поражаетъ удивительной бѣдностью мыслей и затрудненіемъ при разговорѣ, что, повидимому, зависѣло не отъ одного того, что она принуждена была говорить со мной не на родномъ своемъ языкѣ, но на французскомъ. Одна изъ сестеръ этой дамы, какъ сообщалъ отецъ молодаго ф. Боца, слабоумна и совершенно умственно разстроена, и отецъ обѣихъ этихъ дамъ, котораго ф. Боцъ—отецъ уже не зналъ, былъ также помѣшаннымъ. Отецъ показалъ, что сына его

съ дѣтства трудно было заставить учиться, память у него была хорошо развита, но разсудокъ плохъ. Въ своихъ воззрѣніяхъ онъ былъ развитъ не болѣе какъ дитя, и не смотря на всѣ попытки, отецъ долженъ былъ отказать выучить его чему-нибудь и поэтому былъ принужденъ оставить всякое ученіе.

Изъ разговора съ молодымъ ф. Боцемъ, который я имѣлъ съ нимъ безъ присутствія его отца, я заключилъ, что показанія этого послѣдняго совершенно справедливы. Съ обвиняемымъ совершенно невозможно вести связнаго разговора, какъ этого слѣдовало ожидать отъ 18-ти-лѣтняго молодаго человѣка изъ образованнаго семейства. Его отвѣты коротки, скудны, правильны на сколько они касаются такихъ предметовъ, гдѣ играетъ роль одна память и не ясны, какъ скоро дѣло идетъ о сужденіи и сочетаніи фактовъ, о соображеніи. Онъ не былъ въ состояніи сдѣлать связнаго разсказа о вмѣняемомъ ему проступкѣ и о цѣли его, между тѣмъ какъ свою жизнь разсказалъ съ достаточною полнотой. Я узналъ отъ него, что до 14 года онъ жилъ въ своемъ отечествѣ, учился мало, потому что не могъ; потомъ былъ въ Лозаннѣ въ пансіонѣ, гдѣ товарищи много насмѣхались надъ нимъ и били его, „потому что я былъ слабъ,“ какъ онъ сказалъ, потомъ опять черезъ нѣсколько лѣтъ возвратился на родину и затѣмъ поступилъ въ ремесленную школу въ Берлинѣ, гдѣ также товарищи насмѣхались надъ нимъ; и здѣсь, по его словамъ, у него не было „никакой охоты къ ученью“ и потому отецъ взялъ его оттуда, и ученье его ограничилось нѣсколькими частными уроками на дому. Попытка приготовить его къ военному званію, также не удалась, у него не было никакой „охоты“ вступить въ прусскую службу. На мой вопросъ, чѣмъ же онъ теперь занимается, онъ возразилъ: „укладываніемъ.“ Дѣйствительно, онъ укладывалъ мебель и всякую домашнюю утварь своего семейства для отъѣзда, и когда я спросилъ его, чѣмъ же онъ занимается, какъ проводитъ свое время, онъ отвѣчалъ: „въ прогулкахъ и верховой ѣздѣ.“ На вопросъ, не занимается ли онъ также и умственной работой, онъ сказалъ, „когда я двѣ недѣли сряду бралъ уроки, я сдѣлался болѣнъ; если я пойду въ походъ, буду также болѣнъ.“

Въ продолженіи моего разговора съ нимъ, онъ въ замѣшательствѣ игралъ руками, какъ это часто бываетъ у слабоумныхъ людей, и ни одной минуты не могъ держать ногъ въ покоѣ, но безпрестанно шаркалъ ими туда и сюда. Щеки его краснѣютъ и при долгомъ разговорѣ замѣчается возбужденіе и усталость; взглядъ у него неувѣренный и смущенный.

Все это увеличивалось, когда я наводилъ его на разговоръ о вмѣняемомъ поступкѣ. Отъ него невозможно было добиться связнаго разсказа о томъ, какъ происходило дѣло. Онъ разсказалъ, что вышедши изъ дома, нанялъ себѣ лошадь у Г., въ..... улицѣ, потомъ выѣхалъ и ему вздумалось ѣхать въ S. Въ B. онъ потребовалъ овса и сказалъ, что лошадь продается. Онъ просилъ сто талеровъ, ему предлагали все меньше и меньше, а онъ все говорилъ „да;“ сынъ хозяина сказалъ, что лошадь слѣпая и хромая; переодѣтый полицейскій сказалъ, что лошадь стоитъ пятнадцать талеровъ, и когда на столъ положили десять талеровъ, и онъ хотѣлъ ѣхать домой, его не пустили, но привели въ Л. Я почти буквально передалъ его разсказъ, изъ котораго ничего не могъ бы понять, еслибъ я не зналъ въ чемъ дѣло. На вопросы, не сознавалъ ли онъ, что дѣлалъ дурное дѣло, онъ отвѣчалъ, „да.“ На вопросъ, когда онъ подумалъ, что это не хорошо, до совершенія поступка или послѣ него,—онъ отвѣчалъ, что когда ему предложили десять талеровъ, потому что это было очень мало. На вопросъ, а развѣ онъ не думалъ, что взявши и сто талеровъ, сдѣлалъ бы не правое дѣло, онъ возразилъ, „тогда, можетъ быть, я могъ бы отправиться на родину,“ и высказался потомъ точнѣе, что если у него была одна мысль—ѣхать домой, онъ не могъ въ тоже время имѣть другую мысль, что онъ поступаетъ не хорошо. Точно также онъ сказалъ, что „когда торгуютъ,“ подъ чемъ онъ разумѣлъ, что ему все меньше предлагаютъ за лошадь, „тогда не думаютъ о томъ, что дѣлаютъ несправедливость.“ Онъ имѣлъ очень неясное представленіе о проэктированномъ имъ путешествіи, и мотивъ къ нему былъ также неясенъ, такъ какъ было рѣшено, что родители его уѣдутъ очень скоро изъ Берлина вмѣстѣ съ нимъ. для того, чтобы

возвратиться на свою родину. По его показанію, первоначально у него былъ планъ ѣхать на лошади въ S. А потомъ? спросилъ я его далѣе; „потомъ я написалъ бы,“ и тогда? „тогда отецъ прислалъ бы деньги,“ а потомъ? „потомъ я долженъ былъ бы возвратиться,“ а потомъ? „потомъ ничего бы не было.“ О лошади онъ при этомъ совершенно забылъ и вообще изъ всего этого видно, что проэктъ его былъ совершенно ребяческій, такъ какъ онъ совсѣмъ не зналъ, гдѣ и находится S. Онъ выѣхалъ бы туда черезъ новыя королевскія ворота, и на мой вопросъ, гдѣ лежитъ это мѣсто, онъ сказалъ: „все вдоль по шоссе.“ По какому шоссе? „По сѣверному, къ Балтійскому морю.“

Предстоящихъ фактовъ совершенно достаточно, чтобы доказать, что ф. Боцъ человѣкъ тупоумный, который, относительно своего умственнаго развитія, стоитъ на точкѣ зрѣнія ребенка. Происходя изъ семейства, гдѣ душевныя болѣзни наслѣдственны, онъ остановился на низкой степени развитія, и въ послѣдніе годы не сдѣлалъ никакихъ успѣховъ въ ученьи. Между тѣмъ какъ функціи его памяти, этой низшей умственной способности, развиты достаточно хорошо: онъ говоритъ по нѣмецки и по французски, что доступно и для ребенка, но его жизненныя воззрѣнія, его поступки похожи на поступки десятилѣтняго ребенка. Съ дѣтскимъ легкомысліемъ онъ исполняетъ пришедшую ему мысль ѣхать въ N, продать лошадь, и даже поверхностный разборъ этаго плана и способа его исполненія показываетъ его совершенную неосновательность и несообразность. Онъ какъ будто хорошо знаетъ, что поступилъ несправедливо, но мысль эта была у него, такъ сказать, только поверхностная, потому что лишь только ему показалось возможнымъ осуществленіе плана ѣхать въ N, получивши 100 талеровъ, несправедливость его поступка уже стушевалась въ его головѣ, потому что „нельзя имѣть двухъ мыслей заразъ.“ При этомъ, онъ совсѣмъ не зналъ, куда собственно хотѣлъ ѣхать, потому что, какъ мы видѣли, онъ совершенно не уяснилъ себѣ, гдѣ находится S, и вмѣсто того, чтобы прежде спросить объ этомъ, онъ безъ дальнѣйшихъ размышленій идетъ въ B. и при первой остановкѣ теряетъ лошадь

и свободу. При такихъ обстоятельствахъ, показаніе его, что онъ не имѣлъ серьезнаго намѣренія продать лошадь, вполнѣ вѣроятно, также понятенъ и отвѣтъ его на мои распросы о ходѣ судебнаго слѣдствія, что онъ только помнитъ, что одинъ изъ судей всталъ и сказалъ, что у него не было серьезнаго намѣренія.

Я полагаю, что вышеизложенное достаточно доказываетъ, что ф. Боцъ человѣкъ тупоумный, и въ такой степени, что его нельзя предоставить самому себѣ, и что онъ неспособенъ обдумать послѣдствія своихъ поступковъ, т. е. въ законномъ смыслѣ долженъ считаться слабоумнымъ. Но подобному человѣку не можетъ быть вмѣненъ совершенный имъ проступокъ, выходящій изъ ребяческихъ побужденій и исполненный по дѣтски; хотя онъ и соглашается, что имѣетъ понятіе о моемъ и твоемъ, что имѣетъ общее представленіе о несправедливости своего поступка, но все-таки онъ неспособенъ обсудить послѣдствія своихъ поступковъ для себя и своего семейства, а потому не можетъ быть почитаемъ способнымъ ко вмѣненію.

Поэтому мнѣніемъ полагаю:

что ф. Боцу не можетъ быть вмѣнена попытка продать нанятую имъ лошадь, которую онъ обязанъ былъ возвратить.

Во второй инстанціи было потребовано еще мнѣніе королевской провинціальной медицинской коллегіи, которое въ сущности было сходно съ вышеупомянутымъ, и вслѣдствіе котораго Боцъ былъ во второй инстанціи оправданъ.

б) Вслѣдствіе пріобрѣтеннаго тупоумія, отъ иной какой-нибудь или отъ неизвѣстной причины.

СЛУЧАЙ СОРОКЪ ВТОРОЙ.

Воровство.—Слабость умственныхъ способностей послѣ предшествовавшей острой болѣзни.—Неспособность ко вмѣненію.

Анна Бернарди обвиняется въ похищеніи у Рейсмюллера серебряныхъ часовъ вмѣстѣ съ цѣпочкой, ключикомъ и медальономъ.

При полицейскомъ, равно какъ и судебномъ допросѣ, Бернарди

объяснила, что она, живя у своего отца, портнаго, взялась убирать комнату у подмастерья портнаго Кирхнера, который жилъ съ ней въ однихъ сѣняхъ и жена котораго была больна; вмѣстѣ съ тѣмъ она поправляла постель и у Рейсмюллера, который ночевалъ у Кирхнера. 4-го мая, поправляя постель Рейсмюллера, она нашла на ней серебряные часы и сунула ихъ въ карманъ своего платья. Она догадалась, что часы принадлежатъ Рейсмюллеру и хотѣла отдать ихъ ему, когда онъ придетъ вечеромъ съ работы. При полицейскомъ допросѣ она прибавила, что Рейсмюллеръ часто шутилъ съ ней и она имѣла намѣреніе также подшутить съ нимъ. Но прежде нежели Рейсмюллеръ пришелъ домой, отецъ, около 7 часовъ вечера, послалъ ее съ порученіемъ. Въ Каноницрской улицѣ она остановилась у окна одного магазина, вынула часы изъ кармана и пробовала открыть ихъ, но это ей не удалось. Тутъ подошла какая-то женщина, взяла у нея часы, сказавши, что откроетъ ихъ, и немного постаравшись около нихъ, убѣжала съ ними. Бернарди погналась за ней, но не могла ее найти.

Она скрыла все это происшествіе, молчала также и тогда, когда подозрѣніе пало на другихъ жильцовъ дома. Но это до такой степени ее тревожило, что она не могла выдержать и черезъ нѣсколько дней разсказала обо всемъ своему отцу. Когда дѣло, такимъ образомъ, открылось, она передала отцу бывшій при часахъ медальонъ, который, по ея показанію, оторвался отъ нихъ, и отецъ отдалъ Рейсмюллеру двадцать талеровъ за часы и возвратилъ медальонъ.

Слѣдственный судья занесъ въ протоколъ, что хотя обвиняемая и кажется нѣсколько смущенной, но сдѣлала показанія совершенно спокойно и связно; отецъ же обвиняемой показалъ въ судебномъ засѣданіи, что дочь его получила отъ своихъ учителей въ школѣ названіе „глупой“ и остановилась въ своемъ умственномъ развитіи послѣ тяжелой скарлатинной горячки.

Послѣ допроса Бернарди въ судебномъ засѣданіи, способность ея ко вмѣненію показалась суду сомнительной и мнѣ было поручено изслѣдованіе ея душевнаго состоянія.

Я лечилъ изслѣдуемую уже очень давно, лѣтъ пятнадцать тому назадъ, отъ тяжелой скарлатинной горячки, будучи въ то время врачемъ для бѣдныхъ. Семейство ея жило тогда въ той же самой квартирѣ, въ которой живетъ и теперь. Это обстоятельство представляется не маловажнымъ, потому что характеризуетъ порядочность семейства и черезъ это и показанія ея родныхъ пріобрѣтаютъ достовѣрность.

По показаніямъ отца и старшей сестры, Анна, послѣ этой болѣзни, остановилась въ своемъ умственномъ развитіи. Она должна была снова учиться говорить и бѣгать и не могла вразумительно объясняться. Далѣе я не слѣдилъ за дѣвушкой, такъ какъ около этого времени отказался отъ упомянутой должности. Въ школѣ дѣвушка училась мало. Работать по хозяйству она научилась, однакожъ самостоятельно вести его не можетъ. У нея нѣтъ никакой предусмотрительности, она не можетъ сама о себѣ позаботиться, она не перемѣнитъ бѣлья, если ее не заставятъ; о платьѣ ея приходится заботиться другимъ, сама она не можетъ его поправить; тѣломъ чистоплотна, но часто приходится напоминать ей умываться; она не имѣетъ самостоятельности, исполняетъ данныя ей порученія невѣрно, имѣетъ склонность къ глупымъ проказамъ, особенно съ мужчинами. Такъ недавно она, въ насмѣшку, сунула одному молодому человѣку подъ носъ горящую зажигательную спичку.

Я нашелъ изслѣдуемую точно такой, какъ ее описали. Ей теперь 19 лѣтъ, тѣломъ она хорошо развита и полна. Голова маленькая, лобъ узкій, физіономія носитъ отпечатокъ ограниченности. Ведетъ себя ребячески, глупо. Она безъ всякой перемежки переходитъ отъ смѣха къ плачу, смотря потому, какой оборотъ дается разговору, веселый или печальный. Говоритъ отрывисто и во всѣхъ отношеніяхъ уступаетъ въ умственномъ развитіи своей сестрѣ, хотя средства къ образованію были у обѣихъ совершенно одинаковы. О своей личности она даетъ достаточныя свѣдѣнія, память у ней не дурна, она считаетъ небольшіе числа довольно бѣгло, знаетъ заповѣди, но болѣе механически, безъ той свободы, которую даетъ дѣйствительное пониманіе выученнаго. Она ведетъ разговоръ и вы-

ражается по дѣтски, несоотвѣтственно съ своимъ возрастомъ. На разспросы о вмѣняемомъ ей поступкѣ и на требованіе разсказать, какъ было дѣло, она буквально отвѣчала такимъ образомъ: „когда я тамъ, въ другой половинѣ, поправляла постели, я сунула часы къ себѣ, вечеромъ какъ отецъ послалъ меня, я остановилась тамъ у окна магазина и тамъ взяла у меня ихъ одна женщина и потомъ убѣжала. Я за ней, но не нашла ее. Больше ничего не было".

Вопросы.	*Отвѣты.*
Что было въ этомъ дурного?	Что я сунула часы къ себѣ въ карманъ.
Не сдѣлала ли ты еще чего-нибудь дурнаго?	(Молчитъ и тупо уставившись, глядитъ впередъ).
Зачѣмъ ты сунула часы къ себѣ въ карманъ?	Я хотѣла отдать ихъ ему вечеромъ.
Ты хотѣла пошутить съ нимъ?	Да.
Который ему годъ?	19.
Не ссорились ли вы, не дразнилъ ли онъ тебя?	Нѣтъ, онъ былъ всегда хорошъ со мной.
Но вѣдь ты ему не возвратила часовъ?	Оттого что отецъ уже прежде послалъ меня.
Зачѣмъ ты на улицѣ вынула часы изъ кармана?	Мнѣ хотѣлось раскрыть ихъ и посмотрѣть, что у нихъ внутри.
Развѣ ты никогда не видала внутренности часовъ?	Нѣтъ.
А то что было при часахъ, также взяла у тебя эта женщина?	Нѣтъ. Медаліонъ оторвался, я отдала его отцу.

Когда послѣ этого я открылъ ей мои часы и показалъ ихъ внутренность, она съ любопытствомъ разсматривала ихъ.

Изъ вышеизложеннаго видно, что изслѣдуемая развита не сообразно своему возрату и умственно отстала, что она ограниченна, глупа и теперь еще стоитъ на точкѣ развитія ребенка. Насколько она вообще несамостоятельна и нуждается въ надзорѣ, настолько же и желанія и намѣренія у нея ребяческія, и вмѣняемый поступокъ можно назвать также ребячествомъ, шалостью, съ цѣлью подшутить; приведенный ею при полицейскомъ допросѣ мотивъ къ поступку не только вполнѣ достаточенъ для объясненія его, но и вполнѣ вѣроятенъ, судя по всему поведенію изслѣдуемой. Я не

осмнѣваюсь, что дѣло происходило совершенно такъ какъ она показываетъ и что она попала въ руки обманщицы. Я отнюдь не того мнѣнія, что она была не способна понять несправедливость совершеннаго поступка, такъ, какъ послѣ того какъ у ней похитили часы, она умолчала о случившемся и показала этимъ, что сознавала дурную сторону своего поступка; но она была способна сознавать несправедливость его, не болѣе того какъ сознаетъ это дитя, которое еще неспособно сдѣлать разсудительнаго выбора между совершеніемъ и несовершеніемъ поступка.

По всему вышеприведенному, мнѣніемъ полагаю:

что Бернарди нельзя считать способной ко вмѣненію относительно того поступка, въ которомъ она обвиняется.

СЛУЧАЙ СОРОКЪ ТРЕТІЙ.

Воровство.—Тупоуміе послѣ предшествовавшей острой болѣзни —Неспособность ко вмѣненію.

Пятнадцатилѣтняя Клара Шмидъ обвиняется въ томъ, что 15 марта этого года взяла съ могилъ на кладбищѣ передъ Пренцславскими воротами два цвѣточныхъ горшка и букетъ и положила ихъ въ корзинку, которая была при ней.

Когда ее поймали, она показала, что хотѣла этими цвѣтами украсить могилу своего отца, который былъ похороненъ въ церковной оградѣ, не сознавая, что поступокъ этотъ достоинъ наказанія.

Отецъ дѣвушки заявилъ о неспособности ея ко вмѣненію, что и послужило поводомъ къ изслѣдованію ея душевнаго состоянія.

Мать изслѣдуемой показала, что Клара, третій ея ребенокъ, сначала очень хорошо развивалась, какъ физически, такъ и умственно, но на четвертомъ году съ ней сдѣлалась тяжелая болѣзнь— нервная горячка, и съ тѣхъ поръ она не только остановилась въ умственномъ развитіи, но даже отодвинулась назадъ.

Дѣвушка чрезвычайно неловка, ей нельзя дать никакихъ порученій, ее надо умывать, причесывать и одѣвать, потому что иначе она будетъ ходить въ грязи, и такъ какъ ухаживать за ней не

всегда было возможно, то она была не всегда содержима въ должной чистотѣ.

Показанія эти производили впечатлѣніе истины и изслѣдованіе дѣвушки вполнѣ подтвердило ихъ справедливость.

Изслѣдуемой, по свидѣтельству, находящемуся при дѣлѣ, пятнадцать лѣтъ, физически она развита довольно хорошо, хотя и кажется нѣсколькими годами моложе своего возраста. Тѣлесныхъ аномалій у нея не замѣтно. Она была одѣта грязно, не умыта, не причесана, между тѣмъ какъ ея меньшій семилѣтній братъ содержится чрезвычайно опрятно. Сравненіе обоихъ индивидуумовъ, относительно умственнаго развитія, было чрезвычайно интересно и важно для предстоявшаго изслѣдованія: оказалось, что семилѣтній мальчикъ могъ отвѣчать быстро и правильно на такіе вопросы, которые дѣвушка оставляла безъ отвѣта, или на которые отвѣчала безтолково. Она робка и ведетъ себя глупо, глаза ея безцѣльно блуждаютъ кругомъ во время разговора. Она медленно отвѣчала на вопросъ о своемъ имени, о мѣстѣ рожденія, о городѣ, въ которомъ теперь живетъ и не знала, который теперь идетъ годъ. Хотя уже и была конфирмована, но не знала первой заповѣди; мѣсяцы года она перечисляла невѣрно, также и дни недѣли, между тѣмъ какъ ея братъ могъ перечислить ихъ всѣ, даже снизу вверхъ, чего дѣвушка была совершенно не въ состояніи исполнить. Кромѣ того, она еще и разсѣянна. Она утверждаетъ, что отецъ ея умеръ, звали его Адольфъ Шмидъ, между тѣмъ какъ незадолго передъ этимъ показала, что отецъ ея живъ, ушелъ на работу и зовутъ его Вильгельмъ. Все-таки отецъ ея Адольфъ, и умеръ еще за три года до ея рожденія, двадцать пять лѣтъ тому назадъ, также и она родилась двадцать пять лѣтъ тому назадъ, но опять сейчасъ же послѣ этого говорила, что ей 15 лѣтъ. Далѣе она показала, что мать вышла замужъ за зя теперешняго отца двадцать одинъ годъ тому назадъ.

Она говоритъ, что обо всѣхъ этихъ фактахъ узнала отъ своей матери, которая сообщила, что Адольфомъ звали брата Клары, который родился передъ ней и умеръ, и что она всегда утверждала,

что онъ былъ ея отцемъ. Далѣе, на вопросъ, отчего она не умывается и не причесывается, она отвѣчала весьма характеристично: „мать должна это дѣлать, я не могу, оттого что я еще такъ мала.“

О своемъ проступкѣ она показала, что хотѣла украсить цвѣтами могилу своего умершаго отца Адольфа Шмида.

Вышеприведеннаго достаточно, чтобы доказать, что въ предлежащемъ случаѣ не можетъ быть рѣчи о притворствѣ и преувеличеніи. Изслѣдуемая совершенно не знала о цѣли моего посѣщенія, и я говорилъ съ ней о вмѣняемомъ поступкѣ только подъ конецъ. Но, кромѣ того, все ея поведеніе, поступки и способъ отвѣтовъ достаточно доказываютъ, что она по своему психическому развитію стоитъ ниже семилѣтняго ребенка и на столько слабоумна, что невозможно полагать, чтобы она учинила вмѣняемый поступокъ, сознавая его несправедливость.

Въ засѣданіи пасторъ Томасъ показалъ, что онъ не конфирмировалъ бы ребенка, еслибъ не убѣдился, что онъ былъ достаточно приготовленъ. Можетъ быть она только училась нѣсколько хуже другихъ и нуждалась въ помощи. Дѣвушка сказала ему, что она только въ смущеніи показала, что хотѣла положить цвѣты на могилу отца. Онъ считаетъ ее совершенно способной ко вмѣненію. Я остался при моемъ мнѣніи. Но при допросѣ дѣвушка оказалась совершенно такой, какъ показано выше, и между прочимъ, на вопросъ, что такое вотчимъ (Stiefvater), отвѣчала: „который носитъ сапоги.“ (Der Stiefel anhat). Прокуроръ высказался за объявленіе ее невиновной и судъ согласился съ нимъ.

СЛУЧАЙ СОРОКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Воровство.—Тупоуміе отъ неизвѣстной причины.—Неспособность ко вмѣненію.

Нѣкая Литце подозрѣвается въ похищеніи двухъ брошекъ у госпожи Леманъ, въ то время, какъ та посылала ее въ свою комнату, за письмомъ. Брошекъ у Литце не нашлось. При полицейскомъ допросѣ, сначала она отпиралась, но при второмъ допросѣ

призналась въ воровствѣ, и потомъ опять оспаривала его, утверждая, что Леманъ обѣщала ей грошъ и двѣ головныя сѣтки, если она скажетъ, что украла. При допросахъ на слѣдственнаго судью она сдѣлала впечатлѣніе „очень отставшей въ умственномъ развитіи."

При моемъ изслѣдованіи, я получилъ подобное же впечатлѣніе. Литце 18 лѣтъ, тѣломъ развита нормально, но умственно очень отстала отъ своего возраста. Она робка, несамостоятельна, физіономія ея тупоумна. На вопросы отвѣчаетъ, но отвѣты ея неувѣренны, она смотритъ на окружающихъ, какъ смотрятъ слабоумные, какъ будто хочетъ, чтобы они отвѣтили за нее. Свое имя и возрастъ показала правильно, сказала также, что ходила въ школу, знаетъ десять заповѣдей, однако не по порядку, но читать не могла, только складывала, но всѣхъ буквъ не знала. Мѣсяцевъ не знала, но дни недѣли перечислила. Который у насъ годъ—не знала, какой мѣсяцъ—опредѣлила неправильно—августъ. Не знала ни имени короля, ни королевы. Считать совершенно неспособна. Она знала сколько пальцевъ у нея на каждой рукѣ, но не умѣла сказать сколько ихъ всѣхъ вмѣстѣ.

Изслѣдуемая отпиралась отъ поступка, въ которомъ ее обвиняли, плакала и говорила также и мнѣ, что Леманъ обѣщала ей двѣ сѣтки и четыре гроша. Она видимо не понимала вопроса, какая была причина у Леманъ обвинить ее въ воровствѣ и потомъ обѣщать четыре гроша, чтобы она сказала, что украла. Она сказала, что показывала свои вещи и игрушки, но что брошекъ тамъ не было. На вопросъ, во что она играетъ, она отвѣчала въ куклы, и въ самомъ дѣлѣ, въ ея шкапѣ нашлись куклы, принадлежащія ей, такъ какъ маленькихъ дѣтей въ домѣ не было. Платья для куколъ, говоритъ она, дѣлаетъ мать, она только ихъ моетъ. Изслѣдуемая держитъ себѣ неопрятно, за ней нуженъ постоянный присмотръ.

Показанія эти достаточно обрисовываютъ слабоуміе изслѣдуемой О симуляціи въ предлежащемъ случаѣ нечего и говорить. Уже не говоря о неподражаемомъ отпечаткѣ слабоумія во всей ея личности, нельзя не обратить вниманія на то психологически важное об-

стоятельство, что изслѣдуемая видимо старается удовлетворительно отвѣчать на вопросы и открывается вся, какъ она есть; это ясно показываетъ, что она не притворяется, такъ какъ притворщикъ всегда преувеличиваетъ и даже на самые простѣйшіе вопросы или совсѣмъ не отвѣчаетъ, или говоритъ „я не знаю.“

Если же принять тупоýміе за фактъ, то спрашивается далѣе, существуетъ ли оно въ такой высокой степени, чтобы по поводу его изслѣдуемая не могла считаться отвѣтственной передъ закономъ. Хотя она и сказала, что знаетъ, что воровать нехорошо и что за это наказываютъ, однакожъ, судя по ея психическому развитію, она не была въ состояніи настолько ясно представить себѣ значенія кражи въ отношеніи къ нравственному и уголовному закону, какъ всякій другой, нормально развитый человѣкъ ея возраста; въ этомъ отношеніи, равно какъ и во всемъ своемъ развитіи, она стоитъ на точкѣ зрѣнія ребенка, способность различенія котораго состоитъ болѣе во внѣшнемъ изученіи, чѣмъ въ сознательномъ убѣжденіи.

Поэтому мнѣніемъ полагаю:

что Литце въ умственномъ и душевномъ отношеніи стоитъ на точкѣ развитія ребенка, который неспособенъ сдѣлать сознательнаго выбора между совершеніемъ и несовершеніемъ поступка, и что я, съ своей стороны, не считаю Литце способной ко вмѣненію относительно того поступка, который ей приписывается.

СЛУЧАЙ СОРОКЪ ПЯТЫЙ.

Клятвопреступленіе.—Тупоуміе отъ неизвѣстной причины.—Неспособность къ судимости.

Нѣкая Вецель обвиняется въ принятіи умышленно ложной присяги, въ іюлѣ 1865 года.

Она была въ тюрьмѣ съ января 1866 года и 13 іюля явилась передъ судомъ присяжныхъ.

Такъ какъ между тѣмъ способность ея ко вмѣненію показа-

лась сомнительной, то я и былъ вызванъ изслѣдовать ее въ судебномъ засѣданіи.

Несмотря на кратковременность изслѣдованія, несложность случая и ясность болѣзненныхъ явленій дали возможность высказаться положительно, что изслѣдуемая больна и тупоумна и что ее невозможно допрашивать. Въ отношеніи ея душевнаго состоянія во время поступка, я не могъ сказать ничего опредѣленнаго, во-первыхъ по причинѣ совершеннаго незнанія актовъ слѣдствія, во-вторыхъ потому, что отъ изслѣдуемой нельзя было добиться, когда и въ какомъ отдѣленіи Charité она лежала больной. Наконецъ, хотя по сдѣланнымъ мной наблюденіямъ, не было причины подозрѣвать притворства, но все-таки оно было возможно.

Поэтому мнѣ было предложено произвести вторичное изслѣдованіе, съ сообщеніемъ актовъ слѣдствія и свѣдѣній изъ Charité.

Венцель живетъ теперь у башмачника Гундлаха, который взялъ ее, когда ее выпустили изъ тюрьмы, изъ состраданія, и старался доставить ей какое-нибудь мѣсто. Онъ говоритъ, что около года живетъ въ одномъ домѣ съ ней и до ареста ея видалъ, что она ходила на костыляхъ, но не наблюдалъ ее и не можетъ сдѣлать никакого сужденія объ умственномъ состояніи ея до заключенія въ тюрьму. Съ тѣхъ поръ какъ она живетъ у него, т. е. по выпускѣ изъ тюрьмы, она ведетъ себя совершенно однообразно. Сидитъ цѣлый день, скорчившись, на одномъ мѣстѣ, часто говоритъ сама съ собой, ко всему безучастна и на вопросы большею частію не отвѣчаетъ, или даетъ несообразные отвѣты.

Мои наблюденія надъ ней дали совершенно такіе же результаты, какъ и въ судебномъ засѣданіи.

Венцель, повидимому, около 40 лѣтъ; она физически больна и истощена, на лѣвую ногу хромаетъ, по причинѣ застарѣлаго страданія бедренаго сустава, правой рукой владѣетъ дурно, по причинѣ дурно излеченнаго перелома предплечія; употребленіе остальныхъ конечностей также ограниченно, по причинѣ застарѣлаго ревматизма. Я нашелъ ее сидящей, скорчившись, на скамейкѣ у кровати. Выраженіе ея лица безсмысленно, вести разговора съ ней

нельзя. Она отвѣчаетъ только на немногіе вопросы, и если и даетъ правильные отвѣты, то послѣ повторенія вопроса, или послѣ долгаго раздумья, или только вздыхаетъ, не отвѣчая ничего, или говоритъ „я не знаю.“ Отвѣчаетъ не фразами, но всегда только отдѣльными словами. При этомъ глаза ея безцѣльно блуждаютъ кругомъ и заставить ее смотрѣть прямо очень трудно. Память у нея отрывочна. Свое имя она знаетъ, но возраста не знаетъ, говоритъ, что ей 29 лѣтъ. Говоритъ, что родилась въ Бреславѣ, тогда какъ изъ дѣла видно, что она родилась въ 1817 году, въ Подевилѣ или Бодевилѣ. На вопросъ, въ какомъ городѣ она теперь находится, сказала, „большой городъ,“ но назвать его не умѣла; не знала также, какъ зовутъ ея теперешняго хозяина, между тѣмъ его семилѣтнюю дочь, бывшую тутъ, назвала Эмиліею, но не могла сказать, чей это ребенокъ. На вопросъ, были ли вы замужемъ, отвѣчала: „нѣтъ.“ Былъ ли у васъ ребенокъ? „Да.“ Мальчикъ или дѣвочка? „Не знаю.“ Давно ли былъ у васъ ребенокъ? „Не знаю какъ давно.“ Сколько вамъ было лѣтъ, когда родился ребенокъ? „Двадцать девять.“ Когда вы были въ тюрьмѣ? „Charité, много больныхъ, много солдатъ.“ Объ судебномъ засѣданіи, на которомъ она была, и о моемъ изслѣдованіи ничего не знала, и очевидно не узнала меня.

О развитіи ея душевной болѣзни изъ дѣла ничего не видно, также и изъ журналовъ Charité, такъ какъ въ этомъ заведеніи она пользовалась только отъ ревматизма, въ 1853 и 1855 годахъ. Также нельзя отъ нея узнать болитъ ли у нея голова; на вопросъ объ этомъ, она показываетъ на правую сторону головы и говоритъ „тамъ“.

Странно, что въ тюрьмѣ не было замѣчено такой высокой степени тупоумія, ибо невозможно, чтобы оно тогда не существовало. Это можетъ быть объяснено только весьма недостаточнымъ наблюденіемъ.

О притворствѣ или преувеличеніи въ предлежащемъ случаѣ не можетъ быть рѣчи. Я не принимаю во вниманіе наблюденій окружающихъ, достовѣрность которыхъ можетъ еще подлежать спору.

Но весь Habitus, поведеніе изслѣдуемой говорятъ противъ того, и попытки къ симуляціи тупоумія обыкновенно такъ неловко исполняются, что ихъ очень скоро можно открыть. Но здѣсь, кромѣ поведенія, очень характеристиченъ способъ отвѣтовъ. Они односложны, безъ образованія предложеній, безъ личныхъ мѣстоименій. Далѣе она не всѣ вопросы оставляетъ безъ отвѣта, но на нѣкоторые даетъ отвѣты, именно относительно такихъ предметовъ, которые всего глубже запечатлѣлись въ ея памяти, какъ напр. имена. Она не можетъ также опредѣлить времени, даже приблизительно и на предлагаемые ей въ этомъ отношеніи вопросы отвѣчаетъ, вздыхая, „давно“.

Очевидно, что изслѣдуемая во время производства слѣдствія не была въ этомъ состояніи, потому что отъ слѣдователя оно не могло бы ускользнуть, но по видимому оно развилось постепенно въ тюрьмѣ. Я также не въ состояніи сказать по предлежащимъ фактамъ, въ какомъ душевномъ состояніи находилась изслѣдуемая во время вмѣняемаго поступка.

Но, судя по врачебному опыту, такая высокая степень умственной слабости, не можетъ быть излечена, изслѣдуемая никогда не выздоровѣетъ и умственныя функціи ея не возстановятся.

Сообразно этому, мнѣніемъ полагаю: что изслѣдуемая теперь совершенно лишена употребленія разсудка, т. е. въ законномъ смыслѣ безумна;

что изъ дѣла невозможно вывести заключенія о томъ, какъ долго продолжается это состояніе, но во всякомъ случаѣ оно не новаго происхожденія;

что надежды на выздоровленіе изслѣдуемой нѣтъ;

что она въ настоящее время неспособна къ судимости и останется навсегда въ этомъ состояніи.

СЛУЧАЙ СОРОКЪ ШЕСТОЙ.

Блудодѣйство съ дѣтьми. — Тупоуміе.

Нѣкто Эвертъ, которому теперь тридцать семь лѣтъ, обвиняется въ безстыдныхъ поступкахъ съ дѣвушкой моложе четырнадцати лѣтъ и въ совершеніи съ ней совокупленія. Уже въ 1862 году о немъ производилось слѣдствіе, по поводу такого же преступленія, по мнѣніемъ физиката отъ 6 апрѣля 1862 года онъ былъ объявленъ слабоумнымъ. Онъ былъ уже два раза въ домѣ умалишенныхъ и былъ выписанъ изъ Charité, по неизлечимости.

И теперь онъ также душевнобольной и слабоумный.

Я нашелъ изслѣдуемаго такимъ же, какимъ описалъ его покойный Касперъ въ немногихъ рѣзкихъ чертахъ. Та же приторпая чувствительность, таже вялость, таже путаница въ представленіяхъ. Я предложилъ ему разсказать мнѣ его прошедшее и онъ разсказалъ съ прикрасами, сладкимъ и жеманнымъ языкомъ, что онъ былъ врачемъ, но, по болѣзни удалился отъ этихъ занятій и занялся религіей, теперь занимается садовой работой и продаетъ знакомымъ сѣрныя спички, что онъ не шутя называетъ промысломъ, хотя самъ соглашался, что получаетъ за это бутербродъ или кое-гдѣ грошъ. О своемъ пребываніи въ домахъ умалишенныхъ, о прежнемъ слѣдствіи надъ нимъ и о его причинѣ умалчивалъ. Свой разсказъ онъ заключилъ тѣмъ, что годъ тому назадъ, одинъ мальчикъ попросилъ у него пристанища, но онъ очень скоро замѣтилъ, по грудямъ, что это переодѣтая дѣвушка, которую нашелъ страдающей сифилисомъ и хотѣлъ ее лечить. Онъ узналъ что она сифилитическая, „потому что видѣлъ ея половыя части“. Онъ держалъ ее у себя почти годъ и много разъ совершалъ съ ней совокупленіе, такъ какъ сифилисъ отчасти уничтожился. Объ этомъ приключеніи онъ разсказывалъ дольше, чѣмъ обо всей своей остальной жизни, изъ разсказа о которой видно, что онъ жилъ безъ всякой цѣли, въ нуждѣ, что онъ

тупоуменъ и что у него нѣтъ достаточной нравственной выдержки и самостоятельности для того чтобы, жить въ человѣческомъ обществѣ. Свой нынѣшній проступокъ онъ объясняетъ также, какъ представилъ его и на судебномъ допросѣ. Когда я замѣтилъ ему, что онъ уже раньше былъ въ тюрьмѣ за подобный проступокъ и поэтому долженъ бы былъ знать, что это влечетъ за собой наказаніе, онъ согласился съ этимъ, но возразилъ, что полагаетъ, какъ врачъ, что такъ какъ физическія сношенія происходили сообразно природѣ, влеченіе же это очень сильно, то поэтому и извинительно. При первомъ случаѣ, онъ былъ еще очень неопытенъ и едва дотронулся до дѣвушки. Онъ былъ далекъ отъ того, чтобы искать этого, напротивъ, онъ самъ былъ обольщенъ, почему и не считаетъ себя достойнымъ наказанія. Когда я замѣтилъ ему, что невѣроятно, чтобы такія юныя дѣти могли склонять его къ совокупленію, онъ сказалъ, что они не принуждали его къ этому, но и онъ не искалъ ихъ, а они сами приходили къ нему, а прочее сдѣлалось само собой.

Хотя изъ самаго способа совершенія проступковъ уже видно, что изслѣдуемый хорошо сознавалъ, что дѣлалъ, равно какъ и то, что это нехорошо, такъ какъ онъ заманивалъ къ себѣ дѣтей подарками, но все-таки это обстоятельство еще не доказываетъ его способности ко вмѣненію, такъ какъ подобнаго рода поступки наблюдаются и въ домѣ умалишенныхъ, у такихъ душевно больныхъ, умственное разстройство которыхъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Но у такихъ людей, какъ и у нашего изслѣдуемаго, по выраженію Каспера, недостаетъ „способности ясно обсудить послѣдствія своихъ поступковъ въ отношеніи къ нравственному и къ уголовному закону“ и сдѣлать сознательный выборъ между совершеніемъ и несовершеніемъ поступка.

Сообразно съ этимъ, изслѣдуемый, какъ человѣкъ, пришедшій въ состояніе тупоумія, вслѣдствіе предшествовавшей душевной болѣзни, неспособенъ обсудить послѣдствія своихъ поступковъ и поэтому, въ смыслѣ закона, долженъ быть считаемъ слабоумнымъ.

Но такъ какъ онъ, находясь на свободѣ, по всей вѣроятности,

совершитъ новые проступки, подобные предшествовавшимъ, то его слѣдуетъ отдать подъ надзоръ.

Случай сорокъ седьмой.

Похищеніе. — Тупоуміе послѣ предшествовавшей душевной болѣзни. — Неспособность къ судимости.

Нѣкая Мейеръ, почти годъ тому назадъ, по причинѣ неоднократныхъ похищеній или участія въ нихъ, находилась подъ слѣдствіемъ, и въ тоже время, такъ какъ она укрывалась, подъ арестомъ. Она была отдана подъ судъ 10 января 1865. При допросѣ января 13 обвиняемая, послѣ нѣсколькихъ неопредѣленныхъ показаній, „вдругъ начала кричать, безъ всякаго разумнаго побужденія“, и при этомъ пристально и неподвижно смотрѣла впередъ, такъ что ее нужно было увести и слѣдователь получилъ впечатлѣніе, что тутъ если не дѣйствительное умственное разстройство, то притворство. 14 января, вдова Бека показала, что она познакомилась съ Мейеръ въ Charité, когда находилась тамъ для изученія должности сидѣлки, что Мейеръ была въ отдѣленіи душевно больныхъ, гдѣ она и прежде уже нѣсколько разъ была пользована отъ умственнаго разстройства. Она также жила у ней въ 1853 году и тогда уже казалась ей помѣшанной. Хотя акты Charité и не могли быть представлены, такъ какъ они были затеряны, но изъ донесенія дирекціи Charité отъ 12 іюня 1865 видно, что изслѣдуемая находилась въ Charité отъ 12 августа 1854 до 24 апрѣля 1855 года, какъ душевно больная. При изслѣдованіи, предпринятомъ мной въ засѣданіи, я нашелъ, что изслѣдуемая страдаетъ умственной слабостью и не свободна отъ безумныхъ представленій, которыя, по видимому, были вновь возбуждены заключеніемъ ея въ тюрьму. Такъ какъ въ тоже время существовали очень важныя причины, исключавшія идею о симуляціи, то я предложилъ выпустить ее изъ тюрьмы, что и было исполнено.

Это тогдашнее мнѣніе о душевномъ состояніи Мейеръ подтвердилось при новомъ изслѣдованіи ея.

Мейеръ около 35 лѣтъ отъ роду; лице ея блѣдно, на видъ она слаба. Физическое здоровье, повидимому, не нарушено. Физіономія имѣетъ характеръ добродушія и явной ограниченности. Ведетъ себя скромно и очень легко приходитъ въ смущеніе. Съ своимъ распутнымъ мужемъ она теперь въ разводѣ и содержитъ двоихъ дѣтей. Я не нашелъ ее на той квартирѣ, которую мнѣ указали, но на другой, у Блеттерманъ. Она была занята развѣшиваніемъ бѣлья. Она говорила гораздо связнѣе, чѣмъ въ засѣданіи 21 января 1869 года, не узнала меня, и когда я напомнилъ ей о вышеупомянутомъ засѣданіи, она видимо не могла припомнить его. О своей личности показала довольно правильно, при дальнѣйшемъ разговорѣ у нея обнаружилась сильная слабость памяти и слабость въ сужденіи. Она не знала давно ли она въ теперешней квартирѣ, давно ли разошлась съ мужемъ, не знала, что была въ Charité какъ душевно больная, напротивъ, утверждала, что никогда не была душевно больной. Она могла назвать только нѣкоторыя квартиры, въ которыхъ жила въ продолженіи года. Когда я упрекнулъ ее въ томъ, что она заставила искать себя въ продолженіи цѣлаго года, она стала увѣрять, что всегда объявляла о перемѣнѣ квартиры, а Блеттерманъ сообщила, что къ 1-му марта Мейеръ опять перемѣнитъ квартиру, что теперь у нея нѣтъ никакой квартиры и что она не знаетъ, поселится ли она у нея, или нѣтъ. Поэтому я потребовалъ, чтобы Мейеръ когда будетъ имѣть квартиру, объявила объ этомъ въ уголовномъ судѣ, чтобы въ другой разъ не искать ее напрасно. На другой день она явилась въ уголовный судъ, „для допроса“, и такъ какъ я былъ тутъ же, то и пошелъ съ ней къ слѣдственному судьѣ. Но она не помнила, зачѣмъ ей велѣно было прійти въ судъ. Квартиру она еще не наняла и совершенно не знала, зачѣмъ пришла. Я воспользовался этимъ случаемъ, для изслѣдованія ея передъ слѣдственнымъ судьей. Здѣсь она спуталась еще болѣе чѣмъ вчера. Что касается до вмѣняемаго ей поступка, она знала въ чемъ тутъ дѣло, но не могла понять,

что собственно ставятъ ей въ вину, не знала когда это случилось, въ которомъ году, и до такой степени сбивчиво разсказала объ этомъ поступкѣ, что продолжать разговора съ ней не было возможности.

Предстоящихъ фактовъ достаточно, съ одной стороны, чтобы исключить подозрѣніе въ притворствѣ, съ другой— чтобы доказать существованіе умственной слабости, которая будетъ понятнѣе, если принять въ соображеніе, что Мейеръ, четыре года тому назадъ, была положительно душевно больной и что тупоуміе составляетъ очень частый исходъ острыхъ формъ душевныхъ болѣзней.

Тупоуміе существуетъ у изслѣдуемой въ такой высокой степени, что едвали будетъ возможно допрашивать ее, и если бы даже нашли ее виновной, то она не можетъ считаться способной перенести тюремное заключеніе, потому что, какъ показалъ опытъ, нѣсколькихъ дней заключенія было достаточно, чтобы привести ее въ состояніе, заставляющее опасаться новаго приступа безумія.

Поэтому, мнѣніемъ полагаю, что Мейеръ находится, и вѣроятно также и впередъ будетъ находиться, въ такомъ состояніи тупоумія, которое дѣлаетъ ее неспособной къ допросу о поступкѣ, совершенномъ годъ тому назадъ.

---

8. Сомнительная способность ко вмѣненію, обусловленная глухонѣмотой.

Мнѣ нечего прибавить для разъясненія слѣдующаго случая, который я привелъ, какъ дополненіе къ предыдущему отдѣлу. Обвиненія глухонѣмыхъ передъ уголовнымъ судомъ весьма рѣдки и сужденіе о нихъ всегда будетъ шаткимъ, если они, какъ объектъ слѣдующаго случая, не пользовались образованіемъ.

Судья требовалъ здѣсь мнѣнія о степени умственнаго развитія и умственныхъ способностей обвиняемаго, въ отношеніи вопроса о способности его ко вмѣненію.

СЛУЧАЙ СОРОКЪ ВОСЬМОЙ.

Убійство. — Глухонѣмота. — Уменьшенная способность ко вмѣненію.

Ученикъ мясника, Тепперъ, обвиняется въ томъ, что онъ 15 декабря, около 10 часовъ вечера, убилъ Краузе, ранивъ ее ножомъ въ горло.

Девятнадцатилѣтній обвиняемый завѣдомо глухонѣмой.

Акты слѣдствія даютъ очень недостаточный матеріалъ относительно прежней его жизни.

Онъ родился въ деревнѣ Нильцъ, близь Бескова, у него 10 братьевъ и сестеръ, мать умерла, отецъ живъ, служитъ работникомъ. До третьяго года своего возраста онъ развивался нормально и, повидимому, быстро. Когда ему было два съ половиной года, онъ захворалъ „первой горячкой“, съ судорогами. Въ этой болѣзни онъ потерялъ слухъ, потомъ около двухъ лѣтъ говорилъ еще отдѣльныя слова, но затѣмъ совершенно разучился говорить. Домашніе могли объясняться съ нимъ объ обыкновенныхъ вещахъ во вседневной жизни и употребляли его для обыкновенныхъ домашнихъ работъ.

Отъ девяти до четырнадцати лѣтъ онъ посѣщалъ мѣстную школу, и достигъ до того, что могъ написать нѣсколько словъ и произносить отдѣльныя слова Отче нашъ. Религіи не обучался, но 14-ти лѣтъ былъ конфирмованъ. Потомъ онъ пасъ овецъ, ходилъ за лошадьми, ѣздилъ и исполнялъ все это хорошо. *Онъ никогда не учился въ заведеніи для глухонѣмыхъ.* Уже пять лѣтъ какъ онъ находится въ Берлинѣ, въ семействѣ Людеке, который и училъ его ремеслу мясника.

Поведеніемъ его всегда были довольны, только въ послѣднее время онъ сдѣлался нѣсколько склоннымъ къ легкомыслію. Отецъ говоритъ, что онъ всегда выказывалъ спокойный и миролюбивый характеръ и никогда не подавалъ повода къ жалобамъ. Казалось

онъ имѣлъ точное понятіе о томъ, что запрещено и наказуемо и никогда не совершалъ противузаконныхъ поступковъ. Онъ выказывалъ чувства правдивости, не могъ терпѣть, если кто нибудь несправедливо поступалъ, всегда имѣлъ большое уваженіе къ мѣстному жандарму, особенно когда тотъ кого-нибудь арестовалъ.

Въ послѣдній пріѣздъ своего отца, онъ отдалъ ему 10 талеровъ изъ своего жалованья, состоящаго изъ 15 талеровъ, которое онъ только-что получилъ. Кромѣ того, онъ передалъ отцу еще талеръ, который былъ долженъ одной изъ своихъ сестеръ, уже забывшей объ этомъ фактѣ, для передачи ей.

Также сестра и ея мужъ всегда были имъ довольны; онъ всегда выказывалъ миролюбивый нравъ, жилъ въ мирѣ съ товарищами и домашними.

Впрочемъ, онъ былъ нѣсколько склоненъ къ гнѣву, именно, если надъ нимъ смѣялись, если отъ него скрывали что-нибудь, или если онъ думалъ, что съ нимъ несправедливо поступаютъ.

Я имѣлъ случай неоднократно наблюдать Теппера, такъ какъ присутствовалъ почти при всѣхъ его допросахъ.

Физически онъ развитъ хорошо, сообразно своему возрасту. Его личность дѣлаетъ пріятное впечатлѣніе. Выраженіе лица добродушное, взглядъ живой, смышленный, но по временамъ ребяческій. Понимаетъ легко. Его мимика и жестикуляція быстры и чрезмѣрно живы. Особенныхъ волненій и обнаруженій страсти во время изслѣдованія не случалось, но была замѣтна очень быстрая перемѣна настроенія, смотря по впечатлѣніямъ, какія онъ получалъ; жалобы съ плачемъ и ломаніемъ рукъ почти безъ всякаго перерыва смѣнялись смѣхомъ и веселымъ выраженіемъ лица, когда и слезы на глазахъ еще не успѣвали обсохнуть.

Я не могъ имѣть съ нимъ непосредственныхъ объясненій. Съ нимъ можно было говорить только съ помощью учителя глухонѣмыхъ. Но способъ объясненій Теппера былъ не такой, какой бываетъ у обученныхъ глухонѣмыхъ. Онъ ученикъ природы, у него свой натуральный языкъ знаковъ, и я убѣдился наблюденіемъ, что переводчикъ понимаетъ его не вполнѣ. Изъ этого видно, какъ

трудно было понимать изслѣдуемаго, и самъ экспертъ по части объясненій съ глухонѣмыми, директоръ Реймеръ, многаго не могъ понять изъ объясневій Теппера; поэтому, сомнительно еще, правильно ли были поняты показанія и объясненія изслѣдуемаго. По показанію Реймера, сообщенія Теппера не заходили далѣе предметовъ, доступныхъ чувственному впечатлѣнію и внѣ этого онъ не былъ въ состояніи ни высказаться, ни понять передаваемаго ему. Абстрактныхъ понятій у него не существуетъ и показанія свидѣтелей, что Тепперъ можетъ написать только отдѣльныя слова, собственныя имена и т. п., и что онъ не можетъ прочитать ни писаннаго, ни печатнаго, подтвердились изслѣдованіемъ его.

Поэтому сообщенія его о совершенномъ имъ поступкѣ, были въ высшей степени скудны и поверхностны и ограничились только внѣшнимъ ходомъ происшествія и допускали только предположеніе о внутреннемъ психологическомъ процессѣ, лежавшемъ въ основаніи его и о побужденіи къ нему.

Другой источникъ для обсужденія душевнаго состоянія Теппера представляетъ его поведеніе и способъ его сообщеній.

Относительно поступка Теппера, равно какъ и поведенія его, изъ актовъ слѣдствія и изъ моего изслѣдованія видно слѣдующее:

Самый поступокъ происходилъ, какъ кажется, слѣдующимъ образомъ:

Декабря 15, въ воскресенье, Тепперъ пилъ чай съ семействомъ своего зятя и хозяина Людеке, у котораго онъ и жилъ, былъ совершенно веселъ, игралъ съ дѣтьми, потомъ нѣсколько времени работалъ на бойнѣ, именно, занимался приготовительной работой для колбасъ, при чемъ долженъ былъ работать ножемъ.

При уходѣ его ничего особеннаго за нимъ не замѣтили.

Краузе промышляла развратомъ и, кажется, завлекла Теппера и предложила ему идти въ ея комнату. Прежде или послѣ совокупленія, послѣ того какъ Краузе была уже раздѣта, произошла ссора изъ за платежа. Тепперъ вытащилъ свой кошелекъ, въ которомъ было около шести талеровъ. Краузе, увидѣвъ черезъ отверстіе кошелька четыре талера, вырвала у него эти деньги. Вслѣд-

ствіе этого началась ссора, при чемъ Краузе изцарапала ему лице. Послѣ этого, онъ схватилъ ножъ, который лежалъ на столѣ, подъ шапкой, и перерѣзалъ ей горло. Сначала онъ объяснилъ, что это былъ столовый ножъ, но потомъ припомнилъ, что это былъ мясничій ножъ, который онъ имѣлъ при себѣ въ тотъ вечеръ въ грудномъ карманѣ, и который онъ употреблялъ при убоѣ свиней; онъ оставилъ его въ комнатѣ убитой (вмѣстѣ съ фуражкой и сигарочнымъ мунштукомъ). Рану онъ сдѣлалъ лѣвой рукой, сидя на правой сторонѣ дивана, а Краузе стояла передъ нимъ.

При всемъ этомъ происшествіи присутствовала другая женщина, Кильманъ. Краузе всунула ей въ руки деньги. Онъ пустился въ бѣгство. Раненая побѣжала еще за нимъ, Кильманъ напала на него съ топоромъ и ударила его въ лѣвое плечо.

Сбѣжавши съ лѣстницы, онъ нашелъ, что выходная дверь заперта, побѣжалъ на дворъ, оттуда перелѣзъ на сосѣдній дворъ и просидѣвши нѣсколько времени въ погребѣ, былъ выпущенъ со двора извощикомъ, который выпрягалъ тутъ лошадь, и которому онъ далъ за это 15 зильбергрошей, потомъ пошелъ домой, гдѣ ночный сторожъ отперъ ему дверь. Послѣдній получилъ за трудъ одинъ зильбергрошъ. Оба удивились, что Тепперъ былъ безъ шапки. Первому онъ показалъ знаками, что спалъ въ погребѣ, изъ котораго вышелъ, а второму представился пьянымъ. Ни тотъ, ни другой ничего не заподозрѣли.

На слѣдующее утро, въ поведеніи обвиняемаго не было замѣчено ничего особеннаго. Хозяинъ Людеке разбудилъ его 16-го утромъ и потомъ Тепперъ работалъ, какъ обыкновенно, на бойнѣ. Также и сестра не замѣтила въ немъ ничего особеннаго, ни въ поведеніи, ни въ поступкахъ. Относительно царапины подъ глазомъ, онъ объяснилъ, что ударился объ дверь, тоже самое показалъ и служанкѣ Людеке и товарищу Нейману.

При первомъ допросѣ, 17 декабря, Тепперъ сдѣлалъ рукой движеніе по горлу, ясно означавшее нанесеніе раны и при этомъ качалъ головой, какъ будто бы увѣрялъ въ своей невинности.

Тепперъ сдѣлалъ этотъ знакъ прежде, чѣмъ ему была сдѣлана такая или подобная пантомина. Также и директора Реймера онъ увѣрялъ въ своей невинности и выразилъ удивленіе въ томъ, что его арестовали безъ всякаго повода. Конфронтація съ трупомъ не произвела на него никакого замѣтнаго впечатлѣнія. Онъ наклонился надъ Краузе, которая лежала на столѣ, разсмотрѣлъ рану и пожимая плечами, далъ понять, что онъ ее никогда не видалъ и ничего не знаетъ о случившемся.

При этомъ онъ не казался смущеннымъ, но отъ внимательнаго наблюдателя не могло ускользнуть, что онъ все-таки былъ не совсѣмъ откровененъ. Не то чтобы взглядъ его выражалъ тупое равнодушіе, какое наблюдается иногда у убійцъ въ присутствіи ихъ жертвъ, но въ немъ было что-то дѣтски лукавое въ то время какъ онъ ходилъ около стола и безпрестанно пожималъ плечами, изъ чего видно было, что онъ лжетъ.

Лишь только увели его отъ трупа, какъ онъ сознался передъ Реймеромъ въ преступленіи и повторилъ свое сознаніе въ судебномъ засѣданіи 20 декабря. Нѣкоторыя подробности поступка остались необъясненными, напр., была ли при этомъ Кильманъ и когда она появилась, совершилъ ли Тепперъ совокупленіе, въ какое время Краузе изцарапала его, зачѣмъ у Теппера былъ при себѣ ножъ, зналъ ли онъ прежде Краузе и давно ли и т. п. Переводчику не удалось на столько объясниться съ обвиняемымъ, чтобы уяснить эти пункты.

Въ слѣдующихъ засѣданіяхъ Тепперъ пытался взять свое признаніе обратно и измѣнить его.

Такъ, именно въ засѣданіи 31 генваря, онъ старался дать понять, что только немного поранилъ Краузе. Вѣдь еслибы она получила большую рану, то не могла бы еще бѣгать по комнатѣ. Онъ все возвращался къ этому, уклоняясь отъ предмета, о которомъ Реймеръ хотѣлъ съ нимъ объясниться. Онъ выражалъ также, что главная рана была нанесена другой женщиной. Когда ему объяснили, что была нанесена только одна рана, онъ старался показать, что сдѣланная имъ рана была очень незначительна. Онъ старался также дать понять, что если у Краузе не нашлись четыре

талера, которые она взяла у него, то это доказываетъ, что Кильманъ унесла ихъ. Когда ему объяснили, что если Кильманъ нанесла смертельную рану, то она можетъ за это поплатиться головой, это казалось произвело на него сильное впечатлѣніе и онъ взялъ свое обвиненіе назадъ. Когда ему дали понять, что за убійство человѣка наказываютъ смертью, что и ему предстоитъ опасность быть подобнымъ образомъ наказаннымъ, это его чрезвычайно поразило, онъ заплакалъ; но скоро, когда отвлекли его вниманіе отъ этого предмета, успокоился и развеселился.

Нужно упомянуть, что Тепперъ не одинъ разъ показывалъ знаками тюремному сторожу, что пусть бы его побили, только выпустили бы на свободу.

Такіе же знаки онъ дѣлалъ и въ засѣданіи 15 января, которые сначала переводчикъ не понялъ и объяснялъ, что Тепперъ былъ побитъ. Но потомъ онъ понялъ что Тепперъ хотѣлъ, чтобы его поколотили и желалъ, чтобы его послали къ отцу, чтобы тотъ наказалъ его. Въ этомъ засѣданіи открылось, что Тепперъ имѣлъ понятіе о томъ, что за различныя преступленія различнымъ образомъ наказываютъ, и съ нѣкоторымъ самодовольствомъ объяснилъ, что за убійство человѣка — смерть, точно также и за поджогъ; за воровство—тюрьма; если же будешь испражняться на улицѣ, то будешь взятъ въ полицію и заплатишь штрафъ; онъ совсѣмъ не зналъ ни Отче нашъ, ни заповѣдей, но могъ написать отче нашъ, если напишутъ ему начало.

Важно еще слѣдующее, не находящееся въ дѣлѣ:

Въ словахъ, какія онъ выучился писать, есть еще слово „свинья“. Я написалъ ему подъ этимъ „мужъ“ и „жена“. Оба слова были ему непонятны. Тогда ему нарисовали свинью, человѣка и женщину и онъ радостными жестами выразилъ, что понялъ рисунки. Теперь сдѣлали жестъ убіенія показывая на свинью, на что онъ кивнулъ головой. На жестъ убійства, обращенный къ мужчинѣ и женщинѣ, онъ покачалъ головой и сдѣлалъ жестъ ужаса, поворотилъ лице и руку кверху, выразивъ по своему „Богъ“. При своихъ объясненіяхъ онъ часто ссылается на Бога; слово это онъ можетъ писать и ссылается на него въ удостовѣреніе правды.

Нѣтъ надобности въ дальнѣйшихъ разъясненіяхъ для того, чтобы принять Теппера за человѣка одинаковаго съ прирожденными глухонѣмыми, такъ какъ онъ потерялъ языкъ и слухъ во время ранняго дѣтства, въ $2^1/_2$ лѣтнемъ возрастѣ, и нельзя полагать, чтобы въ его памяти остались какія-нибудь впечатлѣнія изъ этого ранняго времени его жизни, слѣдовательно какія бы то ни были впечатлѣнія, воспринятыя слухомъ.

И такъ, два важнѣйшіе пути, черезъ которые пріобрѣтаются человѣческія знанія и передается результатъ нравственнаго человѣческаго образованія, издавна были скрыты для изслѣдуемаго.

Далѣе, онъ никогда не пользовался ученіемъ, ибо никогда не былъ въ заведеніи для глухонѣмыхъ. Ученіе, которымъ онъ будто бы пользовался въ деревенской школѣ, можно счесть за пуль, потому что черезъ него онъ не пріобрѣлъ даже самыхъ необходимыхъ свѣдѣній, не выучился читать и писать, такъ что оно не дало ему средствъ къ дальнѣйшему развитію.

Отдѣленный отъ окружающаго двойнымъ барьеромъ, онъ долженъ былъ ограничиться наблюденіями, которыя въ состояніи былъ дѣлать посредствомъ зрѣнія, и тѣми немногими сообщеніями и наставленіями, которыя могли ему сообщить окружающіе посредствомъ знаковъ. Въ остальномъ, человѣческое общество и природа были для него нѣмымъ зрѣлищемъ, безъ объясненія.

Онъ никогда не выражалъ и не былъ въ состояніи ничего понять внѣ сферы конкретныхъ предметовъ, воспринимаемыхъ непосредственнымъ чувственнымъ впечатлѣніемъ, и вмѣстѣ съ недостаткомъ языка и съ невозможностью понять сказанное или написанное слово, у него были отняты всѣ абстрактныя понятія.

Поэтому Тепперъ не можетъ думать словами, но только картинами, и для насъ, обладающихъ словомъ, трудно, даже невозможно, понять психологическіе процессы человѣка, лишеннаго слова, который никогда не пользовался имъ. Это обстоятельство въ высшей степени усложняетъ и безъ того трудную задачу — представить матеріалы для обсужденія способности обвиняемаго ко вмѣненію.

Если законъ и авторы въ отношеніи гражданскаго права ста-

вятъ глухонѣмого на одну доску съ слабоумнымъ и Итаръ, знаменитый директоръ парижскаго института глухонѣмыхъ, нашелъ, что изъ числа глухонѣмыхъ, болѣе чѣмъ сороковая часть идіоты, то прежде всего является вопросъ—не идіотъ ли Тепперъ.

Судя по предыдущему, на этотъ вопросъ должно отвѣчать рѣшительнымъ отрицаніемъ.

Напротивъ, видно, что онъ хорошо одаренъ отъ природы. Не смотря на его недостаточное образованіе, онъ научился объясняться съ окружающими, пасъ овецъ, ухаживалъ за лошадьми, ѣздилъ, былъ ловокъ и понятливъ въ своемъ теперешнемъ ремеслѣ и жилъ до сихъ поръ въ Берлинѣ, не приходя ни съ кѣмъ въ столкновеніе, и во все продолженіе слѣдствія объ немъ, обнаруживалъ качества человѣка, обладающаго способностью быстраго пониманія, выразилъ желаніе учиться у учителя глухонѣмыхъ и былъ въ состояніи дѣлать совершенно разумные и логическіе выводы.

Слѣдовательно, онъ обладаетъ достаточно хорошими душевными способностями. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя не признать, что они неразвиты и остались на низкой степени, потому что онъ лишенъ живыхъ умственныхъ сношеній съ міромъ, которыми пользуется всякій человѣкъ, обладающій слухомъ и языкомъ, или, по крайней мѣрѣ, въ высшей степени ограниченъ въ этихъ сношеніяхъ.

Если въ быстро перемѣняющихся настроеніяхъ, въ скорой, почти непосредственно за печалью слѣдующей безпечности и веселости, въ поразительномъ отсутствіи всякаго признака раскаянія въ поступкѣ, при добродушномъ, миролюбивомъ нравѣ, въ недостаткѣ чувства стыдливости, когда онъ принужденъ былъ изобразить подробности совокупленія,—если во всемъ этомъ обнаруживается незрѣлость въ душевномъ отношеніи, то и въ умственномъ отношеніи онъ оказывается стоящимъ также на точкѣ зрѣнія мальчика, а не двадцати лѣтняго человѣка.

Для характеристики его недостаточнаго умственнаго развитія, важно не то, что онъ лжетъ, но какъ онъ лжетъ. Почти все, что онъ приводитъ въ свое оправданіе, состоитъ изъ простодушныхъ уловокъ, которыя предполагаютъ у другихъ такую же степень лег-

ковѣрія, которая именно отличаетъ глухонѣмыхъ отъ другихъ людей. Онъ выражаетъ желаніе, чтобы его приколотили, и чтобы отецъ наказалъ его; онъ, отдавшій отцу десять талеровъ изъ своего жалованья, состоящаго изъ 15 талеровъ, заплатившій своей сестрѣ давно забытый долгъ въ одинъ талеръ, пытался, между тѣмъ, сознавшись въ нанесеніи раны, свалить убійство на Кильманъ, но тотчасъ же взялъ свое обвиненіе назадъ, какъ только узналъ, что она въ такомъ случаѣ можетъ лишиться головы.

Ту же незрѣлость и тотъ же недостатокъ находимъ мы у него и въ отношеніи нравственности.

Онъ не знаетъ предписаній религіи, того нравственнаго закона, который постепенно усвоиваетъ себѣ каждый мальчикъ посредствомъ воспитанія и изученія религіи. Въ немъ осталось только то, что было порождено подражательной способностью, самонаблюденіемъ и недостаточнымъ сообщеніемъ съ другими. Поэтому, не смотря на его 19 лѣтъ, возбуждается вопросъ, обладаетъ ли онъ способностью различенія, и если обладаетъ, то въ какой степени.

Я говорю не о той способности различенія, съ помощью которой онъ былъ бы способенъ усмотрѣть послѣдовательность преступленій и проступковъ, въ отношеніи къ обществу и закону,—этой у него, безспорно, не было,—но о способности отдѣлить и отличить непозволенное и несправедливое отъ позволеннаго и справедливаго.

У него нѣтъ и не можетъ быть понятія о добрѣ и злѣ. Изъ его показаній видно, что у него существуетъ только общее представленіе о томъ, что есть позволенное и непозволенное, болѣе строгія и болѣе легкія наказанія; при помощи наблюденій и сношеній съ окружающими, онъ пріобрѣлъ также нѣкоторое понятіе о послѣдовательности преступленій, по важности ихъ, равно какъ и о послѣдовательности наказаній, которыя они ведутъ за собой.

Но ни одно изъ его показаній не говоритъ за то, чтобы онъ имѣлъ внутреннее пониманіе несправедливости, недозволенности и зла какого-нибудь поступка, чтобы онъ чувствовалъ это. У него есть только внѣшнее пониманіе этого, на подобіе пониманія ребенка, который различаетъ позволенное отъ непозволеннаго прямо по опыт у

испытавши сначала, что тотъ или другой поступокъ запрещенъ и что за него наказываютъ.

Тепперъ, совершенно также какъ и ребенокъ, обладаетъ знаніемъ справедливаго и несправедливаго, позволеннаго и непозволеннаго, но не пониманіемъ, и у него нѣтъ никакого яснаго и сознательнаго разумѣнія этого.

Иначе невозможно объяснить себѣ того обстоятельства, что онъ спокойно уснулъ послѣ преступленія, такъ что на утро его нужно было будить, и пошелъ на работу, какъ будто ничего особеннаго не случилось, потому что Тепперъ не закоренѣлый и холодный злодѣй, въ чемъ свидѣтельствуетъ вся его прежняя жизнь.

Но все-таки онъ сознавалъ, что поступилъ не хорошо, и даже тотчасъ послѣ поступка. Онъ прячется, пытается убѣжать, дастъ большую сумму для своего кармана въ двѣнадцать зильбергрошей тому, кто отворилъ ему дверь, оправдывается и лжетъ искусно или неискусно, до той минуты, когда опытный учитель глухонѣмыхъ выступаетъ противъ него и вызываетъ его на признаніе, приведя доказательства противъ него.

Но слѣдуетъ прибавить, что чувство совершенія дурнаго дѣла не указываетъ еще на то, чтобы онъ имѣлъ разумѣніе о величинѣ и важности совершеннаго имъ поступка и что мальчикъ отъ 10 до 15 лѣтъ, вѣроятно, также бы поступилъ.

Тотъ же самый недостатокъ душевной силы и побудилъ Теппера на такой поступокъ, а не страстность характера.

Подобной страстности не наблюдалость у него ни окружающими, ни въ засѣданіяхъ, и если всегда ссылаются на то, что глухонѣмые обыкновенно всегда бываютъ вспыльчивы и страстны, то этому противорѣчитъ наблюденіе, которое отрицаетъ подобное истолкованіе быстроты ихъ жестикуляціи и поспѣшности въ ихъ языкѣ жестовъ. Глухонѣмые рѣдко совершаютъ важныя преступленія, и это есть лучшее доказательство того, что они не обладаютъ чрезмѣрной страстностью.

Напротивъ, Тепперъ могъ знать, что рана, какую онъ сдѣлалъ,

весьма опасна и смертельна, такъ какъ онъ занимается убоемъ скота и привыкъ работать ножемъ.

Послѣ вышеприведеннаго, я мнѣніемъ полагаю:

что обвиняемый глухонѣмой Тепперъ, въ умственномъ и нравственномъ отношеніи развитъ несообразно своему возрасту, что онъ въ умственномъ отношеніи стоитъ на точкѣ зрѣнія 10—14-ти-лѣтняго мальчика;

что онъ обладаетъ способностью различенія только этого возраста, что онъ только въ этомъ смыслѣ и способенъ ко вмѣненію, и что вслѣдствіе доказаннаго недостатка въ душевныхъ силахъ, способность его ко вмѣненію относительно совершеннаго имъ поступка въ высшей степени уменьшена.

II.

Судебно-медицинскія мнѣнія, представленныя гражданскому суду.

Судопроизводство о слабоуміи было въ послѣднее время предметомъ многихъ споровъ и, между прочимъ, въ работѣ Зандера *) находится полная и обстоятельная критика какъ самаго судопроизводства, такъ и новѣйшихъ предложеній для исправленія его. Всѣми признано, что многіе случаи не подходятъ подъ законный критеріумъ недостатка способности обдумывать послѣдствія своихъ поступковъ. Въ поданныхъ мною мнѣніяхъ, законное опредѣленіе „обдумывать послѣдствія своихъ поступковъ," я обыкновенно приводилъ въ болѣе тѣсныя границы, упоминая, что изслѣдуемый, въ силу душевной болѣзни resp., умственнаго недостатка, неспособенъ „надлежащимъ образомъ заботиться о своихъ дѣлахъ" и „въ этомъ отношеніи" или „въ этомъ смыслѣ", долженъ быть почитаемъ неспособнымъ обдумывать послѣдствія своихъ поступковъ **). Я основывался здѣсь на томъ, что это отвѣчаетъ самому смыслу судейскаго вопроса, такъ какъ законъ гласитъ: тѣ, которые по несовершеннолѣтію или по недостатку умственныхъ способностей не въ со-

*) Sander: Ueber die staatische Beaufsichtigung der preuss. Irrenanstalten, v. Horn. Vierteljahrsschr. f. gericht-Med. N. F. III. 2.

**) Я тѣмъ болѣе сталъ придерживаться этого толкованія что при одномъ изъ подобныхъ случаевъ, судья предложилъ мнѣ такой вопросъ: «находится ли изслѣдуемый въ такомъ умственномъ и душевномъ состояніи, что у него должно быть отнято право свободно располагать своей личностью, поступками и имуществомъ и чтобы надъ нимъ слѣдовало учредить опеку.»

стояніи надлежащимъ образомъ заботиться о своихъ дѣлахъ, подлежатъ особенному надзору и попеченію государства."

Во многихъ случаяхъ обсужденіе умственнаго состоянія было чрезвычайно затруднительно и ошибки были неизбѣжны даже при самомъ старательномъ изслѣдованіи и наблюденіи. Наблюденіе всегда бываетъ относительно очень кратковременно, изслѣдуемые подъ надзоромъ врача не остаются, показанія окружающихъ могутъ быть принимаемы только съ крайней осторожностью, такъ какъ они бываютъ обыкновенно заинтересованы въ исходѣ дѣла.

СЛУЧАЙ СОРОКЪ ДЕВЯТЫЙ.

Сомнительная способность къ распоряженію.—Слабость умственныхъ способностей.—Продолженіе опеки.

Нѣкто Арнольдъ былъ объявленъ въ 1855 году слабоумнымъ, въ смыслѣ закона. Изслѣдовавшіе его тогда эксперты заявили, что онъ, имѣя отъ рожденія слабый умъ, одержимъ неотразимыми идеями, состоящими въ томъ, что онъ оставленъ въ пренебреженіи противъ своихъ братьевъ и сестеръ, дѣтей одного умершаго князя, потому что не возведенъ, какъ они, въ дворянское достоинство, и что ему слѣдуетъ управлять государственными имуществами. Къ этому у него присоединились представленія съ характеромъ недовѣрчивости, что его оскорбили и обманули, что его сдѣлали несчастнымъ, вслѣдствіе чего онъ сталъ возбужденъ, началъ сумазбродствовать и наконецъ былъ отданъ для леченіи въ заведеніе для умалишенныхъ. Онъ оставался здѣсь недолго, вышелъ оттуда невылечившись, и достигши возраста совершеннолѣтія, былъ неспособенъ „заботиться о своихъ дѣлахъ," какъ доказываютъ мнѣнія тогдашнихъ спеціалистовъ и какъ видно изъ его отвѣтовъ и поведенія.

Въ 1858 году, покойный Касперъ вторично подалъ мнѣніе о его душевномъ состояніи. Арнольдъ представилъ многія свидѣтельства въ свою пользу, между прочимъ медицинское свидѣтельство окружнаго врача Б., между тѣмъ опекунъ его, Людике, въ то же самое время сообщилъ, что переписка его осталась такой же зау-

танной, какъ и до тѣхъ поръ, и распоряженіе его своими дѣлами и деньгами было также необдуманно какъ и прежде.

Касперъ, въ поданномъ имъ мнѣніи, высказалъ, что Арнольдъ страдаетъ не душевной болѣзнью собственно, но умственной слабостью, что у него нѣтъ такой степени силы и ясности ума́, какая требуется отъ всякаго, умѣренно одареннаго человѣка, для того, чтобы быть въ состояніи управлять своими дѣлами и что, поэтому, его долги, займы и расточительность не могутъ быть объяснены обыкновеннымъ юношескимъ легкомысліемъ. Касперъ нашелъ, что его слѣдуетъ считать, въ смыслѣ закона, слабоумнымъ, почему Арнольдъ и былъ оставленъ подъ опекой.

Послѣ этого Арнольдъ, какъ видно изъ находящагося при дѣлѣ брачнаго свидѣтельства, былъ обвѣнчанъ съ Валеской Мюллеръ, дочерью помѣщика Мюллера; въ свидѣтельствѣ онъ названъ удовлетвояющимъ требованіямъ закона, хотя изъ находящихся при дѣлѣ запутанныхъ писемъ его и видно, что въ душевномъ состояніи его не произошло никакой существенной перемѣны.

Арнольдъ не жилъ вмѣстѣ съ своей женой, которая оставалась у своего отца, и черезъ 18 мѣсяцевъ послѣ свадьбы, когда у него родился уже второй ребенокъ, безъ вѣдома жены, матери и своего попечителя, предпринялъ путешествіе въ Африку, бросивъ жену и ребенка на произволъ судьбы.

Какое понятіе имѣлъ изслѣдуемый объ обязанностяхъ брака, видно лучше всего изъ трехъ находящихся при дѣлѣ, въ высшей степени запутанныхъ просьбъ Арнольда, относящихся къ новѣйшему времени.

Онъ пишетъ:

„Прежде я допустилъ уговорить себя къ соглашенію на актъ, который я могу признать только въ такомъ случаѣ, если имъ не налагаются на меня никакія обязанности—чтобы передать мое имя дочери помѣщика Мюллера. Ни въ какомъ случаѣ не могутъ уменьшить моихъ доходовъ, если только не хотятъ съ намѣреніемъ причинить мнѣ непріятности. Моя мать объявила мнѣ, что она съ этимъ не согласна—ее и не спрашивали—нуждаюсь ли я въ деньгахъ или

нѣтъ! Я полагаю, г. директоръ, что не можетъ быть и вопроса— что для того, чтобы жить въ южной странѣ — въ странѣ, посѣщаемой иностранцами, необходимы всевозможные чрезвычайные расходы; напримѣръ, мнѣ, для ежедневнаго содержанія нужно вдвое болѣе, чѣмъ въ Германіи, — не считая врачебныхъ и чрезвычайныхъ. И такъ, натурально, требуется прибавка, а не удерживаніе того дохода, съ которымъ я отправился въ путешествіе! Я въ то время просто „по желанію отца“ допустилъ совершить этотъ актъ— чтобы дать мое имя Валеріи А., урожд. Мюллеръ. Я не соглашался ни подъ какимъ видомъ на какія бы то ни было другія обязательства и проч.“

Въ другой жалобѣ, къ президенту Гольцапфелю на своего опекуна, онъ говоритъ въ отношеніи брака:

„Нижеподписавшійся видитъ, что имѣніемъ его 12 лѣтъ управляетъ опекунъ—и мнѣ запрещено распоряжаться, какъ моимъ капиталомъ, такъ и процентами, т. е.—у меня—произвольно—„удерживаются проценты, платятся другимъ“ и напр. моими процентами распорядились платить содержаніе одной дамѣ, съ которой я „по усиленному требованію ея семейства“ формальнымъ образомъ безъ согласія опекунскаго суда или другой какой особы — обвѣнчался—чтобы доставить ребенку законное рожденіе и мое имя, что мнѣ удалось,—за этимъ дѣло не стало—и я добровольно далъ— что слѣдовало для содержанія и воспитанія ребенка тогдашней дѣвицы Мюллеръ! Теперь я удаленъ отъ всякаго супружескаго сожитія, такъ какъ предпринялъ путешествіе въ сѣверную и среднюю Африку—чтобы воздержаться отъ дальнѣйшей общей жизни. Какъ изволите видѣть изъ моихъ актовъ, законный мой тесть умеръ—и мой г. опекунъ позволилъ себѣ — какъ мнѣ кажется по желанію родственниковъ—не оспаривать этого брака и проч.

Но эти письма важны еще и въ другомъ отношеніи для обсужденія душевнаго состоянія Арнольда. Кромѣ безпрестанныхъ жалобъ и чванства своей самостоятельностью, въ нихъ видно совершенно безпричинное недовѣріе къ его опекуну и другимъ лицамъ, также совершенно ложное пониманіе своихъ обстоятельствъ и кромѣ

того, наклонность, такъ часто встрѣчающаяся у слабоумныхъ, всѣ тяжелыя и непріятныя послѣдствія своихъ поступковъ, которыя могъ бы предусмотрѣть всякій разсудительный человѣкъ, приписывать винѣ третьяго лица и объяснять ихъ происками и интригами.

Вотъ еще одно мѣсто изъ его жалобы:

„Что касается моихъ дѣлъ съ семействомъ Мюллеръ, то я прошу, такъ какъ я поступалъ не зная относящихся до этого законовъ, и теперь еще нахожусь въ полномъ невѣдѣніи ихъ“ и пр.

Въ высшей степени доказательно въ этомъ отношеніи слѣдующее письмо отъ 20 декабря 1864 года, которое, поэтому, я привожу буквально:

„Господинъ президентъ. Для меня очень пріятно воспользоваться случаемъ, чтобы съ краю (смежнаго съ Tell'емъ) Сахары пожелать Вашему Высокоблагородію счастія для новаго года, и притомъ желанія — „чтобы надзоръ моего опекуна былъ для меня не надзоромъ учителя надъ ученикомъ, — но совѣтника надъ несчастнымъ человѣкомъ.

„Мой опекунъ, которому единственно я могъ предоставить мои дѣла, и довѣрилъ ихъ—уже два года не удостоивалъ меня отвѣтомъ; и мои деньги и мои дѣла потеряны для меня! Я избѣгаю всѣхъ“—только одного я прошу—„чтобы мое положеніе, которое въ нравственномъ отношеніи ужасно (я прошу г. директора понять меня)—ибо мои семейныя отношенія разрушены и надежды жизни и желанія разбиты—безъ этого человѣкъ не можетъ жить; и будь я свободенъ и мои незначительныя средства—я могъ бы устроить здѣсь себѣ существованіе!

„— Приведеніе въ порядокъ моихъ дѣлъ и мои требованія и под. которые въ 10—15 письмахъ—Людике лично показалъ—три года тому назадъ—(я неумѣю найти другихъ выраженій для такихъ происковъ—только безъ слога—и совсѣмъ не думая о дѣлахъ) оставили.—Мои *единственные* рождественскіе праздники—нынѣ 22 декабря—спокойствіе которое мнѣ оставили—чтобы писать письма“—которые у васъ также милостивый государь конечно—будутъ безъ успѣха)—Г. Людике, который однакожъ съ рвеніемъ

защищалъ дѣла, возбужденныя моими противниками—отчего не можетъ, онъ которому я—былъ порученъ на попеченіе (прежде чѣмъ А..... П.... и В.... и т. под. люди) оставить меня защищаться,—только чтобы дать свою подпись одному изъ своихъ товарищей??"—Я мои

1. Деньги потерялъ въ Требницѣ, ружья, охотничій приборъ
2. и подоб. въ имѣніи Шеффера—(въ Мюнхенбергѣ)
3. Штетинъ требовалъ обратно (напрасно)
4. Бромбергъ; имѣю теперь—намѣреніе при всякихъ обстоятельствахъ—окончаніе дальнѣйшей контрибуціи.—Къ сожалѣнію, я вижу теперь, что господина Людике безусловно склонилъ господ. адвокатъ держать партію людей, которые имѣютъ въ виду только то, какъ бы прибрать мои деньги.

Я замѣчаю теперь ясно,—что я уже такъ стѣсненъ въ моихъ обстоятельствахъ, что денегъ мнѣ съ трудомъ теперь достаетъ,—и я ни при какихъ обстоятельствахъ—не соглашусь на требованія сдѣланныя противъ меня семействомъ Мюллеръ,—поэтому тотчасъ предлагаю „предоставить мнѣ мои проценты"—такъ какъ это незаконность и нарушеніе моихъ правъ, высокопочитаемый г. директоръ"—удерживать у меня мои проценты,—такъ какъ мои расходы *за границей, по состоянію моего здоровья* побуждаютъ къ значительно большимъ издержкамъ. Я надѣюсь, что г. директоръ снисходительно приметъ къ свѣдѣнію это ограниченіе, которое мнѣ причинено и въ этой надеждѣ и проч."

Не менѣе важна форма этихъ писемъ. Я подразумѣваю не только небрежность, даже безпорядочность многихъ такихъ записокъ изслѣдуемаго, но и способъ выраженія, обнаруживающій спутанность его мыслей. Не смотря на рачительное воспитаніе, онъ не въ состояніи поддержать правильнаго хода мыслей и передать ихъ на бумагѣ. Не доканчивая начатой мысли или фразы, онъ начинаетъ другія и не доводитъ до конца ни одной, прерывая себя скобками, подчеркиваніями, различными знаками. Именно то же несовершенство въ способѣ письма, ту же неловкость въ выраженіяхъ и мысляхъ, ту же манеру втискивать другъ въ друга нѣсколько мы-

слей, съ помощью скобокъ и различныхъ значковъ, я часто наблюдалъ въ письмахъ тупоумныхъ людей.

Если уже однихъ изложенныхъ здѣсь фактовъ, заимствованныхъ изъ дѣла, можетъ быть достаточно для доказательства того, что Арнольдъ лишенъ способности обдумывать (законныя) послѣдствія своихъ поступковъ, и если напр. заключеніе брака и предпринятіе путешествія въ Африку, при обстоятельствахъ, имъ самимъ приведенныхъ, носятъ на себѣ печать высшей степени безразсудности, то это заключеніе о душевномъ состояніи Арнольда еще болѣе подкрѣпится фактами, добытыми при изслѣдованіи его.

Изслѣдуемый 36 лѣтъ, съ блѣднымъ цвѣтомъ лица, видъ имѣетъ слабый, держитъ себя неловко и застѣнчиво. Ведетъ себя скромно, но, по словамъ жены и матери, легко приходитъ въ гнѣвъ отъ незначительныхъ поводовъ. Говоритъ плавно и толково, отвѣчаетъ быстро, но нельзя не замѣтить, что если предоставить ему говорить долгое время, то онъ съ одной стороны уклоняется отъ предложеннаго вопроса, съ другой, не оканчивая предложеній, вдругъ перескакиваетъ на другой предметъ, такъ что часто нельзя понять его разсказовъ или объясненій.

Еще прежде чѣмъ я получилъ предписаніе суда о его изслѣдованіи, онъ однажды утромъ пришелъ ко мнѣ и передалъ свое желаніе освободиться отъ опекунства и сейчасъ же, при самомъ началѣ разговора, сообщилъ мнѣ, что онъ сынъ князя А., что онъ тайно женился и потихоньку уѣхалъ въ Африку. Уже въ этомъ разговорѣ, продолжавшемся нѣсколько минутъ, я получилъ впечатлѣніе, что имѣю дѣло съ тупоумнымъ человѣкомъ. Это впечатлѣніе еще болѣе укрѣпилось у меня при дальнѣйшемъ знакомствѣ съ Арнольдомъ и при изслѣдованіи его.

Здѣсь предлежитъ не душевная болѣзнь собственно, которая была бы соединена съ безумными представленіями, или обнаруживалась поступками, зависящими отъ таковыхъ, но тупоуміе, врожденное или оставшееся послѣ предшествовавшей душевной болѣзни. У изслѣдуемаго, очевидно, недостаетъ яснаго взгляда на свои отношенія, нѣтъ способности устроить ихъ. Онъ тяготится опекой и

домогается самостоятельности, онъ, какъ ребенокъ, просилъ меня, чтобы я рѣшилъ дѣло въ его пользу, жалуясь на управленіе своего опекуна; но слова его и поступки не показываютъ, чтобы онъ могъ позаботиться о своей семьѣ, какъ слѣдуетъ мужчинѣ и отцу семейства. Вся душа ея наполнена тѣмъ, чтобы „при теперешнихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ“ накупить себѣ земли или взять на откупъ государственныя имѣнія, которыя, какъ онъ воображаетъ, король сейчасъ же ему предоставитъ, лишь только онъ освободится отъ опеки. Но и этотъ планъ у него не твердъ, ибо онъ не сомнѣвается также, что король сдѣлаетъ его консуломъ, къ чему онъ серьезно считаетъ себя способнымъ. На выраженное мною сомнѣніе въ этомъ, онъ возразилъ, что для подобной должности многаго не требуется, нужно только нѣкоторое знаніе языковъ и потомъ слѣдуетъ ознакомиться съ торговымъ законодательствомъ, что для него совсѣмъ не трудно. Вездѣ у него проглядываетъ довольство самимъ собой, онъ постоянно приводитъ преимущества своего высокаго рожденія; мнимое или дѣйствительное пренебреженіе, какое онъ испытывалъ сравнительно съ Р., В., А. и „тому подобными людьми,“ кажется, положило основаніе его душевной болѣзни, хотя теперь онъ понимаетъ эти отношенія лучше чѣмъ прежде.

До сихъ поръ, въ своемъ нынѣшнемъ положеніи, т. е. находясь подъ опекой, онъ не съумѣлъ предпринять никакого правильнаго дѣла, напр. не могъ привести въ порядокъ и продать привезенныхъ изъ Африки коллекцій, которыя лежатъ запакованныя въ ящикахъ, и которыя онъ могъ бы, какъ говоритъ, въ такомъ только случаѣ распаковать, „если бы купилъ домъ съ сараемъ и не жилъ бы такъ тѣсно, какъ теперь“; онъ не можетъ приняться за близкое, конкретное, а задается разными широкими планами. У него теперь не африканскія коллекціи на умѣ, а владѣніе въ Берлинѣ или въ новоприсоединенныхъ областяхъ, „такъ какъ въ Шлезвигѣ люди принуждены все продавать за безцѣнокъ,“ или откупъ государственныхъ имуществъ, или должность консула и т. п. Потому что черезъ сельское хозяйство онъ сдѣлался дѣловымъ человѣкомъ, и если онъ теперь, въ лучшемъ зрѣломъ возрастѣ, ни-

чего не пріобрѣтетъ, то самое лучшее время его жизни пропадетъ даромъ. Двѣнадцать лѣтъ его проводили, ему обѣщали, что онъ будетъ освобожденъ отъ опекунства; со слезами на глазахъ и съ жаромъ онъ высказалъ, что если я буду противъ него, то это доведетъ его до крайности. Его не могутъ принудить жить съ женщиной, съ которой онъ несчастливъ, пусть лучше посадятъ его въ сумасшедшій домъ; такъ жить онъ больше не можетъ и не хочетъ. Родные его также согласны въ томъ, что онъ самъ можетъ управлять своимъ состояніемъ, и при незначительномъ намекѣ съ моей стороны, что его родная мать не совсѣмъ того мнѣнія, онъ очень вспылилъ, утверждая, что она, также какъ и жена интригуютъ противъ него, что другіе разсчитываютъ на то, чтобы послѣ его смерти получить имѣніе (тогда какъ у него жена и сынъ!), и что опекунъ его, Людике, имѣетъ интересъ въ расходахъ на управленіе и поэтому противъ его освобожденія.

Также неясно высказывался онъ и о мотивахъ къ своимъ прежнимъ поступкамъ, которые имѣли рѣшительное значеніе для всей его жизни. Онъ разсказалъ мнѣ, въ присутствіи своей жены, что женился на ней только для формы, чтобы дать ей свое имя, что онъ съ ней несчастливъ, потому что она прежде чѣмъ пріѣхать въ Берлинъ (гдѣ онъ теперь три или четыре мѣсяца живетъ съ ней вмѣстѣ), отдала свой капиталъ на десять лѣтъ, по убѣжденію своего зятя, подъ совершенно ненадежный залогъ (жена увѣряла меня въ полной надежности залога). -

На вопросъ о мотивахъ къ путешествію въ Африку, онъ показалъ, что хотѣлъ усовершенствоваться въ своей спеціальности, какъ сельскій хозяинъ и что собиралъ коллекціи для обществъ, къ которымъ принадлежалъ и которыя дали ему порученіе (общество акклиматизаціи, общество естественныхъ наукъ, общество сельскаго хозяйства).

Поводомъ къ тайному удаленію и разлукѣ съ своимъ семействомъ послѣ только что заключеннаго брака и рожденія ребенка, по его словамъ, было желаніе предпринять путешествіе и то, что онъ „немного“ поссорился съ своей женой.

Арнольдъ рѣшительно не могъ себѣ представить, чтобы онъ былъ неспособенъ управлять своими дѣлами. Въ своихъ возраженіяхъ онъ упиралъ на то, что управлялъ уже имѣніемъ, что если онъ четыре года путешествовалъ одинъ, то доставилъ этимъ существенное доказательство умѣнья управлять своими дѣлами и, наконецъ, ссылался на свидѣтельства, на порученія, которыя ему давали, и на письма, изъ которыхъ видно, какія онъ велъ знакомства и какія ему давали порученія.

Въ первомъ отношеніи, дѣйствительно у него есть нѣсколько свидѣтельствъ отъ 1857 года, говорящихъ въ его пользу, которыя удостовѣряютъ, что Арнольдъ пріобрѣлъ экономическія познанія и велъ себя въ обществѣ прилично; также въ его пользу говоритъ одно медицинское свидѣтельство этого времени. Вообще я оставляю нерѣшеннымъ вопросъ, будетъ ли сообразно съ цѣлью предоставить Арнольду случай на будущее время заниматься въ этой сферѣ.

Что касается обоихъ другихъ пунктовъ, то они не могли поколебать меня въ мнѣніи, образовавшемся у меня до тѣхъ поръ, ибо представленіе этихъ бумагъ само по себѣ доказываетъ слабость разсудка. Я долженъ объясниться точнѣе. Кромѣ писемъ, первоначально присланныхъ съ дѣломъ, мнѣ передали потомъ изъ суда, по требованію Арнольда, пакетъ частныхъ писемъ его и самъ онъ доставилъ мнѣ подобную же связку бумагъ, въ которыхъ будто бы заключались еще болѣе убѣдительныя доказательства въ его пользу. Но въ бумагахъ этихъ былъ страшный безпорядокъ, тутъ была смѣсь всевозможныхъ замѣтокъ изъ путешествія и, между прочимъ, находились совершенно невскрытыя письма и множество пустыхъ конвертовъ. Потомъ тутъ были совершенно пустыя порученія и корреспонденціи, какія получаетъ всякій путешественникъ. Наконецъ тутъ были письма людей, безъ сомнѣнія извѣстныхъ въ наукѣ, какъ напр. Жофруа Ст. Илера, Мильнъ Эдвардса, профессора Петерса. Но письма эти совсѣмъ не служатъ въ пользу изслѣдуемаго. Петерсъ просто говоритъ, что Арнольдъ вызвался сдѣлать посылки для здѣшнихъ зоологическихъ коллекцій и что поэтому желательно было бы получить покровительство иностранныхъ властей; Мильнъ

Эдварсъ пишетъ изслѣдуемому, que les objets dont cet envoie se compose sont dans un si mauvais état et si denuées d'intérêt pour notre établissement, qu'ils ne valent pas somme payée pour leurs transport de Marseille à Paris, (что предметы, изъ которыхъ состоитъ посылка, въ такомъ дурномъ положеніи и до такой степени лишены интереса для нашего заведенія, что не стоятъ суммы, заплаченной за ихъ транспортъ изъ Марселя въ Парижъ), почему управленіе проситъ его воздержаться отъ посылокъ такого рода. Жоффруа Ст. Илеръ сожалѣетъ. что не получилъ его посылки. Вообще тутъ находится много писемъ, которыми требуются предметы забытые или оставленные, и наконецъ такихъ, изъ которыхъ видно, что получатели не могли отвѣчать на нихъ, потому что онъ не означалъ мѣста гдѣ находится или куда слѣдуетъ адресовать отвѣтъ. Дѣловое письмо изъ Вѣны отъ управляющаго зоологическомъ садомъ начинается даже такими нелестными словами: „Въ отвѣтъ на ваше почтенное письмо, къ сожалѣнію, я долженъ сказать, что не совсѣмъ Васъ понимаю". Въ нѣкоторыхъ изъ писемъ, его называютъ „помѣщикомъ или барономъ ф. Арнольдомъ", и самъ онъ подписался въ одномъ письмѣ, находящимся при актахъ: „Р. ф. Арнольдъ, сынъ его высочества блаженной памяти князя Х. ф. Пр....., помѣщикъ"; въ постскриптумѣ этого письма находится также его подпись, съ орфографической ошибкой въ своемъ собственномъ имени (!) (Р. ф. Арнольдтъ, вмѣсто Арнольдъ).

Этихъ немногихъ словъ о письмахъ достаточно не только для характеристики содержанія ихъ, но и для того, чтобы доказать, что представленіе этихъ писемъ въ доказательство своихъ трудовъ и своей способности къ самостоятельной жизни, само по себѣ уже говоритъ за недостатокъ разсудка.

По всему вышеприведенному мнѣніемъ полагаю:

что хотя Арнольдъ въ обыкновенномъ смыслѣ не страдаетъ душевной болѣзнью, но что онъ человѣкъ тупоумный и именно въ такой степени, что я не могу счесть его способнымъ „заботиться о своихъ дѣлахъ" и что въ этомъ смыслѣ его слѣдуетъ счесть за неспособнаго обдумывать послѣдствія своихъ поступковъ.

СЛУЧАЙ ПЯТИДЕСЯТЫЙ.

Сомнительная способность къ распоряженію. — Тупоуміе — Продолженіе опеки.

Луиза Видеманъ, какъ видно изъ актовъ, подвергалась съ 1861 года нѣсколько разъ умственному разстройству, такъ что нужно было помѣщать ее въ домъ умалишенныхъ; она происходитъ изъ семейства, въ которомъ много разъ случались душевныя болѣзни. По словамъ ея сестры, дядя, братъ и дочь ея были умственно разстроены. Ея болѣзнь обнаружилась подъ видомъ такъ называемаго помѣшательства отъ любви. Она преслѣдовала капитана ф. Шаца объясненіями въ любви, врываясь во всякое время, безъ разбора, въ его квартиру, писала ему и даже воображала себя замужемъ за нимъ и подписалась подъ однимъ протоколомъ Луиза ф. Шацъ. Нельзя было избавиться отъ ея нахальства никакими увѣщаніями, и поэтому приходилось нѣсколько разъ помѣщать ее въ домъ умалишенныхъ. Такъ какъ попытки вылечить ее не имѣли продолжительнаго успѣха, то въ августѣ 1864 года Видеманъ была объявлена, въ смыслѣ закона, слабоумной. Директоръ дома умалишенныхъ Дамеровъ высказался о ней въ ноябрѣ 1864 года, „что она, въ собственномъ смыслѣ слова, лишена способности управлять своими дѣлами и обсуждать послѣдствія своихъ поступковъ, что ея умственная слабость обнаруживается еще тѣмъ, что она повторяетъ одинъ и тотъ же вопросъ, на который отвѣтъ уже сдѣланъ, также тѣмъ, что она не можетъ обсудить своихъ обстоятельствъ, не можетъ судить о причинѣ ея пребыванія здѣсь, но преимущественно тѣмъ, что она, такая приличная, образованная женщина, когда ей дѣлали серьезный выговоръ за поведеніе и образъ дѣйствій относительно капитана ф. Шацъ, оставалась совершенно равнодушной, безъ всякаго признака оскорбленнаго чувства чести, и еще пріятно улыбалась, чѣмъ доказала, до какой степени безумныя идеи господствовали надъ ней. Въ связи съ этимъ стоитъ и то, что она, при прогулкахъ, всѣми

способами старается убѣжать, чтобы возвратиться въ Эрфуртъ. Внѣ этого поведеніе ея очень спокойно, прилично и сдержанно и касательно обыкновенныхъ житейскихъ отношеній даже разумно.“

Декабря 23 ее отпустили, для опыта, изъ дома умалишенныхъ въ Берлинъ, гдѣ жена мѣханика Пости достала ей, вблизи своей квартиры, въ одномъ почтенномъ семействѣ, приличное содержаніе и уходъ.

1-го іюля зять и сестра Видеманъ, г. Пости и жена его просили о предоставленіи г-жѣ Видеманъ полной свободы распоряженія, такъ какъ въ ней не обнаруживалось болѣе признаковъ душевной болѣзни, и такъ какъ они убѣдились, что она вполнѣ выздоровѣла.

Послѣ личнаго наблюденія и по собраннымъ отъ окружающихъ свѣдѣніямъ о Видеманъ, я не могу присоединиться къ этому заявленію и думаю, что просители, послѣ зрѣлаго разсмотрѣнія и убѣжденные новыми происшествіями, въ интересѣ самой Видеманъ, перемѣнятъ свое мнѣніе на противоположное.

Видеманъ 54 лѣтъ, физически здорова, какъ по виду, такъ и по ея словамъ; по объективному изслѣдованію никакихъ значительныхъ аномалій не оказалось. Лице у нея сильно красно. Утверждаетъ, что и душевно также совершенно здорова, но нѣсколько внимательное испытаніе ея умственнаго состоянія показываетъ, что она страдаетъ тупоуміемъ, хотя и не въ сильной степени, какое часто остается послѣ предшествовавшей душевной болѣзни. Она показала, что ей 50 лѣтъ, между тѣмъ говоритъ, что родилась въ 1812 году; не могла сказать, который ей былъ годъ 15 лѣтъ тому назадъ, сколько она проживетъ въ годъ, если издерживаетъ въ мѣсяцъ 17 талеровъ, сколько грошей въ 6 талерахъ и проч. Но и въ другомъ отношеніи разсудокъ ея выказывается ослабленнымъ. Она не сознаетъ, что была въ сумасшедшемъ домѣ, потому что была душевно больна. Хотя она это и повторяетъ, когда ей подсказываютъ, однакожъ не убѣждена, что была помѣшана. Она всячески оправдываетъ свое поведеніе относительно ф. Шаца, отпирается отъ того, что когда-нибудь воображала себя за нимъ за-

мужемъ, и когда я замѣтилъ, что поведеніе ея могло быть развратнымъ, она сказала, что это очень могло быть. Вообще ее не трудно убѣдить въ чемъ бы то ни было. Она чрезвычайно несамостоятельна въ своихъ мнѣніяхъ и словахъ. По показанію ея невѣстки, она рѣшительно ничего не дѣлаетъ, въ противоположность того, чѣмъ она была въ прежніе годы. Она цѣлый день сидитъ одна, въ молчаніи и занятая самой собой; вечеромъ же ее трудно удержать, она старается уйти изъ дома и бродитъ безъ цѣли. Въ послѣднее время она четыре раза приводила къ себѣ домой молоденькихъ 20—25-ти-лѣтнихъ мужчинъ, которые приставали къ ней и слѣдовали за ней; съ однимъ изъ нихъ даже пробыла нѣсколько времени въ своей комнатѣ и приняла приглашеніе на поѣздку въ Шарлотенбургъ. Когда ее укоряли за это, она соглашалась, что это неприлично, но все-таки не была въ этомъ увѣрена, потому что, какъ говоритъ служанка, она много разъ спрашивала ее, развѣ неприлично, что она приглашаетъ господъ. Она подтвердила всѣ эти факты передо мной, утверждая, что не приглашала мужчинъ слѣдовать за собой, а что не умѣла имъ отказать. Нельзя утверждать, чтобы ея поведеніе было кокетливо и рѣзко, какъ это бываетъ у нимфоманическихъ женщинъ, скорѣе оно носитъ признаки тупоумія и несамостоятельности, какъ это видно изъ ея частыхъ и безпричинныхъ улыбокъ. Такъ, она неоднократно и со смѣхомъ разсказывала мнѣ, какъ она попала въ сумасшедшій домъ, потому что ходила въ комнату ф. Шацъ и писала ему письма. У нея нѣтъ никакого слѣда сознанія своего положенія, никакого чувства стыда или оскорбленной чести и сожалѣнія о сумбродствахъ, произведенныхъ ею во время прежней болѣзни.

Этихъ фактовъ достаточно, чтобы мотивировать мое мнѣніе, заключающееся въ томъ:

что Видеманъ страдаетъ слабостью умственныхъ способностей и въ такой именно степени, что еще и теперь не можетъ считаться способной обдумать послѣдствія своихъ поступковъ и что, поэтому, она не можетъ быть освобождена изъ подъ опеки.

СЛУЧАЙ ПЯТЬДЕСЯТЪ ПЕРВЫЙ.

Сомнительная способность къ распоряженію.—Помѣшательство на преслѣдованіи.—Продолженіе опеки.

Нѣкто Мандтъ въ ноябрѣ 1864 года былъ принятъ въ домъ умалишенныхъ въ Грейфсвальдѣ, какъ душевно больной, страдающій галлюцинаціями зрѣнія и слуха, будучи 20 октября 1864 года объявленъ безумнымъ.

Выпущенный изъ заведенія 18 марта 1865 года, когда при постепенномъ исчезаніи ложныхъ представленій, онъ велъ себя чрезвычайно спокойно и разсудительно, Мандтъ нашелъ себѣ пріютъ у своей сестры и ея мужа Матушке, которые недавно вошли съ прошеніемъ о снятіи съ него опеки, опираясь на свидѣтельство доктора Мозлера, директора дома умалишенныхъ, отъ 15 ноября 1865 года, которое подтверждаетъ вышеприведенные факты, частію же на свидѣтельство доктора Ламбрехта, отъ 10 іюня 1866 года, которое заявляетъ, что Мандтъ въ настоящее время „вполнѣ обладаетъ разсудкомъ“ и полагаетъ, что нѣтъ никакой нужды въ продолженіи опеки надъ нимъ.

Вслѣдствіе этого, мнѣ поручено было изслѣдованіе Мандта.

Хотя Мандту назначено было явиться ко мнѣ для этого изслѣдованія, но я напрасно прождалъ его нѣсколько недѣль. Наконецъ, явилась его сестра, Матушке, и сообщила мнѣ, что брата ея невозможно было склонить къ этому; пусть лучше я посѣщу его, такъ чтобы онъ не зналъ, что я пришелъ его изслѣдовать.

Поэтому, я отправился черезъ нѣсколько дней въ квартиру Мандта.

Если уже то обстоятельство, что Мандтъ не хотѣлъ явиться ко мнѣ для изслѣдованія, предпринимаемаго единственно въ его интересѣ, должно было возбудить подозрѣніе въ томъ, что онъ совсѣмъ не „чрезвычайно разсудительный“ и „находящійся въ полномъ обладаніи разсудка,“ то это подозрѣніе перешло въ убѣж-

деніе послѣ посѣщенія его мною, ибо нѣсколькихъ минутъ было достаточно, чтобы признать Мандта за душевно больнаго, одержимаго безумными представленіями и спутаннаго человѣка.

Мандту около сорока лѣтъ, тѣломъ онъ, повидимому, здоровъ, питаніе довольно хорошо. Поведеніе его и нравъ были странны, отвѣты онъ давалъ съ видимымъ недовѣріемъ, онъ танцовалъ взадъ и впередъ по комнатѣ, заложивъ руки въ карманы и судя по тону и способу его отвѣтовъ видно было, что я былъ для него несносенъ; поведеніе его не только не измѣнилось, когда я сообщилъ ему цѣль моего посѣщенія и открылъ, что посланъ для этого отъ суда, но онъ еще больше разгорячился и объявилъ мнѣ, что совершенно не понимаетъ, въ чемъ заключается цѣль моего посѣщенія.

О своемъ имени, званіи и времени своего пребыванія здѣсь, изслѣдуемый показалъ правильно. На вопросъ, почему онъ оставилъ свои занятія, отвѣчалъ что у него есть деньги въ долгахъ, что „они“ дѣлали подлоги, что онъ объявилъ это начальству, что поэтому дѣлу была куча бумагъ и что ужъ всѣ наказаны. Отъ него невозможно было добиться, гдѣ эти люди, равно какъ и о томъ, что это были за подлоги. Когда я старался объяснить ему цѣль моего посѣщенія, онъ утверждалъ что совсѣмъ не былъ подъ опекой. Приходилъ одинъ башмачникъ, который ложно утверждалъ это; также его никогда не лечилъ докторъ Мозлеръ, никогда онъ не былъ въ сумашедшемъ домѣ въ Грейфсвальдѣ, и вовсе не получалъ требованія явиться ко мнѣ. Онъ разгорячился и сдѣлался неприличнымъ, говорилъ, что ни съ кѣмъ не хочетъ имѣть дѣла, кромѣ суда въ Лонтцѣ, которому онъ уже сдѣлалъ всѣ нужныя показанія, такъ что я увидѣлъ себя принужденнымъ прервать разговоръ. Когда, уходя оттуда, я старался объяснить супругамъ Матушке, что они въ полномъ заблужденіи, если думаютъ, что братъ ихъ вылечился, изслѣдуемый вышелъ за мной, снова заговорилъ о подлогахъ, сталъ хвалиться своими показаніями и проч., такъ что они сами должны были успокоивать его. Онъ повторилъ также и Матушке, въ моемъ присутствіи, что никогда не находился подъ опекой и никогда не былъ въ сумашедшемъ домѣ.

Изъ приведенныхъ фактовъ достаточно видно, что связнаго разговора съ Мандтъ вести невозможно, что онъ по прежнему одержимъ безумными представленіями, что онъ очень далекъ отъ того, чтобы правильно смотрѣть на свое положеніе и съ разсудительностію обдумать его, что онъ вовсе не въ полномъ обладаніи разсудкомъ, что онъ и теперь, какъ прежде, неспособенъ обдумать послѣдствія своихъ поступковъ, слѣдовательно, по прежнему, остается, въ смыслѣ закона, слабоумнымъ.

Если это мнѣніе и противорѣчитъ свидѣтельствомъ доктора Мозлера и доктора Ламбрехта, то слѣдуетъ упомянуть, что первое было дано уже годъ тому назадъ, и слѣдовательно теперь не можетъ быть принято во вниманіе, свидѣтельство же послѣдняго лишено всякаго матеріальнаго основанія, и содержитъ только одно мнѣніе, безъ фактовъ, на которые это мнѣніе опиралось бы.

Поэтому, отвѣчая на предложенный мнѣ 23 августа вопросъ, мнѣніемъ полагаю:

что умственное здоровье Мандта не возстановилось.

СЛУЧАЙ ПЯТЬДЕСЯТЪ ВТОРОЙ.

Сомнительная способность къ распоряженію. — Снятіе опеки.

Нѣкая Лерхенштейнъ была 13 генваря 1859, вслѣдствіе мнѣнія, представленнаго докторами Эбертомъ и Зигмундомъ, объявлена слабоумной, въ смыслѣ закона. 22 декабря 1864 года практикующій врачь докторъ Гартунгъ, послѣ подробнаго ея наблюденія и часоваго съ ней разговора, объявилъ ее совершенно излѣчившейся, и она подала прошеніе объ освобожденіи отъ опеки, въ чемъ ее поддержали ея дѣти и опекунъ.

Въ засѣданіи 16 ноября 1858 Лерхенштейнъ выказала себя душевно больной, какъ по поведенію, такъ и по отвѣтамъ. Она была ужъ въ 1854 году пользована въ Charité отъ неистоваго помѣшательства и такъ какъ за неистовымъ возбужденіемъ послѣдовало состояніе запутанности и леченіе, въ продолженіи долгаго времени, успѣха не имѣло, то ее перевели въ госпиталь рабочаго

дома. Въ засѣданіи, на многіе предложенные ей вопросы, она отвѣчала совершенно безсмысленно, не знала своихъ лѣтъ, говоря что была еще лично знакома съ праотцами евреевъ и проч., и проч.

Выздоровѣвши, по видимому, въ 1860 году, она возвратилась къ своему семейству, но въ 1861 ея душевная болѣзнь опять возвратилась, такъ что ее снова помѣстили въ отдѣленіе неизлечимыхъ душевно больныхъ въ рабочемъ домѣ, откуда опять выпустили 7 апрѣля 1863, по улучшеніи ея состоянія. Улучшеніе это, по словамъ живущихъ вмѣстѣ съ ней дѣтей, удержалось до сихъ поръ, такъ что они просили 10 декабря 1864 освободить мать ихъ отъ опёки.

Я нашелъ, что пятидесяти-девятилѣтняя изслѣдуемая, при моемъ появленіи, нѣсколько смутилась, и это смущеніе продолжалось во все время моего посѣщенія. Между тѣмъ, при второмъ посѣщеніи оно выступало менѣе. Она очень хорошо знала цѣль моего посѣщенія и откровенно говорила со мной объ этомъ. Показанія ея о своей личности были совершенно правильны. Она показала что ей 59 лѣтъ, что мужъ ея умеръ шесть лѣтъ тому назадъ, отецъ — когда ей было 14 лѣтъ, мать — одиннадцать лѣтъ тому назадъ. О своихъ дѣтяхъ, ихъ возрастѣ, занятіяхъ и проч. дала подробныя и правильныя свѣдѣнія. Она живетъ вмѣстѣ съ ними и ведетъ у нихъ хозяйство, съ помощью служанки. Она знала, что была въ Charité и въ рабочемъ домѣ въ продолженіи многихъ лѣтъ, вслѣдствіе душевной болѣзни, и что два года тому назадъ выпущена оттуда. Хотя нельзя не признать слѣдовъ прежней душевной болѣзни въ существующей еще и теперь слабости памяти и разсудка — она не знала который у насъ годъ, не знала имени царствующаго короля, не могла счесть сколько бы она получила, еслибы кто нибудь принесъ ей пятдесятъ девять талеровъ и она должна бы была возвратить ему одиннадцать талеровъ, — но все-таки, какъ слѣдуетъ заботится о своихъ ближайшихъ дѣлахъ, каждый день считаетъ вмѣстѣ съ дочерью хозяйственные расходы, какъ видно изъ ея расходной книги, и старается добросовѣстно расходовать ввѣренныя ей деньги. Все ея поведеніе спокойно и

скромно и разговоръ, продолжавшійся со мной болѣе часу, показывалъ, что она обладаетъ разсудительностью и можетъ правильно оцѣнить свои обстоятельства. Она хорошо понимала, что неспособна распоряжаться большою суммою денегъ, что еслибы она потеряла своихъ дѣтей, то была бы принуждена довѣрить веденіе своихъ дѣлъ одному изъ родственниковъ. Она прибавила еще, что если я считаю лучшимъ для нея оставаться подъ опекой, она охотно согласится на это, такъ какъ хорошо понимаетъ, что я не дамъ ей дурнаго совѣта. Она желаетъ освободиться, потому что думаетъ что это будетъ лучше для ея дѣтей. — Она была прилично одѣта; въ квартирѣ все было въ порядкѣ и опрятно. Ея сынъ былъ доволенъ какъ поведеніемъ, такъ и душевнымъ состояніемъ своей матери.

Поэтому, состояніе душевнаго здоровья изслѣдуемой, безъ сомнѣнія, поразительно улучшилось противъ прежняго и она въ состояніи удовлетворить тому, что отъ нея требуется, въ ея жизненной обстановкѣ.

Хотя у изслѣдуемой осталась еще нѣкоторая умственная слабость и вѣроятно останется на всю жизнь, и нельзя съ увѣренностью сказать, удержится ли на всегда наступившее теперь улучшеніе, но все таки эта существующая слабость не дѣйствуетъ нарушающимъ образомъ на ея житейскія отношенія, и изслѣдуемую можно теперь счесть способной управлять своими дѣлами.

Поэтому, мнѣніемъ полагаю:

что Лерхенштейнъ теперь настолько поправилась, что ее нельзя считать безумной или слабоумной, въ смыслѣ закона.

СЛУЧАЙ ПЯТЬДЕСЯТЪ ТРЕТІЙ.

Сомнительная способность къ распоряженію. — Выздоровленіе. — Освобожденіе изъ подъ опеки.

Хозяева нѣкоего Борнуса заявили, что хотя они знаютъ, что онъ былъ душевно болѣнъ и состоитъ подъ опекой, но что теперь ни въ рѣчахъ, ни въ поступкахъ его не обнаруживается прежней бо-

лѣзни, что онъ ведетъ правильную жизнь и пріобрѣтаетъ себѣ содержаніе уроками.

Борнусу около пятидесяти лѣтъ, онъ физически здоровъ и питаніе его довольно хорошо. Держитъ себя съ достоинствомъ, поведеніе его спокойно и степенно. Только въ началѣ изслѣдованія показалось маленькое безпокойство и торопливость, также нѣкоторое смущеніе; но послѣ первыхъ словъ это изчезло и уступило мѣсто спокойному поведенію.

Я заставилъ его разсказать мнѣ всю свою vita anteacta. Онъ разсказалъ мнѣ свою жизнь чрезвычайно связно и въ порядкѣ, и я не имѣлъ нужды прерывать его. Въ его разсказѣ не было замѣтно ни прикрасъ, ни самовозвышенія, ни неясности. О перенесенной имъ душевной болѣзни говорилъ также спокойно, о прежнихъ безумныхъ представленіяхъ разсказывалъ какъ о вещахъ прошедшихъ, и лучше всего доказалъ свое выздоровленіе тѣмъ, что признавалъ свои прежнія безумныя представленія именно таковыми. Онъ самъ старался изложить мнѣ, какимъ образомъ развилась у него душевная болѣзнь. Свое желаніе быть освобожденнымъ изъ подъ опеки онъ мотивировалъ совершенно вѣроятными причинами именно тѣмъ, что это ему необходимо для его занятій и для пріобрѣтенія средствъ въ жизни. Также на то, что дѣло затянулось, онъ не выказалъ ни гнѣва, ни вспыльчивости, и совершенно согласился съ приведенными мной причинами этому.

Такъ какъ уже 26 іюля 1866 года докторъ Иделеръ, наблюдавшій изслѣдуемаго долгое время въ заведеніи для умалишенныхъ, объявилъ, что Борнусъ „выздоровѣлъ отъ душевной болѣзни“ и это выздоровленіе удержалось до сихъ поръ, то я нисколько не колеблюсь подать мнѣніе

что учитель Юлій Петръ Борнусъ не одержимъ ни безуміемъ, ни слабоуміемъ (въ смыслѣ закона) и что онъ способенъ заботиться о своихъ дѣлахъ.

СЛУЧАЙ ПЯТЬДЕСЯТЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Сомнительная способность къ распоряженію.—Выздоровленіе.—Снятіе опеки.

Нѣкая Фрейзакъ въ январѣ 1863 года была переведена въ отдѣленіе умалишенныхъ Charité изъ другого отдѣленія этой больницы, вслѣдствіе неистоваго возбужденія; потомъ она была перемѣщена въ заведеніе для призрѣнія умалишенныхъ и 29 сентября, была объявлена слабоумной, потому что оказалась не совсѣмъ излечившейся отъ душевной болѣзни.

Будучи съ этого времени выпущена изъ заведенія умалишенныхъ, она повидимому самостоятельно снискивала себѣ пропитаніе и не подавала никакого повода смотрѣть на нее какъ на душевно больную.

Хотя въ іюлѣ 1864 года она, по просьбѣ своего мужа, (бывшаго тогда съ ней въ разводѣ), вторично была доставлена полиціей въ заведеніе для умалишенныхъ, однакожъ докторъ Иделеръ сообщилъ, что Фрейзакъ ведетъ себя такъ разумно, что онъ не считаетъ нужнымъ удерживать ее въ заведеніи.

Съ этимъ согласуется и показаніе хозяйки Мюллеръ, у которой она теперь живетъ; она говоритъ, что Фрейзакъ ведетъ себя разсудительно, что она самостоятельно достаетъ себѣ пропитаніе, очень прилежна, всегда занята дѣломъ.

Фрейзакъ 51 годъ, питаніе, сообразно ея возрасту, хорошо и тѣломъ она, повидимому, здорова. Поведеніе ея скромно и спокойно, ея комната чиста и опрятна, одѣта она прилично. Разговоръ вести съ ней совершенно возможно, на всѣ вопросы она дастъ сообразные отвѣты и видно, что обладаетъ обдуманностью и разсудительностью. Хотя она и теперь еще не знаетъ, какъ и во время объявленія ея слабоумной, что была въ Charité, по причинѣ неистоваго помѣшательства, но одинъ только недостатокъ сознанія прежней душевной болѣзни не доказываетъ продолженія неспособности къ распоря-

женію, потому что это происходитъ не отъ недостатка способносто разумѣнія, но отъ того, что она не сохранила воспоминанія и подробностяхъ своего душевнаго состоянія въ то время.

Такъ такъ изслѣдуемая ведетъ себя разумно и обдуманно, о своихъ обстоятельствахъ разсуждаетъ правильно, самостоятельно достаетъ себѣ пропитаніе и поступки ея не возбуждаютъ никакого соблазна, то я могу счесть ее способной обдумывать послѣдствія своихъ поступковъ.

СЛУЧАЙ ПЯТЬДЕСЯТЪ ПЯТЫЙ.

Сомнительная способность къ распоряженію. — Многократное изслѣдованіе. — Освобожденіе изъ подъ опеки.

Объявленная въ 1851 году слабоумной, госпожа ф. Лапге выказывала себя въ то время совершенно душевно больной. Съ ней невозможно было вести разумнаго разговора, при всякомъ предложенномъ ей вопросѣ она впадала въ безсмысленную болтовню, и страдала безумными представленіями, которыя находили себѣ пищу въ политическихъ событіяхъ 1848 года. Она, какъ „прусская Матильда“, наполняла газеты нелѣпѣйшими объявленіями, изъ которыхъ явствовало, что она, какъ геній Пруссіи, въ смиреніи и при божественной помощи, совершила для отечества спасительныя дѣла. Далѣе она считала себя въ правѣ на поддержку со стороны правительства, относительно должности при одномъ институтѣ. Въ письмѣ, въ высшей степени запутанномъ и безсмысленномъ, она развила эти мысли полнѣе, доказывая-свои, какъ она полагала, „практическія“ права на управленіе институтомъ, въ качествѣ воспитательницы.

По учрежденіи надъ ней опеки она въ чрезвычайно многочисленныхъ и не менѣе запутанныхъ письмахъ, до самаго 1863 года, требовала уничтоженія опеки, такъ какъ ея здоровье поправилось. Письма эти содержатъ въ себѣ вездѣ одинъ и тѣ же мысли, выраженныя очень часто одними и тѣми же словами. Еще въ маѣ 1862 года она такъ начала одно письмо:

„Къ Высочайшимъ и
Высокимъ мѣстамъ
Исполненная благоговѣнія,

видя себя благосклонно рекомендованной всѣмъ высокопочтеннымъ судебнымъ персоналомъ, включая женщинъ отъ A до Z, къ милостивому соизволенію:

Къ всевозможному поспѣшенію письменнаго судебнаго рѣшенія и проч.“

Письмо оканчивается такъ:

„Такъ я надѣюсь сегодняшней окончательно послѣдней просьбой достичь этого, особенно также: для ускоренія, принимая въ уваженіе здоровье, чтобы я могла быть полезной дорогимъ милымъ дѣтямъ; о чемъ я уже годы тому назадъ (практически) высказывала, но никуда не отваживалась войти съ просьбой.“

Между тѣмъ она безпрерывно штурмовала различныя судебныя учрежденія такими запутанными жалобами, умоляя о „возвращеніи ей ея самостоятельности“ и воображая себя оскорбленной въ „своей гражданской чести“, по возвращеніи которой ей, „всѣ благородныя женщины ея родства и знакомства почувствуютъ себя истинно облегченными“.

7 декабря 1863, королевскій городской судъ запретилъ ей жаловаться, поручивъ контроль за исполненіемъ этого ея зятю, учителю Вагницу. Съ этого времени, жалобъ отъ нея не поступало.

Между тѣмъ, возникли противорѣчащія заявленія, частію между дѣтьми самой ф. Ланге, частію между ними и ея опекуномъ, нѣкимъ Крюгеромъ; одни заявляли, что она по прежнему душевно больная и въ законномъ смыслѣ слабоумна, другіе считали ее способной самостоятельно управлять своими дѣлами; вмѣстѣ съ тѣмъ были предъявлены обвиненія противъ членовъ ея семейства, которымъ былъ порученъ надзоръ за ней, въ томъ что они содержатъ ее дурно, и утаиваютъ принадлежащій ей незначительный доходъ.

Вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ мнѣ поручено было изслѣдовать ф. Ланге.

Я нашелъ изслѣдуемую живущей у ея сына, оберъ секретаря

почтамта ф. Ланге, гдѣ, какъ она сама выразилась, она находится „къ утѣшенію своему,“ изъ чего такимъ образомъ видно, что тамъ ей было хорошо. Какъ сынъ, такъ и невѣстка, не только того мнѣнія, что мать ихъ нельзя освободить изъ подъ опеки, но и привели факты изъ своихъ наблюденій и замѣчаній, что ф. Ланге и теперь, какъ и прежде, страдаетъ ложными представленіями, основанными на слишкомъ высокомъ о себѣ мнѣніи.

Ф. Ланге около шестидесяти пяти лѣтъ, тѣломъ еще крѣпка и повидимому, здорова. Въ ея поведеніи есть что-то неоспоримо необычайное, экзальтированное. Она совершенно глуха, такъ что вести разговора съ ней невозможно. Каждый вопросъ нужно писать. Отвѣчаетъ она съ особеннымъ, свойственнымъ ей патетическимъ удареніемъ на отдѣльныхъ словахъ, и рѣчь ея часто бываетъ непонятна, вслѣдствіе недостатка зубовъ. Поэтому, изслѣдованіе ея затруднительно, и не смотря на всѣ старанія, все-таки осталось несовершеннымъ. Ея рѣчи, въ сравненіи съ показаніями, сдѣланными ею въ судебномъ засѣданіи, разсудительнѣе. Также и письма ея, хотя все еще запутанныя, но разсудительнѣе, чѣмъ прежде. Безумныхъ представленій я у нея не замѣтилъ, и если она не свободна отъ нихъ, то умѣетъ ихъ очень искусно скрывать передъ кѣмъ захочетъ, въ чемъ нѣкоторые душевно больные мастера. Память у нея превосходна и она не сдѣлала ни одного отвѣта, по которому можно бы было заключить о превратномъ сужденіи. Она выказала себя чрезвычайно недовѣрчивой и всегда избѣгала говорить о прошедшемъ. Тѣмъ не менѣе, она не имѣла яснаго сознанія того, что прежде была душевно-больной. Ей ложно приписывали душевную болѣзнь. Можетъ быть она много о себѣ воображала и много писала, но теперь это прошло. Она больше не будетъ писать. Единственная ея мысль опять достигнуть свободы, самостоятельности, она мучается и не можетъ дождаться времени, когда это будетъ; къ этой темѣ она всегда возвращается, съ торопливой необдуманностью и при надеждѣ на исполненіе своего желанія, впадаетъ въ судороги. Кромѣ этого недостатка сознанія своей прежней душевной болѣзни, у нея явно нѣтъ правильнаго взгляда на отношенія по опекѣ, на которыя она

смотритъ какъ на оскорбленіе чести. Еще и теперь она убѣждена въ своемъ практическомъ талантѣ воспитательницы, но такъ умна, что каждый вопросъ объ этомъ отражаетъ тѣмъ, что думаетъ быть воспитательницей только для своихъ правнуковъ. На вопросъ, не назначено ли ей денегъ за ея прежнюю политическую дѣятельность, она отвѣчала, что если прежде и воображала что-нибудь подобное, то объ этомъ больше и рѣчи нѣтъ, и прибавила, смѣясь, что если я что-нибудь объ этомъ знаю, такъ пусть скажу; сама она ничего не знаетъ.

Не смотря на многія посѣщенія и разговоры съ изслѣдуемой, наблюденія мои дальше этого не заходили, и я не имѣю надежды, при настоящихъ обстоятельствахъ, достигнуть большаго.

Хотя я и не замѣтилъ у изслѣдуемой нелѣпыхъ сужденій и безумныхъ представленій и не могу указать на поступки, которые ясно бы доказывали, что изслѣдуемая и теперь еще душевно больна и неспособна быть освобожденной отъ опеки, но я не могу не высказать убѣжденія, что она не излечилась и неспособна располагать собой. Я не придаю значенія тому, что узналъ отъ ея родственниковъ, у которыхъ ей хорошо, и которымъ, повидимому, нѣтъ интереса идти противъ желаній матери, кромѣ боязни, что съ ея освобожденіемъ снова могутъ начаться прежнія сумазбродства. Мое убѣжденіе скорѣй опирается на то, что ея безсмысленныя жалобы продолжались безпрерывно до 1863 года и только строгое запрещеніе и строгій контроль прекратили отсылку ихъ. Я долженъ оставить нерѣшеннымъ, продолжала или нѣтъ писать ихъ изслѣдуемая, но у меня не было случая убѣдиться въ этомъ. Также не исполнилась моя надежда на то, что изслѣдуемая будетъ писать ко мнѣ, хотя я для того, чтобы вызвать ее на это, промедлилъ съ подачей мнѣнія долѣе чѣмъ обѣщалъ ей. Поэтому я предлагаю, чтобы въ видѣ опыта дозволили изслѣдуемой нѣкоторую свободу дѣйствій, именно въ полученіи и расходованіи ея дохода, потому что вызванные этимъ поступки ея могутъ дать большую опору для сужденія о душевномъ ея состояніи.

Поэтому, мнѣніемъ полагаю:

что хотя я увѣренъ, что Ланге еще и теперь слабоумна въ смыслѣ

закона, но что у меня нѣтъ такихъ фактовъ, которыми я могъ бы мотивировать это убѣжденіе.

И что я для окончательной подачи мнѣнія предлагаю: дозволить изслѣдуемой нѣкоторую свободу дѣйствій, именно въ отношеніи полученія и расходованія денегъ, и предложить родственникамъ, имѣющимъ надъ ней надзоръ, увѣдомить о могущихъ случиться превратныхъ ея поступкахъ.

Спустя годъ, родственники ф. Ланге вновь вошли съ прошеніемъ объ освобожденіи ея изъ подъ опеки, вслѣдствіе чего я вновь изслѣдовалъ ее и представилъ слѣдующее донесеніе:

Я уже замѣтилъ, въ моемъ мнѣніи 18 февраля 1866 года, что изслѣдованіе г-жи ф. Ланге, вслѣдствіе ея совершенной глухоты и необходимости изъясняться съ ней на письмѣ, встрѣчаетъ значительныя затрудненія, и что для обсужденія душевнаго ея состоянія нужно было пользоваться болѣе наблюденіями ея окружающихъ, чѣмъ собственнымъ изслѣдованіемъ.

Въ прошломъ году, дѣти изслѣдуемой, секретарь ф. Ланге и сестра его, г-жа Вагницъ, не считали полезнымъ освобожденіе своей матери изъ-подъ опеки, но теперь они оба ходатайствуютъ о снятіи опеки; секретарь ф. Ланге, у котораго мать живетъ постоянно и который ежедневно имѣетъ ее передъ глазами, высказалъ въ просьбѣ отъ 12 сентября, что поведеніе его матери стало спокойнѣе и разумнѣе.

Это заявленіе существенно подкрѣпляется находящимися при актахъ письмами г-жи ф. Ланге. Изъ сравненія этихъ писемъ съ прежними, несомнѣнно видно, что слогъ ихъ связнѣе, содержаніе спокойнѣе, разсудительнѣе и въ нихъ рѣдко можно найти отголосокъ прежнихъ сумазбродствъ и запутанности.

Въ своихъ поступкахъ она также спокойнѣе и приличнѣе, менѣе недовѣрчива чѣмъ прежде и, что весьма важно, сознаетъ, что совершала безумные поступки, что опека надъ ней была необходима.

Тѣмъ не менѣе остается возможнымъ, что и это признаніе только наружное, что она сдѣлала его только для достиженія своей цѣли,— пріобрѣтенія самостоятельности и окончательнаго освобожденія отъ

опеки; очень возможно, что первоначальныя безумныя представленія, которыя она съ большой послѣдовательностью старалась скрывать, все-таки не совсѣмъ изчезли. Но для предлежащей цѣли важно не то, дѣйствительно ли выздоровѣла она въ медицинскомъ смыслѣ, но, главнымъ образомъ, можно ли опасаться, что изслѣдуемая начнетъ подавать новыя жалобы, предастся новымъ сумазбродствамъ и будетъ тратить свои доходы на пустяки.

Опасаться этого до такой степени, чтобы лишать изслѣдуемую свободы дѣйствій, нѣтъ никакой основательной причины. Я уже предлагалъ предоставить ей свободу дѣйствій, въ видѣ опыта, и такъ какъ изслѣдуемая, въ теченіи полутора года, поведеніемъ своимъ измѣнила мнѣніе окружающихъ въ свою пользу, то я нисколько не колеблюсь подать такое мнѣніе:

что теперь нѣтъ причинъ считать изслѣдуемую неспособной обдумывать послѣдствія своихъ поступковъ.

СЛУЧАЙ ПЯТЬДЕСЯТЪ ШЕСТОЙ.

Сомнительная способность къ отправленію должности адвоката и нотаріуса.

Нѣкто Цитвицъ, по свидѣтельству доктора Неймана, былъ пользованъ имъ въ январѣ прошедшаго года отъ острой душевной болѣзни въ домѣ умалишенныхъ въ Шепельвицѣ и выпущенъ оттуда неизлечившимся, хотя и съ улучшеніемъ состоянія; во время выдачи свидѣтельства, въ декабрѣ прошлаго года, Цитвицъ, по сдѣланному Нейманомъ описанію душевнаго состоянія его, былъ еще положительно душевно болѣнъ, хотя явленій остраго душевнаго страданія болѣе не было. Нейманъ упоминаетъ объ особенной торопливости, безпокойствѣ, раздражительности и нерѣшительности, которыя лишали Цитвица покоя и были причиной умственной его невыдержанности. Кромѣ того, у него не изчезли еще его прежнія безумныя представленія, именно, что онъ окруженъ неблагонадежными, злонамѣренными людьми.

Кромѣ того, въ свидѣтельствѣ есть еще одно важное для ме-

дицинскаго обсужденія свѣденіе, что изслѣдуемый страдаетъ сильной гемороидальной болѣзнью, вѣроятно наслѣдственной, которая стоитъ въ причинной связи съ мозговымъ страданіемъ.

Къ этому слѣдуетъ прибавить, что по собраннымъ мною весьма достовѣрнымъ свѣденіямъ, отецъ Цитвица умеръ душевно больнымъ и одна изъ его сестеръ уже нѣсколько лѣтъ страдаетъ душевнымъ разстройствомъ.

Цитвицъ лѣтъ сорока пяти или пятидесяти, физически здоровъ, хорошаго питанія, мускулы его достаточно крѣпки и наружность здоровая. Лице оживленно краснѣетъ во время разговора.— Въ продолженіи разговора я замѣчалъ у него возбужденное состояніе, рѣчь его прерывалась, руки слегка дрожали и Цитвицъ неоднократно жаловался, что послѣ изслѣдованія, равно какъ и послѣ умственныхъ напряженій, у него бываетъ головокруженіе. Въ его физіономіи нѣтъ ничего необыкновеннаго, поведеніе соотвѣтствуетъ его образованію и званію.

Что касается его душевнаго состоянія, то я могу только повторить весьма характеристичное описаніе доктора Неймана.

Онъ чрезвычайно легко возбуждается, торопливъ, безпокоенъ и черезъ чуръ не самостоятеленъ, въ особенности относительно плановъ на будущее. Нынѣ рѣшаетъ онъ ѣхать въ Олау, потому что устройство его тамошнихъ обстоятельствъ составляетъ для него „вопросъ существованія“, но тотчасъ же отказывается отъ этого рѣшенія, какъ только я пожелалъ его изслѣдовать, потому что путешествіе не такъ спѣшно. При слѣдующемъ посѣщеніи онъ высказалъ, что имѣетъ намѣреніе съѣздить въ Грацъ и въ верхнюю Италію, осмотрѣть тамъ Вальдецкія колоніи (но онъ не зналъ въ какомъ мѣстѣ верхней Италіи онѣ находятся); потомъ, если ему тамъ понравится, заняться обработкой земли, купить домъ, между тѣмъ какъ мнѣ сообщили, что онъ почти безъ средствъ и домашніе всѣми силами старались растолковать ему нелѣпость его предпріятія. Наконецъ, когда я въ другой разъ возвратился къ этому плану, онъ уже хотѣлъ просить для себя мѣсто синдика, которое было тогда вакантнымъ. Онъ сообщилъ мнѣ также, что хотѣлъ разрѣшить юри-

дическую задачу, для сопсканія награды. Ни малѣйшимъ образомъ не приготовившись для такого дѣла, онъ говорилъ о немъ какъ будто это для него ничего не значитъ. Наконецъ, въ послѣднее мое посѣщеніе, онъ говорилъ, что зять совѣтовалъ ему сдѣлаться землемѣромъ. „Я еще посмотрю, или, быть можетъ, сдѣлаюсь столяромъ“. Онъ безпрестанно колебался такимъ образомъ, такъ что даже хозяйка, у которой онъ нанималъ квартиру, замѣчала мнѣ, качая головой: „господинъ безпрестанно мѣняетъ свои намѣренія и невозможно знать, что онъ хочетъ, или что будетъ дѣлать, потому что всегда не исполняетъ того, что предполагаетъ. Онъ давно уже хотѣлъ ѣхать въ Олау, но не ѣдетъ“ и проч....

Но для меня важна не только эта слабость воли, которая не допускаетъ его ни до какого рѣшенія, но слабость разсудка какъ въ сужденіи о самомъ себѣ, такъ и о другихъ людяхъ; кромѣ того, нельзя не признать, что у изслѣдуемаго и теперь еще существуютъ безумныя представленія. Онъ слишкомъ высокаго мнѣнія о себѣ, считаетъ себя даровитымъ и талантливымъ, хорошимъ юристомъ, гораздо лучшимъ, въ сравненіи съ товарищами. Между тѣмъ какъ, съ одной стороны, онъ соглашается и утверждаетъ, что теперь неспособенъ къ умственной работѣ, что чтеніе простыхъ книгъ для него тяжело, что онъ не имѣетъ никакого интереса въ своихъ занятіяхъ, а самъ, въ то же время, хочетъ просить мѣсто синдика, и когда обратили его вниманіе на это противорѣчіе, возражаетъ, что не боится умственной работы, что это не бѣда, или что это только механическая работа, какъ столярное ремесло, что для него все это дѣло извѣстное, надо, такъ сказать, написать что нужно на кусочкѣ бумаги и бросить куда-нибудь; такъ всегда и дѣлается. Умственная работа исключительно механическая. Отчасти вслѣдствіе высокаго мнѣнія о себѣ, отчасти по недостаточному обсужденію отношеній другихъ къ себѣ, онъ приходилъ въ неоднократныя столкновенія съ своими товарищами и начальниками и теперь еще у него происходятъ ссоры и столкновенія съ своимъ семействомъ. Оттого онъ не довѣрчивъ и думаетъ, что вездѣ и со всѣхъ сторонъ его обманываютъ. Нельзя не признать, что у него по време-

намъ обнаруживаются безумныя представленія и что онъ прямымъ и честнымъ поступкамъ другихъ приписываетъ характеръ злонамѣренности, направленной противъ него.

Такъ онъ утверждалъ, что назначенный для его защиты ассесоръ Шюлеръ, самовольно распечаталъ адресованное ему письмо, отперъ его комнату поддѣльнымъ ключемъ и сказалъ людямъ, что онъ посланъ привести въ порядокъ его дѣла. Его секретаря, единственнаго человѣка, которому онъ довѣрялъ и оставлялъ въ своей канцеляріи, споили, и теперь Шюлеръ написалъ ему, чтобы онъ его отпустилъ. На вопросъ, откуда онъ это знаетъ, догадки ли это, или у него есть на это факты,—онъ сказалъ, что разузналъ это благодаря своему огромному полицейскому таланту. Его съ давнихъ поръ пытались разворить. Въ Силезіи происходятъ тайныя совѣщанія, и передъ его домомъ стояли его товарищи, чтобы перехватывать его кліентовъ и проч.

Этихъ фактовъ достаточно, чтобы произнести сужденіе о душевномъ состояніи Цитвица.

Люди, происходящіе изъ семействъ, въ которыхъ душевныя болѣзни наслѣдственны, бываютъ болѣе или менѣе тупоумны отъ рожденія, и если даже у нихъ не доходитъ до обнаруженія душевной болѣзни, то все-таки ихъ жизнь проходитъ ненормально и они носятъ на себѣ клеймо умственной слабости; такъ и Цитвицъ, судя по достовѣрнымъ свѣденіямъ, былъ всегда бездѣятеленъ и умственно мало одаренъ. Послѣ остраго приступа душевной болѣзни, эта умственная слабость еще болѣе увеличилась, такъ что всѣ его поступки и дѣйствія сдѣлались поверхностными, неосновательными и для него сдѣлалась невозможной всякая энергія, всякая сосредоточенность въ мыслихъ и поступкахъ. Онъ безпрестанно переходитъ отъ одного плана къ другому, несамостоятеленъ, нетвердъ, неоснователенъ и не приходитъ ни къ какому рѣшенію. У него нѣтъ никакого самостоятельнаго сужденія, которое онъ могъ бы мотивировать разумными основаніями и котораго бы онъ твердо придерживался.

Какъ для отправленія какой бы то ни было должности вообще, такъ и для исполненія своихъ обязанностей какъ адвоката и по-

таріуса въ частности, Цитвицъ нуждается не только въ способности направлять свои мысли на одинъ предметъ, сосредоточиваться, но и долженъ постоянно быть въ полномъ обладаніи умственныхъ способностей. Но онъ лишенъ этого, такъ какъ не можетъ противупоставить никакого сопротивленія всѣмъ наружнымъ и внутреннимъ вліяніямъ и такъ какъ сужденіе его, вслѣдствіе ложныхъ представленій, невѣрно.

Хотя и возможно, что Цитвицъ, при сообразномъ цѣли содержаніи, еще долго удержится на этомъ уровнѣ умственнаго состоянія, можетъ быть даже ему будетъ лучше; но нѣтъ вѣроятности, особенно при наслѣдственномъ расположеніи, чтобы его улучшеніе было значительно и, судя по теперешнему ходу болѣзни нельзя ожидать, чтобы онъ достигъ той степени умственной энергіи и силы, которыя сдѣлали бы его способнымъ къ исполненію обязанностей по должности адвоката и нотаріуса; напротивъ, я мнѣніемъ полагаю, что онъ на долгое время не можетъ считаться способнымъ къ отправленію такой должности.

СЛУЧАЙ ПЯТЬДЕСЯТЪ СЕДЬМОЙ.

Способенъ ли изслѣдуемый принять присягу?

Нѣкто Цухе, какъ видно изъ приложеннаго къ дѣлу медицинскаго свидѣтельства и по показаніямъ своей жены, неоднократно былъ подверженъ параличнымъ ударамъ; физическія послѣдствія ихъ, по видимому, изчезли, потому что паралича не осталось, но они имѣли послѣдствіемъ нарушеніе умственной дѣятельности изслѣдуемаго.

По сдѣланнымъ мной наблюденіямъ, я могу только подтвердить это послѣднее. Нѣтъ никакой возможности вести съ нимъ связнаго, или вообще какого-нибудь разговора. Память у него отрывочная. Онъ зналъ свое имя, мѣсто своего рожденія. Узнавалъ жену. О своемъ возрастѣ сдѣлалъ неопредѣленныя показанія, показывая, что ему то тридцать восемь, то пятьдесятъ лѣтъ. Не могъ показать сколько у него живыхъ дѣтей, также и возраста ихъ, на многіе

вопросы совсѣмъ не отвѣчалъ и только безсмысленно повторялъ вопросъ, напр.

Вопросъ: Какъ доставали вы себѣ пропитаніе?

Отвѣтъ: Какъ доставали вы себѣ пропитаніе.

Вопросъ: Продали вы ваше заведеніе?

Отвѣтъ: Продали вы ваше заведеніе и проч. и проч., или уклоняется и напр. на подобный же вопросъ отвѣчаетъ: „у васъ маленькій ротъ“, или „у васъ черные глаза“, или „у васъ острая голова“, или „у васъ черный сюртукъ“ и проч.

Не безъ причины я обращаю особенное вниманіе на повтореніе предложенныхъ ему вопросовъ, потому что это характеристическій признакъ слабоумнаго психическаго упадка. Характеристично въ то же время, что изслѣдуемый во время разговора блуждаетъ кругомъ ничего не выражающимъ взглядомъ, глупо смѣется и что выговоръ у него нѣсколько лепечущій.

О цѣли моего посѣщенія онъ не спрашивалъ; о продажѣ своего заведенія совсѣмъ по помнилъ, также точно не имѣлъ никакого понятія о значеніи присяги. Напротивъ, онъ и здѣсь повторялъ вопросы, напр., знаетъ ли онъ, что такое присяга, и на вопросъ, знаетъ ли онъ, для чего принимаютъ присягу, отвѣчалъ: „ни для чего.“

Поэтому, вслѣдствіе предыдущей и существующей еще болѣзни мозга, у Цухе произошелъ упадокъ умственной дѣятельности, въ такой сильной степени, что его слѣдуетъ считать лишеннымъ разсудка. Онъ въ медицинскомъ смыслѣ слабоуменъ, а въ судебномъ смыслѣ долженъ считаться безумнымъ, т. е. совершенно лишеннымъ разсудка. Хотя память у него и существуетъ еще отрывками, но онъ совершенно лишенъ способности сужденія, даже употребленія своихъ еще существующихъ умственныхъ способностей, и поэтому мнѣніемъ полагаю, что онъ не въ состояніи принять присягу съ сознаніемъ того, что дѣлаетъ.

СЛУЧАЙ ПЯТЬДЕСЯТЪ ВОСЬМОЙ.

Способенъ ли изслѣдуемый воспитывать свою дочь?

Изъ переданнаго мнѣ дѣла видно, что въ протоколѣ 17 апрѣля находится замѣтка, что нѣкто Любеке сдѣлалъ на судебный персоналъ впечатлѣніе неспособнаго ко вмѣненію, такъ какъ просилъ о разводѣ съ своей женой, потому что его хотѣли отравить и онъ долженъ былъ всегда „держать ухо востро.“ Онъ отказался подписать протоколъ, не приведя никакой причины.

Полицейскій лейтенантъ Ганъ показываетъ, что ему всегда казалось, что Любеке неспособенъ обдумывать послѣдствія своихъ поступковъ. Когда онъ переѣхалъ на нанятую имъ у Любеке квартиру, тотъ сказалъ ему, что лучше бы онъ опять съѣхалъ, квартира стояла бы пустая, тогда бы у него не было никакой непріятности съ собираніемъ платы за наемъ. Также онъ безъ всякой причины отказалъ своимъ жильцамъ, аккуратно платившимъ ему за квартиру.

Докторъ Леви, лечившій жену и дѣтей Любеке, „при встрѣчѣ съ нимъ, получилъ впечатлѣніе, что онъ не то что страдаетъ душевной болѣзнью, но какъ будто умственно разстроенъ.“

Если уже вышеизложеннаго достаточно, чтобы возбудить сильное подозрѣніе, что Любеке душевно болѣнъ, то изъ изслѣдованія будетъ ясно, что онъ страдаетъ обманами чувствъ и основанными на нихъ ложными представленіями, и что онъ совершаетъ поступки на основаніи этихъ безумныхъ представленій.

Любеке, лѣтъ сорока отъ роду, тѣломъ, по его показанію, здоровъ, и объективно не представляетъ никакихъ аномалій, по которымъ бы можно было заключить о значительныхъ болѣзняхъ органовъ. Въ его характерѣ есть что-то непостоянное, тяжелое, недовѣрчивое. Отвѣты его точны, но какъ скоро коснутся его безумныхъ представленій, онъ отвѣчаетъ болѣе намеками, старается

обойти вопросъ, какъ будто въ этомъ заключается что-то таинственное, о чемъ давать подробныя свѣдѣнія для него неудобно. Поэтому я насилу добился отъ него, что онъ имѣлъ распивочную торговлю, но оставилъ ее потому, что „они“ всегда что-то дѣлали съ пищей, также и съ пивомъ, которое онъ подавалъ своимъ гостямъ и намекнулъ, что и жена его тутъ участвовала. Тогда онъ перенесъ торговлю на другое мѣсто, но „тамъ стало еще хуже,“ онъ замѣтилъ отраву, потому что ему стало не здоровиться тутъ (показывая на брюхо и на желудокъ). Въ чемъ былъ вредъ, какія были у него доказательства, кого онъ подозрѣвалъ, — обо всемъ этомъ нельзя было узнать ничего опредѣленнаго; онъ отвѣчалъ на эти вопросы только отрывочными междометіями, сопровождаемыми движеніемъ рукъ, какъ будто хотѣлъ сказать, „ну хорошо, оставимъ это“. Своей женѣ онъ не смѣлъ сообщить этого, потому что тогда сказали бы, что онъ помѣшался. Пивоваровъ онъ перемѣнилъ, но они все-таки продолжали что-то дѣлать съ его пивомъ. Возраженіе, что не могли же всѣ пивовары отправлять ему пиво, на него не дѣйствовало; онъ показывалъ видъ, что это ему лучше извѣстно.

Я не могъ получить отъ него удовлетворительныхъ свѣденій о его домѣ. И въ этомъ случаѣ у него также была „такая исторія, о которой не говорятъ“. Онъ совершенно не понималъ, въ чемъ состоятъ его права, какъ владѣльца дома, назначеннаго имъ къ аукціону. Продать его онъ не хотѣлъ, уступить кому-нибудь также не хотѣлъ, и на мое представленіе, что такъ какъ у него есть намѣреніе продать этотъ домъ съ аукціона, то если случится покупатель, который предложитъ дороже, такъ нужно же будетъ продать его,—Любеке, возразилъ, что онъ никому его не уступитъ и не согласится на аукціонъ. Короче, я ничего не могъ отъ него добиться объ этомъ дѣлѣ.

О возрастѣ своей дочери показалъ правильно, но о томъ, что онъ желаетъ взять ее къ себѣ, не было и рѣчи. Онъ хочетъ только, послѣ рѣшенія дѣла, платить женѣ деньги на содержаніе и для него все равно, у нея ли будетъ ребенокъ, или у него.

Домашняго обзаведенія у Любеке нѣтъ, онъ живетъ въ одной комнатѣ, самъ приготовляетъ себѣ кушанье и проч.

Изъ предлежащаго видно, что Любеке душевно болѣнъ, страдаетъ безумными представленіями, которыя имѣютъ характеръ помѣшательства на преслѣдованіи и, какъ доказываетъ оставленіе имъ своей торговли, учиняетъ поступки на основаніи этихъ безумныхъ представленій. Поэтому, онъ неспособенъ къ распоряженію, и также не можетъ воспитывать свою пятилѣтнюю дочь, не говоря уже о томъ что у него вообще нѣтъ домашняго обзаведенія, и что ребенокъ этого возраста имѣетъ еще нужду въ женскомъ попеченіи, или по крайней мѣрѣ нуждается въ заботливомъ присмотрѣ и попеченіи отца, къ чему Любеке совершенно неспособенъ.

Поэтому, мнѣніемъ полагаю:

что Любеке не можетъ быть довѣрено воспитаніе его пятилѣтней дочери.

Конецъ.

2007043209